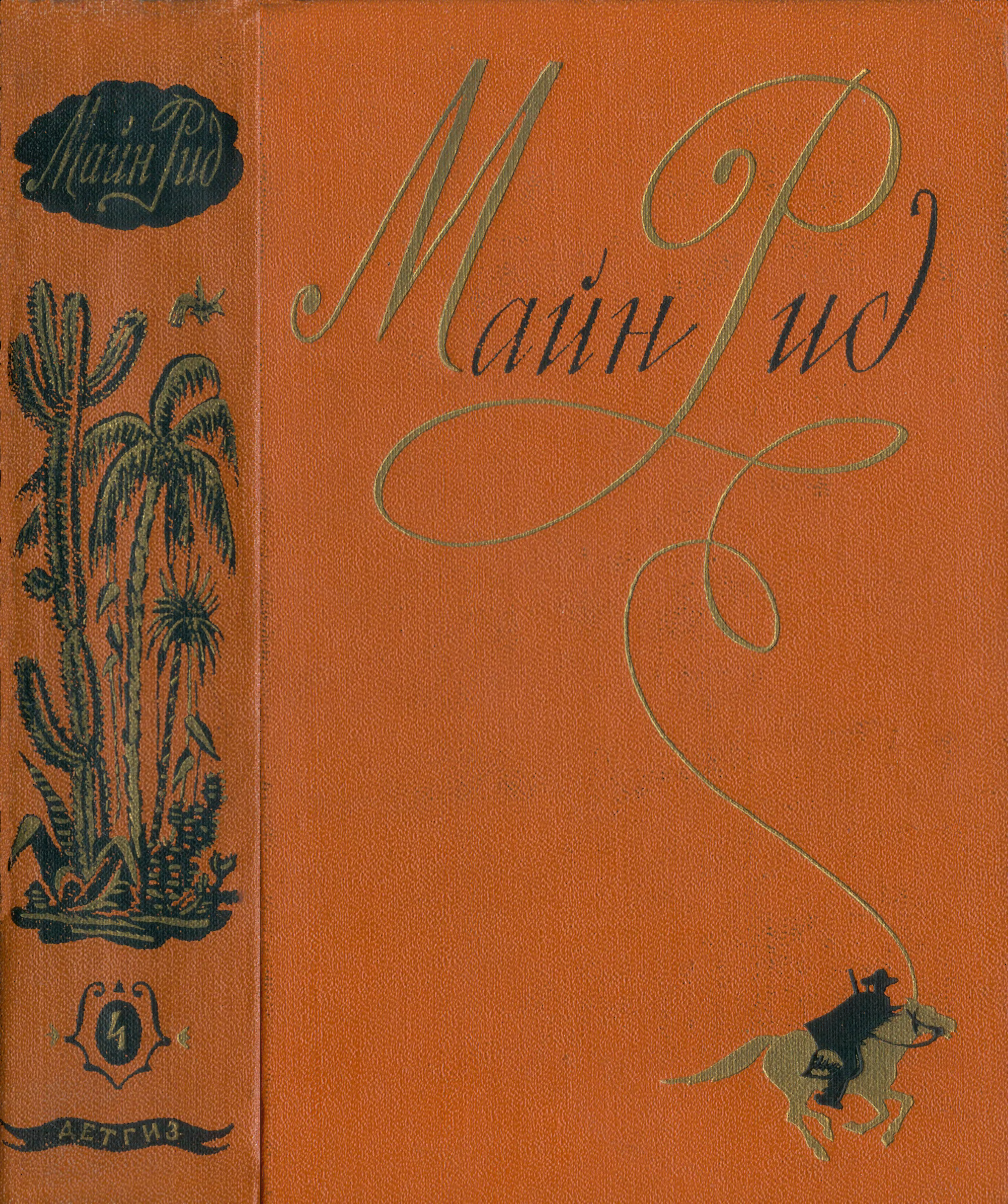

Майн Рид
Майн Рид
1
ДЕТГИЗ

Майн
Рид

Demiuz

МАЙН РИД
СОЧИНЕНИЯ В ШЕСТИ ТОМАХ

МАЙН РИД

ТОМ ЧЕТВЕРТЫЙ

В ДЕБРЯХ ЮЖНОЙ АФРИКИ

ЮНЫЕ ОХОТНИКИ

ОХОТНИКИ ЗА ЖИРАФАМИ

Государственное Издательство
Детской Литературы
Министерства Просвещения РСФСР
Москва 1957

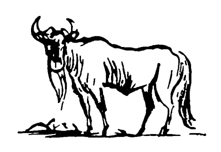
Издание выходит под общей редакцией

профессора Р. М САМАРИНА

В дебрях Южной Африки

или

Приключения бура и его семьи



Перевод с английского

Надежды Вольпин

Редактор *Ю. Кагарлицкий*

Трем моим юным дорогим друзьям,

Францу, Лайошу и Вильме,

детям старого друга моего,
друга свободы, добра и правды, —

ЛАЙОША КОШУТА,

посвящает эту книгу
их искренний доброжелатель

Майн Рид

Лондон, 1855

Встреча Ганса с гну
Трейи и
Дом бура
Привал у ручья
Карта скитаний бура и его семьи
Брошенный дом и крааль бура
Масштаб
0 1 2 3 4 5 10 миль

Глава I

БУРЫ

ЕНДРИК ВАН БЛООМ был буром.

Мой юный читатель, не подумай, что я хочу выразить какое-то пренебрежение к минхеру ван Блоому, называя его буром[1]. В нашей милой Капской колонии бур — это фермер. Назвать человека фермером — не попрек. Ван Блоом и был фермером — голландским фермером на Капской земле, иначе говоря — буром.

Буры Капской колонии сыграли в новейшей истории заметную роль. Миролюбивые по складу характера, они

[1] На английском языке слово «бур» (boor) означает «мужик», «деревенщина».

оказались все же вовлеченными в ряд войн — и с туземцами Африки и с европейцами — и доказали своею доблестью, что мирные люди, когда нужно, умеют сражаться не хуже тех, кто весь смысл своей жизни видит в разбойной воинской славе.

Буров, правда, обвиняли в жестокости, особенно по отношению к туземцам. Обвинение, пожалуй, справедливое. Верно, что они низвели желтокожих готтентотов до положения невольников, но в те времена мы, англичане, вывозили из Гвинеи за Атлантику полные корабли чернокожих, а испанцы и португальцы обратили в рабство американских краснокожих.

Надо к тому же знать и нравы туземцев, с которыми сталкивались капские голландцы. Все, что дикарям приходилось сносить от колонистов, казалось милосердием по сравнению с тем, что они терпели от собственных деспотов.

Это, конечно, едва ли служит оправданием голландцам, поработившим готтентотов, но если принять в соображение все обстоятельства, то какой же морской народ вправе будет назвать их жестокими?

Юный читатель, я многое мог бы сказать в оправдание капских колонистов, но здесь для этого нет у меня места. Могу только заявить, что, по-моему, буры — люди смелые, сильные, здоровые и нравственные, трудолюбивые и мирные. Они поборники правды, друзья республиканской свободы — словом, благородный народ.

Итак, назвав Гендрика ван Блоома буром, разве я проявил этим пренебрежение к нему? Скорее наоборот.

Но минхер Гендрик не всегда был буром. Он мог бы похвалиться более высоким положением, вернее сказать — лучшим образованием, чем то, которое обычно получает рядовой капский фермер, да к этому и некоторой искушенностью в военном деле. Родился он в метрополии, а в колонию пришел не бедным искателем счастья, а офицером голландского полка, стоявшего тогда в тех краях.

Военным он оставался недолго.

Некой розовощекой и златокосой Гертруде, дочке богатого фермера, приглянулся молодой лейтенант, и он тоже ее полюбил. Они поженились. Вскоре после их свадьбы отец Гертруды умер, и большая ферма со всем табуном, с готтентотами, курдючными овцами и длинногогими быками перешла к Гертруде. Это навело ее мужа-солдата на мысль уйти из полка и стать фее-буром, то есть фермером-скотоводом, что он и сделал.

Случилось это за несколько лет до того, как англичане завладели Капской колонией. К приходу англичан Гендрик ван Блоом стал уже в колонии влиятельным человеком и фельдкорнетом [1] по своему округу, лежавшему в живописной местности, в графстве Грааф-Рейнет. В ту пору он был вдовцом с четырьмя детьми на руках. Его горячо любимой жены, розовощекой, златокосой Гертруды, уже не было в живых.

История расскажет вам, как голландские колонисты, недовольные правлением англичан, восстали против них. Бывший лейтенант, начальник ополчения, сделался одним из видных предводителей повстанцев. История расскажет вам далее, что восстание было подавлено, а многие замешанные в нем лица казнены. Ван Блоом спасся бегством, но его прекрасное имение в Грааф-Рейнете конфисковали и отдали другому.

Несколько лет спустя мы застаем его в дальнем округе за великой рекой Оранжевой, где он ведет жизнь трек-бура, то есть фермера-кочевника, который не избирает постоянного пристанища, а переходит со своими стадами с места на место, оседая на время там, где ему приглянутся пастбища и плещется вода.

В ту пору я и завел знакомство с ван Блоомом и его семьей. О событиях его прежней жизни я успел уже рассказать все, что знаю, но его история за последующие годы известна мне в мельчайших подробностях. Я слышал ее из уст его родного сына. Рассказы молодого человека были очень занимательны и в то же вре-

---

[1] Фельдкорнет — начальник бурского конного ополчения, созывавшегося в случае военной опасности или для набегов на негритянские территории.

мя поучительны. Они явились для меня первыми уроками по зоологии Африки.

И вот, мой юный читатель, решив, что и для тебя они окажутся поучительными и занимательными, я излагаю их в этой книге. Ты не должен видеть в них один лишь вымысел. Все, что ты прочтешь в этой повести о диких животных, об их образе жизни, повадках, инстинктах, ты должен принимать как списанное с природы. Юный ван Блоом был истинным учеником Природы, и на правдивость его описаний можно вполне положиться.

Утратив вкус к политике, бывший начальник ополчения жил теперь на далекой окраине, можно даже сказать — вне границ колонии, потому что от ближайшего европейского поселения его отделяла добрая сотня миль. Его крааль лежал в округе, примыкавшей к великой пустыне Калахари, которую называют Сахарой Южной Африки. Местность на сотни миль вокруг была необитаема: разбросанные тут и там группы бушменов — дикарей, почти лишенных человеческого облика, — едва ли с бóльшим правом можно назвать населением, чем хищных зверей, рыскающих вокруг них.

Я уже сказал, что ван Блоом сделался трек-буром. Фермеры Капской колонии занимаются по преимуществу разведением лошадей и рогатого скота — коров, овец и коз; эти животные и составляют богатство бура. Но у бывшего повстанца осталось теперь совсем небольшое стадо. Попав в «черный список», он лишился былого богатства, а кочевое скотоводство на первых порах не принесло ему удачи. Закон об отмене рабства, принятый английским правительством, распространялся не только на негров Вест-Индских островов, но и на готтентотов Капской земли; поэтому слуги минхера ван Блоома покинули его. Некому было теперь ходить за скотом, и животные стали отбиваться от стада. Иные из них сделались добычей хищников, другие погибли от мора. Табун его поредел от загадочной южноафриканской болезни — «конской хвори», — а отара овец все таяла, расхищаемая гиенами и гиеновыми собаками — симрами. Так терпел он постоянный урон, пока не осталось у него от силы сто голов лошадей, коров, овец и

коз. Все же ван Блоом не считал себя обиженным судьбой. Было у него три славных сына — Ганс, Гендрик и Ян. Была розовощекая, златокосая дочка Гертруда, точный образ и подобие ее покойной матери. Он связывал с ними надежду на лучшее будущее.

Два старших мальчика были ему уже помощниками в его трудах, того же вскоре можно было ждать и от младшего. Гертруда — или Трейи, как называл ее отец ласкательно, — обещала сделаться со временем отличной хозяйкой. Так что он не был несчастлив и если иногда с печальным вздохом смотрел на дочку, то лишь потому, что маленькая Трейи вызывала в его памяти образ покойной Гертруды.

Нет, Гендрик ван Блоом был не из тех, кто склонен впадать в уныние. Неудачи его не сломили. Он с удвоенным рвением принялся наново ковать свое счастье. Ради себя самого он не стремился бы к обогащению. Он удовольствовался бы той же простой жизнью, которую до сих пор вел. Но его смущала забота о будущем семьи. Не мог он примириться с мыслью, что дети его так и вырастут среди необитаемых степей и не получат образования. Нет, они должны со временем вернуться к людям, должны участвовать в жизни цивилизованного общества. Так он решил.

Но как этого добиться? Хотя так называемая «измена» была прощена ван Блоому и он получил право вернуться в пределы колонии, у него не было к тому возможности. Продав все свое поредевшее стадо, он не собрал бы достаточно денег, чтобы переехать в город: их едва хватило бы на месяц жизни. Вернуться — значило вернуться нищим! Эти размышления поселяли в нем тревогу. Но они же придавали ему энергию и зажигали желанием преодолеть все препятствия, встававшие на пути.

Последний год ван Блоом трудился с особенным упорством. Стараясь обеспечить на зиму кормом скот, он засеял большое поле кукурузой и гречихой, и теперь и та и другая дали богатые всходы. Его сад и огород тоже цвели и обещали изобилие фруктов, дынь и разных овощей. Словом, тот кусок земли, на котором вре-

менно обосновался бывший повстанец, был теперь оазисом в миниатюре. Изо дня в день все с большей радостью ван Блоом взирал на созревающие плоды и посевы. Вновь начинал он мечтать о полном достатке — надеялся, что наступил конец его невзгодам.

Увы! То была обманчивая надежда. Ван Блоома ждал еще долгий ряд испытаний и несчастий, лишивших его почти всего, что у него было, по-новому определивших весь уклад его жизни. Впрочем, эти происшествия едва ли следует именовать несчастьями, так как в конце концов они имели хороший исход.

Но об этом, юный читатель, ты составишь собственное мнение, когда познакомишься целиком с историей приключений трек-бура и его семьи.

Глава II

КРААЛЬ

Бывший фельдкорнет сидел перед своим краалем, как называют в Южной Африке усадьбу. Изо рта у него торчала огромная пенковая трубка на длинном чубуке. Все буры — курильщики.

Наперекор бесчисленным утратам и невзгодам минувших лет в глазах у него светилось довольство. Его радовал прекрасный вид посевов. Кукуруза уже «налилась молоком», и початки, укутанные в папирусообразную обертку, казались крупными и полновесными. С восхищением слушал он шелест зеленых клиновидных листьев и смотрел на золотые кисти, колеблемые ветром. Сердце фермера согревалось, когда он окидывал взглядом посевы, обещавшие обильный урожай.

Но еще теплее становилось у него на сердце, когда глаза его останавливались на детях. Вот они, все здесь, вокруг него! Ганс — самый старший, степенный, рассудительный — трудится в саду, так хорошо разбитом, в то время как младший, шалунишка Ян — малорослый, но бойкий — поглядывает на брата, и нет-нет, да чем-нибудь поможет ему. Гендрик — запальчивый Ген-

дрик, с жарким румянцем на щеках и светлыми курчавыми волосами — чистит лошадей в «конском краале»; а Трейи, прелестная Трейи, розовощекая, златокосая, возится со своей любимицей — полугодовалой газелью из породы горных скакунов, чьи яркие глаза милым и чистым своим выражением могут сравниться только с ее собственными глазами.

Да, недаром бывший фельдкорнет радуется всей душой, когда переводит взор с одного своего ребенка на другого. Все они хороши собой, все обладают хорошими задатками. Лишь иногда, когда ему случается остановить глаза на розовощекой, златокосой Гертруде, у него, как мы говорили, сжимается сердце.

Время, однако, давно превратило его скорбь в мягкую грусть. Вот и сейчас приступ тоски быстро миновал, и лицо фельдкорнета вновь просветлело при взгляде на сыновей, подающих такие добрые надежды.

Ганс и Гендрик уже достаточно сильны, чтобы помогать отцу в его занятиях; да и то сказать, только на их помощь он и мог рассчитывать — на них да еще на Черныша.

Кто же такой Черныш?

Загляните в «конский крааль», и вы там увидите Черныша: он помогает своему молодому хозяину Гендрику оседлать двух лошадей. Приглядевшись, вы решите, что Чернышу лет тридцать; столько ему и есть, но, если бы вы попробовали измерить его рост, получилось бы четыре фута с небольшим. Он, впрочем, крепко сложен, и объем груди у него почти такой, как у людей нормального роста. Вы увидели бы также, что лицо у него желтое, хотя по его имени могли бы подумать, что он негр. Вы приметили бы, что нос у него приплюснутый и тонет в круглых щеках, губы очень толстые, ноздри широкие, лицо безбородое, а голова почти безволосая, потому что редкие маленькие клочки кудлатой шерсти, разбросанные по всему черепу, едва ли можно назвать волосами. И вы, конечно, обратили бы внимание на то, как несоразмерно велика у него голова и в соответствии с нею и уши, а в выражении его глаз вам почудится что-то китайское. Словом, вы могли бы отме-

тить в Черныше все характерные особенности южноафриканского готтентота. Однако Черныш не готтентот, хоть и принадлежит к той же расе. Он бушмен.

Как же дикарь-бушмен попал на службу к бывшему фельдкорнету ван Блоому? Об этом я могу рассказать небольшую романтическую историю. Вот она.

Среди диких племен Южной Африки бытует очень жестокий обычай: бросать своих стариков и калек, а часто также больных или раненых на одинокую смерть в пустыне. Дети в пути покидают родителей, и товарищи нередко уходят от раненого, оставив им только на день пищи да кружку воды. Жертвой такого обычая сделался и бушмен Черныш. Вместе с несколькими своими сородичами он отправился на дальнюю охоту и был сильно покалечен львом. Товарищи, решив, что он не выживет, оставили его умирать в голой степи; и он бы, наверно, погиб, если б не наш ван Блоом. Тот, кочуя в степях, набрел на раненого бушмена, забрал его, отвез на свое становище, перевязал ему раны и вы́ходил. Так Черныш оказался на службе у фельдкорнета.

Благодарность, говорят, не очень свойственна его племени, но Черныш проявил себя иначе. Когда все другие слуги разбежались, он не изменил своему хозяину и с той поры сделался для него самым деятельным и полезным помощником. Ведь только он один и остался при ван Блооме, он да девушка-служанка Тотти; она была, как вы догадываетесь, готтентоткой и почти такого же роста и сложения, такого же цвета кожи, как и сам Черныш.

Как мы сказали, Черныш и юный Гендрик взнуздывали двух лошадей. Управившись с этой задачей, они вскочили в седла, выехали из крааля и направились прямо в степь. Их сопровождала пара сильных, свирепого вида собак.

Им надо было, как и всегда в этот вечерний час, пригнать домой коров и лошадей, пасшихся на дальних лугах, потому что в Южной Африке приходится запирать на ночь стада, чтобы защитить их от хищников. Для этого строятся загоны с высокими заборами — краали. Слово «крааль» однозначно с испанским

«corral», и, мне думается, оно ввезено в Африку португальцами; во всяком случае, это слово не туземное.

Краали для скота — важная часть усадьбы бура, почти столь же важная, как его собственный дом, который тоже называют краалем.

Итак, Гендрик с Чернышем уехали за лошадьми и стадом, а Ганс, оставив работу в саду, отправился загонять овец. Овцы паслись в другой стороне, неподалеку от дома, и Ганс пошел пешком, прихватив с собою маленького Яна.

Трейи, привязав своего любимца к столбику, пошла в дом, помочь Тотти приготовить ужин. Ван Блоом остался наедине со своей трубкой, которую он все не выпускал изо рта. Он сидел в полном молчании, хоть и еле сдерживался, чтобы не выразить громким возгласом радость, которую чувствовал, видя, как прилежно трудятся его домочадцы. Всеми своими детьми был он доволен, но, надо сознаться, он питал некоторое пристрастие к запальчивому Гендрику, носившему одно с ним имя и больше остальных походившему на него самого в молодые годы. Отец гордился красивой посадкой Гендрика в седле, и он провожал его взором, пока всадники не удалились почти на милю и там уже потерялись среди стада.

В эту минуту перед глазами ван Блоома появился предмет, сразу приковавший к себе его внимание. В той стороне, где скрылись Гендрик и Черныш, но, по-видимому, дальше, за пастбищем, стлалось какое-то необычное облако. Оно походило на бурый туман или дым, как будто где-то далеко-далеко горела степь.

Неужели пожар? Неужели кто-то поджег кустарник в степи? Или идет туча пыли?

Ветер был не настолько силен, чтобы поднять такое облако пыли, но с виду это была все-таки пыль. Или ее подняли животные? Может быть, появилось в степи большое стадо антилоп, которые двинулись в поиски новых пастбищ? На много миль облако заволокло горизонт, но ван Блоом знал, что стадо антилоп нередко захватывает пространство в десятки миль. И все же ему не верилось, что это антилопы.

Из тучи, которая уже обволокла всю

Он смотрел и смотрел на странное явление, стараясь по-всякому его себе объяснить. Вот облако как будто поднялось в небе выше, походя то на пыль, то на дым огромного пожара, то на рыжую тучу. Идет оно с запада и уже закрыло собой вечернее солнце. Оно прошло заслоном по солнечному диску, и лучи его уже не падают на равнину. Не предвестник ли это страшного бурана или землетрясения?

Такая мысль пронеслась в уме ван Блоома. Завеса не похожа на обыкновенную тучу... не похожа на облако пыли... не похожа на дым. Не похожа ни на что, что доводилось ему видеть раньше. Неудивительно, что им овладели беспокойство и дурные предчувствия.

Вдруг темно-рыжая масса обволокла и стадо на равнине, и ван Блоом увидел, как скот заметался с перепугу. Потом показались два всадника и тотчас исчезли в бурой мгле. Ван Блоом вскочил, теперь уже не на шутку встревоженный. Что это могло значить?

На возглас, которого он не сдержал, прибежали из дому Тотти и маленькая Трейи; а тут, загнав овец и

равнину, вырвались два всадника.

коз, вернулись и Ганс с Яном. Все смотрели на необычайное явление, но никто не мог сказать, что это такое. Все были в сильной тревоге.

Пока они стояли так и, скованные ужасом, глядели на тучу, из нее вырвались два всадника и пустились галопом по степи прямо к дому. Они неслись во весь опор, но еще не успели они доскакать, как, обгоняя коней, донесся голос Черныша.

— Баас ван Блоом! — кричал он. — Спринган идет! Спринган! Спринган!

Глава III

САРАНЧА

— А! Spring-haan! — воскликнул ван Блоом, разобрав голландское наименование знаменитой перелетной саранчи. — Прыгунки!

Загадка была разрешена. Странная туча, шедшая по степи, оказалась летящей саранчой.

Кроме Черныша, никому из них не доводилось раньше наблюдать это зрелище. Правда, сам ван Блоом довольно часто видел саранчу и даже разных пород — в Южной Африке встречается несколько видов этого своеобразного насекомого, — однако никогда он не видел ее в таком количестве. А сейчас перед ним была настоящая перелетная саранча, которую случается встретить совсем не так часто, как можно бы заключить по рассказам путешественников. Чернышу саранча была хорошо известна. Когда он так громогласно возвестил о ее прилете, он вовсе не был испуган. Наоборот, его большие, толстые губы расплылись поперек лица в смешной гримасе радости. Инстинкты дикаря забурлили в маленьком бушмене. У его народа налет саранчи вызывает не ужас, а ликование — ее появление для туземца желанно, как богатый улов креветок для рыбака из Ли[1] или как добрый урожай для землепашца.

Радовались и собаки: они лаяли, повизгивали и резвились, словно предвкушая охоту. Когда выяснилось, что это только саранча, у всех сразу отлегло от сердца. Младшие — Трейи с Яном — смеялись, хлопали в ладоши и с нетерпением ждали, чтоб она подлетела поближе. Все были достаточно наслышаны о саранче и знали, что это всего-навсего «прыгунки» — нечто вроде кузнечиков: они не кусаются, не жалят, бояться их нечего.

Даже сам ван Блоом сперва нисколько не был озабочен. После тяжелых предчувствий было большим облегчением услышать, что это лишь перелет саранчи, и фермер стал с любопытством его наблюдать, не подумав, что он ему сулит. Но вдруг его мысли приняли иное течение. Он обвел взором свое кукурузное и гречишное поле, свои дыни, свой сад и огород; новая тревога овладела им; в памяти одна за другой всплывали слышанные им истории об этих опустошителях, и, когда встала перед ним вся неприкрытая правда, он весь побелел, и горький стон сорвался с его губ.

---

[1] Ли (англ. Leigh) — приморский город в северо-западной Англии.

Дети изменились в лице. Они видели, что отца что-то мучает, хоть и не понимали, что. И они жались к нему, не смея ни о чем спросить.

— Погибло! Все погибло! — твердил он. — Весь наш урожай — труды целого года, — все пошло прахом! Ах, мои бедные дети!

— Почему погибло?.. Почему пошло прахом? — спросили в один голос Гендрик и Ян.

— Перелетная саранча! Она сожрет наш урожай — весь как есть!

— Да, правда, — подтвердил Ганс: в книгах по естественной истории, которыми он так увлекался, ему нередко случалось читать о том, какие опустошения производит саранча.

Радостные лица снова омрачила печаль, и дети уже с иным чувством глядели на далекую тучу, так нежданно затмившую их радость. У ван Блоома были все основания для страха. Если полчище надвинется и осядет на его поля, тогда прощай надежда на жатву. В мгновение ока саранча сгложет всю зелень на его земле. Она не оставит на своем пути ни стебелька, ни листика, ни соломинки.

Все стояли, с мучительным беспокойством следя за движением тучи. Ее отделяло от них еще добрых полмили. Казалось, она вовсе и не приближается. Хорошо бы!

Луч надежды зажегся в душе ван Блоома. Фермер снял свою широкополую поярковую шляпу и подержал ее в протянутой руке. Дул северный ветер, а туча была сейчас на запад от крааля. Саранча надвигалась с севера, как это почти всегда бывает в Южной Африке.

— Да, — сказал Гендрик, который побывал в самой гуще саранчи и знал, в какую сторону движется полчище, — она идет с севера. Когда мы повернули коней и помчались галопом домой, мы быстро ушли от нее, и она, как видно, летела не за нами вслед; я уверен, что она летит к югу.

Ван Блоом утешался надеждой, что, поскольку на север от крааля горизонт чист, саранча, возможно, пройдет стороной, минуя его ферму. Он знал, что обыч-

по она идет по ветру. Пока ветер не переменится, она не сворачивает со своего пути. Жадно всматривался он в даль. Кромка тучи, видел он, не приближается. Надежды крепли. Его лицо просветлело. Дети, заметив это, радовались, но ничего не говорили. Все стояли молча, смотрели, что будет.

Странное это было зрелище. Стоило понаблюдать не только за тучей насекомых. В воздухе над ней сновало множество птиц — странных птиц разных пород. На бесшумных, медленных крыльях реял бурый орику, самый крупный из африканских грифов; а рядом с ним — желтый стервятник, ястреб Кольбе. Парил на широко развернутых крыльях бородатый коршун. Клекотал большой кафрский орел, и бок о бок с ним кривлялся смешной короткохвостый фигляр. Там были соколы всяких размеров и окрасок, коршуны, рассекавшие воздух, вóроны и ворóны и множество видов насекомоядных. Но всех больше было здесь маленьких рябеньких птичек, напоминавших ласточку. Мириады их темнили воздух, сотни их непрестанно ныряли в тучу насекомых и вновь взмывали ввысь, каждая с добычей в клюве. У англичан эта птичка зовется саранчовым грифом, но она не принадлежит к роду грифов. Питается она исключительно насекомыми, и наблюдатели никогда не встречали ее в местах, где не водится саранча. Она следует за саранчой во всех ее перелетах, свивая гнезда и выводя птенцов вблизи от своей добычи.

Да, зрелище было любопытное — это сонмище крылатых насекомых и их бесчисленных врагов. Люди стояли и глядели дивясь. Нет, живая туча нисколько не приближалась, и надежда ван Блоома крепла.

Туча в самом деле двигалась к югу и теперь заволакивала на западе весь горизонт. Было видно, как она постепенно опадала, как ее верхняя кромка мало-помалу опускалась, очищая небо. Значит, саранча уходила на запад? Нет.

— Они устраиваются на ночлег, мы их теперь наберем полные мешки! — сказал с довольным видом Черныш.

Для него саранча составляла лакомство, и он готов был пожирать ее с таким же рвением, как орел и коршун или даже сам саранчовый гриф.

Как сказал Черныш, так и случилось. Туча действительно осела на равнину.

— Солнца нет — они не летают, — продолжал бушмен. — Слишком холодно. Они до утра как мертвые.

Так оно и вышло. Солнце закатилось, холодный ветер ослабил крылья маленьких кочевников и принудил их заночевать на деревьях, кустах и траве. Несколько минут — и темного тумана, только что застилавшего весь горизонт, не стало видно; но равнина вдали приобрела такой вид, точно по ней прошел пожар. Ее густо покрыли тельца насекомых, и, сколько глаз хватал, вся она почернела. Птицы-попутчики, почуяв приближение ночи, подняли крик, потом разлетелись во все стороны. Одни опустились на скалы, другие укрылись в низких зарослях мимозы, и вот через короткое время на земле и в воздухе все смолкло.

Ван Блоом беспокоился о своем скоте. Силуэты животных вырисовывались далеко в степи, покрытой саранчой.

— Дай им немного подкормиться, баас, — посоветовал Черныш.

— Чем подкормиться? — спросил хозяин. — Не видишь разве — вся трава завалена этой нечистью!

— Самими прыгунками, баас, — ответил бушмен.— Хороший корм для большого быка, лучше, чем трава, лучше даже, чем кукуруза.

Но поздний час не позволял оставлять дольше скот в степи: скоро выйдут на прогулку львы — возможно, из-за саранчи раньше обычного, потому что и царь животных не брезгает наполнить свой желудок этими насекомыми, когда удается набрести на них. Ван Блоом счел необходимым поскорее загнать свой скот в крааль. Оседлали третьего коня, и начальник ополчения сам сел в седло и выехал в степь, взяв с собой Гендрика и Черныша.

Необычайная картина представилась их глазам, когда они приблизились к саранче: красные тельца по-

крывали землю толстым слоем, иногда в несколько дюймов толщины. Всю листву, все ветви кустов гроздьями облепила саранча. Не осталось ни листика, ни травинки, не покрытых насекомыми. Саранча была неподвижна, словно в оцепенении или во сне. Вечерний холод лишил ее способности летать.

Но самым странным в глазах ван Блоома и Гендрика было поведение их собственных лошадей и коров. Они паслись неподалеку, в самой гуще уснувшего неприятеля, но нимало не были этим встревожены. Они жадно набирали в рот насекомых и мололи их в зубах, точно зерно. Сколько их ни гнали, они нипочем не хотели уходить с пастбища; и только рычание льва, разнесшееся в тот час по степи, да кнут, пущенный в ход Чернышем, сделали их более послушными, и они наконец дали загнать себя в краали и расположились на ночлег.

Глава IV

БЕСЕДА О САРАНЧЕ

Тревожно протекала ночь в краале ван Блоома. Если ветер повернет на запад, утром саранча непременно покроет сад и поля, и тогда весь его урожай погиб. Или хуже того: саранча, возможно, истребит зелень во всей окрестности, миль на пятьдесят, а то и более. Чем он тогда прокормит свой скот? Не просто будет уберечь его. Коровы могут передóхнуть раньше, чем удастся перегнать их на какое-нибудь пастбище.

Такой исход представлялся вполне вероятным. В истории Капской колонии было немало случаев, когда бур после налета саранчи терял свое стадо. Неудивительно, что ночь в краале трек-бура протекала тревожно. Время от времени ван Блоом выходил во двор проверить, не переменился ли ветер. До позднего часа перемены не замечалось. Дул по-прежнему легкий ветерок с севера — из великой пустыни Калахари, откуда, по всей видимости, и прилетела саранча. Ярко светила луна, и свет ее мерцал над темным полчищем

насекомых, покрывшим степь. Доносилось рычание льва вперемежку с пронзительным лаем шакалов и сумасшедшим хохотом гиены. Эти и многие другие звери радовались богатому пиршеству.

Видя, что ветер не меняется, ван Блоом немного успокоился, и они стали разговаривать о саранче. Больше всех рассказывал Черныш, так как он лучше других был знаком с предметом, видел в жизни не первый налет саранчи и съел ее не один бушель [1]. Но откуда она появилась, Черныш не знал. Он никогда не задавался этим вопросом. Ответ на него предложил начитанный Ганс.

— Саранча, — сказал он, — приходит из пустыни. Она откладывает свои яички в песок или в пыль; там они и лежат, покуда не выпадут дожди и не начнет усиленно расти трава. Тогда из яичек вылупляются личинки саранчи, которые на первых порах питаются этой травой. Истребив ее, они по необходимости пускаются на поиски нового корма. Отсюда миграции, как называют такие походы.

Объяснение показалось понятным.

— А я вот слышал, — заговорил Гендрик, — будто фермеры, чтобы не подпустить саранчу, раскладывают вокруг посевов костры. Но разве костры удержат саранчу, даже если сделать настоящий огненный забор вокруг поля? Ведь она крылатая и может легко пролететь над огнем.

— Костры разводят, — ответил Ганс, — в расчете, что дым не даст саранче опуститься на поле; но чаще их разводят против бескрылой, так называемой пешей саранчи. Это, собственно, не сама саранча, а ее личинки, у которых не отросли еще крылья. Пешая саранча тоже пускается в поиски корма и нередко производит больше опустошений, чем взрослые насекомые, которых мы видим сейчас. Она передвигается по земле ползком и, прыгая наподобие кузнечиков, идет все время в одном направлении, следуя инстинкту, побуждающему ее держаться определенного курса. Ничто не мо-

[1] Бушель — мера сыпучих тел; содержит около 36,3 литра.

жет остановить неукротимое движение вперед, пока саранча не придет к берегу моря или какой-нибудь широкой и быстрой реке. Маленькие реки она переплывает, да и большие тоже, если течение в них медленное. Нигде не сворачивая, всползает она на заборы, на дома, даже на дымовые трубы и, перейдя преграду, продолжают свой путь в том же направлении. При попытках перейти широкие и быстрые реки она тонет в несчетных количествах, и река сносит ее в море. Небольшие скопления саранчи фермерам иногда удается задержать посредством огня, как ты и слышал, Гендрик. Но когда саранча появляется в большом числе, тогда и от огня не будет проку.

— Но как же это так, брат? — допытывался Гендрик. — Ту саранчу, о которой ты рассказываешь, можно, сам говоришь, остановить при помощи костров — это и понятно, она бескрылая. Только как, в таком случае, она проходит через огонь? Перепрыгивает?

— Нет, по-другому, — отвечает Ганс. — Костры разводят слишком большие и широкие, их не перепрыгнешь.

— Как же они проходят, брат? — спросил Гендрик. — Мне невдомек.

— И я не понимаю, — сказал маленький Ян.

— И я, — добавила Трейи.

— Сейчас объясню, — продолжал Ганс. — Миллионы насекомых ползут прямо в огонь и гасят его.

— Ого! — вскричали все разом. — И они не сгорают?

— Сгорают, конечно, — ответил Ганс. — Они обугливаются и гибнут целыми мириадами. Но их бессчетные тельца забивают костры. Передние ряды великого полчища приносятся в жертву, и остальные проходят невредимо по трупам погибших. Итак, вы видите, даже огонь не может остановить саранчу, когда она многочисленна. Во многих местностях Африки, там, где туземцы занимаются земледелием, едва разнесется весть, что начался перелет саранчи и что она идет на их поля и сады, среди жителей поднимается настоящая паника. Они знают, что неизбежно лишатся урожая, и потому

налет саранчи внушает им не меньший ужас, чем землетрясение или другое стихийное бедствие.

— Нам ли не понять их чувства! — заметил Гендрик и многозначительно переглянулся с другими.

— Крылатая саранча, — продолжал Ганс, — по-видимому, не так неуклонно следует взятому направлению, как ее личинки. Она держится по ветру. Зачастую ветер сносит ее всю в море, где она погибает массами. Случалось, находили мертвые тельца саранчи, прибитые обратно к берегу в невероятных количествах. В одном месте море выбрасывало их на отмель, пока не выросла гряда в четыре фута высоты и пятьдесят длины. Некоторые известные путешественники утверждали, что трупный запах, пропитавший воздух, чувствовался в полутораста милях от берега!

— Ну да! — сказал маленький Ян. — Не поверю я, что у кого-нибудь такой хороший нюх.

При этом замечании все дружно рассмеялись. Только ван Блоом не разделял веселья. Его лицо стало к этому часу совсем хмурым.

Чернышу тоже было что порассказать о саранче.

— Бушмен не боится прыгунка, — говорил он: — у бушмена нет сада, нет кукурузы, нет гречихи — нет ничего, что ест прыгунок. Бушмен сам ест саранчу. Все едят прыгунка. Все жиреют в налет саранчи. Го-го! Славный прыгунок!

Замечание Черныша было, в сущности, верным. Саранчу едят почти все виды животных, какие водятся в Южной Африке. Ее с жадностью пожирают не только плотоядные, но и другие звери и птицы. Антилопы, куропатки, цесарки и дрофы и, как ни странно покажется, даже самый крупный из зверей — слон-исполин совершают путешествия за много миль, чтобы только поживиться на перелетах саранчи. Домашняя птица, овцы, лошади и собаки жрут ее столь же охотно. И еще одна странная вещь — саранча сама ест саранчу! Если среди прыгунков появляется раненый, то другие немедленно накидываются на него и съедают. Бушмены и прочие африканские народы едят саранчу не в сыром виде, а сперва варят ее или жарят.

Иногда, хорошенько высушив, ее толкут в муку и потом, замешивая на воде, изготовляют из нее особого рода варево. Хорошо провяленная саранча сохраняется очень долго, и для беднейших дикарей она порой составляет весь запас пищи на целых полгода.

Многие племена, в особенности те, что не знают земледелия, встречают нашествия саранчи, как праздник. Снарядившись в путь с мешками, а нередко и с упряжкой волов, люди отправляются всей деревней собирать саранчу, и в таких случаях ее ссыпают горами и запасают впрок — совсем как зерно.

В разговорах обо всем этом проходил вечер, пока не настало время ложиться спать. Ван Блоом еще раз вышел узнать направление ветра, потом заперли в краале дверь, и все улеглись.

Глава V

НАЛЕТ САРАНЧИ

Ван Блоому не спалось. Беспокойство гнало от него сон. Он ворочался, метался и думал о саранче. А если и засыпал на минутку, то видел во сне саранчу, сверчков, кузнечиков и всякого рода больших долгоногих, пучеглазых насекомых. Он обрадовался, когда первый луч света проник в маленькое оконце его комнаты. Он вскочил с кровати и, едва дав себе время одеться, выбежал на воздух. Было еще темно, но это не помешало понять, откуда дует ветер. Не понадобилось даже подбросить перо или поднять шляпу, истина и так была слишком ясна. Дул сильный ветер — и дул с запада! Не помня себя, ван Блоом побежал дальше, чтоб удостовериться, что не ошибся. Выбежал за ограду, окружавшую крааль и сад. Здесь он остановился еще раз и проверил, откуда дует ветер. Увы, первое впечатление не обмануло его. Дуло прямо с запада — прямо от саранчи. Он улавливал запах ненавистных насекомых; не оставалось места для сомнений. Подавив стон, фермер вернулся в дом. Больше он не надеялся избежать

страшного нашествия. Первой его заботой было собрать все, что было в доме полотняного — белье, одежду, куски холста — и заложить в фамильные сундуки. Почему? Неужели он опасался, что саранча поест материю?

Да, опасался — эта прожорливая тварь не гнушается ничем. У нее нет в еде каких-либо пристрастий. Горький лист табака ей, видимо, так же по вкусу, как сладкий и сочный стебель кукурузы. Полотно, хлопчатобумажную ткань и даже фланель она пожирает, как будто это нежные побеги зелени. Камень, железо да самое твердое дерево — вот, пожалуй, все, что оставляют нетронутым ее жадные челюсти. Ван Блоом об этом слышал, Ганс читал, а Черныш знал по собственному опыту. Поэтому то, что могло пострадать от саранчи, было предусмотрительно убрано; потом приготовили завтрак и в молчании съели его. На всех лицах лежала печаль, потому что глава семьи сидел безмолвный и подавленный.

Несколько коротких часов — и такая перемена! Еще накануне вечером ван Блоом и его маленькая семья наслаждались полнотой счастья...

Оставалась последняя, но очень слабая надежда. Что, если, на счастье, пойдет дождь? Или день окажется холодным? И в том и в другом случае, сказал Черныш, саранча не сможет расправить крылья — в холод и дождь она не летает. Если день выдастся холодный или сырой, она не поднимется, а потом ветер, возможно, опять переменится. О, хлынул бы ливень! Или день оказался бы холодный и облачный! Тщетное желание, тщетная надежда! Лишь полчаса прошло после того, как встало яркое африканское солнце, а его горячие лучи уже обогрели спящее воинство и вернули его к жизни. Насекомые начали ползать, подскакивать, и вот, точно по единому импульсу, мириады их поднялись на воздух. Ветер направил их полет в ту сторону, куда он дул, — в сторону обреченного кукурузного посева.

Через пять минут — и даже меньше — после того, как саранча взлетела, она была над краалем и начала

десятками тысяч оседать на окрестные поля. Полет ее был медлителен, спуск мягок, и тем, кто снизу наблюдал за ней, представлялось, будто падает большими перистыми хлопьями черный снег. За несколько мгновений она покрыла собою всю землю. Каждый початок кукурузы, каждое растение, каждый куст нес на себе сотни насекомых. До края равнины, насколько глаз хватал, все пастбища были густо усеяны саранчой; она направила свой полет уже на восток от дома, и солнечный диск снова померк, застланный тучей.

Саранча подвигалась как бы эшелонами: тыловые отряды все время перелетали на передовую линию и затем, сделав привал, кормились до тех пор, пока их, в свою очередь, не обгоняли задние, двигавшиеся тем же порядком.

Не менее любопытен был шорох, производимый их крыльями: он напоминал непрерывный шелест ветра в лиственном лесу или шум воды под мельничным колесом.

Перелет саранчи над фермой длился два часа. Почти все это время ван Блоом и его семья просидели в доме, затворив двери и окна: неприятно было оставаться во дворе под ливнем насекомых, которых ветер нередко швырял в лицо с такой силой, что делалось больно. Но, помимо того, не хотелось давить ногами непрошеных гостей, а без этого нельзя было и шагу ступить из дому, потому что земля была покрыта сплошным слоем саранчи. Все же немало ее заползло внутрь дома сквозь щели в двери и окне, и она с жадностью набрасывалась на все предметы растительного происхождения, какие случайно остались неубранными.

Через два часа ван Блоом выглянул наружу. Саранча почти вся уже пролетела. Снова светило солнце, но что оно освещало! Не зеленые поля и цветущий сад, нет. Вокруг дома со всех сторон — с севера, с юга, с востока и запада — глазам представлялась только черная пустыня. Не видно было ни былинки, ни листика — даже кора на деревьях была обглодана, и теперь они стояли, словно убитые карающей дланью. Если бы

прошел по земле степной пожар, он не мог бы оставить большей наготы и разора. Не было сада, не было гречишных и кукурузных полей, не было больше фермы — крааль стоял среди пустыни! Не передать словами, что почувствовал в ту минуту ван Блоом. Не описать пером его мучительных переживаний. За два часа такая перемена! Он едва верил глазам, едва верил в реальность случившегося. Он знал, что саранча пожрет его кукурузу и гречиху, овощи и плоды, но воображение его не в силах было нарисовать такую картину полного опустошения, какую явила действительность. Весь ландшафт преобразился — травы не было и в помине, деревья, нежная листва которых всего лишь два часа назад играла на легком ветру, теперь стояли мертвые, оголенные хуже, чем зимой. Самая земля точно изменила свои черты. Ван Блоом не узнавал своей фермы. Если бы владелец был в отлучке, когда здесь пролетала саранча, и вернулся, не предупрежденный о случившемся, он, конечно, не признал бы мест, где жил.

С флегматичностью, свойственной его народу, ван Блоом опустился на скамью и долгое время сидел так, безмолвный и недвижимый. Дети подходили, глядели на него, и юные их сердца сжимались от боли. Они не могли до конца понять, в какое трудное положение поставило их это событие; отец и тот не сразу понял. Он думал сперва лишь об ущербе, нанесенном гибелью прекрасного урожая; эта потеря и сама по себе, если вспомнить, как уединенно жил ван Блоом и как мало было у него надежды восстановить утраченное, явилась для него большим бедствием.

— Пропало! Все пропало! — воскликнул он горестно. — Ох, судьба, судьба! Снова ты жестока ко мне!

— Папа, не горюй! — сказал мягкий голосок. — Мы все живы, все подле тебя. — И при этих словах маленькая белая ручка легла ему на плечо.

То была ручка его милой Трейи.

Точно улыбнулся ему ангел. Ван Блоом взял девочку на руки и в приливе нежности прижал ее к сердцу. И на душе у него потеплело.

Глава VI

ЗАПРЯГАТЬ — И В ПУТЬ!

Ван Блоом знал, что не может предоставить свое спасение «деснице божьей». Не так он был воспитан. Он тотчас же взялся за дело, чтобы выйти из неприятного положения, в какое поставил его налет саранчи.

Нет, положение было хуже, чем неприятное, как начал теперь понимать ван Блоом, — положение было гибельное! Чем больше думал он, тем тверже убеждался в этом.

Вот они одни среди черной, голой равнины, на которой, куда ни глянь, нет зеленого пятна. Как далеко тянется она в такой наготе, он не мог определить, но он знал, что перелеты саранчи опустошают иногда пространства на тысячи миль. Не приходилось сомневаться, что этот перелет, разоривший его ферму, был из самых мощных.

Стало ясно, что оставаться в краале нельзя. Лошади, коровы, овцы не могут жить без корма, а если погибнет скот, чем существовать самому фермеру с семьей? Он должен бросить крааль. Должен отправиться в поиски пастбища, не теряя времени, немедленно! Животные, обеспокоенные тем, что их не выпустили в привычный час, уже на все лады поднимали свои голоса. Вскоре они почувствуют голод, и трудно сказать, когда удастся их накормить.

Нельзя было мешкать. Каждый час был дорог — не следовало терять лишней минуты даже на раздумье.

Ван Блоом уделил размышлениям всего лишь несколько минут. Оседлать самого быстрого из своих коней и пуститься одному на поиски пастбища? Или лучше сразу заложить фургон и отправиться в дорогу со всем добром?

Он избрал второе. Все равно приходится оставить обжитое место, бросить свой крааль. Если уехать сперва одному, он, возможно, не так скоро найдет место, где есть и трава и вода, а скот его тем временем будет страдать от голода.

Это соображение, да и ряд других склонили ван Блоома к тому, чтобы сразу же заложить фургон и пуститься в дорогу — с табуном, со стадом, с отарой, со своим добром и всей своей семьей.

— Запрягать — и в путь! — прозвучала команда.

И Черныш, гордившийся славой хорошего кучера, замахал своим бамбуковым кнутом, похожим на длинное удилище.

— Запрягать — и в путь! — подхватил Черныш, привязывая к своей двадцатифутовой трости новый ремень, который он недавно сплел из шкуры антилопы каамы. — Запрягать — и в путь! — повторял он, щелкая кнутом так громко, точно стрелял из пистолета. — Да, баас, я сейчас запрягу!

И, уверившись, что бич хорошо прилажен, бушмен прислонил кнутовище к стене дома и пошел в коровий крааль отбирать волов для упряжки.

Сбоку подле дома стоял большой фургон — непременная принадлежность и гордость каждой капской фермы. Это был первоклассный экипаж под парусиновым верхом, послуживший фельдкорнету еще в его лучшие дни, экипаж, в котором он, бывало, возил жену и детей на увеселительные прогулки. В те дни в фургон впрягали цугом восьмерку отличных лошадей. Увы! Теперь их место предстояло занять волам, ибо весь табун ван Блоома составляли только пять коней, а они нужны были под седло. Но фургон был почти так же хорош, как и в давние годы, когда на него поглядывали с завистью все соседи из Грааф-Рейнета. Никаких поломок, все на своем месте. Все так же хорош белоснежный парусиновый верх с клапанами — передним и задним — и внутренними «карманами», все в исправности: и изящно выгнутые колеса, и удобные козлы, и диссельбом [1], и крепкий trектоу [2] из буйволовой кожи. В целости и сохранности все, чему полагается быть у фургона. Он и в самом деле составлял лучшее из всего, что сохранилось у бывшего фельдкорнета, да и

[1] Диссельбом (гол.) — дышло.
[2] Тректоу (гол.) — гуж.

стоил не меньше, чем все коровы, быки и овцы на его ферме.

Пока Черныш и Гендрик вылавливали двенадцать упряжных волов и привязывали их к диссельбому и тректоу, сам баас занялся погрузкой мебели и пожитков, в чем ему помогали Ганс и Тотти, а также Трейн и маленький Ян.

Дело это было нетрудное. Скарб, заполнявший маленький крааль, был невелик, и его быстро погрузили, частью уложив внутри просторного экипажа, частью привязав снаружи.

За какой-нибудь час фургон был нагружен, волы запряжены, лошади оседланы, и все было готово, чтобы двинуться в путь.

И тут встал вопрос: куда?

До сих пор ван Блоом думал только о том, что нужно сняться с места и уйти за пределы лежавшей вокруг него оголенной степи. Теперь же необходимо было решить, в какую сторону держать им путь, — вопрос достаточно трудный. Двинуться туда, куда полетела саранча? Или туда, откуда она явилась? И в том и в другом случае пришлось бы пройти десятки миль, покуда встретишь хоть клочок травы для голодных животных; скот не выдержит и погибнет.

Или двинуться в другом каком-либо направлении? Но что, если они встретят траву, но не найдут воды? Без воды оказывалась под угрозой не только жизнь животных, но и собственная их жизнь. Итак, было очень важно выбрать правильный путь.

Сперва ван Блоом надумал было податься в сторону поселений. Если двинуться туда, ближайшую воду они нашли бы примерно в пятидесяти милях на восток от крааля. Но в этом направлении только что пролетела саранча. Она успела, конечно, опустошить всю местность — вплоть до реки Оранжевой, а может быть, и дальше. Было бы крайне рискованно направиться в ту сторону.

На север лежала пустыня Калахари. Податься туда — об этом нечего было и думать. Ван Блоом не знал ни одного оазиса в пустыне. К тому же саранча явилась

как раз с севера. Когда ее впервые увидели, она летела к югу и притом, очевидно, долгое время — значит, успела опустошить в этом направлении равнину на большом пространстве. Ван Блоом прикидывал, что сулит им запад. Правда, враждебное полчище шло как раз оттуда, но ван Блоом полагал, что сперва оно надвинулось с севера и только внезапная перемена ветра заставила его свернуть со своего пути. Ван Блоом думал, что, подавшись на запад, он вскорости выберется из полосы опустошения.

О западной части равнины ему было кое-что известно — немного, правда, но все же он знал, что милях в сорока к западу от фермы есть родник с хорошей водой, а вокруг него — недурное пастбище. Он его открыл, разыскивая своих коров, которые, отбившись от стада, забрели однажды в такую даль. У него тогда явилась мысль, что здесь, пожалуй, лучшее место для скота, чем вокруг его фермы, и он не раз подумывал перебраться к источнику. Не сделал он этого лишь потому, что не хотел забираться в такую глушь. Он и без того жил далеко от поселений, но хотя бы мог поддерживать с ними связь. Если же обосноваться еще дальше, это станет крайне затруднительным. Но теперь, когда явились новые веские соображения, мысли его снова обратились к роднику, и, пораздумав как следует еще несколько минут, ван Блоом решил двинуться на запад.

Чернышу приказано было держать к западу. Бушмен мигом вспрыгнул на козлы, щелкнул мощным кнутом, выправил свою длинную упряжку и тронулся в путь по равнине. Ганс и Гендрик уже вскочили в седла и, очистив с помощью собак краали от всякой живности, погнали впереди себя мычащий и блеющий скот. Трейи и маленький Ян сидели подле Черныша на козлах, и можно было увидеть, как из-под парусинового верха выглядывает с любопытством, поводя большими круглыми глазами, хорошенький горный скакун. Окинув последним взглядом свой опустевший крааль, ван Блоом натянул поводья и поскакал на коне вслед за фургоном.

Глава VII

«ВОДЫ! ВОДЫ!»

Маленький караван продвигался отнюдь не в безмолвии. Почти непрерывно слышались окрики Черныша и щелканье его кнута. Это щелканье разносилось по равнине на добрую милю, точно раскаты мушкетных выстрелов. Громкие возгласы Гендрика тоже создавали изрядный шум; и даже тихий обычно Ганс по необходимости должен был кричать во весь голос, чтобы скот шел куда надо. Время от времени Черныш подзывал мальчиков помочь ему управиться с головными волами, когда те из упрямства или по лени вдруг останавливались или же норовили свернуть с пути. Тогда либо Ганс, либо Гендрик скакал вперед, выравнивал волов, шедших во главе упряжки, и угощал их своим ямбоком.

Ямбок для строптивого вола — жестокий палач. Это эластичный, выделанный из шкуры носорога (или, еще лучше, из шкуры бегемота) кнут примерно в шесть футов длиной, постепенно суживающийся от ручки к концу.

Всякий раз, когда головным волам случалось заартачиться, а Черныш не мог дотянуться до них длинным фоорслагом [1], Гендрик был рад пощекотать их своим тугим ямбоком; этим он держал волов в страхе и повиновении.

И получалось так, что почти все время одному из мальчиков приходилось скакать во главе каравана.

В Южной Африке воловью упряжку сопровождает обычно конный вожатый. Правда, у ван Блоома, с тех пор как сбежали от него слуги-готтентоты, волы приучены были тащить фургон без вожатого, и Черныш проехал не одну милю с помощью только лишь своего длинного кнута. Но после налета саранчи все вокруг имело такой необычный вид, что волы робели и дичились; к тому же саранча стерла все колеи и тропки, по которым они могли бы идти. Равнина была вся одина-

---

[1] Фоорслаг (гол.) — бич.

кова — нигде ни следа, ни меты. Даже сам ван Блоом с трудом узнавал черты местности и должен был держать путь по солнцу.

Гендрик скакал большей частью подле головных волов. Ганс, когда стадо наконец тронулось в путь, гнал его дальше без особого труда. Страх побуждал животных держаться кучно, а так как не было по сторонам травы, которая соблазняла бы их разбредаться, они шли хорошо.

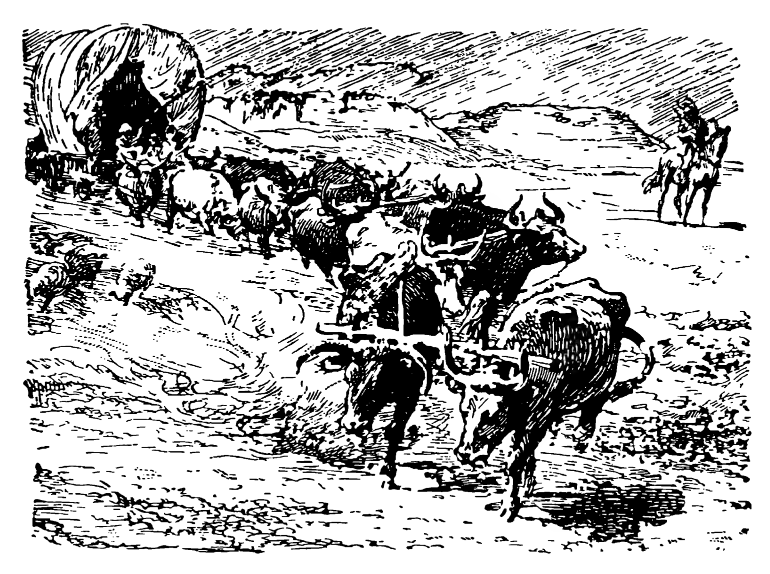
Ван Блоом ехал во главе каравана, указывая дорогу. Ни он и никто из членов его семьи не переоделись в дорогу и пустились в путешествие в своем обычном платье. Сам ван Блоом был одет, как одеваются по большей части буры: на нем были широкие кожаные штаны, называемые в этой местности кракерами, длинный, просторный сюртук из зеленого сукна с глубокими наружными карманами, жилет из шкурки молодой антилопы, белая поярковая шляпа с широченными полями, а на ногах — полусапожки африканской некрашеной кожи, известные среди буров под названием «фольтскунен», то есть «деревенские башмаки». Через седло его был перекинут леопардовый каросс — плащ, а на плече висел его верный громобой — большое ружье чуть ли не в сажень длиной, с замком старинного образца, — весьма изрядный груз. На это ружье бур возлагает все свои надежды; житель американских девственных лесов, наверно, рассмеялся бы, взглянув на подобное оружие, но, познакомившись хоть немного со страною буров, он изменил бы свое мнение. Его собственное короткоствольное ружьецо, заряжаемое пулей не больше чем с горошину, принесло бы немного пользы в охоте на крупную дичь. В африканских степях не меньше цстых охотников и смелых зверобоев, чем в лесах и прериях Америки.

На левом боку у ван Блоома висел, высовываясь острым концом из-под руки, огромный гнутый рог для пороха — самый большой, какой только можно снять с головы африканского быка. Ван Блоом вывез его из страны бечуанов, хотя и на Капской земле почти все быки отличаются необычно длинными рогами. Ван

Равнина была вся одинакова —

Блоому этот рог служил, как сказано, пороховницей; набитый до краев, он вмещал фунтов шесть, не меньше. Патронташ из шкуры леопарда под правой рукой, охотничий нож за поясом и большая пенковая трубка, заправленная под ленту на шляпе, довершали снаряжение трек-бура ван Блоома.

Одежда, снаряжение и оружие Ганса и Гендрика мало чем отличались от отцовских. Штаны на них были, разумеется, из выделанной овчины, широкие, как всегда у юных буров, а на них тоже были сюртуки, и фольтскунены, и широкополые белые шляпы. У Ганса за плечом висело легкое охотничье ружье, у Гендрика — тяжелый карабин, так называемый «егер», превосходное оружие для охоты на крупную дичь. Гендрик очень гордился своим ружьем, и недаром: он наловчился попадать в гвоздь со ста шагов. Гендрик был в караване лучшим стрелком. У обоих мальчиков тоже были изогнутые полумесяцем рога-пороховницы и патронта-



нигде ни следа, ни меты.

ши, набитые пулями. И у обоих лежали поверх седел плащи, но, в отличие от отцовского плаща, сделанного из редкостной шкуры леопарда, эти были попроще: из шкуры антилопы у одного, из шакальей — у другого. На маленьком Яне тоже были широкие штаны, сюртук, полусапожки и широкополая поярковая шляпа, — словом, Ян, хоть и был ростом в один ярд, по костюму являл собою копию отца — типичный бур в миниатюре. На Трейи была шерстяная синяя юбочка, изящный корсаж со шнуровкой, искусно расшитый по голландской моде, а ее белокурую головку защищала от солнца легкая соломенная шляпа с бантом и на ленте. Тотти была одета очень просто — в грубый домотканый холст; голова же у нее оставалась и вовсе непокрытой. А на Черныше была только пара старых кожаных кракеров, полосатая рубашка да еще каросс из овчины. Так выглядела одежда наших путешественников.

На добрых двадцать миль равнина была оголена. Ни былинки не осталось для скота, страдавшего к тому же без воды. Весь день ярко светило солнце, слишком ярко — его лучи пекли, как в тропиках. Путешественники едва ли выдержали бы этот зной, если б не дул весь день, с утра до вечера, легкий ветер. Но дул он, к сожалению, прямо в лицо, а в сухих африканских степях всегда хватает пыли. Да тут еще саранча, непрестанно прыгая, разрыхлила миллионами крохотных ножек верхнюю корку почвы, и пыль теперь свободно поднималась по ветру. Ее клубы окутывали, точно облаком, маленький караван, отчего продвигаться было и трудно и неприятно. Задолго до вечера одежда на людях насквозь пропылилась, в рот набилось песку, разболелись глаза.

Но это было еще пустяком. Задолго до вечера дала себя знать другая беда — отсутствие воды.

Спеша поскорее уйти от зрелища опустошенного крааля, ван Блоом не запасся в дорогу водой — печальное упущение в такой стране, как Южная Африка, где родники столь редки, а ручьи и реки то пересыхают, то меняют русло. Задолго до вечера все думали только о воде, все одинаково томились жаждой.

Томился ею и сам ван Блоом, но о себе он не думал, а если и думал, то лишь казнясь за оплошность. По его вине страдали теперь другие. Мысль о непростительной ошибке тяжело угнетала его. Он не мог пообещать им никакого облегчения, покуда караван не доберется до родника. Ближе, насколько он знал, воды не было.

Достичь родника в тот вечер нечего было и надеяться. В путь тронулись поздно. Волы шли медленно. К закату можно было проделать от силы половину пути.

Чтобы добраться до воды, пришлось бы идти всю ночь, а это было невозможно по многим причинам. Волам потребуется отдых — тем более что они голодны; и тут ван Блоом понял — слишком поздно — еще одно свое упущение: во время налета саранчи он не позаботился набрать ее побольше на корм скоту.

При налетах саранчи подчас только так и спасают скот; но ван Блоому это не пришло на ум; а поскольку

в краали, где заперты были животные, саранчи проникло немного, скот оставался без пищи со вчерашнего дня. Особенно сказывался голод на упряжных волах: они ослабели и тянули фургон словно нехотя, так что Черныш надрывал горло криком и непрестанно пускал в ход свой длинный кнут.

Но были и другие причины, заставлявшие подумать о ночном привале. Ван Блоом не так уж твердо знал дорогу. Ночью он не мог бы держаться избранного им направления, тем более что не было и подобия тропы, которая вела бы караван. К тому же идти после захода солнца представлялось небезопасным, потому что в это время выходит на прогулку ночной разбойник Африки — лютый лев.

Итак, есть ли вода или нет ее, все равно приходилось сделать на ночь привал.

До темноты оставалось всего с полчаса, когда ван Блоом пришел к такому решению. Он только хотел подождать немного в надежде добраться до такого места, где будет хоть трава. Караван отдалился уже от покинутой фермы на двадцать миль, а равнину покрывал черный «след» саранчи. Травы по-прежнему нет и в помине, по-прежнему кусты стоят без листьев, без коры.

Ван Блоому уже начинало казаться, что он движется в ту самую сторону, откуда прилетела саранча. Он не сбился с западного направления, в этом он был уверен. Но как знать, быть может, саранча надвинулась с запада, а не с севера? Если так, придется идти много дней, пока набредешь на зеленый лужок.

Эти мысли смущали ван Блоома, и он беспокойным взором обводил равнину, глядя то прямо вдаль, то вправо и влево. И вдруг — радостный возглас зоркого бушмена: он видит впереди траву! Видит несколько кустов с листвой. Туда еще с милю пути, но волы, точно и до них дошел смысл этих слов, пошли бодрее. Прошли еще с милю — и в самом деле появилась трава. Пастбище, однако, оказалось скудным: редкие стебельки, разбросанные по красно-бурой земле, — волу не поживиться. Не наполняя желудка, трава только терза-

ла несчастных животных мукой Тантала[1]. Зато ван Блоом уверился теперь, что полоса опустошения пройдена, и он провел караван еще немного вперед, надеясь встретить пастбище получше. Надежда, однако, не оправдалась. Путь их лежал через дикую, бесплодную степь, почти настолько же лишенную зелени, как и местность, по которой шли они до сих пор. Но теперь она обязана была своей наготой не саранче, а безводью. Не оставалось больше времени на поиски пастбища. Солнце уже ушло за горизонт — пришлось остановиться и распрягать.

Следовало бы соорудить краали — один для коров, другой для коз и овец. Кругом было для этого достаточно кустов, но кто же из утомленного отряда найдет в себе силы нарезать ветви и приволочь их к месту? И без того хватало работы — заколоть на ужин овцу, собрать топлива, чтобы зажарить ее. Краали делать не стали. Лошадей привязали к фургону. Коров и быков, овец и коз оставили на воле. Поскольку не было поблизости пастбища им на соблазн, понадеялись, что, измученные долгой ходьбой, они не уйдут далеко от костра, который было решено поддерживать всю ночь.

Глава VIII

УЧАСТЬ СТАДА

Но они ушли.

Когда рассвело и путешественники огляделись вокруг, они не увидели ни единого быка, ни единой коровы, кроме одной молочной. Подоив ее накануне вечером, Тотти оставила свою любимицу на ночь привязанной к кусту, — там она и стояла сейчас. Все остальные ушли, козы и овцы — тоже.

Куда же они ушли?

---

[1] Тантал — в древнегреческих преданиях преступный сын Зевса, брошенный богами в подземное царство. Он стоял по горло в воде, но вода убегала, когда он хотел напиться, и он не мог дотянуться до плодов, висевших над его головой.

Мальчики вскочили на коней и отправились на розыски. Коз и овец нашли неподалеку, среди кустов; но остальные животные, как обнаружилось, ушли совсем. Их след тянулся мили на две. Он вел обратно по тому же пути, которым пришел сюда караван; не оставалось сомнения, что они повернули назад, к краалю. Нагнать их, не дав дойти до места, было трудно, пожалуй даже невозможно. Следы показывали, что животные снялись с места в самом начале ночи и двигались быстро, так что к рассвету, должно быть, достигли уже старого жилья.

Печальное открытие! Бесполезным делом было бы пуститься за стадом на голодных, измученных жаждой лошадях, а без упряжных волов как дальше тащить фургон, как добраться с ним до родника? Задача казалась неразрешимой; но после недолгого совещания рассудительный Ганс предложил выход.

— А нельзя ли впрячь в фургон лошадей? — спросил он. — Ведь пять лошадей смогут, конечно, дотащить его до родника.

— Как! Бросить стадо? — сказал Гендрик. — Если мы не отправимся за ним, скот околеет, и тогда...

— За стадом можно будет поехать и позже, — ответил Ганс. — Не лучше ли сперва дотащиться до источника, а потом, дав коням отдохнуть, вернуться за волами? Они к тому времени будут уже в краале. Там у них, во всяком случае, вдоволь воды, они не околеют до нашего прихода.

Предложение Ганса показалось вполне осуществимым. Во всяком случае, этот план представлялся лучшим, какой путники могли бы избрать, и они тотчас принялись приводить его в исполнение. Лошадей впрягли в фургон; в нем среди поклажи оказалась, к счастью, кое-какая старая конская сбруя; ее извлекли и как могли приспособили к делу.

Когда управились с этим, Черныш опять сел на козлы, подобрал вожжи, щелкнул кнутом и пустил свою упряжку. К общему удовольствию, большой и тяжело груженный фургон пошел так легко, как если бы его тащила полная воловья упряжка. Ван Блоом, Гендрик и Ганс порадовались от души, когда фургон прокатил

мимо них, и, погнав следом за ним доиную корову, коз и овец, бодро двинулись в путь. Маленькие Ян и Трейи ехали, как и прежде, в фургоне; но остальные шли пешком, отчасти для того, чтобы погонять стадо, а отчасти и потому, что жалели лошадей и не хотели увеличивать и без того тяжелый груз.

Всех сильно мучила жажда, но они бы мучились куда сильней, если бы не добрая тварь, трусившая за фургоном, — дойная корова, «старушка Грааф», как звали ее. И накануне вечером, и утром она дала по нескольку пинт молока, и эта своевременная поддержка принесла путникам большое облегчение.

Лошади вели себя прекрасно. Хотя сбруя оказалась неполной и плохо была пригнана, они тянули за собой фургон так же хорошо, как если бы все ремешки и пряжки были налицо. Умные животные как будто понимали, что их добрый хозяин попал в беду, и решили вызволить его. А может быть, они уже учуяли перед собой родниковую воду. Так или иначе, они пробыли в упряжи уже много часов, когда фургон въехал в небольшую живописную долинку, покрытую зеленой, сочной на вид муравой, и несколько минут спустя остановился у холодного, прозрачного ключа.

Все вволю напились и быстро пришли в себя. Лошадей выпрягли и пустили на траву; остальные животные стали резвиться на лугу. Около ключа разложили большой костер, сварили четверть бараньей туши на обед, а потом все сидели и ждали, пока насытятся кони.

Ван Блоом, примостившись на одном из ящиков фургона, курил свою большую трубку. Он был бы и вовсе доволен, если б не исчезновение стада. Найдено отличное пастбище — своего рода оазис среди пустынной равнины, место, где есть и топливо, и вода, и трава — все, чего может пожелать душа фее-бура. Оазис тянулся не так далеко, но все же был достаточно велик, чтобы на нем могло прокормиться стадо в несколько сот голов, достаточно велик для очень приличной скотоводческой фермы. Лучшего и желать не приходилось, и, если бы ван Блоому удалось добраться сюда с упряжными волами и всем скотом, фермер чув-

ствовал бы себя сейчас совсем счастливым. Но без скота — что проку в прекрасных лугах? Что делать здесь трек-буру, если нет у него скота хотя бы на развод? Все богатство ван Блоома заключалось в стаде, вернее сказать — он питал надежду, что со временем стадо его приумножится и принесет его семье богатство. Животные были у него породистые, и, за исключением двенадцати упряжных волов да двух — трех долгорогих бечуанских племенных быков, стадо состояло сплошь из отличных молодых коров, обещавших принести в скором времени большой приплод.

Естественно, что тревога за этих животных не покидала фермера ни на минуту и гнала скорее отправиться на розыски стада. Трубку свою он достал только затем, чтобы убить время, покуда кони щиплют траву. Он решил, как только они хоть немного восстановят силы, отобрать трех самых сильных и поскакать с Гендриком и Чернышем назад, к покинутому краалю.

Итак, едва лишь кони несколько передохнули, их изловили и взнуздали. Ван Блоом с Гендриком и Чернышем вскочили в седла и пустились в путь, а Ганса оставили стеречь лагерь. Ехали быстро, решив скакать всю ночь и, по возможности, затемно добраться до крааля. Там, где кончалась трава, они спешились и дали лошадям отдохнуть и подкормиться напоследок. Для себя они прихватили несколько кусков жареной баранины; на этот раз они не позабыли наполнить водой свои тыквенные бутыли — так что теперь им уже не пришлось страдать от жажды. Провели час на привале и снова двинулись в путь.

Уже совсем стемнело, когда путники достигли того места, где ушло от них стадо; но в небе стоял ясный месяц, и можно было следовать по оставленной фургоном колее, достаточно приметной в его свете. Время от времени ван Блоом просил Черныша осмотреть следы и проверить, по-прежнему ли стадо держалось дороги к дому. Бушмен без труда разрешал сомнения: он соскакивал с лошади, пригибался к земле и тотчас давал ответ. И каждый раз ответ был утвердительный. Животные несомненно шли к старым своим краалям. Ван

Блоом и не сомневался, что найдет их там — но живыми ли? Вот что его тревожило.

Напиться коровы смогут в источнике, но где возьмут они корм? Там им не найти ни травинки; что, если к утру они все околеют?

Брезжил рассвет, когда показалась перед глазами старая ферма. Странное зрелище являла она. Не узнать было ее ни по единому дереву. После налета саранчи внешний вид фермы сильно изменился, но теперь прибавилось что-то еще, усилившее эту необычность вида: как будто цепь каких-то непонятных предметов насажена была по карнизу крыши и по оградам краалей.

Что это такое? Ведь не часть же самих строений! Со своим вопросом ван Блоом обратился скорее к самому себе, но произнес его довольно громко, так что расслышали и другие.

— Стервятники, — ответил Черныш.

Да, именно так: стая стервятников унизала стены краалей.

Появление нечистых птиц не сулило добра. У ван Блоома сжалось сердце от дурного предчувствия. Что их сюда привлекло? Значит, поблизости есть падаль? Всадники поскакали быстрей.

Уже совсем рассвело, и стервятники засуетились. Они хлопали своими темными крыльями, снимались со стен и садились маленькими шумными стайками вокруг дома.

— Там падаль, не иначе, — пробормотал ван Блоом.

Там и была падаль — много падали. Когда всадники подъехали ближе, птицы поднялись в воздух, и теперь можно было разглядеть на земле десятка два полуобглоданных скелетов. Длинные гнутые рога, видневшиеся подле каждого скелета, позволяли с легкостью определить, какого рода животному принадлежал он. В этих костях и растерзанных клочьях шкур ван Блоом узнал останки своего потерянного стада. Не осталось в живых ни одного животного. Останки каждого из них — всех его коров, всех волов и быков — можно было видеть у ограды краалей и на прилежащем поле. Где околели, там и валялся скелет.

Но почему они околели? Это оставалось непонятным. Не могли же они погибнуть от голода так быстро и все сразу! И не могли они подохнуть от жажды, потому что и сейчас тут же, рядом, громко журчал ручей. Не стервятники же их убили! Так кто же?

Ван Блоом не задавал лишних вопросов. И недолго оставался он в недоумении. Когда он и его спутники подъехали к месту, загадка разрешилась. Следы львов, гиен и шакалов достаточно всё объяснили. Тут побывали большие стаи этих зверей. После налета саранчи округа оскудела дичью, а из-за этого хищники стали более жадными, чем обычно, и жертвой их жадности сделался скот.

Где сейчас хищники? Утренний свет и вид строений, возможно, отогнали их прочь. Но следы совсем свежие. Они тут неподалеку и к вечеру непременно вернутся. Ван Блоома разбирало желание отомстить проклятому зверью, и при других обстоятельствах он остался бы здесь и дал бы по ним несколько выстрелов. Но сейчас это было бы и неразумно и бесполезно. Нужно было, если достанет силы у коней, вернуться к ночи в лагерь. Итак, даже не зайдя в свой старый дом, они напоили коней, набрали в бутыли ключевую воду и снова с тяжелым сердцем покинули крааль.

Глава IX

ЛЕВ НА ОТДЫХЕ

Не проехали они и ста шагов, как перед ними возникло нечто, при виде чего они все внезапно и одновременно натянули поводья. То был лев. Он лежал среди равнины прямо на тропе, куда они собирались свернуть, — на той самой тропе, по которой они прискакали. Как случилось, что они его не заметили раньше? Он лежал под сенью невысокого куста; но, по милости саранчи, куст был без листьев, и его голые тонкие ветви не могли укрыть такого большого зверя. Светлая шкура льва приметно желтела сейчас сквозь них.

Дело в том, что льва там еще не было, когда всадники, спеша к краалю, проскакали мимо этого куста. Только завидев их, хищник отпрянул от места бойни и, прижимаясь к ограде, забежал им в тыл. К такому маневру он прибег, желая избежать встречи, потому что и лев обладает способностью рассуждать, хоть и не такой, как человек. Увидев, откуда появились всадники, он в меру своей сообразительности рассудил, что они едва ли вернутся той же тропой. Скорее всего, они продолжат свой путь. Человек, незнакомый со всеми предшествующими событиями, связанными с их поездкой, пожалуй, рассудил бы точно так же. Вам случалось, верно, наблюдать, что и другие животные — собаки, олени, зайцы — и птицы поступают большей частью так же, как поступил в этом случае лев. Несомненно, в мозгу льва прошел описанный здесь умственный процесс; и зверь, чтобы уклониться от встречи с тремя всадниками, прокрался им в тыл.

Так мирно лев ведет себя почти всегда, в пяти случаях из шести, если не чаще. Потому и укоренилось у нас ошибочное мнение относительно храбрости этого хищника. Некоторые естествоиспытатели, побуждаемые к тому, как видно, чувством злобы или зависти, обвиняют льва прямо-таки в трусости, отказывая ему решительно во всех благородных свойствах, какие приписывались ему с незапамятных времен. Другие, наоборот, утверждают, что лев не знает страха ни пред зверем, ни пред человеком, и, помимо отваги, наделяют его еще и многими другими добродетелями. Обе стороны подкрепляют свои взгляды не только голословными заверениями, но и множеством ссылок на твердо установленные факты.

В чем тут дело? Ведь не могут же быть правы и те и другие? Но, как это ни странно, правы в известном смысле обе стороны. Дело в том, что одни львы трусливы, другие храбры.

В доказательство этого можно написать целые страницы, но скромные размеры нашей книги не дают нам для этого места. Я, однако, думаю, юный мой читатель, что тебя удовлетворит некая аналогия. Ответь:

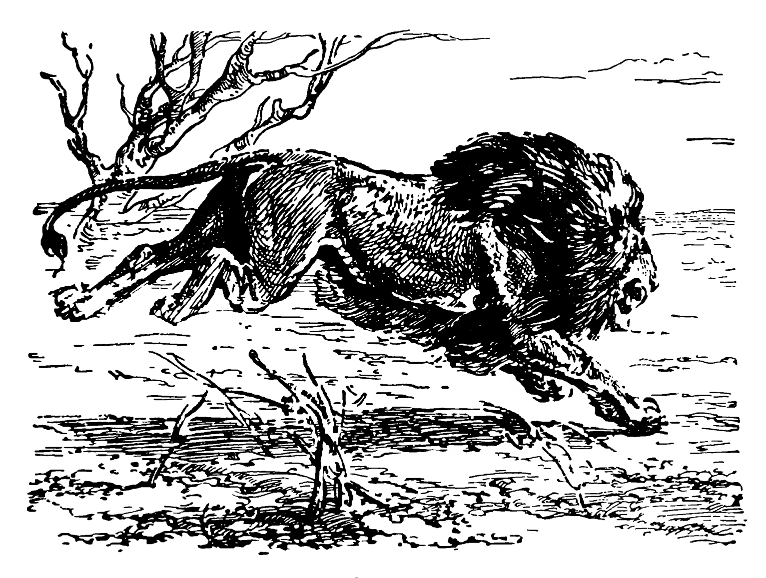
известен ли тебе какой-либо вид животных, в котором все особи совершенно одинаковы по своему нраву? Вспомни, например, знакомых тебе собак. Разве все они так уж похожи друг на друга? Не правда ли, есть среди них благородные, великодушные, смелые, преданные, готовые отдать, если надо, жизнь. А есть и совсем иные — подлые, льстивые, трусливые собачонки. Так и у львов. Теперь тебе ясно, что мое утверждение о львах может отвечать истине.

Храбрость и свирепость льва зависят от многого: от его возраста, от состояния его желудка, от времени года и часа дня; в первую очередь от того, какого рода охотников встречает он в своих краях. Влияние последнего обстоятельства покажется вполне естественным тому, кто верит в разум животных, как верю, конечно, я. Вполне естественно, что лев, подобно другим животным, вскоре изучит характер своего врага и станет бояться его или нет — как покажет дело. А разве не так оно и у людей? Старая история! Если память мне не изменяет, у нас был уже разговор на эту тему, когда зашла речь об американских крокодилах. Мы тогда отметили, что на Миссисипи аллигатор в наши времена редко нападает на человека; но раньше было не так: ружье охотника, которому нужна кожа аллигатора, укротило свирепость речного хищника. В Южной Америке крокодил того же вида пожирает ежегодно десятки индейцев, а африканский крокодил в иных местах внушает населению больший ужас, чем лев.

Наблюдатели рассказывают, что на Капской земле львы в одних местностях менее смелы, чем в других. Значительно трусливей они как раз там, где ведет на них охоту храбрый и стойкий бур со своим длинноствольным громобоем.

За пределами Капской колонии, где нет у него другого врага, кроме тоненькой стрелы бушмена (которая и не покушается его убить!) да бечуанского легкого дротика, лев нисколько не боится человека — или почти не боится.

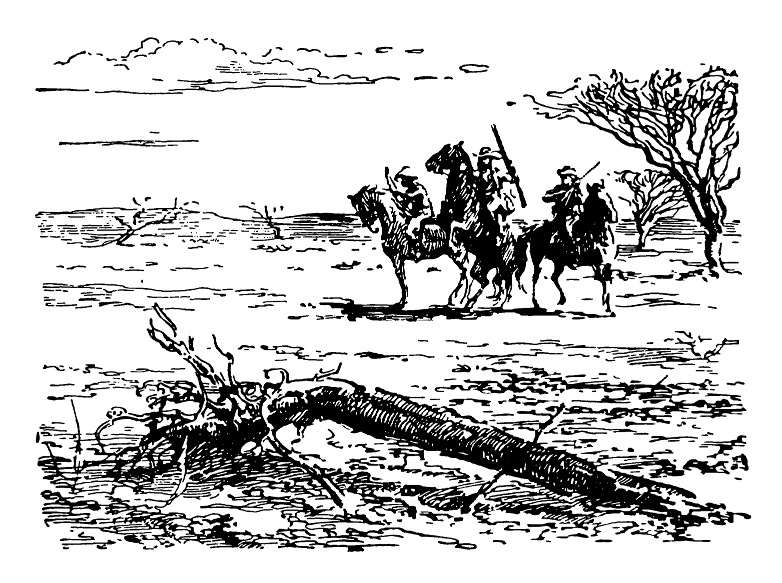
Был ли тот лев, что предстал пред глазами наших путников, по природе смел, я вам не скажу. Его отли-



Зверь кинулся вперед, прежде чем

чала громадная черная грива — у буров такие львы зовутся черногривками и считаются самыми свирепыми и опасными. Желтогривка (в Капе водится довольно много различных по масти львов) слывет менее храбрым; однако в правильности этого взгляда можно усомниться. Дело в том, что темно-бурую окраску гривы лев приобретает лишь с годами, и часто молодого черногривку принимают по ошибке за светлогривого льва, а потом приписывают его характер всей светлогривой породе.

Ван Блоом не стал раздумывать, какой перед ним черногривка — свирепый и храбрый или не очень. Было ясно, что лев успел «заморить червячка», что он совсем не помышляет напасть на человека и что, если всадники предпочтут сделать небольшой крюк и мирно проехать мимо, они спокойно довершат свою поездку и больше в глаза не увидят этого льва и никогда о нем не услышат.



кто-либо из всадников успел выстрелить.

Но у ван Блоома были иные намерения. Он лишился своих драгоценных быков и коров. Этот самый лев растерзал если не всех, то часть из них. Голландская кровь колониста вскипела. Будь это самый сильный и свирепый хищник в своем львином племени, не дадут они ему мирно спать под кустом! Приказав спутникам стоять на месте, ван Блоом, не сходя с седла, двинулся вперед и остановил коня примерно в пятидесяти шагах от места, где лежал лев. Тут он спешился, намотал поводья на руку, воткнул в землю шомпол своего ружья и стал позади него на одно колено.

Вы подумаете, что стрелку, пожалуй, безопасней было бы остаться в седле, потому что коня лев догнать не может. Верно, но это было бы безопасней и для льва. Нелегкое дело — метко выстрелить, сидя в седле; а когда мишенью служит грозный лев, только отлично натренированный конь будет стоять достаточно смирно и позволит взять правильный прицел. Так что при

стрельбе с седла удача зависит от игры случая, а ван Блоом не собирался удовольствоваться случайным успехом. Установив ружье на шомпол и дав таким образом твердую опору длинному дулу, он стал тщательно его наводить, глядя в прицельную рамку слоновой кости. Все это время лев не шевелился. Между ним и стрелком был куст, но едва ли зверь считал его надежным прикрытием. Желтые бока льва отчетливо различимы сквозь тернистые ветви, видна его голова, его усы и морда, измазанная бычьей кровью.

Нет, лев не считал себя в безопасности. Легкое ворчание и два — три взмаха хвостом доказывали противное. И все же он лежал тихо, как лежат обычно львы, покуда к ним не подойдут поближе. Охотник же, как я сказал, стоял в добрых пятидесяти ярдах от него.

Лев не двигался и только слегка помахивал хвостом, пока ван Блоом не спустил курок; и тут он, взревев, подпрыгнул на несколько футов от земли. Охотник опасался, что ветви отклонят его пулю и она лишь скользнет по шкуре; но выстрел явно попал в цель: стрелок видел, как клок шерсти вылетел из львиного бока в том месте, где ударила пуля. Лев был только ранен, и, как вскоре выяснилось, не смертельно. Бия хвостом, оскалив грозные зубы, разъяренный лев длинными прыжками надвигался на противника. Грива, развеваясь, словно увеличила вдвое размеры зверя. Он казался сейчас огромным, как буйвол.

За несколько секунд он покрыл расстояние, только что отделявшее его от охотника, но тот был уже далеко.

Нажав спуск, ван Блоом в тот же миг вскочил на коня и поскакал к остальным.

Недолгое время они стояли все трое рядом; Гендрик — держа на взводе карабин, Черныш — с луком и стрелами в руках. Но зверь кинулся вперед, прежде чем тот или другой успел выстрелить; пришлось пустить вскачь коней и отступить с его пути. Черныш мчался в одну сторону, ван Блоом с Гендриком — в другую; зверь оказался теперь меж двух огней и притом в изрядном отдалении от противников.

Когда первый наскок не удался, лев остановился и поглядел сперва на один вражеский отряд, потом на другой, словно не решаясь, за каким погнаться. Вид его в эту минуту был невыразимо страшен. Вся его свирепая природа возмутилась. Грива стояла дыбом, хвост хлестал по бокам, пасть была широко раскрыта, обнажая крепко посаженные клыки, — их белые острия резко контрастировали с багровой кровью, закрасившей скулы и пасть. Яростный рев должен был усилить ужас, который зверь внушал всем своим грозным видом.

Но из трех противников ни один не поддался страху, как ни приглашали к тому зрение и слух. Гендрик навел на льва карабин, хладнокровно прицелился и выстрелил; и в тот же миг со свистом прорезала воздух посланная Чернышем стрела. Оба взяли верный прицел: и пуля и стрела попали в зверя; стрела вонзилась ему в ляжку, и было видно, как покачивается ее древко. Лютого зверя, до сих пор проявлявшего, казалось, самую решительную отвагу, теперь как будто охватил внезапный страх. Стрела ли была в том повинна или одна из пуль, но ему вдруг надоела борьба: опустив задранный, похожий на метлу хвост до уровня спины, он ринулся прочь и, сердито побежав вперед, проскочил прямо в дверь крааля.

Глава X

ЛЕВ В ЗАПАДНЕ

Странно было, конечно, что лев ищет убежища в столь необычном месте, но это показывало его сообразительность. Не было сколько-нибудь близко другого укрытия: теперь, после налета саранчи, не так-то просто стало найти такие кусты, где можно было бы спрятаться. Попытайся же он спастись бегством, охотники верхом на конях его легко догнали бы. Лев видел, что дом необитаем. Он рыскал вокруг него всю ночь, а может быть, наведался и в комнаты — значит, знал, что представляет собой это место. Инстинкт не обманывал

зверя. Стены дома могли защитить его от неприятельского оружия, разившего издалека; а вздумай враги приблизиться, это было бы выгодно для льва и опасно для них.

Когда лев вбежал в крааль, произошло нечто удивительное. В одном конце дома имелось большое окно. Стекол в нем, конечно, не было, да никогда и не бывало. В тех краях застекленные окна редкость. Закрывалось оно только крепким деревянным ставнем. Ставень еще висел на своих петлях, но в суматохе отъезда его не заперли. Дверь тоже стояла распахнутая настежь. И вот, когда лев вскочил в нее, из окошка так и посыпались маленькие зверюшки, похожие не то на лисиц, не то на волков, и во всю прыть пустились наутек по равнине. Это были шакалы.

Как выяснилось позже, львы или, может быть, гиены загнали одного вола в дом и здесь загрызли. Более крупные хищники проглядели его тушу, а хитрые шакалы подобрались к ней и преспокойно завтракали, пока им не помешали так бесцеремонно.

Когда в дверях появился грозный царь зверей, да к тому же разгневанный, шакалы кинулись спасаться в окно; а вид подъезжавших к дому всадников еще больше напугал этих трусливых животных.

Они бросились со всех ног прочь от крааля и вскоре исчезли из виду.

Трое охотников не удержались от смеха; но их веселье сразу погасло перед новым происшествием, случившимся почти в тот же миг. Ван Блоом захватил с собою двух собак, чтобы те помогли пригнать обратно скот. Пока люди отдыхали у ручья, собаки навалились на полуобъеденные туши, валявшиеся под оградой; и так как им пришлось изрядно наголодаться, они не оторвались от еды даже тогда, когда всадники отъехали от крааля. Ни одна из них не видела льва до той минуты, когда раненый зверь ринулся прочь от охотников и понесся прямо к краалю. Выстрелы, львиное рычание и шумное хлопанье крыльев, поднявшееся, когда вспугнутые стервятники улетали, — все это сказало собакам, что впереди происходит нечто требующее их присут-

ствия, и, оставив свою приятную трапезу, они перемахнули через ограду.

Во дворе они очутились как раз в тот миг, когда лев был в дверях. Храбрые и благородные животные без колебания кинулись за ним следом и вбежали в дом. Некоторое время смутно доносился хор разных звуков — лай и тявканье собак, рев и рычание льва. Потом послышался глухой шум, как будто ударили о стену чем-то тяжелым, отчаянный визг, потом звук, похожий на хруст костей... Громкий, грубый бас довольно «мурлыкавшего» огромного зверя — и затем глубокая тишина. Борьба закончена. Это ясно — собаки не подают больше голоса. Они, скорее всего, погибли. Охотники в крайней тревоге глядели на дверь. Смех замер у них на губах, когда они стояли, прислушиваясь ко всем этим мерзким звукам — признакам страшной схватки. Они окликали по именам своих собак. Они еще надеялись, что те выбегут, хотя бы раненые. Но нет, собаки не показываются... Они мертвы!

Долго длилось молчание после шума борьбы. Ван Блоом уже не сомневался, что его любимицы, его единственная пара собак, убиты. Взволнованный этим новым несчастьем, он едва не утратил всякое благоразумие. Он был готов броситься к порогу, откуда мог бы стрелять в ненавистного врага почти вплотную, когда Черньшу пришла на ум блестящая мысль. Громкий возглас бушмена остановил стрелка:

— Баас! Баас! Мы его поймаем! Мы запрем негодника!

Предложение было разумным и легко осуществимым. Ван Блоом сразу его оценил и, отказавшись от прежнего своего намерения, решил принять план Черныша. Но как его исполнить? Дверь и ставни еще висели на петлях. Если бы удалось подобраться к ним и накрепко закрыть, лев оказался бы во власти охотников и можно было бы спокойно прикончить его. Только как, не подвергая себя опасности, запереть дверь или окно? Вот в чем трудность...

Едва люди приблизятся к окну или двери, лев сразу их увидит и, так как он сейчас разъярен, непременно

кинется на них. Может быть, подъехать на лошадях? Но и это опасно. Лошади не будут стоять смирно, пока всадники станут тянуться в седле, чтобы ухватиться за ручку или за щеколду. Все три скакуна и так уже в нетерпении перебирали ногами. Они знали, что в доме лев — время от времени зверь выдавал свое присутствие рычанием, — и вряд ли смогут они достаточно спокойно приблизиться к двери или к окну; ржание и стук копыт побудят разъяренного зверя выбежать и броситься на всадников.

Итак, было ясно, что запереть окно или дверь — задача очень опасная. Покуда охотники держались на открытом месте и в некотором отдалении, им нечего было бояться льва, но если они приблизятся к нему и окажутся в стенах крааля, то не исключено, что кто-либо из них троих станет жертвой лютого зверя.

Большая, нескладная голова, которую носил на плечах Черныш, заключала в себе немалое количество мозга, а жизнь в постоянной заботе о том, чтобы как-нибудь утолить голод, научила его постоянно упражнять свой мозг. В эту трудную минуту изобретательность Черныша пришла на помощь охотникам.

— Баас, — сказал он, спеша унять нетерпение своего хозяина, — погодите-ка, баас! Дайте старому бушмену закрыть дверь. Он сделает.

— А как? — спросил ван Блоом.

— Подождите немного — увидите.

Они подъехали все трое к краалю меньше чем на сто ярдов. Ван Блоом и Гендрик сидели молча в седле и смотрели, что станет делать бушмен.

А тот вынул из кармана клубок бечевки и, аккуратно ее размотав, привязал один конец к стреле. Потом он подъехал ближе к дому и в тридцати ярдах от него сошел с коня — не прямо против входа, а немного наискосок, так, чтобы деревянная дверь, раскрытая, к счастью, лишь на три четверти, была обращена к нему наружной стороной. Закинув поводья через руку, бушмен натянул тетиву и пустил стрелу в дощатую дверь. И вот стрела глубоко вонзилась в край двери, как раз под щеколдой. Выстрелив, Черныш в тот же миг

вскочил в седло, готовый к отступлению в случае, если лев выбежит. Черныш, однако, не выпускал из руки бечевку, привязанную одним концом к стреле. Гулкий удар стрелы в дверь привлек внимание льва. Об этом сказало охотникам его сердитое ворчание. Лев, впрочем, не показался и снова притих. Черныш натянул бечеву. Сперва для проверки он легонько подергал ее, а затем, убедившись, что стрела сидит крепко, дернул со всей силы и захлопнул дверь. Щеколда сработала, и дверь осталась запертой даже и после того, как Черныш ослабил веревку.

Теперь, чтобы открыть дверь, льву надо было либо догадаться приподнять щеколду, либо же проломить толстые, крепкие доски. Ни того, ни другого опасаться не приходилось.

Но окно еще оставалось открытым, и зверь легко мог выскочить в него.

Черныш, понятно, намеревался закрыть ставень тем же способом, что и дверь. И тут возникла новая большая опасность. У Черныша имелась только одна веревка — та, что была сейчас привязана к стреле. Как освободить ее и снова ею завладеть?

Не оставалось как будто ничего другого, как подойти к двери и отвязать веревку от древка стрелы. Но здесь-то и таилась опасность: ведь если бы лев заметил человека и выскочил в окно, бушмену пришел бы конец.

Подобно большинству охотников-бушменов, Черныш был не так смел, как хитер, хотя его отнюдь нельзя было назвать трусом. В ту минуту, однако, ему совсем не хотелось подходить к двери крааля. Гневное рычание, доносившееся оттуда, обдало бы холодом и самое отважное сердце.

Разрешил задачу Гендрик. Он придумал, как, не приближаясь к двери, вновь овладеть веревкой. Крикнув Чернышу, чтобы тот был начеку, Гендрик тоже подъехал поближе к краалю и остановился в тридцати ярдах от входа, около столба с несколькими рогулями, служившими для привязывания лошадей. Гендрик сошел с коня, зацепил поводья за одну из этих рогуль, положил карабин на другую и затем, нацелившись в

древко стрелы, спустил курок. Щелкнул выстрел, перебитое древко отвалилось от двери, веревка свободна! Охотники хотели отъехать подальше, но лев, хоть и свирепо зарычал при звуке выстрела, все же, по-видимому, не тронулся с места. Черныш притянул назад веревку, прикрепил ее к новой стреле и, объехав крааль, остановился наискосок против окна. Через несколько минут стрела просвистела в воздухе и глубоко вошла в податливое дерево. Затем ставень повернулся на петлях и плотно закрылся.

Охотники спешились и, очень быстро, но в полном молчании подбежав к дому, укрепили затворы на ставне и на двери ремнями — обрезками старых поводьев из сыромятной кожи.

Ура! Лев в западне!

Глава XI

СМЕРТЬ ЛЬВА

Да, разъяренный зверь был пойман в западню. Трое охотников вздохнули свободно.

Но как довести дело до конца? И дверь и ставень в окне закрыты наглухо, пригнаны плотно; в оставшиеся щелки все равно ничего не разглядишь. Раз двери и ставни закрыты, в доме полный мрак.

Да если бы они и могли увидеть льва, что толку? Ни в одно отверстие все равно не просунешь ствол. Зверь был в такой же безопасности, как и поймавшие его охотники. Покуда дверь заперта, они могли причинить ему не больше вреда, чем он им.

Можно было предоставить запертому зверю околеть с голоду. Какое-то время он продержался бы остатками шакальего завтрака да тушами двух собак, а там пришлось бы ему смириться и погибнуть жалкой смертью. Однако ни ван Блоому, ни его спутникам подобный исход не казался неизбежным. Поняв, что дела его плохи, лев мог навалиться на дверь и, пустив в ход острые когти и зубы, проломить ее.

Разгневанный ван Блоом не желал оставлять своему пленнику такую возможность. Он решил, что не уйдет отсюда, покуда не уничтожит зверя. И вот он стал раздумывать, как бы это сделать самым быстрым и верным путем.

Он надумал было просверлить ножом дыру в двери, достаточно широкую, чтобы можно было п глядеть в нее и просунуть ствол ружья. Если сквозь дыру плохо будет видно зверя, тогда можно проделать вторую в ставне. Два отверстия с противоположных сторон осветят всю внутренность дома, ибо жилище ван Блоома состояло всего из одной комнаты. Пока он там жил, комнат получалось две благодаря перегородке из зебровых шкур, но ее убрали при отъезде.

Два отверстия — одно в двери, другое в ставне — позволят выпустить в зверя сколько угодно пуль, покуда охотники не уверятся, что ему на них не напасть. Но покуда просверлишь их, уйдет немало времени. Это останавливало ван Блоома. Ему и его спутникам нужно было торопиться: кони притомились и были голодны, а прежде чем явится возможность накормить их, предстояло проделать еще долгий путь.

Нет, нельзя сверлить отверстия, нужен способ более быстрый.

— Отец, — сказал Гендрик, — а что, если поджечь дом?

Отлично. Добрый совет.

Ван Блоом бросил взгляд на крышу — покатую, с длинным карнизом. Она состояла из сухих тяжелых деревянных балок, стропил, перекладин, и все это было покрыто толстым — в добрый фут толщиной — слоем сухого тростника. Она бы вспыхнула огромным костром, и лев, наверно, задохся бы от дыма раньше, чем дошел бы до него огонь.

Предложение Гендрика было одобрено. Принялись готовить все для поджога. Вокруг дома еще оставалось много валежника, обглоданного, но не сожранного саранчой. Это позволяло с легкостью осуществить задуманное, и они стали подтаскивать этот валежник и заваливать им дверь.

Можно было подумать, что лев разгадал их намерение: перед тем он долгое время не подавал голоса, а тут снова начал грозно рычать. Возможно, зверя встревожил шорох сучьев, стукавшихся снаружи о дверь; и, поняв, что пойман и заперт, он стал проявлять нетерпение. То, что он считал укрытием, обернулось западней, и теперь он рвался высвободиться из нее. Это явствовало из всего его поведения. Было слышно, как он мечется по дому — от двери к окну, от окна к двери — и бьет то в дверь, то в ставень своими огромными лапами, чуть не срывая их с петель и все время испуская дьявольский рев.

Хоть и не без тайных опасений, трое охотников продолжали свою работу. Кони были у них под рукой, готовые принять в седло всадников, если лев проложит себе дорогу сквозь огонь. Так охотники и рассчитывали: поджечь — и на коней, чтобы сразу, как только костер как следует разгорится, отъехать и наблюдать за пожаром с безопасного расстояния.

Они перетаскали и нагромоздили у двери все ветви и доски, какие только нашлись. Черныш вынул свой кремень с огнивом и хотел было высечь огонь, когда до слуха охотников донеслось из дома шумное царапанье, не похожее ни на что слышавшееся им до сих пор. Казалось, лев скребет когтями о стену, но к этому примешивались еще какие-то странные звуки, словно зверь отчаянно боролся; его рычание стало хриплым, приглушенным и слышалось словно издалека.

Что делал зверь?

Охотники приостановились на миг, поглядели тревожно друг другу в лицо. Царапанье продолжалось, время от времени доносился хриплый рев, и вот он смолк наконец, потом раздалось фырканье, а за ним рычание, такое громкое и полнозвучное, что все трое содрогнулись от ужаса. Не верилось, что все еще стоит стена между ними и грозным врагом.

Снова прозвучал этот омерзительный рев. Силы небесные! Он доносится уже не из-за двери — он раздается над их головами! Неужто лев выскочил на крышу? Все трое враз отпрянули на несколько шагов и подняли

головы. Им представилось такое зрелище, что они замерли в изумлении и ужасе.

Из дымовой трубы высунулась голова льва. Пылающие желтые глаза и белые зубы казались еще страшнее в контрасте с черной от сажи мордой. Зверь силился вылезть в трубу. Одна лапа уже лежала на каменной кладке; ею и зубами он расширял вокруг себя отверстие. Зубы и когти его работали вовсю, из-под них летели во все стороны известь и камень. Скоро освободится от каменных тисков его широкая грудь, и тогда...

Ван Блоом не стал раздумывать о том, что будет тогда. Он и Гендрик с ружьями наперевес подбежали ближе к стене. Труба высилась в каких-нибудь двадцати футах от земли; длинный ствол ружья поднялся прямо вверх, чуть ли не на половину этого расстояния. Так же был наведен и карабин. Два выстрела ударили одновременно. Глаза льва вдруг закрылись, голова судорожно качнулась вбок, лапа свесилась над трубой, челюсти разомкнулись, открыв зев, и по языку заструилась кровь. Через несколько секунд зверь был мертв.

Это видно было всем. Но Черныш не успокоился, пока не выпустил в голову зверя штук двадцать стрел, которые придали его мертвому врагу сходство с дикобразом. Огромный зверь так плотно застрял в дымоходе, что и смерть оставила его все в том же необычном положении.

При других обстоятельствах охотники не преминули бы стащить льва вниз ради его шкуры. Но свежевать тушу было некогда. Не тратя больше времени, ван Блоом и его спутники сели на коней и поскакали прочь.

Глава XII

БЕСЕДА О ЛЬВАХ

На обратном пути, чтобы скоротать время, охотники повели разговор о львах. Каждый из них кое-что знал об этих хищниках; но Черныш, родившийся и выросший в африканской лесостепи, среди львиных лого-

виц, был, конечно, хорошо знаком с повадками льва — куда лучше, чем сам господин Бюффон [1]. Излишне было было бы описывать, как выглядит лев. Всем образованным людям, конечно, знаком его облик — каждый либо видел живого льва в зверинце, либо его чучело в музее. Каждый знает, как сложён этот зверь, помнит его большую косматую гриву. Каждый знает вдобавок, что львица лишена этого украшения и значительно отличается от самца как ростом, так и всем своим внешним видом.

Хотя все львы относятся к одному и тому же виду, но существует несколько разновидностей его. очень мало, впрочем, друг от друга отличных — куда менее, чем разновидности большинства других животных.

Таких признанных разновидностей насчитывается семь: варварийский лев, сенегальский, индийский, персидский, желтый капский, черный капский лев и лев безгривый.

Различие между всеми этими животными не так уж велико — каждый с первого же взгляда отнес бы их всех к одному роду и виду. Персидская разновидность несколько мельче других; варварийская отличается темно-бурой окраской и самой тяжелой гривой; сенегальский лев посветлей, пожелтей, и грива у него жидкая; а безгривый лев совсем лишен этого убора. Впрочем, существование седьмой разновидности некоторые естествоведы берут под сомнение. Если верить другим, безгривый лев водится в Сирии. Два капских льва различаются главным образом по цвету гривы: у одного она черная или темно-бурая, у другого — желто-рыжая, в одну масть со шкурой.

Из всех львов оба южноафриканских, пожалуй, самые крупные, а черная разновидность свирепей и опасней желтой.

Лев распространен по всему Африканскому материку и в южных странах Азии. В глубокой древности он во-

---

[1] Бюффон Жорж Луи Леклерк де (1707—1788) — знаменитый французский ученый и писатель, автор тридцатишеститомного труда о жизни животных, изложенного в яркой и остроумной форме.

дился местами и в Европе, но теперь его там уже не встретишь. В Америке львов нет. Животное, которое в Латинской Америке известно под именем льва, не лев, а кугуар, или пума; оно втрое меньше его и схоже с царем зверей только той же бурой окраской. Пума несколько напоминает, пожалуй, полугодовалого львенка. Африку по преимуществу можно назвать страною льва. Он встречается по всему материку, за исключением, понятно, нескольких густонаселенных местностей, откуда его изгнал человек.

Льва издавна прозвали царем лесов, и прозвали неправильно. Он, по существу, не лесной зверь. Он не умеет лазить по деревьям, так что в лесу ему труднее добыть себе пищу, чем на открытой равнине. Пантера, или леопард, или ягуар — те отлично лазают по деревьям. Они могут выхватить птицу из гнезда и настигнуть обезьяну на ветке. В лесу они у себя дома. Это лесные звери. Другое дело — лев. Широкая равнина, где бродят крупные жвачные животные, да заросли низкого кустарника, где можно притаиться, — вот где любит селиться лев.

Питается он мясом самых разных животных, хотя иным отдает особое предпочтение — смотря по местности. Животных себе на еду он убивает сам. Рассказы, будто его «поставщиками» являются шакалы, которые якобы убивают зверей для льва, — чистейшее измышление. Напротив, часто сам лев снабжает пищей ленивцев-шакалов. Вот почему их так часто можно видеть в его обществе — они держатся поближе к льву в расчете на «крохи с барского стола».

Лев сам для себя «бьет скот», хотя и предпочитает, чтобы это сделали за него другие. Он охотно отбирает добычу у волка, шакала, гиены, а когда может, и у человека. Лев — неважный бегун, как и другие истинные представители семейства кошек. Жвачные животные почти все обгоняют его в беге. Как же тогда он может их настичь? Благодаря уловке, благодаря внезапности нападения и еще благодаря огромной длине и быстроте своего прыжка. Лев залегает и ждет жертву или же подкрадывается к ней. Он набрасывается из-за прикрытия.

Особенности строения тела позволяют льву покрывать прыжком очень большое, почти невероятное расстояние. Некоторые авторы говорят о прыжках на шестнадцать шагов, утверждая, будто видели воочию такой прыжок и сами тщательно измерили его длину.

Когда не удается настигнуть жертву первым же прыжком, лев ее не преследует, а поворачивает и бежит рысцой в обратную сторону. Впрочем, иногда намеченная жертва соблазняет льва и на второй прыжок, а то и на третий; но, если и тот не принесет удачи, лев уже непременно оставит преследование.

Лев не стадное животное, хотя нередко можно встретить группу в десять, а то и в двенадцать голов: львы временами охотятся сообща и гонят дичь друг на друга. Львы набрасываются на зверей всех видов, какие водятся поблизости и пожирают их; даже сильного и тяжелого носорога они не страшатся, хоть тот частенько отбрасывает их и побеждает. Нередко молодые слоны становятся их добычей. Свирепый ли буйвол, жираф ли, сернобык, огромная канна и эксцентричный гну — над всеми лев одерживает верх благодаря своей превосходной силе и мощному вооружению. Однако не всегда лев выходит победителем из борьбы. Иногда тот или другой зверь побеждает его, и лев сам становится его жертвой. А случается и так, что оба противника остаются мертвыми на поле битвы.

Профессионал-зверобой не охотится на льва. Невелика корысть: за львиную шкуру много не возьмешь, а других сколько-нибудь ценных трофеев убитый зверь не сулит. Поскольку охота на него сопряжена с большой опасностью и поскольку охотник, как уже известно читателю, может, когда захочет, избежать столкновения, то львов совсем почти не убивали бы, если бы сами они не чинили обид человеку — не уносили бы у фее-бура его лошадей и скот. Тут на сцену выступает новая страсть — жажда мести. Охваченный ею, фермер нашел особый смысл в охоте на льва и стал с большим усердием и рвением преследовать его.

Но где нет скотоводческих ферм, там нет и этой побудительной причины. И там охота на льва никого осо-

бенно не прельщает. Примечательно, что бушмены и другие бедные кочевые племена совсем не убивают льва или же убивают крайне редко. Они в нем не видят врага. Лев для них поставщик!

Гендрику доводилось об этом слышать, и он спросил у Черныша, правда ли это. Бушмен без обиняков подтвердил. Бушмены, сказал он, обычно высматривают льва или идут по его следам, пока не набредут на него самого или на тушу убитой им жертвы. Иногда им указывают к ней дорогу стервятники. Если лев окажется на месте или если он еще не окончил обеда, люди ждут, чтобы он удалился, а потом подбираются к остаткам его добычи и присваивают их. Часто им таким образом перепадает половина, а то и три четверти туши какого-нибудь крупного животного, которого им не так-то просто убить самим. Зная, что львы редко нападают на человека, бушмены не очень боятся этих хищников. Наоборот, они скорее радуются, когда видят, что в округе много львов. Ведь это означает для них соседство с охотником, который будет поставлять им еду!

Глава XIII

ПУТНИКОВ ЗАСТИГЛА НОЧЬ

Наши путники еще долго вели бы разговор о львах, если бы их не тревожило состояние лошадей. С тех пор, когда появилась саранча, несчастные животные только два — три часа пощипали траву, а потом все время оставались без пищи. Зеленая трава — неважный корм для верхового коня, и, конечно, лошади под нашими охотниками уже сильно страдали от голода.

Как ни гони коней, не добраться было всадникам до своей стоянки раньше, чем глубокой ночью. Уже совсем смерклось, когда они прибыли к месту, где сделали привал накануне вечером. Темнота была полная. Ни луны, ни звезд — тяжелые черные тучи заволокли все небо. Вот-вот, казалось, нагрянет буря с ливнем — но дождь никак не хотел пролиться.

Путники думали сделать здесь привал и дать коням немного попастись. В расчете на это все трое спешились; но сколько ни искали, нигде не могли найти травы. Странно! Ведь накануне они ясно видели траву на этом самом месте. Куда она исчезла? Лошади тыкались носом в землю, но снова поднимали голову, сердито фыркая в явном разочаровании. Они так изголодались, что, конечно, стали бы щипать траву, если бы она там была: в пути они жадно обрывали даже листья с кустов.

Не побывала ли и здесь саранча? Но нет — кусты мимозы еще сохраняли на ветвях нежную листву; они стояли бы голые, навести саранча этот край.

Путники застыли от удивления. Где же трава? Ведь она тут была — определенно была накануне! Уж не сбились ли они с пути?

Темнота мешала видеть землю, но все же не мог ван Блоом заблудиться — этот путь он совершал в четвертый раз. Пусть не видно было под ногами дороги, но время от времени глаз распознавал какой-нибудь куст или дерево, которые фермер заприметил, когда проезжал здесь раньше, и это давало ему уверенность, что они едут правильно.

Озадаченные отсутствием травы там, где они так недавно видели ее, путники не стали все же разглядывать поверхность земли; они хотели добраться поскорее до родника и потому отказались от привала. Вода в тыквенных бутылях давно иссякла; уже опять давала себя чувствовать жажда. К тому же ван Блоом не был вполне спокоен за детей, оставленных при фургоне. Полтора суток прошло, как он расстался с ними, — мало ли что могло произойти за этот срок, мало ли грозило опасностей? Он и то уж поругивал себя, что уехал от детей. Лучше было бросить скот на гибель. Так думалось ему теперь.

Все сильней одолевала мысль, что там у них не все благополучно; и эта мысль настойчиво гнала ван Блоома вперед и вперед.

Ехали молча. И только когда Гендрик высказывал сомнение насчет дороги, снова завязывался разговор. Черныш тоже полагал, что хозяин сбился со следа.

Сперва ван Блоом уверял их обоих, что это не так, но, проехав немного дальше, признался, что и у него возникли сомнения, а затем, сделав еще с полмили, объявил, что потерял дорогу: он больше не узнает картину местности, не может отыскать взглядом ни одной запримеченной черты.

В таких обстоятельствах вернее всего опустить поводья и дать свободу лошадям; все трое хорошо это знали. Но лошади были измучены голодом и, предоставленные самим себе, не пожелали идти вперед, а подались к зарослям мимозы и стали жадно ощипывать листья с ветвей. Чтобы заставить их бежать, всадникам все время приходилось пускать в ход и кнут и шпоры, а это отнимало уверенность, что кони находят правильную дорогу. Так они ехали час, и другой, и третий в тягостном беспокойстве, но, сколько ни вглядывались, не видно было ни фургона, ни костра. И путники решили все-таки сделать привал. Ехать дальше казалось теперь бессмысленным. Они знали, что находятся, вероятно, неподалеку от лагеря, но, продолжая путь, одинаково могли и приблизиться к нему и удалиться.

И они пришли наконец к заключению, что самое разумное — до рассвета не двигаться с места.

Поэтому они спешились и привязали коней в кустах — пусть жуют листья до зари, которой уже недолго оставалось ждать. Завернулись в свои кароссы и улеглись на земле. Гендрик и Черныш сразу заснули. Ван Блоома тоже клонило ко сну, он достаточно был утомлен, но тревога за детей, переполнявшая сердце отца, не давала ему сомкнуть глаз, и он лежал без сна до утра. Оно наконец наступило, и с первым же проблеском света трек-бур оглядел окружающую местность. Путники, к счастью, заночевали на вершине небольшого холма, откуда во все стороны открывался вид на много миль, но ван Блоом еще не окинул взглядом и половины всего представшего ему простора, как возник перед его глазами предмет, при виде которого его сердце забилось радостью. То был белый парусиновый верх его фургона!

Веселый возглас, вырвавшийся у ван Блоома, разбудил спящих, которые тут же вскочили на ноги; все втроем они загляделись на это отрадное зрелище. Но понемногу их радость уступила место другим чувствам. Да полно, их ли это фургон? Похоже, что их; но он стоял в доброй полумиле — в таком отдалении все фургоны напоминают один другой. А вид окружавшей его местности наводил на сомнения.

Нет, решительно место было совсем не то, где выпрягли они лошадей!

Свой фургон они оставили в узкой долине между двумя пологими склонами — и этот стоял в подобной же долине. Там было рядом маленькое болотце, образовавшееся подле ручья, — и здесь было такое же: они видели издали блеск воды. Но во всех других отношениях местность рознилась с тою. Долину, где они разбили лагерь, всю сплошь — по дну и по склонам — застилал зеленый ковер травы, а эта лежала перед их глазами бурая и голая. Не видно было ни былинки — зелень, казалось, сохранилась тут только на деревьях. Кусты, какие пониже, и те были как будто лишены листвы! Местность своим видом нисколько не походила на ту, где они стали лагерем. А здесь, подумалось им, была, очевидно, стоянка каких-то других путешественников.

Они совсем уже было пришли к такому заключению, когда Черныш, внимательно осматривавший все вокруг, наконец уставился в землю под ногами. С полминуты он ее разглядывал — что теперь, при усиливавшемся свете, стало уже нетрудным — и вдруг повернул лицо к остальным и предложил им обратить внимание на поверхность почвы в степи. Ее, как они увидели, сплошь покрывали какие-то следы, как будто бы от тысячи копыт. В самом деле, степь сейчас походила на обширный овечий загон; такой обширный, что, насколько хватал глаз, повсюду видна была все та же покрытая следами, истоптанная земля.

Что это значило? Гендрик не понимал. Ван Блоом не мог решить. Но Черныш определил с одного взгляда. Для него такое зрелище было не ново.

— Все хорошо, баас, — сказал он, подняв голову и глядя хозяину в лицо. — Это наш старый фургон!.. И ручей тот, и долина та... то самое место... Тут прошли трек-бокен.

— Трек-бокен? — подхватили разом ван Блоом и Гендрик.

— Да, басс, и очень большое стадо. Это следы антилоп... Смотрите!

Ван Блоому все теперь стало понятно. Нагота степи, отсутствие листьев на более низких кустах, миллионы отпечатков маленьких копыт — все разъяснилось.

По степи прошло стадо антилоп из вида горных скакунов («трек-бокен», как они зовутся у буров). Вот что так неузнаваемо изменило местность! А фургон, стало быть, не чей иной, как его собственный.

Не теряя времени, они отвязали своих лошадей, взнуздали их и быстро понеслись вниз по склону холма. Хотя при виде фургона у ван Блоома немного отлегло от сердца, он все еще не освободился от дурного предчувствия.

Вскоре путники могли уже разглядеть подле фургона двух лошадей, привязанных к его колесам, тут же стояла и корова, но ни коз, ни овец нигде поблизости не было видно.

У задних колес фургона горел костер, под фургоном что-то чернело, но не приметно было нигде никого из людей.

По мере приближения все сильнее бились сердца у ван Блоома и у двух его спутников. Они не сводили глаз с фургона.

Тревога становилась все острей. Триста ярдов отделяли их от места, а на стоянке все еще никто не шевелился — не появлялось ни одной человеческой фигуры. Ван Блоом и Гендрик были вне себя от беспокойства. Но вот обе лошади у фургона громко заржали; черная тень под фургоном задвигалась, вылезла, поднялась во весь рост, и путники узнали Тотти. Она торопливо отодвинула заднюю дверцу фургона, и оттуда

выглянули три юных лица. Крик радости вырвался у всадников, а мгновением позже маленькие Ян и Трейи выпрыгнули из-под парусиновой крыши прямо в объятия отца, между тем как Гендрик, Ганс, Тотти и Черныш весело здоровались. И столько было при этом радостной суматохи, что, право, не описать!

Глава XIV

КОЧЕВЬЕ АНТИЛОП

Не обошлось без приключений и у тех, кто оставался в лагере; и рассказ их был вовсе не веселый, так как из него вытекало неприятное обстоятельство: овцы и козы потеряны. Стадо пропало — и при крайне необычных обстоятельствах, а надежда возвратить его была более чем сомнительна.

Ганс начал так:

— В день, когда вы от нас уехали, не произошло ничего особенного. С обеда до вечера я был занят — резал для крааля кусты колючки, так называемой «стой-погоди». Тотти помогала мне таскать их, а Ян и Трейи присматривали за стадом. Наши козы и овцы не забредали за пределы долины — трава была хорошая, а усталость после долгого пути еще давала себя знать. Так вот. Мы с Тотти, как вы видите, соорудили крааль по всем правилам. Когда настала ночь, мы в него загнали стадо; потом Тотти подоила корову, все поужинали и легли спать. Мы изрядно устали и всю ночь спали без просыпу. Вокруг рыскали гиены и шакалы, но мы знали, что они не проникнут в крааль.

Широким движением руки Ганс указал на круговую ограду, отлично им построенную из терновника. Затем он вернулся к своему рассказу:

— Утром мы всё нашли в полном порядке. Тотти снова подоила корову, мы позавтракали. Овец и коз выпустили попастись на траве, лошадей и корову — тоже. Ближе к полудню я стал подумывать, что же нам сварить на обед, — все, что у нас оставалось, съели за

завтраком. Мне не хотелось закалывать еще одну овцу, покуда можно обойтись без этого. Итак, приказав Яну и Трейи не отходить от фургона, а Тотти — присматривать за стадом, я взял свое ружье и отправился поискать дичи. Пошел пешком, так как мне казалось, что я видел вдалеке на равнине горных скакунов, а к ним лучше подбираться без лошади. Горных скакунов, что и говорить, было вокруг немало. Когда я вышел за край долины и обвел глазами открывшееся предо мной пространство, я увидел, смею вас уверить, удивительную картину. Я сам едва поверил своим глазам. С западной стороны вся степь, казалось, являла собой одно сплошное стадо антилоп; и по их окраске — светло-желтой на боках, белоснежной на крестце — я в них узнал горных скакунов. Они минуты не оставались в покое: пока одни пощипывали траву, сотни других непрестанно прыгали чуть ли не на десять футов в высоту, наскакивая друг на друга. Право же, это было едва ли не самое любопытное зрелище, какое случалось мне видеть, и самое приятное: я знал, что животные, покрывшие степь, не лютые звери, а прелестные, грациозные маленькие газели. Моей первой мыслью было подобраться к ним поближе и выстрелить; я уже направился прямо в степь, когда заметил, что антилопы сами надвигаются на меня. Я увидел, что они быстро приближаются и, если мне стоять на месте, они меня избавят от труда идти к ним самому. Я улегся за кустом. Лежу и жду. Ждать пришлось недолго. Не прошло и четверти часа, как передние из стада значительно ко мне приблизились, а еще через пять минут уже два — три десятка оказались на расстоянии выстрела. Но я не стал стрелять, я знал, что они подойдут еще ближе, и лежал, наблюдая за движениями этих красивых антилоп. Я разглядывал их легкие, изящные формы, их стройные ноги, их окраску: коричневая спинка, белое брюшко, рыжая продольная полоска на каждом боку. Я видел лировидные рога самцов и, главное, своеобразные белые пятна на крупах, открывавшиеся глазу каждый раз, когда антилопы подпрыгивали, задирая хвост и показывая под ним густую шелковистую

шерсть, белую, как снег. Все это я примечал, и наконец, налюбовавшись вдосталь, высмотрел одну хорошенькую самочку — я не позабыл об обеде, а всем известно, что самое вкусное мясо бывает у самок. Старательно нацелившись, я выстрелил. Самка упала, но, к моему удивлению, остальные животные не разбежались. Только несколько самых передних отпрянули назад и подскочили высоко в воздух, но тут же стали снова преспокойно щипать траву. Основная масса продолжала, как и раньше, двигаться вперед. Я как мог скорее перезарядил ружье и повалил еще одного скакуна, на этот раз самца, по-прежнему не спугнув остальных.

Я принялся в третий раз заряжать, но не успел еще довести дело до конца, как передние ряды антилоп уже пронеслись мимо меня с обеих сторон, и я оказался в середине стада.

Прятаться за кустом, решил я, было теперь ни к чему. Я поднялся, стал на одно колено и выстрелил в ближайшего от меня скакуна, который тут же упал. Его товарищи не остановились, и тело его оказалось растоптано тысячью копыт. Я снова зарядил ружье и стал во весь рост. Тут я впервые задумался, почему горные скакуны ведут себя так странно: вместо того чтобы помчаться прочь при моем появлении, они только слегка шарахнулись в сторону и продолжали бежать, не изменив направления. Их точно несло вперед, как в дурмане. Мне вспомнилось, где-то я слышал, что так горные скакуны ведут себя во время своих переселений. Значит, подумал я, это и есть переселение стада.

Вскоре я утвердился в этой мысли, потому что стадо вокруг меня сбивалось с каждой минутой все теснее, и мне становилось не по себе. Я не то чтобы боялся этих животных — они не выказывали никаких поползновений направить на меня свои рога — наоборот, они старались сколько могли обходить меня подальше. Но я внушал беспокойство только самым ближайшим; тех, что находились от меня в ста ярдах, мое присутствие ничуть не страшило, и они не желали хоть сколько-

Горные скакуны неслись вперед, как в дурмане.

нибудь посторониться. Поэтому ближайшие могли податься лишь на два — три шага от меня, заставляя соседей сбиваться в кучу или же перепрыгивая через них, так что вокруг меня все время было двойное плотное кольцо — одно на земле и второе в воздухе! Не могу описать, какие странные чувства владели мною в этом необычном положении, и не знаю, долго ли я простоял бы так на месте. Может быть, я попытался бы еще несколько раз зарядить ружье и выстрелить, если бы вдруг не вспомнил об овцах. «Стадо увлечет их за собой», — подумалось мне. Я слыхал, что это случается довольно часто. Антилопы, сообразил я, направляются к нашей долине — передние уже вступили в нее; скоро они добегут до того места, где, как я недавно видел, паслись овцы и козы. В надежде, что я опережу горных скакунов и загоню овец в крааль раньше, чем те завлекут их в свое стадо, я побежал к долине. Но, к моему огорчению, я не мог идти быстрее, чем подвигалось стадо.

Задолго до того, как я пробился к фургону, я увидел, что Ян, и Трейи, и Тотти благополучно сидят под парусиновым верхом. Это меня порадовало, но я увидел также, что козы и овцы уже смешались со стадом горных скакунов и те увлекают их за собой, как если бы наши животные принадлежали к одному с ними виду. Боюсь, мы потеряли их безвозвратно...

Итак, ван Блоом и его семья очутились в крайнем затруднении. Весь их скот ушел. Только и было у них, что одна корова и несколько лошадей, да и для тех антилопы не оставили ни клочка травы. Чем их теперь кормить?

Пуститься по следам кочующих горных скакунов в надежде вернуть своих овец и коз? Бесполезное дело! Так уверял Черныш. Несчастные животные пробегут сотни миль, пока смогут отделиться от огромного стада антилоп и закончить свое невольное путешествие. Оседлать коней и пуститься в погоню? Но далеко на них не проскачешь. Их нечем подкормить, кроме как листьями мимозы, а это не корм для изголодавшихся лошадей. Счастье будет, если они не падут прежде, чем

удастся выбраться с ними на какое-нибудь пастбище. Но где теперь искать его? Сперва саранча, а потом еще и антилопы, казалось, превратили всю Африку в пустыню.

Ван Блоом быстро принял решение. Он переночует здесь, на месте, а рано поутру двинется разыскивать какой-нибудь другой источник.

К счастью, Ганс не преминул приволочь туши подстреленных им горных скакунов, и теперь их мясо, сочное и вкусное, пришлось как нельзя более кстати. Жаркóе из антилопы да глоток холодной ключевой воды быстро восстановили силы трех истомившихся путешественников.

Лошадей пустили пастись среди деревцев мимозы и предоставили самим себе; и, хотя при обычных обстоятельствах они «воротили бы носы» от такого корма, теперь они отнеслись к нему совсем по-другому и принялись обчищать колючие ветви усерднее иного жирафа.

Глава XV

В ПОИСКАХ РОДНИКА

Едва рассвело, ван Блоом был уже в седле. С собою он решил взять только Черныша; Ганс и Гендрик остались при фургоне ждать их возвращения. Лошадей для поездки отобрали из тех, что еще не покидали лагеря, — эти были менее утомлены.

Ехали неуклонно на запад. Это направление они предпочли по той причине, что стадо горных скакунов, как показывали следы, пришло с севера. Путники надеялись, что, двигаясь все время на запад, они быстрее выйдут из полосы опустошения.

К большой их радости, уже через час они оказались за пределами местности, где прошло стадо антилоп; и хотя вода еще не встретилась, всюду была прекрасная трава.

Теперь ван Блоом отправил Черныша назад за остальными лошадьми и коровой, условившись, куда

тот приведет их пастись, а сам пустился дальше на поиски воды. Сделав еще несколько миль, он увидел на севере длинную гряду скал, вставшую прямо над степью и уходившую далеко на запад, до самого горизонта. Полагая, что близ этих скал скорее сыщется вода, он повернул к ним своего коня. Чем ближе подъезжал он к основанию хребта, тем больше его привлекала открывавшаяся перед глазами картина. Он пересекал покрытые густой травой поляны, то маленькие, то побольше, отделенные друг от друга рощами нежнозеленой мимозы; местами они образовывали обширные заросли, местами же состояли из нескольких низеньких кустиков. Высоко над мимозовым подлесьем здесь и там поднимались купы деревьев-исполинов какой-то совсем незнакомой ван Блоому породы — таких он еще никогда не видывал. Они разбросаны были по степи разреженным лесом; но густая вершина каждого дерева представляла сама по себе как бы целый лесок. Вся местность вокруг напоминала своим видом пленительный парк и являла приятный контраст угрюмому хребту. Он вздымался над равниной скалистой кручей высотою в несколько сот футов и отвесной, казалось, как стены дома.

Глаз путника отдыхал на этом красивом ландшафте: такой чудесный уголок среди такой наготы! Ван Блоом знал, что окружающая местность почти всюду малопривлекательна — немногим лучше нелюдимой степи. К северу она переходит в пустыню, которая тянется на сотни миль, — знаменитую Калахари, — и эта каменная гряда составляет часть южного рубежа пустыни.

При других обстоятельствах подобное зрелище наполнило бы радостью сердце фее-бура, но теперь, когда не стало у него скота, что проку было ему в этих тучных пастбищах!

Как ни хороша была картина местности, думы путника приняли печальный оборот. Однако ван Блоом не предался отчаянию. Тревоги дня не позволяли задерживаться слишком долго на мыслях о будущем. Первая задача — отыскать такое место, где могли бы

откормиться лошади. Без них он не сможет двинуться дальше в глубь степей, без них он поистине беспомощен. Самое желанное сейчас — вода. Покуда не удастся найти воду, весь этот чудесный парк, которым он проезжает, для него имеет не больше цены, чем бурая пустыня. Но, конечно, такой прелестный оазис не мог бы существовать без самого необходимого — без влаги. Так размышлял ван Блоом. И каждый раз, как вставала перед ним новая роща, глаза его принимались отыскивать ручей.

— Го-го! — вскричал он радостно, когда из-под ног его шарахнулась со всем своим выводком намаква, крупная куропатка. — Добрый знак! Эту птицу не часто встретишь вдали от воды.

Вскоре затем он увидел стайку красивых цесарок, побежавших в рощу, — новое свидетельство, что неподалеку есть вода. Но вернее всего указывал на ее близость третий признак: на маковке высокой жирафьей акации ван Блоом разглядел сквозь листву яркое оперение попугая.

— Ну, теперь, — пробормотал он, сам себя успокаивая, — я, конечно, совсем рядом с каким-нибудь ручьем или заводью.

Весело поскакал он дальше и через несколько минут въехал на гребень довольно высокого взгорья. Здесь он остановил коня и стал следить за полетом птиц.

Он сразу же увидел выводок куропаток, летевших на запад, затем еще один потянулся туда же. Оба выводка опустились, как показалось ему, у исполинского дерева, высившегося среди равнины ярдах в пятистах от подошвы скалистого кряжа. Дерево это росло особняком от прочих и было куда больше всех, какие видел в пути ван Блоом.

Пока он стоял на месте, дивясь дереву-великану, он подметил, как несколько пар попугаев сели в его ветвях.

Они перекликались и, посидев немного, снимались парами с веток и опускались на землю где-то у подножия дерева.

«Там она, значит, и есть, вода, — подумал ван Блоом. — Подъеду погляжу».

Но его лошадь не ждала, пока он примет свое решение. Она уже рвалась в узде и, как только всадник направил ее в сторону дерева, бодро понеслась, вытянув шею и храпя на скаку. Доверившись инстинкту своего коня, всадник опустил поводья, и не прошло и пяти минут, как оба — конь и всадник — пили уже вкусную воду из чистого ключа, бившего в десяти шагах от дерева.

Ван Блоом не стал бы медлить и тут же пустился бы в обратный путь к фургону, но он подумал, что, если дать лошади с часок пощипать траву, она потом побежит резвее и доставит его на место примерно к тому же времени. Поэтому он снял узду и дал скакуну попастись на воле, а сам растянулся под деревом-великаном. Лежа в тени, он невольно залюбовался величественно вздымавшимся над ним удивительным произведением природы. Это было чуть ли не самое большое дерево, какое видел на своем веку ван Блоом. Оно принадлежало к одному из видов фикуса, к породе, называемой «нвана», а широким резным листом, густо росшим на его великолепной вершине, напоминало явор. Ствол его достигал двадцати футов в поперечнике и больше чем на двадцать футов был ровный и гладкий, и только выше пускал во все стороны множество длинных горизонтальных ветвей. Сквозь густую листву проглядывали блестящие яйцевидные плоды величиной с кокосовый орех.

Наслаждаясь прохладой под навесом тенистой листвы, ван Блоом снова и снова возвращался к мысли о том, что хорошо бы построить в этом месте крааль. Обитателям жилища, приютившегося под дружественным кровом нваны, не придется бояться нещадных лучей африканского солнца; да и дождь едва ли пробьется сквозь этот лиственный полог. Право, густая крона дерева сама по себе уже почти составляла крышу.

Не лишись фее-бур своего скота, он, конечно, сразу бы решил обосноваться здесь. Но как ни казалось это соблазнительным, что стал бы он делать теперь в таком

месте? Для него оно было той же пустыней. Никаким промыслом он не мог заняться в таком отдаленном уголке. Правда, здесь можно прокормить себя и семью охотой. Дичи вокруг, он видел, было сколько угодно Но это сулило бы жалкое прозябание без видов на будущее. Что стали бы делать впоследствии его дети? Неужели они должны вырасти только для такого назначения в жизни — сделаться охотниками, необразованными, стоящими на уровне несчастных дикарей-бушменов? Нет, нет и нет! Ставить тут свой дом — об этом не могло быть и речи. Придется лишь на несколько дней дать отдых измученным лошадям, а потом со свежими силами двинуться в обратный путь и выбраться к поселениям.

Но что с ним будет, когда он вернется в колонию? Этого ван Блоом не знал. Будущее представлялось мрачным и неопределенным. Час или немного больше предавался он этим думам; потом решил, что пора возвращаться в лагерь. Поймав и взнуздав свою лошадь, он вскочил в седло и пустился в путь.

Сочная трава и свежая вода восстановили силы лошади, и она резво его понесла; не прошло и двух часов, как ван Блоом съехался с Чернышем и Гендриком на условленной поляне. Теперь лошадей повели обратно в лагерь, запрягли, и тяжелый фургон снова покатил по степи. Солнце еще не зашло, когда длинный белый парусиновый тент заблистал под лиственным кровом исполинской нваны.

Глава XVI

ГРОЗНАЯ ЦЕЦЕ

Расстилавшийся вокруг зеленый ковер, густая листва деревьев, цветы у ручья, кристальная вода в его русле, черные крутые скалы, громоздившиеся вдали, — все это вместе составляло чарующую картину. Глаза путников отдыхали на ней, и, пока распрягали фургон, каждый не преминул громким возгласом выразить свой восторг.

Место, как видно, всем пришлось по душе. Гансу полюбилась эта лесная красота, дышавшая покоем. О лучшем уголке для прогулок он и не мечтал бы — бери книгу в руки и часами броди в одиноком раздумье. Гендрику место понравилось потому, что оно было, как он выразился, «истоптано на славу»; иными словами, он уже углядел вокруг следы разнообразных африканских животных, вплоть до самых крупных. Маленькую Трейи радовало, что здесь так много красивых цветов. Она видела кругом и ярко-малиновую герань, и белые звездочки душистого жасмина, и горделивые лилии, розовые и белые. Цветы не только пестрели в траве — они цвели и на кустах, и даже на деревьях.

Тут был и медовый кустарник, самый красивый в своем семействе, весь в больших чашевидных венчиках — алых, белых и желтых; было здесь и серебряное дерево с нежными серебристыми листьями — когда ими играл ветерок, они становились похожи на громадные букеты шелковых цветов,—и были усыпанные золотом деревца мимозы, разливавшие в воздухе свой сильный и приятный запах.

Но больше всего восторгала маленькую Трейи прелестная голубая кувшинка, недаром слывущая одним из самых красивых африканских цветков. Поодаль от ручья, в сторону равнины, сверкала небольшая заводь, хотя, пожалуй, ее можно бы назвать и озерцом, а на ее тихой водной глади дремали в величавой красоте небесно-голубые венчики этих кувшинок.

Трейи, ведя за собой на поводу своего маленького любимца, подошла к самому берегу полюбоваться на них. Девочка глядела и не могла наглядеться.

— Мне хочется, чтобы папа остался здесь подольше, — сказала она увязавшемуся за нею маленькому Яну.

— И мне... Ах, Трейи, какое там чудесное дерево! Посмотри! Орехи на нем величиной с мою голову, право! Как бы нам, сестрица, сбить их с веток?

Переговариваясь так, двое малышей любовались каждый по-своему новой для них картиной.

Однако как ни были довольны все младшие в семье, они лишь очень сдержанно выражали свою радость, потому что их смущал пасмурный взор отца. Ван Блоом спокойно сидел под приютившим их деревом, но не поднимал взгляда, как будто погруженный в мучительное раздумье. Это видели все.

Мысли его были в самом деле мучительны, да иначе и быть не могло. Ему оставалось одно: вернуться в колонию и начать свой жизненный путь сначала. Но с чем начинать? К чему приступиться? Он лишился всего и мог только пойти на службу к кому-либо из более богатых соседей, а для человека, привыкшего смолоду к независимости, это было бы очень тяжело. Он поднял глаза и посмотрел на пятерку своих лошадей, которые теперь усердно щипали сочную траву, росшую в тени у подножия скалистого кряжа. Когда они наберутся сил, чтобы можно было снова запрячь их? Пожалуй, дня через три — четыре он тронется в путь. Отличные лошади, породистые, сильные, — они, конечно, повезут фургон без большого труда... Так текли мысли бывшего фельдкорнета.

Не думал он в ту минуту, что его лошади уже никогда не смогут тянуть ни фургона, ни другой повозки. Не думал он, что все пять его благородных коней обречены на гибель...

Но это было так. Не прошло и недели, как шакалы и гиены затеяли свару на их костях. В ту самую минуту, когда владелец загляделся на пасущихся лошадей, яд уже сочился по их жилам и начали воспаляться смертельные язвы. Увы! Над головою ван Блоома нависла новая туча. Он подметил, что время от времени пасшиеся лошади проявляли признаки беспокойства. Они вздрагивали вдруг, принимались хлестать себя по бокам длинным хвостом, тереться головой о кусты.

«Им, верно, докучает какая-то муха», — подумал трек-бур и больше о них не тревожился. Знай он, что представляет собой эта маленькая мушка, он бы сорвался с места, кликнул своих сыновей и бушмена, кинулся с ними к лошадям, изловил их как можно бы-

стрее и увел бы подальше от этих темных скал. Но он не был знаком с мухой цеце. Оставалось еще с четверть часа до захода солнца, и лошадям не мешали пастись на воле. Но ван Блоом заметил, что они с каждой минутой ведут себя все беспокойней — вдруг забьют копытами о землю или отпрянут в сторону и время от времени начинают сердито ржать. Ван Блоома от них отделяло с четверть мили, и он с такого расстояния не мог увидеть, что беспокоит лошадей; но их необычное поведение в конце концов побудило его встать и направиться к ним. Ганс и Гендрик пошли с ним вместе. Когда они подошли поближе, то их поразило то, что они увидели: каждую лошадь точно осаждал пчелиный рой! Потом они разглядели, что это не пчелы, а насекомые помельче, коричневого цвета, с виду похожие на большую муху-жигалку и очень быстрые в полете. Они тысячами сновали в воздухе над каждой из пяти лошадей и сотнями садились им на голову, на шею, на спину, на бока, на ноги, — словом, на все части тела. Мушки не то кусали, не то жалили их; неудивительно, что бедным лошадям было не по себе.

Ван Блоом предложил отогнать лошадей подальше в степь, куда эти мушки, по-видимому, не залетали. Его беспокоило только одно: что лошади из-за них нервничают.

По той же причине жалел лошадей и Гендрик; из всех троих один только Ганс угадал истину. Ему доводилось читать о страшном насекомом, которое водится в некоторых глубинных областях Южной Африки, и при виде мушек у него сразу возникло подозрение, что это оно и есть.

Юноша тотчас поделился своею догадкой с отцом и братом, и те не на шутку встревожились.

— Позовите сюда Черныша! — распорядился ван Блоом.

Кликнули бушмена, и тот немедля прибежал с веревками в руке. Последний час он был занят разгрузкой фургона и не думал о лошадях и о странном их поведении. Но когда он прибежал на зов и увидел рой, круживший над лошадьми, маленькие глазки его широко

раскрылись и все лицо исказилось в изумлении и крайней тревоге.

— Что это такое, Черныш? — спросил хозяин.

— Мин баас! Мин баас! Тут сам дьявол... эта разбойница — муха цеце!

— А что такое «цеце»?

— Боже!.. Все мертвы... Мертвы! Все наши лошади!

То и дело сам себя перебивая громкими причитаниями, Черныш принялся разъяснять, что жало мухи, которую они видят перед собой, ядовито; что лошади неизбежно умрут — раньше или позже, в зависимости от числа полученных ими укусов; но стоявший над ними рой не оставил у бушмена сомнения, что лошади основательно искусаны и в течение одной недели все до единой падут.

— Ждите, мин баас, — завтрашний день покажет.

И в самом деле, на другой день, еще до полудня, у лошадей появились опухоли на голове и по всему телу; воспаленные веки почти закрывали им глаза; несчастные животные не желали щипать траву и бродили, словно вслепую, по тучному пастбищу, давая знать о мучившей их боли глухим, печальным ржанием. Каждый понял бы, что они обречены на гибель. Ван Блоом пробовал пустить им кровь, испытывал разные другие средства, но безуспешно. От укуса мухи цеце нет исцеления!

Глава XVII

ДОЛГОРОГИЙ НОСОРОГ

Гендрик ван Блоом был на грани полного отчаяния. Судьба, казалось, преследовала его на каждом шагу. Годами он шел под уклон, из года в год оскудевало его земное богатство, он делался все беднее. Теперь он достиг самой низшей ступени — стал просто нищим. У него не осталось уже ничего. Лошади были все равно что мертвы. Только корова была спасена от цеце: ее не подпускали к подножию хребта и выгоняли пастись в открытую степь; она и составляла теперь весь «живой

инвентарь» трек-бура, все его имущество. Правда, у него оставался еще превосходный фургон, но что проку в нем без волов или лошадей? Фургон без упряжки! Уж лучше бы упряжка без фургона.

Что предпринять? Как найти выход из положения? А оно было достаточно трудное, чтобы не сказать хуже: трек-бур находился сейчас в двухстах милях от ближайшего культурного поселения, и добраться туда не было иной возможности, как только пешком; но как пройти с малышами двести миль? Немыслимое дело!

Пешком по голым, безлюдным степям, превозмогая страшную усталость, терпя голод и жажду, подвергаясь встречам с опасными хищниками! Нет, не под силу будет детям совершить такой путь.

«А что еще делать?» — спрашивал себя ван Блоом. Оставаться здесь с детьми на всю жизнь, кормясь охотой в меру удачи да кореньями? Неужели стать ему дикарем-охотником, бушменом, «лесным человеком», а детям — «лесными ребятами»?

Такие мысли непрестанно осаждали ван Блоома. Неудивительно, что он чувствовал себя глубоко несчастным. Он сидел, сжав виски ладонями, и восклицал:

— Милосердное небо! Что станется со мной и с детьми?

Бедный ван Блоом! Он дошел до самой низкой ступени, уготованной ему судьбой. Да, поистине самой низкой, потому что в тот же день — и даже в тот же час — случилось нечто такое, что не только доставило облегчение его угнетенной душе, но обещало лечь в основу нового благополучия. Один лишь час спустя будущее стало рисоваться ван Блоому совсем в ином свете, один лишь час спустя он был уже счастливым человеком, и все вокруг почувствовали себя такими же счастливыми!

Вам не терпится услышать, как произошла такая перемена? Какая маленькая фея выскочила из родника или сошла с горы, чтобы оказать покровительство доброму буру-кочевнику в трудную минуту? Вам не терпится услышать? Вы услышите!

Солнце клонилось к закату. Трек-бур со своей семьей сидел под большой нваной у костра, на котором только что сварили ужин. Не было разговоров, веселой болтовни — дети видели, что отец удручен, и сами притихли. Никто не разговаривал, только изредка перемолвятся словом, да и то шепотком. В эту-то минуту и выразил ван Блоом свои печальные думы приведенным выше восклицанием.

Словно ища ответа, он поднял к небу глаза, потом обвел ими равнину. И вдруг его взгляд остановился на странном предмете, только что появившемся из дальней заросли кустов.

Это был какой-то зверь, очень большой, так что ван Блоом и другие приняли его поначалу за слона. Никто из них, кроме Черныша, еще не видывал диких слонов. Хотя слоны водились когда-то по всей южной половине Африки, они уже давно ушли из населенных мест, и в наши дни встретить их можно только за пределами Капской колонии. Но трек-бур и его сыновья знали, что слоны здесь водятся, так как приметили уже их следы, а потому они все и подумали, что приближавшееся животное, наверно, слон. Впрочем, Черныш составил исключение. Как только взгляд его упал на зверя, маленький бушмен вскричал:

— Чукуру! Это чукуру!

— Носорог? — сказал ван Блоом, зная, что «чукуру» — бушменское название носорога.

— Да, баас, — ответил Черныш, — очень большой детина! Кобаоба, длиннорогий белый носорог.

Эти слова Черныша означали, что приближавшийся к ним зверь принадлежал к крупному виду носорогов, которых туземцы именуют «кобаоба». Теперь, мой юный читатель, я позволю себе заметить, что ты, вероятно, всю свою жизнь воображал, будто на свете есть только один вид носорога, который так и зовется: носорог. Я прав? Ну конечно.

Ты, доложу я тебе, ошибался. Существует множество различных видов этого весьма своеобразного животного. Мне их известно по меньшей мере восемь. И я без колебания скажу, что, когда Центральная Африка,

Южная Азия и острова Малайского архипелага будут в полной мере исследованы, видов носорога окажется еще в полтора раза больше.

В Южной Африке хорошо известны четыре вида, еще один вид, отличный от них, водится в Северной Африке, а большой индийский носорог имеет лишь отдаленное сходство с каким бы то ни было из африканских. К обособленному виду, отличному от африканских и индийского, принадлежит носорог, живущий на острове Суматра, и еще один самостоятельный вид составляет яванский носорог, обитатель острова Ява. Итак, мы насчитали не менее восьми пород носорога, резко различающихся между собой.

По музеям, зверинцам и по картинкам, пожалуй, наиболее известен индийский носорог. Он отличается характерными складками кожи и весь изукрашен толстыми шишками, придающими его шкуре сходство с панцирем. Это отличает его от африканских видов, которые все лишены такого панциря, хотя у некоторых из них шкура узловатая или бородавчатая.

У абиссинского носорога шкура также собрана в складки, что несколько сближает его с индийским.

Носорог Суматры и яванский носорог невелики по сравнению со своим родичем — огромным индийским носорогом, водящимся только в континентальной Индии, в Сиаме и Кохинхине.

Яванский носорог приближается к индийскому, поскольку он, как и тот, покрыт шишками и имеет один рог. Однако мы не находим у него своеобразных складок шкуры, характерных для индийского вида. У носорога Суматры нет ни складок, ни шишек. На его шкуре имеется легкий волосяной покров, а два рога на носу сближают его с двурогими африканскими видами.

Туземцам Южной Африки знакомы четыре различных вида носорогов, которые они обозначают соответственно четырьмя различными названиями; и можно здесь кстати отметить, что для классификации носорогов эти наблюдения охотников-дикарей заслуживают больше веры, нежели мнения чисто кабинетных ученых, которые строят свои выводы на присутствии или отсут-

ствии какого-нибудь зуба, шишки или складок кожи. Нашим знанием одушевленной природы мы обязаны не столько кабинетным ученым, сколько «грубым охотникам», которых те пытаются презирать и которые, по правде говоря, научили нас чуть ли не всему, что нам известно о повадках и привычках того или другого животного. Такой «грубый охотник», как, например, Гордон Камминг, больше способствовал расширению наших сведений по зоологии Африки, чем целый синклит ученых теоретиков.

Так вот, Гордон Камминг, которого столько обвиняли — и, по-моему, напрасно — в преувеличениях, написал очень скромную и правдивую книгу, где вы прочтете, что в Южной Африке встречаются четыре породы носорогов, и едва ли кто-либо знает это лучше, чем он.

Четыре африканских вида известны среди туземцев под именами «бореле», «кейтлоа», «мучочо» и «кобаоба». Два первых вида относятся к черным носорогам, то есть общая окраска их шкуры темная, тогда как мучочо и кобаоба — белые носороги, и шкура у них грязно-белесого цвета. Черные носороги много мельче — чуть ли не вполовину против белых — и отличаются от них длиной, посадкой своих рогов и некоторыми другими особенностями.

Рога у бореле расположены, как и у всех прочих видов, на костистом бугре над ноздрями, откуда и произошло это наименование — носорог.

Но у бореле они торчат вверх, слегка отклоняясь назад, и один позади другого. Передний рог у него длиннее — он достигает восемнадцати дюймов в длину, а иногда и более того, но часто бывает обломан или же стерт. Задний рог у этого вида напоминает скорее что-то вроде шишки, тогда как у кейтлоа, то есть у двурогого черного носорога, оба рога вполне развиты и имеют почти одинаковую высоту.

У мучочо и кобаоба задний рог развит слабо; зато передний у обоих этих видов значительно длиннее, чем у бореле или кейтлоа. У мучочо он нередко достигает трёх футов длины, а у кобаоба можно зачастую увидеть

рог в четыре фута, торчащий над концом его безобразной морды, — грозное оружие!

У двух последних видов рог не загнут назад, а направлен острием вперед, и, так как оба эти носорога держат голову низко склоненной, их длинное острое копье оказывается нередко в горизонтальном положении. Формой и длиною шеи, посадкой ушей, да и многими другими особенностями черные носороги существенно отличаются от белых. Несходны они и образом жизни. Черные питаются преимущественно листьями и ветвями колючих кустов, таких, как колючая акация или «стой-погоди», тогда как белые живут травой. Черные свирепей нравом — они набрасываются и на человека и на любого зверя, какой попадется им на глаза, а иногда как будто даже срывают свою ярость на кустах и разносят их в клочья.

Белые носороги тоже довольно свирепы, если их поранить или раздразнить, но, в общем, склонны к миролюбию и позволяют охотнику пройти мимо, не причинив ему вреда.

Они легко жиреют, и мясо их пригодно для еды. Из всех африканских животных ни одно так не ценится за мясо, как теленок белого носорога. Напротив, черные носороги никогда не жиреют, и мясо у них жесткое и невкусное.

Рога всех четырех идут у туземцев на различные нужды, так как они крепки, прекрасной фактуры и отлично поддаются полировке. Из самых длинных рогов местные жители выделывают массивные трости, а также шомполы для своих ружей. Рога покороче идут на молотки, стаканы, ручки для разных небольших инструментов и тому подобные поделки. В Абиссинии и других областях Северной Африки, где в ходу мечи, их рукояти делаются из рогов носорога. Шкура носорога также идет на различные изделия, между прочим — на кнут, известный под названием «ямбок», хотя ямбок из шкуры бегемота ценится выше.

У африканских носорогов, как мы уже упоминали, кожа не имеет ни складок, ни шишек, характерных для их азиатского сородича, но и у них она далеко не

мягкая. Она так толста и труднопроницаема, что обыкновенная свинцовая пуля нередко сплющивается, ударяясь о нее. Чтобы она могла наверняка пробить шкуру носорога, ее отливают из особо твердого сплава.

Носорог не относится к водяным животным, вроде бегемота, однако и он любит водную стихию, и его не часто встретишь вдалеке от воды. Всем четырем африканским породам по нраву лежать и кататься в грязи — совсем как свиньям в летний день; и обычно они ходят сплошь облепленные грязью. Днем их можно увидеть лежащими или стоящими в тени какого-нибудь густого деревца мимозы в состоянии дремотной лени; ночью же они бродят в поисках пищи и водопоя. Если подойти к носорогу с подветренной стороны, его нетрудно захватить врасплох, потому что его крохотные бусинки-глаза не очень зорки. Наоборот, когда охотник идет по ветру, носорог может учуять его издалека, так как нюх у него превосходный. Будь носорог одарен к тому же и острым зрением, нападать на него было бы опасной игрой: бежит он с такой быстротой, что на первых порах обгоняет коня.

В броске и в беге черный носорог далеко превосходит белого. Все же охотнику легко от него увернуться: он только должен проворно отскочить в сторону, предоставив зверю слепо мчаться вперед.

Туловище черного носорога достигает шести футов высоты, считая до плеч, и тринадцати футов длины. Белый крупнее: кобаоба имеет все семь футов вышины и четырнадцать длины.

Неудивительно, если зверя таких необычайных размеров приняли с первого взгляда за слона. Носорог породы кобаоба — самое крупное после слона четвероногое. При своей огромной морде — до полутора футов ширины, — неуклюжей вытянутой голове и громоздком туловище он производит впечатление такой мощи и тяжеловесного величия, что в этом не уступает самому исполину-слону, а, по мнению иных, даже превосходит его. Он, можно сказать, являет собою как бы карикатуру на слона. Поэтому не так уж груба была ошибка,

когда ван Блоом и остальные, глядя из-за фургона, приняли кобаоба за могучего слона.

Черныш, однако, вывел всех из заблуждения, объявив, что животное, которое они видят, — белый носорог.

Глава XVIII

ЖЕСТОКАЯ БИТВА

Когда они впервые заметили кобаоба, тот, как сказано, только что вышел из чащи кустарника. Не задерживаясь, зверь прямиком направился к упомянутому выше озерцу, очевидно, с намерением добраться до воды. Эта заводь была, конечно, обязана своим существованием роднику, хоть она и лежала на добрых двести ярдов в стороне от него и примерно на столько же от дерева-великана. Она была почти круглой формы, имея сто ярдов в диаметре, и, значит, занимала площадь в два с небольшим английских акра. Она с полным правом могла именоваться озером. Так ее и называли дети ван Блоома.

У верхнего края озера — у того, что был обращен к роднику, — берег вставал высоким откосом, а в двух — трех местах даже скалами, которые тянулись к роднику вдоль русла небольшого ручейка. У дальнего же, западного, конца озера берег был низменный, и местами поверхность воды стлалась чуть не вровень с прилегающей степью. Поэтому он был весь исчерчен следами животных, приходивших на водопой. Гендрик, страстный охотник, среди знакомых следов приметил и такие, которые, по-видимому, принадлежали неизвестным ему породам.

Кобаоба направлялся как раз туда, к нижнему концу озера — несомненно, своему излюбленному и привычному месту водопоя.

Там был уголок, где подступ к воде был легче, чем повсюду, — немного вбок от того места, где уходило от озера в степь сухое русло ручья. Это был заливчик, окаймленный светлой песчаной отмелью. С равнины к

нему вело подобие крошечной ложбинки, вытоптанной догола животными, издавна приходившими сюда утолять жажду. Вступив в заливчик, даже самые высокие животные находили здесь достаточную глубину и хорошее дно, что позволяло им пить спокойно и не слишком нагибаясь.

Кобаоба держал путь прямо к озеру, и, когда он подошел поближе, люди, наблюдавшие за ним, увидели, что он вступил в ложбинку. Это послужило доказательством, что он бывал здесь не раз.

Мгновением позже носорог, выйдя к заливчику, уже стоял по колено в воде. Сделав несколько изрядных глотков — то сопя, то чихая, — он погрузил в воду свою широкую рогатую морду и принялся мотать головой, пока вода не вспенилась, а затем лег на дно и начал перекатываться с боку на бок, как свинья в луже.

Здесь было мелковато, и бо́льшая часть его огромного туловища выступала над поверхностью, хотя, пожелай он выкупаться как следует, он в двух шагах от берега нашел бы достаточную глубину.

У ван Блоома и Гендрика сразу явилась мысль: нельзя ли окружить зверя и убить его? Не просто убить ради убийства, нет. Черныш успел уже им объяснить, как вкусно мясо белого носорога, а в лагере запас провианта пришел к концу. У Гендрика была и другая причина желать смерти зверя: ему нужен был новый шомпол для карабина, и он с вожделением поглядывал на длинный рог кобаоба.

Но пожелать носорогу смерти легко, а вот убить его не просто. У наших охотников не было лошадей — или, вернее, их лошади уже не годились под седло, — а попытка подкрасться к зверю на своих на двоих была бы и пустой и опасной затеей. Носорог, по всей вероятности, поддел бы кого-нибудь из них на свое большое копье или попросту растоптал ножищами. А если бы даже ничего такого не случилось, он все равно ушел бы от них — носороги всех пород бегают быстрей человека.

Как же все-таки управиться с ним? Может быть, подойти поближе, выстрелить из засады и меткой пулей

уложить на месте? Иногда удается убить носорога с первого же выстрела, но только надо знать, куда стрелять, чтобы пуля проникла в сердце или в другой жизненно необходимый орган.

План казался вполне осуществимым. Подобраться поближе было нетрудно: у самого водопоя росли подходящие кусты. Если зайти с подветренной стороны, старый кобаоба, пожалуй, и не учует охотников, тем более что в ту минуту он был всецело поглощен своим приятным занятием.

Охотники решили попытать счастья и уже встали с земли, когда Черныша вдруг как будто свело судорогой: маленький бушмен весь задергался, заплясал на месте, чуть слышно бормоча:

— Клау, клау!

Глядя со стороны, всякий подумал бы, что Черныш внезапно помешался, но ван Блоом знал, что возглас «клау» означает у бушмена «слон», и сам посмотрел в ту сторону, куда указывал Черныш. Да, с запада в степи, вырисовываясь на желтом небе, возникла темная громада, в которой, если присмотреться, угадывались очертания слона. Явственно была видна над низкими кустами его округлая спина; шевелились на ходу широкие висячие уши. С одного взгляда все поняли, что слон направляется к озеру — и почти той же тропой, по которой прошел только что носорог. Это, понятно, опрокинуло все планы охотников. С появлением могучего слона они и думать забыли о белом носороге. Едва ли могли они рассчитывать, что удастся убить зверя-исполина, но все же подобная мысль мелькнула у них в уме. Почему не попытаться?

Однако они не успели еще составить какой-либо определенный план действий, как слон уже подошел к берегу озера. Шествовал он как будто медленно, но его огромные ноги быстро отмеряли расстояние, и свой путь он совершил куда быстрее, чем можно было ждать. Охотники едва успели обменяться мыслями, когда зверь-исполин был уже в нескольких ярдах от воды. Здесь он остановился, повел хоботом в одну сторону, в другую и застыл, как будто прислушиваясь. Не слышно

Для обоих встреча была неожиданной.

было никакого шума, который мог бы его смутить. — даже кобаоба притих.

Простояв так с минуту, исполин опять двинулся вперед и вступил в описанную уже ложбинку. Из лагеря он был виден теперь весь, как на ладони, хоть и находился в трехстах ярдах от зрителей. Он высился тяжелой громадой. Его туловище заполняло почти всю ширину ложбинки, а длинные желтые бивни, выдаваясь на два с лишним ярда из челюсти, изящно изгибались кверху. Это был, как шепотом пояснил Черныш, «старый бык».

До последней минуты носорог даже не подозревал о приближении слона; при огромных размерах исполина поступь его бесшумна, как у кошки. Правда, из его утробы, когда он двигался, доносилось какое-то грохотание, похожее на далекий гром, но кобаоба был тогда слишком увлечен купанием и не слышал или же не слушал звуков, недостаточно близких, а возможно, недостаточно отчетливых. Но когда внезапно огромное тело слона четким силуэтом встало между ним и солнцем и отбросило густую тень на водоем, носорог с легкостью, поразительной при его неуклюжем сложении, мгновенно вскочил на ноги. При этом раздалось нечто среднее между хрипением и свистом, а из ноздрей купальщика извергласъ струя воды. Слон тоже на свой лад произвел салют, который прогремел трубным гласом и отдался эхом в скалах; затем великан застыл на своей тропе — он увидал носорога. Встреча, очевидно, явилась для обоих неожиданной; оба стояли несколько секунд неподвижно, взирая друг на друга в явном удивлении. Удивление, однако, быстро сменилось совсем другим чувством. Животные стали проявлять признаки гнева. Было видно, что не обойдется без драки. Да и как тут было мирно разойтись? Слон не мог спокойно вступить в заливчик, покуда не выйдет из воды носорог, а носорог не мог выйти, покуда слон своим огромным телом закрывал вход в ложбинку. Правда, кобаоба мог бы проскочить у слона между ног или отплыть и выйти на берег где-нибудь в сторонке; и так и этак — он очистил бы место слону. Но из всех зверей на свете носорог,

быть может, самый неуступчивый. И добавим: самый, пожалуй, бесстрашный — он не боится ни человека, ни зверя, даже прославленного льва, который нередко пускается от него наутек, точно кошка. Так что старик кобаоба отнюдь не склонен был отступить перед слоном; вся его поза ясно говорила, что он не собирается ни прошмыгнуть у того под животом, ни отплыть в сторону хоть на ярд. Нет, он не отступит ни на ярд! Оставалось стоять и смотреть, как разрешится спор чести. Положение делалось все более напряженным, и люди из своего лагеря глядели не отрываясь на двух огромных «быков» — потому что кобаоба тоже был быком, и самого крупного размера, какого только достигает носорог.

Несколько минут оба зверя мерили друг друга взглядом. Слон хоть и был больше ростом, хорошо знал силу своего противника. Ему случалось уже встречаться с носорогом, и он отнюдь не презирал его. Возможно, ему довелось уже разок познакомиться с прикосновением этого длинного вертелообразного нароста на носу у кобаоба. Так или иначе, слон не набросился сразу на противника, как поступил бы с какой-нибудь антилопой, которой случилось бы так вот встать на его пути. Однако терпение его иссякло. Его признанному достоинству нанесено оскорбление, его державную власть оспаривают, слон хочет искупаться и напиться — нет, он не может больше сносить дерзость носорога! С ревом, гулко отдавшимся в скалах, ринулся он вперед; потом твердо уставил свои бивни под плечи носорога, поднял его могучим рывком на воздух и сбросил в озеро. Тот нырнул и, высунув наполовину голову из воды, засопел и зафыркал, но через секунду снова был на ногах и сам повел нападение. Зрители видели, что он норовит всадить свой рог слону меж ребер, а тот старается не повернуться к нему боком. Слон опять подбросил кобаоба, и тот опять вскочил и бешено ринулся на великана-противника; так они сражались, пока вода вокруг них не побелела от пены.

Битва некоторое время шла в воде, но потом слон, решив, как видно, что это дает врагу преимущество, по-

пятился в ложбинку и, выжидая, остановился, повернув голову к озеру. Но если он надеялся, что в такой позиции стены ложбинки дадут ему защиту, расчет его не оправдался: они были слишком низки, и его объемистые бока сильно выступали над ними. Стены только отняли у слона возможность поворачиваться и стесняли его движения. То, что дальше совершил носорог, едва ли было с его стороны рассчитанным маневром, как это показалось наблюдателям. Когда слон занял свою позицию в ложбинке, кобаоба вылез из воды на отмель и затем, сделав быстрый крутой поворот, пригнув голову чуть не к самой земле и выставив горизонтально свой длинный рог, кинулся на врага и ударил его сбоку между ребер. Зрители видели, как рог вошел в тело, а пронзительный вой слона и судорожные движения его хобота и хвоста ясно говорили, что великан получил жестокую рану. Бросив свою ложбинку, он устремился вперед и не останавливался, пока не оказался по колено в воде. Набрав полный хобот воды, он его поднял вверх и, задрав назад, стал большими струями окатывать все свое тело, а в особенности то место, куда вошел рог кобаоба. Затем он выбежал из озера и кинулся искать своего обидчика, но длиннорогого и след простыл!

Выйдя из «купальни» без урона для своего достоинства и, быть может, твердо веря, что одержал победу, кобаоба, как только нанес противнику удар, припустил вскачь и скрылся в кустах.

Глава XIX

СМЕРТЬ СЛОНА

Битва между двумя огромными четвероногими длилась не больше десяти минут. Все это время охотники не делали никаких приготовлений, чтобы напасть на одного из двух бойцов, — так захватило их зрелище невиданной схватки. Только когда носорог оставил поле битвы, а слон опять вошел в воду, они снова принялись

обсуждать план нападения на самого могучего из африканских зверей. Ганс взял ружье и присоединился к ним.

Слон, оглядевшись и не найдя врага, вернулся к озеру и вошел по колено в воду. Он, казалось, был в сильном возбуждении и не находил покоя. Исполин непрестанно шевелил хвостом и время от времени испускал пронзительный горестный рев, нисколько не похожий на его обычный трубный глас. Он поднимал из воды свои огромные ноги и снова шлепал ими по дну, пока взбаламученный заливчик не вскипел вокруг него пеной. Но самым странным было то, что проделывал слон своим длинным трубовидным хоботом. Он набирал в него огромное количество воды и затем, загнув его назад, выбрасывал струю на свою спину и плечи, как из огромной лейки. Снова и снова он тешил себя таким душем, хотя по всему было видно, что ему не по себе.

Все понимали: слон сейчас зол. Людям, предупреждал Черныш, чрезвычайно опасно в такую минуту попадаться ему на глаза, если под ними нет коней, чтобы вовремя ускакать. Поэтому все четверо укрылись за стволом исполинской нваны и выглядывали потихоньку — ван Блоом с одной стороны, Гендрик с другой, — наблюдая за движениями раненого слона.

Но как ни было это опасно, охотники все-таки решили напасть на слона. Они рассудили, что, если не сделать этого немедленно, он уйдет и оставит их без ужина, а они уже размечтались поужинать ломтиком слоновьего хобота. Времени оставалось мало, и они решили не мешкать. Они намеревались подползти к нему настолько близко, насколько можно будет это сделать, не подвергая себя слишком большой опасности. А потом они выстрелят разом и тут же залягут в кустах, чтобы посмотреть, чего добились.

Договорившись, ван Блоом, Ганс и Гендрик вышли из-за ствола и стали пробираться сквозь кустарник к западному концу озера. Лес тут не стоял сплошной чащей — каждое дерево с подлеском росло особняком, так что приходилось прокрадываться очень осторожно от заросли к заросли. Ван Блоом шел впереди, выбирая

дорогу, мальчики следовали за ним по пятам. Так они двигались минут пять, пока не оказались под укрытием небольшой купы деревьев, расположенной у самой воды, достаточно близко к тому месту, где топтался слон. Теперь они подползли на четвереньках к опушке и, раздвинув листву, стали наблюдать за слоном. Четвероногий великан стоял прямо перед их глазами, ярдах в двадцати, не более. Он все еще то окунался в воду, то окатывал свое тело мощной струей. Ничем не показывал он, что заподозрил их присутствие. Значит, время позволяло спокойно выбрать на его огромном теле точку, куда направить пулю.

Когда они впервые увидели слона со своего нового наблюдательного пункта, тот стоял к ним грудью. Ван Блоом не считал эту минуту удобной для выстрела, так как они сейчас не могли ранить слона насмерть. Они поэтому стали ждать, когда слон повернется к ним боком, чтобы дать тогда свой залп. Ждали, не сводя с него глаз. Слон перестал наконец перебирать ногами, перестал обливать себя струей из хобота, и теперь охотники увидели, что вода вокруг него стала красного цвета. Ее окрасила кровь слона.

Не оставалось никаких сомнений, что носорог в самом деле поранил своего противника. Но была ли рана тяжелой, охотники не знали.

Кобаоба ударил слона в бок, а с того места, где находились наблюдатели, видна была только его широкая спина. Но они спокойно выжидали: знали, что, когда слон повернется, чтобы выйти из воды, он непременно подставит им другой бок. Несколько минут слон не менял положения. Но вот они заметили, что он уже не машет больше хвостом и весь бессильно обмяк. Время от времени он закидывал хобот к тому месту, куда пырнул его кобаоба. Рана явно мучила его, об этом свидетельствовало затрудненное дыхание, с шумом вырывавшееся из хобота.

Охотниками овладевало нетерпение. Гендрик попросил позволения отползти в другое место и выстрелить в слона, чтобы заставить его повернуться. В этот миг слон сделал движение, показавшее, что он как будто со-

бирается выйти из воды. Он совершил полный поворот. Его голова и передняя половина туловища высились уже над землей, и три дула направились в него... но вдруг исполин качнулся — и рухнул. С громким всплеском его огромное тело погрузилось в воду, и во все концы озера пошла от него большая волна.

Охотники осторожно спустили курки и, выскочив из засады, бросились к отмели. С одного взгляда они поняли, что слон мертв. На его боку они увидели рану, нанесенную рогом кобаоба. Она была не так велика, но страшное оружие проникло глубоко в тело, в самые внутренности. Неудивительно, что такой удар принес смерть самому могучему представителю животного царства. Как только стало известно, что слон мертв, все бросились к озеру. Малышей, Яна с Трейи, вызвали из их укрытия (раньше им было приказано спрятаться в фургоне). Прибежала с другими и Тотти. Чуть ли не первым оказался на месте Черныш с топором и большим ножом в руках — бушмен собирался разделать посвоему слоновью тушу, а Ганс и Гендрик скинули с плеч куртки, чтобы помочь Чернышу в его работе.

Но чем же в это время был занят ван Блоом? О! Это более важный вопрос, чем вы предполагаете. То был решающий час — час крутого перелома в жизни начальника ополчения. Скрестив руки, он стоял на берегу прямо над тем местом, где повалился слон. Погруженный в безмолвное раздумье, он глядел не отрываясь на тушу мертвого исполина. Нет, не на тушу. Более внимательный наблюдатель увидел бы, что взгляд ван Блоома не блуждает по этой горе мяса, одетой в толстую шкуру, а прикован к одному определенному месту. Не к ране ли в боку животного? Не о том ли думал ван Блоом, как сумел носорог одним ударом убить такого огромного зверя? Нет, совсем не то. Мысли ван Блоома были далеки и от раны и от носорога.

Слон упал таким образом, что его голова высунулась из воды и легла на отмель; по песку растянулся во всю длину его мягкий и гибкий хобот. От основания хобота, изогнутые наподобие огромных ятаганов, шли два желтоватых, словно покрытых эмалью, бивня — то самое

орудие из драгоценной слоновой кости, при помощи которого гигант десятки лет подкапывал деревья в лесу и повергал своих противников во многих смертельных поединках. Драгоценными и прекрасными трофеями являлись эти бивни, но — увы! — их всемирная слава стоила жизни тысячам представителей слоновьего племени. Сияя во всем своем великолепии, лежали эти два полумесяца, изящно выгнутые, мягко закругленные. К ним, только к ним, были прикованы глаза ван Блоома.

Да, прикованы с жадным блеском, необычным для его взгляда. А губы его были сжаты, грудь заметно вздымалась. Целое полчище мыслей пронеслось в эти минуты в его уме. Облако, с утра лежавшее на его лбу, бесследно исчезло. Вместо печали в глазах ван Блоома читались теперь надежда и радость, и в конце концов эти новые чувства выразились в словах.

— Это перст судьбы! — громко провозгласил ван Блоом. — Состояние! Целое состояние!

— Папа, что такое? — спросила Трейи, стоявшая подле отца. — О чем ты говоришь, папочка, дорогой?

Тут и остальные дети окружили его, увидев, что он взволнован, и радуясь его счастливому виду.

— Папа, что такое? — спросили все четверо разом.

Черныш и Тотти стояли тут же и с таким же нетерпением ждали ответа.

Любящий отец не мог больше скрывать от детей тайну своего нежданного счастья. Надо их порадовать, открыв им ее.

Указывая на длинные желтоватые полукружья, он сказал:

— Видите вы эти прекрасные бивни?

Да, разумеется, они их видят.

— Отлично. А знаете вы, какая им цена?

Нет. Дети знают, что бивни слона кое-чего стоят. Они слышали, что слоновая кость делается из бивней — вернее, что бивни — это и есть слоновая кость и что она идет в промышленности на сотни разных изделий. У маленькой Трейи был, например, красивый веер из слоновой кости, перешедший к ней от покойной матери, у Яна — оправленный слоновой костью перочинный но-

жик. Слоновая кость — очень красивый материал, и стоит он, знали они, дорого. Все это им известно, но угадать цену двух бивней они не могут. Так они и ответили.

— Знайте же, дети, — сказал ван Блоом: — по приблизительному счету, они стоят на английские деньги фунтов двадцать каждый.

— Ну! Такая огромная сумма! — закричали все в один голос.

— Да, — продолжал ван Блоом, — каждый бивень, я думаю, потянет на весах фунтов сто; а так как слоновая кость идет сейчас по четыре с половиной шиллинга за фунт, то эта пара бивней должна стоить на английские деньги от сорока до пятидесяти фунтов стерлингов.

— Ого! На это можно купить целую упряжку самых лучших волов! — воскликнул Ганс.

— Четверку кровных коней! — сказал Гендрик.

— Целое стадо овец! — добавил маленький Ян.

— Но кому же мы продадим слоновую кость? — спросил Гендрик, помолчав немного. — Мы вдалеке от поселений. Кто даст нам за нее быков, лошадей или овец? Кто поедет в этакую даль ради пары бивней...

— Ради одной пары, конечно, никто, — перебил отец, — но ради двадцати поедут; а может, их будет и не двадцать, а дважды двадцать, трижды двадцать... Теперь вы поняли, что меня так обрадовало?

— О! — вскричал Гендрик, а за ним и другие, которым постепенно стало ясно, почему отец сразу повеселел. — Ты думаешь, папа, мы сможем добыть в этих краях еще много бивней?

— Именно. Я думаю, слоны здесь водятся в большом числе. На это указывает множество следов, уже виденных мною. У нас есть ружья и, к счастью, нет недостатка в порохе и пулях. Все мы неплохие стрелки — почему же мы не можем добыть побольше этих ценных трофеев? И мы их добудем, — продолжал ван Блоом. — Я знаю, добудем, потому что небо, я вижу, смилостивилось над нами; не случайно оно послало нам этот богатый дар в час горькой нужды, когда мы лиши-

лись всего. И оно пошлет нам еще и еще, если мы с верою последуем указанию судьбы. Итак, дети мои, не будем унывать! Мы выбьемся из нищеты, у нас всего будет вдоволь... Мы станем даже богаты!

Богатство само по себе нисколько не прельщало юных детей ван Блоома, но они видели, что отец их счастлив, и потому откликнулись на его слова возгласами бурного восторга. К общему ликованию присоединились и Тотти с Чернышем. Радостный клик пронесся над маленьким озером, всполошив на ветвях птиц, недоумевавших, что это за шум. Во всей Африке не нашлось бы семьи счастливей, чем эта горсточка людей, стоявших в тот час на берегу маленького озерца среди пустынной степи.

Глава XX

СКОТОВОД ПРЕВРАЩАЕТСЯ В ОХОТНИКА

Итак, ван Блоом решил сделаться профессиональным охотником на слонов, и ему приятна была мысль, что новая профессия, оставаясь увлекательным занятием, в то же время сулит большую выгоду. Он понимал, что нелегкое дело — успешно охотиться на такую крупную и ценную дичь, как слон. Он вовсе не думал, что за несколько недель или месяцев возьмет богатую добычу, много слоновой кости; преследуя свою цель, он был готов отдать охоте даже целые годы. Да, годами он будет жить жизнью бушмена — «лесного человека», на годы его сыновья превратятся в «лесных ребят»; но он питал надежду, что со временем его терпение и труд окажутся щедро вознагражденными.

В тот вечер в лагере у костра все были очень счастливы и очень веселы.

Слона оставили там, где он упал, чтобы поутру освежевать его. Забрали с собой только хобот, кусок которого зажарили на ужин. Все слоновье мясо съедобно, но хобот считается особым лакомством. Он напоминает вкусом говяжий язык и в жареном виде всем очень понравился. А Черныш, которому уже не раз случалось

есть мясо «старого доброго клау», был прямо в восторге от такого ужина.

Вдосталь было теперь и отличного молока. Корова, отъевшись на тучном пастбище, давала двойной удой; молока было столько, что каждый мог пить вволю.

Угощаясь новым для них вкусным блюдом — жарким из хобота, — наши охотники, естественно, повели разговор о слонах. Каждому известно, как выглядит слон, поэтому описывать его мы считаем излишним. Но не каждый знает, что существуют две разные породы этих четвероногих великанов — африканская и азиатская.

Более всего эти два вида различаются ушами и бивнями. У африканского слона уши непомерно большие, они у него сходятся над плечами и свешиваются концами на грудь. У индийского слона уши чуть ли не втрое меньше. Сильно превосходит африканский слон своего сородича и величиной бивней — у некоторых особей они весят до двухсот фунтов каждый, тогда как бивень индийского слона редко когда достигает ста фунтов веса. Бывают, впрочем, и единичные исключения. Конечно, двухсотфунтовый бивень не часто встречается у африканского слона, обычно он значительно меньше. Слониха-африканка также обладает бивнями, хотя и не такими громадными, как ее самец; у индийской же слонихи бивней либо нет совсем, либо они так малы, что лишь едва выступают над губами.

Другое существенное различие между двумя видами заключается в том, что у азиатского слона лоб вдавленный, а у африканского выпуклый; у азиатского четыре пальца задней ноги снабжены копытами, а у африканского мы видим на задней ноге только три копыта. И, наконец, о том, что эти животные представляют собой два обособленных вида, можно судить и по их зубной эмали.

Да и не все азиатские слоны одинаковы. Есть среди них несколько разновидностей, отмеченных каждая своими особыми чертами. И эти, как их называют, разновидности отличаются, по-видимому, друг от друга чуть ли не столь же резко, как любая из них от афри-

канской породы. Одна из разновидностей, известная среди жителей Востока под названием «мукна», обладает прямыми бивнями, у острия загибающимися вниз, тогда как обычно слоновий бивень постепенно загибается кверху.

Азиаты делят своих слонов на два основных вида. Слон, именуемый «кумареа», представляет собой толстое и сильное животное с большим туловищем на коротких ногах. Второй вид зовется «мерги». Этот слон повыше, но не так плотен и силен, как кумареа, и туловище у него не такое объемистое. Длинные ноги позволяют ему обгонять кумареа в беге; но тому, поскольку он обладает более крупным туловищем и большей выносливостью, отдается предпочтение, и на восточном рынке он ценится дороже. Встречается иногда белый слон. Это просто альбинос, но в некоторых азиатских странах он очень в цене, и за него платят огромные суммы. А в иных местах к белому слону относятся с суеверным преклонением. Индийский слон водится в наше время почти во всех южных странах Азии, включая и большие острова — Цейлон, Яву, Суматру, Борнео. Все, конечно, знают, что в тех местах слон издавна служит человеку; там он домашнее животное. Однако существуют в Азии и дикие слоны.

В Африке слон водится только в диком состоянии. Ни один из народов, населяющих этот материк, не покорил лесного исполина, не подчинил его человеку. Здесь он ценится только ради своих дорогостоящих бивней, а также ради мяса. Высказывалась мысль, что африканский слон свирепей своего индийского сородича и не поддается приручению. Это глубокое заблуждение. Африканский слон не приручен по другой причине: просто ни одна из современных африканских народностей еще не достигла такого уровня цивилизации, чтобы ей под силу было покорить это могучее животное и заставить его служить себе.

Африканского слона можно так же легко, как и его индийского сородича, приручить и превратить в домашнюю скотину. Кое-где делаются такие попытки. Но к чему искать новых доказательств? Ведь некогда это уже

удалось — африканского слона приручали, и в широком масштабе. Слоны карфагенского войска принадлежали к этому именно виду.

Сейчас африканский слон водится в центральных и южных областях Африки. Северной границей его распространения являются на востоке Абиссиния, на западе Сенегал. На юге же еще несколько лет назад стада слонов бродили по всей Капской земле вплоть до мыса Доброй Надежды. Но голландцы-охотники с их огромными длинными ружьями в усердной погоне за слоновой костью вытеснили слона из этих мест. Тёперь к югу от реки Оранжевой его уже больше не встретишь.

Некоторые естествоиспытатели (в том числе Кювье) полагали, что абиссинский слон принадлежит к азиатскому виду. Эта мысль теперь отвергнута, и у нас нет основания думать, что в каком-то уголке Африки встречается слон-индиец. Но очень возможно, что в разных областях материка водятся различные разновидности африканского слона. Установлено, что слоны тропической полосы крупнее всех прочих; а в африканских горах, по реке Нигеру, встречается, говорят, особая порода — рыжеватой масти и очень свирепая. Правда, быть может, у виденных наблюдателями «красных» слонов шкура просто-напросто была покрыта слоем красной пыли, потому что у слонов есть привычка посыпать иногда себя пылью, причем вместо драги им служит хобот.

Черныш рассказал еще о разновидности, которую готтентотские охотники называют «коровья голова». Эта порода, сказал он, отличается полным отсутствием бивней и куда более злобным нравом. Встреча с таким слоном несравненно опасней, а так как она не сулит к тому же ценной добычи, ради которой стоило бы затрачивать труды и подвергаться риску, охотники стараются ее избегать.

В таких разговорах у костра прошел тот вечер. Бóльшую часть сведений, приведенных нами здесь, сообщил Ганс, который почерпнул их, разумеется, из книг; но кое-что добавил и бушмен, и, пожалуй, на его свидетельство можно было верней положиться. Впро-

чем, в недалеком будущем нашим героям предстояло познакомиться на деле с обычаями и повадками четвероногого исполина, который теперь интересовал их больше всех животных на земле.

Глава XXI

МЕРЗКАЯ ГИЕНА

Следующий день провели в тяжелом, но радостном труде. Он весь ушел на свежевание слона и заготовку слонины — тяжелая работа, так утомившая наших охотников, что они едва дождались часа, когда можно было наконец лечь и уснуть. Но заснуть не пришлось. Когда они лежали в полудреме, предшествующей сну, их покой был нарушен чьими-то странными голосами, слышавшимися неподалеку от лагеря. К ним доносились взрывы громкого смеха, и всякий, кому они были незнакомы, не усомнился бы, что они принадлежат людям. Казалось, что распустили целый негритянский Бедлам [1] и теперь сумасшедшие подходили к лагерю под нваной. Я говорю «подходили», потому что хохот звучал с каждой секундой все явственней и громче; и те, у кого он вырывался — кто бы они ни были, — приближались к лагерю.

Было ясно, что там не одно какое-то существо, и ясно было также, что это разные существа: голоса были так между собой несхожи, что и чревовещатель не взялся бы изобразить их все. Слышались и завывания, и визг, и хрюканье, рычание, и глухие, заунывные стоны, как будто от боли, и свист, и болтовня, и какое-то отрывистое, резкое тявканье, напоминавшее собачий брёх; потом две — три секунды полного молчания, и снова взрыв человеческого смеха, производивший впечатление более жуткое и омерзительное, чем весь остальной хор голосов.

---

[1] Бедламом назывался известный дом для умалишенных в Лондоне.

Вы думаете, верно, что такой дикий концерт должен был повергнуть лагерь в состояние крайней тревоги? Ничуть не бывало! Во всяком случае, никто не испугался — ни даже милая крошка Трейн, ни маленький Ян. Будь им вовсе незнакомы эти звуки, дети, конечно, испугались бы. Мало сказать «испугались» — они пришли бы в ужас. Ведь звуки эти повергают в смятение каждого, кто слышит их впервые.

Но ван Блоом и вся его семья достаточно долго прожили в пустынных африканских степях и не могли не знать этих голосов. По завыванию, болтовне и тявканью они узнали шакала; и отлично был им знаком сумасшедший смех мерзостной гиены. Поэтому они нисколько не встревожились, не вскочили с постелей, а преспокойно лежали и слушали, не опасаясь нападения этих шумливых тварей.

Ван Блоом с детьми спали в фургоне; Черныш и Тотти — под открытым небом, прямо на земле, но у самых костров, так что и они не боялись никакого дикого зверя.

Однако гиены и шакалы появились на этот раз в большом числе и вели себя предерзко. Лишь несколько минут прошло с момента, когда послышался первый раскат смеха, а уже многоголосый хор гремел вокруг лагеря со всех сторон — и так близко, что становился положительно неприятен, даже если и не думать о том, какого рода зверье дает концерт.

Звери наконец подступили так близко, что, куда ни взгляни, увидишь непременно пару зеленых или красных глаз с мерцающим в них отблеском костров. Можно было разглядеть и белые зубы, потому что гиена, когда смеется своим хриплым смехом, широко разевает пасть.

Видя перед глазами такое зрелище и слыша такие звуки, ни ван Блоом, ни его домашние, как ни устали они, никак не могли уснуть. Да уж какой там сон! О нем не могло быть и речи. Хуже того: всех, не исключая и самого ван Блоома, охватил если не страх, то какое-то смутное опасение. Никогда еще не доводилось им видеть такой большой и такой свирепой стаи гиен.

Их собралось вокруг лагеря не менее двух дюжин, а шакалов еще вдвое больше.

Ван Блоом слышал, что хотя гиена в обычных обстоятельствах нисколько не опасный зверь, однако при случае может наброситься на человека. Черныш хорошо это знал, Ганс об этом читал. Неудивительно, что всем им было не по себе.

Гиены держались теперь с такой наглостью, выказывали такую хищную жадность, что нечего было и думать о сне. Нужно было сделать вылазку и отогнать зверье от лагеря.

Ван Блоом, Ганс и Гендрик выскочили из фургона с ружьями в руках, а Черныш вооружился луком и стрелами. Все четверо стали за стволом своей нваны, но не там, где горели костры, а с другой стороны. Здесь их укрывала тень и они могли наилучшим образом, невидимые сами, наблюдать при свете огней за всем, что произойдет дальше. Едва успели они занять свою позицию, как поняли, что допустили непростительную оплошность. Только теперь им впервые пришло на ум, что́ именно привлекло к лагерю такое множество гиен: несомненно, вяленая слонина (бильтонг), развешанная на шестах.

Вот зачем явилось сюда зверье! И все сообразили, что напрасно так низко повесили мясо. Гиены могли без труда добраться до него.

Скоро это подтвердилось на деле; даже сейчас, в ту самую секунду, когда ван Блоом выглянул из-за ствола, он отчетливо увидел в свете разведенных Чернышем костров, как пятнистый зверь заскочил вперед, привстал на задних лапах, ухватил зубами ломоть мяса, сорвал с шеста и убежал с ним в темноту.

Послышалась возня: другие гиены подбежали к первой, чтобы урвать свою долю добычи; и, конечно, быстрей чем в полминуты ломоть был сожран, ибо тотчас мерцание глаз и поблескивание зубов показало, что вся стая возвращается назад и готовится схватить еще кусок. Никто из охотников не стал стрелять: гиены сновали так быстро, что невозможно было прицелиться ни в одну; а люди слишком ценили свой порох и свинец и не

желали расходовать их на стрельбу «в белый свет». Осмелев после первого успеха, гиены подступили ближе. Казалось, еще минута — и они всей стаей набросятся на бильтонг и, конечно, расхватают значительную часть запасов.

Но тут ван Блоому пришла мысль, что исправить ошибку можно и не прибегая к ружьям: надо просто убрать мясо подальше от зверья. А иначе либо не спи всю ночь и сторожи мясо, либо примирись с потерей всего запаса, до последнего куска.

Но куда его убрать?

Первой мыслью охотников было собрать все мясо и сложить его в фургон. Но это не только потребовало бы долгой и неприятной работы, но и выгнало бы на ночь из фургона всю семью. Само собой напрашивалось другое решение — подвесить мясо повыше, чтобы гиены до него не дотянулись.

Покончив с этим делом, охотники стали опять в тени за стволом нваны: им хотелось понаблюдать, как поведут себя дальше «африканские волки».

Ждать пришлось недолго. Не прошло и пяти минут, как стая снова с тем же воем, тявканьем и хохотом подступила к шестам; но на этот раз в диком хоре можно было различить нового рода хрип, выражавший как будто разочарование. Звери с одного взгляда поняли, что до соблазнительных красных лент уже не дотянуться. Все же звери не захотели уходить, не убедившись в этом на деле. Несколько самых крупных гиен смело стали под шестами и принялись прыгать вверх. Подскакивая каждый раз так высоко, как только могли, они после ряда попыток начали, как видно, терять надежду и, подобно лисе под виноградом, преспокойно удалились бы через некоторое время. Но ван Блоом, досадуя, что его обеспокоили среди ночи и лишили заслуженного отдыха, решил отомстить своим мучителям; он шепнул словечко остальным, и из-за дерева грянули разом три выстрела.

Нежданный залп быстро разогнал и гиен и шакалов. Послышался стук многочисленных ног — стая убегала. Подойдя к перекладине, охотники увидели рас-

простертые на земле тела двух гиен и одного шакала. Едва другие нажали курки, Черныш отпустил тетиву и, как показывала вонзившаяся меж ребер шакала отравленная стрела, попал в цель. Перезарядив ружья, охотники вернулись на прежнюю позицию. Здесь они прождали еще полчаса, но ни одна гиена, ни один шакал больше не появились.

Звери, впрочем, отбежали недалеко, как свидетельствовал снова поднявшийся дикий концерт; не возвращались же они по той причине, что обнаружили наконец лежавшую в озере половину слоновой туши, которая и пошла им на ужин. Из лагеря было отчетливо слышно, как гиены ныряют в воду, и всю ночь они выли, и хохотали, и визжали, насыщаясь обильной пищей.

Конечно, ван Блоом и его домашние не сидели всю ночь, слушая эту шумную музыку. Уверившись, что стая едва ли снова подступит к лагерю, они положили оружие, вернулись каждый на свою постель и вскоре погрузились в тот сладкий сон, который награждает человека после дня, отданного здоровому труду.

Глава XXII

ОХОТА НА ОРИБИ

Наутро гиены и шакалы исчезли. К общему удивлению, исчезло также и все мясо на костях слона. В воде лежал лишь огромный, догола очищенный скелет; кости белели, отполированные шершавыми языками гиен. Мало того, две изнуренные лошади (несчастных животных давно предоставили самим себе) погибли в ту ночь: гиены их загрызли, и два конских скелета лежали неподалеку от лагеря, так же чисто обглоданные, как и костяк слона.

Все это указывало на то, что в окрестностях лагеря бродит множество подобных прожорливых тварей, а значит, здесь водится в изобилии и дичь, потому что там, где мало дичи, не прокормится и хищник. И в са-

мом деле, множество следов, испещривших весь берег озера, указывало на то, что за ночь сюда приходили на водопой животные самых разных пород. Тут были отпечатки круглых и крепких копыт квагги и ее близкого сородича дау [1], и был изящный след копытца капского сернобыка, и след побольше, оставленный антилопой канной; а среди них ван Блоом явственно различил след грозного льва. Хотя в ту ночь охотники не слышали львиного рычания, никто не сомневался, что в этом краю немало львов. Присутствие его излюбленной дичи — квагги, сернобыка и канны — служило верным признаком, что неподалеку прячется и сам царь зверей.

В тот день сделано было немного. Накануне пришлось усердно поработать по заготовке мяса слона, а ночью не удалось отоспаться; все чувствовали себя вялыми; ван Блоому и остальным не работалось. Они слонялись вокруг лагеря, ничего почти не делая.

Черныш вынул из «печи» ноги слона и ободрал с них шкуру; потом снял шесты с мясом и приладил их так, чтобы на него падало больше солнца. Ван Блоом сам пристрелил трех остальных лошадей, отогнав их сперва подальше от лагеря. Он сделал это, желая положить конец мучениям несчастных животных, — было ясно, что им не прожить и двух дней. Пустить пулю в сердце каждой из них было делом милосердия.

Итак, из всей живности у бывшего фельдкорнета осталась только одна-единственная корова, и ее окружили теперь величайшей заботой. Без превосходного молока, доставляемого ею в таком изобилии, их стол был бы слишком однообразен, и они высоко ценили ее за это. Каждый день ее выгоняли на самое лучшее пастбище, а на ночь запирали в надежном краале из ветвей терновника, называемого у колонистов «стой-погоди». Крааль этот построен был чуть поодаль от исполинской нваны. Деревца уложили таким образом, что нижние концы стволов обращены были все внутрь, а ветвистые верхушки смотрели наружу, обра-

---

[1] К в а г г а и д а у (или бурчеллиева лошадь) — дикие животные из семейства лошадиных, близкие к зебре.

зуя укрепление, сквозь которое ни одно животное даже и не пыталось бы прорваться. Перед такой преградой отступит и лев, если только не раздразнить его до безудержной ярости.

В ограде, разумеется, был оставлен проход для коровы, а закрывался он одним огромным кустом, вполне заменявшим створки ворот. Таков был крааль «старушки Грааф». Кроме коровы, в лагере было еще только одно домашнее животное — маленький баловень Трейи, годовалый горный скакун.

Но в тот же день к этим двум домашним животным прибавилось третье — прелестное маленькое создание, не менее красивое, чем горный скакун, но поменьше. Это был детеныш ориби — одной из самых изящных мелких антилоп, которые в таком разнообразии населяют равнины и лесостепи Южной Африки. Появлением малыша они обязаны были Гендрику, как и превосходной дичью, которую он в тот день доставил на обед и которую все, кроме Черныша, признали куда вкусней жаркого из слонины. Около полудня мальчик вышел в степь — ему почудилось, что на широком лугу неподалеку от лагеря виднеется какое-то животное. Он прошел с полмили и, хоронясь в кустах, что росли по краю луга, подкрался совсем близко к этому месту и увидел, что там и вправду пасется животное — и не одно, а два.

Животные эти принадлежали к породе, какой он до той поры еще никогда не встречал. Это были совсем маленькие создания, меньше даже, чем горный скакун, но по складу тела Гендрик отнес бы их к антилопам или же к оленям; а так как он слышал от Ганса, что олень в Южной Африке не водится, он решил, что перед ним, должно быть, один из видов антилопы. Чету составляли самец и самка — это Гендрик понял из того, что только у одного животного имелись на лбу рога. Самец не достигал и двух футов роста, отличался удивительно стройным сложением, а масти был красновато-буланой. У него было белое брюшко, белые полукружия над глазами, и под горлом красовались длинные белые волосы. Пониже колен у него висели желтоватые кисти шерсти;

рога же были у него не лировидные, как у горного скакуна, а торчали почти вертикально дюйма на четыре в высоту, черные, округлые и чуть кольчатые. У самки рога отсутствовали, и была она значительно меньше самца.

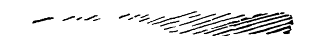
По всем этим признакам Гендрик решил, что перед ним пара маленьких антилоп из породы ориби. Так оно и было.

Он продолжал подвигаться, пока не подошел к антилопам так близко, как только было можно. Но его все еще отделяло от них двести ярдов с лишним, а такое расстояние, конечно, не позволяло выстрелить по ним из его небольшого ружья. Сейчас его укрывал густой куст, а ближе подойти Гендрик не смел, чтобы не спугнуть дичь. Он видел, что это очень боязливые создания. Самец то и дело вытягивал во всю длину свою изящную шею, издавая слегка блеющий зов и недоверчиво поглядывая вокруг. Это и напомнило Гендрику, что антилопа — пугливая дичь и приблизиться к ней нелегко.

С полминуты Гендрик лежал, раздумывая, как поступить. От дичи он находился с подветренной стороны — он нарочно так зашел; но теперь убедился, к своему огорчению, что антилопы движутся по пастбищу против ветра и, значит, все больше удаляются от него. Тут Гендрику пришло на ум, что у них, наверно, такое обыкновение — пастись против ветра, как пасутся горные скакуны и некоторые другие животные. Если так, то лучше ему сразу оставить свою затею. Или, может быть, сделать большой крюк и зайти спереди? На это придется затратить немало времени, да и труда, а с толком или нет, неизвестно.

Юный охотник будет долго красться и ползти, а дичь-то, чего доброго, вдруг учует его раньше, чем он приблизится на расстояние выстрела, — ведь для того как раз и учит ее инстинкт пастись не по ветру, а против ветра.

Но луговина была велика, зеленый ковер тянулся далеко, и Гендрик, видя, как безнадежен этот его замысел, отказался от попытки подойти к антилопам спере-



Любопытство взяло верх над страхом, и захотелось

ди. Он уже хотел встать в рост и повернуть домой, когда у него явилась мысль прибегнуть к одной уловке. Он знал, что есть немало видов антилоп, у которых любопытство сильнее страха. Нередко он приманивал на расстояние выстрела горного скакуна.

Может, и ориби подбегут поближе, поддавшись любопытству?

Мальчик решил попробовать. На худой конец уйдет ни с чем. Но ведь другой возможности уложить пулей антилопу у него не оставалось. Не теряя ни мгновения, он сунул руку в карман. Там должен был у него лежать большой красный платок, которым он пользовался не раз в подобных случаях. Но, как на грех, платка в кармане не оказалось. Гендрик пошарил в обоих карманах куртки, потом в необъятном кармане штанов, наконец в нагрудном кармане жилета. Нет, платка не было и там.

Увы! Молодой охотник оставил его в фургоне. Экая досада!

разглядеть получше это неведомое существо.

Чем же еще можно бы воспользоваться? Снять куртку и помахать ею? Она неяркого цвета. Ничего не получится. Посадить шляпу на ружье? Это бы лучше; но нет, слишком будет похоже на фигуру человека, которого все животные страшатся. Наконец ему пришла в голову счастливая мысль. Он слышал, что любопытную антилопу странная форма или странные движения почти так же завлекают, как яркие цвета. Ему вспомнилась одна уловка, якобы с успехом применяемая иногда охотниками. Она нехитра и состоит только в том, что охотник становится вниз головой и болтает в воздухе ногами.

А Гендрик, как очень многие мальчики, забавы ради отлично освоил этого рода гимнастическое упражнение; он не хуже иного акробата умел стоять на голове и ходить на руках.

Не раздумывая попусту, он положил ружье на землю и, вскинув ноги вверх, принялся дрыгать ими, стукать башмак о башмак, перекрещивать и выкручивать

их самым замысловатым образом. Он стал так, что лицо его, когда он уперся теменем в землю, оказалось обращеным к антилопам.

Понятно, сквозь высокую — в целый фут высоты — траву он не мог их видеть, покуда стоял на голове; но время от времени он давал своим подошвам коснуться земли и в такие мгновения, заглядывая меж собственных колен, мог проверять, удалась ли хитрость.

Она удалась.

Самец, когда впервые заметил странный предмет, издал резкий свист и понесся прочь с быстротою птицы — ориби одна из самых быстроногих африканских антилоп. Самочка побежала вслед за ним, но не так быстро и вскоре изрядно отстала.

Когда самец заметил это, он сразу остановился, точно устыдившись своего нерыцарского поведения, круто повернул назад, поскакал и остановился снова только тогда, когда опять оказался между самочкой и странным предметом, так его смутившим.

«Что это такое?» — казалось, спрашивал он у самого себя. Это не лев, не леопард, не гиена и не шакал. И это никак не лисица, не земляной волк, не гиеновая собака — ни один из хорошо ему известных врагов антилопы. И не бушмен — бушмены не бывают двухголовыми, каким казалось это существо. Что же это может быть? Странный зверь не двинулся с места, не пустился его преследовать. Может быть, он совсем и не опасен? Да, это несомненно вполне безобидное существо. Так, наверно, рассуждал ориби. Любопытство взяло верх над страхом. Захотелось подойти поближе и разглядеть получше это неведомое существо, перед тем как обратиться в бегство. Чем бы оно ни оказалось, оно, во всяком случае, не причинит им вреда на таком отдалении; а догнать... фью! Во всей Африке нет создания, двуногого или четвероногого, которое могло бы потягаться в беге с ним, с легконогим ориби!

Итак, самец подбежал поближе, потом еще ближе и все продолжал придвигаться: побежит по лугу, остановится, опять побежит, забирая то левее, то правее — зигзагами, пока не оказался ближе чем в ста шагах от

странного предмета, вид которого сперва так сильно его испугал.

Его подруга тоже побежала обратно; ее, как видно, разбирало такое же любопытство — при каждой остановке она глядела на странное существо своими широко раскрытыми большими блестящими глазами.

Самец и самка временами встречались на бегу; тогда они останавливались, словно для того, чтобы пошептаться и спросить друг у друга, не разгадал ли один из них, что это за существо.

Было, однако, очевидно, что ни один не разгадал, потому что они продолжали придвигаться, взглядом и всей повадкой выдавая недоумение и любопытство.

Но вот странный предмет исчез на мгновение в траве, потом снова возник, но на этот раз в измененном образе. Что-то у него ярко блестело на солнце, и этот блеск совсем заворожил самца — настолько, что он не мог двинуться с места, стоял и глядел, не отрывая глаз.

Коварное обольщение!

То был последний взгляд маленького ориби. Зажглась яркая вспышка. Что-то пронзило ему сердце — и больше он не видел сверкающего предмета.

Самочка прискакала туда, где упал ее товарищ, и встала над ним, жалобно блея. Она не знала, чем вызвана эта внезапная смерть, но видела, что он мертв. Перед ее глазами темнела ранка на его боку, из ранки струилась кровь.

Никогда она раньше не видела смерти такого рода, но знала, что возлюбленный мертв. Его молчание, его недвижимо распростертые на траве ноги и шея, его остекленевшие глаза — все говорило ей, что жизнь его кончена.

Она убежала бы, но не могла покинуть его — не в силах была расстаться даже с его безжизненным телом. Ей необходимо было остаться около него хоть немного — погоревать о нем.

Но недолго она оставалась одинокой. Опять над землей что-то вспыхнуло, опять затрещала сверкающая трубка, и бедняжка упала на тело своего товарища.

Юный охотник встал на ноги и побежал вперед. Он не остановился, чтобы тут же снова зарядить ружье, как делают обычно перед тем, как броситься к добыче: луговина была совершенно ровная, и поблизости не было больше ни одного животного.

Как же удивился Гендрик, когда, подойдя к антилопам, он увидел, кроме мертвых двух, еще и третью — живого ориби!

Да, крошечный детеныш, с кролика величиной, не больше, прыгал в траве, кружил у распростертого тела матери и блеял тоненьким голоском.

Гендрика удивило, что он не приметил раньше этого третьего ориби. Но ведь он и взрослых двух почти не видел до той минуты, когда смог прицелиться, а крошечного их детеныша трава укрывала с головой.

Хоть и завзятый охотник, Гендрик был сильно смущен открывшейся перед ним картиной. И только сознание, что он не умышленно и не ради пустой забавы лишил крошку матери, успокоило его совесть.

Гендрик тут же решил подарить малыша брату: Ян давно мечтал о своем собственном — как у сестры — ручном зверьке. Вскормить зверька можно будет на коровьем молоке.

Гендрик сразу решил, что, хотя у крошки нет ни отца, ни матери, его нужно вы́ходить и вырастить. Поймал он его без труда — зверек не хотел удаляться от места, где лежала его мать, и вскоре Гендрик уже держал маленького ориби на руках.

Потом юноша привязал мертвую самку к самцу и, укрепив один конец толстой веревки на рогах самца, пошел домой, волоча за собой обеих убитых им антилоп.

Они лежали на земле головами вперед, так что волок он их не против шерсти, и тела легко скользили по траве. Только покрытая густой травой луговина и отделяла Гендрика от нваны, поэтому юный охотник без большого труда доставил в лагерь свою добычу.

Увидав, какую добрую дичь раздобыл он на обед, все в семье очень обрадовались. Но больше всех ликовал Ян; и теперь он уже не завидовал Трейи, обладательнице маленькой газели.

Глава XXIII

ПРИКЛЮЧЕНИЕ МАЛЕНЬКОГО ЯНА

Лучше было бы Яну никогда и не видеть ориби — лучше и для него самого и для маленькой антилопы, потому что в ту ночь безобидное создание вызвало в лагере страшный переполох.

Все улеглись, как и в прошлую ночь: ван Блоом с тремя сыновьями и дочкой в фургоне, бушмен и Тотти на воле. Тотти забралась под фургон, а Черныш развел поодаль большой костер и растянулся у огня, закутавшись в свой каросс из овчины.

Все быстро заснули, не потревоженные гиенами. Объясняется это просто: три лошади, пристреленные днем, отвлекли на себя все внимание этих милых особ, как показывал их отвратительный смех, доносившийся издалека — с той стороны, где лежали конские трупы. Гиены получили обильный ужин; зачем им еще с опасностью для жизни подходить слишком близко к лагерю, где прошлой ночью им оказали столь нерадушный прием! Так рассудил ван Блоом — и, повернувшись на бок, мирно заснул. Впрочем, рассудил он неверно. Правда, в тот час гиены действительно занялись уничтожением конских туш, но ошибочно было предполагать, что такой ужин удовлетворит этих прожорливых тварей, которым, кажется, сколько ни дай, все будет мало. Задолго до рассвета ван Блоом, если бы проснулся, услышал бы их сумасшедший хохот совсем близко от лагеря и мог бы увидеть не одну пару зеленых глаз, устремленных на догоравший костер Черныша.

Впрочем, проснувшись раз среди ночи, он и в самом деле услышал хохот гиен, но, зная, что теперь бильтонг висит высоко, и полагая, что в лагере гиены никому не могут нанести вред, он не придал этому значения и спокойно опять заснул под их шумный концерт.

Вскоре, однако, его разбудил резкий, отчаянный писк — как будто предсмертный — какого-то животного, потом снова послышался писк, вдруг оборвавшийся, и показалось — оборвался он потому, что того, кто его издавал, удушили. В этих писках ван Блоом, да и

другие, которые теперь тоже проснулись, узнали блеяние ориби, слышанное ими несколько раз в течение дня.

«Гиены раздирают ориби!» — подумалось каждому. Но они не успели высказать это вслух, как новый, совсем иной крик достиг их ушей и заставил всех вскочить так быстро, как если бы под фургоном разорвалась бомба. Кричал Ян, и крик его прозвучал в той же стороне, откуда донесся писк задушенного ориби. «Боже! Что это значит?» Сперва их слуха достиг внезапный крик ребенка... потом послышалась глухая возня, словно бы драка, и опять раздался громкий крик Яна, призывавшего на помощь; но голос мальчика теперь прерывался, и, казалось, зов доносился каждый раз все с большего расстояния.

Кто-то уволакивает ребенка!

Догадка возникла у ван Блоома, у Ганса, у Гендрика — у всех одновременно. Она их наполнила ужасом, но спросонок никто сразу не сообразил, что нужно делать.

Однако крики Яна быстро привели их в себя; и первое, что каждому пришло на ум, это кинуться в ту сторону, откуда доносился зов. Нащупать в темноте ружье означало бы потерю времени, и все трое выскочили из фургона безоружными. Тотти была уже на ногах и без умолку говорила, но о том, что произошло, она знала ровно столько, сколько и они. Расспрашивать ее не стоило. Издалека доносился голос Черныша. Бушмен не то громко причмокивал, не то изображал собачий лай; и тут они увидели пылающий факел, который уносила во мрак чья-то рука — несомненно, рука их верного Черныша.

Ван Блоом с сыновьями кинулись за путеводным огнем и бежали так быстро, как только могли. Вопли бушмена доносились до них непрестанно, но, к их безмерному ужасу, вперемежку с визгом маленького Яна. Конечно, никто не мог уяснить себе, чем все это вызвано. Они только спешили как могли, подгоняемые самыми страшными опасениями.

Когда их отделяло от огня шагов пятьдесят, они увидали, что факел вдруг опустился и опять поднялся, и

снова опустился быстрыми, резкими взмахами. Голос Черныша затявкал и защелкал громче, чем до сих пор, — казалось, бушмен кого-то сечет и отчитывает. Но голос Яна смолк — неужели мальчика больше нет в живых? При этой страшной мысли они кинулись бежать еще быстрей.

Когда они добежали до места, глазам их представилась странная картина. Ян лежал на земле совсем рядом, меж корней какого-то куста, за ветви которого он крепко ухватился ручонками. Вокруг левого его запястья был укреплен красный ремень или постромок, протянутый сквозь кусты на несколько футов вперед, а к другому концу постромка был крепко привязан детеныш ориби, мертвый и весь изувеченный. Над ним стоял Черныш с горящим деревцем в руке, ярче разгоревшимся оттого, что бушмен только что отхлестал им по спине жадную гиену. Самой гиены не было видно. Она давно улизнула, но никому и в голову не пришло погнаться за нею, так как все были слишком озабочены состоянием Яна.

Не упуская ни минуты, ребенка подняли, поставили на ноги. Отец и братья беспокойно оглядели его всего, ища глазами рану; и, когда они убедились, что, кроме царапин от шипов и глубокого следа от затянутого на руке ремня, на его маленьком тельце нет никаких повреждений, крик радости вырвался у них. Мальчуган уже пришел в себя и уверял их всех, что ничуть не поранился. Слава богу, Ян цел и невредим!

На долю малыша выпало теперь разъяснить, как произошла эта загадочная история. Он лежал вместе со всеми в фургоне, но они-то спали, а он нет. Он не мог уснуть ни на минуту, потому что думал о своем ориби, которого из-за тесноты не взяли на ночь в фургон, а привязали снаружи, к колесу. Яну взбрело на ум еще разок взглянуть на него перед сном. И вот, не сказав никому ни слова, он выполз из-под парусинового навеса и спустился к антилопе. Он ее тихонько отвязал, подвел к костру и сел у огня, любуясь своей живой игрушкой. Наглядевшись на нее вдосталь, Ян подумал, что и Черныш, конечно, тоже будет рад полюбоваться

ею, и без долгих церемоний растолкал спавшего слугу. Тому отнюдь не понравилось, что его будят среди ночи ради удовольствия взглянуть на зверька: бушмен за свою жизнь съел не одну сотню ориби и других антилоп. Но Ян и Черныш были истинными друзьями, и бушмен не рассердился. Он сделал вид, что разделяет чувства своего маленького хозяина, и они довольно долго сидели вдвоем и разговаривали об ориби.

Наконец Черныш посоветовал мальчику идти все-таки спать. Ян согласился, но с условием, что Черныш позволит ему переночевать рядом с ним у костра. Он принесет свое одеяло из фургона и ничуть не потревожит Черныша, не попросит даже уделить ему часть овчинного каросса. Черныш стал было возражать, но Ян заявил, что в фургоне он замерз и отчасти из-за этого спустился к костру. Заявление это было со стороны малыша довольно прозрачной уловкой. Но Черныш не умел ему ни в чем отказывать и дал наконец согласие. Ничего худого не произойдет, подумал он, — небо ясное. дождя не будет.

Итак, Ян повернул обратно, бесшумно залез в фургон, вытащил оттуда свое одеяло и приволок его к огню. Потом завернулся в него и лег бок о бок с Чернышем, а маленького ориби поставил неподалеку с таким расчетом, чтобы видеть его и лежа. На всякий случай, чтобы зверек не убежал, он повязал ему вокруг шеи крепкий ремень, а другой конец ремня туго намотал себе на запястье. Несколько минут мальчик лежал и глядел на своего красавчика. Но сон в конце концов стал его одолевать, и фигурка ориби расплылась перед его глазами. О том, что произошло дальше, Ян и сам лишь немногое мог рассказать. Проснулся он от писка ориби и оттого, что его что-то дернуло за руку. Но не успел он хорошенько раскрыть глаза, как почувствовал, что его быстро волокут по земле.

Сперва он подумал, что это Черныш выкинул над ним такую штуку, но, когда его проволокли мимо костра, мальчик увидел при свете пламени, что его маленькую антилопу схватил какой-то большой черный зверь и теперь уволакивает их обоих — ориби и его

самого. Тут он, конечно, стал звать на помощь и цепляться за все, что только попадалось, чтобы зверь не утащил его. Но ему не удавалось крепко за что-нибудь ухватиться, пока он не очутился в густом кустарнике. Тут он уцепился за ветку и держался изо всех своих силенок. Он не мог долго сопротивляться сильной гиене, но в эту минуту подоспел Черныш с факелом, осыпал похитительницу ударами и, отбив у нее добычу, прогнал прочь.

Вернувшись снова к костру, все еще раз убедились, что Ян невредим. Но бедный ориби, нещадно истерзанный, был мертв.

Глава XXIV

О ГИЕНАХ

У гиены повадки примерно те же, что у волка, да и внешне она несколько похожа на него: та же голова, только несколько больше волчьей; морда шире и тупее, шея крепче и короче. Главное — шерсть у нее более жесткая и лохматая. Один из самых характерных признаков гиены — неравномерное развитие конечностей. Ее задние лапы как будто короче и слабее передних, так что круп расположен значительно ниже плеч, и хребет идет не по горизонтальной линии, а по наклонной, опускаясь к хвосту.

Примечательны также в гиене короткая, толстая шея и сильные челюсти. Шея настолько коротка, что в давние времена, когда естественная история носила скорее сказочный, чем научный характер, считалось, что у гиены нет шейных позвонков. Благодаря своей крепкой шее и сильно развитым челюстям гиена превосходно справляется с костями, перед которыми в бессилии отступают волки и другие хищники. Ей ничего не стоит разгрызть самые крупные кости, и она не только высасывает из них мозг, но, размельчив в порошок и самые кости, пожирает их без остатка. Здесь перед нами открывается опять одно из доказательств мудрости природы: гиена водится только в тех странах, которые изо-

билуют крупными животными. Природа экономна и не терпит, чтобы что-нибудь пропадало даром.

Гиену называют африканским волком; иными словами, в Африке она заместительница крупного волка, который здесь не водится. Правда, шакал во всех отношениях тот же волк, но маленький, а настоящего, большого волка, сколько-нибудь похожего на поджарого пиренейского разбойника или на его близнеца — американского волка, в Африке не было и нет. Вот почему гиена зовется африканским волком.

Это бесспорно самый безобразный из хищников, и звериного в нем больше, чем во всех других. В его облике не найдешь ни одной привлекательной и благородной черты.

Я чуть не назвал гиену даже самой безобразной тварью в мире, но мне вовремя пришел на память павиан. Он, конечно, безобразием превосходит все — nec plus ultra [1]; но гиена отчасти напоминает павиана и общим обликом и некоторыми своими повадками.

До сих пор мы говорили о гиенах так, как будто существует только один их вид. Долгое время действительно была известна только одна разновидность — обыкновенная, или полосатая, гиена; о ней-то и насочиняли множество небылиц. Быть может, ни одно животное не казалось людям более таинственным и не вызывало столь глубокого отвращения. Ее ставили в один ряд со сказочным вампиром и драконом. Наши предки верили, что взгляд гиены обладает притягательной силой, что она завораживает намеченную ею жертву и та не оказывает сопротивления; что гиена ежегодно меняет пол, что иногда, приняв образ красивого юноши, она заманивает в лес молодых девушек и там пожирает их; что гиена умеет в совершенстве имитировать человеческий голос; что гиена имеет обыкновение, притаившись около дома, подслушивать под окнами разговор людей, ожидая, чтобы один из собеседников произнес имя другого, а потом отчаянным воплем, словно человек, попавший в беду, выкликать того, как будто бы на

[1] Дальше некуда (лат.).

помощь, называя подслушанным именем. И многие будто бы поддавались обману. Добежав до того места, откуда раздавались жалобные вопли, бедняги попадали прямо в лапы свирепой и прожорливой гиены.

Как ни странно, басни такого рода принимались повсюду на веру. Но еще более странно то (как ни дико звучит в моих устах подобное заявление), что в каждой из них таится зерно истины. Канвой, на которой вытканы фантастические узоры, послужили в ряде случаев реальные факты. Здесь я ограничусь только двумя примерами. Что-то необычное во взгляде глаз гиены породило толки о колдовской, завораживающей силе, ей присущей, — хотя я ни разу не слышал, чтобы гиене удалось кого-либо увлечь за собою и сожрать. У гиены очень странный крик, и по той простой причине, что голос ее действительно очень схож с человеческим, родилось поверье, будто она умеет подражать человеческим голосам. Не стану утверждать, что крик гиены напоминает обыкновенный человеческий голос, но на голоса некоторых людей он и впрямь похож. Я знаю немало людей с гиеньими голосами. И надо сказать, ничто так не похоже на смех человека, как крик пятнистой гиены. Как он ни отвратителен, каждого, кто его слышит, не может не позабавить эта его необычайная особенность: так и кажется, что он выражает человеческие чувства! Нам слышится в нем хохот сумасшедшего, а его резкий металлический тембр напоминает некоторых мне известных представителей черной расы.

Полосатая гиена, хоть она и больше других известна в Европе, с моей точки зрения наименее интересна. Распространена она шире, чем все ее сородичи. Она водится не только по всей почти Африке, но также и в Азии; мы встречали ее во всех южноазиатских странах. Других видов гиен в Азии нет. Все остальные виды живут исключительно в Африке, которую справедливо называют родиной этого животного.

Ученые насчитывают только три вида гиен. Однако я нисколько не сомневаюсь, что их по крайней мере вдвое больше и что все они различаются между собой так же отчетливо, как и те три вида. Лично мне изве-

стны пять видов, если не причислять к гиенам ни капскую гиеновую собаку, ни маленькую гиену-землеройку, или земляного волка, с которыми несомненно придется столкнуться в ходе наших охотничьих приключений.

Расскажем прежде всего о только что упомянутой полосатой гиене. Пепельно-серая шкура ее, слегка отливающая желтизной, исчерчена множеством неправильных черных или темно-коричневых полос. Эти поперечные или, точнее говоря, косые полосы идут по направлению ребер. Не у всех особей они одинаково явственно выражены. Шерсть полосатой гиены (как, впрочем, и пятнистой) длинна, жестка и космата; на шее, спине и лопатках она длиннее и образует гриву, которая встает дыбом, когда животное раздражено. То же можно наблюдать и у собак.

Полосатая, или обыкновенная, гиена гораздо слабее и трусливее всех остальных своих сородичей. Это наименее сильная и наименее свирепая из гиен. Она в достаточной мере прожорлива, но питается по большей части падалью, не осмеливаясь вступать в борьбу с другим живым существом, даже когда оно вдвое слабее ее. Только самые маленькие зверушки становятся ее жертвами, и при всей своей прожорливости она — сущий трус. Десятилетний ребенок легко обратит ее в бегство.

Второй вид гиены, причинивший так много неприятностей знаменитому Брюсу во время его путешествий по Абиссинии, следовало бы назвать «гиеной Брюса». У этой гиены тоже полосатая шкура, и потому почти все зоологи смешивают ее с обыкновенной полосатой гиеной. Однако все сходство между ними исчерпывается наличием полос. И окраска шерсти, и даже рисунок самих полос у них различны.

Гиена Брюса почти вдвое больше обыкновенной — и вдвое сильнее, отважней и свирепей. Она нападает не только на крупных млекопитающих, но и на человека, врывается ночью в уединенные дома и деревни, похищает домашних животных, а иногда и детей. Как ни малоправдоподобны покажутся мои слова, они безусловно отвечают истине; подобные факты случались, и

отнюдь не редко. О гиенах Брюса говорят, что они часто забираются на кладбище, разрывают могилы и поедают покойников. Некоторые зоологи это отрицают. Но почему? Хорошо известно, что во многих африканских странах жители не закапывают мертвецов, а просто бросают их где-нибудь в степи. Известно также, что выброшенные таким образом трупы неизменно становятся добычей гиен. Далее известно, что гиены умеют и любят копаться в земле. Что же странного и неправдоподобного в том, что они вырывают из земли трупы, составляющие их обычную пищу? Так поступают и волк, и шакал, и койот, и даже собака. Я видел своими глазами, как все они делали это на полях сражений. Почему бы и гиене не вести себя сходным образом?

К третьему виду, резко отличающемуся от обоих описанных выше, относится пятнистая гиена. Благодаря особенностям голоса, о которых мы уже имели случай говорить, ее иногда называют также «хохочущей». Общей окраской шерсти она походит на гиену обыкновенную, но ее бока покрыты не полосами, а пятнами. Пятнистая гиена крупнее, чем полосатая, а нравом и повадкой напоминает гиену Брюса, или абиссинскую гиену. Ее родина — Южная Африка, где среди голландских колонистов она известна под названием «тигровый волк». Гиену обыкновенную они называют просто волком.

К четвертому виду относится бурая гиена. Название это нельзя считать удачным, так как бурый цвет не представляет собой ее отличительного признака. Применяемое к ней иногда название «косматая» гораздо лучше характеризует ее: по длинной прямой шерсти, свисающей на бока, вы сразу отличите эту гиену от всякой другой. Она столь же свирепа, как и гиены других видов, и размеры ее те же — то есть величиной она с большого сенбернара. Но я не представляю себе, как можно было спутать ее с полосатой или пятнистой гиеной. Туловище у нее сверху темно-бурое или почти черное, а снизу грязно-серое. Общей окраской и характером шерсти она, пожалуй, походит на барсука или росомаху.

И все же многие видные ученые, с де Бленвилем во главе, относят ее к виду гиены обыкновенной. Это глубокое заблуждение. Самый невежественный фермер Капской колонии (бурая гиена — африканское животное) судит об этом вернее. Уже одно название, данное косматой гиене бурами — «береговой волк», — указывает на отличительную особенность ее повадки. Действительно, гиена этого вида водится только в прибрежных областях; в местах же, излюбленных обыкновенной гиеной, ее никогда не встретишь.

Есть еще одна «бурая гиена», отличающаяся от «берегового волка» и встречающаяся только в Великой пустыне. Ее можно узнать по сравнительно короткой и однотонно бурой шерсти, а во всем остальном она похожа на других представительниц своего рода. Не подлежит сомнению, что со временем, когда Центральная Африка будет наконец основательно исследована, перечень ныне известных гиен пополнится новыми видами.

Гиены в образе жизни и привычках имеют много общего с крупными волками. Они живут в пещерах или в расселинах скал. Иногда гиена селится в норе другого животного, которую она для себя расширяет, пустив в ход свои когти — отличное орудие для рытья.

Лазить по деревьям гиена не умеет, так как ее когти для этого недостаточно длинны и цепки. Главное ее оружие — зубы и мощные челюсти.

По своей природе гиены принадлежат к животным-одиночкам, хотя нередко, набрасываясь на добычу, соединяются в стаи. Сойдутся над какой-нибудь тушей десять — двенадцать гиен и, обглодав ее, разбредутся. Прожорливость их вошла в поговорку. Они едят чуть ли не все, вплоть до ремней и старых подметок. Слишком твердой пищи для них не существует. Кости они смалывают и проглатывают так легко, как другие хищники самое нежное мясо. Гиены очень наглы, особенно по отношению к несчастным дикарям, которые не охотятся на них с целью истребления. Отвратительные хищники пробираются в их жалкие краали и часто уносят маленьких детей. Можно с уверенностью сказать, что не одну сотню детей погубили в Южной Африке гиены.

По всей вероятности, вам невдомек, как допускаются такие вещи, почему местные жители до сих пор еще не объявили беспощадной войны гиенам, не прогнали их за пределы обитаемых местностей. Вас это удивляет, потому что вы не принимаете в расчет той разницы, которая существует между цивилизованными и дикими странами. Вы подумаете, верно, что человеческая жизнь ценится в Африке куда меньше, чем в Англии. Да, до известной степени это так. Но если бы вы хорошенько познакомились с наукой о строении общества, вам бы открылось, что иные законы цивилизованного мира требуют такого несметного количества жертв, какого никогда не унести гиенам. Бессмысленные парады, пустые придворные празднества, приемы коронованных особ — все это требует огромных средств и в конечном счете пожирает множество человеческих жизней.

Глава XXV

ДОМ СРЕДИ ВЕТВЕЙ

Ван Блоом понял теперь, что гиены могут оказаться для него настоящим бедствием. Им ничего не стоит подобраться к слоновьему мясу и другим припасам; даже детей небезопасно оставлять на становище одних, а ему, конечно, часто придется оставлять малышей, так как старших надо брать с собой на охоту.

Водились тут и другие звери, пострашней гиен. В ту же ночь он слышал рычание львов где-то у озера, а, когда рассвело, следы ясно показывали, что львы приходили на водопой.

Как мог он оставить маленькую Трейи, свою дорогую дочурку, или Яна, который ростом был не больше сестренки, — как мог он оставить их в открытом лагере, когда рыщут вокруг такие чудовища! Об этом нечего было и думать.

Он раздумывал, что теперь предпринять. Прежде всего ему пришло на ум построить дом. Но на такую работу ушло бы немало времени: не было под рукой

подходящего материала. Каменный дом требовал тяжелого труда, так как пришлось бы таскать на себе камень чуть ли не за целую милю. Не стоило возиться — ван Блоом не собирался обосновываться здесь надолго. В этих краях он, может быть, и не встретит много слонов; хочешь не хочешь, а придется двинуться дальше.

Вы спросите: почему он не решил, в таком случае, построить дом из бревен? Работа оказалась бы не слишком тяжелой: местность вокруг была лесистая, топор у него имелся.

Да, лесу было кругом довольно, но то был совсем особенный лес. За исключением нван — высоких деревьев, росших на больших расстояниях друг от друга (и расстояниях таких правильных, точно деревья рассадил садовник), — здесь не встречалось ничего, что можно было бы назвать деревом в обычном смысле слова. Все остальное было скорее кустарником; тернистые заросли мимозы, молочаев, древовидных алоэ, стрелиции и цепкой замии, — все это пленяло глаз, но никак не годилось для постройки. А нвана была, конечно, чересчур велика. Срубить одно такое дерево немногим легче, чем возвести целый дом; а чтобы распилить ствол на доски, потребовалось бы обзавестись паровой пилой. Мысль о деревянном доме тоже была исключена. Между тем легкое строение из тростника и кольев не могло бы служить достаточной защитой. Какой-нибудь разъяренный носорог или слон в два счета сровнял бы с землей подобный дом.

Кроме того, приходилось подумать и о том, что в окрестностях могли жить людоеды. Так, по крайней мере, полагал Черныш: местность пользовалась в этом смысле недоброй славой. А поскольку они находились сейчас недалеко от родины Черныша, ван Блоом, доверяя словам бушмена, склонен был разделять его опасения. Какую защиту от людоедов мог представить шалаш? Почти никакой.

Было над чем призадуматься. Пока вопрос не был разрешен, ван Блоом не мог приступить к охоте. Необходимо было устроить такое убежище, где дети в его отсутствие были бы в полной безопасности.

Думая упорную думу, бывший фермер случайно возвел глаза к вершине нваны. Большие корявые лапы ветвей сразу остановили на себе его мысль, пробудив у охотника странное воспоминание. Он слышал, что в некоторых областях Африки, — пожалуй, в тех краях, где он сейчас находился, — туземцы селятся на деревьях. Иногда на одном дереве ютится целое племя в пятьдесят и более человек; и делают они это, спасаясь от хищного зверя, а порой и от человека. Дом они строят на помосте, опорой которому служат горизонтальные сучья; люди взбираются в свое жилье по приставной лестнице, которую перед отходом ко сну втаскивают к себе наверх.

Обо всем этом ван Блоому не раз доводилось слышать, и все это вполне соответствовало истине. Сама собой напрашивалась мысль, не сделать ли и ему то же самое. Не построить ли дом на гигантской нване? Такое жилье даст ему желанную защиту. Там они все будут спать с чувством полной безопасности. Там он, уходя на охоту, будет спокойно оставлять детей, сохраняя уверенность, что, вернувшись, найдет их на месте. Прекрасная идея! Но... осуществима ли она?

Ван Блоом стал обдумывать.

Раздобыть бы только доски для помоста, а прочее будет несложно. Крышу можно сделать самую легкую — листва уже почти заменяла ее. Но пол — вот что самое трудное. Где взять доски? По соседству их нигде не достанешь.

Тут взгляд его случайно упал на фургон. Ага! Вот они где, доски! Но неужели придется ломать свой верный фургон? Нет, ни за что! Об этом нечего и думать.

А впрочем, кто велит ломать? Он сделает это, не выдернув ни одного гвоздя, не отбив ни единой щепочки. Фургон устроен так, что его можно разобрать на части и вновь собрать, когда захочешь.

Что ж, он его разберет. Оставит нетронутым только дно. Вот вам и готовый помост. Ура!

В радостном возбуждении ван Блоом сообщил свой план остальным, восторженно рисуя подробности. Все согласились с его доводами, и, так как утро было уже

на исходе, они без долгих слов приступили к выполнению замысла.

Прежде всего надо было построить лестницу в тридцать футов длины. На это ушло немало времени; зато она, хоть и грубая, но крепко сколоченная, удалась на славу и вполне отвечала своему назначению. По ней можно было теперь добраться до нижнего яруса ветвей; а отсюда уже нетрудно было соорудить лесенки и к верхним ярусам.

Ван Блоом взлез первый и, внимательно осмотревшись, выбрал, где установить платформу. Опорой ей могли служить два крепких горизонтальных сука, которые росли бы на равной высоте и расходились бы под возможно более острым углом. Множество толстых ветвей на огромном дереве позволило сделать выбор.

Фургон разобрали — на это ушло лишь несколько минут — и первым делом втащили наверх дно. Эта задача, далеко не легкая, потребовала соединенных усилий всей семьи. К одному концу привязали крепкие ременные вожжи и затем перекинули их через сук, росший ярусом выше, чем те, на которые должен был лечь помост. Черныш взобрался наверх, чтобы оттуда направлять громоздкую платформу, остальные же всей своей тяжестью навалились снизу на импровизированный канат; даже маленький Ян тянул изо всех силенок, хотя на силомере он выжал бы не больше одного английского фунта [1].

Наконец платформу втащили, и она благополучно водрузилась на опорных сучьях; и тогда поднялся снизу ликующий хор голосов, а Черныш радостно откликался из гущи ветвей.

Самая трудная половина работы была завершена. Оставалось втащить по частям кузов и собрать его затем наверху в прежнем виде. Пришлось еще срубить несколько ветвей, чтобы расчистить место для парусинового верха. Но вот и его втащили и натянули.

К заходу солнца все было на своем месте, воздушный дом приспособлен для ночлега; и действительно,

---

[1] Английский фунт — около 454 граммов.

К заходу солнца воздушный дом был приспособлен для ночлега.

в ту же ночь они спали в этом доме — «забравшись на насест», как шутливо выразился Ганс.

Однако они еще не считали свое новое жилье вполне законченным. На следующий день они еще продолжали трудиться над ним. Из длинных шестов было сделано продолжение платформы, соединившее фургон со стволом дерева, так что образовалась широкая терраса, по которой можно было двигаться.

Шесты были крепко переплетены ветвями красавицы плакучей ивы; она часто встречается в этих краях, и несколько старых плакучих ив росло у озера. В довершение всего на помост наложили толстый слой глины, взятой на берегу. В случае нужды можно было даже развести костер и варить ужин в воздушном жилище.

Когда главное строение было закончено, Черныш смастерил на других сучьях огромной нваны помост для себя и еще один — для Тотти. Над каждым из этих помостов он соорудил навес, защищавший их обитателей от дождя и росы.

Странное впечатление производили эти два навеса, каждый величиною с обыкновенный зонтик. Странное, потому что это были уши слона!

Глава XXVI

ДРАКА ДИКИХ ПАВЛИНОВ

Теперь ничто больше не мешало ван Блоому приступить к самому главному в его новой жизни, то есть к охоте на слонов. Он решил начать немедленно: он сознавал, что, пока не «уложит» хотя бы трех — четырех исполинов, ему не найти покоя. Ведь могло случиться и так, что не удастся убить ни одного; что станется тогда со всеми его большими надеждами и планами? Все окончится новым разочарованием, и в его трудной жизни ничто не переменится. Нет, переменится, но к худшему: потерпеть неудачу в каком-либо предприятии означает не только потерю времени, но и напрасную трату душевных сил. Успех поднимает дух, мужество,

веру в себя, что способствует новым удачам, тогда как поражение ведет к робости и унынию. В этом смысле всякая неудача опасна; а потому, затевая какое-нибудь предприятие, надо наперед удостовериться, что оно вполне возможно и осуществимо.

Между тем ван Блоом был совсем не уверен, что его широкий план осуществим. Однако при данных обстоятельствах охотник не мог выбирать. У него не было в то время иных средств к существованию, и он решился испытать ту единственную возможность, какая раскрывалась перед ним. Он верил в свои расчеты и мог твердо надеяться на успех; но перед ним была неизведанная дорога. Неудивительно, что ему не терпелось скорее приступить к делу, скорее узнать, велики ли шансы на удачу.

Итак, он встал рано утром и отправился в путь. Его сопровождали только Гендрик и Черныш, так как он все еще не решался оставлять детей на одну лишь Тотти, которая сама была почти таким же ребенком. Поэтому Ганс остался в лагере.

Охотники двинулись сперва по течению речушки, которая брала начало в роднике и, растекшись озером, бежала дальше. Это направление они избрали потому, что здесь было больше кустарника, а они знали, что слонов скорее встретишь в лесу, чем в открытых местах. Между тем только близ реки было много леса. По обоим ее берегам тянулась широкая полоса джунглей. За ними шли разбросанные рощицы и перелески, а далее открывалась равнина, почти лишенная деревьев, хоть и одетая на некотором расстоянии ковром сочных трав. Она переходила в дикую степь, простиравшуюся на восток и запад, насколько хватал глаз. С севера, как мы уже упоминали, высился горный кряж, а за ним начиналась выжженная, безводная пустыня. Только с юга лежало то, что единственно еще напоминало лес; и, хотя такие невысокие заросли едва ли могли притязать на это имя, все же казалось довольно правдоподобным, что тут водятся слоны.

«Лес» состоял преимущественно из мимозы, представленной в нескольких разновидностях; листья, корни

и нежные ее побеги — любимое лакомство травоядного гиганта. Встречалась здесь и жирафья акация с ее тенистой зонтовидной кроной. Но над всем господствовала мощными вершинами ивана, накладывая особый отпечаток на ландшафт.

Охотники заметили, что, чем дальше они шли, тем шире делался ручей. Временами, особенно после обильных дождей, он, несомненно, получал большой приток воды и превращался, верно, в значительную реку. Однако по мере того как расширялось русло, вода в нем, напротив, все убывала и убывала, пока на расстоянии мили от лагеря не иссякала совсем.

Еще на полмили текучую воду сменила цепь стоячих прудов; однако широкое, сухое русло шло и дальше, и по обоим его берегам беспрерывно тянулся кустарник, такой густой, что продвигаться вперед возможно было только по самому руслу.

По пути попадалось немало разной мелкой дичи, вспархивавшей чуть ли не из-под ног. У Гендрика чесались руки «снять» хоть несколько штук, но отец запретил ему стрелять прежде времени: выстрел мог спугнуть ту крупную дичь, ради которой они отправились в путь и на которую могли натолкнуться с минуты на минуту. Гендрика успокоили, что на обратном пути ему дадут испытать свою ловкость; ван Блоом и сам рассчитывал вместе с сыном выследить антилопу, так как в лагере уже не осталось свежего мяса. Но это было делом вторым, первой же заботой было раздобыть во что бы то ни стало хоть пару бивней.

Черныш зато мог свободно пользоваться луком: бесшумное оружие не вызвало бы переполоха в лесу. Бушмена взяли с собою, чтобы он тащил топор и прочие принадлежности, а при случае помог и на охоте. Он не преминул, конечно, прихватить лук и колчан и все время высматривал, не найдется ли во что пустить свою маленькую отравленную стрелу.

Наконец он нашел мишень, достойную его искусства. В одном месте, где русло давало большую излучину, охотники предпочли пройти напрямик по равнине, и вот перед ними открылась довольно широкая лужайка, а

посреди нее представилась взорам большая птица, стоявшая на прямых и высоких ногах.

— Страус! — воскликнул Гендрик.

— Нет, — отозвался Черныш, — это пау.

— Да, — сказал ван Блоом, согласившись с бушменом, — это пау.

По-голландски «пау» означает «павлин». В Африке же, как известно, никаких павлинов не водится. Павлина в диком виде можно встретить только в Южной Азии и на островах Индийского архипелага. Значит, птица, которую они увидели, никак не могла быть павлином.

Это и не был павлин. Но все же птица напоминала павлина с его длинным, тяжелым хвостом, со своеобразным глазовидным рисунком на крыльях и переливчатым, «мраморным» оперением на спине. Правда, яркостью расцветки она уступала горделивому птичьему царьку, хотя и была столь же статна и много крупнее и выше его. Как раз из-за высокого роста и прямых, длинных ног Гендрик с первого взгляда принял ее за страуса. Птица не была ни страусом, ни павлином, а принадлежала к совсем иному роду, равно далекому от обоих, — к роду дроф. Перед нашими охотниками была крупная южноафриканская дрофа, которую голландцы-колонисты называют «пау» за глазовидные пятна на перьях и другие черты сходства с индийским павлином.

И Черныш и ван Блоом знали, что пау — лакомая дичь и могла бы скрасить их стол. Но в то же время они знали, что это самая пугливая птица — настолько пугливая, что ее трудно застрелить даже из дальнобойного ружья. Как же подобраться к ней на расстояние выстрела из лука? Вот о чем надо было подумать.

Птица стояла в двухстах ярдах от охотников, и, если бы она их заметила, это расстояние скоро увеличилось бы вдвое, так как пау отбежал бы еще на двести ярдов. Я говорю «отбежал», потому что птицы из семейства дроф редко пользуются крыльями; от врага их чаще спасают длинные ноги. Поэтому за ними нередко охотятся с собаками и берут их после жестокого гона. Слабые в полете, они отличные бегуны — в беге они почти не уступают страусу.

Однако пау пока что не заметил охотников. Они его увидели, еще не выбравшись из зарослей, а когда увидели, сразу же замерли на месте.

Как же, думал Черныш, приблизиться к птице? Пау стоял в двухстах ярдах от любого прикрытия, и поляна вокруг него была чиста, как свежевыкошенный луг. Правда, она была невелика. Черныш даже удивился, увидев пау на такой маленькой поляне: эта птица водится только в открытых просторах степей, где она может видеть врага с большого расстояния. Да, поле зрения было очень невелико, но, понаблюдав за дрофой несколько минут, охотники убедились, что птица решила держаться как можно ближе к центру лужайки и не проявляла наклонности приблизиться в поисках пищи к той или другой стороне чащи.

Всякий, кроме бушмена, расстался бы с надеждой подкрасться на выстрел к этой птице, но Черныш не унывал.

Попросив остальных соблюдать тишину, он подполз к самому краю зарослей и лег за густым широколиственным кустом. Затем он начал издавать гортанные звуки, в точности подражая токованию дрофы-самца, вызывающего соперника на бой.

Подобно тетереву, пау многоженец и в положенное время года становится страшным ревнивцем и забиякой. Черныш знал, что для пау как раз наступила «боевая пора», и он надеялся, подражая военному кличу дроф, приманить птицу (он в ней распознал петуха) на расстояние, доступное его стреле.

Едва заслышав клич, пау поднялся во весь свой рост, расправил веер огромного хвоста, опустил крылья, так что края их волочились по траве, и ответил на вызов.

Но тут смутило Черныша новое обстоятельство: ему почудилось, что на его токование отозвались две птицы сразу.

Действительно, он не ослышался: только он собрался подать голос вторично, как пау снова издал боевой клич, и в ответ раздался подобный же вызов с другой стороны.

Черныш поглядел туда, откуда донеслось ответное токование, и увидел вторую дрофу. Она, казалось, свалилась с поднебесья или, что вернее, выбежала из укрывавших ее кустов. Во всяком случае, охотники не успели оглянуться, как она уже покрыла почти половину расстояния до центра поляны.

Обе птицы теперь отлично видели друг друга, и по их движениям можно было заключить, что сейчас, несомненно, начнется бой.

Уверенный в этом, Черныш не стал больше подражать их кличу; он тихонько притаился за своим кустом.

Довольно долго птицы кружили на месте, выступая чопорным шагом, принимали угрожающие позы, обменивались оскорблениями, пока не раздразнили друг друга достаточно, чтобы завязалась драка. Они сражались по всем правилам своей птичьей чести, пуская в ход три вида оружия — крылья, клюв и ноги. То ударят крылом, то стукнут носом, а время от времени, когда представлялась возможность, угощали друг друга пинком, который, принимая во внимание длину и мускулистость ноги, должен был отличаться значительной силой.

Черныш знал, что, когда они сильнее увлекутся дракой, он сможет подойти к ним незамеченный, и терпеливо ждал своей поры.

С первых же секунд стало ясно, что ему не придется даже оставить свое прикрытие: птицы в драке приближались к нему. Он наложил стрелу на тетиву и выжидал.

Не прошло и пяти минут, как птицы дрались уже ярдах в тридцати от того места, где залег бушмен. Один из бойцов мог бы услышать звон тетивы, если бы был еще способен замечать что-нибудь вокруг себя. Другой все равно не услышал бы: прежде чем звук мог достичь его слуха, отравленная стрела пробила ему уши. Наконечник вышел, а стержень остался в голове, пронзив ее насквозь.

Сраженный пау, конечно, рухнул мертвым на траву, а его противник в изумлении смотрел на тело.

Кичливый боец сперва вообразил, что это сделал он сам, и стал с триумфом прохаживаться вокруг павшего врага.

Но вот его взгляд упал на стрелу, торчавшую в голове убитого. Он взирал на нее в недоумении. Этого он не делал! Что за чертовщина...

Если б ему предоставили еще хоть полсекунды на раздумье, он, верно, пустился бы наутек; но не успел он даже толком испугаться, как снова послышался звон тетивы, просвистела в воздухе вторая стрела, и вторая дрофа простерлась рядом с первой на траве.

Черныш бросился теперь вперед и завладел добычей; подстреленные птицы оказались молодыми петухами, так и просившимися на вертел.

Подвесив дичь на высокий сук, чтобы шакалы и гиены не могли ее достать, охотники отправились дальше и, спустившись снова в безводное русло реки, пошли вперед, куда оно их повело

Глава XXVII

ПО СЛЕДАМ

Они прошли не больше ста ярдов, когда набрели на один из тех прудков, о которых говорилось выше. Он был довольно велик, а ил на его берегах был испещрен следами множества разных животных. Охотники увидели это еще издали, а когда пришли на место, Черныш, несколько опередивший остальных, вдруг обернулся и, выкатив глаза, выпятив дрожащие губы, отщелкал языком слова:

— Мин баас! Мин баас! След клау!

Не приходилось опасаться ошибки: след слона нельзя спутать ни с каким другим. Ил действительно был весь изрыт большими круглыми отпечатками в добрых два фута длиною и почти такой же ширины, глубоко вдавленными в почву тяжестью огромного туловища. Каждый отпечаток представлял собой большую яму, в которой уместился бы толстенный столб.

В радостном волнении охотники разглядывали след. Было очевидно, что он оставлен совсем недавно: поверхность ила там, где она была нарушена, еще не затвердела и казалась сыроватой. Она была изрыта не более как за час перед тем.

В эту ночь к болотцу приходил, очевидно, только один слон. Среди множества следов только один был недавним — след старого и очень крупного самца.

Об этом явственно говорили отпечатки ног: чтобы оставить рытвину в двадцать четыре дюйма длиной, животное должно быть очень крупным, а очень крупным может быть только самец, старый самец.

Что ж, чем старше и крупней, тем лучше — лишь бы не оказались по какому-нибудь несчастному случаю обломанными бивни. Бивни, если обломаются, уже не восстанавливаются. Слон, правда, сбрасывает их, но лишь в самом юном возрасте, когда они у него не больше клешни омара; а те, что вырастают им на смену, уже постоянные и должны служить ему до самой смерти — не один и не два десятка лет, ибо никто не скажет, сколько десятилетий бродит по земле могучий слон.

Посоветовавшись немного, наши герои двинулись в путь по следу — Черныш впереди, а за ним ван Блоом и Гендрик.

След вел из безводного русла в джунгли.

Когда есть вокруг кусты тех пород, которыми питается слон, его путь нетрудно проследить по ним. Сейчас, впрочем, слон их не трогал, но бушмен, умевший преследовать зверя не хуже гончей, шел по слоновьей тропе так быстро, как могли поспевать за ним его спутники.

Заросли сменялись порой открытыми полянами; миновав их, охотники увидели перед собой муравейник, стоявший посреди прогалины. Слон, по-видимому, прошел около муравейника, постоял немного... Ага, тут он, должно быть, лег!

Ван Блоом не знал, что у слонов есть такая повадка. Он слышал всегда, что они спят стоя. Сведения Черныша были вернее. Он пояснил, что слоны спят иногда и стоя, но чаще ложатся, особенно в таких местах, где на них редко охотятся. Бушмен считал хорошим призна-

ком, что слон ложился. Отсюда он сделал вывод, что в этих краях слонов мало тревожат и, значит, к ним легче будет приблизиться на выстрел. И вряд ли они захотят покинуть спокойную местность, покуда охотники не возьмут «хорошую поживу».

Это соображение играло важную роль. Где слонов много преследуют и где они уже знают, что означает гул выстрела, там нередко один день охоты обращает их в бегство: они пускаются в кочевье и не осядут снова до тех пор, пока не окажутся вне пределов досягаемости. Так поступают не только отдельные, выслеженные охотником слоны. Все остальные также снимаются с места, как будто предупрежденные товарищами, пока последний слон не покинет округу. Эти странствия представляют одну из главных трудностей для охотника; и, когда слоны уходят на новые места, ему не остается ничего иного, как самому переменить поле действия.

Напротив, там, где слонов долгое время оставляли в покое, их не пугает раскат ружейного выстрела, и они долго мирятся с преследованием, прежде чем «покажут хвост» и покинут местность.

Так что Черныш недаром обрадовался, когда убедился, что старый слон лежал. Бушмен вывел из этого обстоятельства целую цепь заключений.

А что слон действительно ложился, было достаточно ясно — углубление в упругой насыпи муравейника показывало, куда он прислонился спиной: на земле был виден оттиск туловища, а большой бивень оставил рядом на дерне глубокую борозду. Бивень был, несомненно, велик, как показал отпечаток зоркому глазу бушмена.

Черныш сообщил спутникам несколько любопытных фактов о четвероногом великане — или, по меньшей мере, то, что ему представлялось фактами. Слон, сказал он, никогда не отважится лечь, если ему не к чему будет прислониться — к скале, к муравейнику, к дереву; он делает это, чтобы во сне не перекувырнуться на спину. Если он нечаянно попадет в такое положение, ему очень трудно встать, и он бывает тогда почти столь же

беспомощен, как черепаха. Нередко он спит, стоя около дерева и всей тяжестью тела навалившись на ствол.

Черныш не думал, что слон наваливается на ствол, едва лишь расположится под деревом; дерево соблазняет его сперва своею тенью, а уж потом, когда великаном овладеет сонливость, он припадает к стволу, найдя в нем прочную опору.

Бушмен поведал также спутникам, что иногда у слонов бывают свои облюбованные деревья, к которым они возвращаются снова и снова подремать в жаркие полуденные часы — их обычное время отдыха. Ночью слоны не спят. Наоборот, они в это время бродят по окрестностям, пасутся, ходят к далеким водопоям. Впрочем, в глухих, спокойных областях они пасутся и днем, и не исключено, что повадки полуночника родились у них как следствие страха перед их неугомонным врагом — человеком. Все это Черныш излагал, пока охотники продвигались вперед по следу.

Начиная от муравейника, след менял свой характер. По дороге слон «завтракал». Сон вернул ему аппетит; кусты терновника «стой-погоди» были истерзаны его бивнями. Тут и там ветви были обломаны и дочиста ощипаны, и только жесткие голые прутья валялись на земле. Местами попадались вырванные с корнем деревья, и притом не маленькие. Слон валит деревья, если не может дотянуться хоботом до их листвы; когда же дерево повалено, вся зелень, конечно, оказывается в полном его распоряжении. Иногда же он вырывает деревья, чтобы пообедать корнями, так как некоторые породы пускают сладкие, сочные корни — любимое лакомство слона. Гигант выдергивает деревья хоботом, предварительно подрыв их бивнями, которыми пользуется, как киркой. Впрочем, слону не всегда удается достичь своей цели. Например, мимозу более крупных пород он может расшатать только после больших дождей, когда земля становится влажной и рыхлой. А иногда он привередничает: вырвет дерево из земли, протащит его несколько метров корнями вверх и бросит, едва отщипнув корешок. Проходя целым стадом, слоны беспощадно губят лес.

Малые деревья слон вырывает одним только хоботом, но для крупных он применяет мощный рычаг — свои крепкие бивни. Он подводит их под корни (дерево растет обычно в рыхлой песчаной почве) и, дернув, разом выкорчевывает его: ветви, корни, ствол мгновенно оказываются в воздухе, не устояв перед мощью лесного исполина.

На каждом шагу охотники встречали всё новые доказательства огромной этой мощи: о ней ясно свидетельствовал след, оставленный по дороге их старым клау.

Этого было довольно, чтобы зародить страх и почтение, и ни один из троих преследователей не остался чужд этим чувствам. Если в часы спокойствия животное так склонно к разрушению и буйству, каким же чудовищем оно обернется, если его разъярить!

Было и еще одно соображение, смущавшее охотников, в особенности бушмена. Судя по некоторым признакам, это был слон-одиночка, или, как его называют индийские охотники, «бродяга». К таким слонам гораздо опаснее подступать, чем к их сородичам. В самом деле, при обычных обстоятельствах сквозь стадо слонов можно пройти так же спокойно, как если б это были не слоны, а смирные волы. Слон становится опасным противником, только если на него напасть или ранить его.

Совсем иначе обстоит дело с одиночкой, или бродягой. Он злобен по природе; едва завидев человека или зверя, он кидается в драку, не дожидаясь, когда его заденут. Он, по-видимому, питает страсть к разрушению, и горе тому, кто пересечет бродяге дорогу, не обладая более быстрыми ногами, чем у него!

Слон-бродяга ведет одинокую жизнь, скитаясь по лесу, и никогда не вступает в общение с сородичами. Он, видимо, является отверженцем среди своего племени, изгнанным за злобный нрав или по иной вине, и в своем отщепенстве становится еще более лютым и злобным.

Бушмен имел все основания опасаться, что выслеживаемый слон был таким одиночкой. Уже то, что он шел один, было само по себе достаточно подозрительно, так как слоны обыкновенно бродят по двое, по трое, а то и стадом в двадцать, в тридцать, в пятьдесят голов. Остав-

ленные по пути следы разрушения, отпечаток огромных ступней — все, казалось, выдавало в нем одного из этих свирепых животных. А тому, что одиночки водились в этих местах, у наших охотников были уже доказательства. Черныш утверждал, что слон, убитый носорогом, принадлежал к тому же разряду, потому что иначе он не напал бы сам на врага. Предположение бушмена представлялось вполне правдоподобным.

След становился все свежее и свежее. Охотники видели вывороченные деревья, корни с отпечатком слоновьих зубов, еще увлажненные слюной, вытекшей из его огромной пасти. Видели обломанные ветви мимозы, от которых исходил сладкий запах, еще не успевший выветриться. Нетрудно было заключить, что дичь находится поблизости.

Пошли в обход опушкой, пустив бушмена по-прежнему вперед. Вдруг Черныш остановился и отступил на шаг. Он обратил к спутникам лицо. Глаза его вращались еще быстрей, чем обычно, но, хотя губы раскрывались и язык шевелился, бушмен не мог произнести ни слова: слышно было только какое-то щелкание, свист, но ни одного членораздельного звука — так он был взволнован. Однако остальные поняли его без слов: Черныш хотел, конечно, прошептать, что он видит клау. Отец и сын молча выглянули из-за куста и собственными глазами узрели четвероногого исполина.

Глава XXVIII

СЛОН-ОДИНОЧКА

Слон стоял в рощице под сенью деревьев, называемых «мохала». В отличие от низкорослой мимозы, мохала обладает высоким, гладким стволом, над которым тихо качается густая крона, формой напоминающая зонт. Перистые нежно-зеленые листья мохалы составляют любимое лакомство жирафа, почему в ботанике она именуется жирафьей акацией; голландские же колонисты называют ее в просторечии верблюжьим терновником.

Высокий жираф с его хваткими губами и очень длинной шеей без труда ощипывает листья на высоте семи метров. Другое дело — слон, который не может дотянуться хоботом так высоко; ему зачастую пришлось бы разыгрывать пресловутую лису из древней басни, не располагай он превосходным средством достать соблазнительные листья, повалив дерево наземь. Ему это вполне под силу, если только ствол не слишком толст.

Когда взоры наших охотников впервые остановились на слоне, он стоял у вершины поверженной мохалы, которую только что сломал под корень. Теперь он обрывал листья, набивая ими свой вместительный желудок.

Овладев наконец даром речи, Черныш прерывисто зашептал:

— Осторожно, баас Блоом! Не подходи! Остерегись! Это злой старый клау! Ух! Он дурной. Я его знаю, старого чертова быка!

Этими сбивчивыми словами Черныш хотел предостеречь хозяина, чтоб он не приближался опрометчиво к великану.

Бушмен узнал в нем самого опасного из слонов — бродягу.

Покажется загадочным, откуда Черныш это заключил: ведь слон-одиночка ничем, собственно, не отличается внешне от других своих сородичей. Но наметанный глаз бушмена умеет кое-что прочесть в облике животного, как мы по неуловимым признакам отличаем злого и опасного быка от более добродушного или дурного человека от хорошего.

Да и сам ван Блоом и даже Гендрик поняли по виду слона, что он свиреп и дик и что действовать надо осторожно.

Охотники притаились в кустах и несколько минут наблюдали за четвероногим великаном. Чем дольше они глядели, тем более крепло в них решение напасть на него. Вид огромных бивней был слишком соблазнителен для ван Блоома; он ни на секунду не допускал мысли о том, чтобы отказаться от борьбы и дать животному уйти. Во всяком случае, он всадит в него две — три пули, а если представится возможность и если первых

двух не хватит, — что ж, можно будет всадить и больше. Нет, ван Блоом не откажется без боя от этих чудесных бивней!

Он тотчас стал соображать, как вернее всего повести нападение, но время не ждало, и план не успел созреть Слон казался неспокойным и, видимо, готов был двинуться дальше. С минуты на минуту он мог уйти и затянуть преследование на много миль, а то и вовсе скрыться от охотников в густой заросли «стой-погоди».

Эта перспектива ускорила решение ван Блоома сразу же пойти в атаку и, подступив к слону как можно ближе, выпустить в него заряд. Он слышал, что меткая пуля в лоб уложит любого слона, — только бы найти позицию, откуда можно было стрелять зверю прямо в морду. Ван Блоом считал себя достаточно метким стрелком, чтобы не промахнуться.

Он, впрочем, ошибался. Слона не убивают выстрелом в лоб. Такие сведения можно получить от джентльменов, охотившихся на слонов в своем кабинете, хотя другие кабинетные люди, анатомы — отдадим им должное, — ясно доказали, что этот способ невозможен ввиду особого устройства слоновьего черепа и расположения его мозга.

В то время ван Блоом разделял это ложное представление и потому допустил большую оплошность. Вместо того чтобы искать позицию для выстрела в бок, которую он нашел бы куда легче, он решил обойти слона кругом и выстрелить ему прямо в морду.

Оставив Гендрика и Черныша в тылу у противника, он под прикрытием кустов пополз в обход и наконец достиг тропинки, которую слон мог бы выбрать с наибольшей вероятностью.

Едва успел он занять свою позицию, как исполин двинулся прямо на него своей величавой поступью; и, хотя слон не бежал, а только шел, он пятью — шестью гигантскими шагами приблизился почти вплотную к засаде охотника. Животное еще не подавало голоса, но при каждом его движении ван Блоом слышал странный клекот или урчание, как будто в его огромном брюхе переливалась вода.

Ван Блоом стоял за стволом большого дерева. Слон до сих пор не замечал его и, может быть, прошел бы мимо, не подозревая о присутствии врага, если б тот позволил ему. У охотника и впрямь мелькнула такая мысль, потому что, как ни был он смел, при виде лесного великана у него на мгновение замерло сердце.

Но вот снова дуга слоновой кости блеснула перед его глазами, снова вспомнил он цель, которая привела его сюда, вспомнил о погибшем состоянии, о своем намерении нажить его, поставить на ноги детей...

Эти мысли укрепили в нем решимость. Длинный ствол громобоя опирался на сук, дуло глядело прямо в лоб надвигавшемуся слону. Зрачок охотника сверкнул в прицельной рамке, грянул гулкий выстрел, и на мгновение облако дыма застлало все перед глазами...

Ван Блоом услышал хриплый трубный рев, услышал хруст ветвей и урчание воды, а когда дым рассеялся, охотник, к своему великому смущению, увидел, что слон все еще стоит на ногах как ни в чем не бывало.

Пуля попала в ту самую точку, куда метил стрелок, но, вместо того чтобы нанести животному смертельную рану, она только привела его в крайнюю ярость. Слон теперь метался, ударял бивнями о стволы, хоботом обламывал ветви и швырял их в воздух, видимо совсем не понимая, что же это так дерзко щелкнуло его по лбу. К счастью для ван Блоома, толстый ствол дерева скрывал его от слона. Если бы разъяренный зверь заметил в это мгновение человека, ван Блоому бы несдобровать, но охотник знал это, и у него достало хладнокровия сохранить молчание и покой.

Иначе повел себя Черныш. Когда слон зашагал вперед, бушмен и Гендрик пошли, крадучись, вслед за зверем через мохаловую рощу. Они пересекли даже открытую поляну и вступили в кусты, где сидел в засаде ван Блоом. Когда Черныш услышал выстрел, а затем увидел, что слон невредим, мужество изменило ему. Он оставил Гендрика и кинулся обратно к мохаловой роще, оглашая воздух пронзительными криками.

Крики достигли ушей слона, и он тотчас бросился в ту сторону, откуда они доносились. В одно мгновение он

вынырнул из кустов и, увидев на открытой поляне бегущего человека, бешено ринулся за ним. Гендрик, который не трогался с места и остался незамеченным в прикрытии кустов, выстрелил по пронесшемуся мимо зверю. Пуля, угодив в лопатку, только усилила ярость слона. Он мчался, не останавливаясь, вслед за Чернышом, вообразив, несомненно, что бедный бушмен и причинил ему боль, происхождение которой он плохо понимал.

Лишь несколько секунд прошло после первого выстрела, а охота приняла новый оборот. Черныш едва успел выскочить из кустов, как слон уже мчался за ним, а когда бушмен повернул к мохаловой роще, он был на каких-нибудь шесть шагов впереди своего преследователя. Черныш хотел добраться до рощи, среди которой было несколько очень крупных деревьев. Он рассчитывал влезть на одно из них, так как это казалось ему единственным средством спасения. Но не пробежал он и половины открытой поляны, как понял, что ему не поспеть. Он слышал за собой тяжелый топот чудовища, слышал громкий злобный рев, ему казалось даже, что он ощущает на спине горячее дыхание зверя. А до рощи было еще далеко. Когда там еще добежишь да взберешься по стволу так высоко, чтобы слону не достать было хоботом! На это нужно время. Укрыться на дереве не оставалось надежды.

Эти соображения почти мгновенно сложились в мозгу Черныша. За десять секунд он пришел к заключению, что бегством ему не спастись; и вот он сразу прервал свой бег, круто повернул и встретил слона лицом к лицу.

Не надо думать, что он тут же составил новый план спасения. Не отвага, а только отчаяние заставило его обратиться лицом к преследователю. Он знал, что, продолжая бежать, непременно будет настигнут; если повернуться лицом к врагу, ничего худшего не произойдет, а может быть, еще удастся предотвратить роковой удар каким-нибудь ловким маневром. Черныш стоял теперь как раз посередине прогалины; слон мчался прямо на него.

Увидев бегущего Черныша,

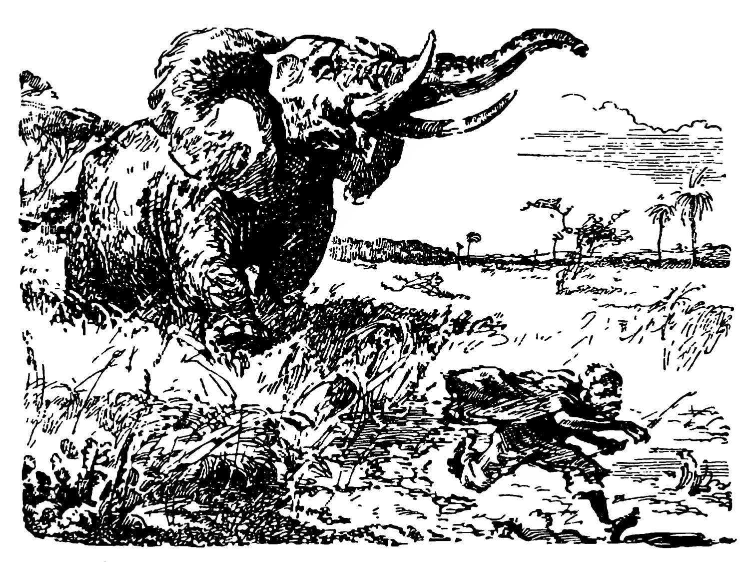
Бушмен был совершенно безоружен: чтобы легче было бежать, он бросил свой лук, бросил топор. Впрочем, и лук и топор были бессильны против такого противника.

На человеке оставался только каросс из овчины. Овчина стесняла Черныша в беге, но бушмен умышленно не расстался с ней.

Черныш стоял на месте, пока вытянутый хобот не оказался в трех футах от его лица; и тут бушмен кинул овчину прямо на хобот слону, а сам, легким прыжком отскочив в сторону, побежал в обратном направлении.

Ему, несомненно, удалось бы забежать слону в тыл и этим спастись, но слон подхватил овчину на хобот и размахнулся ею. Описав в воздухе широкий круг, она, точно назло, хлестнула Черныша по ногам, и маленький бушмен, как подкошенный, растянулся на земле среди поляны.

С присущим ему проворством Черныш тотчас же вскочил и кинулся в новом направлении. Но слон уже



слон бешено ринулся за ним.

понял его уловку, оставил каросс и вдруг помчался за человеком.

Черныш не пробежал и пяти шагов, как длинный гнутый бивень очутился у него между ногами; секунда — и тело бушмена оторвалось от земли.

Ван Блоом и Гендрик, которые к этому времени как раз достигли края прогалины, увидели, как Черныш перекувырнулся в воздухе, но, к их удивлению, он не упал обратно на землю. Уж не подхватил ли его слон опять на бивни и теперь придерживает хоботом? Нет. Охотникам была видна голова животного. Бушмена на бивнях не было, не было его и на спине у слона, не было нигде. Слон, казалось, и сам не менее, чем наблюдатели, был изумлен внезапным исчезновением своей жертвы. Громадный зверь искал глазами, словно недоумевая, куда ускользнул предмет его ярости.

Куда мог исчезнуть Черныш? Где он? Вдруг слон издал громкий рев, кинулся к дереву и, обхватив его хоботом, бешено затряс. Ван Блоом и Гендрик подняли

глаза к вершине дерева, ожидая, что увидят Черныша в густой листве.

Там он, конечно, и оказался: он сидел среди веток, куда его забросил слон. Ужас был написан на лице бушмена, потому что и здесь он не чувствовал себя в безопасности. Но он не успел выдать криком свой страх. Еще мгновение, и дерево с треском рухнуло, увлекая Черныша на своих ветвях.

Вырванное хоботом дерево упало прямо на слона. Черныш, падая, даже скользнул по спине животного и сполз по покатому заду к его ногам. Ветви ослабили падение, и бушмен ничуть не ушибся, но он сознавал, что теперь находится в полной власти беспощадного врага. Бегством не спастись. Он погиб!

И тут мгновенная мысль осенила его — какой-то инстинкт, пробужденный отчаянием. Вспрыгнув на заднюю ногу великана, он крепко обхватил ее руками, а свои босые ступни поставил на широкие копыта. На этой опоре он мог держаться, сколько бы животное ни двигалось.

Гигант, не имея возможности стряхнуть его или дотянуться до него хоботом, а сверх того, удивленный и напуганный этим невиданным способом нападения, издал пронзительный рев и, оттопырив хвост, задрав высоко хобот, ринулся прямо в джунгли.

Черныш держался на его ноге, пока слон не донес его благополучно до кустов, а там, улучив минуту, тихонько соскользнул наземь. Как только бушмен почувствовал под собою твердую землю, он вскочил на ноги и побежал во весь дух в обратную сторону.

Впрочем, он мог бы спокойно остаться на месте: слон был так испуган, что без оглядки ломился вперед сквозь заросли, корежа на своем пути сучья, сокрушая целые деревья. Четвероногий великан не остановился до тех пор, пока не убежал на много миль от места своего неприятного приключения.

Тем временем ван Блоом и Гендрик вновь зарядили ружья и двинулись на выручку бушмену. Но Черныш, так чудесно спасенный, уже мчался прямо к ним, как на крыльях.

Отец и сын, разгоревшись охотничьим пылом, предложили пуститься по свежему следу, но бушмен, не чувствуя влечения к «старому бродяге», с которым познакомился довольно близко, отказался наотрез. Без коней или собак, объявил он, слона не настичь, а так как у них нет ни тех, ни других, то продолжать преследование бесполезно.

Ван Блоом сознавал справедливость его слов и поэтому особенно пожалел о потере своих коней. Слона легко догнать верхом на лошади, а собаки заставляют его перейти от бегства к обороне, но так же легко уходит он от пешего охотника, и раз уж он пустился наутек, преследовать его — напрасный труд.

Час был слишком поздний, чтоб идти разыскивать других слонов; с чувством разочарования охотники отказались от погони и направились обратно к лагерю.

Глава XXIX

ПРОПАВШИЙ ОХОТНИК И ДИКИЕ БЫКИ

«Беда никогда не приходит одна», — говорит пословица.

Приближаясь к лагерю, наши охотники увидели издали, что там как будто не все благополучно. Тотти с Яном и Трейи стояли наверху у самой лестницы, и по их движениям чувствовалось, что случилось что-то неладное. А где же Ганс?

Едва завидев охотников, Ян и Трейи быстро спустились на землю и кинулись им навстречу. Беспокойные искорки в детских глазах предвещали недобрую весть, а когда дети заговорили, опасения сразу подтвердились.

Ганса не было — вот уже несколько часов, как он куда-то ушел, и дети боялись, что с ним что-то приключилось, боялись, что он заблудился.

— Но чего ради он ушел из дому? — спросил ван Блоом, удивленный и встревоженный новостью.

На этот вопрос, и только на этот, дети могли дать ему ответ. В долину пришло на водопой множество

странных животных — очень-очень странных, по словам детей. Ганс взял ружье и быстро побежал за ними, наказав Яну и Трейи оставаться на дереве и не слезать до его возвращения. Он уверял, что уходит ненадолго и что им нечего бояться.

Вот и все, что знали дети. Они не могли даже указать, в какую сторону отправился Ганс. Он пошел по нижнему краю озера, но вскоре скрылся из глаз за кустами, и больше они его не видали.

— В котором часу это было?

Было это много часов назад, совсем еще утром, вскоре после того, как старшие ушли на охоту. Ганс долго не возвращался, и тогда дети начали беспокоиться, но им пришло на ум, что старший брат встретился, верно, с папой и Гендриком и остался с ними охотиться и что поэтому его так долго нет.

— А не слышали дети выстрела?

Нет, они все время прислушивались, но выстрела не слышали. Животные скрылись, когда Ганс не успел еще зарядить ружье, и он, наверно, не скоро их догнал. Может быть, потому-то дети и не слышали, чтобы он стрелял.

— А что это были за животные?

О, пока звери пили, малыши отлично разглядели их. Им никогда раньше не доводилось видеть таких зверей. Это были крупные животные, желто-бурого цвета, с косматой гривой и длинным пуком волос на груди, свисающим между передними ногами. Ростом они были с пони, уверял Ян, и вообще очень похожи на пони. Они прыгали и скакали совсем как пони, когда разыграются. А Трейи сказала, что животные скорей похожи были на львов.

— На львов? — воскликнули разом ее отец и Гендрик, и голоса их выдали неподдельную тревогу.

Нет, в самом деле, животные показались ей похожими с виду на львов, повторила Трейи, и Тотти сказала то же самое.

— Сколько их было? Много?

Да, очень много, не меньше пятидесяти! Дети не могли их сосчитать, потому что животные были все

время в движении: скакали с места на место и бодали друг дружку рогами.

— Ага! У них были рога? — подхватил ван Блоом и облегченно вздохнул.

— Да, конечно, рога были, — ответили дружно все трое.

Они видели у животных рога, острые рога, которые шли сперва вниз, а затем загибались кверху над самой мордой. А еще у них были гривы, утверждал Ян. Шея у них толстая, изогнутая, как у красивой лошадки, а на носу пучок волос, точно щеточка, тело круглое, как у пони, а сзади длинный белый хвост почти до земли, тоже как у пони, и такие же стройные ноги.

— Говорю вам, — продолжал настойчиво Ян, — что если бы не рога и не метелка волос на груди и на носу, я, наверно, принял бы их за пони. Они скакали совсем как пони, когда те разыграются: набегали друг на дружку, опустив голову, выгнув шею и потряхивая гривой, и даже фыркали совсем-совсем как пони; но иногда они принимались реветь прямо как быки, и, признаться, спереди они сильно напоминали быков; кроме того, я заметил, что у них раздвоенное копыто, как у коров. Я хорошо разглядел их, покуда Ганс заряжал ружье. Они почти все время оставались у воды, а когда снялись, поскакали длинной цепью друг за дружкой: самый большой — впереди и еще один, тоже очень большой, позади всех.

— Дикие быки! — провозгласил Гендрик.

— Гну! — закричал Черныш.

— Да, очевидно, дикие быки, — сказал ван Блоом.— Ян описал их довольно точно.

Догадка была вполне основательна. Ян правильно передал несколько очень характерных признаков гну, которого буры называют диким быком, этого самого необычайного, быть может, среди всех парнокопытных. Щеточка шерсти на носу, длинная метелка меж передних ног, рога, нависающие сперва над мордой и затем резко загибающиеся кверху, толстая, крутая шея, округлое, упругое, как у лошади, туловище, длинный

белесый хвост и густая волнистая грива — все это верно рисовало гну.

И даже Трейи не сделала такой уж непростительной ошибки. Гну, в особенности старые самцы, бывают поразительно похожи на львов — настолько, что даже опытные охотники с трудом отличают их издали друг от друга.

Ян, однако, разглядел их лучше, чем его сестренка, и будь они поближе, он мог бы заметить еще, что у животных красные горящие глаза, что мордой и рогами они несколько напоминают африканского буйвола и что ноги у них похожи на оленьи, тогда как в остальном они действительно походят на пони. Далее, он заметил бы, что самец крупнее самки и гуще окрашен. А если бы в стаде были телята, он увидел бы, что они еще светлее маток — что они белой или светлой масти.

Те гну, которых видели утром дети, принадлежали к самому обычному виду — белохвостому гну, известному среди голландских колонистов под именем «диких быков». Готтентоты же называют их «гноу» или «гну» — по гнусавому мычанию, которое они иногда испускают и которое передается словом «гноу-о-у».

Гну бродят большими стадами по диким южноафриканским степям. Это безобидное животное, пока его не ранят; но если ранить его, в особенности старого самца, то он становится чрезвычайно опасен и кидается на охотника, пуская в ход и рога и копыта. Гну может бегать очень быстро, но он почти никогда не скрывается от охотника, а кружит около него, держась на известном расстоянии, мечется по сторонам, грозно нагибает голову к земле, взбивает копытами пыль и ревет, как бык, а то и впрямь, как лев, потому что его рев напоминает львиное рычание.

Пока стадо пасется, старые самцы стоят на страже, защищая его с фронта и с тыла. А бежит стадо обычно вереницей, в одну линию, как описывал Ян.

Старые самцы держатся в тылу, между стадом и охотником; они скачут взад и вперед, бодая друг друга рогами, и нередко завязывают как будто серьезную драку. Однако стоит охотнику приблизиться, как быки

тотчас прекращают ссору и пускаются вскачь, пока не уйдут от него. Нет ничего забавнее той причудливой игры, которой предаются эти животные, когда стадо пасется в степи.

В Южной Африке водится еще один вид антилопы из того же рода гну — полосатый гну. Охотники и колонисты называют его синим диким быком: шкура у него имеет голубоватый отлив — отсюда это наименование «синий», а на боках слегка намечены штрихи или полосы, почему и называется он полосатым. Всей повадкой он очень похож на обыкновенного белохвостого гну, но тяжелее его и глупее, а с виду еще причудливей и нелепей. Полосатый гну достигает в высоту пяти футов, белохвостый — от силы четырех.

Эти породы гну резко обособлены и никогда не смешиваются в одно стадо, хотя каждую из них можно встретить в обществе других животных. Гну принадлежат к характерной фауне Африки и не встречаются на других материках.

До последнего времени их причисляли к семейству антилоп, хоть и трудно сказать, на каком основании. С антилопой у них гораздо меньше общих признаков, чем с тем же быком. Повседневные наблюдения охотников и пограничных буров привели к тому же заключению, как свидетельствует название «дикий бык», которое дали они животному.

Гну издавна составляет излюбленную пищу пограничных фермеров и охотников. Его мясо вкусно, а мясо гну-теленка — настоящий деликатес. Из его шкуры выделываются всевозможные ремни и сбруя, а длинный шелковистый волос хвоста составляет особую статью торговли. Вокруг каждой пограничной фермы можно увидеть большую кучу рогов гну и горного скакуна — останки убитых на охоте животных.

Поохотиться на дикого быка — любимое развлечение молодого бура. Загонят их целым стадом в долину, где они оказываются как в мешке, а потом стреляют вволю. Иногда их заманивают в засаду, выставляя красный носовой платок или просто красную тряпку, так как к этому цвету они питают сильнейшее отвращение. Их

можно легко укротить и приручить, но фермеры делают это неохотно, опасаясь, что гну заразят остальной скот особенной кожной болезнью, которой подвержены и от которой они гибнут тысячами каждый год.

Не следует, однако, думать, что все вышеизложенное послужило ван Блоому и его спутникам предметом долгой беседы. Они слишком тревожились о судьбе пропавшего Ганса и не могли теперь думать ни о чем ином.

Но только они собрались отправиться на розыски, как у дальнего края озера показалась фигура нашего молодого охотника: юноша шел очень медленно, сгибаясь под тяжестью какого-то большого и грузного предмета, который он тащил, вскинув на плечи.

Поднялся дружный хор радостных возгласов, и через несколько минут Ганс стоял среди своих.

Глава XXX

АФРИКАНСКИЙ МУРАВЬЕД

На Ганса посыпался град вопросов.

— Где был? Почему так поздно? Что с тобой случилось? Ты жив и здоров? Не ранен, надеюсь? — спрашивали его все наперебой.

— Здоров, как бык, — сказал Ганс. — Остальное расскажу, когда Черныш снимет шкуру с этого аардварка, а Тотти сварит нам на ужин кусок его мяса. Сейчас я слишком голоден, так что прошу меня извинить.

С этими словами Ганс скинул с плеч тушу какого-то зверя величиной с овцу и покрытого длинной краснобурой щетиной. Большой хвост, толстый у основания, утончался к концу, как морковь. Рыло животного было длинное, чуть ли не в целый фут, но тонкое и голое, рот очень маленький; прямые уши, похожие на рога, стояли торчком; туловище низкое и сплюснутое, ноги короткие, мускулистые, когти же непомерно длинные, особенно на передних лапах, где они не выступали наружу, а загибались внутрь, как зажатые кулаки или как пальцы на руках у обезьяны. В общем, у зверя, которого

Ганс назвал аард-варком и предлагал сварить на ужин, был престранный вид.

— Хорошо, мой мальчик, — ответил ван Блоом, — мы охотно тебя извиним, тем более что все мы, полагаю, проголодались почти так же, как ты. Но я думаю, аард-варка лучше оставить на завтрашний обед. Тут у нас есть пара хороших петухов, и Тотти управится с одним из них быстрее, чем с твоей добычей.

— Пусть так, — согласился Ганс, — мне все равно. Я сейчас мог бы съесть что угодно, хоть бифштекс из старой квагги, но все же, я думаю, хорошо бы Черно-шу — если ты только не очень устал, дружище, — теперь же снять шкуру с этого господина. — Ганс указал на аард-варка. — И надо бы его освежевать, чтобы он не испортился, — продолжал молодой охотник. — Ты-то уж, верно, знаешь, Черныш, что он очень вкусен, просто объедение, так что было бы обидно дать ему протухнуть. Не каждый день удается подстрелить такого зверя.

— Правильно вы говорите, минхер Ганс, Черныш все это знает. Сейчас мы с него шкуру долой — и гоуп готов.

С этими словами Черныш вынул нож и стал свежевать тушу. Странное животное, которое Ганс называл аард-варком, а бушмен — гоупом, было не чем иным, как африканским муравьедом, правильное название которого — трубкозуб.

Хотя колонисты дали ему имя «аард-варк», что значит по-голландски «земляной поросенок», муравьед имеет очень мало общего со свиньей. Правда, мордой он похож немного на кабана. За это сходство, а также за щетину да еще за обычай копать рылом землю и дали ему, конечно, его ошибочное наименование. Эпитет «земляной» прибавлен на том основании, что трубкозуб прекрасно роет норы — он, надо сказать, один из лучших «землекопов» в мире. Он прокладывает путь под землей так быстро, что за ним не поспела бы лопата, — быстрее, чем барсук. Размером, повадкой и устройством многих частей тела он поразительно похож на своего южноамериканского сородича — тамандуа, ко-

торый получил такую большую известность, что почти единовластно завладел званием муравьеда. Но земляной поросенок такой же полноправный муравьед, как и тамандуа: он так же может «взорвать» крепкостенный дом термитов, может набрать их на длинный липкий язык и проглотить столько же, сколько любой муравьед долины Амазонки. Вдобавок у него такой же хвост морковью, как у тамандуа, точно такое же вытянутое рыло, такой же маленький рот, длинный и гибкий язык. Когти у него мало уступают когтям американского муравьеда, и ходит он так же неуклюже, ставя боком передние лапы, пальцами внутрь.

Почему же, спрошу я, мы так много слышим разговоров о тамандуа и ни слова о земляном поросенке? Все музеи и зверинцы похваляются наперебой, что обзавелись «настоящим» американским муравьедом, но ни один не спешит признаться, что имеет африканского трубкозуба. Откуда такое несправедливое различие? В этом, я сказал бы, виноват знаменитый Барнум. Аардварк, видите ли, голландец, капский бур, мужик, а бура в наши дни шпыняют со всех сторон. Вот почему зоологи и содержатели зверинцев так обидно пренебрегают моим толстохвостым уродцем. Но пора положить этому конец; я встаю на защиту аард-варка, и, хотя тамандуа специально именуется пожирателем муравьев, утверждаю, что земляной поросенок такой же муравьед, как и тамандуа. Он может прорыть ход сквозь такой же большой термитник, и даже сквозь больший, до двадцати футов высотой, «выбрасывает» такой же длинный и липкий язык в двадцать дюймов длиною, орудует им так же проворно и слизывает столько же термитов, сколько любой тамандуа. И так же он может разжиреть и сделаться очень грузным, а главное — скажем к его чести, — он может обеспечить вам самое вкусное жаркое, если вы его убьете и не побрезгаете отведать его мяса. Правда, оно слегка отдает муравьиной кислотой, но этот привкус как раз и ценят в нем гурманы. А если случится вам завести речь о ветчине, послушайте нашего совета: отведайте окорок земляного поросенка! Приготовьте его по всем правилам да скушайте ломтик,

и больше вы никогда не станете расхваливать испанскую или вестфальскую ветчину!

Гансу доводилось лакомиться таким окороком, Чернышу тоже, так что бушмен отнюдь не вопреки желанию, а, можно сказать, с охотой стал разделывать тушу гоупа.

Черныш знал, какой ценный кусок держал он в руках, ценный не только своим качеством, но и потому, что он редко встречается. Хотя трубкозуб довольно обычное животное в Южной Африке, а в некоторых областях ее он водится даже в большом числе, все же охотнику не каждый день удается наложить на него руку. Захватить этого зверя очень трудно, хотя убить довольно просто: ударить по рылу — и он готов! Пугливый и осмотрительный, он редко выходит из своей норы, да и то лишь ночью, и даже в темноте он крадется так тихо и осторожно, что никакой враг не подберется к нему незамеченным. Глаза у него очень маленькие и, подобно большинству ночных животных, он видит плохо, но два других чувства — слух и обоняние — развиты у муравьеда до редкой остроты. Его стоячие длинные уши улавливают каждый звук, каждый шорох.

Аард-варк — не единственное животное в Африке, поедающее термитов. Водится там еще один четвероногий любитель этих насекомых, но внешностью он сильно отличается от трубкозуба. Животное это совсем лишено шерсти, зато его тело сплошь покрыто настоящим чешуйчатым панцирем, каждая чешуйка величиною с полкроны. Чешуйки слегка находят одна на другую, и животное может, когда хочет, поставить их торчком. Внешним видом оно скорее похоже на большую ящерицу или на маленького крокодила, чем на млекопитающее, но его обычаи в точности те же, что у земляного поросенка. Живет оно под землей, разрывает ночью термитники, выбрасывает длинный и липкий язык, набирает па него насекомых и с жадностью их пожирает.

Если напасть на него неожиданно и вдалеке от его подземного убежища, оно свернется, как еж или как некая разновидность южноамериканского броненосца, с

которым придает ему известное сходство его чешуичатый панцирь.

Этот истребитель термитов именуется панголином или ящером, но известно несколько видов панголина помимо африканского. Некоторые виды его встречаются в Южной Азии и на островах Малайского архипелага. Тот же, что водится в Южной Африке, зовется у зоологов «длиннохвостым ящером».

Тотти вскоре подала жаркое из «павлина» — вернее говоря, наспех поджаренную на вертеле дрофу. Хотя птица и не была приготовлена по всем правилам искусства, она оказалась достаточно хороша для тех желудков, для которых предназначалась. Наши охотники были слишком голодны, чтобы привередничать, и съели обед, не подвергнув его критике.

Теперь Ганс приступил наконец к рассказу о своем приключении.

Глава XXXI

ГАНС ПРЕСЛЕДУЕТ ГНУ

— Так вот, — начал Ганс, — прошло не больше часа после вашего ухода, как у водопоя показалось стадо диких быков. Шли они гуськом, но у самого берега нарушили порядок, и не успел я подумать, что неплохо бы пострелять их, как они уже плескались в воде.

Понятно, я знал это животное — и знал, что это добрая дичь, но я так засмотрелся на их потешную возню, что и думать забыл о ружье, пока стадо не напилось вдосталь. Тогда только я вспомнил, что мы живем вяленой слониной и не вредно было бы внести некоторое разнообразие в нашу еду. К тому же я приметил в стаде нескольких телят, которых я различил по их малому росту и более светлой окраске. Из их мяса, как я знал, получается превосходное блюдо, и я решил, что сегодня оно будет у нас на обед.

Я побежал наверх за ружьем. Тут только я понял, что сглупил, не зарядив его заблаговременно, когда вы собирались на охоту. Мне тогда не пришло на ум, что

возможна всякая случайность, и, конечно, это было очень неразумно: как знать, что может произойти в любой час, в любую минуту!

Я очень торопился, когда заряжал ружье, так как видел, что дикие быки уже выходят из воды, и, кое-как забив пулю, бросился вниз по лестнице. Но на последней ступеньке я спохватился, что не взял ни пороховницы, ни патронташа. Возвращаться за ними было поздно: уже последний бык поскакал прочь, и я боялся прозевать их вовсе. Впрочем, я не собирался преследовать их на далекое расстояние. Я рассчитывал сделать по ним только один выстрел, а для него довольно было и той пули, что я забил в ружье.

Я поспешил за стадом, держась по мере возможности под прикрытием кустов, но через некоторое время я убедился, что такая предосторожность ни к чему. Гну нисколько не робели. А старые самцы — те и вовсе не знали страха, они преспокойно скакали и резвились в каких-нибудь ста ярдах, а иногда подпускали меня и ближе. Было ясно, что за ними никогда не охотился человек.

Раз — другой я приближался на выстрел к двум старым быкам, несшим, как видно, стражу в арьергарде. Но я не собирался убивать старых гну — я знал, что их мясо жестко.

Мне хотелось достать к обеду что-нибудь понежнее. И я решил приберечь пулю для телки или для молодого бычка, у которого еще не загнулись рога. Таких я видел в стаде несколько штук.

Как ни смирны были животные, мне никак не удавалось подобраться на выстрел к какому-нибудь из молоденьких. Старые быки, возглавлявшие стадо, все время уводили их слишком далеко; а те два, что прикрывали тыл, казалось, угоняли их вперед при моем приближении.

И вот таким манером они завели меня на милю с лишним. Увлекшись погоней, я не думал о том, что опрометчиво так удаляться от лагеря. Я думал только о дичи и, все еще надеясь использовать с толком свой заряд, шел дальше и дальше.

Наконец погоня вывела меня на открытое место. Кустов здесь больше не было, но и тут нашлось прекрасное прикрытие — термитники. Рассеянные по всей равнине, они стояли, точно большие палатки, на равном расстоянии друг от друга. Термитники были огромные — иные из них в двенадцать с лишним футов высоты — и по виду несколько отличались от обычного куполообразного холмика, распространенного повсюду. Они построены были в виде больших конусов или закругленных пирамид, у основания которых лепились во множестве, словно башенки, конусы поменьше. Я узнал жилище одного из видов термитов, известного энтомологам под именем «воинственного термита».

Были там и другие термитники, в форме цилиндра с закругленной вершиной, невысокие — всего около ярда высотой; вид у них был такой, точно взяли рулон небеленого холста, поставили стоймя, а сверху прикрыли перевернутой миской. Такие термитники принадлежат совсем иному виду термитов, именуемому у энтомологов «кусающийся термит»; впрочем, гнезда того же образца строит еще один вид термитов.

Не подумайте, что я останавливался поглядеть на эти любопытные сооружения. Я упоминаю о них сейчас только для того, чтобы дать вам представление о местности, иначе вам непонятно будет дальнейшее.

Итак, равнина вся была усеяна конусообразными и цилиндрическими термитниками. Либо тот, либо другой попадался через каждые двести ярдов, и я вообразил, что под их прикрытием легко подберусь на расстояние выстрела к молоденькому гну.

Я пошел в обход, чтобы напасть на стадо спереди, и притаился за большим конусовидным холмом, близ которого пощипывала траву значительная часть стада. Но, заглянув в просвет между двумя башенками, я увидел, к своему огорчению, что маток с телятами уже угнали, они вне пределов досягаемости, а между мной и стадом скачут по-прежнему два старых быка.

Я повторил попытку и засел за другим высоким конусом, возле которого паслись животные. Когда я выпрямился, чтобы стрелять, меня опять постигло разочаа-

рование. Стадо снова снялось, и два быка по-прежнему охраняли тыл.

Мне это начало надоедать. Поведение быков раздражало меня до крайности, и мне чудилось, что они это знают. Они производили самые странные маневры, и казалось — с нарочитой целью раздразнить меня. Временами быки, грозно нагнув голову, подходили ко мне почти вплотную, и, должен признаться, глядя на их косматые темные груди, на острые рога и красные горящие глаза, я чувствовал себя не совсем уютно в этом соседстве.

В конце концов они меня до того разозлили, что я решил положить конец такому издевательству. Что ж, если они не дают мне подстрелить никого другого, подумал я, им это даром не пройдет, они сами поплатятся за свою дерзость и упрямство. По крайней мере один из них познакомится с моей пулей!

Только я поднял ружье, как увидел, что они опять стали в позу для новой драки. Они это делают так: опускаются на колени и скользят вперед, покуда не столкнутся лбами; тогда они вскакивают и неожиданно делают прыжок вперед, стараясь каждый первым наскочить на противника и затоптать его копытами. Если не удалось, оба проскачут дальше, пока не разойдутся на несколько ярдов, потом опять оборачиваются, опять подгибают колени и снова сближаются.

До сих пор эти драки казались мне просто игрой; я полагаю, так оно обычно и бывает. Но на этот раз быки, по-видимому, подрались всерьез. Громкий треск, с которым сшибались их крепкие лбы, их свирепое фырканье и мычанье, а главное, их злобная повадка — все убеждало меня, что они поссорились не на шутку.

Наконец один оказался опрокинутым несколько раз подряд. И каждый раз, едва успевал он стать на ноги, противник кидался на него и снова валил наземь.

Видя, что они поглощены дракой, я надумал, воспользовавшись этим, подойти поближе и выстрелить. Я выступил из-за термитника и подошел к дерущимся. Быки не заметили моего приближения — один увертывался от жестоких ударов, другой рьяно их наносил.

В двадцати шагах я поднял ружье и прицелился. Жертвой я наметил победителя, отчасти в наказание за жестокость, с какою бил он поверженного противника, но больше, пожалуй, потому, что он стоял ко мне боком и представлял удобную мишень.

Я выстрелил.

Дым на минуту скрыл обоих. Когда он рассеялся, я увидел, что побежденный все еще находится в коленопреклоненной позе, а тот, в которого я метил, к великому моему удивлению, стоит по-прежнему на ногах и, очевидно, цел и невредим. Я не сомневался, что заряд попал в него, но было ясно, что пуля не причинила ему значительного вреда.

Нельзя было тратить время на догадки о том, куда я ранил быка. Терять нельзя было ни секунды. Когда рассеялся дым, быки, вы думаете, пустились наутек? Ничуть не бывало! Тот, в которого я целился, тотчас задрал хвост, низко пригнул свою косматую голову и помчался прямо на меня. Глаза его горели злобой, а рев устрашил бы и более смелого человека.

В первую минуту я не знал, что делать. Я думал стать в оборонительную позицию и бессознательно перевернул свое ружье — теперь уже не заряженное, — собираясь орудовать им, как дубинкой. Но я тотчас понял, что мой слабый удар не остановит такого сильного и свирепого животного; бык, несомненно, забодает меня.

Я повел вокруг глазами, высматривая, нельзя ли спастись бегством. К счастью, мой взгляд упал на термитник — тот самый, за которым я только что сидел в засаде. Я сразу сообразил, что, если мне влезть на него, бык до меня не доберется. Но добегу ли я до термитника или враг настигнет меня на полпути?

Я бежал, как испуганная лиса. Ты, Гендрик, при обычных обстоятельствах побиваешь меня в беге. Но я думаю, что и ты не домчался бы до термитника быстрей моего.

Еще секунда — и было бы поздно. Только я ухватился за башенки и вспрыгнул наверх, как услышал за спиной топот копыт, и мне почудилось даже, что я ощутил на пятках горячее дыхание зверя. Однако я благополуч-

но влез на вершину термитника и тут обернулся и глянул вниз, на гнавшегося за мной быка. Я сразу понял, что он не может следовать за мною дальше. Как ни остры были его рога, теперь они для меня были неопасны.

Глава XXXII

В ОСАДЕ

— Я поздравил себя с благополучным избавлением, — продолжал Ганс, выдержав некоторую паузу, — так как не сомневался, что, не будь термитника, бык растоптал и растерзал бы меня насмерть. Он был из самых крупных и свирепых и очень старый, как я мог судить по основанию его толстых черных рогов, почти сходившихся над лбом, и по темной его шерсти. У меня было достаточно времени, чтобы разглядеть его по всем статьям. Я чувствовал себя в полной безопасности — гну ко мне не подберется, и, сидя на вершине центрального конуса, с полным хладнокровием следил за движениями врага.

Правда, бык делал все, чтобы выбить меня из моей позиции. Снова и снова кидался он на холм, и несколько раз ему удавалось удержаться какое-то время на вершине одной из нижних башенок, но главный конус был для него слишком крут. Неудивительно — я и сам с трудом залез на него.

Иногда в своих отчаянных попытках гну подскакивал ко мне так близко, что я мог бы достать стволом ружья до его рогов. И я готовился нанести ему удар при удобном случае. Я никогда не видывал, чтобы какая-нибудь тварь проявляла столько злобы. Дело в том, что моя пуля поранила его — попала ему в челюсть, и из раны обильно струилась кровь. Боль бесила быка; но ярость его вызвана была не только ею, как я уяснил себе вскоре.

После нескольких безуспешных попыток влезть на конус гну изменил свою тактику и начал бить рогами в термитник, как будто желая его сокрушить; отступит

немного назад и опять со всей силой ринется на него. И, по правде говоря, временами казалось, что бык в конце концов добьется своего.

Некоторые из малых конусов были уже опрокинуты его мощным натиском; твердая глина подалась под ударами острых рогов, которыми он пользовался, как киркой, только не так повернутой. Я видел, что в нескольких местах он расковырял камеры насекомых или, вернее, коридорчики и галереи во внешней коре холма.

При всем том я не испытывал страха. Я был уверен, что гну скоро успокоится и уйдет и я тогда спущусь, не подвергаясь опасности. Но, понаблюдав за ним подольше, я был немало удивлен, увидав, что ярость его не только не слабеет, но, напротив, возрастает. Я вынул из кармана платок и держал его в руках, то и дело отирая пот с лица. На термитнике было жарко, как в печке. В воздухе ни ветерка, а солнце палило нещадно, да еще лучи отражались от белой глины, так что пот лил с меня в три ручья. Он мне заливал глаза, и я должен был поминутно вытирать их.

Так вот, перед тем как провести платком по лицу, я каждый раз встряхивал его; и каждый раз, как я это делал, я замечал, что мой бык кидается на приступ с удвоенным рвением. В такие минуты он переставал раскапывать рогами термитник, делал новую попытку добраться до меня и с ревом бросался на крутую стену.

Я был смущен и озадачен. Почему, едва я оботру лицо, дикий бык опять приходит в ярость? Сомневаться между тем не приходилось: стоило мне поднять руку, как им, по-видимому, овладевал новый порыв бешенства.

Дело наконец объяснилось. Я увидел, что бесит его не то, что я отираю пот, — он приходил в неистовство оттого, что я взмахиваю платком. Платок у меня, как вы знаете, ярко-алого цвета. Я об этом вспомнил и только тут сообразил, что все красное, как мне доводилось слышать, сильнейшим образом действует на гну и возбуждает в нем раздражение, граничащее с бешенством.

Мне не хотелось поддерживать в нем этот воинственный пыл. Я скомкал платок и засунул в карман, пред-

почитая обливаться потом, чем оставаться на термитнике лишний час. Я надеялся, что, когда я спрячу красную тряпку, мой бык вскоре успокоится и уйдет.

Но когда ты вызвал черта, не так-то просто с ним сладить. Бык не успокаивался. Наоборот, он по-прежнему наскакивал, тыкал рогами и ревел так же злобно, как раньше, хотя перед его глазами не было больше ничего красного.

Мне это надоело до смерти. Я никогда не представлял себе, что гну так неугомонен в своей ярости. Бык, несомненно, чувствовал свою рану. Временами он словно жаловался. И, казалось, он отлично понимал, что это я причинил ему боль.

Он, видимо, решил, что не даст мне уйти от возмездия. Ни единым признаком не выдавал он намерения удалиться, а рога и копыта его работали вовсю, как будто он надеялся разнести подо мной термитник.

Мне становилось сильно не по себе. Хотя я нисколько не опасался, что бык возьмет приступом мое убежище, меня смущала мысль, что я так долго не возвращаюсь домой. Мне не следовало покидать лагерь. Я думал о сестренке и братце. Там могла стрястись какая-нибудь беда. Меня сильно удручала эта мысль, а за себя я до сих пор почти не тревожился. Я еще не терял надежды, что быку надоест и он уйдет, а я тогда быстренько побегу домой.

Да, до сих пор мне не пришлось испытать серьезный страх за свою собственную персону, если не считать тех нескольких мгновений, пока бык гнался за мной до термитника, но тогда испуг быстро прошел.

Теперь, однако, явился новый предмет ужаса — новый враг, не менее грозный, чем разъяренный бык, враг, в страхе перед которым я в первую минуту чуть не прыгнул вниз, прямо быку на рога!

Я упоминал, что гну своротил несколько малых башенок — наружные укрепления термитника — и раскрыл пустые желобки внутри них. В главный купол он не проник, развалив только извилистые галереи и коридорчики, проложенные в его наружных стенах.

И вот я вижу, что из каждой новой трещины выпол-

зают тучи термитов. Еще когда я впервые приблизился к термитнику, я обратил внимание на множество насекомых, сновавших во всех направлениях по его склонам, и сильно удивился: я помнил, что термиты, когда им надо выйти из термитника или войти в него, пользуются обычно подземными ходами. Это я тогда приметил совершенно безотчетно, так как слишком был поглощен своей непосредственной задачей и не мог помышлять ни о чем постороннем. А последние полчаса я наблюдал за маневрами осаждавшего меня быка и не сводил с него глаз ни на минуту.

Но что-то копошившееся прямо подо мной привлекло наконец мое внимание, и я глянул вниз, любопытствуя, что бы это могло быть. При первом же взгляде я невольно вскочил на ноги и, как уже говорил, чуть не спрыгнул прямо быку на рога.

Мой конус весь кишел тучами рассерженных термитов; они заползали все выше и выше и уже лепились гроздьями возле моих башмаков. Каждая пробоина, сделанная рогами быка, извергала несчетное множество злых насекомых, и, казалось, все они устремились ко мне! Как ни малы эти твари, мне чудилось в их движениях определенное намерение. Всеми ими владело, казалось, одно стремление, один импульс — напасть на меня. Тут не могло быть ошибки, их намерение было очевидно. Они двигались дружной массой, как будто руководимые сознательными вожаками, и неуклонно приближались к тому месту, где я стоял.

Я видел также, что это были воины. Воина отличает от работника более крупная голова с длинными челюстями. Я знал, что они кусаются злобно и больно. Меня охватила дрожь. Признаться, я отроду не испытывал подобного ужаса. Недавняя встреча со львом была ничто по сравнению с этим.

Первой моей мыслью было, что термиты меня загрызут. Мне доводилось слышать о подобных случаях. Эти воспоминания нахлынули на меня, наполнив уверенностью, что, если я не найду способа поскорей сойти с этого места, термиты искусают меня до полусмерти и съедят живьем.

Глава XXXIII

БЕСПОМОЩНЫЙ ЗВЕРЬ

— Что было делать? Как мог я избежать двух врагов сразу? Если спрыгнуть, дикий бык убьет меня наверняка. Он все еще стоял внизу, не сводя с меня ни на миг свирепых глаз. Если остаться на месте, меня всего покроет скоро отвратительная кишащая масса насекомых и сожрет дочиста.

Я уже чувствовал их страшные челюсти. Тех, что первые всползли на мои башмаки, мне удалось смести, но некоторые успели добраться до щиколоток и теперь кусали меня сквозь толстые шерстяные носки. Одежда, я знал, не послужит мне защитой.

Я вскарабкался выше по конусу и стоял уже на самой его вершине. Она была настолько остра, что я и так едва удерживал равновесие, а между тем от болезненных укусов насекомых я еще приплясывал с ноги на ногу, точно скоморох.

Но что значили эти укусы по сравнению с тем, что меня ожидало вскорости, когда несметные полчища термитов вонзят в меня свои челюсти! Вот они взбираются уже на последнюю террасу... Скоро они покроют вершину конуса, на которой я стою. Поползут мириадами по моим ногам... начнут меня...

Мне страшно было даже представить себе, что сделают со мной термиты. Бык показался мне в ту минуту все-таки менее ужасным. Лучше прыгнуть вниз! Может быть, вызволит меня какой-нибудь счастливый случай! Буду отбиваться от гну прикладом ружья. Может быть, удастся добраться до другого термитника... Может быть...

Я уже действительно приготовился к прыжку, когда новая мысль осенила меня; удивительно даже, как это я сразу не догадался. Что мешало мне держать термитов на подобающем расстоянии? У них ведь нет крыльев. Термиты не могут взлететь на меня. Они только могут ползти вверх по конусу. Я же могу сметать их вниз своею курткой! Конечно, могу! Как это я раньше не подумал?

Скинуть куртку было делом одного мгновения. Бесполезное ружье я отбросил в сторону, оно скатилось на нижнюю террасу. Держа куртку за воротник и пользуясь ею, как пыльной тряпкой, я в несколько секунд очистил склоны конуса; термиты тысячами скатывались вниз.

Я даже присвистнул: как это просто! Что бы мне сразу догадаться? Одно легкое движение — и мириады врагов сметены; прилагая самые небольшие усилия, я хоть до ночи буду держать муравьев на расстоянии.

Правда, те, что успели заползти мне под брюки, еще напоминали о себе укусами, но и от них я мог теперь избавиться, улучив время.

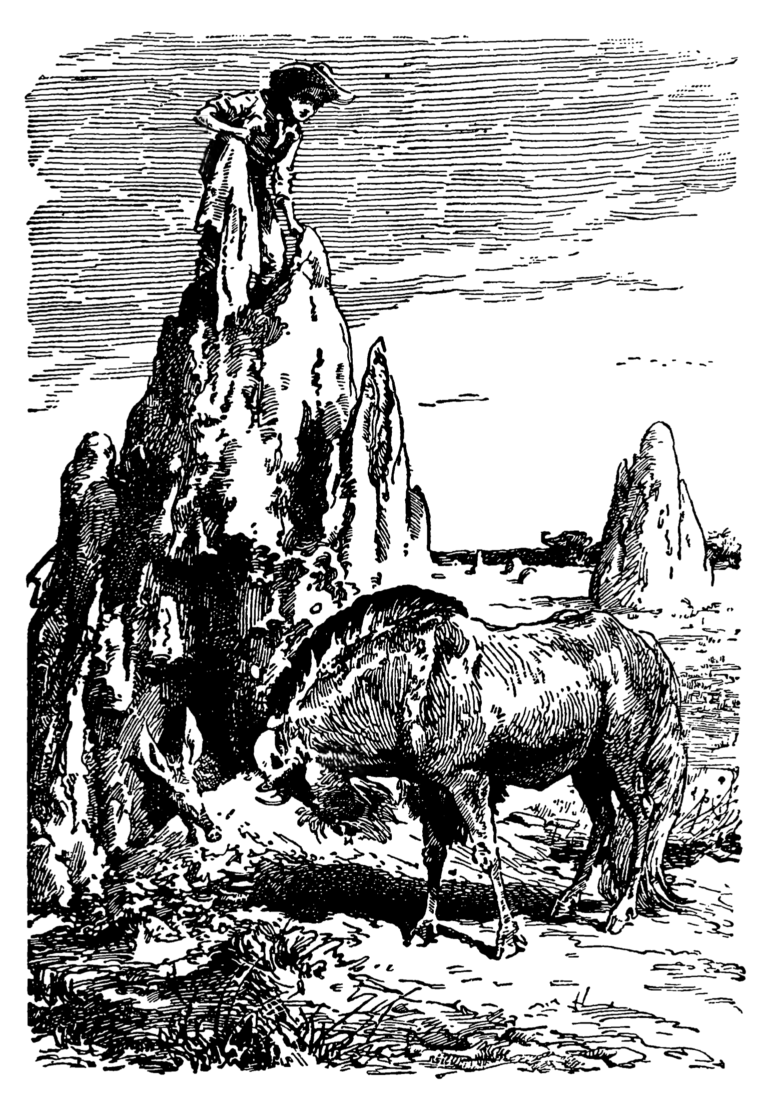
Итак, я остался на вершине, теперь уже в склоненном положении — отбивая термитов-воинов, которые все еще толпами устремлялись вверх, а в минуты передышки стараясь освободиться от тех, что ползали по мне. Насекомые теперь не смущали меня своей численностью, зато гну по-прежнему подстерегал внизу. Впрочем, теперь мне казалось, что он начинает проявлять признаки утомления и скоро снимет осаду; эта перспектива поддерживала во мне бодрость.

Но тут снова произошло нечто неожиданное. Снова пришлось мне узнать, что такое страх.

Приплясывая на вершине термитника, я вдруг почувствовал, что она подается у меня под ногами. Мгновение — свод надломился с оглушительным треском, и я провалился сквозь крышу. Мои ноги болтались теперь в пустом пространстве под куполом — я подумал, что потревожил, верно, самое «великую царицу» в ее покоях, — и вот уже я стою, засыпанный по шею.

Я был удивлен, да и напуган изрядно, но не моим внезапным падением — в нем не было ничего неестественного и я быстро оправился бы, — меня смутило другое: когда ноги мои коснулись, как мне показалось, почвы, под ними что-то задвигалось, всколыхнулось и затем быстро выскользнуло из-под них, предоставив мне лететь дальше в глубину.

Что бы это могло быть? Уж не пролетел ли я сквозь кишащую массу живых термитов? Нет, вряд ли. Судя



Гну уставился диким взглядом в основание термитника.

по ощущению, это были не они. Мои ноги встретили на пути нечто цельное и сильное — ведь когда я навалился на это «нечто» всем весом, оно продержало меня на себе две — три секунды, перед тем как исчезнуть.

Что бы это ни было, я здорово перетрусил. Я и пяти секунд не продержал ноги в яме. Нет. Самая жаркая печь не успела бы опалить их — так быстро я выдернул их из провала. Пять секунд — и ноги мои снова были на стене, куда я поспешил выбраться и где стоял теперь, онемев от изумления.

Что дальше? Я больше не мог отбиваться от термитов. Я заглянул в черную дыру, зиявшую подо мною: термиты густыми тучами надвигались оттуда. Их теперь не стряхнешь!

В эту минуту мои глаза случайно остановились на быке. Мой враг стоял в трех — четырех шагах от термитника. Стоял боком, вполоборота к конусу, и уставился диким взглядом в его основание. Вся поза его совершенно изменилась, как и выражение глаз. Вид у него был такой, как будто он только что отскочил на свою новую позицию и готовился еще отбежать. Бык, видно, тоже чего-то сильно испугался.

Так оно и было: еще через мгновение он громко взревел и бросился прочь. На скаку он обернулся, остановился и замер на месте, опять уставившись на термитник.

Что бы это значило? Уж не смутили ли его провал крыши и мое внезапное исчезновение?

Так я сперва и подумал, но вскоре заметил, что гну не смотрит на вершину. Взгляд его был прикован к какому-то предмету у основания конуса, хотя, глядя сверху, я не видел ничего такого, что могло бы его напугать.

Не успел я остановиться на какой-либо догадке, как гну опять взревел и, высоко задрав хвост, пустился во весь опор по степи.

Обрадованный этим зрелищем, я не стал раздумывать долго о том, что избавило меня от его общества. Наверно, решил я, гну испугался моего странного падения. Впрочем, не все ли равно, почему мой противник обратился в бегство! Подобрав ружье, я приготовился

спуститься со своей позиции, которая мне порядком надоела.

Сойдя до половины склона, я глянул нечаянно вниз и тут понял, что повергло в ужас старого быка. Да что тут было удивительного? Всякий испугался бы при виде этакой твари! Из отверстия в глиняной стене торчала длинная голая морда с цилиндрическим рылом и парой ушей, тоже очень длинных; уши эти стояли стоймя, как рога у горного козла, придавая их обладателю дикий и страшный вид. Я и сам, наверно, струсил бы, если б не был знаком с этим животным; я сразу узнал в нем самое безобидное создание в мире — земляного поросенка.

Не проронив ни слова, стараясь не шуметь, я перевернул ружье и, низко наклонившись, стукнул прикладом по высунутому рылу. Удар был самый зловредный, и, учитывая, какую услугу оказал мне только что аард-варк, прогнав назойливого гну, я, следует признаться, поступил крайне неблагородно. Но в ту минуту я не владел своими чувствами. Я не раздумывал. Мне помнилось только, что у земляного поросенка вкусное мясо.

Бедный аард-варк! Удар сделал свое дело. Слегка лишь дернув ухом, муравьед упал мертвым в яму, которую сам же прорыл своими когтями.

Однако на этом мои приключения не завершились. Они, казалось, никак не хотели прийти к концу. Я взвалил тушу на плечи и уже собрался двинуться в обратный путь, когда заметил, к своему удивлению, что старый гну, не тот, что держал меня в осаде, а его недавний противник, все еще лежит среди поля, на том самом месте, где я видел его в последний раз. Мало того: я заметил, что он сохранял свое странное положение — не то лежал, не то стоял на коленях, пригнув голову к земле.

Но нелепее всего были его движения. Я подумал, что он сильно ранен в драке и не может бежать.

Сперва я боялся приблизиться к нему, помня, с каким трудом унес ноги от его сородича, и решил идти своей дорогой. Хоть и раненный, он мог оказаться достаточно сильным и напасть на меня, а мое незаряжен-

ное ружье, как я уже в том убедился, представляло сомнительную защиту.

Подойти или нет? Я колебался. Однако, наблюдая странные движения гну, я все больше поддавался любопытству и вот наконец приблизился к нему и остановился, не доходя двенадцати ярдов.

Как же я удивился, когда открыл причину его несуразных движений! Бык не получил никакого ранения, ни даже царапины, и тем не менее он был совершенным калекой, как если бы лишился пары ног.

Беспомощным сделало его самое глупое обстоятельство. В борьбе с другим быком одна из его передних ног каким-то образом перекинулась через рог и там застряла, не только лишив его возможности пользоваться этой ногой, но вдобавок так прижав ему голову к земле, что он нипочем не мог сдвинуться с места.

Первой моей мыслью было помочь быку в его беде и вернуть ему способность движения. Потом мне вспомнился рассказ про пахаря и замерзшую змею, и я отказался от такого намерения.

Второй мыслью было убить его. Однако мне вряд ли удалось бы прикончить его своим незаряженным ружьем. К тому же мне едва было под силу дотащить до дому аард-варка, а я знал, что шакалы съедят убитого гну, прежде чем мы успеем вернуться за ним. Я решил, что, пожалуй, вернее оставить его в таком положении: маленькие трусливые хищники, видя, что он еще жив, не осмелятся к нему подойти.

И я его оставил, как он был, «с головой под мышкой», в надежде, что мы еще и завтра найдем его там.

Так закончил Ганс рассказ о своих приключениях.

Глава XXXIV

СПАЛЬНЯ СЛОНА

Ван Блоом был далеко не удовлетворен тем, что сделал за день. Первый опыт охоты на слона оказался неудачным. Что, если так пойдет и дальше?

При всем интересе к рассказу Ганса он слушал сына с чувством неловкости, вспоминая собственную неудачу. Слон так легко ушел от охотников! Пули их, по-видимому, не причинили ему никакого вреда. Они только разъярили его, пробудили в нем опасного врага. Обе попали в такое место, где рана должна быть смертельна, и все же не произвели ожидаемого действия. Слон ушел как ни в чем не бывало, точно стреляли по нему не пулями, а горохом. Неужели так будет всегда?

Правда, охотники дали по слону только два выстрела. При хорошем прицеле двумя пулями можно уложить слониху, а иногда и самца, но требуется не две, а двадцать пуль, чтобы крупный, старый слон «глотнул земли». Только станет ли слон ждать, пока его преследователь столько раз перезарядит ружье? Нет, не станет. Слон в таких случаях мчится, не останавливаясь, много миль, и только верхом на коне человек может его догнать.

Как вздыхал ван Блоом, вспоминая о бедных своих лошадях! Никогда еще он так не жалел о них, не чувствовал так остро их утрату.

Но он слышал, будто слоны не всегда убегают при нападении. Да ведь и вчерашний «старый бродяга» не проявил готовности к отступлению, получив первую пулю. Только неожиданная выходка Черныша обратила его в бегство. Случись иначе, он вряд ли оставил бы поле сражения раньше, чем охотники всадили бы в него новую пулю, быть может, смертельную.

Эта мысль несколько утешила ван Блоома. Возможно, что следующая встреча кончится иначе. Возможно, в награду за труды он получит пару бивней. Надежда на такой исход, да и охотничье рвение побудили ван Блоома, не теряя времени, предпринять новую попытку. И вот на другое утро, еще до восхода солнца, охотники снова отправились выслеживать свою исполинскую дичь.

Они, правда, приняли свои меры — сделали кое-что, о чем не подумали раньше. Всем им случалось слышать, что обыкновенная свинцовая пуля не может пробить плотную шкуру огромного толстокожего. Не в

этом ли причина вчерашней их неудачи? Если так, им не придется потерпеть неудачу вторично. Они отлили новую партию пуль, из более твердого материала. Нужно было сделать сплав, но у них не было олова на примвар. Зато ту же службу с успехом могло сослужить им старое «серебро», украшавшее стол ван Блоома в более счастливые времена, в Грааф-Рейнете. Это были подсвечники, подносы, колпаки для блюд, судки и прочие вещи — все из так называемого голландского металла, то есть сплава меди с цинком.

Кое-что из этой утвари пошло в тигель, и с добавлением обыкновенного свинца получился сплав, из которого отлили пули, достаточно твердые даже для шкуры носорога. На этот раз охотники не опасались потерпеть неудачу из-за слишком мягких пуль.

Они пошли в том же направлении, что и накануне, то есть лесом, или, как они говорили, кустами. Не сделали они и мили, как напали на довольно свежий след слона. Он вел через самую чащу тернистых зарослей, где ни одно существо, кроме слона, носорога или вооруженного топором человека, не проложит пути. Там прошла, по-видимому, целая семья, состоявшая из слона-отца, одной или двух слоних и нескольких слонят различного возраста. Шли они, по слоновьему обыкновению, вереницей и проломили настоящую просеку в несколько метров ширины, совершенно свободную от кустов и хорошо утрамбованную их большими ногами. Старый самец, объявил Черныш, шел впереди и хоботом и бивнями расчищал дорогу. Так оно, по-видимому, и было, потому что охотникам не раз попадались большие обломанные сучья, иногда на земле, а иногда еще державшиеся на стволе и отведенные в сторону точно рукой человека.

Черныш утверждал, что подобные слоновьи тропы обычно ведут к воде, и притом самой легкой и краткой дорогой, словно обдуманно проложенной искусным инженером, что указывает на редкое чутье и догадливость слонов. Основываясь на этом, охотники рассчитывали прийти вскоре к какому-нибудь водопою; но могло быть и так, что след вел не к воде, а от воды.

Не прошли они и четверти мили, как вышли на другую такую же тропу, пересекавшую ту, по которой они следовали. Вторая дорожка тоже была проложена несколькими слонами, вероятнее всего — семьей слонов; отпечатки на ней были так же свежи, как и на первой.

С минуту охотники колебались, по какой тропе им пойти, но решили все же не сворачивать и держаться прежнего следа.

К их великому огорчению, тропа в конце концов привела к более открытому месту, где слоны разбрелись, и, безуспешно попробовав проследить сперва одного, потом другого слона, охотники запутались и совсем потеряли след.

Направившись в поисках его туда, где кусты росли реже, Черныш вдруг пустился бегом, крикнув остальным, чтобы они шли за ним. Ван Блоом и Гендрик устремились за бушменом — поглядеть, что там такое. Они подумали, что Черныш увидал слона, и оба в сильном волнении уже стянули чехлы со своих ружей. Однако никакого слона не оказалось. Когда они догнали Черныша, тот стоял под деревом и тыкал пальцем в землю у корней. Охотники посмотрели вниз. Они увидели, что землю с одной стороны дерева сильно потоптали, как будто несколько лошадей или других животных стояли здесь долгое время на привязи и, разворотив копытами дерн, превратили его в пыль. Кора дерева — густолиственной развесистой акации — была на одной стороне до известной высоты словно бы отполирована, как будто животные часто приходили и терлись о нее.

— Отчего это? — вырвалось сразу у ван Блоома и Гендрика.

— Спальное дерево слона, — ответил Черныш.

Объяснения были излишни. Охотники вспомнили все, что им рассказывали о любопытном обычае слона спать, прислонившись к дереву. Перед ними было, очевидно, одно из таких «спальных деревьев» толстокожего великана.

Но что проку в том? Разве что потешить немного свое любопытство? Слона тут нет!

— Старый непременно придет сюда опять, — сказал Черныш.

— Гм! Ты так думаешь? — спросил ван Блоом.

— Да, баас, поглядите: свежий след — большой слон спал тут вчера.

— И что же? Ты думаешь, нам следует подстеречь его и пристрелить, когда он вернется?

— Нет, баас, не стрелять. Лучше мы ему сделаем постельку, а потом посмотрим, как он ляжет.

Черныш, подавая свой совет, хитро улыбнулся.

— Сделаем постель слону? Что ты хочешь сказать? — спросил ван Блоом.

— Говорю вам, баас: слон у нас в руках, если вы дадите Чернышу сделать дело. Я вас научу, как взять его без пороха, без пули.

Бушмен стал развивать свой план, и ван Блоом, памятуя вчерашнюю неудачу, с готовностью дал согласие.

К счастью, у охотников нашлись под рукой все принадлежности, необходимые для выполнения этого плана: острый топор, крепкий ремень из сыромятной кожи и у каждого по ножу. Не теряя времени, они приступили к делу.

Глава XXXV

СТЕЛЮТ ПОСТЕЛЬ СЛОНУ

Охотникам нельзя было упускать ни минуты. Слона, если б он захотел в тот день вернуться, надо было ждать к самым жарким, полуденным часам. В их распоряжении осталось не больше часа, чтобы приготовиться к встрече — «сделать постельку», как в шутку сказал Черныш. И они с жаром принялись за работу. Бушмен был за главного, двое остальных беспрекословно подчинялись его указаниям.

Прежде всего Черныш велел им срезать и обтесать три кола из твердого дерева. Каждому колу надлежало быть в три фута длиной, в человеческую руку толщиной, и с одного конца его надо было заострить.

Колы вскоре были готовы. В изобилии росшее кругом железное дерево представляло самый подходящий материал. Срубили топором три деревца повыше, укоротили их до нужной длины и заострили охотничьими ножами.

Черныш тем временем не сидел сложа руки. Прежде всего он срезал ножом широкую полосу коры со «спального дерева», с той его стороны, где слон обыкновенно приваливался к нему, на высоте примерно трех футов от земли, потом в том месте, где снята была кора, он сделал топором надсечку — такую глубокую, что дерево неминуемо упало бы, будь оно предоставлено самому себе. Но оно не упало, так как Черныш заблаговременно принял меры: он заставил дерево держаться, привязав к верхним его сучьям сыромятный ремень, который он затем провел к ветвям другого дерева, стоявшего поодаль. Таким образом, «спальное дерево» удерживал от падения только ремень; при самом легком толчке оно должно было повалиться.

Теперь Черныш приложил к старому месту срезанный им кусок коры, который он приберег, и, когда все щепки были тщательно собраны, никто не сказал бы с первого взгляда, что дерево познакомилось с лезвием топора. Осталось произвести еще одну операцию — установить колья, уже заготовленные ван Блоомом и Гендриком. Чтобы закрепить их как следует, надо было вырыть довольно глубокие ямки. Черныш отлично справился и с этой задачей. Не прошло и десяти минут, как он выкопал три ямы, каждая больше фута глубиною и ни на полдюйма не шире, чем требовалось по толщине кольев.

Вам, может быть, любопытно было бы узнать, как он умудрился это сделать? Доведись вам рыть яму, вы бы стали рыть ее лопатой, и яма неизбежно получилась бы с эту лопату шириной. Но у Черныша не было лопаты, а если бы и была, он все равно пренебрег бы ею, так как яма получилась бы шире, чем нужно.

Черныш не вырыл ямку, а пробурил, сделав это посредством маленькой острой палочки. Он сперва раз-

рыхлил ею твердый грунт по кружку соответственного диаметра. Набрав затем в горсть взрыхленную землю, он выбросил ее и снова принялся орудовать, как раньше, острием «сверлильной палочки». Выбросит землю — и опять за палочку; и так до тех пор, пока не получилась узкая ямка нужной глубины. Вот как Черныш «пробурил» ямки.

Ямки были расположены треугольником у подножия дерева, но не с той стороны, где должен был стать слон, если бы вернулся на старое место, а с обратной. В каждое отверстие Черныш всадил кол тупым концом книзу, острием кверху, а у основания укрепил его при помощи мелкого щебня и пригоршни глины. Колья стояли так, точно в землю вросли. Затем колья обмазали мягкой глиной, чтобы замаскировать белизну дерева, стружки тщательно подобрали, и всякие следы работы были совершенно скрыты. Покончив с уборкой, охотники отошли от «спальни».

Но они отошли недалеко; выбрав большое кустистое дерево с подветренной стороны, они все трое взобрались на него и притаились в ветвях.

Ван Блоом держал на взводе свой громобой, а Гендрик — свой карабин. Только в случае, если бы остроумный прием Черныша не удался, они намеревались пустить в ход ружья.

Было уже двенадцать часов, и день выдался из самых жарких. Но в тени густой листвы наши охотники не страдали от зноя. Черныш считал жару добрым предзнаменованием — она была им на руку. Сильная жара скорее, чем что бы то ни было другое, могла пригнать слона к его любимой спальне, в прохладную сень жирафьей акации.

Уже двенадцать часов. Теперь он должен скоро прийти, думали они.

Слон действительно пришел; пришел, не запоздав.

Не просидели они на ветвях и двадцати минут, как услышали странное бульканье, звук, который, как знали они, доносится из слоновьей утробы. Еще минута — и они увидели самого слона. Он вышел из чащи и размеренной поступью направился прямо к дереву. Он,

Каждый бивень оказался тяжелой ношей.

видимо, не заподозрил никакой опасности; сразу же стал у ствола акации — в том самом положении, с той самой стороны, как предугадал Черныш. Бушмен по оставленному следу заключил, что у слона в обычае становиться именно так.

Лесной великан стоял спиной к охотникам, но все же они могли видеть пару великолепных бивней — в шесть футов длиною, не меньше.

Наблюдая пристально, они увидели, как голова слона слегка наклонилась, уши перестали хлопать, хвост неподвижно повис, хобот замер.

Все трое насторожились. Вот тело великана слегка накренилось... вот коснулось дерева... Раздался громкий треск, за ним — хруст ветвей, и громадное темное тело слона повалилось на бок.

В то же мгновение все прочие звуки утонули в страшном вопле, от которого лес огласился раскатистым эхом и затрепетал каждым листком. Последовал глухой рев, смешавшийся с шумом ломаемых сучьев; повергнутый на землю, могучий зверь забился в предсмертной судороге.

Охотники не слезают с дерева. Они видят, что слон упал, что колья пронзили его. Не понадобится их слабое оружие: животное ранено насмерть.

Агония длилась недолго. Некоторое время слышалось тяжелое предсмертное дыхание, затем наступила глубокая, грозная тишина.

Охотники спускаются на землю, подходят к недвижному телу. Оно еще лежит, как упало. Колья сработали безотказно. Слон больше не дышит. Он мертв!

* * * * * * * * *

Пришлось потрудиться не меньше часа, вырезая великолепные бивни. Но нашим охотникам это было нипочем: они только радовались, что каждый бивень оказался тяжелой ношей — едва под силу тащившему его человеку. Ван Блоом взвалил на плечи один, Черныш — другой, а Гендрик понес ружья, топор и прочее; так все трое, оставив позади себя мертвую тушу слона, с триумфом вернулись в лагерь.

Глава XXXVI

АФРИКАНСКИЕ ДИКИЕ ОСЛЫ

Несмотря на успешную охоту, ван Блоом все же не мог прогнать беспокойные мысли. Да, сегодня добыча попала им в руки, но каким путем? Успех был чисто случайный и не позволял возлагать большие надежды на будущее. Много воды утечет, пока найдет он другое «спальное дерево» и еще раз возьмет легкую добычу. Такие не слишком приятные мысли осаждали ван Блоома в тот вечер, после удачной охоты.

Но еще настойчивее думал он об этом две недели спустя, оглядываясь на ряд неудачных попыток. За двенадцать дней неустанной охоты к их коллекции прибавилась одна только пара бивней, да и та малоценная — бивни слонихи, каждый не более как в два фута длины.

Тем обиднее было об этом думать, что почти ежедневно охотники наталкивались на слонов и давали по ним выстрел, другой. Но выстрелы не достигали цели. Ван Блоом неизменно убеждался, как легко четвероногий великан уходит от него. Убеждался, как слаба возможность взять такую дичь, если ты должен преследовать ее пешком.

Да, в охоте на слона у пешего охотника почти нет шансов на успех. Выследить слона не так уж трудно, нетрудно, пожалуй, занять хорошую позицию и сделать первый выстрел, но, когда животное кинется прочь сквозь зеленую чащу, преследовать его — ненадежное дело. Слон может пройти без остановки много миль, и если даже охотник догонит его, то и тут радости мало: всадишь вторую пулю, а слон опять скроется в кустах, да иной раз так, что преследовать его дальше станет уже невозможно.

Между тем конный охотник имеет все преимущества перед пешим. Лошадь легко догоняет слона, а у толстокожего великана есть одна странная особенность: стоит ему убедиться, что враг, кто бы он ни был, способен его догнать, как он тотчас же отказывается от бегства и становится в оборонительную позицию, и тогда стреляй в него хоть двадцать раз сряду!

В этом первое большое преимущество конного охотника. Второе заключается в большей безопасности такой охоты: всадник легко уйдет от разъяренного слона.

Неудивительно, что ван Блоом мечтал о коне и сокрушался, что нет у него этого благородного товарища, который так помог бы ему в охоте. Он сокрушался тем сильнее, что, познакомившись с местностью, нашел здесь раздолье для охоты на слонов. Он видел стада до сотни голов; и стада далеко не пугливые, не расположенные обращаться в бегство с одного или двух выстрелов. Слоны здесь, верно, никогда и не слышали, как бьет ружье, покуда громобой ван Блоома не потряс своим гулом окрестности.

Ван Блоом был уверен, что на лошади он мог бы застрелить их не один десяток и добыть много ценной слоновой кости. А без коня осуществить этот замысел было нелегко. Все попытки принесли бы ему, вероятно, одно разочарование.

Он очень остро это чувствовал. Светлые мечты, которым он с таким жаром предавался, грозили разлететься в прах; и снова тревожил трек-бура страх перед будущим. Он только понапрасну тратит время в этих непроходимых дебрях. Дети вырастут без книг, без образования, без общества. Если он неожиданно умрет, что станется с ними? Его прелестная Гертруда превратится в маленькую дикарку, его сыновья станут «лесными ребятами», маленькими бушменами, как шутя называл их отец, не на короткое время, а так и вырастут дикарями.

Эти думы снова и снова наполняли болью отцовское сердце. Чего бы только он не дал сейчас за пару самых невзрачных лошадей!

Размышляя таким образом, ван Блоом сидел среди ветвей огромной нваны, на помосте, установленном со стороны озера, так что с него можно было обозреть всю водную гладь. Отсюда открывался также широкий вид на местность, лежавшую к востоку от озера. Подальше начинался кустарник, но ближе к озеру лежала поросшая травой равнина, зеленым ковром расстилавшаяся перед глазами.

Охотник перевел глаза на эту равнину, и тут его

взгляд привлекло стадо животных, которое пересекало ее, направляясь к воде. Это были крупные животные, размером и складом напоминавшие малорослую лошадь, и бежали они вереницей. Издали стадо имело вид каравана. В веренице их было около пятидесяти голов, и шли они твердым, уверенным шагом, как будто направляемые умным вожаком. Как не похожи были они в стаде на капризных гну с их эксцентричными движениями!

Однако, взятые порознь, они не лишены были сходства с гну, которых напоминали складом тела, формой хвоста, общей землистой окраской и «тигровыми» полосами, различимыми у них на морде, на шее и на плечах. По рисунку эти полосы были такие же, как у зебры, но гораздо менее четки и не распространялись, как у той, на туловище и на ноги. Общей окраской и некоторыми другими статями животные напоминали один из видов осла, но голова, шея и верхняя часть туловища были темнее и слегка отливали в рыжее. Можно сказать, что этот новый посетитель озера обладал чертами сходства со всеми четырьмя — с лошадью, гну, ослом и зеброй, — но все же явственно отличался от них. На зебру он походил более всего, так как действительно принадлежал к одному из видов зебры, к так называемым кваггам.

Современные зоологи разделяют семейство лошадиных [1] на два рода: собственно лошадей и ослов, причем главное различие их заключается в том, что животные из рода лошадей обладают длинной волнистой гривой, пышным хвостом и бородавчатыми мозолями как на передних, так и на задних конечностях, тогда как у осла грива короткая, редкая и стоит торчком, хвост тонкий, и только на самом конце растут на нем длинные волосы, а задние ноги у него лишены мозолей. Однако на передних ногах они у него имеются — такие же, как у лошади.

Хотя род лошадей насчитывает множество разновид-

[1] По общепринятой классификации, к семейству лошадиных причисляют несколько ископаемых родов и один ныне существующий род — лошадь; этот род разделяют на два подрода: собственно лошадей и ослов.

ностей, иногда резко отличных друг от друга, их всех — от суффолька, мощного лондонского ломовика, до его миниатюрного родича — шотландского пони, — легко узнать по этим характерным признакам.

Разновидности ослов почти столь же многочисленны, хоть этот факт и не столь широко известен.

На первом месте назовем обыкновенного домашнего осла, типичного представителя рода; во многих странах встречаются его различные породы, причем некоторые своим изяществом почти не уступают лошади и ценятся столь же высоко. Существует затем западноазиатский онагр, кулан или джигетай — «дикий осел». Его родина — степи Азии. Еще упомянем кианга, которого можно встретить в Ладаке.

Это всё азиатские породы; они встречаются в диком состоянии и отличаются одна от другой складом, окраской, размером и даже образом жизни. Многие из них очень изящны, а в беге не уступают самому быстрому коню.

Мы не можем уделить в этой маленькой книжке много места описанию каждого из названных видов; ограничимся лишь несколькими замечаниями о тех, которые ближе касаются нашей темы, — об африканских диких ослах. Их существует шесть — семь пород, а может быть, и больше.

Во-первых, дикий осел, который распространен в северо-восточных областях Африки. От прирученных диких нубийских ослов произошел домашний осел.

Во-вторых, кумра, о которой почти ничего не известно, кроме того, что водится она в лесах Северной Африки и, в отличие от большинства других видов, живет не стадами, а в одиночку. Кумру часто принимали за дикую лошадь, но, по всей вероятности, она принадлежит к роду ослов.

В Африке насчитывается еще несколько видов, настолько схожих между собой и складом, и размером, и привычками, что их можно объединить в один разряд под общим именем — зебра. Различаются, во-первых, собственно зебра — быть может, самое красивое четвероногое в мире, которое нет надобности описывать

здесь; во-вторых, дау, или бурчеллиева зебра, как ее чаще называют. В-третьих, зебра Чапмана, близко напоминающая дау. В-четвертых, квагга; пятый же, не установленный вид известен под именем белой зебры, которое он получил за свою бледно-желтую окраску.

Все зебры состоят, несомненно, в близком между собой родстве. Все они в большей или меньшей степени отмечены своеобразными поперечными полосами — общеизвестным признаком зебры. Даже квагга носит эти полосы на голове и на верхней части туловища.

Собственно зебра исполосована от кончика носа до самых копыт, и полосы у нее сплошь черные на почти белом или бледно-желтом фоне. Дау не имеет полос на ногах; полосы у него не так темны и четки, а основная окраска не так светла и чиста. В остальном три первых вида очень схожи; и более чем вероятно, что имя «зебра» впервые было дано либо бурчеллиевой, либо чапмановской зебре — ведь животное, которое мы теперь называем собственно зеброй, водится в тех частях Африки, где едва ли могли его увидеть первые наблюдатели-европейцы. Во всяком случае, зебра и есть тот самый зверь, которого римляне назвали гиппотигром, то есть тигровой лошадью, а из этого обстоятельства мы заключаем, что та зебра жила в более северных областях Африки, нежели другие ее сородичи, которые все принадлежат к фауне южной половины материка. Правда, существует мнение, что собственно зебра распространена и в более северных краях, включая Абиссинию, но, может быть, тут просто произошло недоразумение и за собственно зебру была принята зебра греви, которая, несомненно, водится и в Абиссинии.

Из зебр только один вид — горное животное и живет среди скал, тогда как дау и квагга кочуют по равнинам и диким, ненаселенным степям. В таких же местностях удалось заметить и белую зебру, но только одному путешественнику — Ле-Вайану, откуда и возникает сомнение в существовании белой зебры как обособленного вида.

Ни одна из пород не общается с другой, хотя каждая пасется общим стадом с другими животными. Квагга

водит компанию с гну, дау — с полосатым гну, и в одном стаде с обоими можно увидеть высокого, надменно выступающего страуса.

Во вкусах и характере разных видов наблюдается много различий.

Горная зебра очень пуглива и дика, дау почти не поддается приручению, между тем как квагга отличается робким, покорным нравом, и ее так же легко приучить к упряжи, как лошадь.

Если это не делается, то лишь по той причине, что южноафриканский фермер не испытывает недостатка в лошадях и квагга ему ненадобна ни в упряжь, ни под седло.

Но хотя фермеру ван Блоому никогда не приходило на ум объездить квагту, ван Блоом-охотник ухватился за эту мысль.

Глава XXXVII

КАК ПОЙМАТЬ КВАГГУ

До этого времени ван Блоом не удостаивал кваг никакого внимания. Он знал, что это за животные, и часто видел, как табун их — может быть, всегда один и тот же — приходила к озеру на водопой. Ни сам он, ни его домашние не трогали кваг, хотя легко могли бы застрелить не одну. Они знали, что желтое маслянистое мясо этих животных не годится в пищу и едят его только голодные туземцы, а шкура, хоть идет иногда на выделку мешков и другие хозяйственные нужды, особенной ценности не представляет. Поэтому наши охотники давали квагтам спокойно приходить и уходить. Не стоило тратить на них порох и пули, да и не хотелось убивать ради пустой забавы такое безобидное создание.

Итак, каждый вечер квагги являлись к озеру на водопой и опять удалялись, не возбудив к себе ни малейшего интереса.

Но на этот раз получилось иначе. В голове ван Блоома зародился великий замысел. Табун диких кваг вне-

запно приобрел для охотника такой интерес, как если бы это были слоны. Он вскочил на ноги и стоял, не отрывая от них радостного и восхищенного взгляда.

Ван Блоом любовался их изящно исчерченными головами, крутыми линиями тела, легкими и стройными ногами, — словом, любовался в них всеми статями: их ростом, их окраской, их пропорциями. Никогда до той поры буру-скотоводу не казались квагги такими красивыми.

Но откуда такое неожиданное восхищение презренной кваггой? Ведь обычно капский фермер пренебрегает кваггой и если застрелит ее, то лишь на пищу своим слугам-готтентотам.

Почему она так полюбилась вдруг ван Блоому? Узнав, какие мысли теснились в тот час в его мозгу, вы это легко поймете.

Вот что он думал.

Нельзя ли поймать несколько квагг?.. А почему бы и нет? Нельзя ли приучить их к седлу?.. А почему нет? Не может ли квагга при охоте на слона сослужить ту же службу, что конь?.. Почему нет?..

Ван Блоом задал себе эти три вопроса. И через три минуты на все дал утвердительный ответ.

Ни в одном его предположении не было ничего невозможного или невероятного. Было ясно, что этот план вполне осуществим.

Ван Блоом почувствовал себя окрыленным новой надеждой. Лицо его засветилось радостью.

Он поделился замыслом с Чернышем и со своими сыновьями. Все горячо одобрили счастливую идею и только удивлялись, как никому из них раньше не пришла в голову такая простая мысль.

Но теперь возникал вопрос, как поймать квагг. Он требовал разрешения в первую очередь, и все четверо — сам ван Блоом, Гапс, Гендрик и Черныш — засели вырабатывать сообща план охоты.

Понятно, в ту минуту они ничего не могли предпринять и табуну, пришедшему на водопой, дали на этот раз удалиться с миром. Охотники знали, что завтра он вернется в тот же час.

Все они думали о том, что надо будет сделать, когда табун возвратится.

Гендрик предлагал «пришибить» квагу — пробить пулей верхнюю часть шеи у самого загривка, после чего квагу можно повалить и связать. При точном прицеле выстрел не смертелен. Вскоре животное поправляется, и тогда его легко объездить. Но такая операция все же сказывается на психике животного: квагга остается навсегда как бы оглушенной. Гендрику этот способ был знаком. Он видел, как буры-охотники «пришибали» квагг; и мальчик полагал, что и сам он без труда справится с подобной задачей.

Ганс считал такой прием слишком жестоким. Придется, может быть, убить немало квагг, прежде чем удастся ранить хоть одну в надлежащее место. К тому же придется потратить зря много пороху и пуль — с этим тоже нельзя не считаться. Может быть, попросту поймать несколько квагг в западню? Ставят же ловушки па других животных, не менее крупных, чем квагга, и, как он слышал, с успехом.

Гендрик не одобрил мысли брата. В западню можно поймать только одну кваггу, первую из табуна. Остальные, увидев, что вожак попался, поскачут прочь и уже никогда не вернутся к озеру. Где потом ставить ловушку на вторую? Пройдет, пожалуй, немало времени, пока удастся разыскать их новый водопой. Всадить пулю в загривок квагге — это верней: подкрадись к ней в степи и стреляй!

Очередь была за Чернышем. Он предложил устроить яму-западню. Таким способом бушмены обыкновенно ловят крупных животных, и Черныш превосходно знал, как сделать яму для квагги.

Гендрик выставил свои возражения — те же, в общем, что и против ловушки. Попадется только первая квагга. Прочие вряд ли будут настолько глупы, чтобы прыгать в яму, куда только что провалился вожак. Они, конечно, поспешат скрыться и никогда больше не пройдут по той дороге.

Другое дело, если б можно было приурочить охоту к ночи. В темноте, допускал Гендрик, пожалуй, удастся

поймать несколько квагг, прежде чем тревога охватит всех остальных. Но нет, квагги всегда приходят к водопою днем; попадется только одна, а прочие испугаются и убегут.

Возражения Гендрика были вполне основательны, но он не учел одного важного обстоятельства, которое подметил ван Блоом, наблюдая квагг у водопоя. Дело в том, что животные неизменно входили в воду в одном месте, а выходили в другом. Объяснялось это, конечно, простой случайностью и зависело лишь от устройства дна, но так всегда было, и ван Блоом замечал это не раз.

Квагги имели обыкновение входить в озеро по ложбинке, описанной выше; напившись, они брели несколько ярдов по мелководью, а затем выходили на другую отмель.

Приведенное обстоятельство решительно меняло дело, и все это сразу же поняли. Если яму вырыть на тропе, по которой животные входят в воду, то будет так, как указывал Гендрик: одна кваггa, быть может, и попадется, а всех прочих это спугнет. Но такая же ловушка на обратной тропе должна была дать совсем иной результат. Если в ту минуту, когда табун напьется и станет выходить из воды, охотники покажутся на другом берегу, то квагги всполошатся и поскачут прямо в западню. Таким способом можно поймать не одну кваггу, а столько, сколько их уместится в яме.

Все это казалось настолько осуществимым, что никто не стал делать новые предложения, и план Черныша был сразу же единодушно одобрен.

Оставалось только выкопать яму, прикрыть ее как следует и ждать, что будет дальше.

Все время, пока обсуждался вопрос об охоте на них, квагги оставались на виду и резвились в открытом поле. Это зрелище было танталовой мукой для Гендрика, которому очень хотелось показать свое искусство стрелка и меткой пулей «пришибить» какую-нибудь кваггу. Но юный охотник понимал, что неразумно было бы стрелять по ним здесь, так как один смертельный выстрел навсегда отгонит их от озера; поэтому он сдержал себя и наряду с другими стал наблюдать за табуном,

разделяя тот новый интерес, который всё питали теперь к полосатому скакуну.

Кварги не замечали присутствия людей, хотя и паслись совсем близко от большой иваны. Охотники сидели среди ветвей, куда животным не приходило на ум взглянуть, а у подножия дерева не было ничего такого, что могло бы возбудить их опасения. Колеса фургона хозяин давно запрятал в кусты, чтобы они не рассохлись на солнце, а отчасти и ради того, чтобы вид их не отпугивал дичь, которая нередко подходила к дереву на расстояние выстрела. На земле не оставалось никаких следов, выдававших существование «лагеря» среди ветвей, и кто угодно прошел бы мимо, не приметив воздушного жилища, где ютилась целая семья охотников.

А ван Блоому только того и нужно было. Он пока что мало был знаком с окружающей местностью. Как знать, не ждала ли его тут встреча с врагами похуже гиен и львов?

Наблюдая с дерева за поведением кварг, наши герои вдруг увидели, что одна из них сделала странное движение, какого до сих пор им не приходилось подмечать у этих животных. Эта кварга, мирно пощипывая траву, подошла к небольшой купе кустов, стоявшей одиноко среди открытого поля. У самой заросли кварга прыгнула вдруг вперед. Почти в то же мгновение из кустов шарахнулось какое-то косматое животное и пустилось наутек. Животное оказалось гиеной. Вместо того чтобы кинуться на кваргу и принять битву, как можно было ожидать от такого сильного и свирепого зверя, гиена взревела от страха и пустилась наутек.

Ноги, однако, недалеко ее унесли. Гиена, очевидно, хотела спастись в другой заросли, побольше, лежавшей немного поодаль, но уже на полпути кварга нагнала ее среди открытого поля и, испустив свое пронзительное «куаа-уаг», ринулась вперед и вскинула передние копыта на спину гиене. В тот же миг в загривок хищника вонзились зубы травоядного животного и сжались крепко, как тиски.

Зрители ждали, что сейчас гиена вырвется и помчится дальше. Но ждали напрасно. Больше ей не дано было

в жизни пробежать ни ярда. Она не вышла живою из зажавших ее грозных тисков.

Квагга мертвой хваткой держала судорожно бившуюся жертву, топтала ее копытами, трясла в своих сильных челюстях, пока гиена не перестала выть. Изуродованное тело хищника неподвижно легло среди поля.

Читатель подумает, что этот случай мог послужить нашим охотникам достаточным предостережением против квагги. Легко ли будет обуздать коня, у которого такие острые зубы?

Но им было известно, какое отвращение питает дикий полосатый конь к гиене. Они знали: при виде гиены квагга свирепеет, но в отношении человека нрав ее совсем иной. В самом деле, неприязнь к гиене у квагги так сильна и так неизменно травоядная квагга одерживает верх над хищницей, что пограничные фермеры часто пользуются этим замечательным обстоятельством и, чтобы уберечь от гиены скот, заводят в стаде по нескольку кваггы, которые служат ему охраной и защитой.

Глава XXXVIII

ЗАПАДНЯ

Наблюдая за движениями кваггы, ван Блоом неожиданно встал. Все взоры обратились на него. Чувствовалось, что он собирается что-то предложить. Что же именно?

Вот что пришло ему на ум: к устройству западни следовало приступить немедленно.

День клонился к вечеру, до темноты оставалось лишь полчаса; казалось, лучше бы отложить дело до утра. Но нет. Были веские причины торопиться. Охотники не поспеют к сроку, если не выполнят часть работы в этот же вечер.

Выкопать яму надлежащих размеров — нелегкое дело: ведь она должна была вместить сразу по меньшей мере полдюжины кваггы. К тому же необходимо

убрать вырытую землю, нарезать шестов и веток, чтобы ее прикрыть, и уложить их соответственным образом.

На все это пойдет немало времени; между тем управиться надо до возвращения табуна, а иначе все сорвется. Если квагги явятся до того, как яма будет вырыта и все следы работы уничтожены, они ускачут, не входя в воду, и, пожалуй, больше никогда не вернутся к озеру.

Таковы были соображения ван Блоома. Ганс, Гендрик и Черныш согласились с ним. Все ясно видели, что нужно немедленно приступить к работе.

К счастью, в их «инвентаре» нашлись две хорошие лопаты, совок и кирка, так что все четверо могли работать одновременно. Нашлись и корзины, чтобы выносить землю и сбрасывать ее в глубокую канаву поблизости, где ее не будет видно. Хорошо, что там была эта канава, иначе землю пришлось бы уносить далеко, работа оказалась бы еще тяжелее, и было бы трудно выполнить ее к сроку.

Наметив размеры ямы, наши охотники дружно принялись орудовать лопатами, совком и киркой. Почва была довольно рыхлой, так что киркой почти не пользовались. Сам ван Блоом вооружился одной из лопат, Гендрик — другою, а Черныш между тем выгребал землю совком и так быстро наполнял корзины, что Ганс, Тотти и прибежавшие им на подмогу Трейи с маленьким Яном едва успевали их опоражнивать. Малыши таскали свою собственную небольшую корзину и оказывали существенную помощь в работе, облегчая труд Гансу и Тотти.

Работа весело шла до полуночи и даже за полночь, при свете полной луны; к этому времени наши землекопы стояли уже по шею в земле.

Усталость взяла наконец свое. Но теперь все знали, что легко успеют докончить яму утром; и вот, сложив свои орудия и умывшись в кристальной воде ручья, охотники возвратились на ночлег в надземное жилище.

На заре они снова принялись за работу и трудились хлопотливо, как пчелы; дело подвигалось так быстро, что, когда устроили перерыв на завтрак, ван Блоом, став на носки, едва мог выглянуть из ямы, а шерстистая ма-

кушка Черныша была уже чуть ли не на два фута ниже поверхности земли. Еще немного потрудиться — и довольно!

После завтрака все с новыми силами взялись за инструменты и работали, пока не нашли, что яма достаточно глубока. Выпрыгнуть из нее было бы под силу разве что горному скакуну; ни одна квагга не выбралась бы из такой западни.

Нарезали затем шестов и веток; и вот яма тщательно прикрыта шестами, а сверху устлана тростником и дерном, как и прилегающий кусок земли на довольно большом протяжении. Самое умное животное не заподозрило бы ничего. Даже лиса не открыла бы такой ловушки, пока сама не провалилась бы в нее.

Работу закончили до обеда, который, понятно, запоздал в тот день, так что оставалось только поесть и ждать появления кваг.

За обедом, несмотря на страшную усталость, все были очень веселы. Перспектива поймать кваг представлялась такой соблазнительной, что возбуждала и поддерживала бодрость.

Каждый предсказывал по-своему, чем кончится дело. Один заявил, что поймают по меньшей мере трех; другие, не столь умеренные, называли цифру вдвое большую. Ян утверждал, что яма будет битком набита полосатыми красавицами, и Гендрик считал это довольно вероятным, принимая во внимание остроумный способ, к которому они собирались прибегнуть, чтобы загнать кваг в западню.

Надежды казались вполне обоснованными. Ширина ямы исключала возможность, что животные перепрыгнут ее, а поскольку она тянулась поперек всей дорожки, они не могли ее миновать.

Правда, если бы предоставить кваг самим себе и позволить им идти, как они привыкли, вереницей, то попался бы только вожак. Остальные, увидав, что он провалился, непременно повернули бы назад и поскакали бы врассыпную во все стороны. Но охотники не собирались мириться с подобным ходом вещей. Они надумали в нужную минуту обратить животных в паническое

бегство и загнать их прямо в западню. На этом и была основана надежда поймать не одну, а несколько квагг. Им нужно было четыре — по одной квагге на каждого охотника. Но, конечно, если бы в яму попалось больше четырех, это было бы еще приятней. Чем больше, тем лучше: будет возможность сделать выбор.

Отобедав, охотники стали готовиться к приему «гостей». Как сказано, обед в этот день запоздал против обычного, и уже приближался час, когда должны были показаться квагги. Чтобы не прозевать их, каждый заблаговременно занял свой пост. Ганс, Гендрик и Черныш засели в приозерных кустах — на некотором расстоянии друг от друга. Нижний край озера, где животные обычно входили и выходили, был оставлен свободным. Ван Блоом ждал между тем на помосте в ветвях нваны, чтобы с высоты подкараулить квагг и холостым выстрелом дать сигнал трем остальным. А те должны были выскочить вдруг и, напугав табун неожиданным своим появлением и стрельбой из ружей, погнать его прямо к яме.

План был отлично задуман и удался на славу. Стадо показалось на равнине в обычный час. Троих, сидевших в засаде, ван Блоом оповестил о его приближении, повторив несколько раз приглушенным голосом:

— Квагги подходят, квагги подходят!

А те, не чуя опасности, прошли гуськом по ложбинке, разбрелись по озеру, вдосталь напились и стали одна за другой выходить по той тропе, поперек которой была вырыта яма.

Вожак, взобравшись на берег и заметив устилавшие дорогу свежий дерн и камыш, зафыркал, заржал и, видимо, склонен был повернуть обратно. Но как раз в это мгновение грянул громкий выстрел из ружья и раскатился по всей окрестности. Затем отозвались эхом с левой и с правой стороны выстрелы из меньших ружей, меж тем как Черныш гикал на самой высокой ноте откуда-то еще...

Квагги, озираясь, убедились, что их почти отовсюду окружают неведомые враги. Но один путь оставался, повидимому, открытым — дорога, которой они обычно

возвращались с водопоя. С перепугу весь табун устремился на берег и, сбившись в кучу, ринулся к западне.

Послышался треск ветвей и шестов, топот множества копыт, гул от столкновения тяжелых тел, глухая возня и дикое ржание животных, в ужасе рвануBшихся вперед. Было видно, как некоторые квагги взвились высоко на воздух, точно желая перепрыгнуть яму. Другие вставали на дыбы и, круто повернув, кидались обратно в озеро. Многие метнулись в кусты и убежали, продираясь сквозь чащу, но бóльшая часть табуна устремилась обратно и, замутив воду, умчалась по той же ложбинке, по которой пришла. Через несколько минут последняя квагга скрылась из виду.

Мальчики подумали, что квагги все спаслись. Но ван Блоом со своей вышки разглядел несколько полосатых морд, высунувшихся над краями ямы.

Кинувшись к западне, охотники, к своей великой радости, увидели в яме ни больше, ни меньше, как восемь взрослых квагг — ровно вдвое больше того, сколько было им надо, чтобы каждому получить по скакуну.

* * * * * * * * *

Меньше чем за две недели четыре квагги были приучены к седлу и покорились узде. Конечно, пришлось порядком с ними повозиться. Они брыкались, лягались, пускались в дикую скачку и не раз сбрасывали с себя седока, пока удалось переупрямить их. Однако Черныш и Гендрик были умелыми объездчиками и вскоре усмирили диких коней.

В первый же раз, когда квагг взяли на слоновую охоту, они блестяще оправдали возложенные на них надежды. Слон, как всегда, после первого выстрела обратился в бегство. Но охотники, верхом на кваггах, не упускали его из виду и мчались за ним по пятам. Когда слон убедился, что преследователи, как бы он ни мчался, не отстают от него, он гордо отказался от бегства и стал в оборону; это позволило охотникам выпускать в него пулю за пулей, пока смертельная рана не свалила великана наземь.

Ван Блоом был в восторге. Он воспрянул духом; снова восходила для него счастливая звезда.

Наперекор всему он исполнит свой замысел, будет ковать свое счастье. Через несколько лет он составит себе состояние — построит пирамиду из слоновой кости.

Глава XXXIX

В ПОГОНЕ ЗА КАННОЙ

Самым ярым охотником в семье был Гендрик, любивший охоту ради охоты. Благодаря ему кладовая никогда не пустовала. В те дни, когда не шли все вместе на слона, Гендрик бродяжил один и гонялся за антилопами и другими животными, мясо которых составляло обычную пищу наших героев. Гендрик не давал столу оскудевать.

Антилопы — главная южноафриканская дичь, и Африку больше всех других частей света можно назвать страной антилоп. Вы, верно, удивитесь, услышав, что на земле существует семьдесят видов антилопы, в том числе более пятидесяти африканских, из которых по меньшей мере тридцать принадлежат Южной Африке, то есть области, лежащей между тропиком Козерога и мысом Доброй Надежды.

Следовательно, захоти мы дать подробное описание одних только антилоп, нам пришлось бы посвятить этому целый том. Здесь же я могу только сказать, что антилопы водятся главным образом в Африке, хотя много видов этих животных обитает также в Азии, и что в Америке встречается только одна порода — вилорог, а в Европе две, хотя одна из них, общеизвестная серна, скорее коза, чем антилопа.

Замечу далее, что семьдесят видов, причисляемых зоологами к антилопам, сильно отличаются друг от друга и складом, и ростом, и окраской, и привычками — словом, по стольким признакам, что именовать их всех одинаково антилопами крайне мало оснований. Некоторые виды имеют много общего с козой,

другие приближаются к оленю, третьи напоминают быка, четвертые сродни как будто буйволу, а несколько видов обладают многими характерными особенностями дикой овцы.

В общем, однако, антилопа походит скорее всего на оленя, и многие виды ее так в просторечии и зовутся оленем. В самом деле, некоторые антилопы ближе к известным видам оленя, чем к иным из своих сородичей. Основное различие, отмечаемое между ними и оленями, заключается в том, что у антилопы костные рога постоянные, прикрыты роговыми футлярами, не ветвятся и не сменяются, тогда как у оленя они чисто костные, ветвятся и он их ежегодно сбрасывает.

Подобно оленям, различные виды антилоп ведут весьма различный образ жизни. Одни живут на открытых равнинах, другие — в дремучих лесах. Одни держатся тенистых речных берегов, другие любят скалистые кручи или сухие горные ущелья. Одни щиплют траву, другие, подобно козам, предпочитают листья и нежные молодые побеги. В самом деле, привычки этих животных настолько многообразны, что, каков бы ни был характер данной страны или области, она неизменно оказывает гостеприимство той или иной из антилоп. Даже в пустыне водятся свои антилопы, предпочитающие сухую, безводную степь самой плодородной, зеленой долине.

Из всех антилоп самая крупная — элен, или канна. Ростом она не уступает самой большой лошади. А весит крупная канна до тысячи фунтов. Это грузное животное, и даже не слишком быстроногий противник или конный охотник догоняет его без труда. Строением тела канна напоминает быка, только рога у нее прямые и стоят над теменем торчком, лишь слегка расходясь. Они достигают двух футов длины и отмечены желобком, который проходит по ним винтообразно почти до самых концов. У самки рога длиннее, чем у самца.

Глаза у канны, как почти у всех антилоп, большие, ясные и кроткие; выражение свирепости им чуждо. Это животное при огромной своей величине и силе обладает самым безобидным нравом и вступает в драку, только

если его довести до отчаяния. В большинстве случаев общая окраска этой антилопы бурая с рыжим отливом. Но встречаются особи пепельно-серой окраски, чуть переходящей в охру.

Канна принадлежит к тем антилопам, которые, по-видимому, легко обходятся без воды. Ее можно встретить в пустынной степи, где поблизости нет ни ручья, ни родника; она как будто даже предпочитает такие местности — вероятно чувствуя себя там безопаснее, — но водится и в плодородных, лесистых областях. Канны живут стадами, причем самки и самцы пасутся врозь, образуя стада от десяти до ста голов.

Мясо канны очень ценится и нежностью не уступает мясу любой другой антилопы, оленя или представителя бычьего племени. Оно напоминает нежную говядину с привкусом дичи; а из мышц бедра, если их соответствующим образом приготовить и прокоптить, получается лакомая закуска, известная под странным названием «бедровые язычки».

Естественно, что канна, дающая превосходное мясо, да еще в таком количестве, представляет большой соблазн для охотников. А так как она тяжела в беге и тучна, то травля длится обычно недолго. Канну пристреливают, снимают с нее шкуру и разрубают тушу на части. Охота на нее сама по себе не увлекательна. Ее беззащитность и ценность ее мяса привели к усиленному истреблению этого вида антилопы; теперь стада канн можно встретить только по глухим окраинам.

С тех пор как ван Блоом и его семья поселились в этой местности, они не видели ни одной канны, хотя порою им попадались ее следы. А Гендрику по ряду причин не терпелось застрелить хоть одну канну. Он никогда в жизни не охотился на нее — вот первая причина, вторая — ему хотелось обеспечить дом запасом вкусного мяса, которое в таком большом количестве имеется у этого животного. Поэтому Гендрик очень обрадовался, когда в одно прекрасное утро ему сообщили, что на верхней равнине, и притом неподалеку, видели стадо канн. Известие принес Черныш, успевший на рассвете побывать в горах.

Потратив ровно столько времени, сколько требовалось, чтобы получить от Черныша все указания, Гендрик оседлал свою квaггу, вскинул на плечи карабин и поскакал разыскивать стадо. Неподалеку от лагеря, среди утесов, пролегал удобный проход, ведущий вверх на плоскогорье. То было нечто вроде лощины или расселины; и, как показывало множество следов, животные спускались по ней с плоскогорья в нижнюю равнину, где был родник и ручей. Квагги и другие обитатели пустынных степей, когда шли на водопой, избирали обычно эту тропу.

Гендрик поскакал вверх по лощине и, едва выбравшись из нее, увидел на плоскогорье, в какой-нибудь миле от скалистого обрыва, стадо канн — семь старых быков. На гладкой нагорной равнине негде было бы укрыться и лисе. Всю растительность в том месте, где находились канны, составляли разбросанные поросли алоэ, молочая да изредка чахлое деревце или пучок сухой травы, характерные для пустыни. Не было нигде даже маленького холмика, за которым охотник мог бы спрятаться от зорких глаз своей дичи, и Гендрик тотчас понял, что ему не подобраться к каннам незаметно. Хотя Гендрик никогда не охотился за этой антилопой, ему хорошо были известны все ее повадки, и он знал, как ее преследовать. Он знал, что в беге она слаба и любая старая кляча обгонит ее, не говоря уже о его квагге, самой быстроногой из всех четырех, прирученных семьей ван Блоома.

Следовательно, весь вопрос сводится к тому, как поднять дичь. Подобравшись для начала к стаду на близкое расстояние, он безусловно сумеет загнать одного из быков. Но дело сильно осложнится, если канны обратятся в бегство, увидав его еще издалека. Итак, нужно подкрасться к каннам, чтобы начать гон с близкого расстояния, — вот первая задача. Но Гендрик был осторожным охотником, и это ему скоро удалось. Он не поехал прямо на стадо, а сделал большой крюк, пока канны не оказались между ним и скалистым обрывом, и тогда, направив на них свою квaггу, неторопливо поскакал вперед.

В седле он сидел не выпрямившись, а припав к луке, так что грудь его почти лежала на шее скакуна. Этим он желал обмануть животных, которые иначе признали бы во всаднике врага. А так они не могли разобрать, что за тварь приближается к ним, и довольно долго стояли, взирая на Гендрика и его квагту с большим любопытством, хотя, разумеется, и не без опаски.

Все же они подпустили охотника на расстояние пятисот ярдов — достаточно близкое для него — и тогда только снялись с места тяжелым, неуклюжим галопом.

Гендрик теперь привстал в седле, пришпорил квагту и помчался за стадом во весь опор. Его расчет оказался верен. Канны бежали прямо на скалы — не туда, где лощина образовала проход, а туда, где не было никакого спуска с плоскогорья, — и, достигнув стремнины, были вынуждены избрать новое направление, под прямым углом к прежнему. Гендрик это использовал и, срезав угол, вскоре настиг стадо. Он задумал отделить одного из быков от стада и загнать его, предоставив остальным ускакать, куда им будет угодно.

Свое намерение он выполнил без труда. Вскоре одна из канн, самая жирная, подалась в сторону, как будто рассчитывая найти там спасение, пока остальные бегут вперед. Но хитрость едва не сгубила канну. Гендрик не упустил ее из виду, и квагга с наездником мгновенно устремились за ней. Еще одно усилие — и гон увлек и дичь и охотника на целую милю в глубь равнины. Канна из рыжевато-бурой стала свинцово-синей; слюна длинными нитями свисала с ее губ, пена взмылилась на широкой груди, из больших глаз катились слезы, и ее галоп перешел в усталую рысь. Канна явно выдыхалась. Через несколько минут квагга уже бежала за ней совсем по пятам, и тогда огромная антилопа, видя, что бегство ее уже не спасет, остановилась в отчаянии и повернулась навстречу преследователю.

Гендрик держал в руке заряженный карабин, и вы, вероятно, полагаете, что юный охотник тотчас вскинул его на плечо, прицелился, нажал курок и убил канну наповал.

Должен вас разочаровать: он не сделал ничего подобного.

Гендрик был истый охотник — не слишком опрометчивый и не склонный зря расходовать заряд. Он задумал кое-что поинтереснее, чем убить канну на месте. Он знал, что животное в его полной власти, так что теперь он может гнать его куда угодно, как смирного вола. Убивать же канну на месте означало напрасную трату пороха и пули. Мало того: это поставило бы перед ним новую и довольно-таки трудную задачу. Как перенести мясо в лагерь? В один прием не управишься, да еще был риск, что гиены сожрут главную часть добычи, пока охотник снесет домой первую порцию. Между тем он мог избавиться от всех хлопот, пригнав дичь к лагерю. Это он и собирался сделать.

Итак, приберегая пулю, Гендрик проскакал мимо затравленного зверя, потом повернул назад, заставил повернуть и канну и погнал ее перед собой в направлении к скалам. Канна не могла ни уклониться, ни оказать сопротивления. Время от времени она оборачивалась и делала попытку поскакать в сторону, но всадник, заехав вперед, опять легко направлял ее куда хотел, пока наконец не пригнал ко входу в расселину.

Глава XL

БЕШЕНАЯ СКАЧКА ВЕРХОМ НА КВАГГЕ

Гендрик уже поздравлял себя с успехом. Радостно предвкушал он, как будут поражены все домашние, когда он пригонит к лагерю канну, ибо нисколько не сомневался, что это ему удастся. В самом деле, какие могли тут возникнуть сомнения? Канна уже вступила в расселину и бежала рысцой вниз по тропе, а Гендрик на своей квагге поспешал за ней. Всего лишь несколько ярдов отделяло охотника от входа в расселину, когда вдруг до его слуха донесся громкий топот, словно целое стадо крепконогих животных поднималось по каменному коридору.

Гендрик пришпорил своего скакуна, чтобы скорее достичь края плоскогорья и заглянуть в глубину расселины. Но не успел он еще домчаться до места, как увидел, к своему удивлению, что канна скачет обратно в гору и норовит, минуя всадника, выбежать на равнину. Антилопа, по-видимому, испугалась чего-то там, в расселине, и, чем идти навстречу новому врагу, предпочла обратиться грудью к старому. Гендрик не стал преследовать антилопу — ее он мог догнать в любое время, — важнее было узнать сперва, какая причина заставила ее повернуть обратно; и он еще быстрее поскакал к расселине. Скажут, что мальчику следовало, пожалуй, действовать осторожнее — ведь там могли оказаться львы. Но топот копыт, будивший гулкое эхо в каменном коридоре, убеждал охотника, что не львы спугнули канну.

Наконец Гендрик достиг места, откуда мог заглянуть в глубину расселины. Впрочем, этого даже не требовалось — животные, чей топот он слышал, были уже близко; охотник увидел не что иное, как табун квагг.

Гендрик был сильно раздосадован помехой — и тем сильнее, что виновницами оказались квагги, совсем не соблазнительная дичь. Будь вместо них что-нибудь сто́ящее, он пристрелил бы штуку, другую, но убить кваггу он мог бы сейчас разве что со зла, так как в ту минуту был основательно зол на них.

Сами того не зная, несчастные квагги одним своим появлением доставили охотнику много лишних хлопот: догоняй теперь снова канну да заставь ее опять свернуть к лощине! Неудивительно, что Гендрик обозлился. Но не настолько все же был он раздражен, чтобы с досады выстрелить в надвигавшийся табун, и, повернув своего скакуна, он погнался опять за канной.

Едва он снялся с места, как одна за другой вышли из расселины сорок — пятьдесят квагг. Каждая, завидев всадника, испуганно вздрагивала и кидалась в сторону, пока весь табун не вытянулся по равнине в длинную вереницу, и каждая квагга фыркала и испускала на скаку свое громкое «куа-а-аг!»

При обычных обстоятельствах Гендрик вряд ли заинтересовался бы ими. Ему часто доводилось видеть

табуны кваг, так что они не могли возбудить в нем любопытства. Но на этот раз кваги привлекли его внимание, и вот почему: когда они проносились мимо, он заприметил среди них четырех с куцыми хвостами. По этому признаку охотник узнал тех скакунов, которые попались с другими в западню и были затем отпущены на волю. Черныш из каких-то соображений обкорнал им предварительно хвосты.

Гендрик нисколько не сомневался, что это были те самые кваги и что табун тот же самый, который приходил, бывало, к озеру на водопой, но после оказанного ему дурного приема уже не появлялся в окрестностях. Эта догадка, промелькнувшая в голове у Гендрика, и побудила его с некоторым интересом наблюдать за квагами.

Внезапный испуг животных при виде всадника и забавные фигуры четырех бесхвостых рассмешили мальчика, и он громко расхохотался, когда пустил галопом своего полосатого скакуна.

Кваги между тем побежали в том же направлении, которое избрала канна, так что Гендрику было с ними по пути, и он поскакал за ними следом. Юному охотнику хотелось проверить, может ли квага, несущая на себе всадника, держаться наравне с неоседланной — то, о чем столько спорят применительно к лошади, — и хотелось проверить заодно, уступает ли в беге его квага хоть одной из прежних своих товарок. Так завязалась гонка — канна бежала впереди, за ней кваги, а Гендрик замыкал тыл. Ему не приходилось прибегать к шпорам: квага летела как ветер. Благородный скакун словно чувствовал, что испытывают в соревновании его доблесть. С каждой секундой расстояние между ним и табуном сокращалось.

Кваги вскоре догнали тяжелую в беге канну и, когда та затрусила в сторону и остановилась, они пронеслись мимо. Проскакал не только табун, но и квага Гендрика, не отстававшая ни на шаг от своих товарок, и не прошло и пяти минут, как канна осталась на добрую милю позади, а кваги всё мчались и мчались вперед по широкой степи.

Что же затеял Гендрик? Уж не решил ли он отступиться от канны, дав ей спокойно уйти? Неужели он настолько увлекся гонкой? Неужели, гордясь своей быстроногой квaггой, он ждал, что она победит в состязании всех остальных? Так показалось бы всякому, кто посмотрел бы на гонку издали. Но кто посмотрел бы вблизи, тот объяснил бы поведение Гендрика совсем иначе.

Когда канна остановилась, Гендрик хотел сделать то же; с этим намерением он сильно натянул поводья. Но тут он, к своему удивлению, убедился, что квагга вовсе не разделяет его намерения. Не подчинившись узде, она закусила удила, прижала уши к голове и понеслась во весь опор. Гендрик попробовал тогда повернуть кваггу в сторону и натянул для этого правый повод, но сделал это так рьяно, что узда съехала, и полосатый конь совсем освободился от нее.

Квагга, понятно, получила теперь полную свободу бежать куда угодно. И ясно, что ей угодно было присоединиться к старым своим товарищам. А что это старые товарищи, она, несомненно, признала, как показывало ее приветственное пофыркивание и радостное ржание.

Сначала Гендрик был склонен смотреть на случай с уздой, как на маленькую неприятность, и только. Среди молодежи он был одним из лучших всадников Южной Африки и умел держаться в седле без поводьев. Квагга вскоре сама остановится, тогда он снова наденет на нее узду, которая осталась у него в руках. Так он рассудил поначалу. Но мысли его приняли другой оборот, когда он убедился, что квагга не собирается умерить свой галоп и несется с прежней быстротой, а табун все так же бешено мчится перед нею и по всем признакам тоже не склонен остановиться.

Дело в том, что квагги бежали, гонимые страхом. Они видели, что всадник рьяно преследует их. И хотя старая товарка легко узнала их, как могли они признать ее — с этим высоким горбом на спине? Она казалась им не кваггой, а каким-то страшным чудовищем. И хоть она каждый раз, когда могла перевести дыхание, издавала свое громкое «куа-а-г», как бы окликая това-

рицей, ничего не выходило. Они не останавливались, не слушали ее.

Что же тем временем делал Гендрик? Ничего. Он ничего не мог предпринять. Не мог остановить неистовый лёт своего скакуна. Не смел выскочить из седла. Если б он отважился на это, он бы убился об острые камни или сломал себе шею. Он ничего не мог предпринять — и только старался крепче держаться в седле. Что думал он при том? Сперва он не задумывался и смотрел на свое приключение довольно легкомысленно. Потом, проскакав третью милю, несколько обеспокоился; а на пятой миле уже признался самому себе, что попал в очень скверную историю.

Но вот уже и пятая миля легла позади, за ней шестая, седьмая, а кваггн все еще бешено несутся вперед: табун — подгоняемый страхом утратить свободу, горбатый отщепенец — желанием вновь ее получить. Гендрику было теперь сильно не по себе. Где он? Куда его увлекают кваггн? Быть может, в пустыню, где он заблудится и погибнет от голода и жажды... Скалы остались на много миль в стороне, и он уже не сказал бы, в какой. Даже если бы он мог как-нибудь остановиться, он не знал бы, куда повернуть. Не нашел бы дороги!

Его опасения перешли в тревогу. Он не на шутку испугался. Что делать? Спрыгнуть на землю, рискуя сломать себе шею? Но если он и не сломает шеи, то лишится кваггп и седла в придачу, не говоря уж о потерянной канне. И придется пешком добираться до лагеря, где его еще поднимут на смех. Все равно, пусть! Оставаясь в седле, он рискует жизнью. Квагги могут проскакать без остановки двадцать, нет — пятьдесят миль. Они не выказывают признаков усталости, ничуть еще не запыхались. Нужно спрыгнуть наземь и расстаться с кваггой и седлом.

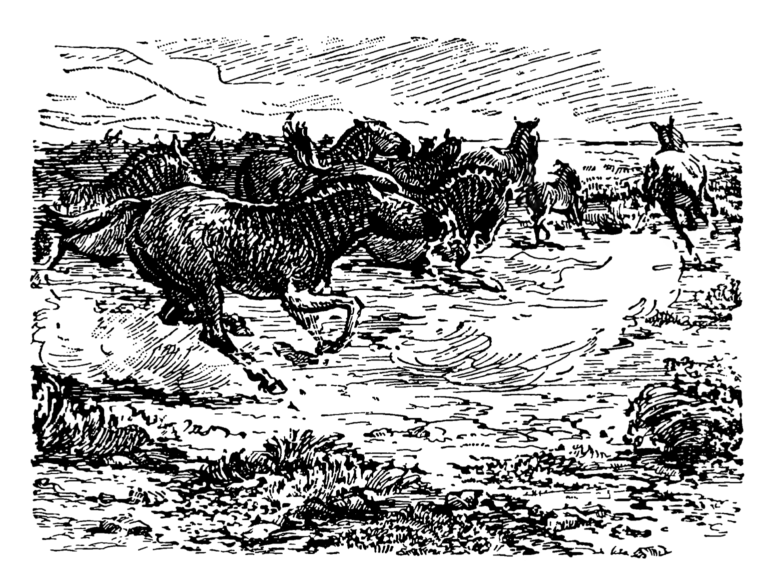
Решение сложилось, и Гендрик уже готовился привести его в исполнение. Он обдумывал, как вернее избежать ушибов при падении, высматривал место помягче, когда вдруг его осенила счастливая мысль. Он вспомнил, что, укрощая эту самую кваггу и объезжая ее под седло, он широко пользовался одним совсем простым при-

Квагги увлекали Гендрика за собой, и находчивый

способлением — наглазником. Наглазник представлял собою всего-навсего кусочек мягкой кожи, которая надевалась животному на глаза; однако при всей своей простоте это приспособление оказывало самое верное действие, и квагга из строптивой, брыкающейся и рычащей твари превращалась в смирную лошадку. И вот Гендрик подумал теперь об этом способе.

Правда, у него не было при себе наглазника. Нельзя ли чем-нибудь его заменить? Носовым платком? Нет, он слишком тонок. Ага! Курткой! Куртка подойдет. Мешало ружье. Надо освободить от него спину. Спустить его на землю. На обратном пути можно будет его подобрать. Карабин был спущен на землю со всей возможной осторожностью и вскоре остался далеко позади. В мгновение ока Гендрик снял с себя куртку. Как же приладить ее так, чтобы закрыть квагге глаза? Куртку-то ни в коем случае нельзя выпускать из рук.

Секунда размышления — и находчивый мальчик выработал план. Он наклонился, продел рукава куртки под



мальчик решил привести свой план в исполнение.

горло квагге и завязал их крепким узлом. Куртка лежала теперь на шее животного таким образом, что воротник приходился у загривка, а полы ближе к ушам. Затем Гендрик нагнулся как только мог вперед и, вытянув руки во всю длину, стал двигать куртку вверх по шее квагги, пока полы не упали ей через уши на морду.

Даже в таком склоненном положении всадник едва удержался в седле. Как только плотное сукно надвинулось квагге на глаза, та мгновенно застыла, точно подстреленная на скаку смертельной пулей. Однако она не упала, а только остановилась как вкопанная, дрожа всем телом. Конец ее неистовому галопу!

Гендрик соскочил на землю. Он не боялся, что ослепленная квагга попытается убежать; она и не пыталась. В несколько минут узда была надежно налажена. Гендрик, с курткой на плечах, снова твердо сидел в седле. Квагга почувствовала себя побежденной. Старые товарищи, соблазнившие ее выйти из повиновения, скрылись из виду; угнетенный новой разлукой, скакун по-

корился и удилам и шпорам, повернул и уныло пустился в обратный путь.

Гендрик не имел представления, где его дорога. Он направился, придерживаясь следов табуна, к тому месту, где спустил свое ружье, которое и подобрал, проскакав мили две. Не было солнца в небе, не было ничего, что могло бы служить ему вехой, и он подумал, что самое верное — идти и дальше по следу; и хотя след без конца петлял и увел его прочь от канны, юный охотник засветло добрался до расселины в скалах, а вскоре после захода солнца сидел уже под сенью нваны, угощая жадных слушателей рассказом о своих злоключениях.

Глава XLI

КАПКАН-САМОСТРЕЛ

К этому времени ван Блоому и его семье сильно стали докучать хищники. Вкусный запах, каждый день распространявшийся от жилья наших героев, а также кости антилоп, убитых на жаркое, привлекали четвероногих гостей. Гиены и шакалы постоянно рыскали вокруг, а по ночам с неумолчной омерзительной музыкой часами осаждали нвану. Правда, никто не боялся этих животных, так как ночью дети были в полной безопасности в своем воздушном жилище, куда гиены не могли к ним забраться, но все же их присутствие было крайне неприятно. Из-за них нельзя было оставить внизу ни кусочка мяса, ни овчины, ни ремня — ни одной кожаной вещи. Эти хищники все размалывали своими зубами и пожирали. Они, случалось, выкрадывали целый окорок антилопы, а однажды испортили Чернышу седло, выев всю кожаную часть. Словом, гиены сделались так назойливы, что необходимо было принять меры к их истреблению.

Стрелять по ним было не так-то просто. Днем они вели себя осторожно и прятались либо в пещерах среди скал, либо в норах трубкозуба. По ночам они становились смелее и подходили к самому жилью, но тогда тем-

нота не позволяла хорошенько прицелиться, а наши охотники слишком ценили свой порох и свинец, чтобы тратить их наудачу, — хотя нет-нет, да дадут выстрел по гиенам, когда те их слишком разозлят.

Так или иначе, надо было придумать способ уменьшить численность незваных гостей, а то и вовсе отделаться от них. С этим согласны были все. Испытали сперва два — три вида ловушек, но безуспешно. Из ямы гиена легко выскакивала, а от петли освобождалась, перегрызая острыми зубами канат.

Наконец ван Блоом остановился на способе, к которому часто прибегают в Южной Африке буры-колонисты для защиты ферм от гиен и прочей нечисти. Он решил устроить капкан-самострел. Есть несколько способов установки такого капкана. Само собой понятно, что главную роль в нем играет ружье, а уловка заключается в том, что веревочка механически спускает курок. В некоторых странах к веревке привязывают кусок мяса; схватив приманку, животное натягивает веревку, спускает курок и само себя застреливает. Но при таком устройстве ружье бьет не наверняка. Хищник может стать не прямо против дула, тогда он вовсе избежит пули или же его только «пощекочет», и он, конечно, уйдет.

В Южной Африке капкан-самострел устраивается куда хитрее. Животное, имевшее несчастье дернуть за курок, редко избегает гибели и либо падает мертвым на месте, либо получает такую жестокую рану, что не может убежать. Ван Блоом соорудил капкан по испытанному способу, и вот как. Он наметил место, где три деревца росли в один ряд на расстоянии ярда друг от друга. Не найди он деревьев, расположенных в таком порядке, их с успехом заменили бы крепко вколоченные в землю колья. Нарезав терновника, наши охотники построили крааль, как его строят обычно: уложив кусты верхушками к наружной стороне. Величина крааля безразлична, и, чтобы зря не тратить труда, построили, понятно, небольшой. Но, сооружая крааль, позаботились об одном: дверь или, лучше сказать, входное отверстие оказалось расположенным так, что с каждого бока стоя-

ло по деревцу, которые образовывали как бы косяки двери, и животное, входя в крааль, должно было непременно пройти между этими двумя деревцами.

Теперь о ружье. Как должно было оно действовать?

Его установили горизонтально, накрепко прикрутив приклад к деревцу, стоявшему вне крааля, а ствол — к одному из «косяков». В таком положении дуло приходилось у самого входа и смотрело прямо на второй «косяк».

Высота рассчитана была по уровню, где будет сердце гиены, когда она вступит в дверь.

Далее: как приспособить веревку? К ружейному ложу позади курка была прикреплена палочка в несколько дюймов длины. Утвердили ее под прямым углом к стволу, однако не накрепко, а довольно свободно — так, чтобы она могла послужить рычагом. К обоим концам палочки прикрепили по веревке. Одну из них привязали к спусковому крючку, другую же продели сперва в шомпольную муфту, а затем, натянув поперек входа, привязали ко второму «косяку». Веревка шла горизонтально, в направлении ружейного ствола, и была натянута очень туго. Малейший нажим на нее должен был сдвинуть палочку-рычаг и тем самым спустить курок. И тогда бы, конечно, ружье выстрелило.

Веревка прилажена, ружье заряжено — капкан готов.

Теперь оставалось только положить приманку. Эта задача была несложна: надо было просто бросить кусок мяса или падали в крааль и оставить его там на соблазн рыскающим вокруг зверям.

Когда наладили ружье, Черныш притащил приманку — объедки убитой в тот день антилопы — и зашвырнул ее в крааль, после чего все спокойно легли спать, не думая больше о гиенах и капкане.

Но едва они заснули, их разбудил громкий выстрел, за которым последовал короткий придушенный крик, сказавший им, что капкан сделал свое дело.

Четверо охотников зажгли факел и торжественно отправились в крааль. Там они увидели мертвое тело

крупного «тигрового волка», которое лежало, скрюченное, в дверях — прямо под дулом ружья. Зверь не сделал ни шага после того, как щелкнул курок, даже не дрыгнул ногой перед смертью.

Пуля с пыжом прошла прямо между ребер и, пробив безобразную дыру в боку, проникла в самое сердце. Гиена, по всей видимости, была в нескольких дюймах от дула, когда наткнулась грудью на веревку и произвела выстрел.

Наново зарядив ружье, охотники опять улеглись. Скажут, пожалуй, что им следовало бы оттащить куда-нибудь самоубийцу-гиену, чтобы труп ее не послужил предостережением для ее сородичей и не заставил их держаться подальше от капкана. Но Черныш знал, что делал. Гиен не могло отпугнуть мертвое тело товарки. Они бы увидели в нем только лакомую добычу, которую можно сожрать вместе с вкусными костями антилопы. Зная это, Черныш не унес трупа гиены, а только оттащил его в глубь крааля, чтобы он служил добавочной приманкой для других гиен и соблазнял их на попытку войти в дверь.

Под утро охотников опять разбудил громкий выстрел из большого ружья.

На этот раз они преспокойно остались в постелях. Когда же рассвело, они наведались к капкану и увидели, что еще одна гиена неосмотрительно надавила грудью на роковую веревку.

Ночь за ночью вели они таким образом свой поход на гиен, перенося крааль-ловушку с места на место по всей округе.

В конце концов назойливые хищники были почти истреблены или, во всяком случае, сделались так редки и так пугливы, что не очень докучали лагерю своим присутствием.

Зато к этому времени объявились иного рода гости, поопаснее прежних, и нашим охотникам пришлось рьяно приняться за их истребление. Это была семья львов.

Львиные следы уже давно наблюдались в окрестностях, но поначалу хищники не подходили близко к ла-

герю. Однако к тому времени, как удалось избавиться от гиен, им на смену явились львы, которые приходили каждую ночь и рычали около лагеря самым устрашающим образом.

Как ни грозен был этот рык, обитатели воздушного жилища не так уж пугались, как можно бы вообразить. Они прекрасно знали, что львам не взобраться к ним на дерево. Будь это леопарды, охотники, вероятно, чувствовали бы себя похуже, так как те превосходно лазают по деревьям, но леопарда они в этих местах не видали и даже не вспоминали о нем.

Все же львы внушали им некоторый страх. Из-за них с наступлением темноты нельзя было спокойно спуститься вниз — каждую ночь, от заката до рассвета, все чувствовали себя как в осаде. Кроме того, хотя корову и кваг запирали в крепких краалях, каждую ночь охотники терзались опасением, как бы львы не задрали кого-нибудь из животных. Утрата любого из них, а в особенности их бесценного друга, «старушки Грааф», явилась бы тяжелым ударом.

Поэтому решено было испытать против львов тот же капкан-самострел, с помощью которого они так успешно расправились с гиенами.

Самое устройство капкана не требовало никаких изменений или дополнений. Только ружье следовало установить выше — так, чтобы дуло пришлось против сердца льва, — что не потребовало сложного расчета. Однако для приманки нужна была не падаль, а мясо недавно убитого животного. Для этой цели подстрелили антилопу.

Опыт привел к желанному результату. В первую ночь «застрелился» старый лев-отец, налетев грудью на роковую веревку. На другую ночь таким же образом погибла львица, а вскоре затем их взрослый сын — молодой лев. После этого ловушка некоторое время бездействовала, но спустя неделю Гендрик застрелил неподалеку от нваны полувзрослого львенка — несомненно, последнего в семье, так как львы с тех пор надолго исчезли. Великим врагом ночных разбойников оказался этот капкан-самострел.

Глава XLII

ПТИЦЫ-ТКАЧИ

Теперь, когда хищные звери были истреблены или отогнаны от лагеря, жизнь в окрестностях стала безопасной, и детям можно было давать больше самостоятельности. При них, конечно, всегда оставалась Тотти, когда четверо охотников верхом на кваггах отправлялись выслеживать слона.

Они это делали очень часто, и так как в их отсутствие с детьми не случалось ничего дурного, то в конце концов такой порядок вошел у них в обычай. Яна и Трейи предупреждали только, чтобы они не отходили далеко от нваны и взбирались каждый раз на дерево, если увидят какого-нибудь подозрительного зверя. До истребления гиен и львов дети в отсутствие охотников совсем, бывало, не спускались на землю. Они чувствовали себя как в тюрьме; теперь же, когда главная опасность была, по-видимому, устранена, им дозволялось сходить вниз и резвиться на лужайке или же гулять по берегу озерца.

Однажды, когда охотники ушли, Трейи спустилась к озеру. Она была одна, если не считать горного скакуна, который всегда неотлучно брел за нею по пятам, куда бы она ни шла. Это изящное создание уже совсем выросло и оказалось на редкость красивым, а его большие круглые глаза с поволокой напоминали своим кротким, нежным взглядом глаза самой Трейи. Как я сказал, Трейи прогуливалась одна. Ян возился у подножия дерева, вправляя новую жердочку в птичью клетку, а Тотти ушла в поле пасти «старушку Грааф», так что Трейи со своей ручной газелью одиноко бродила по берегу.

Девочка пошла к воде не совсем бесцельно: ей вздумалось напоить свою любимицу и собрать букет голубых кувшинок. Сделав то и другое, она пошла дальше по берегу.

На озере с дальней стороны врезалась в воду низкая коса. Сперва это была только песчаная отмель, но постепенно она заросла травой и покрылась зеленым

ковром. Совсем небольшая, коса представляла собой овал, заметно суживавшийся к берегу, где образовался как бы перешеек шириной не более трех футов. Словом, это был миниатюрный полуостров, который можно было при желании несколькими ударами лопаты превратить в крошечный островок.

Не было, понятно, ничего особенного в том обстоятельстве, что в озеро вдавался маленький полуостров. Это можно увидеть чуть ли не на каждом озере. Но самый полуостров был кое-чем примечателен. У острия косы росло дерево, необычное по своей форме и листве; дерево было невелико, и ветви его низко клонились над самой водой. Поникшие ветви и копьевидные серебристые листья позволяли без труда определить, что это за дерево. Это была плакучая, или вавилонская, ива, названная так потому, что ее ветвями уведенные в плен евреи увивали, по библейскому преданию, свои арфы, когда «плакали на реках вавилонских». Красавицы ивы простирают свою широкую сень над реками Южной Африки точно так же, как над Тигром и Евфратом, и нередко глаз утомленного странника радуется листве, засеребрившейся вдалеке над сушью изжаждавшейся пустыни, потому что вид этой листвы безошибочно указывает на близость воды.

Однако девочку Трейи дерево на маленьком полуострове заинтересовало не только по этой причине, но и кое-чем еще. Его ветви, склонившиеся над поверхностью озера, представляли очень странное зрелище: среди них можно было различить, по одному на кончике каждой ветви, множество каких-то причудливых предметов, свисавших так низко, что нижние их края почти касались воды. Эти предметы отличались, как сказано, довольно причудливой формой. Сверху, где они были прикреплены к сучку, у них имелось нечто вроде шара, нижняя же часть состояла из длинного, узкого цилиндра, а в донце каждого цилиндра было отверстие. В общем, они напоминали перевернутый графинчик со значительно удлиненным горлышком, или, если угодно, их можно было бы сравнить со стеклянными ретортами, какие вы, может быть, видели в химической лаборатории.

Каждая такая «реторта» имела в длину дюймов десять — пятнадцать и была зеленоватого цвета, почти такого же, как самые листья ивы. Не были ли это ее плоды? Нет. Плод плакучей ивы никогда не достигает таких больших размеров. Это были не плоды. Это были птичьи гнезда! Да, это были гнезда, принадлежавшие колонии безобидных певчих птичек, известных под названием «птицы-ткачи».

Я уверен, что вы и раньше слышали о птицах-ткачах, и вы, конечно, знаете, что они получили такое название за искусство, с каким они мастерят свои гнезда. Они не строят и не вьют гнезд, как другие птицы, а действительно ткут их остроумнейшим способом.

Не подумайте, что существует лишь один вид ткачей, только одна порода птиц, умеющих сооружать такие необычайные гнезда. В Африке, где они преимущественно водятся, насчитывается множество видов ткачей, относимых к различным родам. Не стану вас донимать их мудреными названиями. Каждая из этих различных пород строит гнезда своего, особого образца, и каждая выбирает для гнезда свой материал. Некоторые сооружают гнездо бобовидной формы, с входом сбоку, причем отверстие делают не круглое, а скорее напоминающее арку. Другие ткут свои гнезда таким образом, что снаружи по всей поверхности торчат кончики стебельков, придавая гнезду сходство с подвешенным к ветке ежом; а птицы другого рода, близкого к этому, строят гнезда из тонких веточек, оставляя их концы торчать подобным же образом. А некоторые строят целую колонию гнезд, жмущихся друг к другу под одной общей крышей, — настоящая птичья республика. Входы в гнезда расположены по нижней поверхности сооружения, которое занимает всю вершину дерева, напоминая с виду стог сена или большую, крепко сбитую охапку соломы.

Принадлежа к различным родам, все птицы-ткачи сильно сходны между собой по нраву и привычкам. Они большей частью зерноядные, хотя некоторые питаются также и насекомыми; а один из видов, красноклювый

ткач, собирает свою добычу — клещей — на спине дикого буйвола.

Ошибочно думать, будто птицы-ткачи встречаются только в Африке или только в Старом Свете, как утверждают в своих трудах многие натуралисты. В тропической Америке к этим птицам относятся несколько видов, которые «ткут» такие же подвесные гнезда на деревьях по берегам Амазонки и Ориноко. Но настоящие птицы-ткачи, то есть те, которые считаются самыми типическими для всей группы, — это птицы рода древесных ткачей. И как раз представители одного вида из этого рода и разукрасили своими подвесными домиками плакучую иву. Птица этого вида известна под названием «ткачик висячий».

На плакучей иве было, в общем, около двадцати гнезд — все вышеописанной формы и зеленого цвета, так как жесткая бушменская трава, из которой они были сотканы, еще не утратила свежей окраски и должна была долго еще ее сохранять. Благодаря своему цвету такие гнезда в самом деле напоминают что-то выросшее на дереве — какой-то крупный грушевидный плод. Отсюда, верно, и пошли рассказы древних путешественников о том, что в Африке будто бы есть деревья, дающие чудесные плоды, внутри которых, если разломать их, увидишь живых птичек или же птичьи яйца!

Наша маленькая Трейи не впервые увидела сейчас птиц-ткачей и их причудливые гнезда. Колония уже довольно давно обосновалась на иве, и девочка успела завязать с птицами знакомство. Она часто приходила к ним в гости, припасала зерна и сыпала их под деревом. Во всей колонии не было ни одной пичужки, которая не присаживалась бы доверчиво девочке на руку или на белое плечико, не вспорхнула бы хоть раз на кудрявую головку. Для Трейи было самым обычным делом смотреть, как эти хорошенькие птички резвятся на ветвях или залезают в длинные вертикальные тоннели, служащие входом в их гнезда; самым обычным делом было для нее слушать часами их любовное щебетание или наблюдать за их играми над берегом у самой заводи.

И теперь, весело пробираясь вдоль озера, она думала не о них, а о чем-то другом — может быть, о голубых кувшинках, может быть, о горном скакуне, но только не о них. Однако птицы внезапно привлекли ее внимание.

Неожиданно, без всякой видимой причины, они подняли писк и закружили над деревом, голосом и движениями выдавая сильное волнение и тревогу.

Глава XLIII

АФРИКАНСКАЯ КОБРА

«Что там случилось с моими пичужками? — недоумевала Трейи. — Там у них что-то неладно! Ястреба не видать. Верно, они повздорили между собой. Пойду посмотрю. Они у меня сразу помирятся».

С такими мыслями девочка ускорила шаг и, обогнув залив, вступила на крошечный перешеек. Еще полминуты — и она уже стояла под ивой.

Вокруг не было обычного подлеска. Дерево росло одиноко у самого конца косы, и Трейи подошла вплотную к стволу. Тут она остановилась и взглянула вверх, на ветви, желая выяснить причину птичьего переполоха.

При ее приближении несколько птичек подлетели к ней и вспорхнули на руки и на плечи; но вся их повадка была сейчас иная, чем когда они ожидали от девочки корма. Они были явно напуганы и, казалось, искали у нее защиты.

«Верно, поблизости притаился какой-то враг», — подумала Трейи, хотя никакого врага не видела.

Она посмотрела налево, направо, взглянула наверх. Нигде не видно было ястреба. Ни на иве, ни на соседних деревьях не было никакой хищной птицы. Если бы хищник сидел тут же, на иве, Трейи легко разглядела бы его, так как листва была легкая и редкая; к тому же ястреб не остался бы на дереве, когда девочка стоит так близко. Что ж все-таки испугало птиц? Что пугает их так до сих пор? Ведь они нисколько не уня-

лись, не успокоились. Ага! Наконец-то враг обнаружен, наконец-то взгляд Трейи упал на страшилище, которое всполошило мирную колонию ткачей и подняло среди них такую тревогу!

По горизонтальному суку, обвив его несколько раз спиральными кольцами, медленно сползала большая змея. При каждом движении ее чешуя отливала на солнце; этот блеск и привлек сначала глаза Трейи, и тут она увидела отвратительное пресмыкающееся.

Когда Трейи впервые заметила ее, змея ползла спиралью по одной из горизонтальных ветвей ивы, удаляясь, по-видимому, от гнезд. Но едва девочка остановила на ней свой взгляд, длинное гибкое тело соскользнуло с ветки, и в следующую секунду змея, выставив голову вперед, уже спускалась по стволу дерева.

Трейи отскочила назад — и вовремя: через мгновенье голова змеи показалась как раз напротив того места, где только что стояла девочка. Не отскочи она, в нее тотчас вонзились бы ядовитые зубы — змея уже доползла до того места, отвела голову от ствола, широко разинула зев, высунула раздвоенный язык и грозно зашипела. Она была, по-видимому, раздражена — отчасти потому, что потерпела неудачу в своих грабительских намерениях и не могла добраться до птичьих гнезд, а отчасти и потому, что ткачи, защищаясь, несколько раз ударили ее своими клювами, несомненно причинив ей чувствительную боль. Кроме того, ее раздразнило появление Трейи.

Так или иначе, но в ту минуту змея была очень зла, как показывали движения ее головы и блеск ее глаз. Она непременно набросилась бы на всякого, кто, на свое несчастье, перерезал бы ей путь.

Трейи, однако, не собиралась без особой необходимости пересекать ей дорогу. Девочка знала, что это могла быть и вполне безобидная тварь, но все же от змеи в шесть футов длиною, ядовита она или нет, лучше держаться подальше. Трейи инстинктивно подалась в сторону и стала так далеко, как позволяла вода.

Девочка могла бы отбежать назад к узкому перешейку, но что-то ей подсказало, что змея поползет в

том же направлении и, пожалуй, догонит ее. Эта мысль побудила ее отойти от дерева на другой край полуострова в надежде, что змея поползет по тропинке, ведущей с него на поляну.

Стоя у самой воды, девочка, дрожа всем телом, пристально глядела на мерзкого гада.

Если бы Трейи знала, к какой породе принадлежал этот гад, она бы и не так еще дрожала. Перед ней была одна из самых ядовитых змей, черная африканская кобра, которая гораздо опасней своей родственницы, индийской очковой змеи, так как при столь же грозном жале обладает более сильным и подвижным телом.

Этого Трейи не знала. Она знала только, что перед нею большая, безобразная змея, почти вдвое длиннее ее самой, и что эта змея широко разинула зев и высунула глянцевитый язык, намереваясь, как видно, ее проглотить.

Кобра, однако, как ни была она раздражена, не повернулась, чтобы напасть на девочку; не осталась она и на дереве. Прошипев свою громкую протяжную угрозу, она соскользнула на землю и быстро поползла прочь.

Двинулась она прямо к перешейку, видимо собираясь перейти его и уползти куда-нибудь в кусты, росшие поодаль на берегу.

Трейи уже почти совсем утвердилась в надежде, что именно это собирается сделать змея, когда та вдруг свернулась кольцом на узком перешейке, словно решив остаться тут надолго.

Этот маневр был проделан так неожиданно и, казалось, так непредумышленно, что Трейи повела вокруг глазами, ища причину. Только что змея быстро ползла вперед, вытянув во всю длину по земле свое блестящее тело, а в следующее мгновение это тело приняло вид свернутого каната, над краем которого поднималась злая головка с мешком чешуйчатой кожи на шее, вздувшимся в виде капюшона, — отличительный признак кобры.

Трейи смотрела вокруг, словно спрашивая, чем же вызвана внезапная перемена в поведении змеи. Она узнала это с одного взгляда.

Не оставалось и тени надежды, что Ян заметит змею.

От озера к равнине поднимался гладкий отлогий косогор. Он вел кратчайшим путем к полуострову. Взглянув наверх, девочка увидела, что по косогору быстро несется ее горный скакун. Приближение антилопы и заставило змею остановиться.

Трейи, едва заметив змею, громко вскрикнула с перепугу. Крик призвал ее любимца, который, пощипывая траву, отстал от хозяйки, и теперь горный скакун мчался вперед. Большие карие глаза антилопы беспокойно поблескивали, словно спрашивали о чем-то.

Трейи испугалась за своего любимца. Еще прыжок — и он наскочит на притаившуюся змею; еще один такой прыжок...

— Ах! Спасен!

Эти два слова сорвались с губ девочки, когда она увидела, что ее любимец взвился высоко на воздух и опустился далеко впереди, легко перепрыгнув через свернутую змею. Горный скакун вовремя заметил врага

У Трейи вырвался последний крик предупреждения.

и спасся одним из тех головокружительных прыжков, на какие только он и способен. Едва избежав опасности, преданная газель прискакала к хозяйке и глядела на нее большими ясными глазами, в которых светился тревожный вопрос.

Но крик, вырвавшийся у Трейи, всполошил не только антилопу. К своему несказанному ужасу, девочка увидела, что маленький Ян тоже побежал по косогору и вступает прямо на ту дорожку, где лежит, свернувшись, змея.

Глава XLIV

ЗМЕЕЕД

Страшная опасность угрожала Яну. Он мчался опрометью вперед, прямо на свернувшуюся кобру. Он не знал, что она лежит перед ним. Предостеречь его, остановить на бегу не успеешь. Сейчас он вступит на пере-

шеек, и никакая сила не спасет его от смертельного укуса. Мальчик не сможет отскочить в сторону или, как это сделал горный скакун, на высоте нескольких футов перепрыгнуть через гада. Трейи видела, что кобра взметнула свою длинную шею. Змея, конечно, дотянется до маленького Яна, она, может быть, обовьется вокруг него. Ян погиб!

Трейи точно онемела. От ужаса у нее отнялся язык. Она только вопила и растерянно махала брату руками.

Но это не только не могло предостеречь Яна, а, напротив, лишь верней губило мальчика. Он связал эти стоны и жесты с ее первым криком. С сестрицей стряслась беда, а какая, он не знал; однако раз девочка продолжает кричать, то, значит, решил он, кто-то напал на нее. Может быть, подумалось ему, змея; но что бы там ни случилось, первым его движением было кинуться на выручку Трейи. Помочь ей он сумеет, только когда будет рядом; он ни за что не остановится, пока не добежит до места, пока не станет бок о бок с сестрой.

Итак, ее вопли, сопровождаемые дикими жестами, только побуждали мальчика бежать быстрей, а так как его глаза были тревожно устремлены на Трейи, не оставалось и тени надежды, что он заметит змею до того, как наступит на нее или почувствует ее роковой укус.

У Трейи вырвался последний крик предостережения, и вместе с криком она наконец выдавила из горла слова:

— Ой, братец! Назад! Змея! Змея!

Но и слова были тщетны. Ян услышал их, но не понял смысла. До него дошло слово «змея». Так он и думал! Змея напала на Трейи! И хотя змеи он не видит, она, несомненно, обвилась вокруг тела девочки. Ян побежал еще быстрей. Только шесть шагов отделяли его теперь от кобры, которая уже подняла свою голову, готовясь напасть на ребенка. Еще мгновение — и ядовитые зубы глубоко вопьются в его тело. С отчаянным стоном Трейи бросилась вперед. Она надеялась отвлечь этим внимание чудовища на себя. Девочка была готова отдать свою жизнь за жизнь брата!

Вот она уже в двух метрах от грозной змеи. Ян —

на том же расстоянии с другой стороны. Опасность равна для обоих. Один из двоих... быть может, оба падут жертвой смертоносного укуса! Но близилось уже их спасение. Темная тень мелькнула у них перед глазами, их уши наполнил свист: «Уишь!» — и в тот же миг большая птица упала между ними.

Она не села на землю. Секунду ее широкие, сильные крылья бились в воздухе, посылая ветер им в лицо, но еще мгновение — и птица, сделав неожиданное усилие, взмыла по вертикали ввысь. Трейи глянула на дорожку — кобры там больше нет! С радостным возгласом девочка подбежала к Яну и кинулась ему на шею:

— Мы спасены, братец! Спасены!

Ян был ошеломлен. До сих пор он еще не заметил змеи. Он видел только, как ринулась между ним и сестрою птица, но она так проворно схватила кобру и унесла ее, что Ян, глядевший неотрывно на Трейи, не заметил добычи в клюве птицы. Он был в недоумении и в ужасе, так как все еще думал, что сестренке грозит опасность. Услышав ее возглас «спасены», он только сильней испугался.

— А змея? — прокричал он. — Где же змея?

Спрашивая, мальчик оглядывал Трейи с головы до ног, точно ожидая увидеть гада, обвившегося вокруг ее руки или ноги.

— Змея где? Разве ты не видел, Ян? Она была тут, у наших ног, а сейчас — гляди! Вон она где! Секретарь унес ее. Смотри, они дерутся! Добрая птица! Надеюсь, она накажет гадину, которая хотела украсть моих хорошеньких ткачиков! Так, милая птица, задай ей хорошенько! Смотри, Ян, как они схватились!

— Ага! Да-да! — воскликнул Ян, только теперь сообразив, в чем дело. — Да, верно, там змея и наш хохлач. Ничего, Трейи, ты не бойся! Мой секретарь не выдаст. Он покажет негоднице свои когти. Смотри, как запустил! Еще раз так хватит — и из гадины дух вон! Ага, опять — хлоп!

Обмениваясь такими замечаниями, дети стояли рядышком, наблюдая жестокую битву между птицей и змеей.

А птица была очень странная — такая, в самом деле, необыкновенная, что по всей земле у ней не сыщется родни. Внешним видом она напоминала журавля: те же длинные ноги и примерно та же величина, тот же рост. Однако форма головы и клюва сближала ее скорее с орлом или с коршуном. У нее были прекрасно развитые крылья, «шпоры» на ногах и очень длинный хвост, в котором два средних пера были длиннее остальных. Общая окраска была синевато-серая, горло и грудь — белые, а в крыльях перья отливали рыжиной. Но самым замечательным в этой птице был, пожалуй, ее хохол. Он состоял из множества длинных темных перьев, которые росли у нее на темени и ложились по шее, спадая почти до плеч. Это придавало птице причудливый вид, а воображаемое сходство с каким-нибудь писцом или секретарем стародавних времен, носившим за ухом длинное гусиное перо, в ту пору, когда еще не вошли в употребление стальные перья, послужило основанием к ее несообразному наименованию: «птица-секретарь». Другие называют ее «змееед», а натуралисты окрестили ее именем «гипогеран», то есть «журавлиный гриф». Иногда ее называют еще «герольд» — за важный, степенный шаг, каким выступает она по равнине.

Из всех этих названий «змееед» наиболее отвечает характеру нашей птицы. Правда, многие другие птицы тоже убивают и поедают змей, — например, южноамериканский гуако и некоторые соколы и коршуны, — но секретарь один среди всех пернатых охотится исключительно на этих пресмыкающихся и ведет с ними постоянную борьбу. Впрочем, строго говоря, он питается не одними лишь змеями. Он ест ящериц, черепах и даже саранчу, но змея — его любимая пища, ради которой он нередко рискует жизнью в смертельной схватке с самыми крупными из этих опасных рептилий.

Змееед — африканская птица, и характерен он не для одной лишь Южной Африки. Его можно встретить также и в Гамбии. Змееед — чрезвычайно своеобразная птица, и натуралисты, не решаясь причислить его ни к орлам, соколам или грифам, ни к журавлям или семейству куриных, возвели его в самостоятельный под-

отряд, в котором он образует одинокое семейство, род и вид.

В Южной Африке он любит широкие и пустынные степи, где бродит на просторе в поисках поживы. Он чужд стадного обычая и живет одиноко или в паре, устраивая гнезда на деревьях, предпочтительнее на тех, что обладают густой и тенистой кроной, которая делает его жилище почти неприступным. Все сооружение достигает трех футов в диаметре и напоминает гнездо лесного орла. Оно обычно выложено прутьями и пухом; самка высиживает по два, по три яйца.

Змееед — превосходный бегун и проводит больше времени на земле, чем в воздухе. Он пуглив и осторожен, но тем не менее его легко приручить, и нередко можно видеть пернатого секретаря на дворе какой-нибудь капской фермы, где его держат, как домашнюю птицу, ради той пользы, которую он приносит, истребляя змей, ящериц и других пресмыкающихся.

Птица, так своевременно появившаяся между Яном и Трейи и, несомненно, спасшая одного из них или обоих от смертельного укуса кобры, являлась самым настоящим змееедом, который не так давно был приручен и поселился среди ветвей все той же гостеприимной нваны. Охотники нашли его в степи. Птица была ранена каким-то животным — быть может, очень большой змеей; они принесли ее домой, как диковинку. Со временем она совсем оправилась от ран, но доброта и уход, которым ее окружили, пока она была калекой, не пропали даром. Когда ее крылья вполне окрепли, птица не воспользовалась этим, чтобы бросить своих покровителей, и по-прежнему держалась около их жилья. Днем она часто уходила в окрестные поля в поисках своей излюбленной пищи, но к ночи неизменно возвращалась и устраивалась на ветвях нваны. Она стала, конечно, любимицей Яна, и мальчик баловал ее; теперь она отплатила сторицей за всю его доброту — спасла его от смертоносного укуса кобры.

Дети, оправившись от испуга, стояли рядом, наблюдая необычайное зрелище — схватку между коброй и змееедом.

Птица схватила змею клювом за шею. Выполнить эту задачу было бы ей гораздо труднее, если бы дети не отвлекали на себя внимание кобры. Без этого змея была бы настороже.

Схватив с успехом кобру, птица поднялась почти по вертикали на высоту нескольких ярдов и затем, раскрыв клюв, дала гаду упасть на землю. Ее целью было оглушить противника. Правда, для этого ей следовало бы унести кобру значительно выше, но змея мешала полету, упорно стараясь обвиться вокруг крыльев змееда.

Бросив наземь свою добычу, птица не осталась в воздухе. Нет, змеeед камнем упал вслед за коброй и, едва та коснулась земли, впился когтями ей в шею. Но ни падение с высоты, ни этот последний прием не причинили змее заметного вреда. Она свернулась в кольцо и подняла высоко голову. Пасть ее была раскрыта во всю ширину, язык высунулся наружу, зубы устрашающе торчали, а глаза горели яростью. Она была, казалось, грозным противником, и с минуту секретарь так, видимо, и думал: он стоял на земле и с опаской поглядывал на гада.

Но вот, осмелев, птица стала — правда, очень осторожно — подбираться к кобре, готовясь возобновить нападение. Широко расправив и выставив вперед наподобие щита сильное свое крыло, она бочком подступала к змее, а потом, когда очутилась достаточно близко, вдруг круто повернулась, как на оси, на длинных своих ногах и резко ударила противника вторым крылом. Прием удался. Удар пришелся по голове и, очевидно, ошеломил кобру. Шея поникла, кольцо развернулось. Не дав змее оправиться, секретарь снова схватил ее клювом и унес в воздух.

На этот раз птица поднялась значительно выше, так как ничто теперь не затрудняло ее полета, и снова, как и в первый раз, выпустила змею, а затем ринулась вслед за нею.

Вторично упав на землю, кобра лежала, распростершись во всю длину, словно мертвая. Однако она была еще жива и приготовилась снова свернуться в кольцо. Но не успела она это сделать, как птица, повторяя

прежний прием, вытянула в воздухе свою костлявую ногу и снова когтями «ущипнула» кобру за шею; затем, улучив мгновение, когда голова гада легла плашмя на землю, она нанесла ему острым клювом такой сильный удар, что расколола надвое змеиный череп. Жизнь в кобре угасла; отвратительное тело, распростертое во всю длину, лежало на траве, обмякшее и неподвижное.

Ян и Трейи с радостным криком захлопали в ладоши.

Змееед, не удостаивая зрителей никакого внимания, подошел к мертвой кобре, склонился над ней и хладнокровно принялся за свой обед.

Глава XLV

ТОТТИ И ПАВИАНЫ

Ван Блоом и его семья уже несколько месяцев обходились без хлеба. Впрочем, у них было чем его заменить, так как различные коренья и орехи вносили в их пищу известное разнообразие. Они выкапывали земляной, или, иначе, свиной, орех, который растет по всей Южной Африке, составляя основную пищу туземца. Из овощей у них было несколько сортов клубней, были плоды бушменской фиги. Далее был у них кафрский хлеб — мякоть, добываемая из стеблей некоторых видов замии; был кафрский каштан и, наконец, далеко не последнюю роль играли огромные корни «слоновой ноги». Имелись также в их распоряжении дикие лук и чеснок, а клубни красивого водяного растения апоногетона, богатые крахмалом, с успехом заменяли спаржу.

Все эти коренья, клубни и плоды можно было найти в окрестностях, и никто лучше Черныша не знал, как их разыскать и приготовить. Да и неудивительно: ведь Черныму в его молодые годы нередко приходилось по многу недель, а то и месяцев питаться одними кореньями.

Но пусть эти дары природы имелись вокруг в любом количестве — они лишь слабо заменяли нашим охотни-

кам хлеб. Ван Блоом и его дети сильно скучали по той еде, которая зовется обычно основой жизни, хотя в Южной Африке, где целые племена живут исключительно охотой, питаясь мясом убитых животных, едва ли можно применить к хлебу такое наименование.

Хлеб они должны были получить — и довольно скоро. Покидая свой старый крааль, они прихватили с собою небольшой мешок кукурузного зерна — последние остатки от прошлогоднего урожая. Всего-то было там с бушель, но и этого должно было хватить на посев; при тщательном уходе бушель зерна превращается во много бушелей.

Кукурузу посеяли вскоре после того, как семья обосновалась на новом месте. В нескольких ярдах от гостеприимной нваны был выбран клочок плодородной земли. За неимением плуга, землю вскопали лопатой и посадили семена, как в огороде: на правильных расстояниях.

Немало часов труда было отдано прополке и окучиванию. Каждое зернышко обкладывали горкой рыхлой земли, чтобы она питала корень и защищала его от знойного солнца. Время от времени всходы даже поливали.

Отчасти благодаря такому уходу, отчасти же благодаря плодородию целинной почвы кукуруза уродилась на славу. Стебли поднимались на все двенадцать футов высоты, и каждая метелка достигала в длину чуть ли не фута. Кукуруза уже почти созрела, и ван Блоом собирался через неделю, другую приступить к жатве.

И сам он и его домашние радостно предвкушали роскошный пир, на котором будут поданы хлеб, мамалыга, молочное пюре и разные другие блюда, приготовленные искусницей Тотти из индийского зерна.

Тут произошел случай, который едва не лишил их не только всех надежд, связанных с посевом кукурузы, но и самой незаменимой их домоправительницы. Вот как это случилось.

Тотти находилась на своем помосте под ветвями нваны, откуда можно было видеть и маленькое хлебное поле, и открывавшуюся за ним широкую равнину

вплоть до подножия утесов. Готтентотка хлопотала «по дому», когда вдруг ее внимание привлек странный шум, донесшийся с поля. Тотти раздвинула ветви и посмотрела вниз. Удивительная картина представилась ее глазам, необычайное зрелище!

Со стороны утесов надвигался большой отряд очень странных на вид животных, числом до двухсот, а то и больше. Это были неуклюжие создания, ростом и складом напоминавшие каких-то уродливых собак, а цветом зеленовато-бурые. Только морды и уши были у них черные, и притом безволосые, в то время как все тело их было покрыто жесткой, грубой шерстью. Высоко задирая длинные хвосты, они размахивали ими самым эксцентрическим образом.

Тотти нисколько не испугалась, она знала, что это за животные. Это были, конечно, павианы. Стая принадлежала к виду, известному под названием «свиномордый павиан», или «чакма»; в Южной Африке он встречается почти во всех местностях, где только есть высокие скалы с пещерами и гротами, излюбленным жильем павиана.

Из всего обезьяньего племени павианы, или собакоголовые, наиболее безобразны и мордой и складом тела. Кто не испытывал отвращения, глядя на омерзительного мандрила, дрила, гамадрила или ту же чакму? А все они — павианы.

Павиан — представитель чисто африканской фауны, и нам он известен в шести видах: североафриканский обыкновенный павиан; бабуин южного и восточного побережья; гамадрил, или, иначе, тартарэн, встречающийся в Абиссинии; гвинейские дрил и мандрил; и, наконец, чакма, обитательница Капской земли.

Повадки этих животных так же омерзительны, как и внешность. Павиана можно приручить и сделать из него домашнее животное, но он оказывается довольно опасным другом, так как склонен при малейшем раздражении укусить кормящую его руку.

Мощная мускулатура и развитые челюсти с длинными собачьими зубами придают павиану удивительную силу, которой он при случае пользуется. Никакая соба-

ка не справится с ним, и даже гиена и леопард часто терпят поражение в схватке с павианом.

Однако павиан не принадлежит к плотоядным животным и, разорвав врага на части, никогда его не поедает. Пищу павиана составляют плоды и корнеплоды, которые он отлично умеет выкапывать из земли острыми когтями своих рук.

Павиан никогда не нападает на человека, если тот его не трогает, но, если его травят, он быстро сам переходит в нападение и превращается в опасного противника.

Южноафриканские колонисты рассказывают много странных историй о чакме. Она, говорят, похищает у путешественников пищу, а потом, отбежав на приличное расстояние, дразнит их, пожирая награбленное у них на глазах. Туземцы уверяют, что иногда павиан пользуется палкой при ходьбе, при выкапывании корней, а также для самозащиты. Говорят еще, что, когда молодому павиану удается отыскать лакомый корешок, другой, постарше и посильней, увидев это, нередко отбивает у него добычу, а случись молодому уже проглотить лакомство, забияка хватает его за шею, пригибает ему голову к земле и трясет нещадно до тех пор, пока тот не изрыгнет проглоченное. Много подобных рассказов ходит в Капской колонии, и они не совсем лишены основания, так как павиан, несомненно, в высокой степени одарен способностью мышления.

Тотти со своей вышки могла бы легко убедиться в этом, если бы она сама имела склонность к умозрительным обобщениям. Но Тотти не любила философствовать. Просто ее забавляли смешные ухватки обезьян, и она зазвала Трейи и Яна на дерево, чтобы и дети могли вместе с ней развлечься любопытным зрелищем. Старшие отправились все на охоту.

Ян пришел в восторг и тотчас взбежал по лестнице на площадку. Трейи последовала примеру брата, и все трое стали рядышком, наблюдая за странными движениями четвероруких тварей.

Они заметили, что толпа продвигается в определенном порядке: не шеренгой, но все же своим установлен-

ным строем. С правого и левого крыла шли разведчики, а в авангарде — вожаки. Вожаками шли павианы постарше и покрупнее остальных. Животные обменивались окриками и сигналами, и смена их интонаций убедила бы всякого, что между ними ведется настоящий разговор. Самки и полувзрослые самцы для большей безопасности шли в середине. Матери несли детенышей за спиной или же на плечах. По временам та или иная мать останавливалась покормить своего младенца и приглаживала ему волосы, пока он сосал, а потом галопом бежала вперед, наверстывая потерянное время. Порой можно было видеть, как иная бьет детеныша в наказание за какую-то провинность. Нередко две молодые самки затевали ссору из ревности или по другой причине, и тогда поднимался отчаянный галдеж, не смолкавший, пока кто-нибудь из вожаков громким, угрожающим лаем не приказывал им угомониться.

Так они продвигались по равнине, болтая, повизгивая и лая, как умеют только обезьяны.

Что им было нужно? Это выяснилось очень скоро. Трейи, Ян и Тотти увидели, к своему великому ужасу, что павианы пустились в поход не зря. Целью их похода была кукуруза.

Через несколько минут бо́льшая часть отряда уже вступила на поле и скрылась из глаз, утонув среди высоких стеблей и широких листьев кукурузы. Осталось на виду только несколько — и это были старые, рослые павианы; они встали на страже и непрерывно обменивались сигналами. Остальные уже обрывали драгоценные метелки.

Но странная картина представилась глазам при взгляде вдаль, за кукурузное поле. До самого подножия гор, выстроившись на равных промежутках друг от друга, тянулась шеренга павианов. Их планомерно оставляли на посту, по мере того как отряд, пересекая равнину, совершал свой путь к полю. С какою же целью?

Это тоже скоро разъяснилось. Через две минуты, не больше, едва только вся толпа утонула в зеленой гуще растений, над нивой замельтешили, перелетая в сторону шеренги, длинные початки в белесой обертке, словно

кидаемые рукой человека. Павиан, стоявший во главе шеренги, мгновенно подхватывал их и перебрасывал второму, второй перебрасывал третьему, третий — четвертому, и так далее, пока сорванный со стебля початок за самый короткий срок не передавался таким путем прямо в «кладовую» павианов, далеко в горах.

Если бы эта дружная работа продлилась немного дольше, ван Блоому пришлось бы удовольствоваться в день сбора довольно скудным урожаем. Павианы считали, что кукуруза достаточно созрела, и быстро управились бы с жатвой, но тут их операциям был положен неожиданный конец.

Тотти и сама не знала, какой подвергалась опасности, когда выскочила прогнать несметную свору обезьян, вооруженная всего-навсего метлой. Девушка думала только об убытке, угрожавшем семье, и вот она опрометью сбежала по лестнице и бросилась прямо к кукурузному полю.

На краю поля ее встретили несколько часовых; они тараторили, корчили рожи, лаяли, визжали, скалили длинные собачьи зубы, но в ответ получали только удары метлой, которые щедро посыпались на их безобразные морды. На крик часовых сбежались другие. Через несколько минут несчастная готтентотка очутилась одна в кругу разъяренных обезьян, и только метла, управляемая ловкой рукой, мешала чакмам наброситься на девушку.

Но это легкое оружие недолго могло служить защитой, и Тотти неминуемо была бы растерзана в клочья, если бы в ту минуту не подоспели ей на выручку четыре всадника верхом на кваггах.

Это были возвращавшиеся домой охотники. Дружный залп из трех ружей тотчас разогнал обезьян и обратил их в бегство. Чакмы с ревом бросились к своим пещерам.

После этого случая ван Блоом бдительно охранял свое поле, пока кукуруза не дозрела; наконец урожай был собран, снесен в дом и помещен в такое место, где до него не могли добраться ни птицы, ни гады, ни четвероногие, ни даже четверорукие воры.

Готтентотка очутилась в кругу разъяренных обезьян.

Глава XLVI

КААМА И ДИКИЕ СОБАКИ

С тех пор как удалось объездить квагг, охота шла довольно успешно. Каждую неделю к коллекции прибавлялось по паре бивней, а то и по две и по три пары, и вскоре у подножия нваны выросла небольшая пирамида слоновой кости.

Ван Блоом, однако, был не совсем удовлетворен своим успехом. Он считал, что пирамида росла бы значительно быстрее, будь у него собаки.

Кваггн честно служили охотникам, и верхом на них всадникам много раз удавалось догнать слона, но столько же раз их большая дичь уходила от них; и, надо сказать, упустить слона куда легче, чем думают, вероятно, большинство читателей.

Вот если б использовать в охоте собак, дело приняло бы совсем другой оборот! Правда, собаки не в силах повалить слона или причинить ему хотя бы малейший вред, но зато они могут следовать за ним повсюду и назойливым лаем принудить его остановиться.

Вторая ценная услуга, оказываемая собаками, заключается в том, что они отвлекают внимание слона от охотника. Четвероногий исполин, приведенный в ярость, становится, как мы уже видели, крайне опасен. В таких случаях он кидается на шумливых собак, принимая их за подлинных своих преследователей, и тут охотник получает возможность спокойно прицелиться, избежав непосредственной встречи со слоном.

Между тем за последнее время наши охотники не раз шли на смертельный риск. Их кваггн не были так увертливы и послушны узде, как лошадь, и это усугубляло опасность. Не тот, так другой из них мог в недобрый час пасть жертвой взбешенного животного. Такие мысли не на шутку тревожили ван Блоома. Он с готовностью выменял бы несколько бивней на соба · — по бивню за штуку, будь то хоть самые последние дворняги. Сказать по правде, порода роли не играла. Сошла бы любая собака, лишь бы она могла бежать за слоном по пятам и донимать его лаем.

Обдумывая свой замысел, ван Блоом сидел однажды на нване. Он расположился на сторожевой вышке, устроенной на самой вершине, откуда открывалась взору вся окрестность. Это было его любимое местечко, так сказать, его «курительная комната», куда он каждый вечер удалялся пососать на досуге свою пенковую трубку. Лицо его обращено было к степи, простиравшейся от границы кустарников в недоступную глазу даль.

Он спокойно следил за кольцами дыма, когда вдруг его внимание привлекли странные животные, пасшиеся поодаль в степи. Ему бросилась в глаза яркая окраска их шерсти.

На спине и на боках она была огненно-рыжая, цвета жженой сиены, а снизу белая; ноги же с наружной стороны были тронуты черным мазком, вокруг глаз были белые кольца такого правильного рисунка, точно их нанесла кисть художника. Рога были у них очень неправильной формы; узловатые, изогнутые, поднимались они над макушкой угловатой, вытянутой головы, какую, думается, не увидишь больше ни у одного животного. Телосложение их было далеко не изящно. Задняя часть туловища шла наклонно вниз, как у жирафа, но не так резко, а на сильно приподнятых плечах торчала длинная и сплющенная с боков голова. Каждое животное было почти в пять футов ростом, считая от переднего копыта до плеча, и не менее девяти футов в длину.

Они, конечно, принадлежали к антилопам — к тому виду, который известен среди капских колонистов под именем «костлявый бык», или «каама». Всего их было в стаде голов пятьдесят.

Когда ван Блоом их заметил, каамы мирно пощипывали траву в степи. Но секундой позже они беспокойно заметались взад и вперед, как будто всполошенные приближением врага.

И действительно, враг не замедлил объявиться. Еще через секунду стадо дружно снялось с места, и тут ван Блоом увидел, что за каамами гонится свора гончих! Я говорю «свора гончих», так как издали эти новые животные больше всего походили именно на гончих. Нет,

не только походили — это действительно были гончие, дикие гончие.

Ван Блоом, конечно, понял, что это за звери. Он признал в них сразу тех гиеновых собак, которым ученые-зоологи на своей замысловатой латыни дали нелепое имя «гиена-охотница»; другие столь же нелепо зовут их «собака-охотница». Я объявляю эти имена нелепыми, во-первых, потому, что животное, которому они даны, столько же похоже на гиену, сколько, скажем, на ежа; а во-вторых, потому, что чуть ли не всякая собака вправе именоваться охотницей.

Почему, спрошу я теперь, господа ученые не желают принять то название, которое дали животному буры? Если можно придумать лучшее, пусть мне его сообщат. Право же, «дикая гончая» — превосходное название, подсказанное бурам их повседневными наблюдениями и в точности определяющее характер животного.

Назвать красавицу гончую гиеной — значит беззастенчиво оклеветать ее. Она не отличается ни уродливым телосложением гиены, ни жесткой шерстью, ни тусклой ее окраской, и ей не свойственны мерзкие повадки этого хищника. Назовите ее хоть волком, хоть дикой собакой, если вам угодно, но тогда она красивейший в мире волк, красивейшая дикая собака. А мы уж будем называть ее тем именем, которое дали ей буры, то есть «дикая гончая».

Это самое верное наименование, в какой бы разряд ни зачислили ее зоологи.

Она действительно несколько напоминает гончую ростом, сложением, гладкой, чистой шерстью, а также мастью: это смесь белого, черного и беловато-желтого цветов, разная у разных особей. Как у всех диких видов собак, длинные уши у нее, конечно, не висят, а стоят торчком.

Сходство довершают ее повадки. В своем естественном состоянии дикая гончая никогда не рыщет одна. Она смело травит дичь, преследуя ее большой, слаженной стаей, совсем как наши охотничьи гончие, и в облаве свора диких гончих проявляет столько же искусства,

как если бы опытный егерь скакал за ними на коне, направляя их своим рожком и арапником.

Ван Блоому посчастливилось сейчас убедиться воочию в прирожденном искусстве диких гончих.

Гончие налетели на стадо каам совершенно неожиданно. Почти с первой же минуты одна из антилоп отбилась от стада и побежала в обратную сторону. Этого только и ждали хитрые собаки. Бросив стадо, они всей стаей погнались за одинокой каамой и бежали за ней неотступно.

Надо сказать, что костлявый бык, хоть и сложен довольно несуразно, не уступает в беге даже самым быстрым антилопам, и дикая гончая может его догнать только после упорной травли. Точнее говоря, она вовсе не могла бы догнать его, если бы это зависело только от сравнительной быстроты их бега. Но дело не в одной лишь быстроте. Быку не хватает выдержки, а гончая очень хитра.

Каама, когда ее травят, бежит по прямой, но не придерживается подолгу раз принятого направления. Время от времени она подается то в одну сторону, то в другую, руководствуясь, может быть, поверхностью почвы или же другими обстоятельствами. Такое поведение составляет ее слабость. Гончая только того и ждет и тотчас обращает это в свою пользу ловким маневром, который словно свидетельствует о сознательном расчете с ее стороны.

Ван Блоом, наблюдая облаву, мог убедиться в редкой сообразительности диких гончих. Со своей вышки он прекрасно видел всю сцену, и от глаз его не ускользнуло ни одно движение ни преследуемого, ни преследователя.

Отделившись от стада, антилопа помчалась по прямой. Гончие понеслись за ней. Однако не покрыла она и полсотни ярдов, как ван Блоом заметил, что одна гончая норовит вырваться из стаи и вскоре действительно опередила остальных. Конечно, она могла быть самой быстрой в стае, однако охотник полагал, что дело тут в другом. Собака, думалось ему, просто «наддала» — как будто высланная вперед загонять дичь, пока прочие

приберегают силу. Так и оказалось. Отчаянным усилием собаке удалось почти нагнать костлявого быка и тем заставить его свернуть немного в сторону. Стая, заметив это, в тот же миг изменила курс и понеслась наискосок, словно норовя обогнать антилопу, забежать вперед. Таким путем гончим удалось срезать крюк, проделанный и каамой и их товаркой.

Каама неслась теперь в новом направлении, и, как раньше, одна из гончих вырвалась из стаи и помчалась во всю прыть. Первый же загонщик, как только антилопа свернула с пути, умерил свой бег, присоединился к стае и теперь плелся в хвосте. Он исполнил свой долг, очередь была за другими.

Снова каама изменила направление. Стая опять перебежала наискосок, срезая угол; выступил новый загонщик и со свежими силами повел травлю дальше. Гончие на бегу заливались пронзительным лаем. Хитрые собаки несколько раз повторили этот маневр, пока не достигли желанного результата: антилопа окончательно выбилась из сил. Тогда, точно почувствовав, что животное в их полной власти и что стратегия больше не нужна, вся стая одновременно ринулась вперед, быстро настигая свою жертву. Каама сделала последнюю отчаянную попытку уйти, но, видя, что ноги ее не спасут, неожиданно повернулась и приготовилась встретить нападение. С губ ее падала пена, красные глаза искрились, словно горящие угли. Еще мгновение — и гончие тесным кольцом сомкнулись вокруг нее.

— Великолепная свора! — воскликнул ван Блоом.— Вот бы мне такую!.. Стой! — добавил он, пораженный новой мыслью. — У меня она будет! Почему бы и нет? Будет! В точности такая!

Вот каков был ход его мыслей. Дикую гончую можно приручить и натаскать для охоты, — а для охоты на слона даже легче, чем для всякой другой. Что это можно сделать, он знал по опыту других буров-охотников. Правда, собак надо взять еще щенятами, а отобрать детеныша у дикой гончей не так-то просто. Пока щенок не научится хорошенько бегать, мать не позволяет ему уходить далеко от логова, где она ощенилась, а логово

это обычно представляет собой какую-нибудь щель в скале, неприступной для человека. Каким же образом раздобыть выводок щенят? А ван Блоом уже твердо решил раздобыть их. Где его найти, собачье логово?

Тут размышления ван Блоома были прерваны неожиданным обстоятельством. Поведение собак, совершенно необычное, дало наблюдателю новое доказательство их ума — и такое, что охотника точно молния озарила.

Когда каама остановилась, а гончие побежали к ней, ван Блоом, разумеется, ожидал, что сейчас они кинутся на свою жертву и повалят ее наземь. Он знал, что так они поступают обычно. Каково же было его удивление, когда он увидел, что вся стая отошла в сторону, как будто решив оставить антилопу в покое. Некоторые даже легли отдохнуть; другие стояли, разинув пасть и высунув язык, но отнюдь не показывали намерения броситься на затравленную дичь.

Ван Блоом мог отлично наблюдать все происходившее, так как антилопа стояла ближе к нему — то есть между нваной и грядою скал, а гончие столпились поодаль на равнине. Другим удивившим его обстоятельством было то, что собаки, нагнав и окружив кааму, затем нарочно отступили назад к теперешней своей позиции.

Что все это значило? Уж не боялись ли они ее уродливых рогов? Или они собирались с силами перед кровавой расправой? Охотник не сводил глаз с любопытной группы.

Антилопа отдышалась немного и, видя, что стая далеко, снова пустилась бежать. Теперь она взяла вбок, направляясь, по-видимому, к лежавшему в той стороне холму, на склонах которого она, должно быть, рассчитывала обогнать собак. Но только она снялась с места, как те понеслись за ней. Пробежав с четверть мили, они снова заставили ее остановиться. И опять стая отступила на изрядное расстояние, а каама оказалась одна посреди открытого поля. Она снова попыталась спастись бегством и помчалась из последних сил, но гончие попрежнему погнались за ней по пятам.

На этот раз антилопа повела преследователей в новом направлении, облюбовав издали один утес, и, так как гон прошел совсем близко от нваны, все обитатели воздушного жилища могли прекрасно наблюдать за происходящим.

Каама бежала, казалось, быстрей, чем раньше, или, во всяком случае, собаки теперь не нагоняли ее; ван Блоом, а с ним и его сыновья уже надеялись, что несчастному животному удастся уйти от неутомимых преследователей.

Охотники следили за травлей, пока могли различить вдалеке яркое тело каамы, желтым пятнышком мелькавшее на фоне скал; собак же и вовсе не было видно. Потом и желтое пятнышко внезапно исчезло — точно погасла вдалеке свеча, и больше они его не видели. Антилопу, несомненно, повалили.

Странное подозрение зародилось тогда у ван Блоома, и, приказав Гансу и Гендрику оседлать кваггг, он поскакал с мальчиками к тому месту, где в последний раз промелькнула каама.

Они подъезжали осторожно, и под прикрытием кустов им удалось подобраться незамеченными на расстояние двухсот ярдов. Поразительное зрелище вознаградило их за труды. Ярдах в десяти от утеса лежало тело каамы, в том месте, где ее повалили собаки. Оно было уже наполовину съедено, но не собаками, затравившими антилопу, а их щенятами всех возрастов. Их толпилось сейчас с полсотни вокруг трупа, они рвали мясо с костей и огрызались друг на друга. Взрослые собаки, принимавшие участие в гоне, лежали тут же на траве, еще запыхавшиеся от быстрого бега, но большинство попрятались, конечно, в многочисленных пещерах и расселинах, черневших у подножия скал.

Итак, странный факт был налицо, и сомневаться в нем не приходилось: дикие гончие планомерной травлей загнали кааму к своим логовам, чтобы накормить щенят, и не стали убивать ее среди поля, чтобы не пришлось тащить потом добычу издалека!

В самом деле, эти звери не в силах пронести громоздкую ношу на сколько-нибудь значительное расстоя-

ние, и вот поразительный инстинкт побуждает их пригонять антилопу прямо туда, где требуется ее мясо.

Кости и рога больших антилоп различных пород, сплошь усеявшие землю вокруг пещер, свидетельствовали о том, что дикие гончие поступали так уже не в первый раз.

Ван Блоом высмотрел щенят помоложе и вместе с сыновьями бросился было к ним. Но безуспешно! Хитрые, как их отцы и матери, малыши, едва завидев незваных гостей, оставили вкусный обед и разбежались по своим пещерам. Однако они были не настолько хитры, чтобы избегнуть ловушек, которые охотники расставляли для них изо дня в день. Не прошло и недели, как дюжина щенят была благополучно водворена в конуру, нарочно построенную для них под сенью исполинской нваны.

Щенята подросли, и через пять — шесть месяцев наши герои стали брать некоторых из них с собою на охоту и приучили их травить слона. Прирученные дикие собаки исполняли эту задачу с отвагой и искусством, какого только можно ожидать от самых чистокровных гончих.

Глава XLVII

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Несколько лет ван Блоом вел жизнь охотника на слонов. Несколько лет исполинская нвана служила ему домом, где он жил, не зная иного общества, кроме своих детей и слуг. И все же эти годы не были для бывшего повстанца самой мрачной порой его жизни, так как все это время и он и его семья наслаждались ценнейшим из благ — добрым здоровьем.

Он не дал детям вырасти без образования. Он не позволил им превратиться в дикарей. Он многому учил их по книге природы — многим вещам, какие можно усвоить в пустынных степях не хуже, чем в универси-

тете. Он заронил в их души добрые семена, воспитал их в благородных понятиях о чести и нравственности, без чего самое высокое образование не стоит и гроша. Он привил им любовь к труду и научил полагаться во всем на самих себя, познакомил их со многими достижениями современной культуры, чтобы они, вернувшись в цивилизованное общество, оказались на уровне его требований. В общем, годы изгнания, проведенные в гостеприимной пустыне, не оказались в его жизни пробелом. Он вспоминал о них с удовлетворением и благодарностью.

Человек, однако, создан для общества. Человеческое сердце, если оно не извращено, тянется к другому человеческому сердцу; и ум, в особенности развитой, отшлифованный образованием, ищет обмена мыслями, стремится к общественности, а вырванный из своей среды всегда тоскует по ней.

Так было и с ван Блоомом. Его влекло вновь вернуться в круг образованных людей. Тянуло вновь навестить те края, где долгие годы жил он так мирно и счастливо; влекло поселиться вновь среди былых своих друзей и знакомых, в живописных окрестностях Грааф-Рейнета. Да и в самом деле, бесцельно было бы теперь оставаться в диком воздушном жилище среди нелюдимой степи. Правда, он сильно пристрастился к вольной охотничьей жизни, но в дальнейшем она не обещала выгод. Слоны ушли из окрестностей лагеря, и уже не сыскать было ни одного на двадцать миль вокруг; они близко познакомились с опасным характером огнестрельного оружия и отлично знали теперь, что несет им гулкий раскат выстрела из громобоя. Они поняли, что из всех врагов самый грозный — человек; и они так страшились его соседства, что охотники нередко неделями не встречали ни одного слона.

Но ван Блоома это уже не тревожило. Иные заботы занимали его, и он нисколько не опечалился бы, если бы узнал, что не выследит больше ни одного четвероногого великана.

Вернуться в Грааф-Рейнет и поселиться там — вот что стало главным его желанием.

Наступило наконец время, когда он получил возможность осуществить свою мечту, и, казалось, ничто теперь не стояло ему поперек пути.

Судебный приговор в отношении его был давно отменен. Правительство объявило полную амнистию, и ван Блоом среди прочих был восстановлен в правах.

Правда, конфискованного имущества ему не возвратили; но это уже не имело для бывшего повстанца особого значения. Он создал новую основу своего благосостояния, как о том свидетельствовала большая пирамида слоновой кости, высившаяся под сенью исполинской нваны.

Оставалось только довезти эту слоновую кость до рынка — и она превратится в ферму, пашню, скот.

Изобретательная мысль ван Блоома нашла способ доставить ее на рынок.

Охотники вырыли еще одну яму-западню у горного прохода, и в нее попалось много кваг; затем опять пошли сцены укрощения.

Нелегко это далось — сломить строптивый нрав диких скакунов, приучить их к хомуту и вожжам и, наконец, впрячь в повозку.

Все же после долгих усилий кваг объездили, пользуясь для обучения поставленным на старые колеса примитивным подобием телеги. И вот наконец кузов фургона спустили с дерева, и снова свел он дружбу со старыми своими товарищами — колесами; а парусиновый верх взял все сооружение под свою защитную сень; и погрузили в фургон желто-белые полумесяцы слоновой кости, и впрягли кваг; и Черныш взобрался на козлы, защелкал снова длинным бамбуковым кнутом; и колеса, обильно смазанные слоновьим жиром, снова весело завертелись на осях!

Как удивились добрые жители Грааф-Рейнета, когда в одно прекрасное утро крытый фургон, запряженный двенадцатью квагами, а за ним четыре всадника верхом на таких же необычайных конях показались на главной площади их городка! Как изумились они, увидав, что фургон битком набит слоновой костью — весь, за исключением одного уголка, где сидит прелестная девочка с

румянцем во всю щеку и мягкими льняными волосами! И как они искренне обрадовались, когда узнали, что владелец этой слоновой кости и отец прелестной девочки не кто иной, как старый их друг и уважаемый согражданин, один из героев восстания — бывший фельдкорнет ван Блоом.

Но не только теплый прием ожидал охотника на людной площади Грааф-Рейнета — он нашел здесь готовый рынок для своего товара.

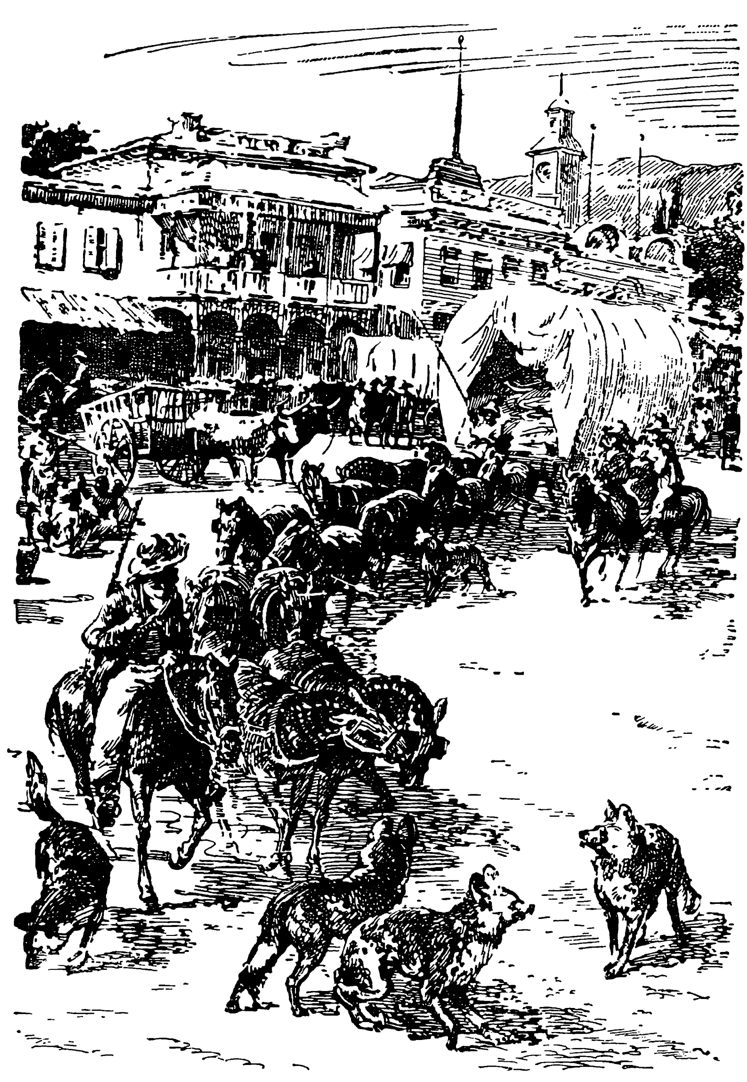
В тот год слоновая кость продавалась по необычно высокой цене: в европейских странах вошел в моду и в обиход какой-то предмет — не припомню, какой, — главная часть которого выделывалась из чистой слоновой кости, что и обусловило повышенный спрос на нее. Для вернувшегося охотника это явилось счастливым обстоятельством, позволившим ему сбыть товар за наличные деньги и по хорошей цене: слоновая кость дала ему сумму, почти вдвое превышавшую его расчеты.

Ван Блоом, конечно, не мог захватить с собою сразу все свое богатство, так как бивней было столько, что никакой фургон не забрал бы их в один прием. Половину пришлось оставить, упрятав поблизости от нваны, и предстояло еще съездить туда за второй партией.

Когда подошло для этого время, ван Блоом отправился в путь и, благополучно доставив в Грааф-Рейнет свой товар, сдал его оптовикам, закупившим у него вперед всю партию. Теперь у него было целое состояние, и притом наличными деньгами. Ван Блоом снова стал богатым человеком.

На этом мы закончим его историю, добавив только, что успешная охота дала ему возможность выкупить старое свое имение и поставить в нем образцовое хозяйство, заведя лучшие породы лошадей, коров и овец; что ферма его процветала и он пользовался в обществе большим почетом; что и правительство вернуло ему свое доверие и, восстановив его сперва на прежней должности фельдкорнета, выдвинуло его вскоре на пост ланддроста, то есть главного должностного лица по округу.

Ганс вернулся к прерванным занятиям в колледже, а запальчивый Гендрик получил доступ к профессии, к



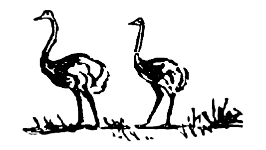
На главной площади Грааф-Рейнета показался крытый фургон.

которой питал наибольшую склонность, и был записан корнетом в полк капских конных стрелков.

Маленького Яна отправили в школу учиться грамматике и географии, между тем как прелестная Трейн осталась при отце — украшать своим присутствием его почтенный дом и присматривать за хозяйством.

Тотти по-прежнему царствовала на кухне, а Черныш занял, конечно, в доме важное положение и еще долгие годы пощелкивал своим длинным кнутом, погоняя длиннорогих волов богатого ланддроста.

Но, пожалуй, довольно на этот год — довольно с нас пока и этих приключений. Будем надеяться, юные мои читатели, что, прежде чем мы с вами еще раз обернемся вокруг солнца, мы совершим новую поездку в страну буров и встретимся опять с достойным ван Блоомом, с его бушменом и с его «лесными ребятами».



ЮНЫЕ ОХОТНИКИ

или

повесть О ПРИКЛЮЧЕНИЯХ В ЮЖНОЙ АФРИКЕ

Перевод с английского

И. Грушецкой и *Л. Слонимской*

Редактор *Ю. Кагарлицкий*

Карта путешествия юных охотников
Последний лагерь перед возвращением в Грааф-Рейнет
Нападение белых носорогов
Львиная долина
Привал
Приключение Гендрика с носорог
Конго и львы
Ваал
Ваал
Оранжевая
Оранжевая
N
W
S
Масштаб
0 10м 20м 30миль

Глава I

ЛАГЕРЬ ЮНЫХ ОХОТНИКОВ

Близ слияния двух великих рек Южной Африки — Оранжевой и Вааль — виднеется лагерь юных охотников. Он стоит на южном берегу реки Оранжевой, в роще вавилонских ив, ветви которых, покрытые серебристыми листьями, ласково склоняются над водой и окаймляют оба берега величественной реки на всем ее доступном глазу протяжении.

Редкой красоты дерево эта вавилонская ива. Даже пальмы — принцы лесов — едва ли превосходят ее изяществом очертаний. В наших краях ее вид навевает печальные мысли: мы привыкли видеть в ней эмблему горя. У нас она называется плакучей ивой, и ее нежная

листва серебряным саваном украшает наши могилы. Совсем иные чувства вызывает это прекрасное дерево на безводных плоскогорьях Южной Африки. В этой стране ручьи и реки — большая редкость, и плакучая ива, верный знак присутствия воды, здесь символ радости, а не эмблема печали.

И действительно, в лагере, расположившемся под ее тенью на отмели величавой Оранжевой реки, царит веселье: непрерывные взрывы звонкого и громкого смеха оглашают воздух и вызывают эхо на противоположном берегу.

Кто же смеется там так громко и весело? Юные охотники.

А кто они такие, эти юные охотники?

Давайте пойдем к лагерю и поглядим на них поближе. Сейчас ночь, но яркие вспышки костра позволят нам рассмотреть всех, кто сидит вокруг него. При его свете мы и набросаем их портреты.

Они тут в «полном составе» — все шестеро, и ни одному из них нет еще и двадцати лет. Все это мальчики в возрасте между десятью и двадцатью годами, хотя двое или трое из них, а может быть, и еще некоторые, воображают себя взрослыми мужчинами.

В троих из этой компании вы с первого взгляда узнаете старых знакомых. Это не кто иные, как Ганс, Гендрик и Ян, наши бывшие «лесные ребята».

С той поры, как мы видели их в последний раз, прошло несколько лет, и они порядком выросли, но ни один еще не достиг полной возмужалости. Хоть они уже больше и не «лесные ребята», но все же мальчики. Яна, которого обычно называли «маленьким Яном», называют по-прежнему — и не без причины. Если б он вытянулся во весь рост и стал бы на самые кончики пальцев, то и тогда его затылок едва-едва пришелся бы вровень с верхушкой четырехфутового шеста.

Ганс сделался выше, но, пожалуй, стал тоньше и бледнее. Два года он провел в колледже, где усердно корпел над книгами, и сильно отличился, получив по всем предметам первую награду. С Гендриком произошла заметная перемена. Он перерос своего старшего

брата и ввысь и вширь и выглядит почти совсем взрослым. Ему около восемнадцати лет, он прям, как тростник, вид у него решительный и походка, как у военного. Оно и неудивительно: ведь Гендрик за это время больше года прослужил корнетом в полку капских конных стрелков и теперь еще состоит в этом звании, в чем нетрудно убедиться, взглянув на его шапку с золотым шитьем на околыше. Вот все, что можно сказать про наших старых знакомых, «лесных ребят».

Но кто же остальные трое, сидящие вместе с ними у костра? Кто их товарищи? А они, несомненно, не только их товарищи, но и друзья. Кто они? Скажем в двух словах: это ван Вейки, трое сыновей Дидрика ван Вейка.

А кто такой Дидрик ван Вейк? Это тоже нужно объяснить. Дидрик — очень богатый бур-скотовод; каждый вечер в его обширные краали работники загоняют более трех тысяч лошадей и крупного рогатого скота, а овцам и козам его и числа нет. Дидрик ван Вейк справедливо считается самым богатым буром-скотоводом во всем Грааф-Рейнете.

Большое поместье, или ферма, Дидрика ван Вейка граничит с фермой нашего старого знакомого, Гендрика ван Блоома: и вышло так, что Гендрик и Дидрик стали закадычными друзьями и неразлучными приятелями. Встречаются они раза по два на дню. Каждый вечер Гендрик отправляется верхом в крааль Дидрика или Дидрик — в крааль Гендрика ради удовольствия выкурить вместе по громадной пенковой трубке или же выпить по стаканчику брандвейна, настоенного на косточках из собственных персиков. Они и правда настоящие старые товарищи, ибо оба в молодости понюхали пороху и, как все старые солдаты, любят вспоминать разные случаи из своей военной жизни и заново переживать сражения, в которых когда-то участвовали.

Неудивительно поэтому, что их дети тоже близко сошлись друг с другом. Впрочем, между двумя семействами есть еще и узы родства: их матери были двоюродные сестры, так что их дети — так называемые троюродные, а это весьма многообещающий вид свойства, и никому не покажется странным, если в один прекрас-

ный день связь между семействами ван Блоома и его друга ван Вейка станет еще более тесной и нежной. Дело в том, что у ван Блоома (как известно всему свету) есть дочка — прекрасная светловолосая, румяная Трейи; а ван Вейк — отец прехорошенькой брюнетки Вильгельмины — тоже единственной дочери. По игре случая, в каждом семействе оказалось по трое сыновей; но хотя мальчики и девочки слишком молоды, чтобы думать о браке, однако ходят слухи, будто семейства ван Бломов и ван Вейков в очень недалеком будущем породнятся между собой путем двойного брака и что оба приятеля, Гендрик и Дидрик, будто бы против этого отнюдь не возражают.

Я сказал, что в каждом семействе по три мальчика. Вы уже знаете ван Блоомов — Ганса, Гендрика и Яна. Теперь позвольте познакомить вас с ван Вейками. Их зовут Виллем, Аренд и Клаас.

Виллем — старший, и, хотя ему еще нет и восемнадцати лет, по виду он уже вполне сложившийся мужчина. И в самом деле, Виллем юноша весьма крупный, настолько крупный, что ему даже дали прозвище «Толстый Виллем». Его сила соответствует этим размерам — из всех молодых охотников он самый сильный. О своей внешности он не слишком-то заботится. Его одежда, состоящая из просторной домотканой куртки, клетчатой рубахи и необычайно широких кожаных штанов, свободно висит на нем и делает его еще толще, чем он есть. Даже широкополая войлочная шляпа и та сидит на голове, как гриб, а его болотные сапоги несоразмерно велики для ног.

Держится Виллем так же непринужденно, как свободна его одежда, и, хотя он силен, как лев, и знает это, он не обидит и мухи, а его мягкий и отзывчивый нрав сделал его любимцем всех окружающих. Толстый Виллем — славный охотник; его ружье, настоящий, самого крупного калибра голландский громобой, всегда при нем; кроме того, он носит с собой громаднейший пороховой рог и сумку, битком набитую свинцовыми пулями. Юноша обыкновенной силы зашатался бы под таким грузом, а Виллему хоть бы что.

Как вы, вероятно, помните, Гендрик ван Блоом тоже славный охотник, и — шепну вам на ушко — между этими двумя Нимвродами[1] установилось нечто вроде соревнования; не скажу — соперничества, потому что для этого они слишком добрые друзья. Любимое оружие Гендрика — винтовка, тогда как громобой Толстого Виллема — гладкоствольное ружье; и оба приятеля, сидя у костра, часто вступают в горячие споры по поводу достоинств этих двух видов оружия. Однако споры их никогда не переходят границ приличия, потому что, как ни распущен и неряшлив Толстый Виллем по своему внешнему виду, по характеру он настоящий джентльмен.

Такой же джентльмен, но куда более подтянутый и изящный, второй из ван Вейков — Аренд. Его замечательная наружность и мужественная красота под стать самому Гендрику ван Блоому, хотя ни в чертах, ни в цвете лица между ними нет сходства. Гендрик — светлый блондин, а Аренд — очень смуглый, черноглазый и черноволосый. Да и все ван Вейки смуглые, так как принадлежат к той части голландских поселенцев, которых называют иногда «черными голландцами». Но темный оттенок кожи очень идет к тонким чертам Аренда, и во всем Грааф-Рейнете не сыскать юноши красивее его.

Ходит слух, будто именно таково мнение красавицы Гертруды ван Блоом; но, вероятно, это только пустые сплетни, потому что прекрасной Трейи всего только тринадцать лет и, следовательно, ей еще рано иметь свое суждение по этому предмету. Впрочем, в Африке девушки развиваются рано, и кто его знает — может быть, тут что-нибудь да есть.

Одежда Аренда отличается хорошим вкусом и ладно сидит на нем. Это куртка из выделанных шкур антилоп-скакунов. Она не только изящно скроена и сшита, но и нарядно отделана узорами из кусочков красивого леопардового меха, широкие полосы которого тянутся вдоль наружного шва штанов, от поясницы до самой

---

[1] Нимврод — легендарный библейский царь и охотник.

щиколотки, что придает всему его наряду богатый и эффектный вид. Головной убор Аренда такой же, как и у Гендрика ван Блоома: военная шапка, на околыше которой вышит золотом сигнальный горн и какие-то буквы; объясняется это тем, что Аренд, так же как и его троюродный брат, служит корнетом в полку капских конных стрелков и, несмотря на свою молодость, солдат он, конечно, лихой.

Нарисуем теперь двумя штрихами портрет Клааса. Клаас того же возраста, что и Ян, и одного с ним роста, но в их фигурах есть существенная разница. Ян, как вы знаете, худой и жилистый мальчуган, тогда как Клаас, напротив, широкоплечий, толстый и коренастый. Он так толст, что два с половиной Яна вряд ли составят одного Клааса.

На обоих надеты суконные куртки и штаны и небольшие широкополые шляпы; оба ходят в одну школу; во всем прочем они совсем не похожи друг на друга, но зато по части птицеловства и тому подобных подвигов оба они большие мастера. У каждого из них только по маленькому охотничьему ружьецу, и поэтому они не надеются убить антилопу или какое-либо другое большое животное; но, как ни малы их ружья, а мне жалко куропаток, цесарок и даже быстроногих дроф, если они, зазевавшись, подпустят к себе этих мальчиков на расстояние выстрела.

Я уже вскользь упомянул, что между охотниками Толстым Виллемом и Гендриком замечается своего рода охотничья ревность.

Такая же ревность, чуть приправленная завистью, издавна существует между обоими птицеловами и временами приводит их к взаимному охлаждению, которое длится, однако, совсем недолго.

Ганс и Аренд не завидуют друг другу и вообще никому на свете.

Ганс для этого чересчур философ; к тому же в знакомстве с естественной историей ему нет равных. Никто из его товарищей и не помышляет о такой учености; ему всегда принадлежит последнее слово во всяком научном споре, возникающем между друзьями.

Что касается Аренда, то он как будто даже не замечает своих достоинств. Красивый, храбрый, великодушный, он вместе с тем простой и скромный малый — юноша, которого нельзя не полюбить.

Вот теперь вы знаете, кто такие молодые охотники.

Глава II

БУШМЕН ЧЕРНЫШ И КАФР КОНГО

Я уже говорил, что молодые охотники раскинули свой лагерь на южном берегу великой Оранжевой реки. Что же они там делают? Много долгих дней пути отделяет их от границ Капской колонии и еще более — от родного дома в Грааф-Рейнете. Поблизости нет никакого жилья. Ни один белый никогда не заходил так далеко, если не считать купцов; эти люди ради выгод меновой торговли проникают со своими караванами чуть ли не в самые центральные области Африканского континента. Изредка какой-нибудь бур-скотовод, кочуя со своими стадами в поисках пастбищ, случается, забредет в эту отдаленную страну; но тем не менее ее никак нельзя назвать населенной.

Что же делают в этой пустыне молодые ван Блоомы и ван Вейки? Наверно, они попросту отправились в охотничью экспедицию.

Эта экспедиция была давно задумана и долго обсуждалась. Со времени знаменитой охоты на слонов «лесные ребята» ни разу не гонялись за зверем. Гендрик был в полку, а Ганс и Ян занимались своими уроками. Аренд ван Вейк был вместе с Гендриком, а Клаас учился, как и Ян. Один только Толстый Виллем время от времени охотился на антилоп-скакунов и других животных, встречающихся в окрестностях ферм.

Теперь же они отправились в большую экспедицию, далеко за пределы населенной части колонии. Родители не противились их желанию. Мальчики получили полное их согласие, а также все необходимое снаряжение. У каждого была хорошая лошадь, и каждые три брата

имели свой большой фургон для лагерных принадлежностей; эти же фургоны служили им палатками для ночлега. При каждом фургоне был свой возница и полная упряжка из десяти длиннорогих буйволов; сейчас буйволы и небольшая свора сурового вида гончих находились тут же, в лагере; буйволы стояли привязанные к перекладинам фургонов, а собаки разлеглись вокруг костра. Лошади тоже были привязаны: одни — к колесам, другие — к растущим поблизости деревьям.

Кроме ван Вейков и ван Блоомов, в лагере находились еще два человека, вполне заслуживающих того, чтобы сказать о них несколько слов; они — важные участники экспедиции, без них фургоны превратились бы только в обузу. Это возницы фургонов, и оба они очень гордятся своей должностью.

В одном из возниц вы узнаете своего старого знакомого. Большая голова и выдающиеся скулы, между которыми помещаются плоские, широкие ноздри, маленькие раскосые глазки, короткие курчавые волосы, редкими пучками торчащие на громадном черепе, желтая кожа, приземистая, плотная фигура едва четырех футов ростом, скромно одетая в красную фланелевую рубаху и темные кожаные штаны, — все эти отличительные черты безошибочно напомнят вам старого приятеля: бушмена Черныша.

Это и правда Черныш; и, хотя не один год пролетел над обнаженной головой бушмена, с тех пор как мы видели его последний раз, никаких заметных перемен в Черныше обнаружить нельзя. Редкие кустики коричнево-черных, похожих на шерсть волос по-прежнему украшают темя и затылок Черныша, и они ничуть не стали реже; та же добродушная усмешка расплывается на его желтом лице; он все тот же верный слуга, тот же искусный возница, тот же мастер на все руки, каким был всегда. И, разумеется, Черныш правит фургоном ван Блоомов.

Возница фургона ван Вейков так же мало похож на Черныша, как, скажем, василек на медведя.

Во-первых, он на целую треть выше бушмена — ростом он более шести футов. На ногах у него не кожаные

чулки — чулок он никогда не носит, — а сандалии: эта обувь ему более привычна.

Цвет лица у него темнее, чем у готтентотов, но не черный, а скорее бронзовый; и волосы на его голове хотя тоже немного смахивают на шерсть, но длиннее, чем у Черныша, и не так курчавы, чтобы можно было подумать, будто они собираются пустить корешки с обоих концов. Нос у Черныша приплюснутый, а у Конго — почти орлиный. Темные пронзительные глаза, ряд белых ровных зубов, губы умеренной толщины и прямой стан придают ему величественный вид в противоположность комической наружности бушмена, короткое и нескладное туловище которого и ухмыляющаяся физиономия вызывают невольный смех.

Одежда этого рослого дикаря не лишена изящества. Она представляет собой нечто вроде короткой туники, стянутой у пояса и спускающейся до середины бедер. Туника эта совсем особенная. Это как бы широкая драпировка или бахрома из длинных белых полос, но не сотканных вместе и не переплетенных между собой, а висящих свободно и густо. Это настоящая одежда дикаря, и состоит она всего-навсего из множества хвостов — белых хвостов антилопы гну, сшитых вместе у пояса и вольно спадающих во всю длину вдоль бедер. Что-то вроде накидки из таких же хвостов на плечах, медные кольца на щиколотках и тугие браслеты на запястьях, пучок страусовых перьев, развевающийся на голове, и нитка бус вокруг шеи дополняют наряд кафра Конго — ибо именно к этому племени романтических дикарей и принадлежит возница ван Вейков.

«Что? — воскликнете вы. — Кафр — возница?» Вам даже трудно вообразить, что кафр — этот воин, как вы его себе представляете, — может исполнять такую лакейскую должность. Однако это так. Множество кафров нанимаются возницами в Капской колонии — можно сказать, тысячи; они там не отказываются от еще более унизительных обязанностей, чем править несколькими парами буйволов, что, кстати, в Южной Африке вовсе не считается чем-то недостойным; напротив, там сплошь и рядом сыновья самых богатых буров, сидя на козлах

фургона, размахивают длинным бамбуковым бичом с ловкостью заправских погонщиков. Так что ничего нет удивительного в том, что кафр Конго служит возницей у ван Вейков. Он покинул родину, убежав от деспотического владычества кровожадного чудовища Чаки. Задев чем-то самолюбие этого тирана, Конго должен был спасать жизнь бегством; он направился к югу и нашел убежище и защиту у колонистов. Здесь он сумел стать полезным членом цивилизованного общества, хотя врожденное уважение к старым обычаям заставляло его по-прежнему носить одежду его страны — страны кафров-зулусов.

В этом не было ничего предосудительного, и никому не пришло бы в голову упрекнуть его за это. И теперь, когда Конго стоял, набросив на плечи, как римскую тогу, свой широкий каросс из леопардовых шкур, в серебристой тунике, грациозно спускавшейся до колен, украшенный металлическими кольцами, которые так и сверкали при свете костра, он представлял собой благородную фигуру, дикую, но живописную.

Кто мог бы укорить Конго за то, что ему хотелось показать свою стройную фигуру во всей красе национального наряда? Никто. Никто не завидовал красивому дикарю.

Впрочем, нет. Был один человек, не слишком-то расположенный к кафру. Был здесь кто-то, не любивший Конго, — соперник, который не мог равнодушно слышать расточаемые кафру похвалы. И этот соперник был Черныш. Мы уже упоминали о соперничестве между охотниками Гендриком и Виллемом и между Клаасом и Яном. И то и другое не могло идти в сравнение с той постоянной борьбой за первенство, которая завязалась между двумя погонщиками — бушменом Чернышем и кафром Конго.

Черныш и Конго были единственными слугами, взятыми в экспедицию. Поваров и другой прислуги у молодых охотников не было. Состоятельный чиновник ван Блоом (ибо не надо забывать, что теперь он был главным должностным лицом своего округа) и богатый бур ван Вейк, конечно, легко могли предоставить целый

штат служащих для каждой троицы охотников. Но, кроме двух возниц, у юношей никакой прислуги не было. И не по причине экономии. Вовсе нет. Просто оба старых солдата, Гендрик ван Блоом и Дидрик ван Вейк, были не из тех, кто склонен баловать своих сыновей излишней роскошью.

«Собрались на охоту, так пусть привыкают к лишениям», — сказали они и отправили в путь своих мальчиков, снабдив их только двумя фургонами, где хранилось все снаряжение и куда можно было складывать добычу.

Да молодые охотники и не нуждались в услугах: каждый умел сделать для себя все необходимое. Даже младшие знали, как снять шкуру и как зажарить на огне грудинку антилопы; другой же стряпни во время экспедиции и не требуется. Здоровому желудку охотника не нужны никакие соусы — их заменяет аппетит; а аппетит лучше всякого соуса, даже приготовленного каким-нибудь искусным поваром со всеми ухищрениями кулинарного искусства.

Молодые люди странствовали уже несколько недель, пока достигли этой стоянки, и хотя они много охотились, но крупной добычи, вроде жирафов, буйволов и слонов, им не попадалось, да и ни одного сколько-нибудь замечательного приключения у них не было. Дня два назад между ними возник большой спор о том, пересекать ли им Оранжевую реку и идти дальше на север в поисках камелопарда (то есть жирафа) и слонов или же по-прежнему следовать вдоль южного берега реки, охотясь за скакунами, каамами и другими видами антилоп.

В конце концов порешили продолжать двигаться на север, пока позволяет время, ограниченное школьными каникулами и отпусками с военной службы.

Курс на север особенно привлекал Виллема, и Ганс его в этом поддерживал. Виллему очень хотелось добраться наконец до слонов, буйволов и жирафов. В этом роде охоты он был еще новичок: до сих пор ему ни разу не приходилось как следует поохотиться за такими гигантами. В то же время Ганс давно мечтал об экспеди-

ции, в которой мог бы познакомиться с новыми, достойными изучения формами растительной жизни.

Как это ни удивительно, но Аренд подал голос за возвращение домой; и еще удивительнее, что охотник Гендрик присоединился к его мнению.

Но так как даже самые неразрешимые вещи поддаются разгадке, если рассматривать их тщательно и терпеливо, то не так уж трудно разгадать причину странного поведения обоих корнетов.

Ганс коварно намекнул, что, по всей вероятности, некая брюнетка, по имени Вильгельмина, играет какую-то роль в решении Гендрика; а неотесанный Виллем, всегда говоривший в открытую, так прямо и заявил, что Аренда тянет домой из-за Трейи. В результате всех этих колкостей и намеков ни Гендрик, ни Аренд уже не противились путешествию на север, к слонам, и, покраснев до ушей, с радостью дали свое согласие, лишь бы только скорее прекратился этот неприятный разговор.

Клич «На север!» стал девизом юношей. На север, в страну длинношеих жирафов и могучих слонов!

Молодые охотники остановились на южном берегу Оранжевой реки, против всем знакомого брода, или переправы. Но река внезапно разлилась, и вот они расположились лагерем в ожидании, пока вода спадет и брод станет проходимым.

Глава III

КАК КОНГО ПЕРЕШЕЛ БРОД

На следующее утро молодые охотники встали чуть свет, и первое, на что обратились их взоры, была река. К их радости, вода спала на несколько футов, в чем они легко убедились по следам, оставленным ею на деревьях.

Реки Южной Африки, как и большинства тропических и субтропических стран — особенно там, где местность гористая, — поднимаются и спадают гораздо стремительнее, чем в странах умеренного климата. Этот

внезапный подъем объясняется громадным количеством воды, обрушивающимся за короткий срок во время тропических бурь, когда дождь идет не редкими мелкими каплями, а, тяжелый и сплошной, льет часами подряд, пока вся почва не пропитывается насквозь и всякая речонка не превращается в бурный поток.

О таких дождях дает представление наш летний грозовой ливень; его крупные частые капли в несколько минут превращают канаву в речушку, а колею от повозки — в быстрый ручей. К счастью, эти «спорые» ливни (случается, что во время такого ливня даже светит солнце) никогда не бывают продолжительны. Они у нас длятся не более получаса. Но вообразите, что такой дождь затянулся бы вдруг на целый день или на неделю! Если бы так случилось, мы стали бы свидетелями наводнения, столь же непредвиденного и страшного, какими бывают наводнения тропические.

Неожиданное понижение уровня в реках Южной Африки тоже легко объяснимо — их питают не ручьи и озера, как у нас, а главным образом облака. В тропиках реки редко берут начало от постоянных источников; когда нет дождя, им нечем питаться, и их уровень низко падает. Этому способствуют палящие лучи солнца, под которыми быстро испаряется вода, а также сухая почва, жадно поглощающая влагу.

Молодые охотники увидели, что Гарипа (таково туземное название Оранжевой реки) за ночь спала на несколько футов. Но как знать, можно ли через нее переправиться? Брод, которым пользовались готтентоты, бечуаны, торговцы и изредка буры-скотоводы, находился именно здесь, однако какова его глубина была теперь, никто из наших путешественников не имел понятия. Никаких знаков, по которым ее можно было бы определить, нигде не было видно. Дно тоже нельзя было разглядеть, так как вода вследствие разлива стала желто-коричневого цвета. Может быть, тут было всего три фута глубины, может быть, шесть, а течение так быстро, что пускаться вброд, не удостоверившись предварительно в безопасности перехода, было более чем неблагоразумно.

Между тем всем хотелось скорей перейти реку. Но как сделать это без риска?

Гендрик советовал переправиться верхом. Если реку нельзя перейти, ее можно переплыть. Он вызвался переплыть первым. Толстый Виллем, не желавший уступить Гендрику в отваге, вызвался тоже. Но Ганс, самый старший и самый осмотрительный из всех, с советами которого всегда все считались, решительно этому воспротивился. Такой эксперимент может оказаться гибельным, сказал он. Если глубина тут большая, лошадям придется плыть, а стремительное течение может отнести их ниже брода, где берег высокий и крутой. Выбраться из реки там невозможно, и лошадь со всадником утонут.

Кроме того, доказывал Ганс, если всадник даже и выплывет на другой берег, то буйволы с фургонами все равно не переплывут, а отправляться без них нет никакого смысла. Поэтому лучше немного подождать, пока река не войдет в свои берега. Убедиться в этом можно по прекращению убыли воды, и выяснится это не далее, как завтра, так что потеряют они всего только один день.

Ганс рассуждал здраво, и совет его был умный. Гендрик и Толстый Виллем должны были признать его правоту и согласились с его доводами. Но Виллему так хотелось поскорей добраться до слонов, бизонов и жирафов, что он готов был решиться на переправу не глядя ни на что. Гендрик склонялся к тому же просто из любви к приключениям — главным недостатком Гендрика была его чрезмерная храбрость.

Несомненно, оба рискнули бы переправиться вплавь, если б не упряжки, перетащить которые было немыслимо. Поэтому юноши волей-неволей согласились подождать еще один день.

Однако им не пришлось ждать не только дня, но даже и часа. Через час фургоны, буйволы и они сами уже прошли брод и двигались по равнине, расстилавшейся на том берегу.

Что же заставило их так неожиданно изменить свое решение? Каким образом убедились они, что брод

проходим? Этим они были целиком обязаны кафру Конго.

Пока молодые люди спорили, Конго стоял на берегу и один за другим бросал в воду большие камни. Все подумали, что он просто забавляется или же совершает какой-нибудь дикарский обряд, и не придали этому ни малейшего значения. Один только Черныш внимательно следил за действиями кафра, и выражение его лица изобличало самый живой интерес.

Наконец несколько грубых восклицаний и громкий, презрительный смех бушмена обратили на Конго внимание молодых охотников.

— Эй ты, долговязый дурак! Глубину меришь? Вот выдумал, глупая твоя башка! Ха-ха-ха! Ну и болван! Ха-ха-ха!

Кафр даже бровью не повел, услышав эти оскорбительные речи. Он спокойно продолжал бросать камни, но бросал их не как попало, а с каким-то определенным расчетом. Молодые люди, заметив это, тоже стали за ним наблюдать.

Как только камень падал в воду, Конго каждый раз быстро нагибался, приникал ухом чуть ли не к самой воде и, застыв в этой позе, казалось, вслушивался в звук падения. Когда звук замирал, он бросал новый камень, но уже на более дальнее расстояние, потом опять нагибался и слушал.

— Что это затеял ваш кафр? — спросил Гендрик у Виллема и Аренда, которые были хозяевами Конго и лучше других должны были разбираться в его поступках.

Те, однако, тоже были в недоумении. Наверно, это какое-нибудь заклинание — Конго знает их множество. Но ради чего все это делается, бог его ведает. Впрочем, предположение Черныша казалось им правдоподобным — кафр как будто и на самом деле вымерял глубину брода.

— Послушай, Конго! — крикнул Толстый Виллем.— Что это ты там делаешь, старина?

— Молодой хозяин! Конго смотрит, очень ли тут глубоко, — ответил кафр.

— А разве так можно узнать?

Кафр утвердительно кивнул головой.

— Тьфу! — воскликнул Черныш, которому стало завидно, что его соперник возбуждает к себе интерес. — Ничего этот старый дурак не добьется, всё одни глупости!

Конго оставил без внимания эти насмешки, хотя, конечно, они его задевали, и продолжал бросать камни стараясь, чтобы каждый следующий упал дальше предыдущего.

Наконец, когда последний камень упал на расстояние одного или двух ярдов от противоположного берега реки, ширина которой была здесь более ста ярдов, он отошел от берега и, обратившись к молодым охотникам, заявил твердо, хотя и почтительно:

— Минхеры, брод можно перейти сейчас.

Все недоверчиво посмотрели на него.

— Какая тут глубина, как ты думаешь? — спросил Ганс.

Вместо ответа кафр положил руки на бедра. Это обозначало: «Вот досюда».

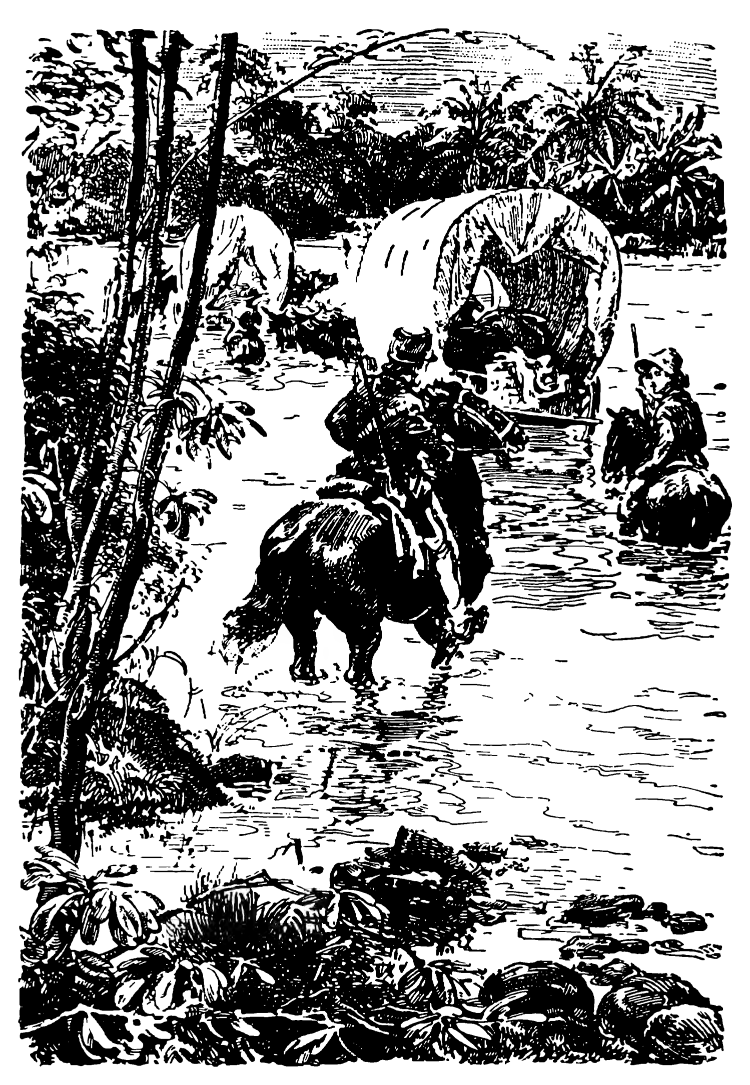
— Долговязый! Да тут в два раза глубже! — сердито крикнул Черныш. — Видно, ты хочешь нас утопить, старый дурак?

— Тебя утопить недолго, а больше я никого не утоплю! — ответил кафр и презрительно скривил губы, меряя взглядом низкорослого бушмена.

Молодые охотники громко расхохотались. Черныш почувствовал укол и несколько растерялся.

— Как же, болтай больше, старая рожа! — сказал он наконец. — Какой умник — целое представление устроил! Фургоны пропадут, несчастные буйволы утонут — тебе этого хочется? Вода ему по пояс, ишь что выдумал! Коли по пояс, так лезь в воду, сам лезь! Ха-ха!

Черныш вообразил, что этим вызовом он нанес кафру сокрушительный удар. Конечно, Конго не отважится пуститься вброд, хоть и уверяет, будто тут неглубоко. Однако надеждам Черныша не суждено было сбыться; его ожидало полное посрамление.



Переправа через Оранжевую проходила беспрепятственно.

Охотники с любопытством смотрели на Конго: как-то он поступит? Но Черныш не договорил еще своих насмешливых слов, как кафр, бросив быстрый взгляд на юношей, вдруг круто повернулся и в два прыжка сбежал к реке.

Все поняли, что он собирается переправиться на тот берег. Многие вскрикнули, требуя, чтобы он отказался от своей затеи.

Но в зулусе уже разгорелся дух отваги — он даже не слышал предостерегающих криков. И все же он не кинулся в реку очертя голову, а приступил к своему делу обдуманно и осторожно. Перед тем как войти в воду, он подобрал с земли громадный камень, весивший не менее пятидесяти килограммов. К общему изумлению, он поднял этот камень высоко над головой и, выпрямившись во весь рост, смело шагнул в воду.

Скоро всем стало ясно, для чего понадобился ему этот камень: своим добавочным весом он помогал ему бороться с быстрым течением. Остроумная выдумка Конго увенчалась полным успехом, и, несмотря на то что вода местами доходила ему до пояса, не прошло и пяти минут, как уже он, целый и невредимый, стоял на другом берегу.

Его приветствовали восторженные крики, к которым только Черныш не присоединил своего голоса. А когда кафр благополучно вернулся тем же путем, он был встречен новым взрывом восторга. Тотчас буйволы были запряжены, молодые люди вскочили на вмиг оседланных лошадей, и скоро фургоны, буйволы, собаки, лошади и охотники беспрепятственно перешли реку и продолжали свой путь на север.

Глава IV

ПАРА ЧЕРНОГРИВОК

Пока молодые охотники следовали вдоль южного берега Гарипы, их путешествие не отличалось обилием приключений; но как только они немного продвинулись

на север, произошло событие, достаточно интересное, чтобы быть отмеченным в этом рассказе. Случилось это во время первого же привала после переправы.

Местом для привала молодые люди выбрали отлогий спуск к ручью, протекавшему посередине обширной равнины; к их услугам тут были и трава и вода, но, к сожалению, довольно неважные.

На голой равнине кое-где виднелись заросли низкого кустарника, а между ними местами торчали конусообразные постройки термитов, возвышавшиеся на несколько футов над землей.

Охотники только что отпрягли и пустили пастись своих буйволов, как вдруг раздался испуганный голос Черныша:

— Львы! Львы!

Все посмотрели, куда указывал Черныш. На открытой равнине, невдалеке от того места, где паслись буйволы, действительно стоял лев, большой и черногривый. Позади него росли кусты, из-за которых он вышел, увидав буйволов. Пройдя несколько шагов, лев улегся на траву; теперь он следил за буйволами, как кошка за мышью или как паук за беспечной мухой.

Молодые люди не успели толком рассмотреть его, как из-за кустов показался другой и быстрым, бесшумным шагом направился к своему товарищу. Мне следовало бы сказать «направилась», потому что второй зверь был не лев, а львица, о чем свидетельствовало отсутствие гривы.

Ростом львица только немногим меньше льва, но ничуть не менее его свирепа и очень опасна для всякого, с кем бы ей ни довелось повстречаться.

Приблизившись к льву, она сначала легла возле него, но скоро оба поднялись и, как две громадные кошки, уселись, подобрав хвосты и обратившись лицом к лагерю и буйволам, с которых они не сводили голодного взгляда.

Охотники, погонщики и собаки — все были у них на виду, но что было львам до них, когда соблазнительная добыча находилась перед глазами! Они несомненно замышляли нападение, если не сейчас, то как только под-

вернется удобный случай, и уже предвкушали, как сытно они поужинают мясом буйвола или кониной.

Это были первые львы, встреченные охотниками за все их путешествие. Следы львов они видели, и раза два страшное рыкание раздавалось ночью около лагеря, но собственной персоной царь зверей, да еще со своей царицей, появился перед ними впервые. Естественно, что их присутствие вызвало среди молодежи немалое волнение. Не будем скрывать, что это волнение сильно походило на панику.

Прежде всего охотники трепетали за собственную жизнь, причем бушмен и кафр тоже разделяли их страх. Но скоро они немного успокоились: львы очень редко нападают на людей. Им нужны только находящиеся в лагере животные, и, пока эти животные тут, львы не бросятся на их хозяев. Непосредственной опасности как будто не было, и к нашим охотникам вернулось самообладание.

Однако нельзя же допустить, чтобы эти кровожадные звери растерзали буйволов! Никак нельзя! Необходимо что-то сделать для их безопасности. Нужно немедленно построить крааль и загнать в него скотину.

Львы сидели не шевелясь, но в угрожающих позах. Они находились на порядочном расстоянии — не меньше чем в пятистах ярдах, — и было сомнительно, чтобы они напали на буйволов, которые паслись около самого лагеря. Возможно, вид огромных фургонов пугал их и пока что удерживал от нападения. Львы или надеялись, что буйволы, щипля траву, подойдут к ним ближе, или выжидали времени, когда тьма поможет им подкрасться незаметно.

Как только выяснилось, что львы не собираются немедленно броситься на них, Виллем и Гендрик вскочили на лошадей, осторожно проехали позади буйволов и перегнали их на другую сторону ручья. Здесь Клаас и Ян сбили их в стадо, а тем временем остальные, включая Черныша и Конго, вооружились топорами и секачами и направились к ближайшей заросли колючего кустарника «не тронь меня». Не прошло и получаса, как было нарублено достаточное количество кустов, кото-

рые вместе с фургонами образовали надежный крааль. Сюда были загнаны лошади и буйволы — первых накрепко привязали к спицам колес, а последним предоставили свободно бродить внутри загородки.

Теперь охотники почувствовали себя в безопасности. У обоих концов крааля они разожгли большие костры, хотя и знали, что огонь не вечно будет держать львов в отдалении.

Но юноши полагались на свои ружья; а так как спать они решили под брезентовой крышей фургонов, наглухо застегнув фартуки переднего и заднего входов, то опасаться им было нечего. Лев должен быть уж очень голоден, чтобы рискнуть пробиться в такой крепкий крааль, а ворваться в фургон, как бы ему ни хотелось есть, он никогда не отважится.

Удостоверившись, что все меры безопасности приняты, охотники расположились у одного из костров и приступили к приготовлению обеда, вернее — обеда-ужина, потому что длинный переход этого дня помешал им пообедать раньше, и теперь обе трапезы соединились в одну.

Оказалось, что, кроме вяленой говядины, готовить им почти нечего. За время долгой стоянки у переправы истощился запас свежего мяса антилопы, которую они убили за несколько дней перед тем. Правда, у них оставалась еще одна свежая туша, но это была туша самца болотной, или тростниковой, антилопы, названной так из-за ее привычки держаться в высоких зарослях тростника по берегам рек. Эту антилопу застрелил Гендрик после того, как, перейдя брод, они пробирались сквозь пояс таких зарослей. Тростниковая антилопа — или болотный козел, как еще ее называют натуралисты, — совсем маленькая. Ростом она меньше трех футов и с виду очень похожа на антилопу-скакуна, только шкурка ее грубее — пепельно-серая на спине, серебристо-белая на брюхе. И рога у нее не лировидные, как у газели, а широко расставленные и растут сначала прямо вверх, а потом угрожающе загибаются кончиками вперед. В длину они около двенадцати дюймов, витые у основания, с выпуклыми валиками посередине, глад-

кие к концам. Этот вид антилоп, как указывает название, селится в заросших тростником низинах у берегов ручьев и рек, и пищу их составляют травы, растущие в сырых и болотистых местах. Поэтому мясо их хуже, чем у большинства южноафриканских антилоп. Молодым охотникам оно не нравилось; они предпочитали ему даже бильтонг. Все же они его не выбросили и предоставили лакомиться им менее взыскательным Чернышу и Конго.

Конечно, Гендрик и Виллем охотно отправились бы на поиски антилоп или какой-либо другой дичи, но присутствие львов мешало этому. Молодым людям пришлось удовольствоваться куском бильтонга, и вот каждый, вооружившись коротким прутом вместо вертела, принялся жарить свою долю на углях.

Все это время лев и львица не покидали выбранной ими позиции посреди равнины; они, казалось, ни разу не шевельнулись. Они терпеливо ждали приближения ночи.

Толстый Виллем и Гендрик находили, что на львов надо напасть самим, но осторожный Ганс отсоветовал, напомнив им наказ, данный при отъезде их отцами. Наказ этот гласил: никогда не нападать на льва без крайней необходимости, а, наоборот, если только обстоятельства позволяют, непременно обходить «старого вояку» как можно дальше. Всем хорошо известно, что лев редко кидается на человека, если тот не нападает на него первый. Совет, данный Гансом молодым охотникам, был основательный и резонный, и им снова пришлось уступить.

До захода солнца оставалось часа два. Львы неподвижно сидели на траве, и охотники пристально за ними следили.

Вдруг их внимание привлек новый предмет. Далеко на равнине показалась пара удивительных животных, одинаковых по виду, только чуть отличавшихся размером и окраской. Они медленно приближались к лагерю. Оба были ростом с обыкновенного осла, а бурым или серовато-желтым оттенком шерсти сильно напоминали одного из его диких родичей. Очертания их тел были

красивее, чем у осла, хотя они вовсе не казались грациозными или стройными. Напротив, фигуры их были плотны, округлы и внушительны. Головы же и морды были разрисованы самым странным образом. По белому фону шли четыре темные полосы, расположенные так, что получалось впечатление, будто на них надето сделанное из черной кожи наголовье уздечки. Первая из этих полос спускалась вдоль лба, другая — от глаз к углам рта, третья охватывала нос, а четвертая, как настоящий подбородник, сбегала от основания ушей под горло, чем окончательно довершалось сходство с недоуздком.

Еще обращали на себя внимание откинутая назад грива, темная спина и длинный черный пушистый хвост. Главным признаком, по которому их сразу можно было отличить от всех других животных, были великолепные рога. Рога эти, фута в три длиной, прямые и тонкие, были загнуты назад и лежали почти параллельно спине. Их кончики были остры, как стальные стрелы. У обоих рога были глубокого черного цвета и блестели, как полированное черное дерево. По размеру они несколько разнились друг от друга, но что удивительно — у меньшего животного рога казались длиннее, чем у более крупного. Рога у самки были длиннее, но слабее развиты, чем у самца. Молодые охотники без труда определили породу этих животных. С первого взгляда они узнали прекрасного орикса, или сернобыка, — одного из прелестнейших животных Африки и красивейших существ на свете.

Глава V

ЛЕВ ПОДСТЕРЕГАЕТ СЕРНОБЫКА

Когда молодые охотники увидели оленей — так капские колонисты называют орикса, — первой мыслью их было убить или захватить живьем хотя бы одного из них. Шедшие по равнине животные представляли собой прекрасное зрелище, но наши охотники предпочитали видеть их на вертеле — уж очень вкусно (а они хорошо

это знали!) мясо этого оленя, вкуснее, чем всякой другой антилопы, за исключением разве канны.

Итак, первой мыслью охотников было раздобыть себе на ужин оленье жаркое. Может быть, ужин их немного бы и запоздал, но зато оленина настолько вкуснее сухого бильтонга, что они согласны были подождать.

Ломти тонко нарезанного мяса, уже наполовину зажаренные, были мгновенно отброшены, в руках вместо прутьев-вертелов оказались ружья.

Но как действовать, чтобы добиться успеха?

Вряд ли удастся подкрасться к сернобыкам незаметно: они принадлежат к числу самых осторожных антилоп и редко подходят близко к какому бы то ни было укрытию — ведь за ним всегда может таиться враг. А если их вспугнуть, то они пускаются вскачь куда глаза глядят и спасаются в открытую пустыню, которая для них родной дом. Всего труднее подкрасться к ним, и охотники редко избирают этот способ. Перехватить на скаку их можно лишь на очень быстрой лошади, да и то после отчаянной гонки. И даже от самой быстрой лошади они нередко удирают, потому что в первом порыве, одну — две мили, они летят как ветер. Однако хорошая лошадь выносливее их, и умелый наездник может через некоторое время их догнать.

Схватив ружья, охотники тотчас подумали о лошадях. Что же делать — скорей седлать и мчаться за ориксами? Так бы они без долгих размышлений и поступили, если б не увидели, что сернобыки сами направляются им навстречу. Если сернобыки подойдут достаточно близко, не придется даже двигаться с места. Добыча сама окажется на расстоянии выстрела и избавит их от неудобств погони. Это было бы всего лучше, так как охотники изголодались, а лошади были утомлены после трудного дневного перехода.

Желанный исход казался очень вероятным — антилопы продолжали приближаться. Стоянка была хорошо скрыта за кустами. Только дым от костра выдавал ее присутствие, но антилопы могут его не заметить, а если и заметят, то, пожалуй, не испугаются. Кроме того,

ручей протекал совсем рядом, и Виллем с Гендриком были уверены, что сернобыки держат путь к воде. Однако ученый Ганс поколебал их в этом убеждении, сказав, что сернобыки мало нуждаются в воде, хотя и не упустят случая напиться. Возможно, что антилопы направляются и не к ручью. Охотникам не следует на это рассчитывать.

Но, так или иначе, сернобыки несомненно приближались к стоянке. Они шли прямо на нее и были уже меньше чем в тысяче ярдов. Они подойдут раньше, чем охотники успеют оседлать лошадей, если только, испугавшись дыма, ориксы не бросятся наутек. Поэтому молодые люди оставили всякую мысль о погоне и, добравшись ползком до опушки, засели в кустах, ожидая появления антилоп.

Те всё шли и шли вперед, не подозревая об опасности. Они, видимо, еще не заметили дыма, иначе непременно обнаружили бы признаки любопытства или испуга. К счастью, животные двигались по ветру, а не то острое обоняние давно предупредило бы их о близости охотничьей стоянки. Но этого не случилось, и они продолжали тем же медленным, ровным шагом приближаться к кустам, где шесть черных дул — целая батарея ружей — ждали их, чтоб дать по ним залп.

Однако ни одному из сернобыков не суждено было погибнуть от свинцовой пули. Смерть, внезапная и страшная, ждала их обоих, но не от руки человека. Она подстерегла их совсем в другом месте.

Глаза охотников, прикованные к приближавшимся антилопам, на время оторвались от львов; однако те, переменив позу, опять привлекли к себе внимание охотников. До сих пор львы сидели неподвижно, подобрав хвосты, но вдруг юноши увидели, что они разом распластались, как бы стараясь спрятаться в траве, и головы их повернулись в сторону сернобыков. Занятые созерцанием буйволов, львы заметили антилоп, лишь когда те подошли ближе, и теперь оба приготовились к нападению.

Но антилопы шли на лагерь, а не на львов, и если они почему-либо не свернут с дороги, то тем не придет-

ся ими поживиться. Сернобык легко спасается от льва, потому что лев тяжел и скоро устает на бегу; схватить добычу он может только в два — три неожиданных прыжка или же остается ни с чем. Поэтому, если львам не удастся улучшить свою позицию, добравшись до антилоп на расстояние прыжка, их шансы поужинать будут весьма слабы.

Львы это знали и теперь всеми способами старались поближе подобраться к антилопам. Охотники увидели, что лев тронулся с места и пополз наперерез антилопам, стараясь оказаться на их пути к лагерю. Благодаря ряду ухищрений — то низко приседая в траве, как кошка, которая охотится за куропаткой, то останавливаясь на мгновенье за кустами или позади термитника, чтобы кинуть быстрый взгляд на свою жертву, то проворно перебегая к следующему холму — он наконец достиг высокого термитника, стоявшего прямо на дороге, по которой шли сернобыки. Казалось, он был доволен своей позицией, потому что тут он остановился и тесно прижался к основанию холма. Из-за края высовывалась в сторону антилоп только небольшая часть его головы. Охотникам же из их засады в чаще отлично были видны вся фигура и каждое движение льва.

Но где же находилась львица? У кустов, где юноши ее впервые обнаружили, ее уже не было. Куда же она пошла? Вслед за львом? Нет. Она направилась почти в противоположную сторону. Наблюдая за действиями льва, охотники выпустили ее из виду. Теперь же, когда лев остановился, они стали искать глазами его товарку и обнаружили ее далеко на равнине. Львица продвигалась тем же способом, что и лев: то ползла по траве, то торопливо перебегала от куста к кусту, останавливаясь на момент за каждым из них, и было ясно, что цель ее — оказаться в тылу антилоп.

«Тактика» львов была теперь понятна. Лев должен был укрыться в засаде при дороге, а львица, сделав круг и очутившись позади антилоп, — гнать их навстречу льву; в случае же, если они испугаются и побегут обратно, за ними бросится лев и погонит обезумевших от страха животных назад, прямо в когти львице.

Маневр был точно рассчитан, и, хотя молодые люди рисковали лишиться добычи, их так заинтересовали действия хищников, что теперь они думали только о том, как бы досмотреть зрелище до конца.

Место для засады было выбрано очень удачно, и через несколько минут в успехе львиного предприятия не оставалось уже никаких сомнений.

Сернобыки медленно, но верно приближались к термитнику, время от времени помахивая черными пушистыми хвостами; последнее отнюдь не означало, что они чуют опасность — просто они сгоняли мух со своих боков.

Львица успешно закончила свой большой обход и теперь кралась вслед за сернобыками, хотя и далеко позади них.

Когда антилопы подошли еще ближе, лев вобрал голову в плечи и почти спрятал ее под своей черной косматой гривой. Вряд ли они могли его увидеть, но и он уже не видел их и теперь мог полагаться только на свой слух, который должен был оповестить его о моменте, удобном для нападения.

Но лев не спешил; он ждал, когда обе антилопы окажутся прямо против него, не далее чем в двадцати шагах от термитника. Момент этот наступил. И вдруг два сильных, коротких удара хвостом, голова внезапно дернулась вперед, все тело вытянулось так, что стало чуть ли не в два раза длиннее, и в следующую секунду лев, как птица, взвился на воздух! Гигантским прыжком покрыв пространство, отделявшее его от ближайшего сернобыка, лев вскочил на круп обезумевшего от страха животного. Один удар мощной лапы опрокинул антилопу на землю, другой последовал почти в ту же секунду, и вот ее безжизненное тело уже лежит распростертое на траве!

Не обращая внимания на вторую антилопу или, может быть, решив расправиться с нею после, лев сел на спину своей жертвы и, вонзив клыки в ее горло, принялся сосать теплую кровь.

Сернобык, которого повалил лев, был самец — случайно он оказался ближе к термитнику.

Самка, как только лев бросился на ее товарища, в страхе отскочила в сторону, и все думали, что она тотчас обратится в бегство. Но, ко всеобщему удивлению, этого не случилось. Не такова натура благородного сернобыка. Оправившись от первого испуга, самка повернулась лицом к врагу и, опустив голову до самой земли, выставив вперед свои длинные рога, собрала все силы и ринулась прямо на льва! Тот, упивавшийся своим кровавым напитком, не заметил ее. А когда он почувствовал, как два копья пронзили его, было уже поздно: после этого он вряд ли вообще что-нибудь чувствовал.

Еще несколько мгновений продолжалась беспорядочная борьба, в которой оба, и лев и сернобык, казалось, принимали участие; но движения обоих были так порывисты и картина менялась так быстро, что зрители не могли разобрать, что, собственно, происходит. Рыкания льва уже не было слышно, его заменил пронзительный голос львицы, которая, громадными скачками примчавшись на поле сражения, тотчас вмешалась в бой.

Одно прикосновение ее когтей повергло самку сернобыка на землю и положило конец битве; и вот львица уже стоит над жертвами, издавая победные крики.

Но победные ли они? Что-то в них слышится необычное, и сама львица ведет себя как-то странно. Происходит что-то непонятное... Почему молчит лев? Рев его прекратился, он лежит на боку, обхватив лапами труп самца, и как будто пьет его кровь. Однако он совершенно неподвижен, ни один мускул не шевелится, и даже дрожь не пробегает по его рыжим бокам; не заметно и дыхания — никаких признаков жизни.

Неужели он мертв?

Глава VI

РАЗГНЕВАННАЯ ЛЬВИЦА

Да, все тут было загадочно. Лев продолжал лежать. Он не шевельнулся ни разу и не издал ни единого звука, а между тем львица, испуская пронзительный вой,

металась взад и вперед вокруг беспорядочной груды тел. Она и не подумала приняться за еду, хотя окровавленная добыча лежала перед ней. Вряд ли она воздерживалась из страха перед своим повелителем. Или, может быть, он действительно желал один съесть обе туши?

Иногда так бывает. Иногда старый самец, как эгоистичный тиран, не подпускает к пище более молодых и слабых членов своей семьи, пока сам не наестся до отвала, оставляя им жалкие остатки своей трапезы.

Но вряд ли так было сейчас. На земле валялись две нетронутые жирные туши, которых вполне хватило бы на двоих. Кроме того, львица несомненно была товаркой льва — его супругой. Вряд ли он стал бы так с нею обращаться. Среди человеческих существ, как я, к сожалению, должен отметить, примеры такого эгоизма, такой грубой нелюбезности отнюдь не редки. Но молодые охотники никак не хотели поверить, чтобы лев мог быть виновен в подобной низости: ведь лев — воплощенное благородство. Не может этого быть! Однако что же тогда происходит?

Львица, рыча, сновала взад и вперед, то и дело наклоняясь над головой своего друга, прижимаясь носом к его носу и как бы целуя его. Напрасно! Он не отвечал ей ни звуком, ни движением. Наконец охотники, подождав еще некоторое время и видя льва по-прежнему недвижимым, окончательно убедились, что он мертв.

Он был мертв — мертв, как придорожный камень! Мертвы были и оба сернобыка. Одна львица осталась в живых после кровавой битвы.

Когда в этом больше не оставалось сомнений, молодые люди начали совещаться, как им поступить. Нужно было во что бы то ни стало забрать туши антилоп, но, пока львица не ушла, сделать это было невозможно.

Отгонять ее в эту минуту было бы в высшей степени опасно. Она была разъярена до безумия и бросилась бы на всякого, кто оказался бы в ее соседстве. Злобный вид, с каким она шагала, хлеща себя по бокам, ее свирепый и решительный взгляд, громкое, грозное рыкание — все говорило о ее бешеной ярости. В каждом ее

движении была угроза. Охотники видели это и благоразумно отошли поближе к фургонам на тот случай, если она вдруг двинется в их сторону.

Юноши решили подождать, пока львица не покинет мертвого льва, и тогда перетащить антилоп в лагерь.

Но они ждали и ждали, а в поведении рассвирепевшей львицы не замечалось никаких перемен. Она попрежнему ходила вокруг груды тел, не прикасаясь к тушам сернобыков. По выражению одного из охотников, львица вела себя, «как собака на сене»: сама не ела и другим не давала.

Это замечание, сделанное маленьким Яном, вызвало общий смех, прозвучавший странным контрастом рядом с горестным воем львицы, от которого трепетали все животные в лагере. Даже собаки забились глубоко под фургоны или жались к ногам своих хозяев. Правда, эти верные животные, если б их натравить, мужественно ринулись бы в бой с львицей, несмотря на ее внушительные размеры. Но молодые охотники хорошо знали, что собака в когтях разъяренного льва — все равно что мышь в когтях кошки. Поэтому они не собирались натравливать собак, не попытавшись сначала одолеть львицу сами; но от этого их удерживал Ганс и особенно наказ родителей, полученный перед отъездом из дому. Связываться с львицей, казалось, вообще не стоило: все надеялись, что она скоро уйдет прочь, бросив добычу или хотя бы часть ее на месте.

Однако время шло, а львица и не думала удаляться. Тогда, отчаявшись поужинать свежим мясом, юноши снова принялись жарить кусочки вяленой говядины.

Молодые охотники только что взялись за еду, как вдруг на поле недавней битвы явились новые пришельцы. На равнине показалось с полдюжины гиен; опасаясь львицы, они не подходили к тушам, но остановились невдалеке, и их голодные взгляды красноречиво говорили, что им здесь нужно.

Присутствие этих отвратительных животных сильно осложнило положение. Если львица даст им поживиться антилопами, то очень скоро от туш не останется и кусочка. Между тем охотники, хоть и потеряли на-

дежду поужинать олениной, все же рассчитывали, что рано или поздно она им достанется. Невозможно было допустить, чтоб гиены уничтожили такую добычу!

Но как удержать их на расстоянии?

Выйти, чтоб отогнать их, так же опасно, как если б они вздумали отгонять львицу.

Толстый Виллем и Гендрик снова вызвались на нее напасть. Ганс, как и прежде, решительно восстал против этого, но на этот раз ему пришлось употребить все свое влияние, чтобы заставить товарищей отказаться от их необдуманного намерения.

И тут неожиданное предложение положило конец их спору.

Исходило оно от кафра Конго и состояло не более не менее, как в просьбе разрешить ему поединок со львицей!

— Что ты, Конго! Ты же один не справишься!

— Справлюсь.

— Ты с ума сошел! Она разорвет тебя в клочки.

— Не бойтесь, минхеры. Конго убьет льва, у Конго не будет даже царапины. Вот увидите, молодые хозяева!

— Как! Голыми руками? Без оружия?

— Конго не умеет стрелять, — ответил кафр. — Но Конго знает, как ее прикончить. Он просит одного: чтоб ему не мешали. Стойте здесь, молодые хозяева, а Конго пусть сам делает свое дело. Опасности нет. Конго боится только, что вы броситесь ему на помощь, а львица такая злая! Конго это нипочем. Для него чем она злее, тем лучше — значит, она не убежит.

— Что это ты затеваешь, Конго?

— А вот увидите, минхеры, увидите, как Конго убьет львицу.

Охотникам казалось, что кафр сошел с ума. По их мнению, его ждала верная гибель. Чернышу очень хотелось обвинить кафра в бахвальстве, его так и подмывало поднять Конго на смех, но он еще не забыл, как сегодня утром из-за своих насмешек попал впросак, и потому хоть и опасался, что Конго снова перещеголяет его в отваге, но на этот раз поостерегся обнаруживать свою зависть. Черныш прикусил толстую нижнюю губу

и не сказал ни слова. Кое-кто из мальчиков, в особенности Ганс, старались отговорить Конго от его затеи, но Толстый Виллем считал, что ему надо предоставить свободу действий. Виллем лучше всех знал Конго. Кроме того, он был уверен, что хоть тот и настоящий дикарь, но все же не пойдет на риск из одной глупой похвальбы. На него можно было положиться. Так сказал Толстый Виллем.

Этот довод в соединении с соблазном отведать мяса орикса решил спор. Аренд и Ганс уступили.

Конго получил разрешение идти на бой с львицей.

Глава VII

КАК КАФР КОНГО УБИЛ ЛЬВИЦУ

И вот Конго снова оказался предметом такого же пристального внимания, как и утром. Вернее, еще более пристального, потому что перейти вброд Гарипу куда проще, чем бороться с разъяренной львицей. Возросла опасность, возрос и интерес к его новому предприятию. Молодым охотникам было очень любопытно посмотреть, как-то он подготовится к бою.

Приготовления его заняли очень мало времени. Он влез в фургон ван Вейков и минуты через три появился в полном снаряжении. Львице не пришлось долго ждать своего противника.

Вооружение кафра необходимо описать.

Оно было очень просто, хотя человеку непривычному и показалось бы довольно странным: это было обычное вооружение зулусского воина.

В правой руке он держал ассегаи, шесть штук.

Что же такое ассегаи? Это пика или копье, но употребляют его иначе. Ассегаи короче копья и пики, и древко его более тонко; подобно копью, стреле или пике, ассегаи снабжен железным наконечником. Во время боя его мечут во врага, и часто на большое расстояние. Точнее говоря, это попросту дротик, который употреблялся в Европе до изобретения огнестрельного

оружия. В Южной Африке он и теперь составляет основное вооружение всех дикарских племен, а в особенности кафров. Кафры в совершенстве владеют этим опасным снарядом. На расстоянии сотни ярдов они бросают его с такой же силой и верностью прицела, с какой летит пуля или стрела. Ассегаи бросают одной рукой.

Таких дротиков у Конго было шесть, и он быстро перебирал их тонкие древки своими длинными мускулистыми пальцами.

Но не ассегаи были самой замечательной частью его вооружения. Еще более удивительный предмет был надет на его левую руку. Он был овальной формы, шести футов в длину и около трех в ширину; вогнутой стороной он был обращен к телу, выпуклой — наружу. Больше всего он напоминал небольшую лодку или челнок из шкур, натянутых на деревянную раму; и действительно, из этого материала он и был сделан. Это был щит, настоящий зулусский щит, но очень большой, больше тех, что употребляются в бою. Несмотря на свою величину, эти щиты совсем не тяжеловесны; напротив, они легки и упруги и притом настолько крепки, что стрела, ассегаи или пуля, ударившись об их выпуклую сторону, отскакивают, как от стального листа.

Два прочных ремня, прикрепленных к внутренней поверхности, дают воину возможность свободно двигать щитом; поставленный стоймя, нижним концом на землю, он может закрыть собой самого высокого мужчину. Так, щит Конго целиком закрывал его тело, хотя Конго был далеко не карлик.

Не говоря ни слова, Конго вышел из лагеря; на левую руку он надел свой громадный щит, в ней же зажал ассегаи — пять штук. В правую взял один — тот, что предназначался для первого удара; его он держал на весу, за середину древка.

Дела на равнине были в прежнем положении. Впрочем, за такое короткое время ничего и не могло измениться. С момента, когда кафр объявил свое намерение, и до того, как приступил к его исполнению, едва ли прошло пять минут. Львица продолжала метаться, оглашая окрестность страшным ревом. Гиены тоже остава-

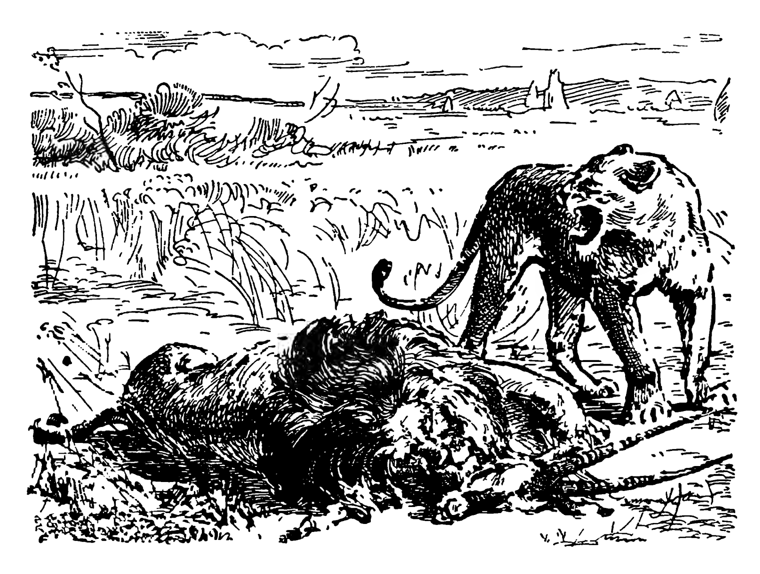
Кафр поставил свой огромный щит на

лись на прежнем месте. Только когда кафр подошел ближе, они с испуганным воем пустились наутек и быстро скрылись за кустами.

Совсем иначе повела себя львица. Она даже не заметила приближения охотника, не повернула головы и не взглянула в его сторону. Все ее внимание было поглощено лежавшей на земле грудой тел, с которой она не сводила глаз. Своим диким ревом львица, казалось, оплакивала участь грозного владыки, лежавшего мертвым у ее ног. Как бы там ни было, но она не увидела охотника, пока он не оказался в двадцати шагах от нее.

Здесь кафр остановился и поставил стоймя свой огромный щит. Правой рукой он раскачал ассегаи, метнул его — и вот уж ассегаи полетел, со свистом рассекая воздух.

Ассегаи вонзился в бок зверя и повис, дрожа, между его ребрами. Но это длилось только секунду. Рассвирепевшая львица извернулась, схватила древко в зубы и переломила его, как соломинку.



землю и раскачал правой рукой ассегаи.

Острие ассегаи осталось у нее в боку, но она не старалась его вытащить. Теперь она увидела своего врага и, издав крик мести, бросилась на него. Одним громадным скачком она покрыла три четверти пространства, лежавшего между ними, со второго скачка она была бы уже на плечах кафра, но тот приготовился к встрече и, когда львица поднялась на дыбы, его уже не было видно! Он исчез, как по волшебству.

Если б юноши не следили за каждым его движением, они тоже не поняли бы, куда он делся. Но они успели заметить, что кафр скрылся под овальной выпуклой покрышкой, которую мгновенно положил на землю. Он лежал там, как черепаха под своим панцирем, изо всех сил ухватившись за ремни и крепко прижимая щит к земле.

Львица была изумлена гораздо больше, чем зрители. Прыгнув второй раз, она попала прямо на щит, и оглушительный грохот, произведенный ее падением, а также твердая и упругая поверхность, оказавшаяся под ее

когтями, привели ее в полное замешательство: отскочив в сторону, она остановилась, с тревогой глядя на непонятный предмет.

Но это продолжалось только мгновение; разочарованно зарычав, львица повернулась и побежала прочь.

Это рычание было сигналом для Конго. Он чуть-чуть приподнял щит с края, прилегавшего к земле, — лишь настолько, чтоб можно было разглядеть спину удалявшегося зверя.

Потом Конго живо вскочил на ноги и, держа щит стоймя, приготовился бросить второй ассегаи.

Как молния, мелькнул ассегаи и так глубоко вонзился львице в плечо, что снаружи торчало только древко. С удвоенной яростью обернулась львица, снова ринулась на своего противника, но опять ударилась о твердую выпуклую поверхность щита. На этот раз она не отступила, а в угрожающей позе остановилась над странным предметом, ударяя его своей когтистой лапой и стараясь его перевернуть.

Для Конго это был опаснейший момент. Если б львица ухитрилась перевернуть щит, бедняге пришел бы конец! Но он знал, что ему грозит смерть, и, одной рукой ухватив ремни, а другой упираясь в край щита, так плотно надвинул его на себя, что щит, казалось, присосался к нему — крепче даже, чем моллюск присасывается к дну корабля.

Израсходовав свою ярость на несколько безуспешных попыток пробить или перевернуть щит, львица отошла на свою прежнюю позицию.

Ее рычание опять послужило сигналом для Конго. Вмиг он вскочил на ноги, еще один ассегаи просвистел в воздухе и воткнулся в шею львицы.

Однако эта рана тоже не оказалась смертельной, и животное, доведенное теперь до бешенства, еще раз бросилось на своего противника. Львица подбежала так быстро, что только необыкновенная ловкость помогла Конго юркнуть под свое укрытие. Еще минута — и его хитрость не удалась бы, потому что он не совсем еще опустил на себя щит, как львица уже скребла когтями его поверхность.

Тем не менее кафру удалось занять неприступную позицию, и он уже снова лежал невредимый под толстой буйволовой кожей. Разочарованная львица яростно завыла и после нескольких тщетных усилий перевернуть щит отказалась от этой попытки. Но теперь она не ушла, а в озлоблении принялась ходить кругом и наконец улеглась в трех футах от щита. Конго оказался в осаде!

Юноши сразу поняли, что Конго попал в плен. Об этом говорило поведение львицы. Хотя она была от них в нескольких сотнях ярдов, но по ее виду можно было заключить, что она решила добиться своего и, не отомстив, вряд ли покинет место сражения. Кафр очутился в ловушке.

Что, если львица так и останется здесь лежать? Каким образом Конго выберется тогда из своей западни? Убежать он не мог. Чуть только он приподнял бы щит, как свирепый зверь уже прыгнул бы на него. Это было ясно.

Юноши громко закричали, чтобы предупредить его. Они боялись, что он, может быть, не подозревает о том, что враг его совсем рядом.

Несмотря на страшную опасность, которой подвергался кафр, в его положении было что-то смешное, и молодые охотники, хотя и были озабочены развязкой, едва удерживались от смеха, глядя на эту картину.

В трех футах от щита лежала львица, не сводя с него сверкающих глаз и время от времени издавая грозное рычание. Лежал и овальный щит, скрывавший Конго, неподвижный и немой. Действительно, странные на вид противники!

Долго оставалась львица на страже, почти не меняя своего положения. Только хвост ее ходил из стороны в сторону и челюсти дрожали от подавленной злобы. Юноши то и дело кричали, предостерегая Конго, но из-под выпуклого щита не приходило ответа. Впрочем, кричать им было не к чему. Смышленый кафр давно сообразил, где находится его враг: громкое дыхание и рычание львицы уже оповестили его о ее местонахождении, и он твердо знал, как ему действовать.

Целых полчаса длилась эта необычайная сцена; и так как львица не проявляла ни малейшего желания покинуть свой пост, то в конце концов молодые охотники решили напасть на нее или хотя бы сделать вид, что нападают, лишь бы прогнать ее прочь.

Дело близилось к закату — что же будет с Конго, когда наступит ночь? В темноте львица его убьет. Внимание его ослабится, он может уснуть, и тогда его неумолимый враг получит все преимущества.

Что-то надо сделать, чтобы освободить кафра из его тесной тюрьмы, и немедленно.

Быстро оседлав коней, они вскочили в седла и уже собирались тронуться в путь, как вдруг Ганс, у которого было очень острое зрение, заметил, что львица находится гораздо дальше от щита, чем была прежде. Между тем львица не двигалась; во всяком случае, никто не видел, чтобы она пошевелилась — она лежала все в той же позе. Что бы это могло значить?

— Ах! Смотрите! Щит движется!

Как только Ганс произнес эти слова, все взгляды устремились на щит.

Щит и в самом деле двигался. Казалось, он, как гигантская черепаха, медленно и упорно ползет по траве, хотя края его по-прежнему плотно прилегают к земле. Все поняли, что не какая-то невидимая сила приводит его в движение, а сам Конго.

Охотники крепко натянули поводья и, затаив дыхание, стали следить за происходящим.

За несколько минут щит отодвинулся от львицы еще на десять шагов. Она как будто не замечала перемены, а если и замечала, то смотрела на непонятное ей явление скорей с любопытством и удивлением. Во всяком случае, она так долго оставалась на месте, что таинственный предмет успел отодвинуться от нее на большое расстояние.

Львица, пожалуй, не потерпела бы, чтобы щит ушел еще дальше, но для целей ее противника он был уже достаточно далеко. Кафр внезапно вскочил на ноги, и новый ассегаи, посланный его рукой, с шумом рассек воздух.

Этот удар оказался роковым. Львица лежала, повернувшись боком к охотнику. Прицел его был верный, и железное острие вонзилось ей прямо в сердце. Пронзительный вой, скоро утихший, короткая, отчаянная борьба, которой быстро пришел конец, — и могучий зверь неподвижно растянулся в пыли.

Громкое «ура» раздалось со стороны лагеря, и молодые охотники галопом поскакали на равнину, чтобы поздравить Конго со счастливым исходом его отчаянного поединка.

Потом все направились к груде мертвых тел, и здесь охотники узнали новые для себя обстоятельства дела. Лев, как они давно догадались, был мертв — острые рога сернобыка сделали свое дело; но поразило всех то, что, вонзившись в бок громадного зверя, они так там и остались. Сернобык не имел сил их вытащить и все равно погиб бы вместе со своей жертвой, даже если б львица не подоспела и не нанесла бы ему смертельный удар.

Конго и Черныш в один голос стали уверять охотников, что в этом ничего нет удивительного: в африканской степи часто случается видеть мертвых льва и сернобыка, заключивших друг друга в роковое объятие.

Самку сернобыка, у которой мясо было нежное, быстро освежевали и разрубили; и молодые охотники, поджарив над красными угольями лакомые куски мяса, предались веселью, смеясь над необычайными приключениями сегодняшнего дня.

Глава VIII

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О ЛЬВАХ

Прежде чем приняться за ужин, охотники притащили к костру туши льва и львицы. Это было не очень-то легкое дело, но юноши с ним справились, крепко обвязав шеи животных полосами сырой кожи и волоча туши головами вперед — «по шерсти».

Львов перенесли для того, чтобы при свете костра снять с них шкуры; шкуры не такая уж особенная ценность, но это охотничий трофей, и молодым людям не хотелось бросить его посреди равнины. Если б убитые львы пролежали там всю ночь, то к утру гиены съели бы их без остатка вместе со шкурами. Не верьте, когда говорят, будто гиена не станет есть мертвого льва. Эта отвратительная тварь съест все, даже своего сородича, а уж более противной пищи и представить себе нельзя.

Сернобыки тоже были принесены в лагерь для свежевания и разделки. Самец был очень большой и весил не меньше осла, но это только доставило Толстому Виллему лишний случай показать свою громадную силу. Здоровенный малый, схватив конец бечевы, поволок за собой орикса так же легко, как если б это был привязанный к шнурку котенок.

Обе антилопы были по всем правилам разделаны и разрублены на куски; сушить их решили на следующей стоянке. Охотники, конечно, сразу занялись бы сушкой, но вода в этом месте была плохая, и им не хотелось оставаться здесь лишний день.

Рога тоже считаются охотничьим трофеем, а у убитой пары сернобыков они были образцом совершенства — длинные, с правильными валиками и черные, как черное дерево. Молодые охотники осторожно сняли их с костных выростов и, заботливо уложив в фургоны, присоединили к своей коллекции. Головы, с оставленной на них шерстью, также были тщательно вычищены и сохранены, чтобы в недалеком будущем сделаться украшением холлов в домах ван Блоомов или ван Вейков.

Когда со всеми этими заботами было покончено, молодые люди сели ужинать у костра. Жареная грудинка и большие куски мяса орикса оказались восхитительными, и вся компания была довольна и весела. Конечно, темой разговора были львы, и юноши то и дело разражались громким смехом, вспоминая подробности схватки Конго со львицей.

За исключением Клааса и Яна, у всех нашлось что рассказать о разных приключениях со львами, так как

эти животные и сейчас встречаются в Грааф-Рейнете. Толстый Виллем и Аренд не раз бывали на львиной охоте; Гансу и Гендрику тоже случалось сталкиваться с ними во время похода за слонами. А Черныш был опытный готтентотский охотник.

Но Конго знал о львах, пожалуй, даже больше, чем сам Черныш, хотя тот и пришел бы в негодование, если б кто-нибудь из присутствующих на это намекнул. И теперь оба, кафр и бушмен, сидя у костра, старались перещеголять друг друга в удивительных рассказах. Кое-кто из молодых охотников слышал, как охотятся на львов бечуаны на родине Конго. Способ этот самый простой. Кучка людей — голых дикарей — нападает на льва, где бы они его ни встретили, в лесу или на открытом месте, и бьется с ним, пока он не падает мертвым. Оружием им служит ассегаи, а своеобразной защитой — длинная палка с прикрепленным к концу пучком черных страусовых перьев. Эту палку, с виду немного похожую на большую метелку от мух, быстро втыкают в землю; лев принимает пучок перьев за своего врага и, бросаясь на него, дает охотнику возможность скрыться. Такого рода хитрость во многом уступает охоте со щитом, но этот необыкновенный прием под силу только таким искусным охотникам, как Конго.

Итак, в охотничьем обычае бечуанов не было ничего нового или замечательного. Единственная его особенность заключалась в его крайней опасности, так как бечуаны не бросают свои ассегаи, стоя на расстоянии, а держат их в руке, как копье, и, подойдя ко льву чуть не вплотную, с силой вонзают их в его тело. В результате каждой такой стычки со страшным противником несколько охотников бывают убиты или изувечены. Молодым людям это казалось странным. Они не понимали, зачем бечуаны так смело и безрассудно нападают на свирепого льва, когда нетрудно вообще избежать схватки. Им казалось непонятным, почему они, хоть и дикари, так равнодушны к жизни. И правда ли, что все племена охотятся на льва таким способом? Они спросили об этом у Конго. Он ответил, что да.

Это требовало объяснения, и Конго, по общей просьбе, разъяснил дело так.

Охотники, о которых шла речь, отправлялись на львиную охоту не по собственному почину и не ради удовольствия, а по приказу своего тирана-вождя. Так было на родине Конго, где правил кровожадный изверг Чака. Все подвластные Чаке люди были его рабами, и он, в припадке ярости или просто чтобы сорвать свою мелкую злобу, не задумываясь, за одно утро умерщвлял их тысячи. Делал он это неоднократно, иногда сопровождая казни пытками.

Рассказы об ужасах, творимых африканскими деспотами, могли бы показаться невероятными, если б их правдивость не подтверждалась неоспоримыми свидетельствами.

Конго рассказал юношам, что мужчины из племени, подвластного Чаке, по обычаю, служат пастухами при его многочисленных стадах, и, когда лев утащит овцу или корову — а это случается часто, — злополучные пастухи получают приказ убить льва и принести его голову вождю; если это им не удается, их приговаривают к смертной казни, и она неизменно приводится в исполнение.

Вот этим и объясняется кажущееся равнодушие к жизни и безрассудные, на первый взгляд, действия охотников.

Конго добавил, что он сам участвовал в подобных охотах и ни разу они не обходились без человеческих жертв. Особенно запомнилась ему одна, во время которой погибло человек десять, прежде чем лев был пойман, а не убит, потому что вождю взбрело в голову получить льва живым! Им объявили, что, если они не доставят льва живьем, без единой раны или царапины, все участники охоты будут казнены. Хорошо зная, что это не пустая угроза, несчастные охотники поймали льва голыми руками и даже связали его, но при этом десятеро из них пали жертвой своего подневольного рвения.

Так, слушая рассказы о львах, молодые люди скоротали вечер у ярко пылавшего костра.

Глава IX

ЕДИНОРОГ

Затем разговор перешел на сернобыков, и тут уж Черныш мог рассказать больше, чем кто-либо другой. Конго знал их мало, потому что места, облюбованные этими красивыми антилопами, находятся значительно западнее страны кафров. Сернобыки водятся главным образом во владениях намакасов, хотя изредка встречаются и на границах великой пустыни Калахари.

Сернобык — это антилопа пустыни; он тучнеет даже от той скудной растительности, какую находит на иссохшей земле. Он очень смел и нередко отражает нападение льва и даже убивает его своими длинными, штыкообразными рогами. В том, что это правда, молодые люди сегодня убедились сами. Затравленный охотниками сернобык, в отличие от других антилоп, не ищет спасения в воде или чаще кустов. Он пускается напрямик в свою родную пустыню, полагаясь только на быстроту своих ног. И они редко его обманывают. Лишь самая быстрая лошадь может перехватить его на скаку; и чем он жирнее, тем легче его загнать.

Беседуя о сернобыках, молодые люди затронули интересный вопрос.

Аренд и его товарищи читали в записках разных путешественников, будто сернобык и есть тот самый мифический единорог, изображение которого можно видеть на египетских скульптурах. Они спросили, так ли это. Их вопрос, как легко догадаться, был обращен не к Чернышу, а к натуралисту Гансу.

Ганс считал это совершенной нелепостью, пустой фантазией какого-то досужего путешественника по Южной Африке. Фантазию эту механически повторили другие, а затем она попала в книги кабинетных ученых. Предположение, будто сернобык является прообразом единорога, основано лишь на том, что два его рога, если смотреть на них сбоку, как бы сливаются в один; только это и делает его похожим на единорога, который на египетских скульптурах всегда изображается в профиль. Подобный довод был бы одинаково справед-

лив по отношению к любым антилопам, и потому в применении именно к сернобыку рушится сам собой.

Ганс перечислил ряд причин, почему сернобык не может быть прообразом мифического единорога. Очертания его тела и особенно головы совершенно не похожи на скульптурные изображения этого загадочного существа. Рога сернобыка по своей длине и по тому, как они поставлены, даже в профиль совершенно отличны от рога этого таинственного животного, у которого он торчит вперед, тогда как рога сернобыка направлены назад и лежат почти параллельно спине.

— Нет, — сказал Ганс, — если египетский единорог вообще не миф, а настоящее африканское животное, то скорее всего это антилопа гну; и мне кажется удивительным, что сходство между гну — я говорю об обыкновенном гну, а не о полосатом — и мифическим единорогом только недавно было замечено натуралистами и путешественниками. Я убежден, что всякий, взглянув на изображение единорога и на живого гну, будет поражен их сходством. Одинаковые очертания головы и тела, красивые округлые члены, раздвоенные копыта, длинный лошадиный хвост, гордо выгнутая шея и густая грива — все эти черты показывают, что именно гну послужил образцом для изображения единорога. Один рог — вот единственное, что как будто опровергаст мою теорию; но несмотря на это, у гну все-таки гораздо больше сходства с единорогом, чем у сернобыка. Рога гну поставлены таким образом, что при известном положении их можно принять за один. Они устремлены вперед, а не вверх и почти не поднимаются над черепом; вследствие этого, а также благодаря манере животного держать голову виден только один рог, а другой почти не заметен на темном фоне головы и гривы. На расстоянии вообще можно разглядеть только половину рога, расположенную почти совершенно так же, как и украшение на лбу единорога.

На современных рисунках рог единорога обычно изображается прямым; это не согласно с египетскими барельефами, где всегда показан изгиб — в полном соответствии с изгибом рогов гну. Но если б на египет-

ских изображениях изгиба и не было, моя теория вряд ли от этого пострадала бы, потому что у молодого гну рога тоже прямые, а мы вправе предположить, что египтяне изображали именно молодых гну. Впрочем, я не утверждаю, что разрешил этот спорный вопрос, — продолжал Ганс, — ведь египтяне хорошо знали окружавших их животных и не стали бы изображать на барельефах недоразвившиеся экземпляры. Своеобразный же характер гну, его странные привычки и его удивительная внешность непременно должны были с древнейших времен привлекать к себе внимание, и египтяне никак не упустили бы случая изобразить такое прекрасное животное. Что же касается единственного рога, то это можно объяснить слабой наблюдательностью египетских скульпторов или, всего вероятнее, просто несовершенством их искусства. Египетские барельефы, по правде сказать, весьма грубы и примитивны, а особенный изгиб и постановку рогов гну очень трудно уловить. Даже теперь, когда искусство так развито, наши художники не могут точно передать очертания головы того же сернобыка. Итак, как видите, я вам довольно убедительно доказал, что именно гну является прообразом этой таинственной знаменитости — единорога.

Юные охотники были вполне удовлетворены объяснениями Ганса и теперь обратились к нему с вопросом, что он думает о единороге, упоминаемом в библии.

— Единорог из Священного писания, — ответил Ганс, — это совсем другое дело. Совершенно ясно, какое животное подразумевается в книге Иова. Там сказано: «Можешь ли веревкою привязать единорога к бороне, и станет ли он боронить за тобою поле? Понадеешься ли на него, потому что сила у него велика, и предоставишь ли ему работу твою?» Здесь речь идет о настоящем единороге — однорогом носороге.

Чтобы исчерпать тему о сернобыках, Ганс сообщил своим друзьям, что сернобык является только одним из видов тех антилоп, которые известны под общим родовым названием «орикс»; кроме него, есть еще и другие виды: «аддас», «абу-харб» и «альгазель».

Абу-харб, или саблерогая антилопа, — крупная, сильная антилопа с длинными, острыми рогами, саблевидно загнутыми назад. Цвет абу-харба желтовато-белый с коричневыми метинами на лбу и щеках, а шея и горло у него красно-бурые; фигурой же абу-харб очень похож на сернобыка. Под именем орикса он был известен грекам и римлянам. В настоящее время натуралисты присвоили имя орикса всему роду этих крупных антилоп.

Абу-харб — уроженец Кордофана и Сеннаара, и его изображение тоже можно встретить на нубийских и египетских барельефах. В противоположность аддасу, он животное общественное и ходит большими стадами.

Альгазель, или бейза, тоже уроженка Центральной Африки, но о ней сведений меньше, чем о других видах ориксов, и некоторые натуралисты склонны считать ее просто разновидностью абу-харба.

Аддас, или мендес-антилопа, живет главным образом в Центральной Африке. Он почти такой же большой, как сернобык, но рога у него не прямые, а винтообразно изогнутые, одинаково развитые у самца и самки. Шерсть у аддаса желтовато-белая, голова и шея рыже-коричневые, а на морде белое пятно. Ходят аддасы не стадами, а парами, в песчаных пустынях, к странствованию по которым специально приспособлены их широкие копыта. Аддас был известен еще древним римлянам, они упоминают его под именем «стрепсицерос».

Когда Ганс кончил свое объяснение, было уже давно пора идти на покой, и, пожелав друг другу спокойной ночи, молодые люди разошлись по своим фургонам. Скоро все уснули.

Глава X

ПТИЦЫ-ВЕРБЛЮДЫ

Перейдя вброд реку Оранжевую, наши охотники двинулись на северо-восток. Если б они пошли прямо на север, то скоро достигли бы границ великой пустыни Калахари, этой южноафриканской Сахары. Конеч-

но, проникнуть в пустыню юноши не могли бы — им все равно пришлось бы свернуть на запад или на восток. Но молодые люди сами заранее избрали курс на восток, потому что там лежали земли, славившиеся обилием крупных животных — буйволов, слонов и жирафов, а реки этой части Африки кишмя кишели громадными бегемотами (гиппопотамами) и крокодилами. Молодым охотникам только этого и нужно было.

Шли они не наобум. Их проводником был Конго. На этом пути он знал буквально каждый шаг и обещал привести их в страну, где слонам и жирафам нет числа, и никто не сомневался, что кафр сдержит свое слово.

На следующий день они уже с раннего утра были в дороге и перед вечером, после большого перехода, остановились в роще мохала, на краю унылой пустыни, простиравшейся насколько хватало глаз, а на самом деле — гораздо дальше. Эта бесплодная пустыня казалась совершенно выжженной: единственной ее растительностью были одиноко возвышавшиеся древовидные алоэ с большими кораллово-красными конусообразными цветами, пальмообразные замии, несколько видов похожего на кактус молочая да кое-где разбросанные небольшие заросли колючих кустов «погоди-постой», получивших это шутливое название вследствие свойства их крючковатых шипов цепляться за одежду.

Все эти деревца и кустарники росли очень редко, и между ними открывались целые пространства бурой равнины, однообразие которой ничуть не скрашивалось этими жалкими растениями. Это был как бы дальний предвестник, клин пустыни Калахари, и охотникам предстояло пересечь его, чтобы добраться до благодатной страны, обещанной их проводником. Пятьдесят миль без единого ручья, родника или реки — пятьдесят миль от воды до воды.

Молодые люди остановили фургоны и распрягли буйволов у последнего родника, журчавшего между корней деревьев мохала, на самой границе пустыни. Здесь им нужно было провести дня два, чтобы высушить мясо ориксов, дать отдых своим животным и подготовить их к долгому и опасному переходу.

Уже солнце клонилось к западу, когда они распрягли буйволов и устроили свой лагерь в середине рощи, невдалеке от родника.

Любознательный Ганс вышел на опушку рощи, уселся под деревом, густая веерообразная верхушка которого давала приятную тень, и стал глядеть на широкую, скучную равнину. Через каких-нибудь полчаса он вдруг заметил три высокие фигуры на расстоянии нескольких сотен ярдов от рощи. Это были двуногие — он видел их от головы до пят. Однако это были не люди, а птицы. Это были страусы.

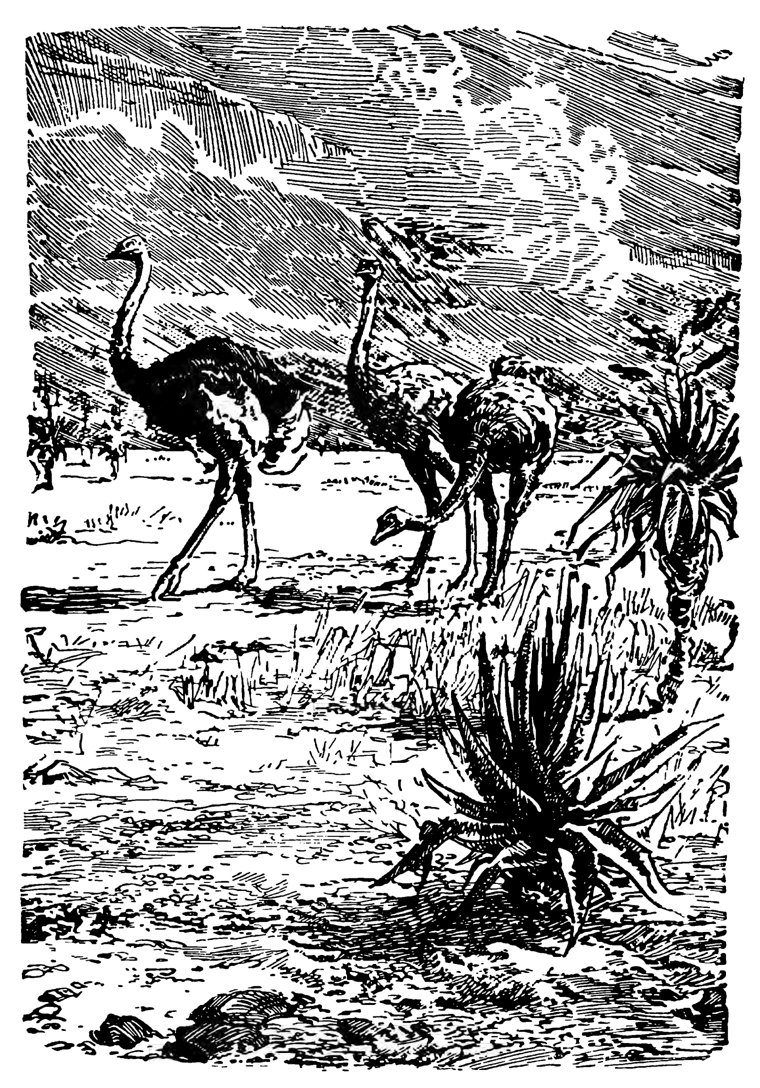
Всякий узнал бы их с первого взгляда, даже малое дитя, ибо кому не известен громадный африканский страус? Размеры и фигура страуса слишком характерны, чтобы спутать его с какой-нибудь другой птицей. Американский нанду или австралийский эму могут сойти за его полувзрослого птенца, но страуса, достигшего своих настоящих размеров, легко отличить от любого из его сородичей, обитающих в Австралии, Новой Зеландии или в Америке. Это всем птицам птица — самая большая из всех пернатых.

Конечно, Гансу достаточно было взглянуть на них, чтобы сразу признать в них страусов — самца и двух самок. Определить их пол было нетрудно, потому что между ними такая же разница, как между великолепным павлином и его невзрачной супругой.

Страус-самец гораздо крупнее своих подруг; на фоне угольно-черных перьев, которыми покрыто его тело, красиво выделяются белоснежные крылья и хвост — в пустыне действительно белоснежные. Окраска самок почти вся ровная серо-коричневая, и им очень недостает роскошного черно-белого наряда их господина и повелителя. Страусовые перья — прекрасное украшение, и они высоко ценились во все времена не только дикарями, но и цивилизованными народами.

Итак, перед глазами юного натуралиста предстали самец и две самки.

Страусы не спеша шли своей дорогой. Лагеря они еще не заметили. Да и как было его заметить, когда он скрывался за деревьями, почти в самой середине рощи?



Страусы не спеша шли своей дорогой.

Вытягивая длинные шеи, они изредка щипали листочки или подбирали зернышки, а затем важно продолжали свой путь. Из того, что страусы не разбредались в разные стороны в поисках пищи, а шли напрямик, словно к определенной цели, Ганс заключил, что они направляются к своему постоянному месту ночлега.

Появившись справа от Ганса, они скоро прошли мимо него и теперь все дальше и дальше углублялись в пустыню.

Ганс хотел было позвать своих товарищей, которые возились около фургонов и не заметили страусов. Мелькнула у него и мысль поймать этих птиц.

Но после минутного размышления он оставил это намерение. Страус ни для кого не был в новинку. Разве только Яну или Клаасу захотелось бы на них взглянуть, но они так устали после долгой езды по жаре, что оба крепко уснули, растянувшись на траве. Пусть лучше спят, подумал Ганс.

Отказался Ганс и от мысли убить страусов. Птицы отошли уже довольно далеко, и подкрасться к ним по голой местности на расстояние выстрела было бы немыслимо — Ганс хорошо знал, как они осторожны; такой же праздной затеей была бы и погоня за ними на усталых лошадях. Поэтому Ганс продолжал спокойно сидеть под деревом, провожая взглядом удаляющиеся фигуры трех гигантских птиц-верблюдов.

Они шли большими шагами и уже исчезали из виду... Но тут новое существо, вдруг появившееся на равнине, отвлекло от них внимание молодого натуралиста.

Глава XI

САМАЯ МАЛЕНЬКАЯ ИЗ ВСЕХ ЛИСИЦ

Существо это было четвероногое — очень маленький зверек, не крупней средних размеров кошки, однако совсем другой по виду и пропорциям. Мордочка у него была не круглая, как у кошек, а длинная и остренькая, а хвост густой и пушистый. Ножки его были выше, чем

у животных кошачьей породы, но всего любопытней казались его уши — удивительно большие и совершенно не соответствовавшие его маленькой фигурке.

Все его тело было в длину не больше фута, а уши на целых шесть дюймов возвышались над его макушкой! Они стояли совсем прямо, широкие, твердые, с острыми кончиками.

Спина зверька была красивого светло-желтого цвета, грудь и живот — матово-белые. Нет, зверек этот не походил ни на кошку, ни на собаку, хотя с собакой у него и замечалось какое-то сходство. Но с одним животным собачьей породы он действительно имел очень много общего — с лисицей; он и являлся лисицей, самой маленькой южноафриканской лисичкой, и назывался он «каама». А в сущности, зверек не был даже и лисицей — это был фенек.

Что же такое фенек?

Это вопрос интересный, над его разрешением натуралисты немало поломали голову.

Несколько видов этого зверька распространены по всей Африке. Знаменитый путешественник Брюс, которого все считали большим выдумщиком, но о котором со временем пришлось переменить мнение, первый описал фенека.

Фенек во многом отличается от лисиц, но самое важное отличие заключается в устройстве его глаз. У настоящих лисиц зрачок узкий или продолговатый, тогда как у фенека он круглый. Лисица — животное ночное, а фенек — дневное. Правда, есть лисицы, любящие охотиться не ночью, а в сумерки; есть также и два — три вида фенеков, которые предпочитают вечернее освещение.

Мы будем называть его фенеком, или дневной лисицей, и скажем далее, что если в Африке водятся разные виды настоящих лисиц и лисиц-шакалов, то есть и несколько видов фенеков. Из них хорошо известны три. Первого — зерда — описал Брюс. Этого фенека он видел в Абиссинии, но встречается он также и в Южной Африке. Второй фенек — забора — уроженец Нубии и Кордофана, и его изваяниями (раньше счита-

лось, что это изваяния шакала) египтяне украшали свои храмы. Третий вид фенека называется «каама фенек».

Четвертый вид — зерда Лаланда — был выделен из семейства фенеков и составил самостоятельный разряд, но не потому, что его образ жизни чем-либо отличается от образа жизни прочих длинноухих, а потому, что его скелет по форме некоторых костей был несколько иным, чем их скелет.

Появившийся перед Гансом фенек был каама — самый маленький из всего семейства фенеков, или лисиц.

Он, видимо, очень спешил по каким-то своим делам: то он крался, совершенно как лиса, то перебегал небольшое пространство проворной рысью, то останавливался и припадал к земле, словно боясь быть замеченным.

Куда же он торопился? Какую добычу преследовал?

Понаблюдав за ним некоторое время, Ганс, к своему величайшему изумлению, обнаружил, что фенек гонится за страусами.

Вытянув остренькую мордочку и блестя глазками, он бежал по тому же пути, по которому только что прошли страусы. Стоило страусам остановиться, как он тоже останавливался и низко приседал, чтобы они его не увидели; страусы двигались дальше, и он тотчас пускался вслед, время от времени прячась за камнями и кустиками и деловито высматривая уходивших вперед птиц. Несомненно, он бежал по их следу! Только что за дело было до страусов такому маленькому зверьку? Уж конечно, он не думал напасть на них, хотя и крался за ними точь-в-точь, как лисица крадется за выводком куропаток.

Тут было что-то другое. Ведь достаточно одного удара могучей ноги страуса, чтобы фенек отлетел на пятьдесят шагов, как мяч, отброшенный ракеткой теннисиста. Нет, он не мог преследовать их с враждебными намерениями — он казался так ничтожно мал по сравнению с огромными птицами-верблюдами!

Но зачем же бежал он за ними? Целью его были именно страусы, это ясно. Но зачем они ему понадобились?

Эту-то загадку и старался разрешить натуралист Ганс, внимательно наблюдая за действиями крошечной, «микроскопической» лисички.

Слово «микроскопический» тотчас напомнило мне один прибор — небольшую зрительную трубку, которую Ганс всегда носил с собой и в эту минуту вынул из кармана. Вооружиться трубкой ему пришлось потому, что страусы очень далеко отошли в пустыню, а их преследователя, фенека, уж и вовсе нельзя было рассмотреть простым глазом. С помощью стекол Ганс, однако, разглядел, что фенек, все так же ловчась и хитря, продолжает бежать за страусами. Вдруг птицы остановились. Самец, как бы посовещавшись со своими спутницами, сел на землю, подогнув под себя свои длинные ноги, и всей грудью прилег к земле. Даже в свою слабую трубку Ганс увидел, что все тело страуса как бы раздалось вширь. Неужели он высиживал яйца? Значит, у них там гнездо? Вид земли около сидевшего страуса подтвердил это предположение. Вокруг тела птицы виднелось небольшое возвышение, похожее на край птичьего гнезда. Гансу было известно, что гнездо страусов очень просто устроено — это всего только углубление, вырытое в земле и со значительного расстояния совсем незаметное. Несколько каких-то белых предметов, разбросанных по соседству, убедили Ганса, что здесь и правда гнездо. Издали они казались маленькими камешками, но Ганс, учтя расстояние, заключил, что они должны быть размером с булыжник. Значит, это страусовые яйца. Ганс знал, что около гнезд страусов часто находят разбросанные яйца и некоторые думают, что страусы откладывают их нарочно, чтобы кормить ими только что вылупившихся птенцов.

Обе самки, побродив немного вокруг, уселись около самца; но они только согнули в коленях свои длинные ноги, тогда как самец лежал грудью на земле и, казалось, весь расплющился.

Это окончательно убедило Ганса в том, что здесь у них было гнездо и теперь, к ночи, наступил черед самца высиживать яйца, а самки пока что просто устроились на ночлег.

Самец высиживает яйца? Для юного натуралиста в этом не было ничего неожиданного: ему было известно, что самцы страусов всегда исполняют эту обязанность, и притом чаще всего именно ночью, потому что ночью холодно; большое тело самца лучше согревает яйца, а его сила может пригодиться в случае нападения на гнездо какого-нибудь хищника. Одна из самок, вероятно, сменит самца на рассвете. Конечно, обе самки — матери будущего выводка; ведь страус, как известно, многоженец — «мормон» — и широко пользуется этой привилегией, обзаводясь иногда целой дюжиной супруг.

Наш же приятель был «мормон» умеренный — он ограничился только двумя; впрочем, двоеженство, на наш взгляд, так же преступно, как и многоженство.

Итак, Ганс решил, что гнездо полно яиц и из них скоро должны вылупиться маленькие страусы. То, что птицы все вместе надолго уходили из гнезда, вовсе не противоречило его предположению. Погода стояла очень теплая, а в дневные часы, в самую жару, страусы часто покидают свои гнезда, предоставляя солнцу прогревать яйца вместо себя. Чем страна жарче, тем меньше приходится страусу высиживать яйца; в тропическом поясе Африки страус почти совсем не высиживает яиц, а просто закапывает их в раскаленный солнцем песок, используя его как инкубатор.

Но что же сталось с бедным малюткой фенеком?

Так спросил себя Ганс, оглядывая равнину в зрительную трубку. Увлекшись страусами, он совершенно забыл про маленького зверька.

Наконец ему удалось разглядеть желтоватое тельце, растянувшееся на земле, под защитой куста. По-видимому, фенек решил провести ночь здесь. Если б поблизости была хоть какая-нибудь ямка, он предпочел бы улечься в ней, потому что фенеки устраивают свои жилища в норах.

Ночь спустилась внезапно, и в темноте Ганс больше уже не мог следить за действиями птиц и фенека. Он спрятал зрительную трубку и вернулся в лагерь к своим товарищам.

Глава XII

БЕСКРЫЛЫЕ ПТИЦЫ

В лагере Ганс рассказал, как много любопытного ему удалось подсмотреть. Все очень заинтересовались и в особенности мальчуганы Клаас и Ян; но Клаас и Ян не очень-то были довольны, что им не пришлось увидеть все своими глазами. Почему Ганс их не позвал? Они бы только обрадовались, если б их разбудили поглядеть на страусов, тем более что страусы проходили так близко! Не всякий день увидишь таких великолепных птиц; страус пуглив, он никого к себе не подпускает, и Ганс отлично мог сбегать за ними в лагерь или же просто крикнуть им. Но ведь Гансу безразлично, видели они — Клаас и Ян — что-нибудь интересное или нет, они давно это знают!

Так ворчали на Ганса Клаас и Ян за то, что тот не прервал их сладкий сон ради трех страусов, которые шли себе по пустыне и ничего замечательного при этом не делали.

Но мальчики есть мальчики, и, пока они находятся в этом возрасте, их больше всего на свете будут привлекать птицы, особенно такие, как страусы — весом в триста фунтов и ростом в десять футов!

Если б это были буйволы, или жирафы, или даже слоны, Клаас и Ян не так бы огорчились. Сами по себе эти звери, нет слов, хороши, а для взрослых охотников, вроде Гендрика или Толстого Виллема, они самая подходящая добыча, но мальчики-охотники с их маленькими ружьецами и дробью пятый номер могут стрелять только птиц, хотя, по правде сказать, эта дробь пятый номер едва ли бы даже пощекотала страуса!

Но не в этом дело. Им так давно хотелось посмотреть гигантских птиц-верблюдов! Ганс должен был их позвать, и то, что он этого не сделал, с его стороны «просто низость», как заявил Ян, а вслед за ним и Клаас.

Неизвестно, долго ли они еще препирались бы с Гансом, осыпая его упреками, если б разговор, сосредоточившись на страусах, не показался им очень любопыт-

ным; Клаас и Ян живо заинтересовались и скоро забыли про свою маленькую размолвку с Гансом, тем более что сам Ганс и был рассказчиком. Ганс очень много читал о страусах и хорошо знал характер и привычки этих интереснейших птиц.

Вторым после Ганса знатоком страусов был Черныш. В молодости он долго жил в пустыне, а пустыня — это родной дом и бушмена и птицы-верблюда. Черныш очень обрадовался случаю похвалиться своими познаниями, потому что недавние удивительные подвиги его соперника-кафра совершенно отодвинули его на задний план. Большая начитанность Ганса и жизненный опыт Черныша доставили юным охотникам случай хорошо познакомиться с жизнью и особенностями этой птицы.

— Страус, — начал Ганс, — африканская птица, хотя встречается и в близлежащих странах Азии. В Южной Америке и в Австралии есть несколько видов птиц, немного похожих на страуса, и некоторые путешественники тоже называют их страусами. Я еще расскажу о них.

Страус живет на всем Африканском континенте, а также в степях юго-западной Азии — словом, везде, где есть пустыни; по своим свойствам он обитатель пустынь и никогда не селится в лесистых или болотистых местностях и даже на плодородных равнинах.

Страус известен с древнейших времен, и в дни Гелиогабала[1] их было гораздо больше, чем теперь. Рассказывают, что на пиршествах этого императора подавали блюда, приготовленные из мозгов шестисот страусов!

— Вот был обжора! — вскричал Ян.

— Вот лакомка! — откликнулся Клаас.

— Я уверен, что после таких пиршеств у него в животе было больше мозгов, чем в голове, — спокойно заметил Аренд.

— Наверняка! — подтвердил Гендрик.

---

[1] Гелиогабал — римский император с июня 218 года по марі 222 года н. э.

Ганс продолжал:

— Древние называли страуса «птица-верблюд». Это имя было дано ему вследствие его воображаемого сходства с верблюдом. Два толстых пальца ступни страуса похожи на раздвоенное копыто верблюда. У того и другого длинные голые ноги и шея. На груди у страуса как бы мозоль или подушка, наподобие нароста на груди верблюда. Все это, казалось, сближало страуса с верблюдом, который, как и страус, приспособлен только к жизни в пустыне. Аристотель и Плиний в своих сочинениях описали страуса, как полуптицу, получетвероногое.

Когда Ганс кончил свое научное описание страуса, Черныш, в свою очередь, рассказал все, что знал о его привычках и жизни.

Соберем вместе рассказы обоих и попробуем их изложить.

Страусы живут обществами. Стада их, штук по пятьдесят, мирно пасутся вместе с зебрами, квaггами, гну, полосатыми гну и множеством других заходящих в пустыни антилоп.

С одним самцом ходит по нескольку самок — обычно от двух до шести. Каждая самка кладет по двенадцати — шестнадцати яиц в гнезде, которое представляет собой вырытую в песке яму около шести футов в диаметре. В гнездо кладется не больше половины яиц. Остальные разбросаны вокруг, и птенцы никогда из них не вылупляются.

Черныш уверял, будто эти яйца предназначаются в пищу маленьким, когда они только появятся на свет, но Ганс с ним не согласился. Натуралист был того мнения, что страусы не кладут эти яйца в гнездо потому, что одна птица все равно не может столько их высидеть. Поэтому, как только в гнезде накапливается достаточно яиц, страусы разбрасывают остальные где попало.

Предположение юного натуралиста было очень правдоподобно.

Ганс считал, что страусы действительно продолжают нестись после того, как уже началось высиживание, и

разбрасывают последние яйца; но Гансу казалось сомнительным, что эти яйца служат пищей для птенцов.

Страус может покрыть своим телом от тридцати до сорока уложенных стоймя яиц, но обычно в гнезде бывает не более пятнадцати.

Самец тоже сидит на яйцах, и притом по ночам, потому что его большое, сильное тело лучше может защитить яйца от холода. Самки сменяют друг друга днем, а когда становится жарко, вся семья покидает гнездо на много часов.

По словам Ганса, в тропических странах страусы подолгу не проявляют интереса к яйцам, а горячий песок и солнце исполняют обязанности родителей; поэтому в тропиках инкубационный период не имеет определенного срока и длится от тридцати до сорока дней.

Вылупившиеся птенцы хорошо развиты и дня через два бывают уже величиной с цесарку; они выходят из гнезда и бегают по пустыне под присмотром старших.

Старые страусы в это время очень заботятся о своем потомстве. При виде врага самка, охраняющая выводок, старается привлечь к себе внимание незваного гостя; она притворяется, будто ранена, — то распускает, то складывает крылья и шатается из стороны в сторону, — а тем временем самец уводит птенцов куда-нибудь подальше. Куропатки, дикие утки и многие другие птицы поступают точно так же.

Яйца страуса матово-белого цвета. Размер их разный, как различна величина и самих птиц. Средних размеров страусовое яйцо имеет шестнадцать дюймов в длину и весит около трех фунтов. Испеченное в горячей золе, оно очень вкусно и вполне может насытить одного человека; некоторые, впрочем, считают, что яйца хватает на двоих — троих, а другие, что его мало и на одного. Но «кушанье на одного» — очень неточное определение. Тут все зависит от вместимости желудка и от аппетита. Скажем лучше, что по весу одно яйцо страуса равняется двадцати четырем куриным.

Скорлупа страусовых яиц очень твердая; бушмены и другие обитатели пустыни держат в ней воду, и многим из них она заменяет всю посуду.

Взрослый страус-самец имеет больше девяти футов роста и весит триста фунтов. Ноги такой птицы очень толсты, мускулисты и не уступают в этом отношении ноге самого большого барана.

Считается, что страус бегает быстрее всех животных на свете. Вряд ли это так. Но, во всяком случае, лошади его не догнать. Правда, страус иногда делает на бегу петли, и всадник, заметив это, бросается ему наперерез; расстояние между ними сокращается, и в этот момент страуса можно пристрелить из ружья. Но по прямой за ним не угнаться даже арабу на его резвом скакуне. Неутомимость страуса равняется быстроте его бега. Он бежит одинаково ровным шагом целые часы подряд — его толстые, длинные ноги с могучими мускулами прекрасно для этого приспособлены. На бегу он стучит ногами, как лошадь, и отбрасывает назад большие камни. Развив максимальную скорость, страус распускает свои крылья и поднимает их над спиной. Впрочем, делается это только для сохранения равновесия, потому что пролететь он не может и ярда.

Основным орудием защиты страусу служит нога с ее копытообразной ступней. Он брыкается, как мул, и одним ударом может сломать ногу человеку, а то и вовсе вышибить из него дух — не хуже лошади!

Но главный залог безопасности страуса — это его замечательная зоркость, совершенно необходимая при его своеобразном образе жизни.

Он всегда на открытой равнине, где ничто не заслоняет ему зрения, и его острый глаз замечает врага задолго до того, как тот успел приблизиться и сделаться опасным. Страус видит противника на таком расстоянии, когда его самого еще не видно, а ведь он так велик ростом!

Подобраться на расстояние выстрела к этой недоверчивой птице очень трудно. Иногда ее удается застрелить, спрятавшись около родника или ручья, куда они приходят пить. Многие считают, что страусы вообще не пьют, потому что их можно встретить на большом расстоянии от воды; но нельзя забывать, что расстояние, кажущееся большим усталому путнику, сущий пустяк

для быстроногого страуса, который пожирает мили, как беговая лошадь.

Некоторые охотники проследили, что страусы приходят пить каждый день и всегда в одно и то же место. Известно также, что в неволе страус выпивает много воды. Утолив жажду, он бежит гораздо медленнее, и охотники, пользуясь этим, преследуют его после водопоя.

На высоком южноафриканском плато живут племена, занимающиеся охотой на страуса, как промыслом. Его перья ценятся довольно высоко, так же как и шкура, упругая и прочная; после сушки на солнце из нее вырабатывают хорошие сорта кожи, которая идет на шитье курток и другой одежды. Кожа без перьев стоит около фунта стерлингов, а длинные белые перья из крыльев и хвоста, которых бывает обычно сорок пять штук (лучшими считаются перья из крыла), нередко идут на месте по шиллингу за штуку.

Толстый Виллем сказал, что страуса можно легко приручить — он не раз видел ручных страусов в пограничных краалях буров, но там они превращаются в бесполезных баловней.

Для человека они вполне безопасны, но на птичнике от них одна беда. Они насмерть затаптывают домашнюю птицу и иногда глотают живьем цыплят и молодых утят — не из кровожадности, а просто потому, что они необыкновенно прожорливы: с таким же аппетитом они проглотят и старую тряпку.

Настоящая пища страусов — это разные зерна, семена и нежные листья с верхушек кустарников, но они проглатывают также и самые несъедобные предметы. Как и большинство диких животных, страусы очень любят соль, и часто можно видеть, как они собираются большими стадами около соленых озерков, которых так много на пустынных равнинах Африки.

Мясо молодых страусов очень вкусно, но у старых птиц оно жесткое и немного горьковатое. Их яйца признаются деликатесом, хотя некоторые считают, что они тяжелы для желудка.

Когда страус спокоен, его голос похож на низкое и звучное клохтанье, но временами он издает громкий

рев, напоминающий рыкание льва. Раненный или загнанный, он шипит, как разъяренный гусак.

Закончив рассказ о страусах, Ганс перешел к описанию родственных ему пород, о которых он обещал сказать несколько слов.

Южноамериканский представитель страусов называется «реа»; не так давно было обнаружено, что в Южной Америке есть три различных вида реа: нанду обыкновенный, нанду Дарвина и нанду длинноклювый. Они похожи друг на друга очертанием, цветом и привычками, но различны по величине и живут в разных географических поясах. Обыкновенный нанду больше ростом и обитает на просторных равнинах Ла-Платы, нанду Дарвина придерживается Чилийских Анд, а длинноклювый нанду живет в северо-восточной Бразилии.

Нанду близок к африканскому страусу по форме тела и своей невзрачной бурой окраской напоминает самку страуса. Размером он, однако, гораздо меньше — всего пяти футов в вышину. Перья на его крыльях не так красивы и ценятся дешевле перьев его африканского собрата, хотя тоже идут на продажу — из них делают метелки от мух и другие хозяйственные принадлежности.

Нанду живут обществами; у каждого самца по нескольку самок; гнездо представляет собой небрежно вырытую яму. Он высиживает от двадцати до тридцати яиц. Спасаясь от врага, бежит очень быстро; если на него напасть, шипит и яростно брыкается; нравом опаслив и недоверчив. Все это характерные черты страуса. Нанду без принуждения входит в воду и может переплыть быструю реку. Гаучосы ловят его с помощью лассо и бола.

Нанду Дарвина меньше размером, чем нанду длинноклювый, но цвет оперения, форма тела и привычки у них почти одинаковые. Он тоже хорошо плавает и часто посещает прибрежные равнины.

В Северной Америке нет нанду и вообще никаких птиц, родственных страусу. В этом отношении природа обделила пустынные просторы прерий.

Даже́ в Южной Америке район распространения нанду ограничен и не доходит до экватора, хотя простирается гораздо дальше, чем принято думать. Недавно реа были замечены в саваннах близ реки Мадейра, много севернее пустынных равнин Ла-Платы.

Яйца нанду имеют голубоватый оттенок.

Другой родич страуса — это эму.

По форме тела и образу жизни эму похож на обоих, а по окраске почти совершенно такой же, как нанду. Однако ростом он выше его — семи футов, — и взрослый самец приближается по величине к самке страуса.

Он имеет все характерные черты страуса — живет обществами, делает гнезда в земле, опаслив, осторожен, быстро бегает, плавает хорошо, может ударом ноги убить собаку или сломать ногу человеку, издает особенный гудящий крик и кладет яйца почти такие же большие, как яйца страуса, но темно-зеленого цвета.

Эму водятся в Австралии. Известны три вида этих птиц.

На островах архипелага — от Новой Гвинеи до Церама — распространены страусовые птицы, отличающиеся от страуса гораздо больше, чем нанду или эму. Это казуары. Их тело покрыто черными, как смоль, волосовидными перьями; голова и шея у него голые, а кожа на них очень красивого голубовато-фиолетового цвета, переливающегося в алый.

Казуары во многих отношениях отличаются от страусов. Они живут не в пустыне, а в плодородных местностях и питаются сочными травами. Но повадки их почти те же. Как и страусы, они защищаются ударом ноги, яйца кладут на землю и высиживают их небрежно, половину работы предоставляя теплу солнечных лучей; в защите они отважны, быстроноги и сильны и могут считаться одними из наиболее интересных пород не только страусов, но и птиц вообще.

Ганс упомянул еще бескрыла, или киви-киви, несколько видов которого живут в Новой Зеландии.

Это птицы ночные, высиживающие яйца в норе. Они не принадлежат к страусам и образуют особый подотряд.

Глава XIII

ФЕНЕК И СТРАУСОВЫЕ ЯЙЦА

Прежде чем разойтись на покой, молодые люди решили на следующий же день окружить страусов, заранее предвкушая все удовольствия этой охоты. Положено было, что Гендрик и Толстый Виллем отправятся первыми и сделают большой объезд, чтобы стать далеко позади гнезда. Вскоре после них выедут Аренд и Ганс и обойдут гнездо справа и слева, а Ян и Клаас отрежут страусам отступление в сторону лагеря. Таким образом, шестеро охотников, находясь на большом расстоянии друг от друга, замкнут страусов в круг, и, когда те в страхе бросятся бежать, ближайший охотник преградит им путь и погонит их в обратную сторону. Так охотятся на страуса в Южной Африке, и это единственный способ утомить его и загнать; если «окружение» сделано толково, то напуганная птица начинает метаться из стороны в сторону и в конце концов дает взять себя живьем или пристрелить. Однако подходить слишком близко к загнанному или раненому страусу очень опасно. Раненый страус иной раз так ударит охотника, что тот летит кубарем со сломанной ногой или рукой, а то и остается без двух ребер. Осторожный Ганс, как всегда, предупредил об этом своих товарищей и велел им беречься.

Молодые охотники заснули в приятном ожидании завтрашнего утра. Все тешились надеждой убить или поймать старого самца, выщипать его белоснежные перья и присоединить их к своим трофеям.

Единственно, что могло помешать задуманной охоте, была малочисленность охотников. Юноши сомневались, сумеют ли они вшестером окружить трех страусов, задержать их и погнать обратно, тем более что двое из шестерых охотников были маленькие мальчики верхом на пони.

Поэтому охотники решили принять в круг также Черныша и Конго. Хоть у них и не было лошадей, но оба они отличались большой ловкостью и бегали ничуть не хуже любого пони. Вооруженные — один ассегаи,

другой маленьким луком с отравленными стрелами, — они стоили того, чтобы занять место в кругу, который замкнет страусов. Тогда против троих птиц соберется не шесть, а восемь охотников, и в помощь им будет еще шесть гончих, так что шансы поймать страусов окажутся не так уж малы.

Но, как это ни грустно, размечтавшихся мальчиков постигло полнейшее разочарование. Тщательно обдуманный план сорвался из-за одного смешного случая.

Ночью в лагерь пробралась гиена и съела подпругу и крыло седла Гендрика; и, прежде чем повреждение было исправлено, страусы ушли от гнезда.

Когда охотники проснулись, страусы были еще на месте, но задержка из-за починки седла оказалась роковой для плана окружения. Утро было знойное и душное, и птицы, предоставив солнцу греть яйца, ушли рано. Юноши, садясь на лошадей, видели, как они, широко шагая, направились в противоположный конец равнины.

Скоро их уже нельзя было рассмотреть невооруженным глазом; Ганс следил за ними в зрительную трубку, но скоро и он потерял их из виду.

Все были очень разочарованы; так же бывают разочарованы охотники на лисиц, когда неожиданный мороз и снег загонят их обратно по домам. Особенно негодовал Гендрик: ведь все произошло из-за беды, постигшей его седло. Если б гиена теперь попалась ему на глаза, он наверняка угостил бы ее пулей. Остальные хоть и в меньшей степени, но тоже разделяли его раздражение.

Все шестеро нетерпеливо вертелись в седлах, не зная, что им предпринять.

— Давайте поедем к гнезду, — предложил Аренд.— Уж яйца-то, во всяком случае, никуда не удрали, и я лично ничего не имею против яичницы на завтрак. (Перед отъездом юноши не успели позавтракать.) Мне уж надоело все одно мясо да бильтонг. Что вы на это скажете?

— Согласны! — откликнулся Виллем. — Раздобудем яйца и позавтракаем, если только они еще свежие. Я вовсе не прочь полакомиться яичком! Едем!

— Постойте! — крикнул Ганс, пристально глядя в зрительную трубку. — Стойте, друзья! Кажется, еще не все пропало — мы еще поохотимся!

— Что случилось? — спросили остальные. — Неужели страусы возвращаются?

Ганс ответил не сразу. Он смотрел не в ту сторону, куда ушли страусы. Его трубка была направлена на гнездо, хотя птиц там не было.

— Так и есть! Так и есть! Это она! — воскликнул Ганс.

— Кто? Кто — она? — спросили юноши.

— Лисица! — ответил Ганс.

— Какая лисица?

— Да фенек же, тот самый, которого я видел вечером. Вот он! Простым глазом вы его не увидите — я и в трубку-то едва его различаю. Он у самого гнезда и что-то там возится.

— Держу пари — он ест яйца! — сказал Толстый Виллем.

— Охота на лисицу! Охота на лисицу! — вскричал Гендрик, сразу повеселев.

— Охота на лисицу! — отозвались Клаас и Ян.

— На лисицу так на лисицу, — согласился Ганс.

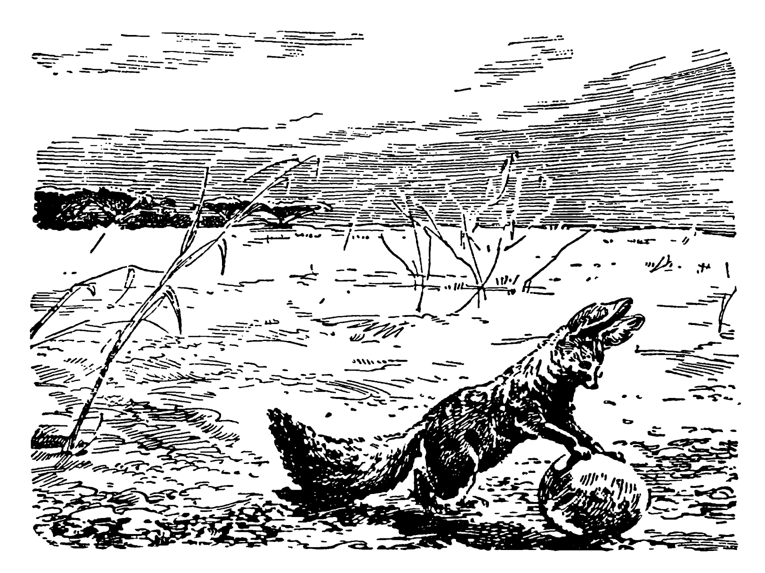
И все шестеро, свистнув собак, пустились вскачь.

Они направились прямо к гнезду. Делать объезд из-за такого ничтожного существа, как маленький фенек, не стоило. Собаки догнали бы и затравили его, куда бы он ни побежал. Спастись от них он мог только в какую-нибудь норку. Но вряд ли его нора была близко: он, должно быть, вчера еще покинул свое жилище и так и шел вслед за страусами к их гнезду в надежде добраться до яиц. Черныш подтвердил, что такая привычка за фенеками водится: яйца они любят больше всего, яйцам же страусов оказывают особое предпочтение. Они вечно скитаются в поисках страусовых гнезд, однако найти их очень трудно даже лисице; поэтому, заподозрив, что такие-то страусы снесли яйца, фенек готов следовать за ними куда угодно, лишь бы проведать, где находится их гнездо. Этим-то, видно, и был занят тот фенек, которого вчера вечером видел Ганс.

Юные охотники без помехи следили за

Все эти сведения Черныш сообщил накануне, и таким образом объяснилась тайна маленького существа, бегущего по следу громадных страусов. Не страусы были ему нужны, а их яйца.

Только одного Черныш не мог объяснить: как доберется фенек до содержимого яиц, когда он их найдет? Скорлупа у них толстая и крепкая. Чтобы разбить яйцо, надо сильно ударить его каким-нибудь твердым предметом; как же умудрится фенек, такой слабый и маленький, пробить в яйце дырку? Это было загадкой для всех, особенно для натуралиста Ганса. Ганс был хорошо знаком с фенеками. Он часто видел их в неволе. Знал немного и их анатомию. Ему было известно, что в их черепе отсутствует бороздка, к которой прикреплены височные мышцы, и что, следовательно, у них слабые челюсти — гораздо слабее, чем у обыкновенной лисицы. Значит, разгрызть страусовое яйцо фенеку не под силу. Не может он и разбить яйцо когтями, так как, хотя он обитает в жарком поясе, подошвы его лапок покрыты



фенеком, который катил яйцо страуса.

мягкой шерстью, как у песца. Эта его удивительная особенность до сих пор никак не объяснена натуралистами.

При такой структуре тела и слабосилии, доказывал Ганс, фенеку так же трудно достать содержимое страусового яйца, как проникнуть в середину пушечного ядра. Черныш говорил понаслышке, будто бы фенек питается белком и желтком страусовых яиц, но как он это делает, бушмен никогда не видел и объяснить не мог.

Однако молодые люди недолго оставались в неизвестности. Через несколько минут сам фенек открыл перед изумленными охотниками свою тайну.

Подъехав к гнезду на довольно близкое расстояние, все увидели маленького фенека и быстро сдержали лошадей, чтобы как-нибудь не спугнуть его. Но он был так занят собственными делами, что не заметил их приближения. Толстый слой мягкого песка, который покрывал землю, настолько заглушал стук копыт, что

фенек, несмотря на свой отличный слух — пропорциональный величине его ушей, — не уловил ни звука. Он весь ушел в работу и ни разу не взглянул в сторону охотников. Временами он поднимал голову, но только для того, чтобы посмотреть, не возвращаются ли страусы. Таким образом, молодые люди, сами оставаясь незамеченными, могли без помехи следить за всеми его действиями. А это было очень интересно.

Черныш и кафр крепко держали собак на сворках, и все, затаив дыхание, замерли, как статуи.

Что же делал маленький фенек?

Сначала зрители оставались в недоумении, но скоро все объяснилось.

В тот момент, когда они его увидели, фенек был на расстоянии нескольких ярдов от гнезда, с противоположной от охотников стороны. Он стоял к ним спиной, и передняя часть его туловища казалась приподнятой, как если бы лапы его на что-то опирались. Это «что-то» было страусовое яйцо. Фенек катйл его перед собой по песку, толкая попеременно то одной, то другой лапкой. Эти его равномерные движения напоминали движения несчастных рабов на сукновальнях, с той только разницей, что труд фенека не был подневольный.

Но зачем фенек катил яйцо? Уж не думал ли он докатить его до своей норки? Это была бы нелегкая работа, так как его подземное жилище, без сомнения, находилось совсем не по соседству.

Однако катить яйцо к себе в дом вовсе не входило в намерения фенека. Он собирался пообедать тут же, на месте, или, по крайней мере, поблизости. Зрители скоро увидели, где накрыт его стол. Им пришел на память один любопытный рассказ про кааму, который они когда-то слышали и теперь, глядя на хлопоты фенека, тотчас догадались, зачем он все это делает.

В трех — четырех ярдах от мордочки фенека лежал небольшой камень, всего дюймов двенадцати в вышину, но фенеку было, видимо, достаточно и такого, потому что он катил яйцо прямо на него.

Немного погодя охотники убедились, что их догадка была верна. Когда между мордочкой фенека и камнем

оставалось фута три, он внезапно сделал быстрый скачок вперед, увлекая лапками яйцо. Твердая скорлупа ударилась о еще более твердый камень, послышался явственный звук «крак!», и, вглядевшись пристальней, молодые люди увидели, что яйцо разбито вдребезги.

Завтрак фенека был перед ним, и он сразу принялся за еду; но охотники тоже были голодны, терпение их иссякло, и, пришпорив лошадей и спустив собак, они поскакали вперед.

Недалеко убежала лисичка, спасая свою жизнь, — она промчалась всего каких-нибудь двести ярдов. Собаки настигли ее, и Черныш, осыпая собак ударами плетки из гиппопотамовой кожи, едва успел спасти от их клыков прекрасную шкурку лисички.

Яйца были быстро собраны. Те, что лежали в гнезде, как и предвидел Виллем, уже порядком «перезрели». Часть была с птенцами, другие протухли. Но среди разбросанных по сторонам нашлось несколько совершенно свежих, и охотники получили на завтрак желанную яичницу.

Черныш показал им, как лучше всего варить яйца страусов. Одним концом их ставят в горячую золу, на другом делают дырку и палочкой помешивают содержимое до тех пор, пока оно как следует не проварится. Так приготовляется омлет из страусовых яиц.

Глава XIV

ГОЛУБЫЕ АНТИЛОПЫ

Несмотря на то что охота на фенека оказалась не очень интересной, юношам все же не пришлось особенно сетовать на свои охотничьи неудачи. В южной Африке, кроме слабых и беспомощных лисичек, есть множество сильных и неутомимых животных, и с одним из них им посчастливилось встретиться в тот же день и даже чуть ли не в тот же самый час.

По другую сторону рощи, около которой были замечены страусы, лежала широкая, открытая равнина.

Только узкая лесная полоса отделяла ее от пустыни. Это была прерия или обширный луг, и трава на нем, особенно по сравнению с ровным темным пространством по другую сторону леса, казалась удивительно яркой и свежей.

Луг был очень большой, но вполне обозримый. В отдалении виднелся закрывавший горизонт лес из жирафьей, или верблюжьей, акации, и по лугу тоже были кое-где разбросаны группы этих деревьев; их зонтичные кроны и бледно-зеленая листва придавали пейзажу живописность и разнообразие.

Этот луг казался настоящим парком. Рощицы и перелески расположились на нем так правильно, как будто их нарочно, для красоты, посадили среди широких площадок с сочной травой.

Такой великолепный парк, такие роскошные пастбища не могли не иметь хозяев; и точно, хозяева здесь были. Но ни построек, ни домов и вообще никаких следов человека нигде не было видно. Парк имел совсем других обитателей. На лужайках и в рощицах можно было разглядеть много разных крылатых и бескрылых существ. Всевозможные редкие и красивые птицы и четвероногие сделали этот прекрасный уголок своим приютом.

По зеленому газону шагал секретарь — глотатель змей, выискивая в траве свою сверкающую добычу. Ему нечего было опасаться внезапно подкравшегося кровожадного зверя — даже не распуская крыльев, только с помощью своих длинных ног, он мигом оказался бы за пределами досягаемости гиены, шакала или леопарда. Секретарь — птица быстроногая, почти такая же быстроногая, как сам великан-страус, и недаром арабы дали ему смешное прозвище — «лошадь дьявола».

Невдалеке от него, на лужке, стояла, выпрямившись, еще одна высокая птица, но совсем иных привычек и характера. Это была пава, или дикий павлин, как называют ее буры, а на самом деле дрофа, и притом самая большая из всего семейства.

От рощицы к рощице, поклевывая на пути, перебегали стайки серебристых цесарок, и их непрерывная

болтовня, напоминающая лязг металла или визг сотни натачиваемых пил, неприятно резала слух.

С дерева на дерево перелетали яркие попугаи, зеленые голуби и нежно воркующие голубки; над усеянными цветами кустарниками порхали всех видов крошечные пташки — нектарницы, заменяющие в Африке колибри. Птицы-ткачи устроили на ветвях деревьев свои висячие гнезда, которые качались, точно какие-то большие плоды; а верблюжья акация вся была увешана обширными тростниковыми жилищами общественных воробьев дружной республиканской братии.

Но не одни только птицы населяли это очаровательное местечко. Четвероногие, такие же пестрые и нарядные, как и птицы, паслись на его зеленых прогалинах или отдыхали в прохладной тени акациевых рощиц.

За несколько часов прогулки здесь можно было встретить грациозных антилоп самых различных пород. Стада резвых южноафриканских антилоп-скакунов пробегали по лужайкам, шаловливо или в испуге делая высокие прыжки в воздух; иногда попадались бурые антилопы каамы и красноватые сассиби; кругами носился по лугу чудаковатый, с косматой гривой гну и бродили стада квагг и еще более красивых бурчеллиевых зебр. Можно было также увидеть тут и крадущегося вдоль опушки рощи великолепного, но внущающего ужас леопарда или даже самого грозного властелина этих мест — красавца льва.

И еще многие и многие другие, не менее интересные существа могут попасться на глаза путешественнику или охотнику за один только день езды по этим диким звериным владениям.

Какой контраст составлял этот прекрасный оазис по сравнению с однообразной бескрайной пустыней, простиравшейся по ту сторону леса до самого горизонта!

Молодые люди, огорченные неудачей с окружением страусов, недовольные слишком легкой охотой на фенека, твердо решили не упускать своего охотничьего счастья. Наконец-то можно будет вволю поохотиться хотя бы за антилопами-скакунами — уж их-то они непременно здесь встретят!

Юноши знали о существовании этой прекрасной равнины — она подходила почти к самому их лагерю. Накануне вечером они пасли там своих быков, и охотничье чутье тотчас им подсказало, что тут должно быть необыкновенное изобилие всяких животных. Теперь они решили непременно посетить эти места и не возвращаться домой без добычи.

Поэтому после приключения со страусовым гнездом они, не расседлывая лошадей, наскоро позавтракали и, захватив собак, снова пустились в путь. Конго и Черныш остались в лагере.

Ехать пришлось недолго — очень скоро они увидели дичь, и дичь редкостную.

Молодые охотники еще не выбрались из рощи, как их передовой, Гендрик, вдруг сдержал лошадь и знаком приказал остальным последовать его примеру. Все повиновались и, сидя в седлах под тенью деревьев, стали глядеть сквозь листву на развернувшуюся перед ними равнину. Зрелище, которое они увидели, заставило бы учащенно забиться сердца и более искушенных охотников.

Прямо против них на равнине паслось стадо благородных антилоп.

Антилопы эти не принадлежали к обычным породам. Это были не гну, и не скакуны, и не каамы, которых молодые люди очень хорошо знали. Подобных красавцев ни один из всей шестерки еще не видел никогда, и только по очертаниям их тела, изгибу рогов и другим характерным признакам охотники могли признать в них антилоп.

Это были крупные животные, ростом фута в четыре, с саблевидными, покато загнутыми назад рогами, валики на которых доходили почти до самых кончиков. Цветом антилопы были пепельно-серые с синим отливом; этот оттенок придавала их шкурке просвечивавшая сквозь шерсть иссиня-черная кожа.

Хотя никто из юношей никогда не встречал таких антилоп, но Ганс, Гендрик и Виллем легко определили, к какой породе они принадлежат. Антилопы этой породы в давние времена населяли Грааф-Рейнет, но изред-

ка попадались и гораздо южнее, у самого мыса Доброй Надежды. Это было задолго до того, как молодые охотники научились стрелять или ездить верхом, но от своих отцов они слышали рассказы про этих животных — об их голубой окраске, о длинных загнутых рогах, изящной форме тела и об их смелом, горячем нраве. Вспомнив это описание, юноши сразу признали в гулявших перед ними на лугу неведомых животных тех самых антилоп, о которых говорили им старики. Это были голубые, или, как их называют буры, синие, антилопы.

Ганс, оглядев их внимательно, подтвердил, что это точно голубые антилопы.

Семейство антилоп очень богато видами. Все это крупные, красивые животные; многие из них водятся в Южной Африке и преимущественно вблизи великой Оранжевой реки.

К числу болотных антилоп принадлежит водяной козел. Он очень силен, ростом около четырех футов и голубовато-серого цвета. Живет он на берегах рек, свободно входит в воду, отчего и называется водяным, отлично плавает, нравом отважен и свиреп. Затравленный или раненный, бывает очень опасен.

Антилопа бородатая почти такая же большая, как водяной козел, но отличается от него длинной бородой и гривой. По смелости и свирепости она не уступает водяному козлу, а в беге оба одинаково быстры. Бородатая антилопа, однако, не нуждается в близости воды и предпочитает холмистую местность; питается она, как козел, листьями акации.

К лошадиным антилопам принадлежит чалая антилопа — сильное и злое животное; ее толстые рога тоже загибаются назад, но более круто, чем у голубой антилопы. Живет чалая антилопа в горах и редко спускается в равнины.

Черная антилопа — самая красивая из антилоп. Недавно открытая в Южной Африке одним страстным английским охотником, она лишь теперь стала известна ученому миру. Ростом она не выше всех прочих — четырех футов и шести дюймов. Ее рога, более трех футов длины, имеют форму кривого восточного кинжала.

Спина у нее черная как смоль и блестящая. Отсюда и ее название; брюхо у нее белое, на голове и на шее тоже белые метины.

Все перечисленные антилопы являются редкостью даже в излюбленных ими местах. Они не ходят большими стадами, как газели, гну, дикие козы и пятнистые антилопы. Иногда черные антилопы появляются группами, верней — семействами в десять — двенадцать голов. Чаще же всего их можно встретить парами или в одиночку, и по сравнению с другими более общительными и многочисленными видами они редки даже на своей родине.

Голубая антилопа — самая редкая из всех, и некоторые натуралисты даже считают ее вымершей. Вряд ли это так. Африка велика, и в ней еще много неисследованных уголков.

Все эти сведения сообщил ученый Ганс, но, понятно, не в тот момент, когда они только что заметили бродивших по лугу антилоп. Наверно, если б товарищи были расположены его слушать, он тут же пустился бы в объяснения, но им было не до того. Гендрик и Толстый Виллем, широко раскрыв глаза, любовались красивыми животными, сильные и порывистые движения которых сулили им славную охоту.

Глава XV

ПОГОНЯ ЗА ГОЛУБЫМИ АНТИЛОПАМИ

Итак, на лугу паслось семь антилоп. Впереди выступал вожак, старый самец. Он был больше всех ростом, с длинными, загнутыми назад рогами. Антилопы направлялись к рощице, за которой журчал родник — вероятно, они шли на водопой. Увидев это, молодые охотники решили наскоро составить план действий, но совещание их внезапно было прервано по вине молодой, плохо выдрессированной гончей, которая, прежде чем они успели о чем-либо условиться, вдруг выскочила из кустов и, заливаясь лаем, помчалась прямо на антилоп.

Вожак предостерегающе фыркнул, и все семь антилоп, как по сигналу, круто повернулись и бросились бежать.

Неожиданная выходка собаки спутала все карты, и ни о какой тактике думать уже не приходилось. Единственное, что оставалось охотникам, — это пуститься в отчаянную погоню.

Пришпорив лошадей, все шестеро выскочили из-под прикрытия и полетели по равнине.

Несколько минут длилась стремительная скачка — впереди семь голубых антилоп, за ними собаки, за собаками — охотники. Какое это было великолепное зрелище!

Но очень скоро первоначальные расстояния между собаками, людьми и дичью нарушились, и вся картина совершенно изменилась. Первым рассыпался строй всадников. Пони Клааса и Яна начали отставать и наконец оказались далеко позади. Потом сбавил скорость философ Ганс. Его коб, который не имел соперников в дальних переходах и был незаменим при стрельбе с седла, решительно не годился для такой гонки. Затем выбыл красавец Аренд; он, конечно, мог бы занять лучшее место, потому что под ним была хорошая лошадь, но Аренда мало привлекала охота, а еще меньше скачка под палящим солнцем; он ослабил поводья, а охотники тем временем ускакали далеко вперед, так что даже уследить за ними было невозможно. Тогда Аренд въехал в тень верблюжьей акации и лениво стал обмахиваться крагой своей военной перчатки.

Однако двое юношей со всем охотничьим пылом продолжали мчаться почти вровень с собаками. Это были Гендрик и Виллем; из чувства соревнования, о котором говорилось раньше, каждый поставил себе целью не отступать до тех пор, пока не убьет зверя.

Оба были на прекрасных лошадях, хотя и совершенно разных.

У Гендрика был красивый небольшой вороной конь с арабской кровинкой; этой примеси было достаточно, чтоб из него получилась в полном смысле охотничья лошадь — прекраснейшая порода в мире, лучшая даже,

чем чистокровные арабские. Такие лошади хороши везде, за исключением бегов на призы.

Лошадь Толстого Виллема была совсем иная, и можно сказать, что многие черты, свойственные хозяину, отличали и коня.

Рост обеих лошадей был пропорционален росту наездников: если Виллем был вдвое больше Гендрика, то и лошадь его была вдвое больше лошади его троюродного брата; ноги же ее были уже вне всяких пропорций.

Вот как она выглядела. Спина у нее была плоская и тощая, ноги высокие и костистые, шея необычайной длины, без малейшего намека на изгиб, голова худая и шишковатая, как у жирафа. И вообще в ней так много было сходства с этим смешным четвероногим — неровный и неуклюжий аллюр, жидкий хвост с длинной репицей, — что молодые охотники так и окрестили ее: «Большой Жираф». Казалось, уродливее лошади нельзя было найти в стране буров, но ее хозяин, Толстый Виллем, не променял бы ее на красивейшую лошадь во всей Африке.

Однако, несмотря на свое безобразие, это был прекрасный конь. Про таких коней жокеи говорят: «На вид дурен, да под седлом хорош». А Виллем не глядел на внешность. Внутренние качества он всегда предпочитал многообещающей наружности. Большой Жираф был как бы олицетворением его вкуса: по виду не обещал ничего, а на деле был удивительно хорош. Много кваґг, зебр и сассиби загнал он, много неутомимых гончих оставил позади себя и множество охотников опередил, неся на себе тяжелый груз — Толстого Виллема. Понятно, что тот высоко ценил своего прекрасно тренированного коня.

Гендрик тоже очень любил своего красавца вороного. Разговоров о том, чья лошадь быстрее и выносливее, было множество, но проверить по-настоящему их качества до сих пор не представлялось случая. В отношении красоты все преимущества были на стороне скакуна Гендрика — сам Толстый Виллем признавал это и только посмеивался, удивляясь, что красоту считают каким-то достоинством лошади.

Охота на голубых антилоп как раз могла послужить хорошим испытанием для обеих лошадей. Антилопы выбежали на открытую равнину, увлекая за собой охотников; скакать за ними предстояло много миль подряд, так как это животное не из тех, что скоро выдыхаются. Сейчас будет ясно, у кого из всадников лошадь лучше.

Оба решили выжать из своих лошадей все возможное. Как опытные наездники, они не ринулись вперед сломя голову, а намеренно придерживали коней, чтобы сберечь их силы для последнего, решительного рывка. Гендрик чувствовал, что первые две — три мили ему не составит труда обойти Большого Жирафа. Но антилопы сразу развили очень большую скорость, и ему не верилось, что удастся перехватить их на такой короткой дистанции. Поэтому он пустил своего коня вольной рысью, чтобы в конце охоты большая лошадь соперника не взяла над ним верх.

Некоторое время оба всадника скакали бок о бок следом за вырвавшимися далеко вперед собаками, тогда как кучка антилоп продолжала мчаться все дальше и дальше. Антилопы не искали спасения в кустах и перелесках, хотя несколько больших рощ уже попалось на их пути. Они держались открытой равнины и, как это всегда делают олени и голубые антилопы, бежали напрямик к воде.

Но собаки не экономили своих сил — среди них были молодые и глупые, хотя и быстрые как ветер; и не успели антилопы пробежать и одной мили, как два или три пса так стали на них наседать, что стадо раскололось и смертельно напуганные антилопы бросились врассыпную.

Охота тотчас приняла совершенно другой характер. Свора собак тоже разделилась, каждая собака помчалась за той антилопой, которая казалась ей ближе остальных, и через несколько мгновений дичь и гончие рассыпались по всей равнине.

Теперь охотникам предоставлен был выбор: или преследовать разных антилоп, или же обоим гнаться за одной. Ни у того, ни у другого не было ни секунды сомнения: разойдутся они только в том случае, если один

опередит другого. Тайное чувство соперничества крепко в них укоренилось. Даже сами лошади, казалось, прониклись этим чувством и, галопируя бок о бок, поглядывали искоса друг на друга.

Антилопу, которую они выбрали, легко было отличить от всех остальных. Старый самец, только что предводительствовавший стадом, бежал теперь один, а за ним неслись две самые сильные собаки. Его рога, как метеоры, сверкали впереди всадников и манили их за собой.

Не обменявшись ни словом, оба поскакали вслед за ним.

Глава XVI

ПАДЕНИЕ ТОЛСТОГО ВИЛЛЕМА

Охота приобрела теперь особенную остроту: для лошадей, собак и антилопы она сделалась состязанием на скорость. Старый самец бежал в том же направлении, что принял вначале. Остальные давно покинули его, но ему незачем было сворачивать в сторону. Он знал, где искать спасения. Его перепуганные товарищи обратились в бессмысленное бегство, он же, не теряя присутствия духа, мчался прямо к воде.

Впереди виднелась темная полоса — это был лес, окаймлявший какую-то реку. К ней он и стремился; но для того, чтобы погрузить свои копыта в спасительную воду, ему надо было пересечь громадную равнину. По этой-то равнине, как вихрь, и неслась теперь вся охота.

Смешно сказать, но собаки, избравшие самца своей жертвой, тоже были соперницы: одна принадлежала Гендрику, другая — Виллему, и обе были любимицами своих хозяев.

Каждый всадник, его собака и его лошадь, казалось, горели одним желанием и изо всех сил стремились к победе.

Не подумайте, чтобы между Толстым Виллемом и Гендриком была какая-то вражда. Вовсе нет. Просто и тот и другой любили свою лошадь и свою собаку и же-

лали им победы; их охотничья репутация была поставлена на карту, и оба решили во что бы то ни стало торжественно привезти в лагерь голову и рога голубой антилопы.

Несмотря на это, никакой неприязни между юношами не было. Ничего подобного.

Как красиво бежала антилопа! Как легко перепрыгивала она через кочки, почти горизонтально вытягивая ноги в прыжке, высоко держа голову и пригибая рога к спине! Как хорошо и красиво она бежала!

Временами под ее копытами оказывался твердый грунт, и тогда она выигрывала расстояние; но потом собаки с яростным лаем снова ее настигали, а следом за ними, в какой-нибудь сотне ярдов, неслись всадники. Голубая шерсть на спине самца потемнела от проступившего сквозь черную кожу пота, а пена большими клочьями покрыла его шею и плечи. Красный влажный язык высунулся изо рта, и охотники могли бы расслышать тяжелое дыхание зверя, если б его не заглушал храп их собственных лошадей.

Пять миль скакали они этим бешеным галопом — пять миль, не ослабляя поводьев и не меняя аллюра!

Уже лес был близко, а за лесом, наверно, вода! Зверь уйдет, если не нагнать его сейчас же; быть может, там проходит глубокий рукав какой-нибудь реки, а голубые антилопы плавают, как утки. Самец нырнет, они останутся на берегу — и прощай добыча!

Страх упустить антилопу заставил охотников пришпорить лошадей для последнего, решительного броска. Их скорость была почти одинакова. Теперь началось испытание на выносливость.

Почувствовав шпоры, обе лошади разом рванулись вперед, но почти тотчас Большой Жираф потерял вдруг равновесие и вместе со своим громадным всадником тяжело рухнул на землю.

Могучая лошадь провалилась ногой в нору земляного волка.

Гендрик, лошадь которого вырвалась вперед, услышал за собой глухой шум падения, оглянулся через плечо и увидал барахтавшихся на траве Толстого Виллема

Антилопа стала взбираться на высокий

и Большого Жирафа. Но впереди было нечто гораздо более привлекательное — изнемогавшая на бегу антилопа, и Гендрик (что извинительно для охотника) даже не остановился узнать, не ранен ли его товарищ; вместо этого он пришпорил свою усталую лошадь.

Через пять минут загнанная антилопа добежала до опушки леса, повернулась и грудью стала против своих врагов; собаки прыгнули на нее. Для одной из них — любимицы Виллема — этот прыжок оказался роковым. Счастье отвернулось от нее, как и от ее хозяина. Антилопа подняла ее на свои острые рога и с силой отшвырнула на землю. Раздался жалобный вой, и больше собака не издала ни звука; лапы ее судорожно дернулись, и через минуту на земле лежало бездыханное тело.

Любимицу Гендрика постигла бы та же участь, если б ее хозяин в этот самый момент не подоспел к месту боя. Новый испуг придал антилопе свежих сил; она отскочила и бросилась в кусты, преследуемая псом.

берег. Гендрик поспешно выстрелил...

Гендрик сразу потерял их из виду. Только треск веток, которые ломала сильная антилопа, продираясь сквозь чащу, да лай собаки указывали ему направление, куда уходила добыча.

Пустив лошадь умеренной рысью, с трудом продираясь через кусты, он поехал по следу антилопы. Каждую минуту он надеялся услышать отрывистое, яростное тявканье — это было бы знаком, что антилопа снова остановилась. Но его ждало разочарование: он больше не слышал голоса собаки.

Он уж начал думать, что самец от него ушел и что после всех удач, которые сопутствовали ему в начале охоты, ему придется вернуться в лагерь ни с чем. Гендрик не на шутку огорчился оборотом, который приняли его дела, а тут, к еще большему своему огорчению, услышал вдруг сильный всплеск, как если б какое-то тяжелое тело упало в глубокую воду. Он понял, что это прыгнула антилопа. Другой всплеск — это прыгнула собака.

Антилопа добралась до реки и теперь наверняка уйдет. Река, казалось, была совсем близко — перед Гендриком уже открылся широкий просвет. Может быть, он еще поспеет вовремя? Может быть, он спустится к воде раньше, чем антилопа выплывет на другой берег? Тогда он пулей прикончит свою добычу.

Не теряя ни минуты, Гендрик дал шпоры и помчался галопом с холма.

Через несколько секунд Гендрик уже был на берегу. Он очутился у глубокого места, где было тихое течение, но расходящаяся по воде рябь указала ему, куда поплыла антилопа. И правда, он увидел две точки, быстро двигавшиеся по поверхности. Это были рога антилопы и голова гончей.

Гендрик не имел времени спешиться. Прежде чем он остановил лошадь, антилопа уже выскочила из воды и стала взбираться на высокий противоположный берег. Он поспешно выстрелил — широкая спина антилопы представляла собой хорошую цель. В следующий момент в воздухе мелькнул клок шерсти, вырванный пулей у самого хребта, и из раны хлынула волна алой крови. Еще не замерло эхо от выстрела, как антилопа упала, покатилась вниз с крутого берега и осталась лежать без движения у самой воды.

Глава XVII

УПОРНАЯ БОРЬБА

Рога достались Гендрику!

Так думал Гендрик, когда раненая антилопа скатилась с берега, чуть ли не прямо в пасть его гончей.

Однако минуту спустя он увидел, что ошибся. Антилопа, только что лежавшая бездыханным трупом, вдруг вскочила, рогами сбросила с себя собаку и, перепрыгнув через нее, снова нырнула в воду. Собака ринулась следом; она плавала быстрее и, нагнав антилопу на середине реки, схватила ее зубами за ляжку. Сильный самец тотчас стряхнул с себя собаку и, круто повернувшись в

воде, двинулся прямо на нее. Не раз любимица Гендрика оказывалась на волосок от смерти, и только набегающая волна спасала ее от гибели.

Несколько минут шла ожесточенная борьба. Вода кругом вся покраснела от крови, лившейся из пулевой раны и из ляжки антилопы, разорванной собачьими клыками. Да и собачьей крови было тут немало — самец не впустую бил своими острыми рогами: шкура пса основательно пострадала, и обильные струи крови текли сразу из многих ран.

Выстрелив, Гендрик спешился, но не для того, чтобы снова зарядить ружье. Он был уверен, что антилопа убита наповал и ему остается только переправить добычу на свой берег. Он уже закинул повод на ветку, но только начал завязывать узел, как возобновившаяся на том берегу возня и затем прыжок собаки и антилопы в воду заставили его бросить повод и снова схватиться за ружье.

Он поспешно забил пулю и побежал к реке.

Вдоль всего берега густо разросся молодой ивняк. Сидя в седле, Гендрик смотрел поверх кустов и с высоты лошади видел перед собой все пространство воды. Теперь же он только смутно различал реку сквозь верхушки веток. Перед ним крутились какие-то водовороты, покрытые пузырями и пеной. Он слышал, что борьба между антилопой и собакой продолжается, но они так близко подплыли к заросли, что Гендрик за листьями ничего не мог рассмотреть.

В одном месте, где берег полого спускался к реке, в ивняке оказался пролом. Это была тропа, по которой дикие звери ходили на водопой. По обеим ее сторонам сплошной стеной росли кусты, образуя как бы узкую аллею или коридор.

Взгляд Гендрика упал на эту тропу, и он, не медля ни секунды, кинулся туда.

Антилопа тоже заметила эту тропу. Здесь ей всего легче было выбраться из воды, потому что берег тут был низкий. И вот в тот самый момент, когда охотник бросился вниз по тропе, на другом ее конце появилась антилопа.

Оба неслись так стремительно, что через какие-нибудь пять секунд столкнулись лицом к лицу.

Уступить друг другу дорогу было невозможно — мешала стоявшая по сторонам густая чаща. Назад повернуть тоже было нельзя — они так разбежались, что даже не могли остановиться. Страшное столкновение было неизбежно.

Такая встреча представляла все выгоды антилопе, охотнику же грозила гибелью. Гендрик это понял: спасти его мог только своевременный выстрел. Но все случилось так внезапно, что Гендрик не успел даже вскинуть ружье к плечу — животное было уже в каких-нибудь двух шагах от него, и не приходилось терять ни секунды.

В отчаянии он выстрелил наудачу. Пуля едва оцарапала антилопе спину и только еще больше разъярила ее. Опустив голову и наставив свои похожие на ятаганы рога, она ринулась на охотника.

Для Гендрика это был момент величайшей опасности. Еще минута — и антилопа пронзила бы его своими страшными остриями, но инстинкт охотника подсказал ему путь к спасению: он отшвырнул ружье и побежал навстречу антилопе, точно сам хотел броситься ей на рога.

Но не в этом, конечно, заключалось его намерение. За два — три шага от зверя он вдруг, словно газель, взвился на воздух.

Этот прыжок его спас. Рога проскочили под ним, и он с размаху упал на круп антилопы.

Задние ноги животного согнулись под неожиданным грузом, и Гендрик соскользнул на землю. Он не успел еще подняться, как старый самец уже повернулся и снова ринулся на него.

Гендрику пришел бы конец, останься он с антилопой один на один. Но помощь была близка. На место схватки примчалась гончая, и в тот момент, когда антилопа бросилась на Гендрика, собака прыгнула и вцепилась ей в горло.

Гендрик почувствовал толчок, который был бы несравненно сильнее, если б собака, тяжело повисшая на

горле антилопы, не помешала ей ударить со всего размаха. Благодаря своей гончей Гендрик был только слегка ранен.

Однако антилопа копытами оторвала от себя собаку и бросила ее на землю, готовясь тут же поднять на рога.

После полученного им удара Гендрик был в такой же ярости, как сама антилопа, и не мог потерпеть, чтобы у него на глазах убили его любимого пса, — он решил во что бы то ни стало спасти его. Разгоряченный борьбой, уже не думая об отступлении, он выхватил охотничий нож и бросился к антилопе, которая, занявшись собакой, повернулась к нему боком. Левой рукой Гендрик для опоры схватился за ее рог, извернулся и другой рукой всадил ей длинное лезвие между ребер по самую рукоятку.

Удар был верный — он пришелся в самое сердце. Гендрик еще не выпустил рога, как животное свалилось мертвым к его ногам.

Немного успокоившись, Гендрик вспомнил про Толстого Виллема. Почему его нет до сих пор? Уж не разбился ли он? Гендрика охватила тревога, и, оставив самца, он решил сейчас же поехать к месту падения своего друга. За антилопой можно будет вернуться после. К счастью, его умная лошадь никуда не ушла, хотя он и оставил ее непривязанной. Гендрик вскочил в седло и поскакал по прежней дороге.

Одно обстоятельство особенно его заботило. Когда он бился с антилопой, до него донесся громкий выстрел Виллемова громобоя. По ком он стрелял? Или еще одна антилопа побежала в его сторону? А вдруг это был сигнал бедствия? Гендрик не знал, что думать, и сильно беспокоился.

Но все его опасения рассеялись очень скоро. Выбравшись на опушку, он увидел Виллема верхом на коне, уже готового пуститься ему навстречу. Для Гендрика это была большая радость: самый факт, что Виллем преспокойно сидит в седле, а Большой Жираф прочно стоит на ногах, показывал, что ни один из них не получил серьезного ранения.

Так оно и было, в чем Гендрик скоро удостоверился. Оказалось, что сам он пострадал куда больше, чем Виллем, — как-никак, а на руке у него была глубокая царапина от рога антилопы. Зато досаде Виллема не было предела; и хоть Гендрику очень хотелось обратить в шутку все это несчастное приключение, но он сдержался, щадя самолюбие своего товарища.

Он спросил, что обозначал слышанный им выстрел. Это стрелял Виллем? Утвердительно кивнув головой, тот указал на лежавший на земле труп какого-то странного животного.

Гендрик подъехал ближе и, наклонившись с седла, стал его рассматривать.

Это был редкий и удивительный зверь. Ростом он был с большого терьера, но совсем другой наружности. Задние лапы у него были короткие, как у гиены, и вообще он сильно бы ее напоминал, если б не длинная и острая морда, широкая спина и гораздо более стройные, чем у гиены, ноги. Это было очень привлекательное существо с длинной шерсткой, мягкой и шелковистой на вид. Цветом зверь был рыжевато-серый с черными поперечными полосами, что придавало ему особенное сходство с той породой гиен, которых так и называют полосатыми.

Но это была не гиена, а одно из тех странных животных, которые не принадлежат ни к какому определенному классу, а составляют между ними особое, промежуточное звено. Южная Африка изобилует подобными удивительными творениями как среди птиц, так и среди четвероногих. Примером могут служить хотя бы дикая собака, хиракс, зерда, фенек, гну и земляной волк; а среди птиц — змееед, орлан и многие другие. Известен только один вид каждого из этих странных существ, и родиной большинства из них является Южная Африка.

Животное, распростертое на земле перед Гендриком, было как раз такой зоологической загадкой и долгое время привлекало внимание классификаторов. Одни относили его к собачьей породе, другие — к гиенам, третьи считали виверрой, четвертые — лисицей. Прав-

да, со всеми этими животными у него было много общего как в образе жизни, так и в анатомическом строении, но ни к одному из них оно не приближалось настолько, чтобы его решительно можно было счесть собакой, лисицей, виверрой или гиеной. Пришлось создать отдельный род, и род этот получил имя «протелес». На земле перед Гендриком лежал протелес де Лаланда, названный так в честь путешественника де Лаланда, который первым описал его.

Но для Гендрика и Толстого Виллема это был попросту земляной волк, то есть волк, живущий в глубоких норах. Юношам этот волк был хорошо знаком: в Южной Африке он не редкость и встречается даже в населенных местах, только увидеть его нелегко — это зверь ночной. Днем он сидит в своем подземном жилище. Однако дурные наклонности всегда выдают его присутствие, и хотя на глаза он почти не попадается, зато бурам часто приходится видеть плачевные последствия его ночных похождений.

В Южной Африке держат овец особой породы, отличающихся большими, толстыми курдюками, содержащими несколько фунтов чистого сала, которое жены колонистов употребляют на разные хозяйственные надобности. Эти-то курдюки, свисающие до самой земли, и составляют любимое лакомство земляного волка, так как челюсти у него гораздо слабее, чем у гиены, и он вынужден промышлять себе мягкую пищу. Бур-скотовод, встав поутру, то и дело обнаруживает, что его овцы лишились своих драгоценных курдюков и виновником этого несчастья всегда оказывается прожорливый земляной волк.

Поэтому неудивительно, что молодые охотники представляли его себе достаточно хорошо, и теперь Гендрик рассматривал мертвое животное совсем не из любопытства. Он и раньше видел этих волков, да и убил их немало. Просто ему интересно было знать, куда именно попала пуля Виллема.

— Откуда он взялся? — спросил Гендрик.

Толстый Виллем отвечал, что волк выскочил из норы, в которую провалился Большой Жираф.

— Я только что встал на ноги, а тут он и бежит, — рассказывал Виллем. — Меня зло взяло — я ведь из-за него чуть себе шею не свернул, — вот я и пустил в него пулю, хоть он не стоит ни свинца, ни пороха.

Так объяснилась причина услышанного Гендриком выстрела.

Молодые люди собрались ехать за антилопой, чтобы перевезти в лагерь как можно больше мяса. Тут подоспели Ганс и Аренд, и все четверо двинулись к реке.

Антилопу разрубили на четыре части, каждый взвалил свою долю на круп лошади, и юноши пустились в обратный путь.

Настроение у всех было прекрасное, за исключением, пожалуй, только Виллема, который по двум причинам был сильно не в духе. Во-первых, он был огорчен потерей собаки; во-вторых, никак не мог примириться с тем, что его охотничья репутация потерпела урон. Забыть это было трудно; правда, Гендрик старался не растравлять его рану, но Ганс и Аренд вовсе не были так великодушны и всю дорогу от души смеялись над его несчастным падением.

Глава XVIII

ОТРАВЛЕННЫЕ СТРЕЛЫ

Клаас и Ян давно вернулись в лагерь и, расседлав своих пони, расположились в тени фургонов.

Они не умели быть праздными и скоро нашли себе занятие, интересовавшее и забавлявшее их. Черныш был божеством обоих мальчиков, — Клаас и Ян поклонялись ему, потому что во всей Африке не было птицы, которую он не сумел бы поймать в силок или ловушку; и в часы досуга, загнав буйволов в крааль и покончив со всеми своими заботами, он охотно показывал двум молодым минхерам, как устраивать всевозможные привады и тенета для летающих птиц.

Сегодня мальчики с особенным интересом следили за приготовлениями бушмена: на этот раз он задумал пой-

мать не летающую птицу, а бегающую, — и какую же? Страуса.

Черныш поставил себе целью вырвать перья у того самца, чье гнездо подверглось сегодня утром такому грубому нападению и разорению.

Только как он поймает страуса?

Взять его живым он не надеялся. Это не так-то просто. Погоня за страусом, всегда долгая и утомительная, может увенчаться успехом лишь в том случае, если в ней участвуют несколько всадников на быстрых лошадях.

Но Чернышу и не нужен был живой страус. Его интересовали только кожа и перья, или, вернее, те несколько золотых, которые он получит за них по возвращении в Грааф-Рейнет. Ловить для этого страуса не к чему — достаточно убить его. Впрочем, и это дело нелегкое.

Как же думал Черныш привести в исполнение свой замысел? Конечно, он мог бы попросить карабин у Гендрика или громобой у Виллема, но с огнестрельным оружием Черныш был не в ладах, и дай ему хоть карабин, хоть громобой, он не убил бы из них даже слона, не то что страуса.

Да, метко всадить пулю Черныш не умел, но зато у него было свое собственное оружие, и им он владел в совершенстве. Это был его лук. С помощью небольшого лука (едва в ярд длиной) бушмен пускал маленькие, тонкие стрелы, такие же смертоносные, как свинцовая пуля, летящая из карабина или ружья.

Глядя на эту легкую оперенную стрелу с маленьким железным наконечником, очень трудно было поверить, чтобы она могла убить большого, сильного страуса. И, однако, такими вот стрелами Черныш убивал даже громадных жирафов. Смертельным и опасным оружием была стрела бушмена.

В чем же крылась причина ее смертоносности? Вряд ли в ее размере и, уж конечно, не в стремительности ее полета. Нет. Что-то другое — не упругость лука и не вес стрелы — делало оружие бушмена таким опасным. Опасным делал его яд.

Стрелы у Черныша, как и у всякого бушмена, были отравлены, поэтому не мудрено, что они несли с собою смерть.

Дикарские племена всего земного шара употребляют лук и стрелы, причем форма и устройство этого оружия везде совершенно одинаковы. Это очень любопытный факт. Посудите сами. Абсолютно чуждые другу другу племена и национальности, живущие, казалось бы, совсем обособленно от остального мира и никак не связанные между собой, вдруг оказываются обладателями одного и того же оружия, построенного на одном и том же принципе и отличающегося только в деталях, объясняемых большей частью лишь особенностями окружающей обстановки. Как бы ни были различны обычаи и нравы каких-нибудь двух дикарских племен, вооружение у них всегда одно и то же — лук и стрелы.

Что это, просто совпадение, которое объясняется тем, что одинаковые потребности вызывают повсюду одинаковый результат? А может быть, обладание одним и тем же оружием доказывает, что эти различные и отдаленные друг от друга племена когда-то, на заре своего существования, составляли одно целое или общались между собой?

Для истории человечества это очень интересный вопрос, но соображения, которые он влечет за собой, здесь не к месту и завели бы нас слишком далеко.

Не менее, а может быть, еще более любопытен факт употребления отравленных стрел. Почти во всех частях света мы видим дикарей, которые смазывают свои стрелы ядом; способ приготовления этого яда везде один, а если и есть какая-нибудь разница, то она тоже вызвана природными особенностями того края, где живет данное племя.

Итак, все дикари знакомы с ядом для стрел и приготовляют и употребляют его везде одинаково. И опять же, географически они так отдалены друг от друга, что очень трудно, даже невозможно предположить, будто между ними или хотя бы их отдаленнейшими предками существовала какая-либо связь. Например, нельзя себе представить, чтобы африканские бушмены когда-то сно-

сились с чанчосами с реки Амазонки или, что уже совсем невероятно, с индейцами Северной Америки; однако все они употребляют отравленные стрелы и приготовляют яд одним способом. И у тех и у других это всегда смесь растительного яда со змеиным, извлекаемым из желез ядовитых змей. В Северной Америке материал для этой смеси поставляют гремучая и мокасиновая змеи, а также разные коренья; южноамериканский яд, знаменитый вурали, или кураре, как его неправильно называют, получается от смешения растительных соков с ядом целого ряда змей: коралловой бойкviры или алмазной гремучей змеи, рогатой гадюки, страшного «властелина лесов», которая тоже является разновидностью гремучей змеи, и многих других. В Южной Африке яд для стрел добывается из яда пуф-змеи, или найи (местной кобры), и сока корня эмариллиса — ядовитой луковицы, как называют его колонисты. Из этих-то элементов и составлял наш бушмен свою опасную смесь.

Черныш, как и все бушмены, был большой искусник в деле приготовления ядов, и Клаас с Яном все утро не отходили от него, наблюдая, как он смешивает составные части.

Эти яды всегда были у Черныша под рукой, и всякий раз (а это случалось часто), когда кто-нибудь из молодых охотников убивал по дороге змею — какую-нибудь найю, или пуф-змею, или рогатую гадюку, — Черныш не упускал случая вскрыть ядовитую железу, расположенную позади ядовитых зубов, и извлечь из нее каплю яда; накопленный яд он держал в особом пузырьке.

Была у него также в запасе и горная смола, которую он собирал в известных ему пещерах, где она сочится из трещин в скале. Эта смола прибавляется к яду не для того, чтобы усилить его действие, как думают некоторые путешественники, а лишь затем, чтобы яд получился клейким, как можно крепче пристал к наконечнику и остался на нем во время полета стрелы. Южноамериканские индейцы для этой же цели употребляют растительные смолы.

Ядовитые луковицы Черныш мог бы добыть в любой момент, так как амариллис повсюду растет в изобилии. Но Черныш не любил полагаться на случай и потому постоянно собирал корни амариллиса и складывал их в один из выдвижных ящиков фургона ван Блоомов, где у него были припрятаны всякие принадлежащие ему мелочи.

Итак, Клаасу и Яну представился редкий случай своими глазами увидеть приготовление знаменитого яда для стрел.

Прежде всего Черныш выдавил сок из луковицы амариллиса и прокипятил его на огне в небольшой жестяной кастрюльке, потом прибавил туда несколько капель драгоценного змеиного яда и стал перемешивать полученную смесь до тех пор, пока она не сделалась совершенно темной. Когда смесь была готова, Черныш, к великому изумлению мальчиков, попробовал ее на вкус!

Очень им показалось странно (как, наверно, кажется и тебе, мой юный читатель), что яд, самая ничтожная доза которого должна была наверняка убить Черныша, был им проглочен совершенно безнаказанно!

Но нужно помнить, что яды, как растительные, так и минеральные, очень различны по своим свойствам. Минимальное количество мышьяка, попав в желудок, приводит к смерти, и в то же время можно без малейшего вреда проглотить голову гремучей змеи вместе с зубами и ядовитыми железами.

И наоборот, крошечная капля змеиного яда, введенная в кровь хотя бы уколом иголки, производит роковое действие, тогда как другие яды, попав в кровь, оказываются абсолютно безвредными.

Черныш знал, что в его смеси не содержится мышьяка или какого-нибудь другого «желудочного», если можно так выразиться, яда. У него был только «кровяной» яд, который он мог безнаказанно пробовать.

Последней в жестянку была влита смола; Черныш еще немного помешал смесь, и, когда она сделалась достаточно густой, чтобы прочно прилипнуть к наконечникам, он взял пучок стрел и каждую в отдельности окунул в яд. Скоро наконечники остыли, яд на них высох, и

Черныш объявил, что стрелы готовы к употреблению. Он намерен был еще до заката солнца пустить их в ход: отравленные стрелы предназначались им для старого страуса.

Глава XIX

КАК ЧЕРНЫШ ПРИМАНИВАЛ СТАРОГО СТРАУСА

Клаас и Ян не очень заинтересовались приготовлением яда; гораздо любопытнее была для них самая охота — ведь бушмен собирался сегодня же вечером испробовать этот яд на страусе. Более того: он обещал показать им какой-то свой особенный способ охоты и ручался, что непременно убьет старого страуса. Мальчики заранее предвкушали увлекательное зрелище и весь этот день провели в самом приподнятом настроении.

Охота должна была начаться перед заходом солнца; страусы вернутся к своему гнезду, и тут-то и разыграется трагедия. Местом действия будет гнездо и близлежащая равнина, временем действия — предвечерний час. Такова была «программа» Черныша.

Старшие юноши почти всегда разрешали Чернышу охотиться за кем угодно; на этот же раз они с особой готовностью дали ему свое согласие, так как Клаас и Ян давно мечтали посмотреть охоту на страуса. В сущности, юноши и сами были не прочь принять в ней участие, но по некоторым причинам это было невозможно.

Не все они верили в успех задуманного дела. Правда, никто не сомневался в том, что отравленная стрела убьет птицу, но для этого требовалось, чтоб стрела в нее попала, а значит, стрелять надо было с близкого расстояния. Сумеет ли Черныш подкрасться к птицам? Этот вопрос занимал всех. Черныш должен был выйти на охоту при дневном свете. Выбирать время ему не приходилось. Ведь страусы вернутся к гнезду до наступления ночи — как только солнце спустится к горизонту и воздух станет холоднее, — а увидав, что в их отсутствие кто-то разорил гнездо, они тотчас убегут в панике и навсегда его покинут.

Таким образом, дожидаться темноты Черныш не мог; а между тем подойти к гнезду надо было как можно ближе — ведь его маленький лук стрелял всего на пятьдесят ярдов.

Может быть, Черныш спрячется где-нибудь в засаде и будет ждать там возвращения птиц? Но если прятаться, так около гнезда, иначе это вообще не имеет смысла, потому что птицы могут прийти откуда угодно и убежать в любом направлении.

Поблизости от гнезда Черныш нигде не мог укрыться, это было очевидно. На пятьсот ярдов в окружности не было ни камня, ни кустика, за которым мог бы притаиться человек; а ведь страусы так зорки и осторожны, что от них даже на вдвое большем расстоянии не спрячется и кошка. Может быть, вырыть яму и в ней залечь? Нет, это не поможет. Яма, окруженная кустами, обманет, пожалуй, льва, или носорога, или слона, но страуса так легко не проведешь: это очень умная птица, хотя некоторые судят по наружности и считают ее глупой. Вблизи гнезда страус заметит малейшее изменение в поверхности почвы и поостережется приблизиться, пока не произведет такое подробное обследование, что все ухищрения пойдут насмарку. Но Черныш и не собирался рыть никакой ямы, у него этого и в мыслях не было.

Как же, в таком случае, думал он поступить? Мальчики напрасно ломали себе голову. Черныш, как и все охотники, был себе на уме и вовсе не собирался сообщать им свои планы. Пусть смотрят и сами догадываются. Но мальчики тоже были охотники и, кроме того, хорошо воспитаны; поэтому они не приставали к нему с расспросами, а молча следили за его приготовлениями.

Последнее, что сделал Черныш, перед тем как отправиться к страусовому гнезду, было вот что: он взял убитого утром фенека и воткнул ему в живот несколько лучинок; когда его поставили на землю, получилось, будто фенек сам стоит на ногах, и даже на близком расстоянии он казался живым.

Солнце уже клонилось к западу. Черныш подхватил под мышку фенека, забрал лук и стрелы и двинулся в

путь. Он обещал Клаасу и Яну, что они будут свидетелями охоты, но оказалось, что это он только так выразился. На самом же деле им предстояло смотреть в зрительные трубки — в лагере их как раз было две. Взять мальчиков с собой Чернышу было нельзя. Если б он подвел их к гнезду на расстояние, с которого все можно разглядеть простым глазом, осторожные и зоркие птицы сразу бы их заметили и тотчас бросились бы наутек; ведь страусы, как говорилось выше, видят врага тогда, когда он их самих еще не видит.

И вот Клаас с Яном скорей побежали просить зрительные трубки. Старшие решили, что мальчики влезут на дерево и оттуда будут сообщать остальным обо всем, что произойдет на равнине. Таким образом, стоящие внизу увидят спектакль «вторым зрением», как шутливо выразился Аренд.

Клаас и Ян взобрались на колючую верблюжью акацию и, усевшись на ее ветвях, приготовили свои подзорные трубы.

С этого возвышенного места открывался вид не только на гнездо — его можно было рассмотреть и с земли, — но и на значительное пространство вокруг, так что мальчики легко могли уследить за малейшими движениями как Черныша, так и птиц.

Мы уже говорили, что около гнезда в окружности радиусом ярдов на пятьсот не было ни одного укрытия, за которым могла бы притаиться хотя бы кошка. Если не считать нескольких разбросанных там и сям камней величиной с четырехфунтовый хлеб, вся песчаная поверхность была ровная и гладкая, как стол.

Мальчики заметили это еще утром, а Гендрик и Виллем даже обратили на это особое внимание: им, так же как и Чернышу, хотелось убить страусов, но они отказались от этой мысли, потому что совершенно не могли придумать, где им спрятаться от острых глаз птицы.

Однако сразу позади этой окружности рос какой-то куст, за которым, если поплотней сдвинуть его ветки, кое-как мог укрыться человек. Гендрик и Виллем оба видели этот куст, но им показалось, что он находится слишком далеко от гнезда. Добро б еще он стоял на пу-

ти, по которому страусы ушли утром и, как предполагали охотники, вернутся вечером. Тогда, притаившись за ним, можно было бы подстрелить их из ружья. Но куст рос не с той стороны, а как раз с противоположной — со стороны лагеря. Так что Гендрику и Толстому Виллему даже в голову не пришло воспользоваться им как укрытием.

Между тем на него-то Черныш и возлагал все свои надежды и теперь направился прямиком к нему. Зачем? На расстоянии пятисот ярдов что толку будет Чернышу от его стрел, хоть они и отравлены? О! Черныш знал, что делает. Расскажем о его действиях словами Клааса и Яна, которые пристально за ним следили.

— Черныш дошел до куста, — сообщал Ян. — Вот он сложил под ним лук и стрелы. Отошел от него, идет прямо к гнезду. В руках у него фенек. Ага, снова остановился, между кустом и гнездом, но поближе к кусту.

— Очень близко от куста, — сказал Клаас. — Не будет и двадцати ярдов.

— Все равно сколько ярдов. Но что он там делает? — спросил Гендрик. — Он, кажется, нагнулся?

— Нагнулся, — ответил Ян. — Постой-ка! Он ставит лисицу на землю! Уже поставил. Честное слово, лисица стоит, как живая!

— Ну, теперь мне ясно, как он думает подманить страусов, — заметил Ганс. — Понимаю!

— И я! — воскликнул Гендрик.

— И я! — отозвался Виллем.

— А теперь, — продолжал Ян, — он пошел дальше. Вот уж он у гнезда. Что это он там делает, Клаас? Не могу понять. Ходит кругом и как будто что-то ногой закапывает...

— По-моему, — ответил Клаас, — он зарывает разбитые скорлупы, которые мы там оставили.

— Да, да! Так и есть! — крикнул Ян. — Смотри, он наклонился над гнездом и поднял яйцо!

Читатели, наверно, не забыли, что утром молодые охотники увезли с собой только свежие яйца. Те, что казались им насиженными, они не трогали, за исключением двух — трех, которые разбили для проверки.

— Черныш возвращается, и в руках у него яйцо, — сказал Ян. — Он положил его прямо под нос фенеку!

— Каково! — воскликнули Ганс, Толстый Виллем и Гендрик. — Ну и хитрец же наш Черныш!

— А теперь, — продолжал Ян, — он возвращается назад. Вот он уж спрятался за кустом.

Через некоторое время Клаас и Ян сообщили, что Черныш продолжает неподвижно сидеть позади куста.

Все эти манипуляции Черныш производил неспроста. Он давно подметил ненависть страусов к фенекам — пожирателям их яиц, и сейчас собирался этим воспользоваться. Ненависть страусов к фенекам так сильна, что, где бы ни увидел страус фенека, он тотчас пускается за ним в погоню с целью уничтожить его. И тут уж фенека не спасут его быстрые ноги. Если он не успеет юркнуть в свою норку, или скрыться в густом кустарнике, или же в расселине скалы, могучая птица одним ударом ноги убивает хищника.

Черныш прекрасно знал это и захватил мертвого фенека как приманку. Он поставил его так, чтобы страусы непременно его заметили, а птицы, найдя свое гнездо разоренным и увидев фенека, да еще с яйцом у самого носа, конечно не преминут броситься на хорошо им известного вора и грабителя.

— Страусы идут! — крикнул наконец Ян, который отличался очень острым зрением.

— Где, где? Я не вижу. Где они, Ян? — спросил Клаас.

— Вон там, прямо, — ответил Ян. — Еще очень далеко.

— Ах, теперь вижу! — воскликнул Клаас. — С той стороны, куда они ушли утром. Их трое — самец и две самки. Наверно, это те же самые?

— Они идут к гнезду, — сообщил Ян. — Вот уже подошли. Гляди-ка! Чего только не вытворяют! Носятся кругом как бешеные, мотают головой, бьют ногами. Что бы это значило?

— Мне кажется... — откликнулся Клаас. — Нет, честное слово, они разбивают свои яйца!

— Конечно, так оно и должно быть, — заметил

Ганс. — Страусы всегда разбивают яйца, если, вернувшись, обнаруживают, что их касался человек или животное. Вот этим они сейчас и занялись.

Гендрик и Толстый Виллем подтвердили слова Ганса.

— О! — воскликнул Ян. — Они отбежали от гнезда и мчатся сюда — прямо на Черныша! Как они бегут! Вот наскочили на фенека, опрокинули, бьют его клювами и подкидывают, как футбольный мяч. Урра! Ну и потеха!

— А Черныш-то что зевает? Как раз пора выстрелить!

— Он что-то там делает, — ответил Клаас. — Вот пошевелился... Кажется, он натягивает лук...

— Верно, верно! — ответил Ян. — Вот рукой дернул — это он выстрелил. Смотри, смотри, страусы опять побежали! Ах, они убегут совсем!

Мальчики ошибались. Правда, услыхав звук отпущенной тетивы, все три страуса кинулись прочь, но далеко они не убежали. Через четверть мили самец вдруг опустил крылья и начал кружиться на месте. Движения его делались все более странными и судорожными — наверно, стрела Черныша настигла его и яд уже начал действовать. Страус шатался, как пьяный, падал на колени, вставал, чтобы пробежать еще несколько шагов, хлопал крыльями и мотал головой; наконец он рванулся вперед и рухнул на землю.

Некоторое время он продолжал еще биться, колотя по земле своими сильными ногами и поднимая кругом себя такие клубы пыли, точно это был буйвол. Но недолго длилась борьба. Страус дрогнул последний раз и неподвижно растянулся на песке.

Самки не отходили от него, и заметно было, что они поражены и встревожены. Они не пытались никуда бежать, пока Черныш, зная, что с такого далекого расстояния стрела до них не долетит, не вышел из засады и не направился к ним. Тогда только самки подумали о бегстве. Со всех ног пустились они по равнине и скоро скрылись из виду.

Немного спустя Клаас и Ян сообщили, что Черныш наклонился над мертвым страусом и, как им кажется,

сдирает с него кожу. Так оно и было. Через час Черныш появился в лагере с кожей страуса па плечах. Как победитель, прошел он мимо зулуса и всем своим видом, казалось, говорил:

«Ну что, Конго? Небось тебе этого не сделать?»

Глава XX

СТЫЧКА С ПОЛОСАТЫМ ГНУ

Молодым охотникам пришлось еще на два дня остаться в акациевой роще у источника. Необходимо было как следует провялить вкусное и питательное мясо голубой антилопы, чтобы оно дольше сохранилось. Ведь неизвестно еще, попадется ли им какая-нибудь дичь за ближайшие пять — шесть дней пути. Дорога для всех была новая и незнакомая, даже для проводника Конго, который знал ее только в общих чертах. Они направлялись к реке Молопо. Конго был уверен, что не собьется с пути, но что представляет собой отделявшая их от реки местность, он не имел понятия. Кто знает: может быть, дичи там в изобилии, а может быть, ее и вовсе нет?

Еще менее был осведомлен Черныш. Охотники давно покинули область, населенную бушменами, и двигались теперь по территории, где жили бедные бечуанские племена. Родина Черныша была на юго-западе, в направлении Намакуаленда. Так далеко на востоке он не бывал еще ни разу в жизни, и дорога, по которой они теперь шли, была ему совершенно неизвестна.

Ганс, которого все слушались как старшего и самого опытного, счел неблагоразумным пускаться в дальнейший путь, пока не будет заготовлено впрок мясо голубой антилопы и остатки мяса ориксов. Но для этого необходимо суток на двое здесь задержаться, чтобы провялить на солнце мясо. Складывать в фургон его можно только как следует провяленным, иначе оно испортится на такой жаре и во время странствия они окажутся без куска мяса.

Итак, привал молодых охотников в акациевой роще затянулся еще на два дня. За этот срок мясо голубой антилопы и остатки ориксов, развешанные красными фестонами на ветвях акации, сначала потемнели, потом ссохлись и наконец затвердели совсем. В таком состоянии их можно было хранить несколько недель.

Конечно, юноши не находились все эти дни безотлучно в лагере. Следить за мясом не было нужды. Он так высоко висел на ветвях, что рыскавшие по ночам шакалы и гиены не могли его достать, а днем кто-нибудь всегда оставался на месте, чтобы отгонять хищных птиц.

В первый же день молодые люди сели на лошадей и в надежде на новую добычу отправились все шестеро к тем заросшим сочной травой лугам, где они вчера охотились на голубых антилоп. Юноши не обманулись в своих ожиданиях. Выехав из рощи, они сразу увидели, что луга не пустуют — на них пасутся животные трех разных видов.

Вдали виднелось стадо небольших антилоп с лировидными рогами и светлой серовато-коричневой спинкой. По резвости и веселости в них тотчас можно было узнать газелей-прыгунов: то и дело какая-нибудь из них высоко подскакивала в воздух, распахивая в прыжке широкую складку кожи на крупе — своего рода сумку, подбитую длинной снежно-белой шерстью.

Неподалеку, иногда забегая в их стайку, расположилась группа животных покрупнее. Удивительная окраска и полосы на боках позволяли безошибочно заключить, что это так называемые дау, или тигровые лошади, которых ученые называют бурчеллиевой зеброй. Мы уже говорили, что этот вид многим отличается от подлинной зебры. Основной цвет дау грязно-желтый, тогда как зебра почти белая. Полосы у дау темно-коричневые, а у зебры — черные. Но самое главное их различие состоит в том, что у зебры эти полосы кольцами спускаются по ногам до самых копыт, тогда как у дау ноги совершенно белые. Уши и хвост зебры напоминают ослиные; у дау и хвост и все тело гораздо длиннее, чем у осла.

Обе эти породы — и дау и зебры — очень красивы, пожалуй, красивее всех на свете четвероногих, за исключением, конечно, благородной лошади. Впрочем, красотой зебра все же превосходит дау. По своему образу жизни они очень различны. Зебра — животное горное, а дау селится только на открытых равнинах и выбирает те же места, которые посещаются квaггами. И хотя дау и квагги никогда не собираются в одно стадо, но по своим привычкам дау все же гораздо ближе к квaггам, чем к зебрам. Наблюдая образ жизни дау, буры так и прозвали его: «полосатая квагга».

Но всего замечательнее была третья группа животных. Фигуры их были так странны, а повадки так забавны, что всякий, кто хоть раз взглянул на них или на их изображение, потом всегда отличит их из тысячи. Молодые охотники никогда раньше таких животных не видели, но зато встречали одну родственную им породу, очень на них похожую. Все хорошо помнили, как выглядят обыкновенные гну, и с первого взгляда догадались, что невиданные звери не что иное, как голубые, или полосатые, гну.

Голубые гну крупнее и грузнее простых; голова у них не так красиво очерчена, а шея почти лишена грациозного изгиба, свойственного гну обыкновенным. У них более косматые грива, пучок волос на носу, волосы под горлом и на груди. Цветом они тоже совсем другие — грязно-голубоватые, с неправильно расположенными полосами, отчего их и называют голубыми, или полосатыми.

Гну обыкновенных и гну полосатых никогда не встретишь на одной и той же равнине. Они не оспаривают пастбищ друг у друга, причем полосатые заходят значительно дальше на север, чем обыкновенные. Полосатые гну редко пасутся отдельно от других животных: большей частью они ходят в сопровождении стад дау (бурчеллиевой зебры), тогда как обыкновенные почти всегда появляются в обществе квагг. Замечательно, что оба вида гну избегают своих сородичей и в то же время часто составляют одно стадо с антилопами и страусами. Интересное и увлекательное зрелище пред-

ставляют собой гну, антилопы и дау, когда они резвятся, кувыркаются и скачут вместе по равнине. То они собираются в круг, то растягиваются в прямую линию, точно отряд кавалерии на смотру, и внезапно, как будто бросаясь в атаку, несутся вскачь, а потом вдруг разом останавливаются. Тут же среди них важно расхаживают или стоят неподвижно страусы, возвышаясь над всеми, как командующие парадом офицеры или генерал-аншефы. Эту любопытную картину нередко можно наблюдать на равнинах Южной Африки.

Выехав из рощи, молодые охотники сдержали лошадей, невольно залюбовавшись царившим на лугу оживлением. Одни антилопы-скакуны мирно щипали травку, другие, резвясь, высоко подпрыгивали в воздух. Тут же паслось стадо дау. Эти вели себя степеннее, хотя время от времени все вдруг бросались в сторону, как бы играя или чего-то испугавшись. Самки полосатых гну соединились в большое стадо, а самцы окружили их кольцом, собравшись по трое и по четверо вместе. Самцы стояли величественно и неподвижно, но заметно было, что они внимательно следят за своими подопечными: иногда они громко фыркали или испускали особенный резкий крик в знак предостережения или гнева. Стоять так они могут часами, отдельно от всех прочих, маленькими группами, ведя между собой какой-то разговор и в то же время исправляя должность часовых при общем стаде дау, антилоп и своих собственных супруг.

Охотники посовещались и решили атаковать стадо гну. Внезапно нападать из засады не стоило — юноши были уверены, что они без труда догонят любое животное и пристрелят его на скаку. Так и было условлено. Прекрасные создания — дау, несмотря на свою красоту, как дичь не годились, а молодым охотникам нужна была только дичь. Антилопы-скакуны их тоже не интересовали, но мясо гну было приманкой для всех — оно очень сочное и вкусом напоминает не оленину, а говядину, потому что гну, в сущности, скорее бык, чем антилопа.

Подхватив брошенный Гендриком лозунг: «Ростбиф к обеду!» — юноши понеслись в атаку на стадо гну.

Они не старались скрыть свое приближение; впереди мчались собаки — теперь их было только пять, — и любимица Гендрика скакала первая.

В одну секунду все на лугу пришло в движение. Каждая порода животных на свой лад бросилась искать спасения. Красавцы дау сбились в кучку и побежали куда глаза глядят; скакуны, по своему обыкновению, рассыпались по сторонам; а гну, соединившись в беспорядочное стадо, сначала ринулись прочь от охотников, затем разделились надвое, повернулись — одни направо, другие налево — и помчались обратно, охотникам в тыл.

Вид луга совершенно изменился. Зебры исчезли так же, как и скакуны. Перед охотниками остались одни гну, но эти не сбились все в одно место: они были повсюду, кругом. Часть спасалась от собак, другие разбегались по сторонам, третьи, проскакав назад ярдов двести — триста, вдруг снова бросались вперед и проносились так близко от лошадей, что охотникам казалось, будто они вот-вот нападут на них. Свирепые маленькие глазки, острые, круто загнутые рога, черная взъерошенная грива — все придавало им вид грозного врага, каким они и становятся, когда решатся перейти в нападение. Раненый гну очень опасен даже для всадника, а пешему и вовсе не устоять против стремительной атаки рассвирепевшего зверя.

Очень странным показалось молодым охотникам, что самцы, вместо того чтобы бежать вместе со всеми, отчего-то медлили в тылу убегающего стада. Иные даже совсем останавливались, оборачивались и, громко фыркая, глядели на охотников; потом вдруг пускались вскачь, и случалось, что, столкнувшись нечаянно друг с другом, тут же затевали драку. И дрались они не для отвода глаз. Напротив, старые самцы, казалось, всерьез старались забодать один другого: сбежавшись, они падали на колени и стукались головами так, что громко трещали рога и крепкие шлемообразные лбы. Но, несмотря на это, они тотчас разбегались при приближении охотников, и попасть в них было очень трудно. Если б не гончие, то молодые люди вернулись бы, чего добро-

го, в лагерь с пустыми руками. Собакам, однако, удалось собраться в стаю и, выбрав одного старого самца, отрезать его от остальных. Во всю мочь погнали они его по полю; Гендрик и Толстый Виллем пришпорили коней и помчались следом; поскакали и их братья, но травля затянулась, и они один за другим стали отставать.

Самец не пробежал и двух миль, как собаки насели на него. Он почувствовал, что от них не уйти, круто повернул, ринулся навстречу своим преследовательницам и раскидал их рогами по сторонам.

По всей вероятности, старый гну успешно отбился бы от всех пятерых, если б в это время не приблизились охотники; новый испуг придал ему сил, и, бросив собак, он со всех ног пустился бежать по равнине. Еще миля — и гну скрылся бы в перелеске; там, видимо, он и искал спасения, но у него не хватило дыхания. Он не добежал еще до леса, а собаки уже то и дело хватали его за бока. Тогда он еще раз принял оборонительное положение и стал бить рогами направо и налево. Это была храбрость отчаяния. Пять собак одновременно набросились на старого гну — одна вцепилась ему в горло, другие повисли на крупе и на задних ногах. Скоро они свалили бы его на землю и битва бы кончилась, но тут подъехали Гендрик с Виллемом, и две пули, пробив ему ребра, прекратили его мучения.

Глава XXI

НОСОРОГ

На этот раз Ганс и Аренд тоже увлеклись охотой и прискакали почти тотчас после того, как пал мертвым старый гну. Клаас и Ян, от которых благодаря открытой местности не ускользнула ни одна подробность травли, что было сил погоняли своих запыхавшихся пони и явились минутой позже старших братьев.

Все шестеро спешились. После быстрой скачки надо было отдохнуть самим, дать отдых лошадям, а

Собаки насели на старого гну.

также содрать шкуру с самца. По заведенному у них порядку, Аренд исполнял обязанности шеф-повара, Гендрик и Толстый Виллем были мясниками, а Ганс, как ботаник экспедиции, — зеленщиком: знакомство с растениями помогало ему поставлять на походную кухню различные съедобные коренья и овощи, растущие в диком состоянии на равнинах Южной Африки.

Пока Гендрик и Виллем снимали шкуру, Ганс и Аренд препарировали голову и рога. Они и охотились-то почти столько же ради рогов, сколько ради мяса. Это был новый трофей для украшения холлов в Грааф-Рейнете. Рога обыкновенного гну достать нетрудно, но рога полосатого считаются ценностью, так как эти животные водятся только в отдаленной части страны.

Клаас и Ян помогали старшим — подавали ножи, поддерживали во время рубки части туши и обрезки кожи и вообще всячески старались быть полезными. Таким образом, никто не оставался без дела.

Все трудились, склонившись над мертвым гну, не поднимая головы и забыв осторожность, как вдруг неожиданный шум, достигнув их слуха, заставил всех вскочить на ноги. Они услышали громкое фырканье, сопровождавшееся каким-то трубным звуком, похожим на визг перепуганной свиньи, но только еще оглушительнее. Звук этот смешивался с хлопаньем ветвей и треском сучьев.

Все шестеро вздрогнули, а некоторые и задрожали от страха; но то, что они увидели, еще увеличило их ужас. Да что там говорить, представшее перед ними зрелище заставило бы забиться сердца и более закаленных в опасностях людей, чем эти мальчики.

Пригибая и топча ветви, сквозь кустарник ломилось громадное животное. На морде у него был высокий прямой рог, тело было огромное и грузное, ноги толстые и могучие. Сомнений не оставалось: перед юношами был носорог!

В Южной Африке их четыре породы. Тот, которого увидели охотники, был черный, с двойным рогом, так называемый «бореле́» — самый опасный и свирепый из всех.

Когда юноши услышали треск, он еще был в кустах, у самой опушки; оглянувшись в направлении шума, они увидели, что он уже вырвался из чащи; задрав голову, мотая ушами и вызывающе потряхивая коротким хвостом, носорог тяжело бежал прямо на них. Его черные глазки горели злобой, и весь вид не предвещал ничего доброго. Он был ужасен, а громкое фырканье и шумное дыхание, вырывавшееся из его горячих ноздрей, еще усиливали внушаемый им трепет.

К величайшему своему огорчению, молодые люди убедились, что опасности не миновать. Ошибки быть не могло — носорог направлялся в их сторону и, очевидно, замыслил нападение. Ничего удивительного в этом не было — черный носорог без всякого повода бросается на что попало: на человека, на зверя, на птицу, даже на куст!

Положение юношей было очень затруднительно: на открытой равнине, пешие, и в ста ярдах от них — разъяренный бореле!

К счастью, лошади стояли спокойно, и, к счастью же, охотники привязали их так, что отвязать уздечки ничего не стоило. Если б не эти два обстоятельства, кто-нибудь из шестерых непременно был бы поднят на рог, а это означало верную смерть.

Все лошади стояли неподалеку у дерева, а уздечки были закинуты на короткие сучья. Сучья эти мгновенно можно было отломать, и в то же время они удерживали смирную лошадь на месте. Привязывать лошадей таким способом предусмотрительно научили юношей их отцы, и теперь он сослужил им большую службу.

Конечно, увидав громадного, как гору, бореле, молодые люди тотчас бросили тушу гну. Раздался общий крик ужаса. Все шестеро, побросав ножи, кинулись к лошадям, сорвали с сучьев уздечки и мигом вскочили в седла. Это было проделано в десять секунд, но и десятая секунда едва не оказалась роковой. Лошади уже заметили отвратительную морду бореле. Они в страхе шарахнулись в сторону и чуть не сбросили некоторых всадников. Очутиться в этот момент на земле было равносильно гибели.

Однако все кое-как удержались в седлах и секунду спустя тесной кучкой мчались во весь опор по равнине, преследуемые пыхтящим бореле.

Теперь, сидя в седлах и быстро приближаясь к лагерю, юноши, в том числе Гендрик и Толстый Виллем, уже готовы были смеяться над своим приключением. Они вполне были уверены, что никакой носорог не может в быстроте бега соперничать с лошадью, что скоро они потеряют его из виду и все кончится одним смехом. Но вдруг одна и та же мысль мелькнула у обоих, и веселое настроение мгновенно сменилось тяжелым чувством тревоги.

Молодые охотники скакали по двое. Гендрик и Толстый Виллем на своих быстрых лошадях, как всегда, опередили остальных. Оглянувшись, они увидели, что мальчуганы Клаас и Ян сильно отстали и бореле заметно их нагоняет. Он был уже ярдах в двадцати от скакавших рядышком что есть духу мальчиков.

Впереди них ехали Ганс и Аренд; они обернулись одновременно с Гендриком и Виллемом и тоже увидели, в каком бедственном положении находятся их младшие братья.

Все четверо невольно вскрикнули.

Да, лошадь легко уйдет от носорога, но ведь пони от него не уйти! Клаас и Ян в несомненной опасности. Если бореле их настигнет, то пони их не спасут. Громадный зверь одним ударом острого рога распорет брюхо маленьких лошадок. Мальчики в несомненной и страшной опасности!

Все подтверждало ужасную истину. Расстояние между Клаасом и Яном и носорогом, вместо того чтобы увеличиваться, все уменьшалось и уменьшалось — бореле их нагонял.

Это была тяжелая минута для всех четверых. И тут Гендрик проделал маневр, искуснее и лучше которого не видел никто в течение всей экспедиции. Дернув повод, он вдруг повернул лошадь влево и дал знак Виллему заворачивать вправо. Виллем инстинктивно повиновался, и оба одновременно помчались назад — Виллем с одной, Гендрик с другой стороны дороги. Проскакав

немного, юноши остановились и взяли ружья на изготовку.

Сначала между ними пронеслись Ганс и Аренд, потом на перепуганных пони Клаас и Ян, и наконец явился бореле.

Не дав ему поравняться с собой, охотники прицелились, выстрелили и, помчавшись галопом ему в тыл, вновь зарядили ружья.

Обе пули попали в цель и хотя не свалили чудовища, но сильно замедлили его бег.

Кровь обильно текла из его ран. Однако он продолжал преследовать пони и, может быть, долго еще бежал бы за ними, если б Ганс и Аренд, в точности повторив маневр Гендрика и Толстого Виллема, не всадили ему две пули в морду.

Пули снова попали в цель, но и эти раны не оказались смертельными. Однако для Клааса и Яна опасность миновала — бореле уже не гнался за пони; вместо этого, собрав остатки сил, он в бешенстве устремился на ближайших противников — сначала на одного, потом на другого.

Несколько раз бросался он в атаку, но безрезультатно: теперь всадники видели его перед собой и, увернувшись, успевали от него ускакать.

Четверть часа длился поединок. Молодые люди вновь и вновь заряжали ружья и стреляли со всей возможной в данных обстоятельствах поспешностью.

Дело решила пуля Толстого Виллема. Не напрасно захватил он свое «слоновое» ружье! Свинец пробил череп гигантского бореле, и чудовище покатилось па землю.

Громкое «ура» возвестило победу, и шестеро охотников спешились около громадного тела бореле — бездыханный, он был им уже не страшен.

Кто-то съездил в лагерь за топором, чтобы отрубить его длинный передний рог. Это был редкостный и великолепный трофей! Немного погодя юноши отправились за мясом и рогами полосатого гну, взвалили свою добычу на крупы лошадей и благополучно возвратились в лагерь.

Глава XXII

ПРЕРВАННЫЙ ЗАВТРАК

На следующее утро молодые охотники встали поздно — никаких особенных дел у них не предвиделось. Отъезд был назначен на завтра, и сегодняшний день они решили провести в лагере, чтобы дать лошадям хороший отдых перед долгой и трудной дорогой.

Итак, они поднялись несколько позднее обычного и приступили к завтраку, состоявшему из языка полосатого гну, горячего кофе и сухарей, большой запас которых, взятый из дому, до сих пор еще не истощился.

Молодые охотники легко обошлись бы без хлеба. Для них это не было бы таким лишением, как, вероятно, для тебя, мой юный читатель. В Южной Африке очень и очень многие совсем не знают хлеба — для них он неизвестная роскошь. Большинство туземцев никогда его не едят. да и тысячи живущих на границе колонистов тоже прекрасно без него обходятся. Население Южной Африки — как туземцы, так и колонисты — не занимается землепашеством; в основном это скотоводы и потому возделыванию полей здесь уделяют мало внимания. Стада крупного рогатого скота, лошади, отары курдючных овец и козы отнимают все их время, и земледельческие работы им не по душе. Правда, самые состоятельные буры отводят несколько акров под кафрское зерно — разновидность индийского зерна или кукурузы — и иногда засевают два — три акра гречихой, но все это только для собственного потребления. На огородах они выращивают всевозможные овощи, а в обширных фруктовых садах растут яблоки, персики, гранаты, груши и айва; есть и виноградники, дающие неплохое вино, и огороженные бахчи с дынями, огурцами и тыквами.

Но бедному люду, особенно в отдаленных районах, о таких вещах думать не приходится. Единственная загородка около жилища бура-фермера — это крааль для скота. Хлеб для такого бедняка — большая редкость; основная его пища — это вяленое или свежее мясо, в особенности же баранина, которая приготовляется са-

мыми различными способами и притом очень вкусно; и вообще кухня буров ни в коем случае не заслуживает пренебрежительного отношения.

Во многих прилегающих к границе районах, там, где еще не совсем истреблены дикие животные, ежедневную пищу буров составляет разная дичина. Здесь еще в изобилии водятся антилопы-скакуны, а также обыкновенные гну, и целые кучи их рогов бывают навалены около краалей любого бура-скотовода. Мясо гну, как уже говорилось, больше похоже на говядину, чем на дичину: когда оно жирно само по себе или же зажарено на прекрасном сале курдючных овец, из него получается роскошное блюдо.

Квагг, которых много в этих местах, тоже убивают ради мяса, но оно горьковато на вкус и идет в пищу только слугам-готтентотам.

Наши молодые охотники были дети богатых родителей и потому привыкли есть хлеб, но в случае нужды им не стоило труда от него отказаться. Однако сухарей они захватили с собой очень много — несколько мешков — и теперь с удовольствием завтракали, обмакивая сухари в кофе и закусывая их языком гну.

Юноши оживленно болтали, вспоминая приключение с бореле, которое, когда опасность уже миновала, казалось им очень забавным.

Итак, они ели не спеша и со вкусом, и время шло незаметно. Этот день решено было провести в приятном ничегонеделании, то есть просто бродить по лагерю да еще осмотреть амуницию и, может быть, наложить заплатки на протершиеся места в седлах и уздечках. Предстоящий длительный переход через пустыню требовал исправности во всех мелочах, и тут никакая предосторожность не была лишней.

Завтрак проходил под смех и шутки и еще не был съеден и наполовину, как вдруг в лагерь прибежал запыхавшийся Конго и принес известие, которое сразу опрокинуло все их планы. Оказалось, что, бродя по акациевой роще, он незаметно вышел на опушку и оттуда увидал в пустыне не больше не меньше, как целое стадо страусов!

Это известие взбудоражило всех, а Клаас и Ян встретили его криками восторга. Лени и усталости как не бывало! Челюсти заработали быстрее, один за другим исчезли куски мяса, кофе было проглочено залпом, и на вторую часть завтрака ушло в десять раз меньше времени, чем на первую.

С едой покончили в две минуты, а пять минут спустя лошади уже были взнузданы и юноши сидели в седлах. Никто и не вспомнил о том, что лошадям нужен отдых. В голове всадников гнездилась одна мысль: как бы окружить страусов?

Но где же был Черныш? Его участие и совет сейчас были бы очень кстати. По общему признанию, в охоте на страусов Черныш знал больше толку, чем любой из них, не исключая и Конго. И вообще с животными пустыни, мелкими четвероногими и птицами, бушмен был знаком лучше, чем кафр. Оно и понятно. Конго всю жизнь прожил среди пастушеских племен — ведь кафры не только охотники, но и скотоводы. Конго знал, как убить льва, леопарда, гиену или какого-нибудь другого хищного зверя, потому что главным его делом были стада и забота об их сохранности; охотиться же на мелких животных или брать их живьем у него не было навыка. Совсем иначе обстояло дело с Чернышем. Бушмены скота не держат. Правда, им случается стащить корову или козу у грикасов или у другого соседнего мулатского племени, а то и у кочующего бура; но, пригнав скотину к своему жилищу, бушмен не старается ее сберечь, а тотчас убивает и съедает. Отсутствие домашних животных и вместе с тем необходимость чем-то питаться заставляют его направлять всю свою изобретательность на охотничий промысел и ловлю разной «дичи», под которой бушмен разумеет все живое — от слона и жирафа до саранчи и ящерицы включительно!

Естественно, что при таком образе жизни бушмены в совершенстве знают всех населяющих страну диких животных, их привычки и излюбленные пастбища, а также и все способы охоты на них. Этими познаниями Черныш выделялся среди своих соплеменников и даже прославился у себя на родине как искусный охотник.

Но куда же он теперь девался? Уже больше часа его нигде не было видно. По словам Конго, Черныш погнал буйволов пастись на зеленый луг позади лагеря и, наверно, сейчас там находится. Кто-то предложил скорей за ним сбегать, но остальные воспротивились, находя, что это потребует слишком много времени. Конго сказал, что Черныш забрел с буйволами довольно далеко и, пока он вернется, пройдет не меньше получаса, а страусы тем временем уйдут бог весть куда.

Нет, ждать Черныша невозможно. Как-нибудь надо обойтись без него. И юноши, вскочив на лошадей, помчались в пустыню.

Глава XXIII

ОКРУЖЕНИЕ СТРАУСОВ

Подъехав к опушке, юные охотники остановили лошадей, чтобы под прикрытием деревьев произвести разведку. Конго сказал правду. Действительно, на равнине гуляло небольшое стадо страусов. Семеро шли кучкой, а восьмой шагал несколько поодаль. Это был самец. Из остальных двое, по всей вероятности, тоже были самцы, а еще пять — самки. Я сказал «по всей вероятности». Вы, пожалуй, думаете: какое может быть тут сомнение, когда у самцов и самок страусов оперенье совсем разного цвета? Но это справедливо только в отношении птиц, достигших определенного возраста. Дело в том, что, хотя молодые самцы ростом бывают со взрослого страуса, свои красивые белые перья они приобретают не сразу, и на расстоянии их почти невозможно отличить от самок.

Кучка в семь страусов стояла почти неподвижно. Иногда какой-нибудь из них делал несколько шагов и что-то подбирал с земли — вероятно, мелкие камешки, потому что ничего похожего на растительность около страусов не было видно. Другие сидели «на корточках», сложив под себя свои длинные ноги. Третьи «купались» в песке, трепеща крыльями, точь-в-точь как это делают индейки и куры в жаркую погоду. Из-за облака

пыли, которое они при этом поднимали, еще труднее было разглядеть их как следует и проследить за их движениями. Семеро страусов были недалеко от опушки акациевой рощи, а тот, что ходил один, — еще ближе. Он направлялся к своим, то и дело нагибаясь и пощипывая травку. Юноши заключили из этого, что недавно он находился у самой опушки. Конго тоже сказал, что, когда он впервые заметил страусов, старый самец кормился ярдах в двухстах от него, причем и тогда уже он шел прочь от рощи. Наверно, его можно было застрелить, не выходя из леса. Какая жалость, думали Клаас и Ян, что они не вышли на разведку пораньше!

Охотники не стали тратить время на наблюдение за птицами. Их целью было окружить страусов, и следовало как можно быстрее обсудить план действий.

Птицы находились очень далеко от разоренного и покинутого гнезда. В числе пяти самок, надо думать, не было ни одной из тех, что два дня назад присутствовали при гибели своего пернатого господина, павшего жертвой отравленной стрелы. Те вряд ли возвратились бы на старое место.

Стадо, которое сейчас видели охотники, не имело никакого отношения ни к тому гнезду, ни к недавно происшедшей трагедии.

Молодые люди были очень довольны, что страусы встретились им не у гнезда: местность здесь была гораздо удобнее для окружения. Пустыня клином вдавалась в рощу. Одна сторона этого клина, обращенная на север, соединялась с необозримой равниной, а две остальные были образованы низкими деревьями и зарослями акации. Они представляли собой отличное укрытие для охотников.

Поэтому составить план было нетрудно, и в пять минут все роли были распределены.

Гендрик и Толстый Виллем, у которых были лучшие лошади, условились ехать под прикрытием леса, один по правой, другой по левой стороне клина, до выхода в пустыню. Здесь каждый должен был остановиться и не двигаться, пока его товарищ не появится на противоположной стороне. Затем они должны были выехать

друг другу навстречу, но не съезжаться, а встать так, чтобы наверняка отрезать страусам дорогу.

Гансу и Аренду предстояло отправиться по следам Гендрика и Толстого Виллема, но остановиться на полдороге и ждать, пока те не покажутся в конце клина. Тогда они должны были выехать из леса и, если страусы побегут на них, гнать их обратно.

Не остались без дела и Клаас с Яном: им тоже было велено разделиться и встать там, где укажут старшие. Все двинулись одновременно — трое цепочкой направо и трое таким же порядком налево. Конго получил приказ оставаться в чаще до тех пор, пока Гендрик и Толстый Виллем не выедут друг другу навстречу, а дальше действовать, как остальные, с той только разницей, что ему придется полагаться лишь на быстроту своих собственных ног.

Если Гендрик и Виллем доберутся, пока птицы не ушли, до назначенного места, то страусы очутятся в замкнутом кольце. Охота обещала быть очень интересной. Возможно, юношам удастся убить или захватить живьем несколько гигантских птиц. Окруженный со всех сторон, страус теряет голову, мечется как угорелый, и тогда его легко можно загнать.

Вся трудность заключалась в том, чтобы поспеть к условленным местам. На окружение требовалось много времени, так как клин пустыни, на котором находились страусы, был в три мили шириной. Гендрику же и Толстому Виллему предстоял конец еще в два раза больший и, кроме того, сквозь чащу. Ехать они могли только шагом.

Итак, на страже остался один кафр. Остальные пробирались по лесу и только урывками, когда попадались просветы между листьями, видели страусов. Молодые люди очень торопились скорей занять свои посты и старались не задерживаться по дороге. Все понимали, как драгоценна каждая минута: если птицы почуют опасность и выбегут в пустыню, то все их труды пропадут даром. Поэтому, бросив взгляд сквозь листья и убедившись, что страусы не ушли, охотники спешили дальше, к назначенным местам.

Глава XXIV

ТАИНСТВЕННЫЙ СТРАУС

Конго внимательно, насколько позволяло светившее в глаза солнце, следил за движениями птиц.

Он увидал, что кормившийся отдельно самец теперь близко подошел к кучке страусов; когда он оказался от них в нескольких ярдах, все птицы вдруг поднялись и, вытянув шеи, уставились на него, как на постороннего. Через секунду все семеро, точно чего-то испугавшись, отбежали подальше; одинокий самец пустился за ними, но на некотором расстоянии.

Шагов через двадцать стадо, успокоившись, остановилось. Самец снова медленно зашагал вперед, подбирая на ходу что-то съедобное.

Когда он приблизился второй раз, страусы опять переполошились, отбежали еще на несколько ярдов и снова стали. По-видимому, этот самец был чужак и его присутствие страусы рассматривали как вторжение.

Опять он стал подходить, опять они бросились прочь, но на этот раз уже не вперед: они обежали кругом него и очутились почти на прежнем месте. Однако в этом маневре участвовали одни самки. Оба самца остались стоять где были, и их поведение немало удивило Конго.

Один из них присел на землю, другой начал бегать вокруг, время от времени хлопая своими белыми крыльями и шатаясь, как пьяный. Через несколько минут картина изменилась. Тот, что сидел, теперь улегся на песке, а тот, что кружился, присел недалеко от него. Тотчас к нему подбежала одна из самок и тоже села рядом. На ногах остался один самец и четыре самки.

Конго, который у себя на родине редко наблюдал страусов и не знал их повадок, никак не мог уразуметь, что все это значит. «Я видел, — думал он, — как играют журавли и куропатки; наверно, эти тоже играют в какую-то свою птичью игру».

Но не один Конго удивлялся проделкам страусов. Клаас и Ян, добравшись до своих мест раньше остальных, во все глаза смотрели на птиц и не могли нади-

виться на их непонятное поведение. Немного погодя из своей засады выглянули Ганс и Аренд и, увидев эту странную игру «в соседей», изумились не меньше братьев.

Но Гансу и Аренду было не до наблюдений за страусами. Они смотрели туда, где должны были показаться Гендрик и Толстый Виллем, и нетерпеливо ждали их появления.

Долго ждать им не пришлось. Через несколько минут из леса выскочили два всадника и галопом понеслись по направлению к страусам и друг другу навстречу. Увидав их, все пятеро, считая Конго, выступили на открытое поле и двинулись к месту, где находились страусы.

Теперь охотники были уже в полном недоумении. Когда они подъехали ближе, оказалось, что большинство птиц сидят или лежат на земле, как будто греясь на солнце. Почему же при своей крайней пугливости страусы не обращаются в бегство? Или они до сих пор не заметили приближения лошадей и не услышали топота копыт? Только две самки, казалось, почуяли неладное и бросились в сторону открытой пустыни, но, увидав Гендрика и Толстого Виллема, тотчас повернули назад. Кроме них, на ногах был только один самец, тот, что держался в одиночку. Но он стоял неподвижно и тоже не думал о спасении. Как все это было странно!

Ближе всех к страусу находились Гендрик и Толстый Виллем. Они скакали во весь опор и через минуту были бы около него. Когда между ними и страусом оставалось меньше пятисот ярдов, они решили выстрелить в него на скаку и уже вскинули ружья, как вдруг, к величайшему их изумлению, птица испустила громкий крик ужаса! Через секунду пернатый покров свалился с ее плеч, и перед охотниками предстал не голый страус, а голый бушмен с вымазанными мелом до самых бедер ногами. Этот бушмен был Черныш.

Да, друг Черныш напялил на себя кожу страуса, два дня назад убитого отравленной стрелой, и та же стрела — верней, полдюжины ей подобных заставили страусов проделывать все эти непонятные штуки. Пять

Перед охотниками предстал голый

из них уже лежали мертвые или умирающие и только две самки, еще не получившие своей доли яда, воспользовались замешательством охотников при внезапном появлении Черныша и обратились в бегство.

Счастье Черныша, что он успел крикнуть. Еще мгновенье — и ему пришлось бы разделить участь своих жертв — страусов. Он не скрывал, что страшно перепуган. Поглощенный охотой на страусов, Черныш забыл обо всем на свете; перья, нависая ему на глаза, мешали смотреть по сторонам, а прилегавшая к ушам кожа старого страуса заглушала звуки. Только благодаря чистой случайности он увидел скачущих на него всадников. А ведь ему надо было еще мигом скинуть с себя маскарадный костюм — что не так-то легко! — и успеть предстать собственной персоной...

Молодые охотники, сидя в седлах, глядели на голого Черныша, от пят и до бедер вымазанного мелом, и покатывались со смеху.

бушмен с вымазанными мелом ногами.

Черныш, гордый удачей, глядел победителем. Он отыскал глазами своего соперника и ехидно спросил:

— Ну что, Конго, каково?

Щит кафра померк перед страусовой кожей бушмена!

Глава XXV

БЕЛОЛОБЫЕ И ПЯТНИСТЫЕ АНТИЛОПЫ

На следующее утро наши юноши запрягли буйволов и через пустыню отправились в путь на северо-восток. Два дня они шли по безводному пространству, и буйволы очень страдали от жажды, за все время ни разу не глотнув воды. Сами охотники были водой обеспечены. В каждом фургоне стояло по бочонку на добрых восемнадцать галлонов. Перед отъездом охотники наполнили их доверху водой из ручья. Один бочонок весь споили лошадям; каждой досталось немногим больше двух

галлонов, и на два дня пути по спаленной солнцем пустыне это было, конечно, все равно что ничто. Люди и те выпили столько же. Если вам случалось путешествовать под палящим тропическим солнцем по безводным просторам, вас это не удивит. Жажда возвращается беспрестанно, и глоток воды утоляет ее лишь ненадолго. Пить хочется все больше и больше, и, случается, путник за день выпивает несколько галлонов воды — не стаканов, а именно галлонов!

Наконец молодые охотники миновали пустыню и вступили в местность, совершенно не похожую на все, что они до сих пор видели.

Это была обширная страна, покрытая холмами самых разнообразных и причудливых очертаний. У одних были округленные, полусферические вершины, у других конусообразные, третьи были плоские, как стол, четвертые уходили в небо остроконечными пиками. Да и величиной они различались. Некоторые достигали размеров настоящей горы, но больше было невысоких, зато с крутыми или почти отвесными склонами, поднимавшимися прямо с ровного места, без каких-либо отрогов или подошвы. Оригинальностью пейзажа эта страна очень напоминала горные плато в Кордильерах, и действительно, эта часть Африки и плоскогорья Мексики по своему геологическому строению почти одинаковы.

Множество конических и пирамидальных холмов одиноко возвышалось на равнине, и часть их была совершенно лишена растительности. Но тут же можно было видеть горы, до половины одетые густым лесом, над которым вздымались голые, острые вершины из белого, как снег, кварца, сверкавшего на солнце.

Между горами лежали обширные равнины, и иногда они были так велики, что окружавшие их холмы лишь смутно виднелись на горизонте. Эти равнины, очень разнообразные по величине и очертаниям, густо заросли травой, вид которой удивил охотников. Такая трава еще не попадалась им в пройденных местах. Она была низкая, как на только что скошенном лугу или как на пастбище, где скот выщипал ее чуть ли не под самый корень. И точно, эти равнины были излюбленными па-

стбищами бесчисленных стад диких жвачных животных, которые вытоптали их так, что остался один только сухой дерн. Как не похожа была эта ломкая курчавая растительность с привкусом соли на высокую, сочную и сладкую траву, устилающую равнину к югу от Оранжевой реки! Во многих местах соль даже проступала на поверхность земли и ложилась белым, как иней, налетом на былинки и листья. Кое-где виднелись и настоящие солончаки, простиравшиеся иногда на многие мили.

Охотники попали в удивительную страну. Буры называют ее «Зуур-Вельд», что означает «соленое поле». Это родина и любимое местопребывание белолобых и пятнистых антилоп.

Что же это за антилопы?

И та и другая прославились красотой форм и быстрым бегом, а больше всего — удивительно яркой окраской.

Обе они принадлежат к роду бубалов, близки к газелям, но привычками существенно от них отличаются; в то же время между собой они так схожи, что и путешественники и натуралисты постоянно принимают их за один и тот же вид.

Между тем это совершенно разные породы, хотя живут они в одной и той же местности и ведут одинаковый образ жизни. Белолобая антилопа и размерами и нарядностью окраски уступает пятнистой. У белолобой рога светлые, почти белые, а у пятнистой — черные. В окраске ног тоже есть заметная разница. У пятнистой антилопы ноги до колен в белых чулках, а у белолобой они снаружи темные снизу доверху, а с обратной стороны — белые.

Пятнистая антилопа, которую называют также пигаргой, не только красивейшая, но и одна из самых быстроногих во всей Африке. Некоторые путешественники считают ее даже самой быстрой.

Ростом она с европейского оленя, но легка и грациозна. У нее довольно длинные, расходящиеся в стороны черные рога, широкие у основания и до половины покрытые валиками. Сначала они прямо поднимаются над

лбом, потом слегка загибаются назад, а кончики снова смотрят вперед.

Но больше всего бросается в глаза необыкновенная расцветка ее шерсти. В этом отношении и пятнистая и белолобая антилопы несколько похожи на диких коз и сассиби.

Основные тона пятнистой антилопы — это пурпурно-фиолетовый и все оттенки коричневого, причем они не перемешаны в беспорядке, а как будто наложены кистью искусного художника. Голландские поселенцы так и назвали ее: «пятнистая» или «раскрашенная» антилопа. Шея и голова у нее темно-коричневые с красным, как кровь, отливом. Между рогами проходит белая полоска, которая, постепенно расширяясь, спускается к глазам и белым пятном расплывается по всему лбу, до самой мордочки. Этой «лысиной» или пятном отличаются оба вида антилоп, но у одной из них лысина больше и заметнее, и потому этой антилопе присвоено имя «белолобая».

На спине у пятнистой антилопы большое синевато-лиловое пятно, окаймленное широкой красно-коричневой полосой; оно блестит, как лакированное, и, распространяясь на бока, очертаниями напоминает седло. Брюшко и бедра у нее чистейшего белого цвета; ноги в белых чулках и на крупе такое же ослепительно белое пятно. Хвост достигает колен и на конце украшен черной кисточкой. Такова окраска пятнистой антилопы; белолобая, как мы уже говорили, отличается от нее очень немногим, только цвета ее не так ярки и не так резко разграничены. И та и другая — очень красивые создания, и их шкуры высоко ценятся туземцами: из них они шьют себе кароссы — особенную одежду, которая днем служит плащом, а ночью заменяет постель и одеяло.

Образ жизни обоих видов совершенно одинаков. Они живут на «соленых лугах», собираясь огромными, в несколько тысяч голов, стадами, которые, как гигантским лиловым ковром, покрывают обширные пастбища.

Такими же громадными обществами живут антилопы-скакуны; но в повадках антилоп-скакунов и пятни-

стых антилоп есть разница. Вспугнутые скакуны бросаются куда глаза глядят, рассыпаясь во все стороны, а пятнистые и белолобые антилопы неизменно бегут против ветра, уткнув носы в землю, совершенно как охотничьи собаки по следу.

Антилопы гораздо живее скакунов и так пугливы и осторожны, будто знают, что их шкура ценится охотниками больше, и потому, чтобы сохранить ее, им требуются особая ловкость и проворство.

В прежние времена, когда эти места еще не были населены, оба вида антилоп водились по всей Южной Африке вплоть до мыса Доброй Надежды. Теперь же их можно встретить только на «соленых лугах», к северу от Оранжевой реки.

Пятнистые антилопы еще изредка попадаются в пределах Капской колонии, например в округе Свеллендам, но сохранились они здесь только благодаря специальному правительственному закону, по которому со всякого, кто убьет без разрешения пятнистую антилопу, взыскивается штраф в размере шестисот туземных долларов.

Итак, юные охотники вступили во владения белолобых и пятнистых антилоп.

Глава XXVI

ОХОТА НА БЕЛОЛОБЫХ АНТИЛОП

Углубившись в страну белолобых антилоп, молодые люди решили сделать небольшой привал и поохотиться на этих прекрасных животных. В мясе они не нуждались, но снять с двух — трех красавиц их нарядную разноцветную одежду и повесить ее вместе с рогами на стенах холлов в Грааф-Рейнете им очень хотелось.

Пройдя несколько миль по равнине, юноши отпрягли буйволов и неподалеку от широкого ручья раскинули лагерь.

На следующее утро они отправились верхом на поиски красных антилоп.

Они их очень скоро увидели. Мудрено не отыскать, и особенно на его родине, животное, которое ходит стадами в несколько тысяч голов. Чему же удивляться, если охотники набрели на целое стадо, чуть только отъехали от лагеря.

Однако ни один из всей компании понятия не имел, как охотятся за этими антилопами. Спустить ли на них собак и ворваться в самую гущу стада или же незаметно подкрасться к ним на расстояние выстрела? Какой из двух способов надежней, не знали ни молодые охотники, ни их проводники. В родных местах Черныша ни белолобые, ни пятнистые антилопы вообще не водятся. Юные охотники тоже знали о них только понаслышке, потому что западная половина Южной Африки, откуда они были родом, не соприкасается с областью распространения белолобых антилоп. Когда-то, в молодости, отцы наших мальчиков охотились на белолобых и пятнистых антилоп, но с тех пор к югу от Оранжевой реки оба вида были совершенно истреблены.

Что же касается Конго, то хотя антилопы и водятся на части земель, где живут кафры, но в тех именно местах ему никогда не случалось бывать.

Ни бушмен, ни кафр не вышли на охоту с молодыми людьми. Они остались стеречь лагерь; правда, отъезжая, юноши попросили у них совета, но оказалось, что те ничего путного посоветовать не могут.

Охотники в растерянности стали обсуждать, как им быть. Толстый Виллем считал, что надо разделиться на две партии: одни, сделав круг, погонят стадо, а другие, спрятавшись в засаде, будут подстерегать его и начнут стрелять, когда дичь к ним приблизится. В лесах Северной Америки так охотятся на оленей, и этот способ называется гоном. Гендрик находил, что лучше на всем скаку врезаться в стадо и затем травить антилоп собаками. Ганс предложил подкрасться к стаду на ружейный выстрел; того же мнения был и Аренд. Что думают Клаас и Ян, об этом никто не спрашивал, да они и сами не вмешивались. Если б антилопы были птицами, тогда другое дело: мальчуганы непременно вставили бы свое словечко наравне со старшими братьями.

Но белолобая антилопа не птица, хотя менее чем через час охотники убедились, что в быстроте она ей не уступит.

Всего вернее было подкрасться к стаду — тут охотники не рисковали вспугнуть антилоп и обратить их в бегство; поэтому решено было сначала испробовать способ Ганса. Не выйдет дело — они устроят облаву, как предлагает Виллем, а если и облава ничего не даст, последуют совету Гендрика настигнуть антилоп верхами.

Итак, сначала решили подкрасться к антилопам.

Лошади тут не нужны; к некоторым животным легче приблизиться конному, чем пешему, но антилопы не из их числа.

Юноши спешились и направились к стаду; Клааса и Яна не взяли на охоту — им было поручено стеречь на привале лошадей и собак.

Стадо паслось посреди просторной открытой равнины, такой обширной, что горы, окаймлявшие ее на горизонте, казались невысокими холмами. Вокруг, куда ни кинь взгляд, ни кустика, ни утеса. Траву здесь, как уже говорилось, сильно выщипали животные, и весь луг был совершенно ровный, без единой ложбинки, где могли бы схорониться охотники. Поди тут подкрадись по такой местности! Юноши, разумеется, знали, что ни одно дикое животное, даже из самых беспечных и несметливых, не подпустит их на расстояние выстрела, а тем более белолобая антилопа — животное, как они слышали, отнюдь не глупое, чрезвычайно чуткое и пугливое. На что же они надеялись? Это следует специально разъяснить.

Хотя поблизости не было ни утесов, ни деревьев, ни кустарников, ни высокой травы, ни каких-либо неровностей почвы, здесь все же удавалось найти укрытия, правда не очень удобные, но умелому охотнику и они могли сослужить службу. С ними-то и связывали наши юноши свои надежды на успех в таком трудном деле, как попытка подкрасться к белолобым антилопам. На равнине, на расстоянии в сто — триста ярдов друг от друга, было разбросано множество диковинных желтовато-серых сооружений. Цветом они напоминали жженую глину, а формой — одни усеченный конус, другие —

полушарие. У подножия большинства из них видны были неровные лазейки, прорытые, надо думать, не самими искусными тружениками — строителями этих холмиков. Они пользовались подземными ходами, а наружные провели их лютые враги, чтобы разорять их жилища. Вы, разумеется, уже и сами догадались, что речь идет о термитниках и что боковые лазы прорыли длинноязыкие трубкозубы.

Эти куполообразные холмики были средних размеров — от одного до трех футов высотой. В Южной Африке попадаются термитники в четыре — пять раз выше. Мне уже случалось рассказывать вам об этих высоких термитниках и о термитах, сооружающих такие любопытные жилища. Каждый из видов термитов придерживается определенного архитектурного стиля. Одни предпочитают коническую или пирамидальную форму, другие — нагромождение конусов, постройки третьих имеют вид цилиндра, четвертые облюбовали форму опрокинутой чаши, приближающуюся к полусфере.

Именно такие куполообразные термитники и увидели наши охотники: то были гнездовья кусающих термитов, распространенных на равнинах страны Зуур-Вельд.

Охотники двинулись вперед, не спуская глаз с антилоп; вся надежда была на эти термитники.

Прежде чем начать охоту, решено было выяснить, как близко подпустят их к себе антилопы в открытую; оказалось — ярдов на четыреста, никак не ближе. Пока сохранялось такое расстояние, антилопы как будто и не догадывались о появлении пришельцев и продолжали спокойно щипать траву, но стоило хоть одному из четверых продвинуться еще немного, и все стадо, как бы невзначай, снималось с места, и расстояние в четыреста ярдов оставалось неизменным.

Соблюдая осторожность, юноши начали переползать от одного термитника к другому; но это не принесло успеха, и ни один из них не смог приблизиться к животным на расстояние выстрела. Тогда они разделились и двинулись с разных сторон. Но и тут их ждала неудача: хотя стадо держалось одного направления, антило-

пы, словно чутьем, угадывали, за каким холмом таится охотник, и делали такой большой крюк, что попасть в них даже из дальнобойного ружья Толстого Виллема было невозможно. В конце концов, потратив два часа на эту безуспешную охоту, юноши признали свою неудачу. Подкрасться к белолобым антилопам не удалось.

Гендрик и Толстый Виллем не упустили случая посмеяться над Гансом и Арендом:

— Много вы после этого понимаете в охоте!

Глава XXVII

ОБЛАВА НА АНТИЛОП

Охотники вернулись к лошадям. Теперь предстояло испробовать план Толстого Виллема.

На этот раз позволили участвовать в охоте и Клаасу с Яном. Им поручалось гнать антилоп на четверых стрелков.

Юноши вскочили на лошадей и поскакали к антилопам, которые за время неудачной охоты успели уйти далеко в глубь равнины. Остановившись на таком расстоянии от антилоп, чтобы не всполошить их, старшие послали Клааса и Яна вперед, к головной части стада, а сами разместились широким полукругом в местах, которые себе облюбовали, поодаль от животных. Лошади быстро примчали охотников к их позициям. Теперь им оставалось схорониться за холмиками и ждать, пока Клаас и Ян погонят на них антилоп. Мальчикам велели действовать с величайшей осторожностью, чтобы не спугнуть антилоп; у Яна с Клаасом имелось на это достаточно охотничьей сноровки.

Четверо стрелков, обогнув стадо и очутившись на противоположной стороне от мальчиков-загонщиков, спешились и связали в общий узел поводья своих лошадей, а затем направились к стаду, растягиваясь широким полукругом, чтобы охватить как можно большее пространство; потом, стоя на коленях, они притаились каждый за своим термитником.

Теперь уж охота не сорвется: антилопы, спугнутые Клаасом и Яном, наверняка побегут прямо на них, как побежали бы, разумеется, антилопы-скакуны; и тут «трах-тах-тах» — весело затрещат выстрелы и бабахнет громобой Толстого Виллема.

Последний прямо-таки ликовал. Его способ охоты был противоположен способу Ганса и Аренда. Но к способностям таких, с позволения сказать, охотников он относился несколько свысока. Другое дело Гендрик. Тот ведь тоже не соглашался с ним, и, следовательно, если, вопреки всем сомнениям, именно его план окажется удачным, он возьмет верх над Гендриком.

В успехе он почти не сомневался: все они нашли удачные позиции, и, лишь только мальчики, сделав круг, приблизятся к антилопам, те круто повернут и будут двигаться уже на стрелков; так, во всяком случае, поступают скакуны, повторял сам себе Виллем.

Однако скакуны и белолобые антилопы — далеко не одно и то же: они отличаются друг от друга не только размерами и окраской, но и повадками. Вот это-то, на свою беду, и упустил из виду Виллем.

Есть у белолобых антилоп одна любопытная черта, присущая и другим антилопам и даже оленям. Из-за нее и расстроились все тонкие расчеты Виллема.

Вопреки предположениям, животные и не подумали повернуть назад, завидев Клааса и Яна. Упрямые существа только обходили мальчиков и, миновав опасное место, снова двигались в прежнем направлении.

Клаас и Ян стояли на некотором расстоянии друг от друга — загонщикам всегда выгоднее расположиться широким фронтом,—но антилопы сделали такую петлю, что даже Толстому Виллему трудно было застрелить их из своего огромного громобоя. А мальчики, помня наказ старших, и не пытались стрелять; они стояли, не шелохнувшись, и антилопы спустя некоторое время замедлили бег и снова принялись мирно щипать траву.

Толстый Виллем был сильно опечален своей неудачей; Ганс и Аренд не поскупились на насмешки; но куда сильнее задели его два — три слова, оброненные охотником-соперником.

— Я наперед знал, — многозначительно произнес Гендрик, — что ничего из этого не выйдет. Ты думаешь, антилоп могут загнать два мальчугана верхом на пони? Это ведь все-таки не овцы...

Виллем понял, как его обрезали. Но он не сдавался и принялся доказывать, что его план все равно хороший, надо было только правильно его выполнить. Антилопы — теперь это ясно для всех — пасутся всегда мордой по ветру; значит, стрелкам, а не загонщикам следовало поместиться в головах стада. Попробуем так, и успех обеспечен. Ну, а если не выйдет, — поступим по совету всезнайки Гендрика; проверим, чего стоит его, с позволения сказать, план.

При упоминании о Гендрике в тоне Виллема прозвучал оттенок сарказма, а слово «всезнайка» было сильным ответным ударом Гендрику за его насмешку.

Слова Виллема казались вполне разумными, и все согласились с его новым предложением. Да, теперь ясно, что антилопы пасутся только «мордой по ветру», иначе они не отважились бы проскочить между Клаасом и Яном. Значит, стрелкам выгоднее всего расположиться с наветренной стороны, и, удачно выбрав места, они наверняка подстрелят несколько голов идущего прямо на них стада. А сорвется охота — тогда уж останется последовать совету Гендрика и погнаться за антилопами по пятам. Порешив на этом, четверо стрелков пустили лошадей вскачь и, описав большой круг, перерезали путь стаду; Клаас и Ян, оставленные в тылу, должны были осторожно теснить добычу сзади.

Охотники, притаившиеся на своих позициях, не сводили глаз с приближавшихся антилоп: с каждой минутой все отчетливей и отчетливей выступает «лысина» на их лбах, их широкие белобрысые головы уже явственно видны охотникам, вот-вот они окажутся на расстоянии выстрела! Как вдруг животные, подняв головы, испустили какой-то странный фыркающий крик и ринулись прямо на охотников.

«Тут-то мы их и подстрелим», — мелькнуло в голове у каждого, и каждый за своим прикрытием поспешил опуститься на колено и взвести курок.

— Теперь-то уж я возьму над вами верх! — бормотал себе под нос Виллем. — Не пройдут вам даром ваши насмешки!

Но — увы! — ему и на этот раз суждено было изведать горькое разочарование: стоило лишь антилопам почуять ветер, дувший от термитников, за которыми скрывались охотники, как они тут же свернули в сторону и вдалеке обошли засаду; стрелять было бесполезно. Толстый Виллем поднял было громобой, чтобы выстрелить наугад, но мысль о том, что, промазав, он погубит всю охоту, остановила его. Скрепя сердце он опустил ружье и дал антилопам убежать прочь.

Несколько секунд — и стадо было далеко-далеко от того места, где оно чуть не попало под обстрел. Но так как никто на них не покушался и ни один выстрел их не напугал, животные спустя некоторое время успокоились и снова как ни в чем не бывало принялись щипать траву.

Теперь Гендрик почувствовал себя героем дня. Сейчас он покажет всем, как легко настигнуть этих пугливых животных. Он загонит по крайней мере полдюжины, прежде чем они успеют удрать с равнины.

— Вперед!

Вскочив на лошадей, охотники поскакали к антилопам. Но едва лишь расстояние между ними и стадом сократилось до четырехсот ярдов, животные обратились в бегство.

Началась погоня. Спустили собак, пришпорили лошадей, и охотники с быстротой ветра понеслись по равнине.

Они не проскакали еще и мили, когда Гендрик понял, что он тоже просчитался: легконогие антилопы оставили далеко позади себя и всадников и гончих. Охотники один за другим стали осаживать своих взмыленных лошадей и отставать; двадцать минут спустя один лишь Гендрик да несколько его самых быстрых гончих продолжали погоню; Ганс и Аренд, рассудив, что их лошади не выдержат такой скачки, сочли за лучшее отступиться; ну, а что касается Виллема, так тот и не желал удачи. Клаас и Ян, само собой разумеется, замы-

кали шествие, и все они, сидя в седлах, не спускали глаз с красно-бурого потока антилоп и со спины Гендрика, уже едва заметной среди дальних термитников. Скоро он и совсем скрылся из виду.

Глава XXVIII

БЕШЕНАЯ ПОГОНЯ ГЕНДРИКА

Антилопы мчались напрямик по плоской равнине, по пятам за ними гнался Гендрик, а за Гендриком что есть силы поспевали его собаки. Все же ни всаднику, ни гончим ни на шаг не удавалось уменьшить расстояние, отделявшее их от проворных животных. Ни всаднику, ни гончим не удавалось прибегнуть ни к одной охотничьей хитрости.

Антилопы не петляли, они неслись по прямой, «мордой по ветру», ни на шаг не отклоняясь в сторону, и перерезать им путь было невозможно. Охота превращалась попросту в состязание на быстроту бега.

Первыми сдали собаки — они отставали одна за другой; дольше всех держалась около Гендрика его любимица гончая; но через милю она тоже выдохлась и отстала; теперь Гендрик мчался в одиночку по простору равнины.

Еще миль десять продолжалась погоня; бока лошади стали мокрыми от пота, вся она покрылась пеной, а антилопы по-прежнему оставались вне выстрела. Правда, бежали они уже медленнее, и на свежей лошади Гендрик сейчас с легкостью нагнал бы их, а может быть, даже и на этой лошади, но ему поневоле приходилось соблюдать осторожность: на пути лежали норы трубкозубов, и уже раз-другой, когда он, казалось, вот-вот настигнет стадо, лошадь спотыкалась и теряла наверстанное расстояние, а быстроногие антилопы, с легкостью бравшие препятствия, оказывались в выигрыше.

И все же Гендрику не хотелось остановить лошадь; он вспоминал, как горячился, настаивая на своем, и знал, что в лагере его встретят насмешками. Чего стоил

хотя бы Толстый Виллем! А вернись он с добычей, ну хотя бы с одной шкурой или парой рогов, и торжествовать будет он сам. Эти мысли подгоняли его в долгой безрассудной скачке.

Однако он начинал отчаиваться в успехе: лошадь бежала все тяжелее, уже через силу.

Гендрику наконец стало жаль ее; скрепя сердце он уже натянул было поводья, как вдруг прямо перед собой увидел горную цепь; она пересекала ему путь, возвышаясь одной сплошной грядой — нет, двумя крыльями, сходившимися под прямым углом и наглухо замыкавшими равнину. И к этой-то ловушке направлялись антилопы!

«Неужели они и вправду несутся туда?» — невольно спрашивал себя Гендрик. Ну что ж, ему это было на руку. Им хочешь не хочешь придется остановиться, и тут-то он незаметно подкрадется к ним, прячась за выступами скал и кустарниками, покрывавшими горный склон.

Гендрик обвел взглядом подножия обеих цепей и с радостью обнаружил, что они поднимаются с земли отвесно и наверх нет тропинки. Он находился уже достаточно близко, чтобы подробно разглядеть горные склоны; на их поверхности не заметно было ни одной расселины.

Это очень порадовало Гендрика. Выходит, он гнал добычу прямехонько в этот угол, в настоящую западню; здесь им будет отрезан путь, и ему, разумеется, удастся выстрелом в упор уложить хотя бы одну антилопу, а больше ему и не надо.

Окрыленный ожившими надеждами, он подбодрил коня ласковым словом и пришпорил его.

Скачка продолжалась недолго: еще одна миля — и конец.

От горы его отделяло теперь каких-нибудь пятьсот ярдов и в два раза меньшее расстояние — от стада, продолжавшего бежать в самый угол горной цепи. Гендрик больше не сомневался в удаче: не пройдет и минуты, как стадо остановится или повернет обратно и натолкнется на охотника.

Пора зарядить ружье; думая стрелять в гущу стада, он достал из подсумка несколько маленьких пуль и поспешно опустил их в ствол; проверил надежность капсюля; да, все в порядке: капсюль хорошо закреплен на затравочном стержне.

Гендрик взвел курок и поднял глаза. Антилопы исчезли.

Куда они делись? Махнули через горный хребет? Невероятно. Взобрались по отвесной круче? Невозможно. Даже если бы им это удалось, они были бы еще видны на горе. А они совершенно исчезли из виду, все до единой. Охотник натянул поводья, уронил ружье на холку лошади и несколько минут сидел, словно в столбняке, разинув рот и вытаращив глаза.

Будь он суеверен, ему, наверно, стало бы не по себе в эту минуту; но суеверия были ему чужды. Правда, в первые две — три минуты он почувствовал себя сбитым с толку, однако все-таки не сомневался, что непременно найдется простое объяснение неожиданному и загадочному исчезновению антилоп.

Он решил тотчас же внимательно обследовать местность. Проехав еще ярдов триста по следам антилоп, он, к своему полному удовлетворению, все понял. Тупик оказался вовсе не тупиком. Здесь был совершенно свободный проход, и, хотя оба отрога цепи даже вблизи казались сомкнутыми, на самом деле между ними находился узкий коридор, соединявший равнину, только что пересеченную Гендриком, с другой, столь же однообразной равниной, расстилавшейся по ту сторону горной гряды. Антилопы, разумеется, это знали, оттого-то и бежали прямиком сюда. Гендрик углубился в эту теснину, желая удостовериться, что она имеет выход. Через несколько сот ярдов коридор расширился, и Гендрик с замиранием сердца увидел лиловатые спины антилоп далеко-далеко на открывшейся перед ним равнине.

Досада и огорчение сразили Гендрика. Он соскочил с седла, прошел, пошатываясь, несколько шагов и в изнеможении сел на камень; он даже не привязал лошадь, а только закинул поводья ей на шею и предоставил взмыленное и запаленное животное самому себе.

Глава XXIX

СХВАТКА ГЕНДРИКА С НОСОРОГОМ

Переживания Гендрика в эту минуту были не из приятных; мысли его были полны горечи; он чувствовал себя униженным, посрамленным. Уж лучше бы и на глаза ему не попадались эти белолобые антилопы! Хорош он будет, когда вернется в лагерь. Он поднял на смех Ганса и Аренда — они перед ним не останутся в долгу. Он высмеял предложение Толстого Виллема — Виллем отплатит ему той же монетой!

К тому же он не щадил своего коня и, возможно, загнал его. Конь совсем замучен, из ноздрей его идет пар, бока тяжело вздымаются. А отсюда до лагеря миль двенадцать; Гендрика начало мучить сомнение, хватит ли у лошади сил доставить его обратно.

В голову Гендрика уже закралась черная мысль о том, что он пропал, когда внезапно какой-то странный звук прервал его размышления и заставил вскочить на ноги так поспешно, как ему никогда еще не приходилось.

Конь, услыхав этот звук, встрепенулся, вскинул поникшую голову, навострил уши, громко фыркнул и, поплясав минуту, другую на месте, махнул галопом из теснины.

Но Гендрик даже не обратил внимания на лошадь: его глаза были прикованы к двигавшемуся с другого конца прохода животному, голос которого и вызвал этот переполох.

Это глухое басистое хрюканье, сопровождаемое фырканьем и пыхтением, подобным звуку кузнечных мехов, было знакомо уху молодого охотника. Он знал, что перед ним сейчас предстанет черный носорог. Да, он не ошибся: свирепое создание шло по проходу!

Сначала Гендрик не особенно испугался: ему не раз уже доводилось охотиться на носорогов и он не считал такую охоту очень опасной. Ему всегда удавалось увернуться от этого неуклюжего зверя.

Но Гендрик упустил из виду, что тогда он сидел в седле, а не на камне и что избавлением от опасности он

бывал всецело обязан своей лошади. Теперь же, когда лошадь у него удрала, а их с носорогом разделяло только двадцать ярдов совершенно ровной земли, Гендрик порядком перетрусил. Это и неудивительно: жизнь его подвергалась серьезной опасности.

Первым его побуждением было вскарабкаться на горный склон — туда носорогу не добраться. Но, оглядевшись, он обнаружил, что по обеим сторонам теснины поднимались отвесные каменные стены; влезть на них было впору только кошке.

В самом проходе тоже негде было спрятаться: под ногами гладкая, с очень небольшим уклоном земля — продолжение двух равнин, расположенных приблизительно на одном уровне. Тут и там попадались, правда, деревца, но совсем невысокие, более похожие на кусты, и животному не составило бы труда повалить любое из них; они не могли служить защитой и за ними нельзя было спрятаться.

Да, надежды на спасение не представлялось. Бежать было бы бесполезно: Гендрик, как и любой южноафриканский охотник, знал, что носорог настигнет самого быстрого бегуна, и даже не помышлял о бегстве. В довершение всего, он оставил ружье на седле, и лошадь унесла его, лишив Гендрика возможности стрелять в носорога. Его единственным оружием был охотничий нож.

Но что такое нож против толстокожего носорога? Все равно что булавка.

Оставалось только надеяться, что носорог его не увидит. Поле зрения у носорога очень невелико: своими крохотными глазками он хорошо различает предметы, находящиеся прямо перед ним, но оглянуться назад или хотя бы кинуть взгляд в сторону он не может: глазки посажены близко к носу, шея неповоротлива, туловище грузно.

Гендрик молил судьбу, чтобы свирепый зверь прошел мимо, не заметив его. Тот, безусловно, еще не догадывался о присутствии Гендрика, иначе он не замедлил бы ринуться в атаку: черный носорог нападает первым, без всякой видимой причины. Он свиреп по самой своей

натуре, и ярость его изливается обычно на самых безобидных и беззащитных.

Благоразумнее всего было уйти с его дороги. Гендрик бесшумно скользнул к скале и замер, прижавшись к каменной стенке. Но если носорог лишен острого зрения, зато обоняние у него тоньше, чем у всякого другого зверя. Когда ветер дует в его сторону, он способен учуять на большом расстоянии даже полевую мышь. Он наделен также изощренным слухом: еле уловимый звук — шелест листьев или шорох шагов — позволяет ему безошибочно обнаружить врага или жертву. Если бы только носорог обладал зрением не менее острым, чем его обоняние и слух, свет не знал бы зверя страшнее его. Да и так он далеко не безопасный сосед, и несчастные туземцы нередко становятся жертвами неукротимого буйства этого могучего животного. К счастью, он не глазаст.

Однако глаза его оказались достаточно зоркими, чтобы различить на фоне скалы темную фигуру Гендрика; к тому же ветер, дувший в раздутые ноздри носорога, предупредил его о пришельце. Громко захрюкав, зверь остановился, затрепыхал ушами, замахал задорным хвостиком, затем, приняв угрожающую позу, он с сердитым храпом ринулся на Гендрика. Можно было подумать, что он увидел перед собой заклятого врага.

Но Гендрик не потерял присутствия духа, и это его спасло. Он мгновенно отпрянул от скалы, где минутой позже был бы раздавлен в лепешку или поднят на могучий рог толстокожего.

Зная, к счастью для себя, что бегство не поможет, он вышел на открытое место посередине прохода и остановился лицом к противнику; зверь тотчас изменил направление и с прежней стремительностью ринулся на свою жертву.

Гендрик стоял неподвижно, пока черный острый рог не оказался на вершок от его груди; тогда он разом отскочил в сторону и за спиной носорога пустился в бегство.

Оглянувшись на бегу, он увидел, что животное, пришедшее в бешенство от неудачи своей атаки, уже

догоняет его. Гендрик опять остановился и повторил свой прием; ему приходилось слышать, что единственный способ спастись от носорога на открытом месте — это внезапно отскочить в сторону перед самым его носом; отскочив немного раньше, человек остается в поле зрения животного, которое может последовать за ним и настичь его. Неуклюжий с виду носорог проворнее, чем кажется, и даже лошадь порой едва-едва уносит ноги от этого стремительно нападающего зверя.

Гендрик одним духом пробежал шагов двести вниз по проходу, прежде чем носорог успел повернуться, но и это не помогло. В третий раз пришлось ему остановиться, ожидая яростной атаки могучего противника.

Как и прежде, Гендрику удалось убежать от него, однако носорог, как видно, понял, в чем секрет его неудач, и стал раньше поворачивать назад, так что шансы Гендрика на спасение становились все слабее после каждой повторной атаки. Гендрик только и делал, что бросался из стороны в сторону. А стоило бы ему оступиться или на миг ослабить внимание, как носорог тут же прикончил бы его.

Отчаяние овладело юношей. Ему не хватало дыхания, пот лил с него градом, тело ломило от усталости, ноги отказывались служить. Скоро он совсем выбьется из сил; рассчитывать же на то, что сдаст и его могучий противник, не приходилось: для носорога это была детская забава; да он еще был разъярен до предела тем, что намеченная жертва, вопреки всем усилиям, ускользает от него.

Гендрик понял — ему несдобровать. В голове у него проносились мысли о доме, об отце, о сестре и братьях, о Вильгельмине. Ему больше не суждено видеть их: он будет растерзан в этой теснине свирепым черным чудовищем. Они даже не узнают, что сталось с ним. Эти горестные мысли роились в его голове, когда вдруг крик радости сорвался с его губ. Те четверть часа, что продолжалась схватка Гендрика с лютым животным, они носились взад и вперед по проходу, пока наконец не очутились на самой его середине. На скале, футах в шести над землей, Гендрик вдруг с радостью заметил

род выступа или площадочки. В ширину она не была и шести футов, но тянулась вдоль скалы на несколько ярдов. Гендрику показалось, что на одном ее конце виднеется не то пещера, не то расселина; но ему некогда было себя проверить. Площадка — вот его спасение! Не раздумывая, он ухватился за край выступа и взобрался наверх.

Вот он уже в безопасности — стоит на площадке и поглядывает сверху вниз на свирепого зверя, а тот в тщетной ярости хрюкает под скалой.

Глава XXX

ГЕНДРИК В ОСАДЕ

Гендрик вздохнул с облегчением. Разумеется, он долго еще пыхтел и отдувался на своем карнизе, но от сердца у него отлегло. Он видел, что носорогу сюда не добраться; все, что тому удалось бы сделать, даже привстав на задние лапы, — это положить свое уродливое рыло на край площадки. Так носорог и поступил, и вот уже он, яростно храпя, вытягивает свою широкую морду, стараясь достать до ног охотника своими длинными и цепкими губами.

Но Гендрик живо положил этому конец. Он был разгневан не меньше самого носорога, и гнев его был справедлив. Чувствуя себя в безопасности, он отважился шагнуть вперед и изо всей силы ударить несколько раз каблуком своего тяжелого сапога по толстым губам носорога.

Носорог завертелся на месте, завыл от бешенства и боли; но как ни был он буен и своеволен, он не решался больше лезть на площадку и только метался в гневе взад и вперед у скалы с явным намерением держать охотника в осаде.

Гендрику теперь представился случай как следует разглядеть это любопытное животное. К своему удивлению, он обнаружил, что это вид носорога, о котором он знал только понаслышке.

Со слов Ганса ему было известно, что в землях Южной Африки от тропика Козерога до мыса Доброй Надежды водятся четыре вида носорога: два белого, а два черного цвета. Белые носороги называются «кобаоба» и «мучочо», а черные — «бореле» и «кейтлоа». Оба белых вида крупнее черных, но более смирного нрава; кормятся они преимущественно травой, а черные носороги щиплют молодые древесные побеги и листву кустарников. Кобаоба и мучочо единороги; вернее, их передний рог сильнее развит. У мучочо он достигает иногда трех футов, а у кобаоба — и того больше; задний же рог обоих — всего лишь шишечка или костяной отросток. Черные носороги отличаются от белых не только окраской и размерами, но и образом жизни.

Носорог, осаждавший Гендрика, был черным, но это был не бореле — с тем Гендрику уже довелось столкнуться во время охоты на гну. Следовательно, это мог быть только кейтлоа. Что это не бореле, Гендрик сразу определил по рогам: у бореле развит только передний рог, хотя он у него и короче, чем у белых носорогов, а задний, так же как и у белых, похож на шишечку — у одних он побольше, у других поменьше. Между тем на морде носорога, красовавшегося перед Гендриком, торчали два почти одинаковых толстых, могучих рога дюймов по пятнадцати длиной. Да и шея у него была длиннее, чем у бореле, губы более вытянуты и подвижны. Противник Гендрика был кейтлоа. Хотя этот вид менее изучен, чем мучочо и бореле, — область его распространения лежит дальше к северу, — Гендрик все же коечто знал о нем по рассказам Ганса и бывалых охотников. Знал, например, что кейтлоа слывет грозою туземцев; это самый свирепый и опасный из носорогов. В областях, где он водится, жители боятся его чуть ли не больше льва или дикого буйвола.

Гендрик не удивился поэтому, что свирепый носорог напал на него без всякой причины. Он только порадовался своей счастливой звезде, приведшей его к этому каменному карнизу. Теперь он мог невозмутимо разглядывать грозные рога, от которых пять минут назад ему

не поздоровилось бы. Он даже готов был посмеяться над нелепостью своего положения.

«Вот бы Ганса сюда! — думал он. — Бесподобный случай для натуралиста изучить внешность и повадки этого нескладного зверюги».

И, как бы угадав его мысли, кейтлоа в ту же минуту показал себя во всей своей красе.

Прямо против них рос довольно большой, раскидыстый куст со множеством стволов, ответвлявшихся от одного корня; с этим-то кустом носорог вступил в единоборство, наскакивая на него то с одной, то с другой стороны, обламывая его ветви своими рогами и топча их затем грузными ногами. По его разъяренному виду, по всем его движениям можно было подумать, что он вправду сражается с лютым врагом! Схватка с кустом продолжалась свыше получаса, до тех пор, пока носорог не переломал и не растоптал в крошево все стволы и ветки.

Это уморительное зрелище привело Гендрику на память Дон-Кихота с его ветряными мельницами и рассмешило его, правда ненадолго: скоро Гендрик понял, что ярость кейтлоа столь же живуча, сколь сильна. Взгляды, которые животное время от времени метало на охотника, говорили тому, что враг неумолим.

Расправившись с кустом, зверь вернулся к скале и замер здесь, подняв голову и устремив на охотника свои крохотные глазки, горевшие злобой; казалось, он понимал, что Гендрик — его пленник, и твердо решил стеречь свою добычу. Все его поведение говорило об этом, и у Гендрика снова стало неспокойно на душе.

Прошел час, потом второй, а кейтлоа стоял на том же месте и по-прежнему сторожил Гендрика. Теперь на душе у юноши стало не только неспокойно, но прямотаки скверно.

Еще в начале охоты за антилопами ему хотелось пить, а теперь он просто изнывал от жажды: за стакан воды он отдал бы все на свете.

Он стоял на голом раскаленном камне, под жгучими лучами полуденного солнца, страдая от жары не меньше, чем от жажды.

Носорог, казалось, понимал, что Гендрик у него в плену.

Неопределенность положения тоже его мучила: как долго будет сторожить его этот неумолимый часовой? Пока кейтлоа не уйдет, спастись нет никакой возможности. Сойти вниз — значит поплатиться жизнью; ему бы и раньше несдобровать, не заметь он вовремя этой спасительной площадки.

Да, покамест чудовище сторожит его, не приходится думать о том, чтобы оставить раскаленную поверхность выступа.

Догадаются ли Ганс и другие товарищи, что он попал в беду, и пойдут ли по его следам? Возможно, да только не раньше завтрашнего утра. До наступления ночи им это и в голову не придет. Нередко тому или другому из молодых охотников случалось пропадать до позднего вечера. А разве сможет он долго выносить эту мучительную жажду? Как дотерпеть до их прихода?

А если ночью пойдет дождь и начисто размоет его следы? Друзьям не удастся найти его. Что с ним тогда станется?

Мысли одна другой чернее сменялись в голове Гендрика, пока он, стоя на площадке, с нетерпением и злобой поглядывал на своего тюремщика.

Но кейтлоа тревога его пленника ничуть не трогала; он по-прежнему оставался под скалой и все расхаживал взад и вперед, изредка останавливаясь и устремляя на Гендрика свои крохотные темные глазки, поблескивавшие ненасытной жаждой мщения.

Глава XXXI

НЕЖДАННОЕ СПАСЕНИЕ

Время шло, и с каждой минутой мучительней становились жажда и тревога Гендрика. В надежде отыскать какой-нибудь путь спасения он оглядел отвесную стену за своей спиной. Напрасно! Были, правда, и другие выступы, но на недосягаемой высоте, а его площадка тянулась вдоль скалы всего на несколько ярдов и на обоих концах постепенно сужалась — здесь не прой-

дешь. Гендрик ни на шаг не отошел от того места, куда вскочил, — оно все-таки было самым широким и здесь ему не угрожали ни рога кейтлоа, ни его длинные и подвижные губы.

Внезапно Гендрику вспомнилось, что в схватке с кейтлоа он мельком заметил темневшее над выступом отверстие — то ли вход в пещеру, то ли расселину. Сначала он было подумал, что пещера не даст ему никаких преимуществ, и остался снаружи. Но теперь он решил, что забраться в пещеру будет вовсе неплохо, окажись она только достаточно просторной. Там, как-никак, будет прохладнее, там он будет укрыт от палящих лучей солнца, а этого ему сейчас очень хотелось.

Было у него и еще одно, более существенное соображение: носорог может просто забыть о нем, если он исчезнет из виду. Он знал, что старая поговорка «С глаз долой — из сердца вон» сложена как будто специально про бореле, льва и многих других хищников; может статься, она оправдается и в отношении кейтлоа, хотя то, что Гендрик знал о его повадках, не позволяло слишком на это рассчитывать. Но почему не сделать попытку? Времени это много не отнимет, а если даже память у носорога не такая короткая, Гендрик все же ничего не потеряет, сменив горячий каменный выступ на тенистую пещеру. Вперед, к пещере!

Не спуская глаз с кейтлоа и держась вплотную к скале, он стал подвигаться к темной расселине.

Носорог следовал за ним шаг за шагом; он весь насторожился, как бы подозревая, что добыча собирается ускользнуть. В том месте, где площадка сузилась, Гендрику пришлось ступать с большой осторожностью; он не боялся упасть, сорваться—он боялся, как бы носорог не стащил его с выступа, — теперь носорог, встав на задние ноги, положив рыло на край выступа и выпятив губы, всего лишь на несколько дюймов не достал бы до стены, к которой прижался Гендрик. Поэтому приходилось быть все время начеку. Но вот, вопреки всем грозным усилиям противника, Гендрик благополучно дошел до расселины.

Здесь оказалась глубокая и темная пещера со входом, достаточно широким, чтобы человек, согнувшись, мог проникнуть внутрь.

Гендрик уже нагнулся было, собираясь залезть в пещеру, как вдруг слух молодого охотника уловил громкое «пурр», заставившее его выпрямиться с такой поспешностью, точно ему в спину вонзили иголку. За этим рыканием последовал рев, столь глухой и грозный, что перепуганный Гендрик готов был спрыгнуть со скалы и столкнуться с рогами кейтлоа, поднимавшимися в эту минуту над выступом в каких-нибудь двадцати дюймах от его ног.

Испуг Гендрика нетрудно понять: этот рев нельзя было спутать ни с чем на свете — в пещере находился лев!

Хозяин пещеры не заставил себя долго ждать. Рыкание не умолкало и с каждой минутой звучало все отчетливей; под могучими когтистыми лапами перекатывались камешки, устилавшие дно пещеры. Лев приближался!

С проворством горной серны Гендрик отпрянул в сторону и побежал обратно вдоль площадки, с ужасом озираясь через плечо.

На этот раз носорог не последовал за ним; то ли испуганный ревом льва, то ли живо заинтересованный, зверь так и застыл на месте, выставив морду над краем площадки и как бы нацелившись на пещеру.

В следующую минуту косматая голова льва выглянула из входа в логово, и царь зверей столкнулся носом к носу с «царем скотов»!

Несколько мгновений оба не двигались, взирая друг на друга. Львиный взгляд, по-видимому, смутил носорога. Он убрал с края площадки свою морду, опустился на все четыре ноги и, казалось, готов был уйти, чтоб не ввязываться в драку, но гнев грозного владыки был разбужен этим покушением на его покой. С минуту он стоял неподвижно, хлеща хвостом по своим рыжевато-бурым бокам. Затем, припав грудью к скале, лев махнул вниз и всей своей тяжестью навалился на широкую спину кейтлоа.

Увы, повелитель зверей обманулся в своем «верноподданном». Он, верно, рассчитывал здорово намять ему бока и обратить его в бегство. Но, как ни остры были когти льва, как ни испытаны в кровавой борьбе его лапы, они всего лишь оцарапали плотную, жесткую шкуру толстокожего; сколько ни старался лев прочно усесться на спине кейтлоа, ему никак не удавалось вонзить в нее свои когти. Будь то антилопа, буйвол или даже долговязый жираф, лев загнал бы их насмерть, но с носорогом дело обстояло сложнее. Вскоре лев в этом убедился. Хотя он пускал в ход и зубы и когти, чтобы удержаться, ничто не помогало: спустя мгновение он полетел вниз. Почувствовав на спине грозного всадника, кейтлоа рывком отпрянул от скалы и так затряс своим могучим телом, что наезднику несомненно показалось, будто происходит землетрясение.

Лев припал к земле, готовясь повторить прыжок, но, прежде чем он успел осуществить свое намерение, носорог круто повернулся и без промедления двинулся на противника, выставив рога вперед наподобие двух взятых наперевес копий. При его сокрушительной силе и стремительности натиска эти крепкие острия способны были распороть самую толстую львиную шкуру и пройти между ребер. Видно, атака носорога привела льва в невольное замешательство, и, вместо того чтобы достойно встретить противника, он повернул к нему спину и — о трусливая тварь! — махнул прочь из прохода, удирая, точно кошка, от погнавшегося за ним носорога.

Гендрик с волнением следил со своего уступа за ходом сражения, но ему так и не суждено было узнать, кто остался победителем. Едва лишь оба могучих противника помчались вверх по проходу, он соскочил со скалы и пустился бежать в обратную сторону так быстро, как только несли его ноги.

Выбежав из теснины, Гендрик с минуту поколебался, какой ему выбрать путь — последовать ли по следам охоты или по более свежим следам своей убежавшей лошади, — и решил пуститься в обратный путь по собственным следам. Он мчался по открытой равнине, не чуя под собой ног, ежеминутно со страхом поглядывая

через плечо, не гонится ли за ним черное чудовище. Но он был приятно разочарован: кейтлоа его не преследовал. Вдобавок, к великому удовольствию Гендрика, лошадь его тоже вышла на старый след; обогнув заросли кустарника, Гендрик увидел ее совсем неподалеку щиплющей траву на равнине.

Лошадь легко подпустила его к себе. Гендрик сел в седло и, успокаиваясь понемногу, пустился к лагерю; следы охоты вели его туда кратчайшим путем; как уже говорилось, антилопы всегда бегут навстречу ветру и, следовательно, по прямой линии. Гендрик без труда различал их следы и через два часа вернулся к своим вместе с собаками, которые пристали к нему по дороге.

Ганс и Аренд подняли его на смех, но Виллем не присоединился к ним: он помнил, как великодушно держал себя Гендрик в тот раз, когда он свалился с лошади у норы земляного волка, и теперь отплатил ему добром за добро. Похоже было, что Виллем и Гендрик скоро станут закадычными друзьями.

Глава XXXII

ОГРОМНОЕ СТАДО АНТИЛОП

На следующий день нашим молодым охотникам представился случай полюбоваться необычайным зрелищем — огромным стадом антилоп, таким огромным, что вся равнина, насколько хватал глаз, казалась покрытой багровым ковром. Антилопы не паслись и не отдыхали. Стадо бежало, подобно вчерашнему стаду, против ветра, как будто спасаясь от какого-то грозного врага, вспугнувшего его и гнавшегося за ним по пятам.

В ширину стадо занимало пространство около полумили. Определить, насколько оно растянулось в длину, было труднее, так как мимо охотников оно бежало более часа. Животные стремительно неслись вперед, соблюдая равнение в рядах, но иногда задние вдруг перепрыгивали через передних, и тогда эта движущаяся лавина становилась похожей на бурлящий поток. Анти-

лопы бежали, вытянув шеи, чуть ли не касаясь носом земли, как гончие по следу.

Местами они сбивались в плотную массу, и в промежутках между такими группами бежали только самцы; местами в этом потоке появились разрывы, и он приобретал вид движущихся армейских колонн.

Эти разрывы возникали оттого, что огромное стадо образовалось из множества самостоятельных стад, подгоняемых страхом. У белолобых и пятнистых антилоп есть своеобразная особенность — к стаду, обратившемуся в бегство, примыкают всё новые и новые табуны, пасущиеся поблизости. И так как все они бегут обязательно против ветра, из них составляется одно огромное стадо. Это живописное зрелище привело на память молодым охотникам рассказы о перекочевке бизонов в американских прериях и о перелетах странствующих голубей. Напомнило им это зрелище и «переселение» скакунов, которое им довелось видеть своими глазами.

В этот день им повезло. Вчерашний опыт не пропал даром — они приобрели сноровку в охоте на белолобых антилоп. Вместо того чтобы подкрадываться к ним или устраивать на них облаву, они решили скакать сбоку от стада, временами приближаясь к нему на расстояние выстрела. Антилопы, бегущие против ветра, подпустят к себе охотника ярдов на триста — четыреста, и всадник на свежей лошади несомненно успеет выстрелить в стадо, прежде чем вся эта движущаяся масса будет в состоянии сменить направление. При такой стрельбе прицелиться, разумеется, невозможно и много пуль пропадет зря, но все же одну-другую антилопу, наверно, удастся уложить.

Как и было задумано, молодые охотники держались рядом со стадом все время, пока оно неслось против ветра, но, хоть и часто слышны были звуки их ружей, хоть и вторил им время от времени более гулкий выстрел громобоя Виллема, добыча оказалась невелика: только шесть антилоп, поровну самцов и самок. Но юноши все равно были рады: они ведь охотились не ради мяса, а из-за рогов и шкур красивой окраски, которых хватило на всех.

Едва только лошади притомились, охотники оставили стадо в покое.

В лагерь они вернулись довольно рано, захватив с собой головы, рога и шкуры своей добычи, да и мяса они запасли себе на день-другой.

Шкуры антилоп, как обнаружилось, издавали приятный запах, присущий, очевидно, тем пахучим растениям и травам, которыми кормятся эти изящные животные.

Все время после полудня охотники очищали шкуры от мездры, а затем развесили их для просушки. Знойное солнце за несколько часов подсушит их настолько, что можно будет свернуть их до следующего привала, а там уж просушить до конца, чтобы окончательно уложить в фургоны.

Обработкой шкур занялись Гендрик и Виллем, но чучело головы, требующее подлинного мастерства, взялся набить Ганс, пригласив Аренда в помощники. Для этой цели у Ганса имелся набор необходимых химикалий: мышьяковое мыло и некоторые другие средства консервации. К вечеру были отпрепарированы две пары голов. С рогами и шерстью они выглядели как живые и, казалось, только ждали, чтобы их повесили на стену.

В каждой паре — голова самца и голова самки; одна пара предназначалась семье ван Блоома, другая — ван Вейку.

У белолобых антилоп единственное различие между рогами самцов и самок состоит в том, что рога самки короче и тоньше. Шкура самки меньше по размеру и бледнее по тону. Так же и у их сородичей — пятнистых антилоп, чьи нарядные шкуры и рога достались охотникам днем позже.

В охоте на пятнистых антилоп, на этот раз вполне успешной, была повторена облава, предложенная Виллемом. Каждый из четверых — Ганс, Гендрик, Аренд и Виллем — подстрелили по самцу, едва лишь стадо двинулось к их укрытиям. Но пальма первенства досталась на этот раз Гансу: стреляя дуплетом из двустволки, заряженной пулями, он уложил одновременно двух «раскрашенных козлов», как иногда называют пятнистых антилоп.

Не следует думать, однако, что сегодняшний успех и вчерашняя неудача при охоте одним и тем же способом объясняются коренным различием в повадках этих двух видов антилоп; нет, повадки их очень схожи.

Охота на пятнистых антилоп была удачной только потому, что погода стояла тихая, в воздухе — ни дуновения; в этом затишье антилопы не могли ни бежать против ветра, ни даже при всем своем остром нюхе определить, за каким термитником таится охотник.

Оттого-то Клаасу и Яну удалось на этот раз прогнать их прямо на стрелков в засаде, а тем — без особого труда подстрелить их.

Подкрадываться к антилопам в такой день не имело смысла, так как стрелять пришлось бы с большего расстояния, а на равнинах Зуур-Вельда очень трудно добиться меткого выстрела — над ними постоянно нависает дымка, мешающая прицелу; подчас в этих местах возникают миражи, совершенно искажающие вид и размеры предметов: важно выступающая птица секретарь начинает напоминать человека, а страус вырастает до высоты церковного шпиля. Меняется самая окраска предметов. Известен случай, когда путешественники приняли чету рыжевато-бурых львов за свои повозки, крытые белым полотном, и направились прямехонько к хищникам, полагая, что едут к своему лагерю. Досадная оплошность, можно сказать!

Закончив обработку шкур пестрых антилоп, охотники снялись со стоянки и двинулись дальше по равнинам Зуур-Вельда.

Глава XXXIII

ОДИНОКАЯ ГОРА

Уже говорилось, что на равнинах Зуур-Вельда нашим путникам время от времени попадались горы самых разнообразных очертаний: нагроможденные друг на друга, словно ящики, с вершинами, плоскими, как стол, конусовидными или куполообразными, зубчатые кряжи, напоминавшие крыши гигантских островерхих

домов и вонзавшие в небо свои пики, отточенные, как церковные шпили; а дальше горные хребты опять тянулись сплошной ровной линией, точно крепостной вал, то тут, то там увенчанный башенками, дополнявшими его сходство с грандиозным военным сооружением.

Наши охотники с интересом рассматривали эти возвышенности, причудливые и разнообразные. Их путь проходил то мимо отвесной стены, в тысячу футов высоты, которая тянулась без единой расселины на многие мили и отрезала таким образом доступ к горам, вздымавшимся еще выше, то вдоль узких гребней, где между двумя крутыми склонами едва хватало места проехать фургонам. Время от времени им приходилось огибать какой-нибудь отрог, выдвинувшийся на несколько миль в глубь равнины.

Среди одной из самых обширных равнин, лежавших на пути молодых охотников, внимание их привлекла гора совершенно своеобразной формы. Строго говоря, назвать ее горой можно было бы лишь с натяжкой: она возвышалась над землей не более чем на семьсот — восемьсот футов, однако ее коричневая скалистая поверхность придавала ей облик настоящей горы, да и назвать такую громаду холмом тоже было бы неправильно. Вдаль и вширь вокруг этой странной горы, не имевшей предгория, зеленым ковром расстилалась ровная низменность, оттеняя своим изумрудным фоном ее темный гранит.

Склоны этой необычной горы от подножия до верха шли покато, как у египетской пирамиды; издали она и выглядела пирамидальной, но, подъехав ближе, можно было заметить, что очертания у нее округлые. Своеобразие горе придавала ее вершина: тридцатифутовый утес, снизу похожий на шпиль с тонким, как игла, острием. Гора эта, напоминавшая опрокинутую воронку, бросалась в глаза еще издали. Одиноко возвышаясь посреди открытого пространства, она резко выделялась своим цветом на фоне изумрудной зелени равнины, посреди которой как бы остановилась отдохнуть.

— Давайте подъедем и обследуем ее, — предложил Аренд. — Мы не так уж отклонимся от своего маршру-

та, а наших медлительных буйволов мы всегда догоним... Что вы на это скажете?

— Сколько бы не заняло времени, а подъехать надо, — поддержал Ганс.

Ему подумалось, что на этой примечательной горе, уж наверно, попадется какое-нибудь редкостное растение.

— Давайте подъедем! — хором подхватили остальные.

Предложения Ганса принимались его более юными спутниками обычно без возражений. И они погнали лошадей к горе, предоставив фургонам следовать в прежнем направлении, к тому месту, где был намечен привал.

С первого взгляда всадникам показалось, что гора отстояла от них никак не дальше чем на милю, и все горячо возражали Гансу, по мнению которого гора находилась в пяти милях. Завязался спор. Ганс выступал один против пятерых; над Гансом подтрунивали, издевались, называли его подслеповатым. Пять миль! Какая чепуха!

Ни один из пяти не отличался склонностью к размышлениям, все они всецело полагались на свое непосредственное восприятие. Если бы им впервые довелось встретиться с таким оптическим явлением, как преломление прямой палки, погруженной в прозрачную воду, они, по всей вероятности, решили бы, что перед ними просто-напросто кривая палка, и вздумай кто-нибудь утверждать обратное, они подняли бы его на смех, как поднимали сейчас на смех Ганса, утверждавшего, что гора находится в пяти милях от них, в то время как все они ясно видели, что до нее не более одной. Так оно и казалось наблюдателю, привыкшему определять расстояние в обычных условиях, в низменной местности. Но Ганс понимал, что теперь они находились на равнине, возвышавшейся над уровнем моря на тысячи футов. Отчасти из книг, отчасти из опыта он знал, какие там возникают оптические обманы. Он согласился, что гора кажется на взгляд очень близкой, но продолжал настаивать на том, что это только кажется.

Как ни добродушен был наш юный философ, но насмешки приятелей вывели его в конце концов из терпения. Осадив лошадь, он предложил измерить спорное расстояние. Возражений не последовало. У них не было даже карманного ярда, не говоря уж о межевой цепи, но они знали, что никаких измерительных инструментов Гансу не потребуется. Все повернули обратно, чтобы начать измерение с того места, где завязался спор.

Как же будет Ганс измерять расстояние? Быть может, угломером? Ничуть не бывало. Он, правда, умел им пользоваться, но обходился и без него. Рослый жеребец Ганса бежал рысью настолько ровной, что способен был заменить самый точный прибор. Ганс, задав коню желательный аллюр, мог затем определить пройденное расстояние с точностью спидометра. Жеребец, пущенный свободной рысью, всегда шел в неизменном темпе и делал равное число шагов в минуту. Поэтому заметить время в начале и в конце пути было все равно, что подсчитать число шагов лошади.

Ганс, нередко прибегавший к этому способу, мог определять любые расстояния, пройденные его конем. Заметив время по минутной стрелке часов, он двинулся напрямик к горе. Юноши последовали за ним. Ехали в молчании: нельзя было мешать Гансу, а то бы они не отказали себе в удовольствии еще немного подразнить его. Скоро, впрочем, настроение у них переменилось и на их лицах отразилась растерянность: сколько они ни ехали, гора к ним не приближалась. Прошло добрых полчаса, а до нее на глаз все оставалась миля. Пять юношей, ехавших следом за Гансом, совсем приуныли.

Прежде чем они достигли подножия горы, прошло еще полчаса. Никто не спорил, не высказал ни удивления, ни даже сомнения, когда Ганс громко и твердо провозгласил:

— Пять миль с четвертью!

Ганс не воспользовался случаем отплатить за насмешки. Он только повернулся в седле и сказал:

— Затемнить истину надолго ложная мудрость не в состоянии, хотя она и представляется иногда более правдоподобной, чем сама истина.

Глава XXXIV

ВОСХОЖДЕНИЕ НА ГОРУ

Гора, очертания которой казались издали ровными и мягкими, представляла вблизи совсем другое зрелище. Склоны горы от подножия до самой вершины были густо усыпаны огромными камнями, придававшими ей сходство с гигантским керном [1], какие иногда можно видеть и на вершинах наших гор. Но те холмики созданы руками человека, а громада, на которую смотрели наши спутники, представлялась им творением каких-то титанов.

Кое-где среди этой скалистой россыпи зеленели клочки растительности; в извилинах трещин распускались причудливые кактусы и редкие молочаи; тут и там невысокое деревце с развесистой кроной, с листвой, похожей на листву мирта, осеняло своей тенью горный склон; над острым изломом какой-нибудь глыбы вздымались древовидные алоэ, оживляя своими коралловокрасными гроздьями серый, мрачный фон скалы.

Налюбовавшись живописной картиной, охотники решили все вместе подняться на вершину; путь казался совсем недолгим, тропа не очень крутой; минут через десять они будут наверху. А какой великолепный вид откроется им оттуда! Гора возвышалась над местностью, по которой им предстояло совершать путь еще дня три. Озирая окрестность, они выберут самую удобную дорогу, без зигзагов и препятствий, и заранее нанесут свой маршрут на карту.

Итак, на гору! Это восхождение манило всех. Одних — ради прекрасной панорамы, других — ради удовольствия одолевать крутизну, Клааса и Яна — потому, что они заметили большую птицу, парившую над вершиной, — это мог быть орел, повелитель птиц. Им так хотелось поближе познакомиться с владыкой пернатых!

У Ганса была своя цель: его интересовала расти-

---

[1] **Керн** — каменная могильная насыпь у северных народов.

тельность горы, совсем не похожая на растительность соседней равнины, а особенно деревце с листвой, как у мирта.

За восхождение единогласно высказались все.

Охотники быстро спешились: лошадям эти склоны, покрытые каменной россыпью, были недоступны. Поводья связали в один узел, как всегда поступали, когда поблизости не оказывалось деревьев, к которым можно было бы привязать животных. Этот способ себя оправдывал полностью. Их лошади хорошо знали друг друга и ладили между собой. Не приходилось опасаться, что одна обидит другую. Стояли они мордами в круг, и ни одной не удалось бы уйти без остальных, а такое единодушие вряд ли было возможно. Кроме того, если бы даже пятеро из них решили немного прогуляться, шестой все равно не пошел бы на этот сговор и упирался бы изо всех сил — тот, кто непременно остался бы верен своему хозяину: степенный, надежный жеребец Ганса, приученный ждать своего хозяина, где бы тот ни оставил его. На многие ботанические экскурсии ездил он с Гансом и всегда смирно стоял на месте, часто нестреноженный и непривязанный, с поводьями, закинутыми за холку, пока молодой ботаник лазил по обрывам или нырял в чаще кустарников, выискивая редкостные растения.

Словом, оставив лошадей, отряд двинулся в путь. Тропа то вела их среди нагромождения гранитных глыб, то шла по ребрам скал; приходилось пускать в ход всю свою силу и сноровку. Путникам сперва показалось, что за какие-нибудь пять минут они достигнут вершины. Теперь их ждало досадное разочарование.

Возможно, ничто на свете так не обманчиво, как восхождение на гору: на поверку оно всегда оказывается куда труднее, чем кажется сначала. Потому-то, прикидывая затрату времени и сил, следует принимать в расчет разные непредвиденные трудности и осложнения. Рассудительному Гансу это было отлично известно, и он предупредил товарищей, что подъем на гору отнимет добрых полчаса. Наших юношей так и подмывало посмеяться над его словами, но они еще не забыли, как

опозорились недавно, и сочли за лучшее смолчать, втайне уверенные, что через какие-нибудь пять минут окажутся на самой вершине.

Но пять минут прошло, и их уверенность поколебалась; затем еще трижды пять, а они находились всего лишь на полпути к вершине!

Здесь они устроили привал, чтобы отдышаться. Теперь Гансу представился случай разглядеть вблизи любопытное деревце, в тени которого они как раз и остановились.

Оно было невысокое, красивым его тоже не назовешь, однако это было весьма примечательное дерево. Ветви его густо покрывала мелкая бледно-зеленая листва, похожая на листву мирта. Цветы его тоже были мелкими и малоприметными, но по цветам юный ботаник распознал в нем представителя семейства сандаловых деревьев, древесина которого широко применяется в разных поделках.

Юношам встречалось множество безделушек, изготовленных из этого прославленного дерева, но как оно выглядит и где растет, они не знали. Воспользовавшись минутой отдыха, Ганс рассказал им следующее:

— Сандаловое дерево растет в предгорьях малабарского берега и на островах Индийского архипелага. По размерам оно невелико, в поперечнике редко достигает фута. Оно не коробится от сырости, не гниет в воде. Его ароматная смола предохраняет от порчи одежду, ткани, шелка и любые предметы, помещенные с ним рядом, и отпугивает насекомых. Этими ценными свойствами объясняется спрос на него для изготовления комодов, шкафчиков, разных предметов домашнего обихода. Из этого ароматного дерева делают дорогие веера и бусы. Брамины примешивают его смолу к курениям при жертвоприношениях Вишну.

— Существует, кажется, два рода сандала? — осведомился Клаас. — У сестры Вильгельмины есть сандаловые шкатулка и бусы, привезенные из Индии нашим дядей. Они совсем разные: шкатулка — белая, а бусы — великолепного желтого цвета. Может, их покрасили?

— Нет, — ответил Ганс, — бусы не крашеные. Вещи из сандала бывают двух цветов: белые и желтые. В былые времена считалось, что их делают из разных деревьев. Однако это не так. Белое и желтое дерево берут с одного и того же ствола. Различие в цвете объясняется тем, что слои древесины, которые ближе к сердцевине, имеют густо-желтую окраску, молодые же слои, расположенные ближе к наружной коре, почти белого цвета. Желтая древесина тверже, ароматнее и, разумеется, стоит дороже. Срубленные деревья тут же подвергают окорке, а очищенные стволы сушат еще месяца два, что придает особую устойчивость и тонкость их запаху.

С интересом слушая Ганса, юноши вынули ножи, срезали по сандаловой ветке, понюхали их и даже попробовали на вкус. Ветки были душистые, но без всякого вкуса. Ганс заметил, что и настоящее индийское сандаловое дерево, обладая приятным запахом, совершенно лишено вкуса. В заключение Ганс разъяснил, что слово «сандал» происходит не от сандалий — античной обуви, на которую его употребляли, а наоборот, сандалии заимствовали свое название от дерева. Корень же этого слова персидского происхождения и значит «полезный». Выходит, что название вполне соответствует ценным свойствам дерева.

Отдохнувшие охотники со свежими силами продолжали подъем и через пятнадцать минут достигли вершины.

Глава XXXV

ДАМАН

Впрочем, последнее не совсем верно. Они, правда, достигли вершины горы, но над ними все еще возвышался шпилеобразный утес, который своим причудливым видом привлек их внимание и заманил сюда. Шпиль был недоступен для живых существ, кроме кошки, обезьяны и птицы; никому из отряда, разумеется, и в голову не пришло отважиться на такое опасное восхождение.

Насытив свои глаза зрелищем этого геологического феномена, они решили двинуться в обход, к другой стороне. Но это было не так-то просто: у подножия шпиля громоздились огромные ребристые глыбы, и им пришлось бы или перелезать через них, или протискиваться между ними.

Не успели они двинуться в путь, как внимание их привлек один предмет, и они задержались, чтобы хорошенько его рассмотреть.

На полпути вниз, на склоне горы, стоял утес, с вершины которого, должно быть, открывался вид на большой кусок горного склона; на этой вершине восседала очень крупная птица, величиной с индюка. Оперение ее было густо-черным, и только на затылке, спускаясь к плечам, ярко белело пятно; каштановые перья покрывали лапы до самых пальцев, а сами пальцы были светло-желтые.

Ее внешний облик — круто загнутый клюв, широкие, могучие крылья, лапы, покрытые перьями, точно в штанишках, — сразу говорил о ее породе.

— Орел! — хором вскричали охотники.

Да, это был орел, притом один из крупнейших — орел-ягнятник. Клаас и Ян заметили его еще снизу.

Он был не более как ярдах в двухстах от них, и, хотя они порядком-таки шумели, поднимаясь на гору, он, как видно, ничего не слышал и по-прежнему не замечал пришельцев. Это было очень странно для такой чуткой птицы. Что-то, очевидно, всецело завладело его вниманием: орел сидел, вернее — стоял, крепко ухватившись когтями за гребень утеса, и, напряженно изогнув шею, с живейшим интересом рассматривал внизу какой-то предмет.

Затылок его, обращенный к охотникам, представлял бы собой заманчивую мишень, расположись орел поближе, но сейчас разве что из громобоя Виллема можно было бы попасть в него, да и то не наверняка. Виллем хотел было попытать счастья, но Ганс удержал его. Любопытно было понаблюдать за орлом — его настороженная поза указывала, что он подстерегает жертву, находящуюся где-то на склоне.

Немного погодя показалась и сама жертва. На небольшую площадку, расположенную ярдов на двадцать — тридцать ниже, выбежал маленький серовато-коричневый зверек; шкурка его была на спине темнее, на брюхе — светлее. По виду — кролик, но значительно крупнее и плотнее, не длинноухий и с более короткими ножками, казавшимися при ходьбе очень кривыми, и совсем бесхвостый. Шерсть у него была густая и мягкая, как у кролика, но с разбросанными по меховому одеянию шелковистыми волосками, несколько более длинными; на передних лапках — по четыре роговидных нароста, похожих на копытца; задние лапы трехпалы, средний палец заканчивался настоящим когтем.

Разумеется, с такого расстояния нельзя было тщательно разглядеть зверька, и в первую минуту все эти особенности ускользнули от наблюдателей. Их позднее сообщил Ганс, хорошо знавший этого зверька.

Животное это, с виду ничем не примечательное, было по своему строению одним из любопытнейших на земном шаре.

Это маленькое круглое пушистое создание, робкое, как мышь, которое резво скакало по площадке, временами круто останавливаясь, чтобы пощипать листик или бросить по сторонам пугливый взгляд, это незаметное четвероногое было троюродным братом огромного, грубого носорога. Именно так! Правда, у него на мордочке не было рогов и он был покрыт шерстью, но его зубы, череп, ребра, копытообразные пальцы, его внутреннее строение — все доказывало, что это копытное животное.

Повадки дамана просты, и о них можно рассказать в двух словах. Даман — стадное животное. Он обитает в горах и во многих гористых местностях; скрывается в пещерах и расселинах скал и выходит наружу только покормиться и погреться на солнце; он бегает, опасливо озираясь по сторонам, питается травой и листвой кустарников, выискивая самые пахучие; от большинства четвероногих хищников ему удается спастись, но пернатые хищники, в особенности орел-стервятник, охотятся за ним с постоянным успехом. Вот вам коротенький

рассказ о дамане, или гираксе, десси, жиряке, как по-разному называется в книгах этот зверек.

Я уже говорил, что все эти подробности были рассказаны Гансом несколько позже.

В ту минуту им было не до ученых справок. Едва лишь даман в сопровождении нескольких своих сородичей показался на площадке, как орел сорвался с утеса и камнем метнулся на них.

Послышался пронзительный крик. Темные крылья распластались над зверьком, и, казалось, орел вот-вот взмоет ввысь с добычей в когтях.

Но не тут-то было. Юноши обманулись в своих ожиданиях, как обманулся и сам орел: даманы оказались куда проворнее своего давнего и грозного врага, и, прежде чем когти орла коснулись их шерстки, они бросились врассыпную и скрылись в своих темных надежных убежищах.

Сегодня они, разумеется, уже не отважатся выглянуть наружу. Орел, очевидно, тоже так думал. С разочарованным клекотом взвился он к небу и полетел в сторону.

Глава XXXVI

ГОРНЫЕ СКАКУНЫ

В надежде подстрелить орла влёт, пока он кружит над горой, охотники притаились за камнями, держа свои ружья наготове, но — увы! — орел парил на такой высоте, что пулям было его не достать.

Сейчас он скроется из глаз, думали они, полетит на какую-нибудь соседнюю гору... Здесь, на этой горе, он мог быть только случайным гостем, — старый голодный орел на охоте.

К этому и шло. Но орел, уже направившись на большой высоте в сторону от горы, вдруг замер и повис в небе, опустив голову вниз, как бы живо заинтересованный чем-то внезапно попавшимся ему на глаза.

Неужели даманы снова отважились показаться? Нет, орел парил над другим местом — по ту сторону горы.

Возможно, что он и заметил даманов, но каких-то других. Это было бы неудивительно: здесь, на горе, их, должно быть, множество. Только не в обычае орла-ягнятника устремляться на этих зверьков с высоты. Хищник подстерегает их, засев поблизости на какой-нибудь скале, и, едва лишь они выйдут полакомиться листиками или погреться на солнышке, разом бросается на них, — такую охоту как раз и наблюдали юноши.

Даманы настолько проворны, что орел, падая с высоты, не успевает схватить их — они с молниеносной быстротой спасаются в свои убежища. Они и в этот раз давно уже успели бы скрыться, заметив над собой большую черную птицу. Нет, это были не даманы.

Ганс, отделившись от своих спутников, обошел гору кругом и убедился, что отнюдь не даманы, а совсем другие существа заставили орла прервать свой полет.

На середине горного склона стояло сандаловое дерево с пышной, развесистой кроной — одно из самых высоких на этой горе. Гладкая каменная глыба под ним образовала ровную площадку в несколько квадратных ярдов. Ветви дерева почти полностью укрывали ее, даря ей тень и прохладу в часы, когда жгло немилосердное солнце. Казалось, этот уголок создан прямо-таки нарочно для отдыха путников, которые смогут, укрывшись от жгучих полуденных лучей, любоваться широким видом на равнину и живописные дальние горы. Такой уголок пришелся бы по сердцу мечтателю; здесь он, забыв о повседневных заботах, свободно предавался бы приятным раздумьям.

Иной раз невольно приходит на ум, что многие птицы и дикие звери стараются найти себе гнездовье или логово в местах поживописнее. Для меня не составляет труда сразу сказать, на каком утесе орел совьет себе гнездо, на какой прогалине в лесной чаще поселятся олень или лань, под каким деревом они будут отдыхать.

Мне кажется, что птицы и звери часто облюбовывают тот или другой уголок не только потому, что они здесь могут лучше укрыться от чужих глаз, но и просто пленившись красотой окрестности.

Как-то не верилось, что на этой одинокой дикой горе, на этой гладкой плите, под этим благоухающим сандаловым деревом природа не поместила живого существа, чтобы ласкать взгляд и придать всей картине завершающий штрих.

И в самом деле, эта великолепная картина была совершенна. Сандаловое дерево не зря дарило свою тень: на каменной плите находились существа, оживлявшие прелестный уголок и дополнявшие общее впечатление.

Их было там трое — трое животных, какие еще не встречались нашим охотникам за все время экспедиции. Мех у всех троих был одинакового оливково-бурого цвета и одинаково густой. Зато по росту они различались сильно. Самый крупный достигал размеров обычной охотничьей собаки, а самый маленький был меньше самого крохотного козленка. Средний был только чуть поменьше самого крупного, но, в отличие от него, не имел рогов, как, впрочем, и их крошечный спутник. Тем не менее все трое принадлежали к одному роду и виду, вернее сказать — к одной семье. Это была семья горных скакунов, или антилоп-серн, как их называют буры.

Ганс, да и все остальные сразу поняли, что перед ними — горные скакуны, так как эта любопытная разновидность антилопы все еще попадается в населенных областях Капской колонии, там, где высокие утесы и отвесные скалы спасают ее от собак, охотников и гиен.

В отличие от сернобыка, гну, белолобой антилопы, канны, горный скакун никогда не спускается в долину: это животное — настоящее дитя гор. Утесы и скалы — его излюбленное жилье. Там ему не страшны ни лев, ни гиена, ни дикая собака, ни шакал — никто из них не в состоянии добраться до его неприступного жилища на краю бездонных пропастей; даже леопард, благодаря своим цепким когтям лазающий по скалам, как кошка, и тот не в силах его преследовать; на отвесах скал и головокружительных высотах горный скакун не имеет равного себе по ловкости среди четвероногих; да он и не боится ни одного из них, у него только три грозных врага среди крылатых хищников — это орлы: орел Верро, орел Каффир и орел-ягнятник.

Ростом горный скакун около двадцати дюймов, он строен и плотно сложен, ноги его сильнее, чем у низкорослых равнинных антилоп; его четырехдюймовые рога поднимаются почти вертикально, потом слегка загибаются вперед; мех у горного скакуна длинный, густой и жесткий. Своеобразная расцветка его волос — пепельно-серых у корней, коричневых посередине, желтых на концах — в целом создает впечатление оливково-бурого тона.

Самая примечательная особенность горного скакуна — это строение его копыт: они не удлинены и не поставлены косо, как у других антилоп, а строго цилиндрической формы и почти вертикальные. Края их зазубрены, что позволяет животному цепко держаться на самых гладких скалах, не боясь соскользнуть; как все, что вышло из рук природы, эти копытца прекрасно отвечают своему назначению.

Горный скакун — не стадное животное; он живет парами, семьями. Такая семья и предстала глазам наших охотников.

Самец стоял на самом краю скалы, глядя на расстилавшуюся внизу равнину. Он еще не замечал орла, скрытого от него пышной густолиственной макушкой сандалового дерева. Самка лежала, а детеныш, опустившись возле, сосал ее.

Но вот зловещая тень птицы легла на зеленую равнину, и самец, заметив ее, встрепенулся, пронзительно свистнул и стукнул копытом о камень. Это было сигналом.

Мать с детенышем мгновенно вскочили на ноги, и все трое застыли насторожась, то поглядывая вниз на скользившую тень, то подозрительно озирая высь. Но вот они запрыгали взад и вперед по площадке: они увидели летящего орла, теперь уже не скрытого от них макушкой дерева.

Как раз в эту минуту орел, прервав свой полет, повис в воздухе: горные скакуны попались ему на глаза. Пернатый хищник мигом заметил детеныша, в страхе прятавшегося за мать, и в тот же миг ринулся вниз, прямо к маленькой группе. Но как ни быстр был орел,

Крылатый разбойник все еще сжимал в когтях свою жертву.

ему не удалось схватить свою жертву с налета, и, оставшись ни с чем, он снова взмыл ввысь.

Охотники взглянули на площадку, но там уже никого не было. С той же стремительностью, что и орел, все трое метнулись прочь с площадки и спаслись от страшных когтей.

Может быть, горные скакуны скрылись, подобно даманам, в какой-нибудь расселине? Вовсе нет. Они стояли на вершине утеса, на самом виду, настороженные, задрав головы, не спуская глаз с орла и, по-видимому, опасаясь повторного нападения. А орел, описав круг и как бы рассчитав расстояние, снова ринулся вниз.

Теперь властелин воздуха целился только на маленького. Взрослые, разумеется, сумели бы спастись от него; в течение некоторого времени это удавалось и малышу, прыгавшему с утеса на утес с легкостью резинового мяча. Но коварная птица при каждом новом налете суживала круги, а ножки детеныша, ослабев, начинали подкашиваться. Тем временем родители скакали по скалам, подпрыгивая так высоко, словно взлетали на крыльях, и опускались на самые острые гребни, всячески стараясь привлечь внимание орла к себе и выручить своего детеныша.

Но все их усилия были напрасны. Хитрый разбойник решительно остановил свой выбор на малыше и не обращал внимания на любые ухищрения его родителей. Быть может, в гнезде его поджидали орлята и на обед им требовалось мясо понежнее.

Словом, орел преследовал несчастного малыша до тех пор, пока тот не изнемог и не опустился на утес уже не в силах сделать новый прыжок.

Орел ринулся в последнем победном броске; обхватив своими когтями, подобно клещам, спину малыша, он через мгновение поднял его на воздух.

Внизу раздалось горестное блеяние, тут же утонувшее в нескольких одновременных выстрелах, чье эхо громовым раскатом пронеслось в горах.

Крылатый разбойник, все еще сжимая в когтях свою жертву и яростно хлопая крыльями, камнем упал на землю.

Глава XXXVII

ПРЕСЛЕДОВАНИЕ ГОРНЫХ СКАКУНОВ

Орел упал неподалеку от вершины. Юноши, спустившись по склону, нашли его мертвым. В когтях у него был козленок — тоже, разумеется, мертвый.

Орлиные когти вонзились в его тело у самого позвоночника — даже в смерти жестокая птица не выпускала своей жертвы.

Бесцельное убийство животных преступно; казалось бы, наших охотников можно обвинить в том, что они подстрелили орла без всякой надобности. Однако это не так. Орел был представителем малоизученного вида, и шкурка его нужна была для научной коллекции.

Юноши были очень далеки от мысли мстить за козленка. Напротив, минут пять спустя все шестеро вместе со своими собаками охотились на горных скакунов с таким же азартом и жаждали лишить их жизни не меньше, чем перед этим их крылатого врага.

Но они — по крайней мере, большинство из них — не просто желали потешить себя веселой охотой. Здесь была любознательность, стремление понаблюдать вблизи за этими животными и приобрести их рога — ценный трофей.

Вас, разумеется, удивляет, зачем понадобились им рога горных скакунов, раз эта антилопа не такая уж диковинка в Капской колонии. Действительно, это животное там не редкость, но в руки охотнику оно достается лишь в редких случаях: горный скакун пуглив и осторожен, как серна, и вдобавок обитает на самых неприступных высотах; подстрелить его — настоящий охотничий подвиг, а его маленькие рога — славный охотничий трофей.

Вот почему нашим охотникам захотелось добыть рога горного скакуна, стремительно скакавшего вниз по склону.

Гендрик предложил напасть на антилоп всем отрядом вместе со сворой гончих и выгнать их на равнину, а там уж собаки с легкостью настигнут их. Антилопы, как известно, бегуны неважные.

Предложение показалось разумным: антилопы стояли уже у самого подножия горы. Теснимые отрядом, который двинется на них сверху, они, конечно, выбегут на равнину, а там собаки погонят их, и охотникам представится случай полюбоваться увлекательным зрелищем.

Сказано — сделано.

Охотники двигались так быстро, как только позволял трудный путь; спущенные собаки бежали впереди. Подойти к животным на расстояние выстрела рассчитывали минут через десять, но те не соблаговолили дожидаться их. Не успели охотники спуститься и до половины горы, как проворные антилопы, прекрасно видевшие их снизу, двинулись в обход, перелетая с утеса на утес, словно пара крылатых птиц. Они выбирали на своем пути не проходы между скалами, а самые острые гребни, перескакивая с одного на другой огромными прыжками. Охотники только диву давались! Так узки были многие из этих гребней, что на них едва помещались касавшиеся их на секунду копыта животных, и все же они с такой легкостью отталкивались от камня своими составленными вместе ногами, точно не простая сила мышц, а стальная пружина подбрасывала их.

Вначале все казалось так просто: на этом небольшом пространстве разве трудно окружить дичь и выгнать ее на равнину?

Но не тут-то было! Горные скакуны благополучно перебрались на противоположный склон и находились теперь дальше, чем прежде.

Охотники подозвали собак, снова поднялись на вершину и, заметив место, где стояли антилопы, вторично двинулись на них врассыпную с ружьями наперевес; но и на этот раз антилопы, не дав им подойти на выстрел, пустились наутек и скрылись за горой. Приходилось признать, что собаки, медленно пробиравшиеся меж скал, не показали себя достойными противниками горных скакунов. Хорошо прицелиться в такую быстроногую дичь даже на близком расстоянии не удалось бы самому искусному стрелку. Не следует забывать, что подстрелить горного скакуна так же трудно, как бекаса.

Юноши в третий раз попытались тем же способом выгнать антилоп на открытую равнину, но — увы! — дичь, как и прежде, ускользнула...

Виллем предложил изменить тактику: спуститься, встать цепью у подножия горы и затем подниматься, равномерно суживая круг и гоня дичь к вершине.

— Так мы их не упустим; если даже они попытаются прорваться сквозь цепь, то все равно наткнутся на кого-нибудь из нас...

Предложение было принято; у подножия горы юноши разошлись на равные расстояния друг от друга, взяв с собой по собаке. Клаасу собака не досталась — после приключения с голубой антилопой в отряде их оставалось всего пять.

Юноши снова начали подниматься на гору. Они шли осторожно, не теряя друг друга из виду и обмениваясь на ходу сведениями о местонахождении антилоп. А те скакали перед ними зигзагами вдоль склона, потом перебегали, ища спасения, с одного склона на другой, и наконец огромными скачками отступали к вершине.

Когда охотники достигли половины горы, антилопы, видя, что они окружены, сделали попытку прорваться сквозь строй и метнулись было мимо Ганса, но этот серьезный юноша, никогда не хваставшийся своими охотничьими способностями, был тем не менее искусным стрелком; подняв свою двустволку, он спустил курок.

Самка упала, убитая наповал; самец круто повернулся и понесся вверх по склону; резвые собаки вырвались вперед и со всех сторон приближались к козлу; казалось, для него все потеряно.

Он вскочил на глыбу около утеса, напоминавшего башню. Свора, оскалив зубы, уже настигала его, но он перед носом собак взметнулся вверх, словно подброшенный пружиной, и очутился на узеньком выступе утеса-шпиля, где они не могли его достать. Здесь едва хватило бы места и для ласки, но самец, казалось, чувствовал себя как дома, а когда его спугнули крики охотников, поспешно взбиравшихся вверх, он махнул на площадку, расположенную выше, потом еще выше и наконец очутился на самом острие шпиля.

Возгласом изумления приветствовали охотники этот рекордный прыжок.

И точно, зрелище было необычайным. Верхний утес заканчивался острием дюйма в четыре по диаметру — на этом-то острие и стоял горный скакун, тесно приставив одно к другому свои копытца, вобрав голову в плечи и сжавшись в комочек, а его жесткие, щетинистые волосы торчали дыбом наподобие игл дикобраза.

У охотников, подошедших теперь на расстояние выстрела, не поднималась рука спустить курок — очень уж живописно выглядело животное на острие шпиля. Они не сомневались, что теперь оно у них в руках: на высоте тридцати футов над поверхностью земли, окруженный сворой собак, — тут уж ему крышка! Юноши медлили стрелять и подбежали к самому подножию утеса.

Однако они недооценивали силы горного скакуна и поэтому здорово оплошали. В то время как они уже поздравляли себя с успехом в такой трудной охоте, скакун на глазах у них сорвался с утеса, пролетел мимо них близко-близко, рассекая воздух со свистом, словно большая птица, на какую-то долю секунды коснулся копытами глыбы у подножия утеса, перемахнул с нее на другую, на третью и несколько секунд спустя был уже далеко от них, на горном склоне...

Все это произошло с такой молниеносной быстротой, что и собаки, и сами охотники застыли от изумления, глядя ему вслед, и никто не выстрелил. Скакун, казалось, уже улизнул от них... Но вдруг на склоне выросло облачко дыма, послышался звук выстрела, и горный скакун рухнул с утеса.

Юноши обернулись друг к другу в полном недоумении.

— Кто же это? — вскричали они в один голос.

Ба! Да их же здесь всего пять! Одного не хватает...

— Это Клаас!

Разумеется, это был Клаас, — не кто иной, как Клаас, подстрелил горного скакуна!

Клаас оправдал поговорку: «Тише едешь — дальше будешь». Мальчуган был несколько тяжеловат на подъем. Устав от лазанья по горам, он присел на камень

передохнуть немного и вдруг увидел скакуна, стоявшего прямо против него на утесе; легкое охотничье ружье мальчика было заряжено крупной дробью, и Клаас, выстрелив, сбил козла с его вышки.

Ян из зависти доказывал, что Клаасу просто посчастливилось.

Но как бы там ни было, а антилопу подстрелил именно он, Клаас, этого у него никак нельзя было отнять, и гордость переполняла сердце мальчика.

Юноши, забрав добычу, спустились к лошадям, вскочили на них и помчались вдогонку фургонам, медленно тащившимся вдали по равнине.

Глава XXXVIII

НАХАЛЬНЫЕ ПТИЦЫ

На третий день странствия по равнинам страны Зуур-Вельд путники выехали на берег полноводной реки и направились вверх по течению. Новый речной пейзаж, открывшийся им, был совсем не похож на степной: ивы и камыши окаймляли берега, а дальше расстилалась обширная луговая низменность с разбросанными по ней зеленеющими рощами и отдельными древесными купами. Их свежая зелень ласкала глаз после однообразия степи. Мираж не мучил их больше призрачными картинами тенистых перелесков и прозрачной озерной глади — здесь все это было наяву. Одна за другой сменялись прелестные картины.

Охотники рано устроили привал, чтобы дать животным попастись вволю на густой и сочной траве. Они распрягли буйволов на небольшом лужке, у самой воды, и, наломав ветви ив, раскинувшихся неподалеку, развели костер.

Ян и Клаас заметили стаю птиц, носившихся над водой, чертя крылом, точь-в-точь как ласточки в летний вечер над озерами Англии.

Расцветка птиц ничем не привлекала внимания: темно-ржавая, в белых и серых крапинках, довольно

скромная для африканских птиц; однако вблизи мальчики увидели бы, что лапки пернатых, так же как и восковица над клювом, великолепного светло-оранжевого тона.

Одна особенность птиц сразу бросалась в глаза даже на расстоянии — их глубоко вырезанные хвосты. Этим они также напоминали ласточек; «вилочка» была не так резко выражена, как у последних, но все равно можно было сразу сказать, принимая во внимание общий облик, размеры и окраску птиц, что они принадлежат к семейству соколиных и к роду коршунов.

Существует множество видов коршуна. Те, что летали здесь, были коршунами-паразитами; эти птицы несколько уступают по размерам европейскому красному коршуну и обитают во всех частях Африканского континента.

Оба птицелова определили, что птицы — соколиной породы, однако не могли сказать, к какому виду они принадлежат. Узнав от Ганса, что это коршуны, они еще больше заинтересовались птицами. Встав с ружьями наготове у самой воды, они принялись с любопытством следить за этими длиннокрылыми птицами с вырезанным хвостом.

Поверхностному наблюдателю могло бы показаться, что птицы просто резвятся: то они повисали в воздухе, то плавно скользили над водой, а временами, метнувшись вниз, как стрела, словно присаживались с размаху на речные струи; но скоро вы замечали, что всякий раз после такого броска птица поднималась в воздух, держа в когтях маленькую блестящую рыбку; коршуны-паразиты занимались рыболовством, и не ради развлечения, как многие рыболовы, а для прокорма.

Коршуны эти питаются не одной только рыбой: они едят все, что попадется, — и небольших четвероногих, и птиц, и гадов, а на худой конец и падаль; но рыба — их любимая еда; и когда они селятся в местностях, богатых водой, где рыбы вдоволь и ловить ее легко, то занимаются рыболовством.

Клаас и Ян постояли некоторое время у воды, рассчитывая на удачный выстрел, но птицы не подлетали

близко, и мальчики, потеряв надежду, отложили свои ружья.

Тут кстати подоспел обед, и юноши, усевшись на фургонных ящиках, принялись за еду. Сегодня у них было изысканное блюдо — мясо южноафриканской дрофы, или дикого павлина, как они сами прозвали птицу. С утра Толстому Виллему удалось подстрелить эту лакомую дичь на очень большом расстоянии благодаря своему дальнобойному ружью, а то не досталась бы им на обед эта птица, одна из самых сторожких и пугливых. Она никогда не подходит на расстояние выстрела к любому укрытию, за которым мог бы притаиться охотник. Мясо этой довольно крупной птицы считается в Южной Африке самым изысканным кушаньем, не уступающим мясу американской дикой индейки.

Теперь, когда это вкусное мясо было нарезано и обжарено, охотники в отличном расположении духа лакомились кто крылышком, кто ножкой, кто ребрышками, кто огузком.

Но вдруг во время такого приятного времяпрепровождения они с изумлением заметили, что коршуны слетелись к лагерю и вьются вокруг них. Больше всех, разумеется, удивились Клаас и Ян: ведь они добрых полчаса пытались подстрелить хоть одного из коршунов, а сейчас птицы сами прилетели к ним и находились не то что на расстоянии выстрела, а буквально перед самым их носом. Подлетев поближе к обедавшим, птицы повисали, распластав крылья и распустив хвост, затем принимались кувыркаться в воздухе и выкидывать такие забавные фокусы, что охотники и Черныш дружно засмеялись; даже строгий кафр не мог удержаться от улыбки при виде такого уморительного зрелища.

Но этим дело не кончилось. Мало-помалу птицы становились все нахальнее и нахальнее, подлетали все ближе и ближе, и наконец некоторые из них дошли до того, что принялись вырывать куски мяса прямо из рук обедавших! Охотники начали уже опасаться, что про их пир можно будет сказать, как в поговорке: «По усам текло, да в рот не попало».

Маленькие бесстрашные разбойники не оставили в покое даже собак: они чуть ли не изо рта у них вырывали косточки, которые те глодали.

Разумеется, этому любопытному зрелищу был бы вскоре положен конец, если бы только дать волю Клаасу и Яну. Едва лишь показались летуны, оба мальчика вскочили па ноги и бросились за своими ружьями, но старшие и в особенности Ганс, которому хотелось понаблюдать за коршунами, удержали их.

Спустя некоторое время мальчикам все же разрешили «открыть огонь». Однако гремевшие один за другим выстрелы не особенно напугали летунов, хотя многие из них упали замертво; даже те, которые, судя по оперению, были ранены, вновь и вновь возвращались к лагерю и кружили над ним, высматривая с жадностью, как бы поживиться объедками, оставшимися на ящиках.

Тут случилось небольшое, но весьма забавное происшествие.

Гансу в этот день удалось подстрелить голубя с великолепным темно-зеленым оперением, типичным для этой птицы в глубинных областях Южной Африки. Такие голуби попадаются не очень часто, и Гансу захотелось набить его чучело. Вскоре после обеда он занялся этим по всем правилам: снял шкурку, бросил мясо собакам и принялся выскабливать череп голубя.

Вволю потешив себя стрельбой, Клаас и Ян отложили ружья, после чего, разумеется, коршунов налетело еще больше, и повели они себя со всей присущей им наглостью.

Один из них, увидав голубя в руках Ганса и, вероятно, думая, что это настоящий голубь, метнулся к нему стрелой, всадил когти в самую гущу перьев и победоносно взмыл со шкуркой в лапах. Ганс, не отрывавший глаз от работы, и не заметил, как подобрался к нему крылатый разбойник. В первую минуту он решил, что кто-нибудь из мальчуганов шутки ради утащил у него голубя. Он посмотрел по сторонам, затем кверху и только тогда обнаружил подлинного виновника. Все немедленно схватились за ружья, — но прощай шкурка!

Коршун с добычей в лапках взмыл на большую высоту и теперь уже летел над противоположным берегом.

Но на шкурке уже не оставалось ни клочка мяса, и коршун, конечно, вскоре с досадой обнаружил свой промах.

Глава XXXIX

ВОДЯНАЯ АНТИЛОПА

Берега реки, у которой расположились охотники, возвышались над водой футов на пять — шесть. На обоих берегах, друг против друга, виднелись пологие спуски к воде, протоптанные, очевидно, носорогами и другими крупными животными, часто приходившими сюда на водопой и здесь же переправлявшимися вброд через реку. И в самом деле, тут можно было различить следы любых копыт, шедшие то вниз, к воде, то вверх, к лугам.

Наверно, и сегодня многие придут сюда. И Гендрик с Толстым Виллемом решили залечь в засаде и знатно поохотиться при луне; ожидалась лунная ночь, да еще какая! Луна в эту пору была почти полная, а небо весь день совершенно безоблачное.

Но им посчастливилось потешиться охотой еще до восхода луны и даже до захода солнца.

Занимаясь каждый своим делом, юноши вдруг заметили, что на том берегу заколыхались камышовые заросли, из них вышел крупный зверь, смело ступил на открытый луг, поросший невысокой травой, и показал себя охотникам весь как есть, от копыт до кончиков рогов. Как тут было не узнать антилопу!

Однако никто из наших охотников никогда еще не видел такой антилопы. Она поразила их своим величавым и вместе с тем изящным видом.

Ростом антилопа была около пяти футов, а в длину целых девять. Шкура темно-каштановая, с сероватым отливом. У рогов мех был немного темнее, а на самой макушке тронут краснинкой; оконечность морды и губы белые; на горле — белая манишка, вокруг глаз — белые

обводы; причудливая белая лента шла от крестца вниз, как бы обрамляя хвост; мех на туловище был жесткий и напоминал расщепленный китовый ус; на затылке шерсть удлинялась, поднимаясь стоячей гривой; рога бледно-оливкового цвета, длиною около трех футов были почти прямые, с легким лировидным изгибом; валики на них доходили чуть ли не до самого верха и только кончики — дюймов на шесть — были гладкие; хвост, длиной около восемнадцати дюймов, был украшен кисточкой.

Очертания и размеры рогов, жесткие волосы вокруг шеи и величавая осанка антилопы позволили Гансу определить, к какому виду она принадлежит. Он сказал товарищам, что это знаменитая водяная антилопа, которую называют также водяным козлом.

Я не случайно сказал «знаменитая»: водяная антилопа действительно — одна из самых красивых и прославленных во всем племени антилоп.

Название ее наводит на мысль, что она — водяное животное, но это не так: свое имя она получила только за то, что всегда держится неподалеку от реки или озера, где плескается в воде и нежится в прохладе в самые жаркие часы дня. Она прекрасно плавает и настолько уверенно чувствует себя в водной стихии, что, когда ее травят охотники или преследует враг, напрямик бежит к берегу и бросается с разбегу даже в самую глубокую реку. Так поступают многие олени, однако их цель — только сбить собак со следа. Переплыв реку, они тут же спешат укрыться в каком-нибудь перелеске. Но водяная антилопа подолгу не покидает реки: она плывет по течению или же, выйдя из воды на другой берег и ненадолго углубившись в какую-нибудь рощу, снова пускается вплавь. По-видимому, она считает воду самым надежным своим пристанищем. Если врагам удается ее настигнуть, она уплывает на середину реки и там отбивается как может.

Эта антилопа любит селиться на болотистых речных отмелях, густо заросших высокими стеблями осоки и камыша. В половодье, когда берега местами затоплены, антилопу не сыщешь — она выбирает жилье на самом

болоте, куда не ступает нога охотника; длинные и широкие копыта позволяют ей бесстрашно ходить по таким трясинам, где любую другую антилопу неминуемо затянула бы топь.

Нашим охотникам еще не приходилось сталкиваться с водяной антилопой. Она не встречается ни в одной из областей, которые они успели пройти. Может статься, что у нее есть и другие родичи на берегах рек, бегущих по неисследованным землям в сердце Африки. Там простираются многие неизведанные страны со множеством невиданных зверей, о которых наши географы и натуралисты еще ничего не знают.

Так что, мои юные читатели, если у вас когда-нибудь возникнет желание посоперничать в славе с Брюсом, Парком, Денгамом, Клаппертоном или Ландером, вам нечего опасаться, что все уже сделано до вас. Для отважных искателей приключений, открывателей новых девственных земель и для рьяных натуралистов неисследованных территорий Африки хватит еще лет на сто — вплоть до двадцать первого века. За это я вам ручаюсь.

Глава XL

КРОВОЖАДНЫЙ ГАД

Охотники не сводили глаз со стройной антилопы, приближавшейся к реке. Она шла легкой и величавой поступью по берегу, не задерживаясь сошла под уклон и так же без колебаний и страха ступила в воду.

Мальчики надеялись, что она перейдет через реку. Их ружья, в том числе и ружье Виллема, были недостаточно дальнобойными, чтобы застрелить антилопу на том берегу. Вот если б она перешла брод... На всякий случай Гендрик и Толстый Виллем пробрались сквозь чащу камышей поближе к переходу.

Надежды их не сбылись: антилопа не собиралась отправиться на их берег, она хотела только напиться; войдя в реку, она погрузила морду в прохладную влагу.

Юноши из своей засады следили за ней унылым взглядом.

Между тем неподалеку от того места, где пила антилопа, чуть колыхалась на волнах, высунувшись одним концом на поверхность, какая-то темная коряга. Очевидно, она пропиталась водой, отяжелела и оттого не всплывала полностью. Юноши не обратили на нее ни малейшего внимания: какой-то трухлявый древесный ствол, судя по цвету — черной акации. Он, наверно, был унесен течением в пору разлива и застрял на мели в этом затоне. Ничего любопытного. Антилопа тоже не уделила ему внимания. Как бывает наказана такая беспечность! Лучше было бы для антилопы как следует приглядеться к этой черной коряге, прежде чем ступить в реку! Бревно оказалось живым!

К удивлению охотников и к еще большему, вероятно, удивлению самой антилопы, темная коряга оказалась наделенной способностью двигаться с быстротой пущенной стрелы, и она метнулась прямо к пьющей антилопе. Это была не коряга, а мерзкая гадина — большущий крокодил!

Юноши надеялись, что антилопа отпрянет назад и успеет спастись. Это ей удалось бы, не нацелься крокодил так метко. Он сразу схватил морду антилопы в свою громадную алчную пасть и пытался теперь увлечь свою жертву под воду.

Завязалась борьба, короткая, но страшная. Антилопа подпрыгивала, приседала, упиралась ногами, силясь вырваться от пресмыкающегося. Временами она падала на колени, но находила в себе силу снова подняться на ноги; была минута, когда она чуть не вытащила крокодила на берег. Она безостановочно со всей силой отчаяния била крокодила передними острыми копытами, но пресмыкающееся было слишком хорошо защищено своей крепкой чешуйчатой броней. Если бы крокодил схватил антилопу за какое-нибудь другое место, у той еще оставалась бы надежда на спасение, но крокодил пригнул ее мордой к самой воде, и из-за неловкого положения антилопа не могла пустить в ход рога — свое могучее оружие.

Завязалась страшная борьба...

Крокодил этот был не из самых крупных, поэтому развязка и затягивалась. Очень большой крокодил, от шестнадцати до двадцати футов в длину, утаскивает за собой в воду даже буйвола, а буйвол в четыре раза сильнее антилопы. Этот же крокодил имел в длину не более десяти футов. Крупная антилопа могла бы успешно помериться с ним силами, если бы не ее неудобное положение. И гад, как видно, понимал, в чем его козырь, — он крепко держал в своей страшной пасти, как в тисках, морду животного, не разжимая ни на секунду своей сильной челюсти.

Крокодил уже не лежал целиком в воде, и юноши временами отчетливо видели его грудь и когтистые лапы, вытянутые наподобие человеческих рук. Время от времени крокодилу удавалось, зашлепав для упора могучим хвостом по воде, погрузить голову антилопы в воду и продержать ее там несколько минут. Кругом по реке шли волны. От предсмертных усилий четвероногого, от ударов крокодильего хвоста над местом сражения фонтаном взлетали брызги, пена и пузыри...

Победителем в страшной схватке вышел в конце концов речной тиран. Ему удалось оттащить антилопу с отмели, и, как только ноги ее перестали доставать дно, антилопа — самый сильный пловец среди четвероногих — все же оказалась не в силах бороться с пресмыкающимся; голова ее и рога скрылись в струях потока, только нет-нет, да взмахивал кончик крокодильего хвоста от усилий чудовища удержать свою жертву под водой; затем и он исчез из глаз. Оба, по-видимому, опустились на дно.

Юноши еще некоторое время стояли на месте, глядя на поверхность реки.

Вот поплыли пенистые пузыри, некоторые из них красноватые от крови, но их быстро унесло течением, и река продолжала тихо и мирно катить свои воды, как если бы и не разыгралось никакого сражения в ее темном лоне.

Охотники вернулись на стоянку, и здесь у них завязалась беседа о крокодилах, в которой самое живое участие принял Конго.

Кафру доводилось охотиться за пресмыкающимися на полноводной реке Лимпопо, протекавшей к северу от их лагеря. Он утверждал, что там великое множество крокодилов, что он своими глазами видел гигантов тридцати футов в длину, а толщиной с носорога. Зрелища, подобные тому, что разыгралось перед ними, там не редкость: гигантские крокодилы набрасываются даже на буйволов, приканчивая их, как этот крокодил прикончил антилопу; они также залегают у водопоя, хватают за морду пьющее животное и топят его.

Я сказал, что пресмыкающееся и его жертва скрылись под водой и больше не показывались. Это, однако, не совсем так. Охотники скоро увидели их снова; мало сказать — «увидели»: крокодил был сражен насмерть выстрелом Виллема, а мясом антилопы сытно поужинали Черныш и Конго.

Дело обстояло так. Ганс пустился в пространное научное объяснение. Он рассказал своим спутникам о том, какие новые виды пресмыкающихся были недавно открыты, и подчеркнул, что за последние полвека естественные науки сильно шагнули вперед. Рассказал и о том, что современные натуралисты делят крокодилов на ряд родов и что этих родов, включая американских кайманов и аллигаторов и азиатских гавиалов, насчитывается не менее полудюжины, между тем как совсем еще недавно их знали не более трех; видов же известно около двадцати. В Америке, сказал он, водятся как настоящие крокодилы, так и аллигаторы, и видов крокодила там больше, чем в Африке и Азии вместе взятых. Зато в Европе совсем нет этих пресмыкающихся.

Пока охотники слушали Ганса, кафр, присев на четвереньки, не сводил глаз с реки. Внезапно он выпрямился и указал рукой на отмель, поросшую невысокими камышами. Все взгляды устремились в том направлении, и охотники заметили движение в камышах. Их стебли покачивались, ложились целыми пучками, ломаясь с легким треском, как бы под чьей-то тяжелой пятой. Отчего бы это? Вряд ли там пробирался какой-нибудь зверь — он даже в укромном уголке скользит легкой, крадущейся походкой.

Юные охотники решили выяснить, что там происходит. В полном молчании они двинулись к стене тростников, прячась в высокой траве и за кустами, чтобы не всполошить существо, находившееся там.

Приблизившись, они увидели в просветы редкой заросли пробиравшееся камышами крупное животное и в этом крупном темном животном узнали знакомого крокодила.

Но, может быть, это был другой крокодил, не тот, что утопил антилопу? Над этим вопросом им не пришлось ломать себе голову: приглядевшись, они различили и тушу антилопы, которую пресмыкающееся старалось вытащить из воды. Крокодил то подталкивал тушу рылом, то волок, вцепившись в нее зубами, то перекатывал ее по направлению к берегу могучими лапами.

Наши охотники в молчании наблюдали это мерзкое зрелище. Но у Толстого Виллема был в руках громобой, и, выждав момент, когда пресмыкающееся остановилось передохнуть, он нацелился ему в глазную впадину и угостил крокодила большой пулей.

Чудовище нырнуло в реку и ушло на дно, оставляя на волнах кровавый след. Но вот оно снова вынырнуло на поверхность, извиваясь в предсмертных судорогах; то верхняя половина его туловища показывалась над водой, то длинный хвост. Так некоторое время бился он в агонии, но мало-помалу затих и камнем пошел ко дну.

Черныш и Конго устремились в камыши и, забрав тушу антилопы, несколько изуродованную зубами убийцы, с торжествующим видом принесли ее в лагерь.

Глава XLI

ЦЕСАРКА

Черныш и Конго поужинали жарким из водяной антилопы, блюдом отнюдь не лакомым, но юношам досталось кое-что получше: жареная дичь, да еще самая изысканная, ничуть не уступающая куропатке или тетереву, — цесарка.

Цесарка — птица, известная с незапамятных времен и нередко упоминаемая в произведениях древних авторов. Описывать ее незачем. Всем знакомо красивое жемчужное оперение этой птицы, за которое ее и стали называть жемчужной курицей. Цесарка — уроженка Африки, хотя теперь она приручена и во всех странах мира стала самой обычной обитательницей птичников. В Соединенных Штатах Америки, главным образом на юге, где климат особенно ей подходит, цесарка — или гвинейский цыпленок, как ее там называют, — очень ценится, и ее разводят не только на убой, но и на племя; мясо ее цыплят куда нежнее и тоньше на вкус, чем у обыкновенного цыпленка.

На большей части Вест-Индских островов цесарка, тоже завезенная туда из Африки, одичала, и в лесах Ямайки на нее охотятся, как на всякую другую дичь. На этих островах она размножается так быстро, что превратилась в настоящий бич плантаторов, и там за ней чаще всего охотятся не для того, чтобы подать ее на стол, а просто для истребления.

Цесарка водится во всех уголках Африки, своей родины, и притом в нескольких разновидностях, хотя чаще всего встречается обычная цесарка, которая и в диком виде мало чем отлична от своих ручных сородичей; у последних только меняется окраска — перышки их становятся куда беднее синими крапинками, а то и совсем их теряют. Впрочем, так случилось со всеми прирученными птицами — с индюками, утками, гусями и другими обитателями наших ферм; даже и предоставленная сама себе природа нередко шутит подобным образом, и мы не знаем ни одного зверя или птицы, у которых не появлялись бы иногда альбиносы.

Нам известно, что, кроме обычной гвинейской курицы, в южных областях Африканского континента распространена другая разновидность — хохлатая цесарка. Она меньше обычной цесарки, отличаясь от нее и в других отношениях. Оперение ее более густого синего цвета, хотя, так же как у ее сородича, украшено крапинками: на каждом перышке от четырех до шести крапинок. Светло-коричневый ствол пера и белоснеж-

ные каемки перьев красиво оттеняют общую окраску птицы.

Самое большое различие между этими двумя разновидностями — в строении темени и щек. Как известно, над клювом обыкновенной цесарки поднимается своеобразный мозолистый нарост, напоминающий шлем, а под клювом висят две мясистые серьги; подобных особенностей нет у хохлатой цесарки; вместо твердого гребня темя этой птицы украшено хохолком из легких развевающихся синевато-черных перьев, очень идущих этой нарядной птице.

Цесарки — птицы общественные, нередко летающие крупными стаями. Чаще всего они держатся на земле, но, если их вспугнуть, вспархивают на дерево и усаживаются на ветвях. Кормятся они семенами, ягодами и слизняками.

Как раз когда юноши обсуждали, чем бы им поужинать, стайка этих великолепных хохлатых созданий с громким щебетом слетелась на открытый луг, где находился их лагерь. Конечно, юные охотники сразу схватились за ружья.

Подстрелить диких цесарок — дело нелегкое. Летуны они неважные и, даже преследуемые, не поднимаются в воздух, разве что гончая или другое быстроногое животное уже настигает их. Но пешему охотнику их не нагнать — по ровному месту они бегают очень быстро. Вдобавок они очень пугливы. Все это делает охоту на них довольно трудной. Однако существует один способ охоты, который всегда себя оправдывает: их травят собакой, как зайцев, кроликов и вообще всех небольших зверьков; быстроногая гончая, конечно, с легкостью настигает дичь, и той приходится встать на крыло. Но долго летать ей не по вкусу, и вскоре она снова опускается вниз или вспархивает на дерево; хорошо натасканная гончая бросается к дереву и лает до тех пор, пока не подойдет охотник. Птица, сидя на дереве, ничуть не боится собаки — она знает, что сколько собака ни гавкай, а на дерево ей не влезть, — но лай отвлекает ее внимание от приближающегося охотника, и тот может спокойно подойти и не спеша прицелиться.

Этот способ был известен нашим охотникам. Они взяли с собой хорошо натасканную гончую и начали травлю, предвкушая вкусную дичь на ужин.

Они охотились не напрасно. Птицу вскоре удалось вспугнуть и загнать на дерево. Лай гончей привел охотников к самому берегу реки, где на макушке жирафьей акации засела дичь. Их выстрелы не пропали зря, и охотники принесли в лагерь семь цесарок, обеспечив себе знатный ужин, да еще и завтрак на следующий день.

Этот уголок, казалось, был облюбован крылатым племенем. Находясь здесь, охотники наблюдали множество занимательных разновидностей птиц. Окрестности были богаты диковинными растениями, семена которых шли птицам в корм, а у реки вились тучи мошек и насекомых — добыча для бесчисленных сорокопутов и прочих птиц этого семейства.

Ганс указал своим спутникам на своеобразную птичку, порхавшую над лугом и временами выводившую трель, похожую на слово «эдолио». Отсюда и пошло название птицы, точно так же как кукушка приобрела свое имя от кукования.

Южноафриканская птица эдолио — тоже кукушка; кое-чем она отличается от нашей кукушки, но во многом ей родственна: ей, в частности, присуща та же тунеядная повадка подкидывать свои яйца в чужие гнезда.

Однако в истории эдолио больше занимательного, чем у его европейских родичей.

Южноафриканские буры, люди простые, считают, что есть такая птица новогодка, которой они приписывают всякие необыкновенные качества. Они утверждают, что новогодка появляется только в самом начале года и, когда она голодная, принимается пищать; на писк ее слетаются птички со всей окрестности, неся ей корм в клюве.

Это поверье было известно юношам, Конго и Чернышу, и никто из них не сомневался в его правдивости; только Ганс знал, как сложилась легенда, и рассказал товарищам.

Птица, известная фермерам как новогодка, не что иное, как птенец эдолио, хотя фермеры ни за что не

поверили бы этому, — птенец, даже вполне оперившийся, мало похож по величине и окраске на своих родителей, и поэтому его обычно принимают за другую разновидность. Его загадочное появление всегда в первые дни года — не совсем выдумка: дело в том, что к этому времени птенец, оперившись, начинает вылетать из гнезда; верно, что он пищит, когда голоден, но далеко не все мелкие птички, находящиеся поблизости, слетаются на его крик, а только его приемные мать и отец. Фермеры часто наблюдали, как они кормили птенца, и отсюда сложилась легенда. Ну что ж, все это было очень интересно...

Ганс добавил, что в Индии среди местных жителей сложилось подобное же поверье относительно большеклювой кукушки и по тем же причинам.

— Эдолио, подобно кукушке, — сказал Ганс в заключение, — кладет свои яйца в гнезда мелких птиц различных видов. По наблюдениям многих зоологов, она не садится для этого на чужое гнездо, а приносит уже снесенное яйцо в клюве.

Глава XLII

КРАСНЫЕ АНТИЛОПЫ

Чем дальше продвигались наши путники вверх по течению реки, тем более менялся облик равнины. Теперь от нее оставались лишь две полосы луга, тянувшиеся вдоль берега и окаймленные с обеих сторон горными цепями, одетыми лесом. Отроги гор кое-где подступали почти к самому берегу, разделяя низменность на ряд долин, лежавших террасами, одна чуть выше другой, между берегом реки и каменистой подошвой гор.

Почти в каждой долине водилась какая-нибудь дичь, но, к сожалению, уже знакомая. Отряд стрелял ее только для пополнения запасов. Стоянки для охоты не устроили ни разу. По словам Конго, за горой, где река брала исток, простиралась область слонов, буйволов и

жирафов, и охотники горели желанием поскорее добраться до этой «обетованной земли». Попадавшиеся им на пути стада скакунов, гну, голубых антилоп и даже канн интересовали их не больше, чем стадо домашнего скота.

Впрочем, на одной из верхних долин они решили остановиться и поохотиться. Их внимание неожиданно привлек к себе табун антилоп необычного вида и окраски.

В том, что перед ними антилопы, сомневаться не приходилось: об этом говорил весь их облик — стройное и изящное телосложение, характерные рога.

Хотя охотники ни разу не встречали подобных антилоп, однако, завидев их, Гендрик и Виллем в один голос воскликнули:

— Красные антилопы!

— Почему вы так думаете? — осведомился Ганс.

— Всякий сразу по цвету скажет, — ответили юноши.

Шкура антилоп действительно была красно-бурой на голове, шее и спине, на бедрах несколько бледнее, а брюхо было совершенно белым; под крупом и у корня хвоста виднелись еще и черные метины, но преобладающий цвет животных был красновато-бурый. Вполне понятно, почему Виллем и Гендрик сразу сказали, что это красные антилопы.

— Цвет еще ничего не значит, — заметил Ганс. — Это могла бы быть и бурая и каменная антилопа, но, судя по рогам, вы угадали правильно: это и в самом деле красные антилопы, или палы, как их называют бечуаны.

При этих словах все, разумеется, воззрились на рога. В длину они достигали двадцати дюймов, а очертаниями напоминали рога антилоп-скакунов, хотя были и не такой правильной лирообразной формы. Почти соприкасаясь кончиками, рога посередине расходились на целых двенадцать дюймов; этот легко запоминающийся признак и позволил Гансу сразу определить, к какому виду принадлежали встреченные ими антилопы.

Как ни странно, но во всем табуне только одно животное имело вполне развитые рога. Это означало, что

здесь был только один взрослый самец, ибо самки красных антилоп безроги. Впрочем, «табун» не то слово — красные антилопы не стадные животные. Перед охотниками находилась одна семья в одиннадцать голов, состоявшая из самца, его подруг и нескольких молодых самцов и самок.

Юным охотникам приходилось слышать, что красная антилопа — животное пугливое и быстроногое. Подкрасться к ним или нагнать их на скаку одинаково трудно. Следовательно, прежде всего надо было решить, как на них напасть, иначе из охоты могло ничего не выйти, а они уже с вожделением поглядывали на крепкие узловатые рога самца. Фургоны остановились, но буйволов распрягать не стали; если охота окажется удачной, тогда уж придется и заночевать, чтобы очистить шкуры, обеспечить сохранность голов и рогов. Начались приготовления к охоте.

Охотники находились на гребне высокого хребта — одного из горных отрогов, отделяющих долину, только что ими пересеченную, от той, где паслись антилопы. Отсюда открывался вид до самых дальних концов долины. От их взора оставалась скрытой лишь небольшая полоса земли под скалистым выступом, на котором они стояли.

Деревья и кусты окаймляли долину островками зелени. На самой же середине, где паслись антилопы, не было ни единого кустика или хотя бы бугорка. Но у края долины трава была довольно густой и высокой, и там умелый охотник смог бы проползти не замеченным антилопами от одной купы деревьев до другой.

Гендрику и Виллему было поручено обойти долину по краю, прячась в траве и зарослях; после этого антилопам некуда будет деться: спереди и сзади — охотники, направо — отвесная круча, налево — глубокая, быстрая река. Трудно предположить, чтобы они туда побежали. Что ж, план неплохой!

Охотники привязали лошадей к деревьям подальше от склона и двинулись вдоль выступа, нависавшего над долиной. Они отошли совсем недалеко, когда кусок долины, до сих пор скрытый от них, внезапно открылся их

взору, и там они, к своему изумлению, увидели другую группу животных.

Но это были отнюдь не антилопы, хотя цветом и походили на них. Нет, вид этих животных — короткие головы, удлиненные туловища, плотные, мощные лапы и длинные хвосты с кисточкой — сразу дал охотникам понять, что перед ними не стадо мирных жвачных, а кучка страшных хищников — львов!

Глава XLIII

ЧЕТВЕРОНОГИЕ ОХОТНИКИ

Здесь была целая дюжина львов — взрослые самцы, самки и львята самого различного возраста. Страшное зрелище, когда видишь его не сквозь прутья клетки и не из окон третьего этажа! Они свободно бродили по открытой равнине, на далеко не безопасном для охотников расстоянии в триста ярдов.

Стоит ли говорить, что юноши, порядком-таки напуганные, не двинулись ни шагу дальше. Они знали, правда, что львы, как правило, не бросаются первыми на человека, однако было еще неизвестно, как поведут они себя, когда их столько собралось вместе. Двенадцать львов сразу расправились бы с ними со всеми и с каждым в отдельности. Что ж удивляться испугу молодых охотников при виде такого множества львов, да еще в таком близком соседстве! Лишь крутизна горного склона, на котором они стояли, могла бы послужить им защитой. А впрочем, нет: достаточно нескольких прыжков — и львы очутятся рядом с ними.

Опомнившись от испуга и первого изумления, юноши могли думать только о том, что делать дальше. Антилопы, разумеется, совершенно вылетели у них из головы. Куда там думать об охоте! Спуститься в долину — значило самим лезть в пасть львам, которых было в два раза больше, чем охотников. Даже бывалые охотники постарались бы избежать такой встречи; одна только мысль владела ими: как бы поскорее унести отсюда но-

Достаточно нескольких прыжков,

ги. Это даже не успело оформиться в мысль, это было просто безотчетное побуждение.

— Скорее к лошадям! — шепнули они друг другу.

И, не задержавшись ни на секунду, не проявив ко львам ни малейшего интереса, все шестеро дали тягу. Минуты две спустя они уже сидели в седлах.

Львы их не заметили. Выступ, вдоль которого двигались юноши, был покрыт подлеском высотой с человека, скрывавшим их от львов, а ветер дул с долины к ним, и львы не могли их учуять. К тому же юноши, опасаясь спугнуть антилоп, старались не шуметь. Вот почему львы так и не узнали об их присутствии. Сев на лошадей, охотники почувствовали себя в безопасности, и их минутное смятение вскоре улеглось. Даже пони, не говоря уж о лошадях, способны обогнать самого быстрого африканского льва. Теперь опасность миновала.

Однако двум заядлым охотникам, Гендрику и Виллему, было не по душе такое отступление. Им хотелось

и львы очутятся рядом...

хотя бы одним глазком взглянуть еще раз на грозных хищников. Их так и тянуло вернуться на прежний наблюдательный пункт, правда теперь уже на лошадях. К этому склонялся и Ганс — ему было любопытно изучить живую страничку естественной истории, и Аренд, которого просто разбирало любопытство. Решив, что Яна и Клааса брать с собой рискованно, обоих подростков без особых церемоний спровадили к фургонам, оставленным в нижней долине у подошвы горы.

Медленно и молча двигались вперед четверо охотников, пока снова не открылся вид на долину.

Антилопы по-прежнему мирно паслись, и львы находились на том же месте, где охотники их впервые увидели. По спокойным движениям антилоп можно было с уверенностью сказать, что они не догадываются о присутствии грозных соседей. Львы находились в нижней половине долины, с подветренной стороны от антилоп, а густой кустарник скрывал львов от их взора.

И с такой же уверенностью можно было сказать, что хищники отлично знали, кто у них находится по соседству, — об этом свидетельствовало все их поведение: время от времени один из них подбегал, низко пригнувшись, к гряде кустарников и выглядывал сквозь ее просветы, стараясь разглядеть, что делается на открытой равнине; минуту спустя он возвращался к товарищам с «донесением», точно из разведки. Львы держались тесной кучкой и, казалось, совещались друг с другом. Юноши не сомневались, что так оно и было и что предметом их обсуждения являлись именно красные антилопы.

Но вот «совещание» пришло, как видно, к концу. Часть львов осталась на прежнем месте, другие направились к горному отрогу. Подойдя к зарослям, окаймлявшим долину, они поползли на брюхе в высокой траве, пробираясь украдкой от одного островка зелени к другому.

Все ясно: они направлялись к самому верхнему концу долины, чтобы выгнать оттуда антилоп навстречу своим товарищам, оставшимся внизу, — одним словом, львы в точности следовали стратегическому плану, который лишь несколько минут назад разработали охотники.

Юноши немало подивились этому совпадению и, сидя в седлах, не могли не восхищаться искусством, с каким новоявленные соперники выполняли их план.

Трое львов, что пробирались вдоль подножия горы, вскоре исчезли из виду. Их теперь скрывал от глаз кустарник, росший на дальнем конце долины. Тем временем остальные девять растянулись в цепь и залегли в густой траве, а некоторые — за кустами.

Антилопам готовилась неплохая ловушка. Но еще несколько минут ничто не выдавало этого. Львы, распластавшись в траве, украдкой следили за стадом; антилопы беспечно паслись, не подозревая о заговоре, замышляемом против них.

Но вот что-то, видимо, внушило им подозрение, они словно ощутили нависшую над ними угрозу: самец, подняв голову, огляделся кругом, издал свист, похожий

на свист оленя, и раз, другой с силой топнул копытом о землю. Антилопы перестали щипать траву, некоторые из них высоко подпрыгнули.

Они, вероятно, учуяли львов, притаившихся на дальнем конце долины, — ветер дул к ним с той стороны.

Так оно и было. Старый самец снова предостерегающе свистнул, подпрыгнул на несколько футов и понесся, весь вытянувшись в струнку, словно летел в воздухе; остальные помчались следом, время от времени подскакивая высоко над землей.

Львы рассчитали правильно: антилопы бросились по долине грудью вперед, прямо на их цепь; ничто не предупредило их о засаде, даже ветер; они подбежали к гряде кустарника; девять огромных кошек разом выпрыгнули оттуда, и в одном стремительном броске почти каждая из них уложила на месте свою жертву. Удар могучей лапы — и несчастные антилопы распростерлись на земле, пришел конец их веселой беготне. Нападение было таким молниеносным, борьба такой короткой, что какие-нибудь две секунды спустя выскочившие из засады львы уже терзали своими когтями и зубами бездыханных антилоп.

Трем антилопам удалось спастись, и они побежали обратно, но там их ждала другая засада, и едва лишь они приблизились к зарослям, как тоже пали жертвами хищников.

Ни одному из великолепных животных, которые с минуту назад неслись по долине, горделиво уверенные в быстроте своих ног, не удалось прорваться сквозь хитро расставленную цепь.

Охотники, не двигаясь, глядели на страшное зрелище. Гендрику и Толстому Виллему не терпелось пробраться вперед и угостить одного — двух львов несколькими выстрелами. Но Ганс и слышать об этом не хотел. Он напомнил, что в часы, когда львы упиваются кровью только что растерзанной добычи, охотиться на них особенно опасно — они готовы беспощадно разделаться со всяким, кто отважится потревожить их; благоразумнее не дразнить этих грозных хищников и поскорее убраться восвояси.

Обоим охотникам ничего не оставалось, как скрепя сердце послушаться Ганса, к которому присоединился и Аренд. Все четверо повернули обратно к фургонам.

Там они обсудили, что им делать дальше. Заведомым риском было бы продолжать путь по этой небольшой долине, охраняемой такой стражей; оставалось только где-то поблизости найти брод и переправиться с фургонами через реку. Так они и поступили. На противоположном берегу они расположились на ночевку — продолжать путь было уже поздно.

Да, они хорошо сделали, переправившись через реку. Всю ночь напролет грозный рев свирепых хищников доносился с того берега; очевидно, маленькая долина была настоящим львиным логовом.

Глава XLIV

ПТИЦА-ВДОВА

Охотники рады были уйти подальше от таких соседей. Рано утром они запрягли буйволов и пустились дальше по берегу реки.

И на этом берегу их путь шел через ряд долин с разбросанными по ним перелесками. Чем дальше, тем чаще горные отроги подступали к самой реке, и в двух — трех местах охотникам стоило большого труда перевалить с фургонами через гребни гор. На одном особенно крутом подъеме буйволы вдруг заупрямились, отказались идти дальше, и ни ласками, ни угрозами нельзя было заставить их сдвинуться с места. Продолжать путь вдоль реки казалось уже невозможным...

Однако Конго знал способ заставить буйволов двигаться, и оба фургона в целости и сохранности перевалили через гребень. Правда, Черныш и Конго здорово натрудили себе при этом глотку, понукая буйволов, а длинные их кнуты из газельих шкурок основательно пообтерлись.

Способ Конго был очень нехитрым: он шел впереди буйволов и обмазывал скалу вдоль пути их соб-

ственным пометом, внушая, таким образом, животным, что другие буйволы ходят здесь и что, следовательно, раз их сородичи только что одолели подъем, они тоже могут это сделать. Такой способ нередко применяют в Южной Африке трек-буры, когда крутой подъем пугает животных.

Долина, в которую они опустились после этого трудного перевала, была совсем небольшая — площадью около двух акров. Река здесь суживалась настолько, что ее можно было перейти вброд в любом месте. На одном конце долины горный отрог протянулся почти наперерез реке, но струи воды промыли в нем широкие протоки. Единственный путь отсюда лежал по руслу самой реки. К счастью, оно было почти сухим, иначе путь в этом направлении был бы отрезан. Но по такому неглубокому каменистому дну фургоны смогут проехать без труда, и юношам удастся достичь более широких равнин, простирающихся дальше. Охотникам показалось соблазнительным расположиться в этой долине на ночь. Здесь была густая, сочная трава для скота, и горы были одеты лесом, и вода в потоке была чистой и свежей, — словом, имелись налицо все три необходимых условия, для того чтобы путешественники могли расположиться лагерем.

Уголок этот казался очень живописным. Как уже говорилось, долина была совсем небольшая, площадью около двух акров, но очень правильной круглой формы. Ее пересекал неглубокий поток, а кругом возвышались на сотни футов отвесные горные склоны и, подобно каменным стенам, замыкали ее в своем объятии.

На лугу не видно было деревьев, зато на склонах гор они пышно раскинулись: одни стояли, склонив ветви, другие гордо вздымали свои кроны ввысь. Берега речки поросли редким и невысоким — ниже человеческого роста — кустарником вперемежку с тростником.

Фургоны остановили посередине этого природного амфитеатра. Лошадей и буйволов пустили пастись на воле. Опасаться, что они уйдут из долины, не приходилось хотя бы потому, что это было не так-то просто, особенно для животных, измученных таким длинным и

тяжелым переходом. Но, главное, они и сами отсюда не пойдут: вода и трава здесь вкусные, лучше и желать нечего.

По обыкновению, Клаас и Ян, едва сойдя с лошадей, отправились на поиски гнезд. В этой уединенной долине они успели уже заметить немало занятных птиц и надеялись, что гнезда некоторых из них окажутся где-нибудь поблизости.

И действительно, среди камышей и кустарника обосновалась целая пернатая колония. Небольшие пташки походили на воробышков, а гнезда у них были овальные, с маленьким круглым входом, внутри устланные пушистыми, похожими на шерсть волокнами каких-то растений, росших поблизости.

Подобные птицы часто попадались на глаза нашим охотникам, и они сразу признали их: это были птички из семейства птиц-ткачей. Видов этих птиц существует множество, и они заметно отличаются друг от друга размерами, окраской и повадками, но их роднит врожденное умение искусно вить гнезда, буквально-таки сплетая их. Отсюда и пошло меткое прозвище птиц. Гнезда у разных видов отличаются друг от друга: одни похожи на шары, другие — на химическую реторту, третьи имеют овальную форму. Совсем особое гнездо у общественной птицы-ткача. Последние, собравшись стаей, строят одно большое гнездо, или «базар», обычно на макушке высокой акации, и оно напоминает стог сена, сложенный на ветвях дерева.

Маленькие ткачи, которых обнаружили Клаас и Ян, принадлежали к роду амадин; оба мальчугана очень обрадовались, наткнувшись на эти гнезда, потому что из их подстилки выходят отличные пыжи, не хуже, чем из пакли, и даже лучше, чем из мягкой бумаги. У обоих мальчиков пыжи были уже на исходе, и они решили пополнить запас, разорив хорошенькие гнездышки ткачей. Делать это из одного озорства Ганс не позволял, но пыжи были очень нужны для охоты, и мальчуганы не испытывали сейчас никаких угрызений совести.

Однако, для того чтобы вынуть мягкую подстилку, им пришлось буквально распутывать каждое гнездо, а

это потребовало некоторого времени — вся наружная оплетка представляла собой замысловатое изделие, изящную корзиночку. Отверстие же было так мало, что мальчики не смогли просунуть туда руки. Да и найти его было не так-то просто. Ткачи, покидая гнездо, всегда тщательно маскируют отверстие. Нужное количество хлопка мальчики набрали в двух гнездах. Остальные они не тронули и, оставив их спокойно висеть на своих местах, вернулись на стоянку.

Но тут их внимание привлекла другая птица, куда более редкая и занимательная, чем амадина. Почти такого же размера, она резко отличалась от нее цветом и оперением — кстати сказать, очень любопытным. Птица эта, завладевшая вниманием не одних только Клааса и Яна, но и всех остальных охотников, была величиной с канарейку, но казалась куда больше благодаря длинному — в несколько раз длиннее ее тельца — черному хвосту.

Головка, спинка и крылышки ее были темно-каштанового, почти черного цвета с отливом; шейку охватывало трехцветное оранжево-коричнево-красное ожерелье, которое на грудке было чуть побледнее, а брюшко, лапки и бедра птицы были ржаво-золотистого цвета.

Одна такая птица с оранжевым воротничком и длинными хвостовыми перьями летала совсем недалеко от стоянки.

Мальчики заметили, что ее сопровождает другая птица, но окраска у той была тусклой ржаво-коричневой, а хвост самый обыкновенный; эта невзрачная птица была самкой своего нарядного спутника.

Юные охотники, впервые увидевшие эту занимательную птицу и не знавшие, к какой разновидности она принадлежит, засыпали Ганса вопросами. Ганс объяснил им, что это разновидность птиц-ткачей, известная натуралистам под названием «птица-вдова». Мальчиков удивило такое странное название, и они попросили Ганса рассказать о его происхождении. Гансу не составило труда удовлетворить их любопытство, — его объяснению позавидовал бы сам ученый Бриссон, окрестивший эту птицу.

— Бриссон назвал эту маленькую птичку вдовой, услыхав, как называют ее португальцы, первыми обратившие на нее внимание, а французские натуралисты пытались разъяснять, что ее назвали так из-за ее черного цвета и длинного хвоста. А на самом деле ни окраска, ни длинные перья не сыграли никакой роли в прозвище птицы, которое образовалось просто из-за смешения разных, но одинаково звучащих слов. Португальцы окрестили ее «вида», потому что она была получена ими из западноафриканского королевства Вида, а это слово напоминает по-португальски слово «вдова».

Эта птица с веселым нравом и таким великолепным оперением — одна из самых любимых комнатных птиц; часто ее видишь в клетке, где она с большой живостью перепархивает с жердочки на жердочку, словно ничуть не тяготясь неволей. Кормом ей служат семена и некоторые травы; она очень любит плескаться в воде; линяет дважды в год; в известную пору самец теряет длинные хвостовые перья — свое основное отличие от самки, — его окраска бледнеет, и разница между супругами сглаживается; лишь в брачную пору самец переодевается в оранжево-черный наряд и украшает себя элегантным хвостом.

Натуралистам известны два вида птицы-вдовы: райская птица-вдова, только что нами описанная, и другая, прозванная красноклювой птицей-вдовой. Последняя меньше райской птицы-вдовы и отличается от нее расположением хвостовых перьев; клюв у нее темно-красный, что и дало повод так ее назвать; оперение птицы иссиня-черное сверху, вокруг шеи белый воротничок, покровные перья белые, нижняя часть оперения белесоватая.

Образ жизни обоих видов очень похож на образ жизни всех птиц-ткачей. Обитают они все в Западной Африке и на юг далеко не залетают.

Молодые охотники не меньше самого Ганса загорелись желанием приобрести шкурки столь редкостных птиц.

Загремели выстрелы, и обе «вдовушки» были безжалостно сбиты с дерева.

Глава XLV

ВОЛОКЛЮЙ

Ганс с помощью своих спутников принялся осторожно снимать шкурку красивой птицы. Больше других ему помогал Аренд. У Аренда были очень искусные руки, и в мастерстве чучельника он не уступал самому Гансу. Правда, ему было совершенно безразлично, к какому семейству или виду относится птица, но дайте ему птицу в руки, и он снимет с нее шкурку и набьет ее ватой, не смяв ни единого перышка.

Занятые своей работой, юноши вдруг услыхали звук, заставивший их вскочить на ноги. Ганс и Аренд от неожиданности даже выронили из рук шкурки райской вдовы.

Между тем звук, который произвел на них такое сильное впечатление, был всего лишь криком маленькой птички, величиною не больше всем известного певчего дрозда, да и кричала она похоже и ничуть не громче. И все же ее голос прозвучал над лагерем, как удар грома. Охотники и проводники хорошо знали, что означал этот крик. Гончие и те с воем вскочили на ноги, едва лишь он донесся до их слуха. В лагере поднялся переполох.

Ну, а вы, мои молодые читатели, наверно, удивляетесь, почему крик птицы, да еще такой безобидной, привел в ужас наших отважных охотников. Вам, конечно, любопытно узнать, что это была за птица?

Я сказал, что охотники, проводники и гончие были напуганы криком птицы, но это еще не все. Даже лошади и буйволы узнали этот крик, и на них он произвел столь же ошеломляющее впечатление: лошади вскинули морды, испуганно зафыркали и забили копытами; буйволы выказали такие же признаки тревоги. Словом, лошадям, буйволам, проводникам, охотникам — всем стало не по себе, когда этот крик прозвенел в горах и эхо его отдалось в долине. Все узнали предостерегающий крик волоклюя.

Следует коротко рассказать об этой птичке, чтобы стало ясно, почему ее крик произвел такой переполох.

Размером волоклюй приблизительно со скворца. Окраска его сероватая, на хвосте чуть темнее, крылья короткие. Лапы его со скрюченными, тесно прижатыми друг к другу когтями как бы созданы для хватания. Но самое любопытное в птице — это ее клюв; он прямоугольный, нижняя его половина развита гораздо сильнее верхней, но обе утолщаются к концам, делая клюв похожим на щипцы или клещи. Назначение такого устройства выяснится, когда будет рассказано о повадках птицы. А они действительно любопытны, и орнитология справедливо относит эту птицу к особому роду.

Знаменитый французский орнитолог, притом настоящий исследователь-практик, Ле Вайян так описывает повадки птицы.

Клюв волоклюя устроен наподобие крепких щипцов, что помогает ему вытаскивать из кожи животных личинки, которые туда откладывает овод. Эта птица неутомимо ищет стада волов, буйволов, антилоп — словом, всех четвероногих, на кожу которых овод кладет яйца. Сжав когтями плотную волосатую шкуру животного в том месте, где на ней виден бугорок, указывающий на личинку, волоклюй сдавливает ее что есть силы, ударяет по этому месту клювом и успешно добывает личинку. Животные, привыкшие к такому бесцеремонному обращению, терпеливо все это сносят, должно быть понимая, какую услугу оказывает им птица, избавляя их от подобных тунеядцев.

Существует множество других насекомоядных птиц, которые, как и волоклюй, кормится преимущественно насекомыми, кишащими на телах крупных животных, как диких, так и домашних. В Америке это желтушник, или коровья овсянка, прозванная так за ее привычку кормиться паразитами домашнего скота; кроме того, она неотступно следует за огромными стадами бизонов, бродящих по бескрайным американским прериям. За стадами рогатого скота на южноамериканских равнинах следуют и другие виды желтушника.

Красноклювый ткач — спутник африканских буйволов. А всякий, кто наблюдал большой овечий гурт на пастбище, не мог не заметить обыкновенного скворца,

восседающего на пушистых овечьих спинах. Таков же обычай белогорлой вороны и других видов вороньих и скворцовых птиц; однако, в отличие от белогорлой вороны, последние довольствуются теми насекомыми, которые находятся на поверхности шкуры животного или ютятся в его шерсти, —ни одна из этих птиц не наделена достаточно сильным клювом, чтобы вытащить личинки, угнездившиеся в складках кожи. А для волоклюя это не представляет ни малейшего труда. Он, правда, может кормиться клещами и другими насекомыми, находящимися наверху, но предпочитает им личинок, расположенных под кожей.

Волоклюев можно часто видеть штук по шести — восьми сразу, но они никогда не собираются крупными стаями. Это дикие, очень пугливые птицы, и к ним трудно подойти на выстрел.

Только пустившись на хитрость, а именно — подкрадываясь позади быка или буйвола и осторожно направляя его к тем животным, на чьих спинах сидят эти птицы, охотнику удается приблизиться к ним и, наскоро прицелившись, подстрелить их на лету.

Таковы повадки волоклюя. Однако все это еще не объясняет, почему крик одной из этих птиц привел лагерь в смятение и ужас. Остается рассказать, в чем тут дело.

Среди животных, сопровождаемых волоклюями, есть одно, при котором они состоят как бы постоянными провожатыми. Это носорог. Носорог — жертва многих насекомых-паразитов. На его огромном теле в глубоких многочисленных складках кожи им очень удобно откладывать яйца, и волоклюи находят здесь неистощимый запас пищи. Потому-то они и являются постоянными спутниками всех видов южноафриканских носорогов и известны среди охотников под наименованием «носорожьи птицы». Куда бы ни пошел носорог, волоклюй не покидает его, восседая на его голове, спине или другой части тела так уверенно, точно это ствол дерева или родное гнездо. Да носорог и не пытается отогнать прочь этих птиц, полезных ему во многих отношениях. Мало того, что они избавляют его от докучных насекомых,

охраняя тем самым его покой, — они оказывают ему и другую важную услугу: оповещают его о приближении охотника и вообще о близкой опасности. Стоит лишь птице учуять что-нибудь неладное, как носорог, который в эту минуту, может быть, даже спал, уже поднят на ноги ее резким криком. А не подействует крик — бдительный страж примется махать крыльями над его головой и клевать его в уши и не отвяжется, пока ему не удастся предупредить животное об опасности. Подобным же образом ведут себя волоклюи, сопровождая слонов и гиппопотамов. Обмануть бдительность маленьких крылатых часовых нелегко, и поэтому охотник сталкивается с дополнительными трудностями.

Теперь, когда вы узнали об этой давно известной всем в лагере любопытной особенности волоклюя, вам должно стать ясно, почему его крик вызвал такой переполох: присутствие птицы оповещало о том, что неподалеку находится грозный носорог.

Глава XLVI

НАПАДЕНИЕ НОСОРОГОВ

Охотники, все как один, разом повернулись в ту сторону, откуда донесся птичий крик. Как и следовало ожидать, они увидели двух носорогов — самых больших, какие только существуют на свете. Это были носороги одного из двух белых видов — мучочо, как его называют местные жители. Они шли прямо вдоль русла реки, ступая по мелкой воде.

Белые носороги гораздо медлительнее своих черных родичей и не столь воинственного нрава. Впрочем, когда при них находится детеныш или когда они ранены, нрав их резко меняется. Тут уж лютость их породы дает себя знать! И не один местный охотник пал жертвой как мучочо, так и кобаоба.

Белые носороги славятся своим мясом, напоминающим по вкусу свежую свинину, тогда как мясо их черных родичей неприятно — оно жестко и горьковато.

Вот почему охотники при виде мучочо сразу забыли о своих страхах; они думали только о том, что у этого сравнительно мирного животного очень нежное мясо, и, схватившись за ружья, начали спешно готовиться к тому, чтобы достойно встретить пожаловавших к ним толстокожих. Будь перед ними один из черных видов — кейтлоа или бореле, — они, разумеется, думали бы не об охоте, а только о том, как бы поскорее вскочить на лошадей или спрятаться в фургонах.

Тем временем мучочо, выйдя из реки, ступили на изумрудную мураву долины. Теперь, когда их можно было видеть целиком, они казались какими-то громадами. Самый большой из них был не меньше самки слона — от края тупой морды до кисточки на конце короткого хвоста в нем было верных шестнадцать футов.

Приближаясь к ним, охотники вдруг обнаружили с изумлением третьего носорога. Этот третий, ростом не больше свиньи, был, однако, точной копией двух первых, только у него на носу не было рога. Как ни был он мал, в нем сразу можно было признать детеныша, или теленка, двух первых — его папы и мамы.

Его присутствие привело охотников в полный восторг: мясо детеныша белых носорогов еще нежнее мяса взрослых. Все, в особенности же Черныш и Конго, уже заранее смаковали лакомое блюдо.

Но они упустили из виду, насколько опасно схватываться с белыми носорогами в присутствии их детеныша. У наших охотников так разгорелись страсти, что это как-то вылетело у них из головы. У одного лишь благоразумного Ганса возникли кое-какие опасения, но, зараженный азартом товарищей, он решил промолчать. Через несколько секунд гром выстрелов раскатился над маленькой долиной; и одновременно град пуль — пуль всех размеров, начиная с большой, в унцию весом, пули из громобоя и кончая маленькой горошинкой из ружей Клааса и Яна, — ударил по носорогам.

Это оказало совершенно неожиданное действие: носороги, шедшие до этого медленной, размеренной поступью, бросились быстрым галопом прямо на охотников. Все в них выдавало предельную ярость. Они хрю-

кали и пыхтели на бегу подобно морским свинкам; глазки их злобно поблескивали, короткие хвостики хлестали по бокам, рога были выставлены вперед. Следом в атаку бежал и теленок, подражая хрюканью и движениям своих грузных родителей.

Ничего подобного охотники не ожидали; бореле или кейтлоа, разумеется, так бы и поступили, но для мучочо, настолько безобидного, что его даже считают трусливым и глупым, такое поведение было необычным: мучочо удирает, услышав выстрел или даже собачий лай.

Охотники ошиблись, полагая, что, если им не удастся сразу свалить носорогов, те обратятся в бегство. Они не учли присутствия детеныша. Именно это и определило поведение носорогов. Вдобавок пули, не причинившие большого вреда, но болезненно ранившие животных, еще больше разгорячили их. Дело принимало дурной оборот.

Охотники не остались стоять на месте, дожидаясь грозных противников. Их разряженные ружья уже не могли им служить защитой, и они сочли за лучшее дать тягу. Ни один набедокуривший мальчишка не улепетывал проворнее от школьного надзирателя, чем эти шестеро охотников, устремившихся к лагерю. Даже полы их курток поднимались над спиной, пока они, низко пригнувшись, стремглав мчались по лугу.

Коротенький, плотный Черныш и длинный, сухопарый Конго, первыми пошедшие в атаку, оказались первыми и при отступлении.

Все восемь охотников бежали наперегонки так, что только пятки сверкали. Такого беспорядочного бегства никогда еще не видела эта мирная, уединенная долина.

Глава XLVII

ВЕРХОМ НА НОСОРОГЕ

К счастью, перед тем как открыть огонь, охотники успели отойти лишь на несколько шагов от фургонов и теперь, пробежав это небольшое расстояние, поспешили укрыться в своих поместительных повозках. Но если бы

им пришлось пробежать еще хоть двадцать ярдов, то, несомненно, не одного, а многих из них носороги подняли бы на рога или растоптали тяжелыми копытами.

Охотникам только чудом удалось спастись; и едва лишь последний из беглецов успел скрыться в фургоне, как рога носорога забарабанили по доскам.

Охотники спрятались в фургоны — единственное доступное для них убежище, — но отнюдь не чувствовали себя там в безопасности: они знали, что, как ни крепки фургоны, могучие звери, если только им взбредет это в голову, смогут разнести их в щепки. К своему ужасу, они увидели, что старый самец, низко наклонив голову, ринулся на один из фургонов, в котором кое-кто из них прятался.

Удар потряс фургон до самого основания; рог животного расколол обшивку сверху донизу, деревянный борт фургона рассыпался. Огромная повозка была приподнята с земли и отброшена на несколько футов в сторону. У находившихся в фургоне вырвался крик ужаса, перешедший в вопль, когда они увидели, что толстокожие вторично двинулись в атаку.

Но верные гончие отвлекли в эту критическую минуту носорогов от фургонов и спасли жизнь своим хозяевам. Едва лишь старый самец вторично нацелился рогом на повозку, как сзади на него наскочила свора собак. Две гончие вцепились ему в задние ноги, а третья, высоко подпрыгнув, ухватилась зубами за его хвост. А ведь хвост — самая чувствительная часть тела у носорога.

Неожиданное и ловкое нападение привело носорога в замешательство. Взвыв от бешенства и боли, грузный зверь завертелся на месте с такой быстротой, на какую только был способен. Преданная собака не разжимала зубов, а две другие продолжали кусать носорога за бока. Тщетно пытаясь схватить собак, зверь кружил и кружил на месте. Он напоминал теперь котенка, ловящего свой хвост, если, конечно, можно сравнить такое крохотное животное с таким громадным.

Так продолжалось несколько минут, пока носорогу не удалось наконец сбросить с себя собак. Одну из них

Огромный фургон был приподнят

он тут же растоптал своими тяжелыми копытами, другую подняла на рог самка. Но благородные друзья человека сделали свое дело: они увели за это время носорогов на другой конец долины, далеко от фургонов.

Теперь можно было надеяться, что животные не возобновят нападения, разве что собаки погонят их в обратную сторону.

Сами по себе белые носороги, то ли по забывчивости, то ли из-за плохого зрения, редко снова нападают на противника, от которого успели отойти.

Однако нашим охотникам пришлось еще поволноваться, правда уже не за себя, а за лошадей.

Выше уже говорилось, что их не стреножили и пустили пастись вместе с буйволами; как только показались мучочо, буйволы сразу двинулись назад по отлогому скату долины и под предводительством опытного, сметливого вожака старой тропой ушли в горы. Лошади повели себя совсем иначе: сначала они заплясали у фургонов, но, как только мучочо ступили на луг, кинулись

и отброшен на несколько футов.

прочь, перепрыгнули через узкую речку и, прижавшись к скалам на противоположном берегу, замерли в страхе, следя за разыгравшимся сражением. Носороги и собаки, перемещаясь с места на место во время схватки, вскоре подошли совсем близко к скалам, где стояли лошади. Те снова заметались.

Носороги заметили лошадей и, очевидно, сочтя их противниками более достойными, чем собаки, немедленно кинулись на них. В течение нескольких минут маленькая долина буквально кипела. Лошади метались во все стороны, носороги наскакивали на них. По всей долине слышалось яростное пыхтение и испуганное фырканье.

К счастью, долина была невелика, что облегчало стрельбу. Стоило носорогам хоть на миг остановиться — тотчас гремел выстрел, сопровождаемый глухим звуком от вонзавшейся в тучное тело пули. Неверно думать, будто свинцовая пуля не может пробить шкуру носорога. При всей своей толщине шкура носорога сравнитель-

но мягка. Ее может пробить не только пуля, но и дротик, нужна только сноровка. Настоящие охотники, Гендрик и Виллем метили меж лопаток — в сердце и легкие, — чтобы убить носорога наповал. Так же губительно и попадание в мозг, но это требует исключительной верности прицела: мозг носорога необычайно мал для такого огромного зверя. Поэтому лучше всего целиться меж лопаток.

Так и поступали Гендрик и Виллем; в конце концов и крупные пули громобоя, и маленькие, но лучше нацеленные пули карабина Гендрика сделали свое дело, и оба мучочо свалились замертво. Подстрелили и теленка — он даже не пытался убежать после того, как его родители рухнули наземь. Он стоял у тела матери и помахивал хвостиком, недоумевая, что, собственно, означает вся эта суматоха.

И тут в заключение разыгралась такая уморительная сценка, что наши охотники буквально корчились от смеха. Правда, в ту минуту, когда все это произошло, они испытывали скорее ужас, но зато что было потом!

А случилось вот что.

Подстреленный носорог не падает на бок, как большинство животных, а, подобно американскому бизону, медленно опускается на грудь, сохраняя это положение и после смерти.

Мучочо, подстреленные Гендриком и Виллемом, не составили исключения: они лежали вниз животом, массивными, широкими спинами кверху, неподалеку от лагеря.

Между тем среди бушменов распространен обычай: вскочив на спину только что подстреленного носорога, вонзить дротик в его тело, чтобы определить толщину жирового слоя — иначе говоря, ценность животного.

И вот, едва лишь убитый самец осел наземь, как Черныш, не сомневаясь, что опасность уже миновала, выпрыгнул из фургона, подбежал к животному и взобрался ему на спину. Испустив громкий, торжествующий крик, он всадил ассегаи в тушу мучочо на добрый фут, а то и глубже.

И вдруг носорог, в котором еще теплилась жизнь, поднялся на ноги и с Чернышем на спине зашагал по лугу!

Победный крик Черныша мгновенно замер, и вопли совсем другого рода огласили долину. А носорог, в котором жестокая боль от вонзенного в тело дротика, очевидно, пробудила остатки жизненных сил, кружил и кружил по долине, словно оправившись от ран.

Черныш, чтобы иметь точку опоры, изо всех сил ухватился за дротик, глубоко сидевший в теле носорога. Он не спрыгнул наземь из боязни, что носорог способен еще нанести ему страшный удар своим рогом.

Трудно сказать, как удалось бы спастись Чернышу, если бы силы не оставили мучочо. Могучее животное наконец сдало и рухнуло наземь, а Черныш кувырком полетел через его голову и растянулся на земле в нескольких ярдах от животного. Тут он живо вскочил и, не чуя под собой ног, помчался к фургонам, где его встретили взрывом смеха.

Буйволов вскоре разыскали и привели обратно. Мясо теленка было вкусно приготовлено, и охотники в этот вечер наслаждались ужином из носорожины.

Глава XLVIII

ЯН И КОРХАНЫ

Для следующего привала охотники выбрали живописную долину, похожую на ту, в которой они увидели кучку львов, но более обширную и покрытую ковром ярких цветов.

Этот прелестный уголок обступили горы, как бы ограждая его от знойных суховеев пустыни. По самой его середине серебристой змеей извивалась речка; тут и там по затонам, где течение было не быстрым, покоились восковидные листья и цветы голубой южноафриканской лилии. Множество обычных для здешней страны деревьев и растений ласкало взгляд своими линиями и красками. На берегах реки охотники увидели поник-

шие ветви халдейской ивы, а у подножия горы — великолепную акацию с зонтиковидной макушкой и гроздьями золотых цветов, наполнявших воздух ароматом; они увидели восковник, кусты которого были покрыты гроздьями белых, словно восковых, плодов, и благоухающий бусовый куст, из чьих пахучих корней вырезают бусы, которые так нравятся местным красоткам; залюбовались они и медовым кустом, одним из самых красивых растений, усыпанным чашами белых и ярко-розовых цветов; росли здесь и огненно-красные пеларгонии, и ноготки, и звездообразные капские жасмины, — словом, роскошный сад раскинулся в девственной глуши, радуя взгляд и благоухая.

Лилось пение многочисленных птиц, и яркие их крылья сверкали среди ветвей; кругом гудели мириады хлопотливых пчел, перелетавших с цветка на цветок.

Был еще не поздний час, когда наш отряд попал в этот прелестный уголок, но он так всем понравился, что было решено остановиться здесь на ночлег раньше обычного.

Облюбовав тенистую олеандровую рощу, раскинувшуюся у берега наподобие наших ив, они вошли в ее сень и разбили лагерь.

Утомленные трудным переходом — им пришлось помогать буйволам одолеть скалистые кручи, — юноши прилегли отдохнуть в прохладе; они вскоре задремали, убаюканные нежным щебетом птиц, жужжанием диких пчел и шумом воды, бурлившей где-то ниже на порогах.

Остались бодрствовать только Клаас и Ян: они не подталкивали своими плечами колеса фургонов и устали не больше обычного, да к тому же они все равно не сомкнули бы здесь глаз: на лугу, неподалеку от привала, видна была пара очень занимательных птиц, которые то и дело высовывали из травы свои черные хохолки и издавали крик, напоминавший карканье вороны.

Размером птицы были невелики — с обычную курицу, — но мальчики знали, что они славятся своим мясом, а это делало их заманчивой дичью, особенно сейчас. Во внешности этих красивых птиц было нечто на-

поминавшее величавых дроф, да они, собственно говоря. и принадлежали к виду, составляющему связующее звено между дрофами и тетеревами. В Южной Африке их называют «корханы», а в Индии «флориканы».

Но Яна и Клааса сейчас интересовало не это. Особенно Яна. Ему был известен своеобразный способ ловли этих птиц, и ему захотелось во что бы то ни стало показать его сопернику-птицелову. С того самого дня, как Клаас покрыл себя славой, подстрелив антилопу-серну, Ян только и ждал благоприятного случая совершить равный подвиг, но ему долго ничего не попадалось. Теперь эти птички — а они были давними знакомыми Яна — давали ему долгожданную возможность отличиться. Теперь-то он покажет Клаасу, как ловить этих птиц, покажет, будьте покойны, рассуждал Ян сам с собой.

Действительно, вскоре он торжествовал победу, и вот как она ему досталась.

Он начал с того, что выдернул из хвоста своего пони несколько длинных волос и сплел из них силок внушительных размеров. Затем взял у Черныша кнут — вернее, рукоять кнута. Здесь следует напомнить, что Яна и Черныша связывала многолетняя крепкая дружба, и, разумеется, не кто иной, как Черныш, и научил Яна ловить корханов; следует напомнить и о том, что рукоять кнута у Черныша была не совсем обычной — это была бамбуковая палка восемнадцати футов в длину, более походившая на рыболовную удочку.

На место ремня, который Черныш снял по просьбе мальчика, Ян прикрепил свой силок и, сев на пони, поехал по направлению к долине.

На лице Клааса, наблюдавшего за всеми приготовлениями соперника, было написано полное недоумение, что не ускользнуло от Яна и доставило ему большое удовольствие.

Да, хотя Клаас и не проронил ни слова, но видно было: ему невдомек, что собирается делать Ян.

Подъедет ли Ян прямо к птицам и постарается накрыть их силком? Но они не подпустят его так близко: они, по-видимому, довольно пугливы. Клаас и сам уже

пытался подойти к ним на выстрел, но из этого ничего не получилось. Нет, тут кроется что-то другое, корханы так легко в руки не даются.

А Ян помалкивал и ехал вперед. Только покидая привал, он мельком бросил на Клааса задорный взгляд.

Когда между Яном и птицами осталось около сотни ярдов и Клаас уже ждал, что вот-вот сторожкие птицы, как обычно, взлетят в воздух, Ян изменил направление и начал объезжать птиц по спирали, каждый поворот которой приближал его к дичи.

— Эге! — пробормотал Клаас. — Теперь-то мне ясно, куда он клонит.

Больше он ничего не добавил, но с удвоенным любопытством продолжал наблюдать за пони Яна. А тот все кружил и кружил, словно лошадь с завязанными глазами на мельнице с конным приводом.

Однако Ян делал все это очень осмысленно и зорким глазом птицелова следил за каждым движением корханов.

Они тоже следили за ним, поворачивая головки то вправо, то влево; и глупые птицы словно забыли, что крылья и ноги могут их выручить.

Дело кончилось тем, что они подпустили к себе Яна так близко, что он смог достать одну из птиц концом своей палки и накрыть ее силком.

Мгновение — и птица затрепыхала крыльями на конце бамбуковой палки; Ян, не сходя с лошади, протащил птицу до лагеря и там показал ее сопернику с таким торжествующим видом, что Клаас почувствовал себя побежденным.

Глава XLIX

ТОЛСТЫЙ ВИЛЛЕМ И ПИТОН

Толстый Виллем первым очнулся от дремоты. Солнце заходило, до темноты оставалось часа два. Вдалеке на равнине маячила красноватая точка, — по всей вероятности, какое-нибудь животное. Наш охотник вскинул на плечо свой громобой и направился к этой точке.

С ним шла его любимая собака — хорошо натасканная гончая, сопровождавшая его даже тогда, когда ему приходилось подползать к дичи.

Замеченное Виллемом красноватое пятнышко находилось у подножия горной гряды, замыкавшей долину. Неподалеку оттуда виднелись купы деревьев, и охотник прикинул на глаз, сподручно ли будет стрелять из этого укрытия по животному, кем бы оно ни оказалось. Подойдя достаточно близко, Виллем смог наконец толком разглядеть, что это такое.

Это было небольшое животное, размером с антилопу-скакуна, но совсем другого цвета: шерсть на спине была темно-красная, а на животе белая; мордочка животного до самого темени была черная. Это маленькое создание было выше в крупе, чем в загривке, и почти бесхвостое. Хвостик длиной в дюйм напоминал какой-то обрубок.

Виллем понял, что перед ним оленёк. С этими животными он был уже знаком — они встречались и в Капской колонии. Там они обитают на возвышенностях, поросших кустарником. Приблизиться к оленьку, стоявшему невдалеке от олеандровой поросли, оказалось совсем не трудно. Он был не из пугливых.

Этот маленький самец находился в одиночестве; чаще всего оленьков встречают поодиночке, реже парой.

Очутившись на расстоянии выстрела, Виллем поднял было ружье, да так и замер, заинтригованный странным поведением маленького животного: оно не щипало травы и беспокойно топталось все на одном и том же месте у самого края олеандровой кущи.

Оленек непонятно почему то отбегал направо, то налево, то подвигался зигзагами, пятился и опять устремлялся вперед, не отводя ярко сверкавших глаз от одной точки; заметно было, что животное находится в состоянии крайнего возбуждения.

Виллем с любопытством огляделся вокруг. Чем могло объясняться такое странное поведение животного? Казалось, что-то, скрывавшееся среди олеандров, привлекло его внимание. Проследив за направлением взгляда оленька, охотник и сам увидел какой-то предмет, но в течение нескольких минут не мог понять, что это та-

кое. У самых корней олеандра лежал глянцевитый, мясистый, бесформенный и совершенно неподвижный клубок. Только постепенно разглядел в нем Виллем плотные, мягкие и волнистые очертания тела, покоившегося как неживое. Это была змея!

Да, это была змея, гигантская змея, свернувшаяся спиралью и занимавшая пространство в несколько квадратных футов; в обхват тело этой змеи было толще бедра взрослого человека; голова ее покоилась на верху свившегося клубка. Скользя взглядом вдоль ее глянцевитого, пятнистого тела, Виллем заметил, что хвост змеи двумя тугими кольцами обвился вокруг ствола олеандрового дерева. Змея принадлежала к семейству удавов; это был один из видов питона — питон южноафриканский.

Этих змей Виллем знал под их ходячим прозвищем «каменные змеи». Так называют питонов потому, что водятся они преимущественно среди скал и каменистых россыпей. Их следовало бы называть «каменные питоны», определяя их место в ряду американских родичей — анаконды и «водяного удава», и настоящего удава — обитателя лесов. Последнему подошло бы название «древесный удав».

Хотя удавы и питоны облюбовали для себя разные жилища, повадки их очень схожи: подстерегая добычу, и те и другие терпеливо лежат в каком-нибудь укромном месте, дожидаясь случая схватить ее своими цепкими зубами, задушить в кольцах и проглотить. Случается, что жертва бывает крупнее самой змеи, но проглотить ее змее помогают эластичные мышцы пасти и обильная вязкая слюна ее желез.

Когда Виллем только заметил гигантского питона, голова змеи неподвижно покоилась на свернутых кольцах. Но вот гадина приподняла голову и вся вытянулась на несколько футов кверху; голова ее и верхняя часть тела стали плавно, пружинисто раскачиваться в воздухе. В широко разинутой пасти были отчетливо видны острые, подвижные зубы. Раздвоенный язычок временами высовывался изо рта и влажно блестел на солнце. Глаза гадины горели ярким огнем.

Это было жуткое зрелище! Но оленек совсем не казался испуганным; напротив, он подходил все ближе и ближе — то ли из любопытства, то ли зачарованный взглядом змеи.

Многие смеются над утверждением, будто змеи способны зачаровывать. Верим мы этому или нет, отрицать факт не приходится. Что бы там ни было — любопытство ли, страх ли, или зачарованность, — но что-то бесспорно заставляет птиц и животных подходить чуть ли не вплотную к разинутой и готовой их поглотить пасти змеи или крокодила. Это совершенно бесспорно и подкреплено словами многих заслуживающих доверия наблюдателей.

Виллему довелось стать свидетелем этого необычайного явления. Когда между приближавшимся оленьком и питоном осталось каких-нибудь шесть — восемь футов, змея с молниеносной быстротой выбросила вперед голову, и не успел оленек, который вдруг словно опомнился, отскочить, как гадина схватила его в пасть и потащила к дереву.

Судорожно и быстро обвились ее кольца вокруг жертвы, и, когда Виллем снова взглянул туда, красноватое тельце оленька почти совсем исчезло под плотными кольцами пятнистого питона, душившего его насмерть в своем страшном объятии.

Глава L

ВЕЛИКАЯ БИТВА ВИЛЛЕМА СО ЗМЕЕЙ

Как ни странно, теперь Виллем глядел на гигантскую змею почти с удовольствием, пожалуй даже с бо́льшим, чем на самую красивую антилопу. Объяснялось это тем, что один из его друзей, молодой врач в Грааф-Рейнете, увлекавшийся герпетологией [1], просил его добыть и привезти из экспедиции шкурки всяких редкостных змей, в особенности же интересовала его

[1] Герпетология — наука о пресмыкающихся.

гигантская каменная змея, совсем не встречающаяся в колонии, даже на самом ее юге — у Оранжевой реки.

И вот теперь Виллему представился долгожданный случай добыть шкуру.

Убить двадцатифутовую змею толщиной в половину человеческого туловища — это не пустяк. Тут-то он превзойдет Гендрика!

Оленек вмиг был забыт, и змея завладела всеми помыслами охотника. Однако в охоте на змей Виллему не хватало сноровки. Не зная, как подступить к непривычному противнику, Виллем решил попросту всадить в него пулю. Он поднял громобой, нацелился в самую толстую часть змеиного тела и выстрелил.

Пуля попала в цель. Змея тотчас развила кольца и, бросив свою бездыханную жертву — теперь всего лишь мешок с изломанными костями, — быстро поползла прочь: пуля, как видно, не причинила ей особого вреда.

Охотник собрался было перезарядить ружье, но заметил, что питон скользит по направлению к каменной россыпи, нагроможденной у подножия горы; там, разумеется, находилось его убежище. Если только питон доползет туда, он для Виллема пропал. Терять время не приходилось, и Виллем, так и не перезарядив ружья, пустился вслед за уползающей змеей.

Как ни быстро скользят змеи, соперничать с человеком они не могут. Через несколько секунд Виллем догнал питона.

Теперь добыча была под рукой, но как взять ее? Прикладом ружья охотник стал наносить питону удар за ударом; но, хотя он и колотил что было силы, окованный металлом приклад скользил по гладкой коже питона, не причиняя тому ни боли, ни вреда и не замедляя его движения. Питон не пытался отплатить противнику той же монетой; он, по-видимому, хотел только одного — поскорее добраться до своего жилища.

В этом он почти преуспел: невзирая на удары, один за другим сыпавшиеся на его тело, он достиг камней и наполовину залез в трещину, служившую, очевидно, входом в его убежище, раньше, чем охотник сообразил, как этому помешать.

Это был критический момент: еще секунда — и длинное тело все целиком уползет внутрь. Тогда прощай добыча! Что скажет он своему другу врачу, и Гендрику, и всем остальным спутникам?

Эти мысли ободрили Виллема. Им овладела твердая решимость добиться своего. Питон — не ядовитая змея, следовательно, столкновение с ним не так уж опасно; он, может статься, искусает его, но молодому охотнику приходилось иметь дело с кусающимися животными и выходить победителем. Теперь он попробует свои силы на змее.

Такие размышления вихрем пронеслись в его голове. Затем он отложил ружье, нагнулся, схватил змею за хвост обеими руками и принялся тянуть ее к себе.

Энергичным рывком Виллему удалось извлечь питона на несколько футов обратно из трещины, но затем, к его изумлению, змея стала сопротивляться, и, как ни был силен охотник, он ничего не мог с ней поделать. Питону, должно быть, удалось обвиться вокруг какого-нибудь выступа и благодаря своей чешуе крепко держаться за него.

Виллем напрягал все свои мускулы.

Матрос в штормовую погоду не мог бы тянуть с большей натугой главный брас. Но все было безуспешно — вытащить дальше змею ему не удавалось ни на фут, и другая ее половина так и оставалась скрытой в темном тайнике скалы.

А всякий раз, как Виллем хоть немного ослаблял хватку, питону удавалось залезть еще глубже в трещину, и отвоеванное он уже не отдавал назад. Если Виллем уступал дюйм, ему приходилось затем бороться за целых сорок пять. Все преимущества были на стороне питона — он двигался по чешуе, а Виллем тянул против чешуи.

Виллем был уверен, что питону не вырваться у него из рук. Но какой в этом прок? С питоном от этого ничего не станется, а разожми он руки хоть на миг, и тотчас на его глазах кончик хвоста скроется в трещине. Нет, разжимать руки было нельзя, и охотник решил, за неимением лучшей возможности, хотя бы испытать тер-

пение противника. Может быть, питон не выдержит в конце концов такого «растягивания» и сдастся?

Если бы в эту минуту возле него находился кто-нибудь из друзей и обрушил на питона несколько сильных ударов, все было бы в порядке; но лагерь находился отсюда довольно далеко и к тому же был скрыт за деревьями. Товарищи не могли ни видеть, ни слышать Виллема.

Довольно долго простоял охотник в таком положении, ни на что не решаясь, но затем его осенила блестящая мысль.

Почти за самой его спиной росло небольшое дерево. Виллем сообразил, что, прикрепи он хвост питона к стволу, он освободит себе руки и, сломав молодое деревце, сможет колотить им змею в свое полное удовольствие.

Виллем был находчив, и у него мгновенно созрел план действий. Ему посчастливилось обнаружить крепкую веревку в поместительном кармане своей куртки. Только бы удалось обвязать ею хвост змеи! На это он не пожалел сил: оседлав змею и зажав ее меж колен, он сделал петлю, накинул ее змее на хвост, а другой конец веревки быстро привязал к стволу. Половина дела была сделана!

Юноша сломал молодое деревце, с помощью которого ему не составило бы труда сделать из питона отбивную котлету, если тот не предпочтет высунуть голову.

Он не нанес еще третьего удара, когда змея предпочла последнее. Неожиданно для Виллема длинный жгут заскользил в обратную сторону, и не успел юноша опомниться, как его уже обвили кольца взбешенного пресмыкающегося. Нападение было столь стремительным, что Виллем почти не отдавал себе отчета, как все это произошло: голова змеи с разинутой пастью метнулась к его лицу; он шарахнулся в сторону, но тут же ощутил на ногах прикосновение холодного чешуйчатого тела, толкнувшего его к дереву; в следующую секунду он оказался вплотную притянутым к стволу. Едва лишь юноша успел заметить, что кольца питона обвились вокруг его тела и вокруг ствола, едва лишь сообразил, что они сжимаются все туже и туже, как голова змеи с

Виллем был в отчаянном положении.

оскаленной пастью, из которой торчали страшные зубы, поднялась к его лицу, и глаза чудовища сверкнули ему в самые глаза.

Зрелище было страшное, и положение Виллема было почти безнадежным. Однако он был юношей не робкого десятка. Он не струсил, не потерял голову, да и руки его оставались свободными, и он схватил гада за горло. Все, что он мог сделать, — это сжимать шею питона со всей силой отчаяния; хорошо еще, что хвост змеи был привязан к дереву, и, таким образом, она оказалась схваченной с обоих концов. Будь голова или хвост у нее свободны, она могла бы сворачивать свои кольца, и спустя несколько секунд от Виллема осталась бы расплющенная лепешка, как от несчастного оленька. Но теперь, когда ее шею крепко стискивали руки охотника, а хвост был привязан, она не могла сжать тело юноши с достаточной силой. Она крутила головой, извивалась всем телом, передвигала кольца, но все напрасно: прикончить свою жертву ей не удавалось.

Исход страшной схватки зависел от выносливости противников. Ноги Виллема были прижаты к дереву жгутом змеи, руками он тоже не мог действовать — отпустить голову питона хоть на мгновение было бы подобно смерти. Но и питону освободиться было не легче. Кто же выйдет победителем?

Очевидно, питон; правда, высвободиться ему не удастся, но ведь и Виллему, как бы ни стискивал он горло питона, не задушить его, да к тому же и руки его скоро ослабеют. Он поплатился бы жизнью, если бы не решился на отчаянное средство.

За все это время он еще ни разу не пустил в ход свой нож. В разгаре рукопашной схватки он просто забыл о нем, а потом ему показалось, что с таким страшным противником от ножа мало будет пользы, но, к счастью для него, нож находился за поясом; хотя змеиные кольца в два — три обхвата обвивали его грудь, Виллем видел ножны и рукоятку; быстрым движением он выхватил нож.

В то же мгновение змее удалось выдернуть голову; но еще не успела она сжать кольца, как юноша преду-

предил ее и лезвием ножа, по счастью острым как бритва, перерезал ее тело чуть не надвое. Он наносил питону рану за раной и наконец с невыразимым облегчением увидел, как спиральные кольца, грозившие задушить его, разжались и грузно упали к его ногам.

Еще несколько секунд — и питон был мертв; поле битвы осталось за отважным охотником, но торжество победителя омрачалось сожалением об испорченной шкуре каменного питона.

Глава LI

МЕДОУКАЗЧИК И МЕДОЕД

Столкновение Виллема со змеей было признано молодыми охотниками самым замечательным приключением, случившимся за все время экспедиции, — более замечательным даже, чем встреча Гендрика с носорогом, и воспоминания о нем долго еще давали пищу их лагерным беседам.

Всем участникам экспедиции посчастливилось совершить какой-нибудь выдающийся охотничий подвиг или хотя бы пережить необычайное приключение, — всем, кроме Аренда. Нельзя сказать, чтобы Аренд уступал другим в отваге или ловкости; однако особого желания искать охотничьих приключений у него не было, да и случая не подвертывалось. Правда, в одно приключение он все-таки угодил — именно «угодил»: вместе с лошадью он попал в капкан, установленный туземцами для ловли слонов; к счастью, острый клин, находящийся обычно на верху таких капканов, был снят, иначе Аренд и лошадь не отделались бы так легко. Все охотники немало посмеялись над этим единственным приключением Аренда. Я говорю «все», потому что и сам добродушный Аренд смеялся не меньше других. Но приключения в девственной глуши были не по его части; вот в большом городе — там у Аренда с его тонким лицом и стройной фигурой не было бы недостатка в романтических приключениях, стоило бы ему только

пожелать. Но и к подобного рода приключениям Аренд не питал склонности; им всецело владела одна мысль — поскорее вернуться в Грааф-Рейнет. Так, по крайней мере, обстояло дело по словам Виллема, который, красноречиво подмигивая, присовокуплял при этом что-то относительно «румяных щечек и голубых глазок».

И все же Аренду суждено было до возвращения домой пережить вместе со своими товарищами еще одно приключение, не только последнее в этой экспедиции, но едва не ставшее последним в их жизни.

Из цветущей долины охотники перенесли лагерь в другую долину, тоже похожую на цветник, но совсем иного рода: и здесь цвели ноготки и пеларгонии, но преобладали разные виды молочая вперемежку с кактусами и другими мясистыми растениями.

Над их головой высилось дерево молочай, а у ног пробивались из земли разновидности молочая, напоминавшие дыню. Было здесь и множество ядовитых растений. Ядовитый молочай рос бок о бок со смертоносным цветком белладонны. Охотники, как видно, попали в уголок земли, где царили растения, источающие яд.

И все же картина, представившаяся их глазам, была прелестна: цветы, свежие и яркие, как и всякие другие цветы, разливали благоухание в воздухе; среди ветвей резвились птицы; пчелы жужжали и гудели над цветами, оживляя дикий уголок и навевая усталым путникам приятные воспоминания о родных местах.

Разбив лагерь, охотники расположились отдохнуть, как вдруг вниманием их завладела птичка, усевшаяся на ближний куст. Она заинтересовала их отнюдь не своей внешностью: скромно окрашенная — коричневато-пепельная на спинке и сероватая внизу, — величиной с зяблика, она щебетала какое-то бесхитростное «кви-кви-кви». Словом, наружностью птичка не привлекала к себе внимание. Но юноши знали об одной ее любопытной особенности: маленький летун, перепархивавший с веточки на веточку, вскидывавший хвостик и выводивший свое «кви-кви-кви», был знаменитый медоуказчик.

Во время экспедиции эта птичка не раз уже попадалась им на глаза, и Ганс сообщил им много интерес-

ного о ее привычках. Перепархивая с куста на куст и с камня на камень, она ведет человека к гнезду диких пчел; здесь она терпеливо дожидается, пока человек не похитит медовые сокровища, и только тогда, опустившись у разграбленного жилья, лакомится личинками и остатками медовых сот. Юноши знали все это и по личным наблюдениям. Однажды они последовали за медоуказчиком и удостоверились, что птица и в самом деле одарена этим удивительным инстинктом, в котором сомневались многие путешественники и натуралисты.

Ганс уже давно сообщил своим друзьям кое-какие сведения об этой птичке. Он рассказал, что медоуказчик, подобно кукушкам, подкидывает яйца в чужие гнезда, что известно несколько видов этих птиц. Основной их корм — мед и личинки пчел. Природа снабдила медоуказчиков очень плотной кожей, защищающей их от пчелиного жала. Правда, Черныш говорил, что плотная кожа не всегда спасает их: ему нередко случалось находить медоуказчиков мертвыми у пчелиных гнезд — они, как видно, были убиты жалом насекомых.

Да, все это было известно нашим охотникам, и маленький щебетун, усевшийся на соседний куст, не был для них незнакомцем.

Он появился очень кстати. Молодым охотникам хотелось раздобыть немного меду, потому что сахар у них весь вышел и нечем было подсластить кофе, а многим из них это представлялось настоящим лишением.

Все они, конечно, сразу вскочили на ноги, решив последовать за медоуказчиком, куда бы тому ни заблагорассудилось их повести. Они взяли с собой ружья и, что может показаться совсем уж странным, оседлали лошадей, чтобы следовать за медоуказчиком верхом.

Вас это, разумеется, удивляет, но, узнав, что медоуказчик нередко заманивает охотника миль на шесть — семь в глубь лесной чащи и приводит его иной раз к львиному логову или к жилищу носорога, а не к пчелиному гнезду, вы согласитесь, что подобные предосторожности были не лишними.

В ту минуту, когда они уже трогались в путь, очень своеобразный зверек внезапно «выплыл на горизонте».

Зверек этот смахивал на барсука. У него были короткие лапы, задние его ноги ступали по земле всей подошвой, морда и хвост у него были совсем барсучьи, и мех его также напоминал мех обыкновенного барсука: на спинке пепельно-серый, на брюшке черный, а вдоль боков — от ушей до хвоста — светлая полоска. Однако он был крупнее барсука, почти достигая размеров американской росомахи, или вольверена, на которую тоже отчасти походил. В нем можно было обнаружить все особенности семейства барсуков, не богатого родами и видами, но имеющего по одному — два представителя в любом уголке земного шара. Зверек, появившийся перед охотниками, принадлежал к южноафриканскому виду этого семейства. Это был ратель, или медоед.

И этот зверек с весьма своеобразными повадками был тоже хорошо знаком нашим путешественникам: они знали, что он, подобно медоуказчику, охотник до сладкого и что это пристрастие заставляет его постоянно рыскать в поисках пчелиных гнезд и разорять их, если гнезда расположены в норках, откуда он выкапывает их своими приспособленными для рытья, как у таксы, когтями; если же гнездо расположено на дереве, то рателю не удается достать его: на деревья он не лазает. Однако следы его когтей на коре у подножия дерева указывают охотникам-готтентотам, что в дупле — медовые соты. В дополнение к тому, что юноши успели узнать от Черныша и Конго, Ганс рассказал, что ратель водится по всей Африке и что натуралисты выделяют его, как и многие другие диковинные создания Африканского континента, в самостоятельный род. Кожа рателя, рассказал Ганс, настолько плотна, что пчелиное жало не прокалывает ее, и он, не страшась жужжащего кругом него роя насекомых, лакомится их сотами. Из-за неприятного запаха его прозвали «барсук-вонючка».

Ратель является постоянным спутником медоуказчика, который ведет его к сотам, подобно тому как он ведет человека. Утверждают, что в таких случаях медоуказчик, заботясь о том, чтобы барсук не потерял его из виду, летит совсем низко над землей и делает более короткие перелеты.

Было ясно, что ратель в данный момент как раз и следовал за медоуказчиком. Однако, набредя на отряд охотников, он сразу юркнул в чащу и пустился наутек. А ревностный проводник между тем снова двинулся в путь, на этот раз в сопровождении длинного «хвоста».

Птичка перепархивала с дерева на дерево, щебеча свое «кви-кви-кви», и, как видно, очень довольная своей новой «свитой»; охотники неотступно следовали за проводником. Ехали они совсем недолго: вскоре птица защебетала чаще, беспокойно закружила на месте, как бы указывая, что гнездо поблизости, затем уселась на ветку дерева и уже не двигалась с места; следовательно, соты находились здесь, в дупле.

Об этом можно было сразу догадаться: кора у корней дерева была вся кругом исцарапана и изодрана когтями рателя — как видно, многие из этих падких до меда зверьков были приведены в этот уголок, чтобы вкусить здесь одно лишь горькое разочарование.

Из лагеря были немедленно вызваны Черныш и Конго, явившиеся с двумя топорами, дерево повалено, пчелы выкурены, а медовые соты, кроме двух — трех кусков, оставленных проводнику в награду за труды, отнесены в лагерь.

Пчелиная кладовая оказалась богатой. Шестеро охотников вместе со своими темнокожими проводниками устроили в этот вечер настоящее «медовое пиршество».

Глава LII

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Пир этот кончился печально. Лучше бы им никогда не находить этих сот или же оставить их на съедение птице и барсуку!

Не прошло и часа после роскошного ужина, как в отряде уже царила тревога. У всех у них пересохло в горле, жгло в груди, всех тошнило: пчелы собирали нектар с цветов ядовитого молочая и белладонны, и мед их был отравой!

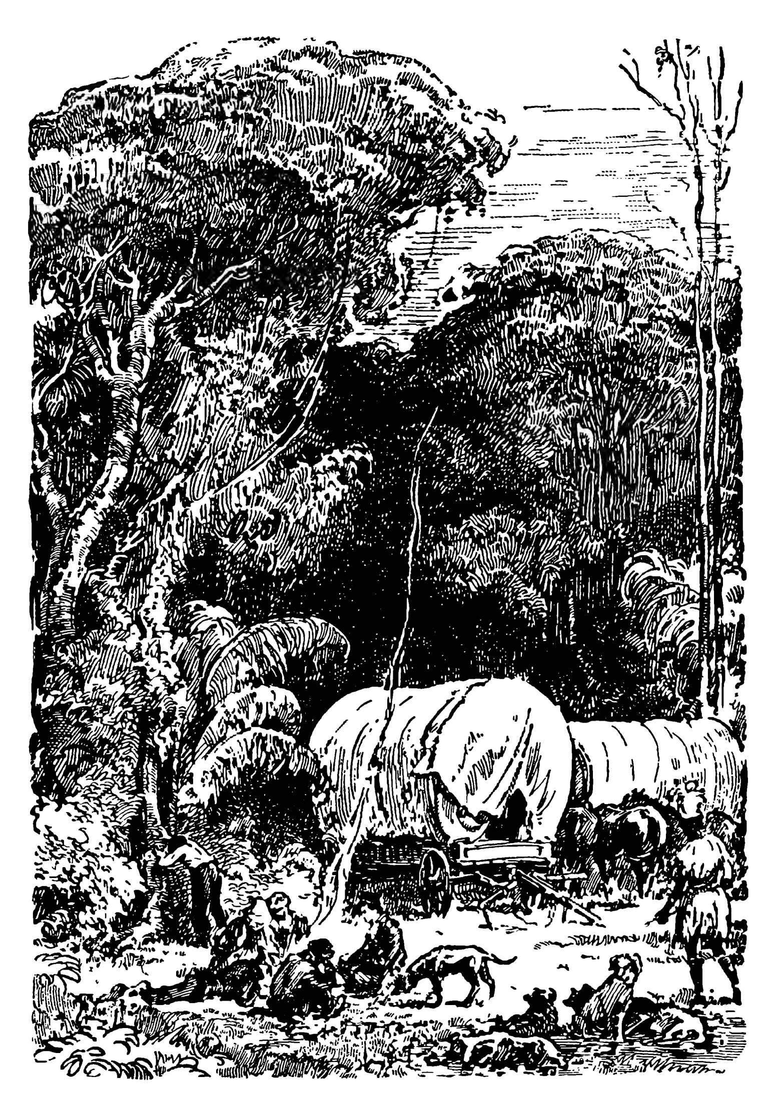
Трудно описать ужас, охвативший отряд: ведь все до отвала наелись отравленного меда; его, на беду, было вволю. Они набросились на лакомство с тем большей жадностью, что вот уже несколько дней не видели растительной пищи. И теперь все до одного заболели, да еще так серьезно, что не могли помочь друг другу.

Каждый в уверенности, что он отравился насмерть, предавался отчаянию. Один только Ганс сохранил присутствие духа. Он призвал на помощь все свои знания, вспоминая всевозможные противоядия. И, конечно, юноши были обязаны спасением своей жизни тем слабительным и рвотным порошкам, которые оказались под рукой и были щедро розданы Гансом.

Да, жизнь их была спасена, отравление ни для одного из них не кончилось смертью, но болезнь долго не оставляла их, и еще много дней юноши, изменившиеся до неузнаваемости, уныло бродили, как тени, по окрестностям лагеря или в молчании понуро сидели вокруг походного костра.

Встряска была так сильна, что о продолжении экспедиции нечего было и думать. Они только ждали дня, когда окрепнут настолько, чтобы пуститься в обратный путь. Итак, скоро уже осуществится тайное желание Аренда — скоро он опять увидит прелестную Трейи, услышит ее мелодичный голос; Гендрик при всей своей любви к охоте не меньше его стремился вернуться домой и сложить охотничьи трофеи к ногам зардевшейся Вильгельмины; Клаас и Ян тосковали по домашним пудингам и сладостям; да и Ганс, уже собравший богатую коллекцию образчиков местной флоры, стремился к родному очагу.

И только один неутомимый бродяга и великий храбрец Виллем рвался продолжать путь и перевалить через горный хребет, отделявший их от страны слонов, буйволов и жирафов. Да, Виллем во что бы то ни стало двинулся бы дальше, будь его спутникам под силу сопровождать его; но это было им не по силам, и знаменитому охотнику скрепя сердце пришлось уступить, хотя он столько лет лелеял заветную мечту испробовать свой громобой на могучих толстокожих, бродивших далеко от



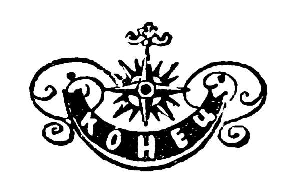
Пиршество кончилось печально.

границ их колонии. Правда, его огорчение несколько смягчала надежда предпринять в недалеком будущем новую экспедицию, к берегам живописной реки Лимпопо и к обиталищам гигантских слонов.

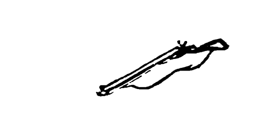
Эта надежда утешала его в ту минуту, когда он, сев на доброго коня, вслед за фургонами тронулся в обратный путь.

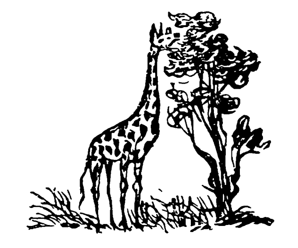
По дороге домой к юношам понемногу возвращались силы; когда же они достигли рубежей Грааф-Рейнета, исчезли все следы заболевания, и они вернулись домой здравыми и невредимыми.

Что рассказывать вам о сердечной встрече, ожидавшей молодых охотников под родимым кровом ван Вейка и ван Блоома! А как очаровательна была Трейи, и как нежно зарделась Вильгельмина! И что говорить о роскошном пире, на который собралось столько званых гостей, именитых соседей-буров, чтобы отпраздновать возвращение молодых охотников!



ОХОТНИКИ ЗА ЖИРАФАМИ

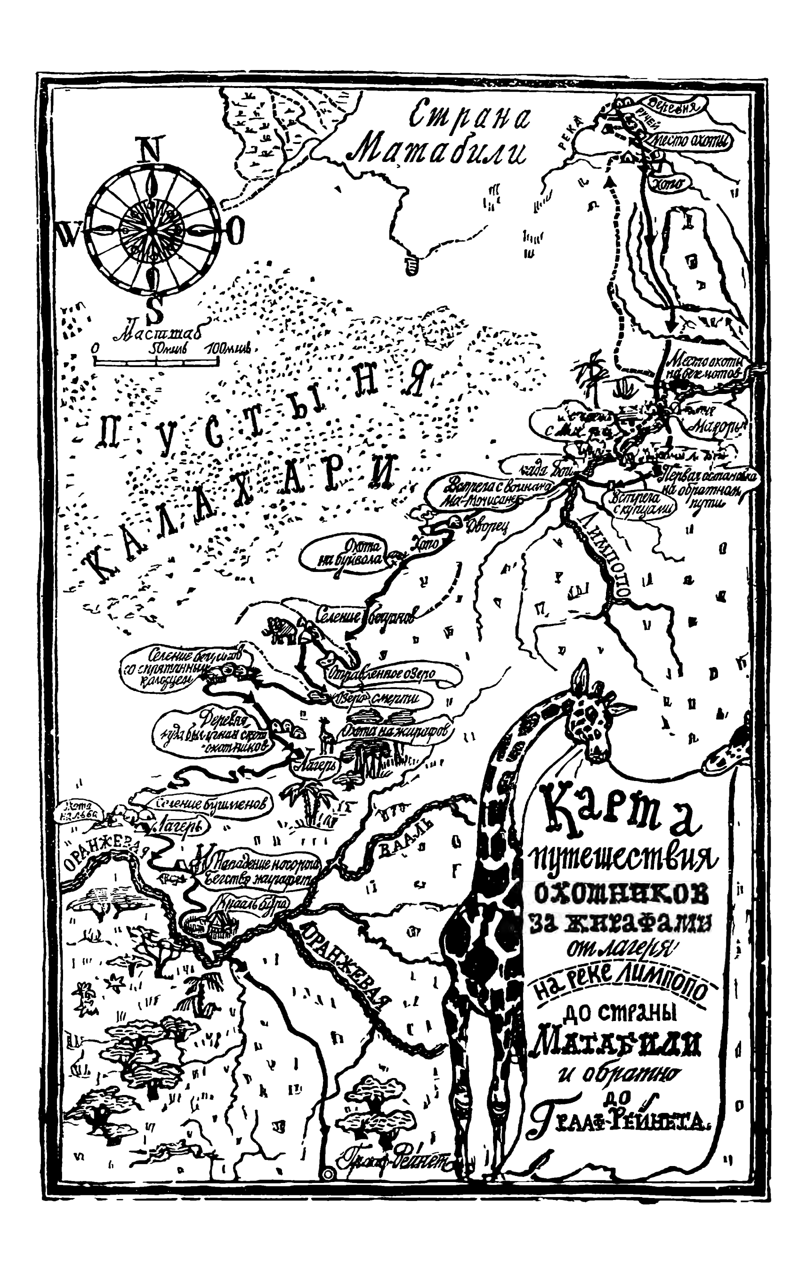




Перевод с английского

Э. Березиной и *Р. Облонской*

Редактор *Ю. Кагарлицкий*


Страна
Матабили
N
W
O
S
Масштаб
0
50миль
100миль
ПУСТЫНЯ
КАЛАХАРИ
Деревня
Ручей
Река
Место охоты
Хото
Место охоты на бегемотов
Мапоры
Первая остановка на обратном пути
Встреча с купцами
Встреча с воинами Ма-Мочисане
Дворец
Хото
Охота на буйвола
Лимпопо
Селение бечуанов
Селение беглецов со спрятанными колодцами
Отравленное озеро
Озеро смерти
Деревня, куда бы угнана скот охотников
Охота на жирафов
Лагерь
Селение бушменов
Лагерь
Ваальь
Оранжевая
Нападение носорога Бегство жирафа
Крааль бура
Оранжевая
Граф-Рейнет
Карта
путешествия
охотников
за жирафами
от лагеря
на реке Лимпопо
до страны
Матабили
и обратно
до
Граф-Рейнета.

Глава I

ЗЕМЛЯ ОБЕТОВАННАЯ

Мой юный читатель, пойдем снова странствовать по населенной самыми удивительными творениями земле, о которой мы знаем так много и так мало, по земле, растительный и животный мир которой так богат. Вернемся в Африку и вместе со старыми нашими друзьями юными охотниками двинемся навстречу новым приключениям.

На берегу Лимпопо весело пылает охотничий костер, а вокруг него вы увидите три живых кольца. Самое большое, внешнее, — это лошади, второе — собаки, а самое маленькое, внутреннее, — люди. Это твои старые знакомые, читатель.

Стоит мне назвать их имена — Ганс и Гендрик ван Блоом, Виллем и Аренд ван Вейк, — и ты сразу поймешь, что молодые охотники снова вышли на промысел. Но на этот раз у каждого участника экспедиции свои надежды и свои желания.

Спокойный и серьезный Ганс ван Блоом, как и многие молодые уроженцы колоний, мечтает побывать в краю своих предков. Ему хочется поехать в Европу и найти применение своему гербарию и знаниям, которые он приобрел, путешествуя сперва с отцом, а потом с друзьями.

Но прежде чем отправиться в Европу, он решил посетить ту часть Южной Африки, где никогда не бывал, чтобы пополнить свои познания в естественной истории.

На обширных пространствах его родины, между огромными реками Лимпопо и Замбези, раскинулись необъятные леса, и каких только растений там нет! В этих-то краях и задумал Ганс продолжить свои ботанические изыскания. О новом путешествии в дебри Африки уже полгода мечтает и Виллем. С тех самых пор, как он вернулся из последней экспедиции, ему не терпелось отправиться в новые края, где водится дичь, за которой ему еще не приходилось охотиться.

Читатель напрасно станет искать у костра маленьких Яна и Клааса. Родители не пустили их в это далекое путешествие — слишком много трудностей и опасностей сулило оно. Кроме того, родителям не хотелось бы видеть мальчиков, когда они вырастут, простыми охотниками, а чтобы этого не случилось, Яну и Клаасу надо еще несколько лет проучиться в школе.

Зато здесь молодые корнеты Гендрик ван Блоом и Аренд ван Вейк. Они изо всех сил стараются походить на бывалых воинов и оба — страстные охотники, но на сей раз они не стремились отправиться в путешествие, и на это у каждого были особые причины.

Они рады были бы остаться дома и довольствоваться жалкой дичью, которая водится в окрестностях Грааф-Рейнета, и все же «липовыми охотниками» их не назовешь — их не страшат опасности. Просто дома те-

перь есть магнит, который оказался сильнее их страсти к приключениям.

Волнения охоты, которые прежде доставляли Гендрику ван Блоому столько удовольствия, влекут его теперь куда меньше, чем улыбка Вильгельмины ван Вейк, единственной сестры его друзей Виллема и Аренда.

Да и Аренд, будь он предоставлен сам себе, ни за что не уехал бы из дому и не отказался бы от возможности каждый день видеть маленькую Трейи ван Блоом. Но Виллем и Ганс твердо решили пуститься на север, в края, где они еще никогда не бывали; они-то и уговорили друзей отправиться в эту экспедицию.

Новое путешествие сулило удивительные приключения, охоту, да к тому же Гендрик и Аренд боялись показаться смешными, оставшись дома, и в конце концов они согласились сопровождать знаменитого охотника и знаменитого натуралиста к берегам Лимпопо.

У костра сидят еще двое — это старые знакомые тех, кто читал «Юных охотников». Один, невысокий, крепко сбитый, большеголовый бушмен, — это Черныш; его не уговоришь остаться дома, когда молодые хозяева, Ганс и Гендрик, отправляются на поиски приключений.

Другой, кого мы не успели еще упомянуть, — это кафр Конго.

Путь от Грааф-Рейнета до берегов Лимпопо оказался бы слишком долог, если б они решили добираться туда в повозках, запряженных быками, а им не терпелось поскорей попасть в места, которые Виллем когда-то назвал землей обетованной.

И вот верхом на добрых лошадях они кратчайшим путем двинулись к берегам Лимпопо. Приключений в пути они не искали, — скорее избегали их. Помимо верховых лошадей, у них было еще шесть вьючных, нагруженных не слишком тяжело одеждой, патронами и всем, что могло понадобиться охотникам.

Мы встретились с ними уже на берегу Лимпопо, после того как они переправились через реку. Наконец-то они достигли мест, о которых давно наслыша-

лись как о сущем рае для охотников! Утомительный путь позади, а впереди охота, ради которой они преодолели сотни миль.

Мы уже говорили, что, когда юноши отправлялись в путешествие, у каждого были свои побуждения. Но была у них и общая цель. Голландское правительство поручило своему консулу добыть пару молодых жирафов и отправить их в Европу. За двух детенышей, благополучно доставленных в Кейптаун или в Капскую колонию, было обещано пятьсот фунтов. Некоторые охотники уже попытали счастья в этом деле, но им не повезло. Они застрелили и разными другими способами убили десятки жирафов, но ни одного детеныша поймать живым не удалось.

Наши молодые охотники отправились в путь с твердым намерением поймать двух жирафов и деньгами, вырученными за них и за клыки гиппопотама, покрыть все расходы экспедиции. Они знали, что на слоновых клыках люди богатеют, а с зубами гиппопотама не сравнится и слоновая кость: за них можно взять вчетверо дороже, чем за любую другую кость, отправляемую в Европу.

Впрочем, у всех у них желание прославиться было сильнее корысти, особенно у Виллема — он жаждал показать свое искусство охотника там, где многие потерпели поражение. Слава человека, поймавшего двух молодых жирафов, привлекала его куда больше, чем награда за поимку. Конечно, от пятисот фунтов он тоже не отказался бы — для него, как и для остальных, обещанные деньги были лишним доводом в пользу этого путешествия.

Глава II

НА БЕРЕГАХ ЛИМПОПО

В первую же ночь, проведенную у Лимпопо, путешественники убедились, что поблизости водится разная дичь, на которую они давно мечтали поохотиться. В нестройном хоре звуков, что тревожили их сон, они раз-

личали рыкание льва, трубные клики слона и голос какого-то неведомого им зверя.

В тот день у них ушло несколько часов на поиски переправы — нужно было найти место, где оба берега пологи и река не слишком глубока. Пока охотники искали брода, солнце уже начало садиться, и, когда они наконец переправились через реку, сумерки успели смениться густой тьмой, так что никому, кроме Конго, не хотелось продолжать путь. Кафр советовал пройти еще хотя бы полмили вверх или вниз по реке, и Виллем поддержал его, хотя у него не было для этого никаких оснований, кроме слепой веры то ли в ум, то ли в инстинкт своего слуги.

В конце концов все согласились с Конго, и теперь звуки, тревожившие путешественников, слышались поодаль: они доносились с переправы.

— Ну, теперь вы понимаете, почему Конго советовал уйти оттуда? — спросил Виллем, когда они прислушивались к диким воплям, которые не давали им уснуть.

— Нет, — ответили его спутники.

— Да потому, что мы переправились у самого водопоя. Туда сходятся звери со всей округи.

— Верно, баас Виллем, — подтвердил Конго.

— Но ведь не для того мы проехали тысячу миль, чтобы прятаться от зверей! — сказал Гендрик.

— Нет, конечно, — ответил Виллем. — Но мы пришли сюда, чтобы стрелять их, а не для того, чтобы попасть им в лапы. Как по-вашему, надо нам отдохнуть или нет? А уж лошадям непременно нужен отдых.

На этом ночной разговор и кончился.

Охотники постепенно привыкли к голосам диких зверей, перестали обращать на них внимание и один за другим уснули.

Когда рассвело, стало видно, как необыкновенно хорошо вокруг.

Широкая долина вся заросла великолепными деревьями. Тут были и гигантские баобабы, и небольшие купы диких финиковых пальм. А цветочный ковер,

покрывавший долину и сверкавший самыми яркими красками, доставил Гансу особое удовольствие.

Тут ему было что изучать, и чудесная мечта проснулась в его душе: он найдет новые, еще никому не известные растения, и эти открытия прославят его имя в ученом мире Европы.

Все еще спали, когда Виллем поднялся и в сопровождении Конго тихо выбрался из лагеря — он хотел оглядеть окрестности.

Они направились вниз по реке. Когда они дошли до вчерашней переправы, глазам их представилась тягостная картина — она не могла прийтись по вкусу даже охотнику, человеку, которому доставляет удовольствие убивать животных.

На протяжении каких-нибудь ста метров валялись пять огромных мертвых антилоп. Их останки пожирали гиены. При виде охотников гиены захохотали как безумец, который только что совершил какое-то ужасное злодеяние, и нехотя отошли в сторону.

Судя по следам у реки, ночью здесь побывали и слоны и львы. Пока Виллем осматривал берег, к нему присоединился Ганс. Он уже весь отдался своему любимому занятию: исследовал богатую растительность вблизи лагеря.

Подойдя к Виллему, он сразу обратил внимание на антилоп. По его словам, это олени, но особой, нигде не описанной разновидности. Вся шкура у них в узких белых поперечных полосах, и это придает им сходство с винторогой антилопой куду.

Взглянув на следы, Конго объяснил, что первыми к водопою пришли антилопы; вслед за ними в поисках воды сюда забрели четыре слона и тут же напали на антилоп. В побоище приняли участие и три или четыре льва, но единственными жертвами оказались злополучные антилопы.

— По-моему, нам стоит обнести лагерь хорошей оградой и задержаться здесь на несколько дней, — предложил Виллем, когда они вернулись к остальным. — Здесь сколько угодно корма для лошадей, и мы уже убедились, что у водопоя много всякой дичи.

— Согласен, — поддержал его Гендрик. — Но мне бы не хотелось раскидывать лагерь так близко к броду. Лучше отойти подальше. Тогда мы не отпугнем дичь от водопоя, да и спать будем спокойнее. Как по-вашему, может, нам лучше пройти еще немного вверх по течению?

— Конечно, конечно, — отозвались остальные.

Решили найти более подходящее место для лагеря и построить настоящий крааль. Позавтракав — это был их первый завтрак на берегах Лимпопо, — Виллем, Ганс и Гендрик оседлали своих лошадей и в сопровождении всех собак направились вверх по реке; Аренд, Черныш и Конго остались охранять лагерь.

Всадники проехали вдоль берега уже около трех миль, но нигде не было доступа к воде. Берега тянулись высокие, крутые. Но вот ландшафт стал меняться, он уже больше походил на то, чего они искали. Тонкоствольная роща — здесь можно было срубить деревья для частокола — раскинулась близ реки, и, хоть берега уже не были неприступны, звери, как видно, редко наведывались сюда.

— По-моему, лучшего и желать нельзя, — сказал Виллем. — До водопоя верхом на лошади всего полчаса, да и выше по течению может найтись хорошее место для охоты.

— Очень возможно, — сказал Гендрик. — Но ведь построить большой крааль не так-то просто, поэтому давайте сперва проверим, что за дичь тут водится.

— Правильно, — согласился Виллем. — Надо точно узнать, есть ли тут гиппопотамы и жирафы. Без жирафов нам никак нельзя возвращаться. Мы огорчим друзей, а кое-кто из наших общих знакомых, я уверен, непременно поднимет нас на смех.

— И поделом тебе, — сказал Ганс: — вспомни, как ты насмехался над охотниками, которые возвращались ни с чем.

Присмотрев место для крааля, молодые охотники отправились вверх по течению, чтобы, прежде чем строить ограду, получше разведать эти охотничьи угодья.

Глава III

ДВОЙНАЯ ЛОВУШКА

Вскоре после того, как Виллем и его спутники уехали, Аренд поглядел в сторону зарослей, раскинувшихся в полумиле от реки, и заметил небольшое стадо антилоп, которые мирно паслись на лугу. Он решил подстрелить одну или двух к обеду и вскочил на коня.

Он приближался к стаду с подветренной стороны и, подъехав ближе, увидел, что это антилопы дукеры, или так называмые ныряющие антилопы.

Тут росло несколько высоких — каждый куст чуть ли не двенадцати футов — олеандров, осыпанных пышными розовыми цветами. Под прикрытием этих кустов Аренд приблизился к стаду и, выбрав животное покрупнее, прицелился и выстрелил.

Все антилопы, кроме одной, которая осталась распростертой на лугу, огромными прыжками кинулись к опушке, перемахнули через ближайшие кусты и, нырнув в заросли, скрылись из глаз. Не зря их назвали ныряющими! Аренд подскакал к антилопе, в которую он стрелял, и убедился, что она мертва. Вернувшись в лагерь, он послал Конго с Чернышем за убитой антилопой. Скоро они принесли тушу; теперь нужно было освежевать и разделать ее, чтобы потом поджарить мясо на вертеле.

Они вдвоем принялись за дело, и вдруг Чернышу показалось, будто по лугу что-то движется.

— Глядите-ка, баас Аренд.

— Что там?

— Вон вьючная лошадь, видите? Очень далеко отошла от лагеря.

Аренд обернулся и поглядел туда, куда показывал Черныш. В полумиле от лагеря бродила лошадь. Она отбилась от остальных и уходила все дальше.

— Ладно, Черныш. Вы тут готовьте обед, а я поеду пригоню ее.

Аренд снова вскочил на коня и поскакал к отбившейся лошади.

Для стряпни Конго и Чернышу понадобилась вода;

захватив бачок, они отправились к вчерашнему броду — ближе нигде нельзя было спуститься к реке.

Они шли берегом и были уже почти у самого брода, как вдруг Конго, шедший впереди, исчез. Он провалился в хорошо замаскированную ловушку, приготовленную для слона или бегемота.

Яма была глубиной около девяти футов; и, еще не успев понять, куда это он попал, Конго едва не ослеп — глаза ему засыпало песком, пылью и всяким мусором, скрывавшим сверху ловушку.

Это южноафриканское изобретение для ловли крупной дичи было не в диковинку Конго, поэтому случившееся не слишком огорчило его. Убедившись, что при падении он не расшибся, Конго поглядел вверх, ожидая, что Черпыш поможет ему выбраться из ямы.

Но Черныш не спешил ему на помощь. Он очень обрадовался смешному случаю, приключившемуся с соперником, и решил немного потешиться над ним.

Он просто не помнил себя от восторга. Он разразился диким хохотом, напоминавшим хохот разъяренной гиены, и принялся так прыгать и плясать вокруг ямы, что, казалось, земля его не выдержит. Никогда еще глупый маленький бушмен не был так счастлив; но эта восторженная вспышка оборвалась еще внезапнее, чем началась: среди буйных прыжков он тоже вдруг исчез, словно земля разверзлась и поглотила его! Его постигла та же участь, что и Конго: возле первой ловушки оказалась вторая, и Черныш угодил прямо в нее.

С помощью таких двойных ловушек обитатели Южной Африки обычно ловят слонов: если животное, заметив вдруг перед собой яму, метнется в сторону, оно провалится в соседнюю ловушку.

Черныш и Конго неожиданно попались как раз в такую ловушку — на свою беду и вовсе не на радость тем, кто с помощью этого хитроумного устройства надеялся поймать совсем другую дичь. На дне ямы, в которую провалился Конго, было на два фута жидкой грязи. Стены — отвесные, глинистые, скользкие, поэтому все его попытки вскарабкаться наверх оказались тщетными, и это сильно огорчило беднягу, ибо он не отличался фи-

лософским складом ума. Конго слышал, как потешался над ним Черныш, и бурный восторг соперника был плохим утешением в беде. Но прошло несколько минут, и он перестал слышать Черныша.

То, что Черныш смеялся и радовался его несчастью, не удивило Конго, но он все же надеялся, что немного погодя Черныш поможет ему выбраться из ямы. Однако Черныш не шел на помощь. Ему, видно, мало было посмеяться над его бедой. Он просто ушел, бросил его на произвол судьбы! И Конго был вне себя от ярости.

Прошло еще несколько минут — они показались Конго часами, — а о Черныше все не было ни слуху ни духу. Может, он вернулся в лагерь? Значит, Аренд узнал, что случилось с Конго. Почему же тогда он не поспешит на помощь своему верному слуге? Сидеть в этой яме вовсе не так уж удобно, а кроме того, здесь полно всяких пресмыкающихся и насекомых, которые как-то попали сюда и теперь тоже не могут выбраться. Общество жаб, лягушек, больших муравьев, прозванных «солдатами», и других тварей не доставляло Конго никакого удовольствия.

— Черныш! Баас Аренд! — закричал он.

Но все было напрасно. Никто не откликнулся на его зов. Конго, как и все его соплеменники, отличался вспыльчивым нравом, и им вскоре овладел неистовый гнев. Он жаждал свободы уже ради одной только цели: ради мести. Месть Чернышу, который, вместо того чтобы освободить его из ямы, радуется его заточению!

Вы, наверно, решили, что Черныш разбился, падая в яму? Нет, этого не случилось. Едва он понял, что́ так неожиданно положило конец его веселью, он первым делом подумал о том, как бы ему выбраться отсюда без помощи человека, над которым он только что смеялся. Самолюбие Черныша было бы очень уязвлено, если бы, выбравшись из ямы, Конго увидел, что и он, Черныш, тоже попался. Легко ли снести такое унижение!

Вот почему Черныш молча слушал, как Конго взывает о помощи, а сам тем временем изо всех сил старался выкарабкаться из ловушки. Он попытался выдернуть заостренный кол, воткнутый посреди ямы. Падая в яму,

слон или бегемот с размаху напарывается на такой кол и погибает. Сумей Черныш выдернуть кол, он мог бы с его помощью выбраться наверх. Но ему это не удалось, и мысли его потекли в ином направлении. Он стал искать, кто же виноват в том, что он попал в яму и не может из нее выбраться. У Черныша была своя логика, свойственная, впрочем, не ему одному, и он быстро догадался, что виноват, конечно, Конго. Не провались Конго, сам он, уж конечно, избежал бы этой участи.

Повеселившись вволю, он помог бы Конго выбраться из его темницы и, пожалуй, даже посочувствовал бы его несчастью; но теперь, когда он и сам попался, он знал одно: в приключившейся с ним неприятности кто-то виноват, и не мог понять, что всему виной он сам. Попав в беду, Конго навлек беду и на него, вот почему Черныш теперь молча сидел в своей яме.

В отличие от Конго, он не терзался мыслью, что его бросили на произвол судьбы, и поэтому переносил заточение намного спокойнее, чем Конго, совсем потерявший терпение. Да, кроме того, у него была надежда на скорое избавление — надежда, которую утратил Конго.

Черныш знал, что Аренд с минуты на минуту приведет в лагерь отбившуюся лошадь и хватится их. А так как бачка тоже нет на месте, он будет знать, где их искать. Увидев, что нет ни бачка, ни слуг, Аренд, конечно, пойдет к броду — единственному месту, где можно зачерпнуть воды. А раз так, он непременно заметит ловушку. Поразмыслив, Черныш примирился со своей участью и стал терпеливо и молча ждать; Конго же, не понимавший, куда запропастился Черныш, был далеко не так спокоен.

Глава IV

В ЯМАХ

Но время идет, солнце опускается все ниже, скоро над рекой сгустятся ночные тени... и Черныш стал терять надежду. Почему молодой охотник до сих пор не пришел им на выручку? Виллем, Гендрик и Ганс уже

должны были бы вернуться; вчетвером им ничего не стоит разыскать пропавших слуг. И хоть Черныш очутился в непривычном положении, он долго терпел и молчал. Но наконец ему стало невмоготу. Его вдруг охватило страстное желание высказать все свое недовольство судьбой, и перед этим желанием он уже не мог устоять.

— Эй, Конго, старый дурень, где ты? — крикнул он. — Чего не идешь домой?

Услыхав этот глухой, отдаленный голос, Конго сразу понял, откуда он исходит. Значит, Черныш тоже заживо погребен! Так вот почему он до сих пор не пришел на выручку!

— Это ты, Черныш? А я тебя дожидаюсь! — ответил Конго и впервые за все это время слабо улыбнулся. — Неохота идти в лагерь без тебя.

— Больно много о себе думаешь! — отозвался Черныш. — Кому ты нужен, старый дурень? Шел бы лучше в лагерь да сказал бы баасу Гендрику — мол, Черныш хочет его видеть. Я бы ему кое-чего сказал.

— Ладно, — ответил Конго, которому теперь не так тошно было сидеть в яме. — Только на что тебе хозяин? Я ему все передам, нечего ему сюда ходить. Ну, что ему сказать?

В ответ Черныш разразился длинной речью. Пусть Конго признается, что он дурак, раз он упал в яму, — ведь он оказался глупей бегемота: эта ловушка, видно, сто лет назад вырыта, и ни один бегемот в нее не попался.

Конго потребовал объяснений. Почему это он глупее Черныша? Ведь и сам Черныш попал в такую же беду. Но тот продолжал утверждать, что в его несчастье полностью виноват Конго — ведь он первый имел глупость провалиться в ловушку.

Чернышу все было ясно и понятно: не провались Конго по глупости в первую яму, уж он-то, Черныш, никогда не угодил бы во вторую!

И он утешался этим. Он был просто счастлив, что может наконец отвести душу и отругать своего соперника. Но как ни приятно было это развлечение, скоро

его мысли поневоле вернулись к печальной действительности: он в ловушке и, вместо того чтобы есть жареную антилопу, весь день голодный, томится в темной, грязной яме в обществе отвратительных пресмыкающихся.

Его мысль усиленно работала, подхлестываемая испуганным воображением. Ему стало страшно. А вдруг и с Арендом стряслась какая-нибудь беда и он не вернулся в лагерь? А вдруг Виллем и его спутники заблудились и будут два или, чего доброго, три дня искать дорогу назад в лагерь? Он слышал, что с иными глупыми белыми такое случалось, значит, и с ними может случиться. Или, может быть, им повстречалось какое-нибудь дикое племя и их убили или забрали в плен?

Тысячи догадок проносились в уме Черныша, и, окажись любая из них справедливой, ему придется сперва съесть лягушек и всех прочих тварей, что копошатся вокруг него на дне ямы, а потом помирать с голоду.

Черныша нисколько не утешало, что его соперника, сидящего в другой яме, ждет, как видно, та же участь.

Его невеселые размышления были прерваны отрывистым злобным лаем: взглянув вверх, в дыру, через которую он провалился, Черныш увидал морду дикой собаки.

Собака залаяла еще раз, уже по-другому, и попятилась; и по звукам, которые раздавались над головой Черныша, он догадался, что наверху собралась целая стая.

Инстинктивный страх перед человеком заставил собак немного отступить. Но вскоре они поняли, что, как говорит пословица, «Только дурак бежит, когда за ним никто не гонится», и вернулись.

Они были голодны и притом чуяли, что обнаруженный ими враг почему-то не может причинить им вреда.

Подходя все ближе и ближе, они вновь окружили обе ловушки и тогда увидели, что на дне ям есть чем поживиться. Их жертвы были сейчас беспомощны, и собаки расхрабрились и готовы были напасть на людей. Голос и взгляд человека уже не пугали их, и несколько

десятков диких зверей стали пытаться овладеть добычей, чтобы утолить свой голод.

Они начали разгребать и разбрасывать слой травы и земли, который прикрывал ямы. Вниз лавиной хлынули пыль, песок, трава, и пленники едва не задохнулись.

Колья, поддерживавшие земляной настил, подгнили от старости, и под тяжестью теснившихся сверху собак крыша грозила рухнуть.

«Если собаки посыплются вниз, — подумал Черныш, — этот дурак Конго, надеюсь, тоже получит свою долю».

Его надежда тут же и сбылась: мгновенье спустя он услыхал вой собаки—видно, она упала в соседнюю яму. К счастью для Конго, хищника постигла участь, которой он сам избежал. Животное напоролось на заостренный кол, торчащий посреди ямы, и теперь корчилось на нем в страшных мучениях и не могло освободиться.

Конго растянулся в грязи на дне ямы и прижался к стенке. Если б не это, не миновать бы ему собачьих зубов: оскаленная пасть была в каких-нибудь двенадцати дюймах от его лица. Зверь судорожно извивался и оглушительно выл.

Среди воя, рычания, лая собак, которые оставались наверху, Черныш различил вопли собаки, попавшей в яму, и вообразил, что между нею и Конго завязалась борьба не на жизнь, а на смерть.

Ревность и мелкое недоброжелательство, которые он так часто проявлял по отношению к Конго, были совсем не так сильны, как ему самому казалось. Черныш не на шутку тревожился за исход битвы. А вдруг зверь разорвет Конго на куски? И тут он понял, что они с Конго вовсе не враги, как он почему-то воображал, а друзья.

Собаки злобно рычали и выли. Сидеть в яме было и неудобно и страшно, а сколько еще времени придется ждать и терпеть? Кажется, еще немного — и он просто сойдет с ума. Но тут он услышал, что псы отступили. Остался лишь тот, что упал в яму, где сидел Конго. Что заставило их отступить? Уж не подоспела ли помощь? Затаив дыхание, Черныш прислушался.

Вниз хлынули пыль, песок и трава.

Глава V

АРЕНД ИСЧЕЗ

В полдень Виллем, Ганс и Гендрик вернулись в лагерь и обнаружили, что он пуст.

Завидев их, нехотя, воровато разбежались шакалы, а когда всадники подъехали ближе, они увидели начисто обглоданный скелет антилопы. Значит, уже несколько часов в лагере никого нет.

— Что же это? — воскликнул Виллем. — Куда делся Аренд?

— Не знаю, — ответил Гендрик. — Удивительно, что Черныша и Конго тоже нет; они могли бы рассказать, в чем дело.

Несомненно, что-то случилось. Охотники с тревогой оглядели все вокруг, но ничто не помогло им раскрыть тайну.

— Что будем делать? — спросил Виллем, и по голосу его было слышно, что он очень встревожен.

— Ждать, — ответил Ганс. — Больше нам сейчас ничего не остается.

В эту минуту их внимание привлекли две или три точки на равнине, примерно в миле от лагеря. То были лошади, их собственные вьючные лошади, и Гендрик с Виллемом ускакали за ними, чтобы привести их обратно в лагерь.

Прошло около часу, прежде чем удалось обойти и поймать беглянок. На обратном пути Гендрик и Виллем решили напоить их, благо до брода было недалеко, и повернули к реке.

Когда они приблизились к берегу, дикие собаки, которые выли и визжали, сбившись в кучу, бросились врассыпную по равнине. Не слишком задумываясь над их поведением, всадники въехали в воду и дали лошадям напиться.

Они спокойно сидели в седлах, когда Гендрику вдруг послышались какие-то странные звуки.

— Послушай! — сказал он. — Не понимаю, что это такое. Слышишь?

— Собака воет, — ответил Виллем.

— Где?

В первую минуту ни один из них не сумел ответить на этот вопрос, но потом Виллем заметил ловушку, от края которой разбежались собаки.

— Гляди, ловушка! — воскликнул он. — Наверно, зверь провалился туда. Ну, вот что: я его пристрелю, пускай зря не мучается.

— Правильно, — поддержал Гендрик. — Я ненавижу этих собак и вообще всяких хищников, но оставить животное подыхать с голоду просто жестоко. Убей его.

Виллем подъехал к ловушке и спешился. Они разговаривали не настолько громко, чтоб их можно было услышать, сидя в яме. Конго и Черныш в это время молчали, только собака выла от боли.

Заглянув в яму, Виллем увидел лишь зверя, который все еще висел на колу, и, прицелясь ему в глаз, выстрелил.

Последняя искра жизни угасла в несчастном звере; но вслед за выстрелом огромного ружья раздались два ужасающих вопля — так не завопит и дикая собака.

То кричали перепуганные негры: каждый вообразил, что следующая пуля угодит в него.

— Аренд! — воскликнул Виллем. Он тревожился о брате и ни о ком другом не думал. — Аренд! Это ты?

— Нет, баас Виллем. Это я, Конго.

Крепко держа свое длинное ружье за ствол, Виллем через отверстие протянул приклад Конго.

Конго ухватился за него обеими руками, и силач Виллем в один миг вытащил его из подземной тюрьмы.

Потом вытащили Черныша, и вот уже они, перемазанные, грязные, стоят друг против друга, и каждый наслаждается жалким видом соперника.

Постепенно пламя гнева, которое таилось в глубине глаз Конго, погасло, и суровое лицо его озарила, словно ясный день, широкая улыбка.

Наконец-то он на свободе, и, конечно, никто не виноват, что он так долго просидел в яме.

Черныш получил по заслугам за то, что радовался его беде, и теперь Конго готов все забыть и простить.

— Но где же Аренд? — спросил Виллем.

Даже смеясь над нелепым видом обоих негров, он не мог забыть, что брат его исчез.

— Не знаю, баас Виллем, — ответил Конго. — Я тут давно сижу.

— Но когда ты его видел в последний раз? — допытывался Гендрик.

Этого Конго не мог сказать: ему казалось, что он пробыл в недрах земли не один день.

От Черныша охотники узнали, что вскоре после того, как они уехали, Аренд отправился за лошадью, которая отбилась от остальных и бродила по равнине. А больше Черныш его не видел.

Солнце уже садилось, и, не тратя времени на пустые разговоры, Гендрик и Виллем опять вскочили на коней и поскакали туда, где Аренда видели в последний раз.

Они достигли опушки леса примерно в миле от лагеря, и, не зная, куда ехать дальше и что делать, Виллем выстрелил.

Выстрел прогремел по всему лесу, и теперь они с тревогой ждали ответа на свой сигнал. И ответ пришел. Но то был не выстрел и не голос исчезнувшего Аренда, нет, — сам лес отозвался голосами своих обитателей. Завопили стервятники, зацокали бабуины, зарычали львы.

— Что будем делать, Виллем? — спросил Гендрик.

— Прихватим с собой из лагеря Конго и Следопыта и вернемся сюда, — ответил Виллем и, повернув коня, поскакал на стоянку.

Гендрик двинулся за троюродным братом.

Глава VI

СЛЕДОПЫТ

Последний отсвет дня угас. Над долиной Лимпопо спустилась ночь, когда Гендрик и Виллем с зажженными факелами снова отправились на поиски исчезнувшего товарища. Теперь их сопровождали Конго и Следопыт.

Впереди бежал Следопыт — большая испанская ищейка. Впервые за время этого путешествия охотникам понадобилась его помощь, и он готов был исполнить то, что от него требовалось.

Он был еще совсем щенок, когда его привезли из одного португальского поселения на севере Африки. Виллем купил его, а Конго окрестил Следопытом.

Во время долгого путешествия из Грааф-Рейнета этот пес причинял гораздо больше беспокойства, чем все остальные собаки. Он хуже всех переносил голод и жажду, раньше всех уставал и не раз пытался удрать от своих хозяев.

Теперь его взяли с собой в надежде, что он сумеет возместить все то беспокойство, которое причинял дорогой.

Они направились вдоль опушки леса, рассчитывая, что где-то здесь должен был проехать Аренд в погоне за отбившейся лошадью, и действительно напали на след его коня и второй лошади.

Следы вели в лес. Они шли по хорошо утоптанной тропе — ее, очевидно, проложили буйволы и другие животные, проходя к реке на водопой. С обеих сторон к тропе подступал густой колючий кустарник. Кое-где он был совсем непроходим. С тропы все равно нельзя было свернуть ни вправо, ни влево, и некоторое время они обходились без помощи собаки. Впереди шел Конго.

— Ты уверен, что здесь прошли обе лошади? — спросил его Виллем.

— Да, баас Виллем, — ответил Конго. — Две прошли.

— Лучше бы уж Аренд послал ту лошадь ко всем чертям — она не стоила того, чтобы лезть за ней в такие дебри, — сказал Виллем, обернувшись к Гендрику.

Они пробирались сквозь чащу около полумили и наконец выехали на прогалину; тропа здесь обрывалась, и следы расходились в разные стороны. Охотники снова отыскали отпечатки копыт лошади Аренда, спустили ищейку с поводка, и она тотчас пошла по следу.

В отличие от большинства ищеек, Следопыт не кидался вперед, оставляя человека далеко позади. Каза-

лось, он понимал, что и для него самого и для хозяина будет лучше держаться поближе друг к другу. Поэтому Конго без труда поспевал за умным псом.

Уверенные, что скоро они узнают что-нибудь о судьбе потерявшегося товарища, охотники то и дело окликали и поторапливали собаку.

Вскоре до них донеслись яростные вопли и рычание: впереди, в нескольких ярдах от них, не поделили чего-то дикие звери. Эти звуки охотники слышали уже не раз и тотчас поняли, что они означают.

Лев и стая гиен сошлись над телом какого-то большого животного. Тушей, конечно, завладел царь зверей, и гиены не вступали в драку, а только жаловались на своем, гиеньем, языке. Грозное рыкание льва и отвратительный хохот гиен слышались всего в нескольких ярдах, там, куда вел охотников Следопыт.

Взошла луна, и в лунном свете они вскоре увидели тех, кто поднял весь этот шум. Гиены — их было с десяток — визжали и лаяли на гигантского льва, а он лежал, подмяв под себя какое-то темное тело и, очевидно, пожирал его. Когда охотники подъехали ближе, гиены немного отступили.

— Похоже, что это лошадь, — прошептал Гендрик.

— Несомненно, — ответил Виллем, — вон седло. Господи! Да ведь это лошадь Аренда! Где же он сам?

Между тем Следопыт был уже в каких-нибудь пятнадцати шагах от льва и начал угрожающе лаять, словно приказывая ему прервать свою трапезу. Но лев по-прежнему лежал неподвижно и удостоил Следопыта лишь грозным рыканием.

— Надо или убить его, или прогнать, — сказал Виллем. — Как по-твоему?

— Убьем, — ответил Гендрик. — Так будет вернее.

Виллем и Гендрик неслышно соскользнули с седел на землю, отдали поводья Конго — и вот они уже бок о бок крадутся вперед. Курки взведены, и Следопыт неслышно движется за ними по пятам.

Они подкрались к льву, они уже в пяти шагах от него, а он все еще не тронулся с места. Заметив людей,

он только перестал есть и низко припал к трупу лошади, словно готовясь кинуться на них.

— Ну? — прошептал Гендрик. — Стреляем?

— Стреляем!

Оба одновременно спустили курки, и два выстрела слились в один.

В ту же секунду Гендрик и Виллем инстинктивно кинулись в стороны, спасаясь от последнего прыжка зверя. Лев со страшным рычанием бросился на них, одним махом перелетел расстояние в добрых двадцать футов — и тяжело рухнул наземь между Виллемом и Гендриком. То был его последний прыжок, больше он уже не поднялся.

Даже не дав себе труда проверить, убит ли зверь или еще дышит, они кинулись к останкам лошади.

Да, это лошадь Аренда, но никаких следов всадника не видно. Какая бы судьба ни постигла его, ничто не говорило о том, что он убит вместе со своей лошадью. Оставалась надежда, что он спасся, хотя после того, как были найдены останки лошади, страх его друзей еще усилился.

— Надо разобраться, — предложил Гендрик, — где убили лошадь — здесь или в другом месте. Может быть, лев уже после притащил ее сюда.

Конго внимательно осмотрел все вокруг и объявил, что лошадь убита на этом самом месте и убил ее лев.

Это было уже странно.

При дальнейшем расследовании обнаружили, что одна нога лошади опутана поводом. Это немного объяснило происшедшее, иначе трудно было бы понять, каким образом такое быстроногое животное, как лошадь, могло на открытом месте попасться в лапы льву.

— Тем лучше, — сказал Виллем. — Значит, Аренд спешился, не доехав до этой поляны.

— Верно, — отозвался Гендрик. — Теперь надо найти, где он расстался с лошадью.

— Поедем назад, — сказал Виллем, — и повнимательнее рассмотрим следы.

Разговаривая, охотники перезарядили ружья, вскочили на коней и уже готовы были повернуть назад.

— Баас Виллем, — сказал вдруг Конго, — пускай Следопыт порыщет здесь.

Виллем согласился, и Конго, взяв собаку на поводок, двинулся по прогалине, описывая широкий круг, посреди которого лежала убитая лошадь.

Дойдя до того края поляны, где они еще не были, Конго позвал их.

Охотники подъехали и снова увидели след лошади Аренда — он вел от места, где сейчас лежали ее останки, в сторону, противоположную лагерю.

Значит, сперва лошадь промчалась мимо того места, где сейчас лежит ее труп. Вероятно, она потеряла седока где-то дальше, а когда возвращалась в лагерь, на нее напал лев.

Следопыт снова пошел по следу, Конго не отставал от него ни на шаг, а за ним ехали охваченные нетерпением Виллем и Гендрик.

Но вернемся в лагерь и отыщем след пропавшего охотника способом более верным, чем даже острый нюх Следопыта.

Глава VII

ПРОПАВШИЙ ОХОТНИК

Когда Аренд подъехал к отбившейся вьючной лошади, она паслась на опушке широко разросшейся чащи и уходила все дальше от лагеря.

Она явно не желала, чтобы ее поймали. Завидев охотника, она кинулась в глубь чащи по тропе, протоптанной дикими зверями.

Аренд поскакал за ней.

Слишком узкая тропа не давала ему возможности обойти беглянку, потерять же ее ему не хотелось, и он ехал следом, надеясь, что тропа станет шире и тогда он сможет обойти ее и погнать назад в лагерь.

Наконец отбившаяся лошадь вышла из зарослей и очутилась на поляне, поросшей невысоким вереском, сплошь усыпанным белыми цветами. Казалось, надежда охотника вот-вот сбудется.

Теперь уже можно было не следовать за беглянкой по пятам, и, пришпорив своего коня, Аренд попытался обойти ее. Но она, видно, вспомнила в эту минуту о тяжелом вьючном седле и припустилась галопом.

Аренд погнался за ней. Проскакав почти до конца поляны, беглянка на мгновение замерла на месте и, прянув в сторону, помчалась в другом направлении.

Аренд удивился, но тотчас понял, в чем дело: прямо на них, видимо направляясь к реке, шел огромный черный носорог.

Испуганная лошадь поспешила уступить ему дорогу, и, будь ее преследователь достаточно благоразумен, он поступил бы так же. Но ведь Аренд ван Вейк был охотник, притом человек военный, и, завидев носорога, который подставляет себя под выстрел, он, разумеется, не устоял от искушения выстрелить.

Осадив коня, — вернее, только попытавшись осадить, ибо, почуяв опасность, конь заупрямился и не стоял на месте, — Аренд спустил курок. Того, что за этим последовало, он и не ждал и не желал. Взревев, точно разъяренный бык, чудовище повернулось и кинулось на всадника.

Аренду оставалось только спасаться бегством, а носорог кинулся вдогонку, и по всему было видно, что хоть он и ранен, но не слишком серьезно и вполне способен отомстить за себя.

Расстояние, отделявшее преследователя от преследуемого, было с самого начала очень невелико, но, вместо того чтобы круто свернуть в сторону и пропустить чудовище — а охотник непременно должен был это сделать, потому что носороги плохо видят, — Аренд скакал все вперед и вперед, пытаясь на скаку перезарядить ружье.

Аренд совершил эту ошибку не потому, что растерялся или не знал, как поступить, — нет, просто он был слишком беспечен, легкомыслен и воображал, что носорогу нипочем не догнать его. Он всегда был удачлив, а удача слишком часто порождает самоуверенность и ведет к беде, которую человек более осторожный может избежать.

Внезапно конь Аренда остановился на всем скаку, налетев на заросли колючего кустарника, который в Южной Африке прозвали «постой-погоди». Коню Аренда и впрямь пришлось задержаться на минутку, да на такую долгую, что носорог совсем нагнал его.

И уже не было ни времени, ни возможности свернуть ни вправо, ни влево.

Наконец-то Аренд зарядил ружье, но теперь убить носорога с одного выстрела было трудно: ведь не так-то просто прицелиться, когда сидишь на испуганном коне.

И чтоб стрелять вернее, Аренд на ходу соскочил на землю. К тому же он надеялся, что носорог, не заметив его, побежит за лошадью.

Поле зрения носорога очень невелико; но, к несчастью, когда испуганная лошадь пронеслась дальше, на глаза носорогу попался сам охотник.

Аренд поспешно вскинул ружье, выстрелил и кинулся к росшей поблизости купе деревьев.

За спиной он слышал тяжелый топот — носорог настигал его. Казалось, от этого топота содрогается земля. Он слышался ближе, ближе, вот уже так близко, что и оглянуться нельзя. Аренду чудится, что он уже ощущает всей спиной дыхание зверя. Спасение только одно: неожиданно метнуться в сторону, тогда носорог с разгону промчится мимо.

Аренд так и сделал: он внезапно свернул вправо и только тут увидел, что еще мгновение — и зверь поддел бы его рогом.

Эта хитрость позволила ему хоть на мгновение оторваться от преследователя. Но вот разъяренный носорог уже снова гонится за ним, и совсем незаметно, чтоб он устал, а охотника уже измучила эта бешеная гонка, и он чувствует, что его ненадолго хватит. Собрав последние силы, Аренд еще раз увернулся от носорога, и тут ему повезло: он очутился прямо перед поверженным стволом огромного баобаба. Когда-то сильная буря свалила его, и теперь он лежал, упираясь в землю с одной стороны корнями, с другой — обломанными при падении ветвями, так что между стволом и землей оставался просвет фута в два.

С разбегу кинувшись наземь, Аренд проскользнул под деревом, и как раз вовремя: еще мгновение — и длинный рог вонзился бы ему в спину.

Теперь можно перевести дух и хоть немного прийти в себя. Да, баобаб защитит его. Даже если носорог обежит вокруг дерева, достаточно Аренду снова проползти под стволом — и он опять недосягаем для страшного рога. Человек свободно проползал под стволом, а для носорога щель была слишком узка. Переползая с одной стороны на другую, ничего не стоило спастись от носорога. Другого выхода у Аренда не было, ибо, увидев за стволом человека, разъяренное чудовище обежало вокруг корней упавшего баобаба и возобновило атаку.

Носорог несколько раз то с одного, то с другого конца обежал дерево, и Аренду не сразу удалось поразмыслить над своим положением. Он надеялся, что носорог устанет от этих бесплодных попыток и либо уйдет сам, либо даст уйти человеку.

Но его надежде не суждено было сбыться. Рассвирепевший от ран зверь, казалось, был непреклонен: прошло уже больше часа, а он все бегал вокруг дерева, тщетно пытаясь добраться до охотника. Аренд с легкостью избегал этих атак. У него оставалось довольно времени для размышлений, и он старался придумать какую-нибудь хитрость, чтобы избавиться от носорога.

Первое, что пришло ему в голову, — это воспользоваться оружием. Дотянуться до ружья было нетрудно, оно лежало там, где Аренд уронил его, когда впервые нырнул под дерево, но зарядить его он не смог — пропал шомпол.

Когда он в последний раз заряжал ружье, носорог так неожиданно кинулся на него, что он не успел положить шомпол на место и, видно, уронил его на поляне. Это было очень некстати, и некоторое время молодой охотник не мог ничего придумать. Он лишь перекатывался из стороны в сторону под стволом баобаба, увертываясь от осаждавшего его зверя.

Но вот наконец носорог то ли устал, то ли понял всю бессмысленность своих атак. Однако жажда мести была по-прежнему сильна в нем: он и не думал уходить.

Наоборот, он стал у баобаба, да так, чтобы видеть все, что происходит по обе стороны ствола, — он, видно, решил остаться здесь и дождаться случая, когда можно будет расправиться со своей жертвой.

Молча, во все глаза носорог следил за молодым охотником, а тот старался придумать, как бы ему выбраться из осады.

Глава VIII

ИЗБАВЛЕНИЕ

Солнце село, над вершинами деревьев взошла луна, а носорог, казалось, все так же жаждал мести, как в ту минуту, когда он был ранен.

Долгие часы Аренд терпеливо ждал, что голод или что-либо другое отвлечет зверя от мыслей о мести и он уйдет. Но он напрасно надеялся. Боль от ран заставляла носорога забывать и голод и жажду; желание отомстить было сильнее всего. Он неотступно и зорко стерег Аренда, поэтому тот не решался ни на миг высунуться из своего убежища. Стоило ему шевельнуться — и носорог тотчас настораживался.

Время шло, а охотник все не мог придумать, как же ему выбраться отсюда. Но наконец его осенило.

Пускай без шомпола он не может зарядить свое ружье пулей, но можно пороховой вспышкой ослепить носорога или хотя бы сильно испугать его и, улучив минуту, незаметно ускользнуть. Прекрасный план, и такой простой, — как это он раньше не додумался?

Аренд без труда засыпал в ствол двойную порцию пороха, а чтобы он не высыпался из дула, пока выдастся удобный случай выстрелить, заткнул отверстие сухой травой. Случай скоро представился: голова носорога оказалась в каких-нибудь двух футах от дула, и, старательно прицелившись прямо в глаз, охотник спустил курок.

Громко застонав от ярости и боли, носорог кинулся к человеку и, в бешенстве напрягая все силы, попытался перевернуть ствол баобаба — но безуспешно.

Огонь уже подбирался к Арнду..

«Еще выстрел, в другой глаз, — подумал Аренд, — и я свободен».

Он принялся было опять сыпать порох в дуло ружья, но тут вдруг заметил новую опасность. Комок сухой травы, при выстреле вылетевший из дула, воспламенился и поджег листья, которые устилали землю вокруг. Они мгновенно вспыхнули, огонь стремительно распространился во все стороны и уже подбирался к Аренду.

Ствол баобаба больше не мог защитить его. Еще минута — и дерево будет объято пламенем. Медлить — значит погибнуть в огне. Выбирать не приходилось, оставалось лишь одно: вскочить и спасаться бегством.

Нельзя было терять ни секунды. Аренд выскользнул из-под дерева и со всех ног кинулся бежать. Он мог бы удрать незаметно для носорога, но сама судьба, как видно, была против него. Не пробежав и двадцати шагов, он почувствовал за спиной погоню.

Увидал ли носорог Аренда своим единственным глазом, услыхал ли его шаги своим острым слухом, но только он мчался за ним по пятам, да так быстро, что в конце концов неминуемо должен был нагнать свою жертву.

Охотник снова был на грани отчаяния. Сама смерть гналась за ним. Еще несколько секунд — и зверь подденет его своим ужасным рогом. Если б не властная любовь к жизни, любовь, которой движимо все живое, он покорился бы судьбе, но это чувство помогло ему держаться.

Он уже готов был в полном изнеможении упасть на землю, но тут до его слуха, точно желанный привет, донесся глухой лай ищейки и вслед за тем чей-то крик:

— Глядите, баас Виллем! Кто это бежит?

Секунда, другая — и носорог больше не гонится за Арендом. Следопыт с громким, яростным лаем скачет перед самым носом зверя — и тот уже не замечает ничего, кроме собаки.

Еще через две секунды подскакали Виллем и Гендрик, а там не прошло и полминуты, как носорог получил пулю из тяжелого ружья и медленно осел на землю. Он был мертв.

Виллем и Гендрик соскочили с коней и так горячо пожимали Аренду руки, словно не виделись с ним долгие годы.

— Что это значит, Аренд? — с добродушной насмешкой спросил Гендрик. — Неужели носорог гнался за тобой все эти двенадцать часов?

— Ну да.

— И долго еще это могло продолжаться, по-твоему?

— Секунд десять, — с полной уверенностью ответил Аренд.

— Прекрасно, — сказал Гендрик. Обрадовавшись избавлению друга, он не прочь был поострить. — Теперь мы знаем, какой ты бегун. Ты можешь выдержать носорожьи гонки ровным счетом двенадцать часов и десять секунд.

Виллем был так счастлив, что не произнес ни слова, пока они не вернулись к месту, где оставался убитый лев.

Тут они остановились, чтобы снять с погибшей лошади седло и сбрую.

Виллем предложил переночевать здесь: ведь если возвращаться узкой тропой, которая ведет на равнину, можно столкнуться с буйволами, носорогами или слонами, и в темноте звери просто затопчут их всех.

— Верно, — подтвердил Аренд. — Конечно, лучше бы остаться здесь до рассвета, если бы не два обстоятельства. Во-первых, я умираю с голоду и мечтаю об отбивной из антилопы, которую я подстрелил утром.

— Я бы тоже не прочь, — сказал Гендрик, — но шакалы уже позаботились о твоей антилопе.

Он рассказал Аренду обо всем, что произошло в его отсутствие, и очень насмешил его злоключениями Черныша и Конго.

Потом Аренд поведал о том, что выпало в этот день на его долю, и кончил так:

— Что и говорить, прекрасное приключение для начала. Но только до сих пор от нашей экспедиции что-то мало толку.

— Надо спуститься вниз по реке, — сказал Виллем. — Ведь мы всё еще не напали на след гиппопота-

мов или жирафов. Будем идти вперед, пока не разыщем их. Хватит с меня львов, носорогов и слонов!

— Да, а еще почему ты хочешь вернуться в лагерь? — спросил Аренда Гендрик.

— Что же, по-твоему, наш милый Ганс не человек, думаешь — он не волнуется? — ответил Аренд вопросом на вопрос.

— А, вот ты о чем!

— Ну да. Наверно, он сейчас прямо с ума сходит от страха за нас.

Все согласились, что надо ехать в лагерь. Седло и сбрую с убитой лошади положили на плечи Конго и двинулись в путь. Поздно ночью они вернулись в лагерь, и, как и предполагал Аренд, их нетерпеливо ждал Ганс, безмерно встревоженный их долгим отсутствием.

Глава IX

СЛУЧАЙ НА ДОРОГЕ

Поутру охотники снялись со стоянки и двинулись вниз по реке; на следующий день они продолжали путь в том же направлении.

Когда они миновали брод, где впервые переправились через Лимпопо, Виллем и Конго почти на милю опередили остальных. Виллем ускакал так далеко вперед потому, что хотел пристрелить какую-нибудь дичь, достойную внимания, пока ее не спугнули.

Время от времени перед ним пробегало небольшое стадо антилоп, которыми так богата Южная Африка, но знаменитый охотник едва удостаивал их взглядом. Он думал лишь о том, чтобы отыскать место, где водятся гиппопотамы и жирафы.

На пути то и дело попадались высокие деревья. Некоторые из них были сверху донизу обвиты растениями-паразитами, и это делало их похожими на гигантские башни или на обелиски. Под одним из деревьев, росшим у реки, в трехстах метрах впереди, Виллем увидел буйволицу с теленком.

Солнце клонилось к закату; близился час, когда мясо буйволенка было бы очень кстати и самим охотникам и их собакам.

Приказав Конго оставаться на месте, Виллем с подветренной стороны направился к буйволице и, прячась за кустами, стал подбираться к ней. Он знал, что буйволица очень пуглива, особенно когда с ней теленок, и двигался с величайшей осторожностью. Знал он и то, что ни одно животное не защищает своего детеныша так яростно и бесстрашно, как буйволица, и поэтому он не желал промахнуться; лучше не вступать в поединок с буйволицей, а этого не избежать, если не убьешь, а только ранишь ее. Виллем подъехал настолько близко, насколько позволяли кусты, прицелился в сердце животного и выстрелил.

Вопреки ожиданиям, буйволица не упала и не бросилась бежать, она только вопросительно посмотрела в ту сторону, откуда раздался выстрел.

Охотники недоумевали. Что за странность? Если Виллем промахнулся, почему же буйволица не убегает вместе со своим детенышем?

«Подкрадываться к ней бессмысленно, — подумал Виллем. — Она так же мало склонна двинуться с места, как вон то дерево».

И, быстро перезарядив ружье, он бесстрашно поскакал вперед, уверенный, что буйволица от него не уйдет. Казалось, она и в самом деле не думает бежать; но стоило ему подъехать ближе, и она, рассвирепев, кинулась к нему — остановила ее лишь вторая пуля, которая угодила ей прямо в лоб. Буйволица еще раз рванулась вперед, но ноги у нее подогнулись, и она рухнула мертвая, как обычно падают буйволы: брюхом наземь, раскинув ноги, а не опрокинулась на бок, как другие звери.

Следующим выстрелом Виллем прикончил теленка, который жалобно мычал подле матери.

Подошел Конго и, осмотрев теленка, увидел, что одна нога у него сломана. Вот почему буйволица не пыталась спастись бегством. Детеныш не мог ходить, и материнский инстинкт заставил ее остаться с ним.

Перезаряжая ружье, Виллем услышал громкий шорох среди лиан, обвивших дерево, под которым стояли они с Конго. Что-то большое зашевелилось в ветвях. Что бы это могло быть?

— Отойди! — крикнул Виллем Конго, отскакивая от дерева и в то же время вкладывая пулю в ружье.

Отбежав на десять — двенадцать шагов, он обернулся и приготовился встретить неизвестного зверя, скрывавшегося в ветвях. Но перед ним оказался какой-то высокий человек. Он спрыгнул вниз в ту минуту, когда Виллем отбегал от дерева.

Одежда и весь вид этого человека обличали в нем африканца, но он не принадлежал ни к одному из тех отсталых племен, которыми так богата Африка. То был человек лет сорока, высокий, крепкий, с правильными чертами лица, выражавшими ум и отвагу. Лицо не черное, а цвета дубленой кожи, и волосы больше походили на волосы европейца, чем негра.

Все это молодой охотник заметил в первые несколько секунд: разглядывать дольше он и не мог, ибо человек, так внезапно появившийся перед ним, тотчас же сорвался с места и побежал; молодой охотник подумал было, что он испугался. Но нет, на лице его не было страха. Видно, какое-то другое чувство подгоняло его.

Так и оказалось, и Конго понял это первый. Человек со всех ног бежал к реке.

— Вода, вода! — закричал Конго. — Он хочет пить!

Конго был прав, они скоро убедились в этом. Проследив взглядом за незнакомцем, они увидели, что он бросился в реку, припал к воде и стал жадно пить.

Между тем Гендрик и Аренд, услышав выстрелы, испугались, не случилось ли чего-нибудь, и поскакали вперед, оставив вьючных лошадей на попечение Ганса и Черныша.

Они подъехали в ту минуту, как африканец, утолив жажду, вернулся к дереву, где стояли Виллем и Конго.

Не обращая ни малейшего внимания на всех остальных, африканец подошел к Виллему и с величайшим достоинством, какое свойственно почти всем полудиким народам, стал что-то говорить ему. Он, видно, считал се-

бя обязанным поблагодарить за свое освобождение, все равно поймут его или нет.

— Конго, ты что-нибудь понимаешь? — спросил Виллем.

— Да, баас Виллем, немного, — ответил Конго и как умел пересказал речь африканца.

Он говорил, что обязан Виллему жизнью и теперь готов принести в дар своему спасителю все, чего бы тот ни пожелал.

— Прекрасное обещание, — насмешливо сказал Гендрик. — Надеюсь, Виллем не станет слишком жадничать и оставит что-нибудь человечеству.

Подъехали Ганс и Черныш с вьючными лошадьми, и неподалеку от того места, где была убита буйволица, путешественники стали располагаться на ночь.

Работы хватило на всех — одни собирали сучья для костра, другие готовили все для ночлега, а Чернышу поручили освежевать и зажарить теленка. Пока он стряпал, охотники с помощью Конго, который выступал в роли толмача, подробно расспросили незнакомца о том, что за приключение привело его в их лагерь. Рассказ его был удивителен.

Глава X

МАКОРА

В осанке и речи африканца была некоторая надменность, и это не ускользнуло от внимания слушателей. Все стало понятно, когда они узнали, кто он такой; а начал он с того, что правдиво и подробно рассказал о себе.

Зовут его Макора, он вождь. Племя его принадлежит к великому народу макололо, но живет отдельно. Их деревня, крааль, находится неподалеку отсюда.

Накануне он с тремя своими подданными отправился в каноэ вверх по реке на поиски одного растения, которое встречается в этих местах, — из него добывают яд для стрел и копий. Проходя неглубоким местом, они увидели гиппопотама — он бродил по дну реки, словно буйвол, пасущийся на равнине, — и решили убить его.

Но гиппопотам неожиданно всплыл наверх, опрокинул каноэ, и Макоре пришлось плыть к берегу, а ружье, за которое он когда-то отдал восемь слоновых бивней, пропало.

Своих спутников он не видел с той минуты, как опрокинулась лодка.

Он добрался до берега и здесь повстречал стадо буйволов, буйволиц и телят, которое направлялось к реке. Заметив человека, они тотчас повернули назад, и один из буйволов случайно сбил с ног теленка, да так сильно ударил его при этом, что теленок уже не мог бежать вместе со всеми. Заметив, что детеныш отстал, мать вернулась назад и обратила весь свой гнев на Макору. Преследуемый разъяренной буйволицей, которая жаждала отомстить за беду, приключившуюся с ее детенышем, вождь кинулся к ближнему дереву.

Едва он успел скрыться среди ветвей, как подбежала буйволица. С большим трудом сюда приковылял и теленок. Двигаться дальше он не мог, а мать не хотела его оставить. Так Макора очутился на дереве. Несколько раз он пытался спрыгнуть и ускользнуть, но всякий раз убеждался, что буйволица подстерегает его, готовая поднять на рога. Макору терзала нестерпимая жажда, когда наконец раздался первый выстрел Виллема, возвестивший, что помощь близка.

В заключение вождь пригласил охотников пойти с ним наутро в его деревню. Он обещал оказать им поистине королевское гостеприимство. Крааль его был недалеко, вниз по реке, и приглашение тотчас приняли.

— Одно место в его рассказе очень меня радует, — заметил Виллем. — Стало быть, неподалеку от нашего лагеря есть или, во всяком случае, был гиппопотам, и, может быть, скоро нам удастся начать долгожданную охоту.

— Спроси-ка у него, Конго, — попросил Гендрик, — много ли в этих местах бегемотов.

Вождь ответил, что здесь их почти не видно, но если ехать день вниз по реке, попадешь в большую проточную лагуну, вот там бегемотов — как звезд на небе.

— Как раз то, что нам нужно! — сказал Виллем. — Теперь спроси его о жирафах, Конго.

— Нет, пусть они не надеются найти жирафов в этой части Лимпопо, — ответил Макора. Он слышал, что кто-то когда-то видел здесь жирафа или двух, но они, видно, заблудились, а вообще жирафы тут не водятся.

— Спроси его, не знает ли он, где они водятся, — попросил Виллем.

Казалось, он интересовался жирафами больше, чем все его спутники.

Макора не мог или не пожелал ответить на этот вопрос сразу. Он немного подумал и начал издалека. Его родина, сказал он, родина его племени, далеко отсюда, на северо-западе, но великий тиран, король зулусов Мосиликатсе, изгнал их из родного края, захватил их земли и всех мелких вождей обложил данью.

Потом Макора рассказал, что каким-то таинственным образом он потерял расположение Секелету и других великих вождей своего народа, они отказали ему в покровительстве, и вместе со своим племенем он вынужден был бросить родной дом и переселиться в те места, куда он теперь поведет своих новых знакомых.

— Но я совсем не об этом спрашивал! — сказал Виллем.

Он и у себя на родине никогда не интересовался политикой, а уж до взаимоотношений африканских князьков ему и вовсе не было дела.

Когда Макору снова спросили о жирафах, он ответил, что нигде нет такого множества жирафов, как в его родных местах, откуда он изгнан по произволу великого вождя зулусов. Дома он охотился на жирафов с детства.

Тут беседу прервал Черныш.

— Мясо готово, — провозгласил он, — пора приниматься за еду.

И он разложил перед охотниками и гостем добрых десять фунтов телячьих отбивных.

Макора, который, судя по всему, очень терпеливо ждал, пока поджарятся отбивные, приступил к еде тоже довольно спокойно. Но скоро выдержка изменила ему.

Он ел с жадностью и съел больше, чем все четыре охотника вместе. Но при этом он просил извинить его за прожорливость — ведь почти двое суток у него и маковой росинки во рту не было.

Наконец все поужинали, улеглись у костра и скоро уснули.

Ночь прошла спокойно. Поднялись они вскоре после восхода, но не все в одно время: один человек встал и ушел на час раньше остальных. То был Макора, их вчерашний гость.

— Эй, Черныш, Конго! — закричал Аренд, увидев, что вождя нет в лагере. — Поглядите, все ли лошади на месте! Похоже, что он вчера наврал нам с три короба и в придачу обокрал нас.

— Кто? — спросил Виллем.

— Твой друг, вождь. Он пропал, и хорошо, если у нас больше ничего не пропало.

— Не знаю, куда он девался, но даю голову на отсечение, что он честнейший человек и все, что он рассказал, чистая правда! — воскликнул Виллем с необычайной горячностью, которая всех удивила. — Он вождь, это у него на лице написано, а почему он исчез, просто понять не могу...

— Ну, разумеется, он вождь, — насмешливо сказал Гендрик. — Здесь каждый африканец, у которого есть семья, уже вождь. Правду он говорил или нет, а только это ни на что не похоже — удрать, не сказавшись.

Ганс промолчал, он не имел обыкновения говорить о том, чего не знал; а Черныш, убедившись, что лошади, ружья и все остальное имущество цело, объявил, что еще никогда в жизни он не был так озадачен.

В лагере ничего не пропало, и все-таки Черныш был совершенно уверен, что всякий, кто разговаривает на одном из тех африканских наречий, которые понимает Конго, не устоит, если ему представится случай что-нибудь украсть.

Лошадям дали попастись еще часок, а сами охотники сели завтракать телятиной; потом наши путешественники снялись со стоянки и снова двинулись вниз по течению Лимпопо.

Глава XI

КРААЛЬ МАКОРЫ

Часа через три охотники подъехали к месту, по виду которого можно было безошибочно заключить, что здесь не раз побывал человек.

Небольшие пальмы были срублены, стволы исчезли, а верхушки валялись на земле. Слоны, жирафы и другие животные, питающиеся листвой, обглодали бы верхушки и уж, во всяком случае, не рубили бы пальмы топором, а следы его ясно виднелись на пнях. Еще через полмили путники увидели возделанные поля. Очевидно, неподалеку жили люди, достигшие известной степени умственного развития.

— Глядите! — воскликнул Аренд. — К нам идет какая-то толпа...

Все взгляды обратились в ту сторону, куда смотрел Аренд.

По гребню горной гряды, тянувшейся к северу, приближалось человек пятьдесят.

— Может, они замышляют недоброе? — сказал Ганс. — Что будем делать?

— Поскачем им навстречу,— предложил Гендрик.— Если они нам враги, это не наша вина. Мы им ничего плохого не сделали.

Когда толпа приблизилась, охотники узнали своего недавнего гостя, ехавшего впереди верхом на быке. Он обратился с приветствием к Виллему, и Конго перевел его речь.

— Я приглашаю тебя в мой крааль, — сказал Макора, — и пусть твои друзья идут с тобой. Я ушел ранним утром, я спешил домой, чтобы достойно встретить того, кто стал другом Макоры. Лучшие, храбрейшие сыны моего народа пришли приветствовать тебя.

После этого они все вместе двинулись к деревне, которая была неподалеку. На окраине сотни полторы женщин встретили их песней. Заунывный, негромкий напев походил на колыбельную песнь, которой мать убаюкивает дитя.

По гребню горной гряды приближалось

Дома в селении были построены, как строят частокол: высокие жерди, отвесно вбитые в землю, были переплетены камышом или длинной травой и затем обмазаны глиной. Охотников провели мимо домов на середину деревни, к длинному навесу; здесь расседлали лошадей и пустили их пастись.

Хотя у подданных Макоры было всего три часа сроку, они успели к прибытию гостей подготовить настоящий пир.

Чем только не угощали молодых охотников! Тут были и жареная антилопа, и узкие полосы вяленого мяса, и тушеное мясо гиппопотама и буйвола, и сушеная рыба, и жареные зерна зеленого маиса с медом диких пчел, и тушеная тыква, и дыни, и вдоволь отличного молока.

Охотников и всех, кто был с ними, угощали от всей души. Даже собак накормили до отвала. А Конго и Черныша нигде и никогда еще не окружали таким почетом.

человек пятьдесят туземцев.

После обеда Макора объявил гостям, что теперь собирается их развлечь; а чтобы они могли по-настоящему насладиться зрелищем, он вместо пролога рассказал, что им предстоит увидеть.

После того как гиппопотам опрокинул лодку, рассказывал Макора, его спутники вернулись домой и принесли весть о постигшем их несчастье. Племя отправилось на розыски, но, так как вождя не нашли, все решили, что либо он утонул, либо его убил гиппопотам. Итак, было признано, что Макора погиб; тогда Синдо, один из первых людей племени, провозгласил себя вождем.

Утром, когда Макора вернулся к своему племени, узурпатор Синдо еще не выходил из дома и не успел узнать о возвращении вождя. Дом его окружили и самого его взяли под стражу. Теперь, крепко связанный и зорко охраняемый, Синдо ждал казни. Вот это зрелище и предстояло увидеть охотникам. У охотников не было ни малейшего желания присутствовать при казни, но,

уступая настояниям вождя, они вместе с ним направились к тому месту, где она должна была совершиться. Синдо был привязан к дереву на окраине деревни. Едва ли не все здешние жители пришли поглядеть, как расстреляют узурпатора, — ибо Синдо приговорили к расстрелу.

Синдо был довольно красив. Ему можно было дать лет тридцать пять. Лицо его не выражало никаких дурных наклонностей, и охотники невольно подумали, что он, наверно, виновен всего лишь в чрезмерном честолюбии.

— Не можем ли мы избавить его от такой страшной участи? — спросил Виллема Ганс. — По-моему, ты имеешь некоторое влияние на вождя.

— Попытка не пытка, — ответил Виллем. — Посмотрим, что я могу сделать.

Синдо должны были застрелить из его собственного мушкета. Был уже назначен палач и сделаны необходимые приготовления, но тут Виллем подошел к Макоре и стал просить его помиловать Синдо.

Он говорил, что Синдо не совершил большого преступления; вот если б он затеял заговор, чтобы свергнуть Макору и самому занять его место, это было бы совсем другое дело. Тогда бы он заслуживал смерти.

Потом Виллем сказал, что, если бы он, Макора, в самом деле погиб, кто-то ведь должен был стать вождем, и нельзя упрекать Синдо за то, что он хотел править племенем, как правил Макора, чтобы все были довольны.

Виллем просил Макору сохранить Синдо жизнь. Свою просьбу он подкрепил обещанием: если Синдо останется жив, Макоре подарят ружье взамен потерянного в реке.

Макора долго молчал, но наконец ответил, что он никогда не будет чувствовать себя в безопасности, если узурпатор останется с племенем.

Виллем сказал, что его можно изгнать из крааля и под страхом смерти запретить возвращаться сюда.

Макора еще поколебался, но потом вспомнил, что он обещал сделать все, чего ни пожелает тот, кто избавил

его от заточения на дереве, и согласился. Синдо была дарована жизнь при условии, что он сразу же и навсегда покинет крааль Макоры.

Соглашаясь помиловать Синдо, вождь желал, чтобы все поняли, что он делает это из благодарности к своему другу, белому великану-охотнику. Он не желал, чтобы подумали, будто жизнь Синдо куплена ценой ружья.

Все подданные Макоры, в том числе и сам осужденный, были поражены его решением, ибо ни о чем подобном в этих краях и не слыхивали.

Милосердие Макоры и его отказ от ружья, которым хотели его подкупить, убедили молодых охотников, что он не чужд благородства.

Синдо и вся его семья немедленно покинули крааль. Они собирались искать пристанища у одного из родственных племен — там, конечно, Синдо будет осторожнее и не даст воли своему честолюбию.

В тот вечер Макора на все лады развлекал своих гостей. Был великолепный праздник — песни, танцы под звуки там-тама и однострунной африканской скрипки.

Затем условлено было, что на другой день охотников поведут туда, где водятся гиппопотамы, и все отправились спать.

Глава XII

ОХОТНИКИ ИССЛЕДУЮТ МЕСТНОСТЬ

Ранним утром, отблагодарив Макору за гостеприимство самым лучшим завтраком, какой только они могли приготовить, охотники отправились на поиски гиппопотамов.

Макора и четверо его соплеменников служили проводниками, а еще полсотни туземцев должны были помогать во время охоты. Вьючных лошадей и все свое имущество охотники взяли с собой, так как они не собирались возвращаться в крааль, хотя вождь очень уговаривал их остаться. Пусть его крааль будет им домом на все время, пока они охотятся поблизости.

Больше мили они ехали мимо маленьких маисовых полей, принадлежащих племени Макоры. Их обрабатывали женщины и подростки.

На своем веку охотники повидали немало бушменских, бечуанских и кафрских деревень и были удивлены признаками цивилизации в краю, куда не достигало влияние капских колонистов.

Спускаясь вниз по реке, они видели небольшие стада буйволов, винторогих антилоп куду и зебр. Наконец-то они добрались до мест, суливших им те самые приключения, которых они искали!

Примерно в пяти милях от деревни они вышли на поляну, густо заросшую травой. Макора предложил раскинуть здесь охотничий лагерь, так как густой лес, который виднелся ниже по реке, служил постоянным прибежищем для дичи всех видов, какие только водились в окрестностях.

Все согласились с Макорой, и туземцы быстро возвели на поляне ограду, чтобы внутри можно было безопасно расположиться лагерем. Молодые охотники тем временем тоже не сидели без дела.

На равнине, вдали, паслись антилопы. Гендрик и Аренд отправились пострелять их, чтобы было чем накормить людей Макоры.

А Виллем решил побывать в лесу, где, как ему сказали, водится дичь покрупнее. Он уехал в сопровождении Макоры и четверых его адъютантов, предоставив Чернышу и Конго позаботиться о вьючных лошадях и имуществе экспедиции и приглядывать за сооружением ограды.

Неподалеку от берега реки Макора и Виллем въехали в болотистую низину, поросшую густым лесом. Не успели они сделать и нескольких шагов по лесу, как увидели болотных козлов. До них было не больше трехсот ярдов, и, судя по тому, как спокойно они продолжали пастись, Виллем понял, что, хоть деревня племени макололо совсем близко, с ружьем в этих местах еще никто не охотился. На этих кротких животных не стоило тратить пули из громобоя, и Виллем проехал мимо, не причинив им вреда.

Вскоре он напал на тропу, которую протоптали звери покрупнее, проходя по ночам на водопой, и среди множества следов с радостью увидел следы гиппопотама. Несколько гиппопотамов, очевидно, ушли с реки всего два или три часа назад и, должно быть, паслись где-то неподалеку. Люди так редко нарушали покой этих животных, что они, вопреки обыкновению, вышли пастись днем.

Виллем, очень довольный тем, что наконец-то он добрался до места, где стоило остановиться на некоторое время, не стал забираться глубже в лес и решил для начала подстрелить одного из двух буйволов, которые лежали неподалеку в тени деревьев.

Оставив на попечение Макоры и его спутников свою лошадь и трех собак, Виллем направился к буйволам с подветренной стороны — он хотел оказаться между ними и лесом, чтобы преградить им путь, если они попробуют скрыться в чаще.

Виллем был слишком хороший охотник, чтобы потихоньку подкрадываться к буйволам и стрелять их спящими, поэтому, дойдя до намеченного места, он свистнул собак, чтобы они подняли буйволов и он мог бы выстрелить в них на бегу. Едва он подал сигнал, как раздались громкие вопли туземцев и выстрел из мушкета Макоры.

Что-то случилось: его конь сорвался с привязи и скачет по лугу, а испуганные туземцы кинулись врассыпную.

Бык, на котором сидел Макора, скакал едва ли не быстрей, чем конь Виллема. Все три собаки, услыхав призывный свист, неслись к хозяину. Кто-то гнался за ними — какой-то зверь преследовал их. Он продвигался вперед длинными скачками, низко припадая к земле, но при этом так долго собирался с силами для каждого нового прыжка, что расстояние между ним и собаками почти не уменьшалось.

Буйволы вскочили и галопом поскакали к лесу — они промчались в каких-нибудь пятидесяти шагах от Виллема. Но он не стал стрелять в них. Зверь, достойный большего внимания, быстро приближался к нему.

Глава XIII

ВЕРНЫЙ СМОК

Собаки, видимо, все еще не подозревали, что за ними гонится враг. Они слышали свист хозяина и, едва их спустили со сворки, кинулись выполнять команду.

Они подняли буйволов и, должно быть, вообразили, будто их позвали затем, чтобы догнать и уничтожить эту дичь. Ничего больше не замечая, они по пятам преследовали огромных четвероногих и промчались мимо Виллема всего в нескольких шагах, но он тщетно пытался отозвать их. А через минуту ему было уже не до собак.

Животное, которое преследовало собак и от которого спасались бегством Макора и его спутники, оказалось огромным леопардом. То была самка, и охотник тотчас сообразил, что произошло.

Она оставила детенышей в своем логове в лесу, а сама пошла к реке — напиться и поесть. И теперь она не погналась ни за Макорой, ни за его спутниками — ведь собаки бежали сейчас как раз туда, где скрывались детеныши.

Увидев Виллема, леопард оставил погоню за собаками. Он припал к земле и стал подползать к человеку. Двигался он быстро, и лишь инстинктивная осторожность мешала ему ползти еще быстрее. При этом он так плотно прижимался всем телом к земле, что охотнику видны были только голова зверя и его глаза.

Леопард приближался, вот между ними уже нет и десяти ярдов...

Пора действовать. Виллем вскидывает ружье — рука его тверда, глаз зорок, а опасность лишь придает ему хладнокровия, — уверенно прицеливается прямо в морду зверя и стреляет.

Пуля попала в цель: леопард опрокинулся, вскочил, завертелся на одном месте — видимо, на время он перестал соображать, что происходит. Адская боль в раздробленной челюсти заставила его забыть и о детенышах и о враге. Но это длилось лишь несколько секунд. Зверь увидел охотника и тотчас понял все.

Выстрелив, Виллем кинулся в сторону, а отбежав с полсотни шагов, остановился и стал перезаряжать ружье. Но при этом он не спускал глаз с леопарда. А тот уже снова подбирался к нему, и на этот раз без всякой осторожности; видно было, что сейчас им владеет лишь одно чувство: жажда мести.

Виллем только успел загнать пулю в ствол ружья, а леопард был уж тут как тут. У охотника не оставалось времени хотя бы вытащить шомпол, тем более вставить пыж. Он схватил ружье за ствол и приготовился защищаться им, как дубинкой. Но в тот миг, когда разъяренный леопард уже готов был прыгнуть, подоспела помощь с той стороны, откуда охотник меньше всего ее ждал.

Одна из собак — огромный бульдог, по кличке Смок, — не побежала за буйволами в лес. Хозяин звал собак назад, и Смок подчинился команде. В то мгновение, когда леопард припал к земле, набираясь сил для последнего прыжка, Смок вцепился ему в заднюю лапу. Виллем не потерял ни секунды. То был последний шанс остаться в живых, и охотник поспешил воспользоваться им.

Курок был взведен и капсюль вложен на место в мгновение ока — из десятка хорошо обученных солдат, может быть, только один сумел бы проделать все это так быстро и ловко, — но, когда Виллем, окончательно зарядив громобой, поднял его и прицелился, несчастный пес уже бился в агонии.

А леопард приготовился к новой атаке на своего врага. Еще секунда — огромный зверь кинулся бы на человека и его острые когти вонзились бы в тело Виллема. Охотник нажал спуск и отскочил. Глаза его заволокло дымом, а когда дым рассеялся, он увидел, что леопард валяется на земле рядом со Смоком и так же, как пес, бьется в предсмертных судорогах.

Поискав глазами своих спутников, Виллем увидел их ярдах в пятистах, — значит, они были свидетелями его победы. Макора поспешно подошел к нему и сразу, показывая на своего быка, стоявшего в полумиле от них, попытался объяснить Виллему, что это бык с пере-

пугу понес Макору прочь, когда он, Макора, хотел спешить на помощь другу.

Поняв, что опасность миновала, подошли и остальные, и славный охотник знаками дал им понять, что он хотел бы взять с собой шкуру леопарда.

Четверо туземцев принялись за дело, ловко орудуя своими ассегаи; видно было, что Виллему недолго придется ждать великолепной шкуры, которую он увезет с собою как трофей и как память о пережитой опасности.

Теперь он занялся раненым псом — Смок, распростертый на земле, все еще скулил и так смотрел на хозяина, словно хотел сказать: «Что же ты не подошел ко мне сразу и не помог мне?»

Несчастная собака пожертвовала собой, чтобы спасти жизнь хозяину. У нее был перебит позвоночник и все тело изранено. Нет, тут уж ничем не помочь: Смок обречен. И великодушному Виллему стало не по себе.

Обернувшись к Макоре, он увидел, что тот вновь заряжает свой мушкет. Виллем показал на голову пса, потом на ружье.

Вождь понял его и прицелился.

Слезы выступили на глазах у Виллема, он отвернулся и пошел разыскивать своего коня.

Глава XIV

ЗАЛИВ

Когда Виллем и его спутники вернулись в лагерь, они увидели, что Гендрик и Аренд поохотились на славу. Уже разведен был большой костер, и на нем поджаривалось мясо двух убитых антилоп.

На земле лежало много срубленных деревьев, и сооружение ограды шло полным ходом.

Макора не соглашался брать никакой платы за труд своих подданных — лишь немного кофе, табаку и бутылку джина. Убедившись, что его друзья расположились удобно, он в тот же вечер простился с ними.

Трех своих людей он оставил в лагере, наказав им

помогать охотникам в чем только можно. Однако такое прибавление к отряду сильно раздосадовало Черныша: ведь разговаривать с ними можно было лишь с помощью его соперника Конго.

Теперь у Конго были подчиненные, которыми он распоряжался, а у Черныша подчиненных не было, и потому все стало не по нем.

— Надо бы как следует поохотиться сегодня, — сказал Аренд Гендрику за их первым завтраком в новом лагере.

— Да, — ответил Гендрик. — Виллем обогнал нас, у него уже позади день, полный приключений, но я надеюсь, что и нам скоро улыбнется счастье.

— Я думаю, оно всем нам улыбнется, — вмешался Виллем. — Лучшего места для охоты не найдешь. Дичи здесь хоть отбавляй, и теперь у нас есть помощники. Туземцы с удовольствием выполнят всю черную работу, а нам останется только стрелять.

— Да, верно, — сказал Гендрик. — Мы и мечтать не смели о таком удачном начале, а ведь всего два дня назад мы жаловались на судьбу... А ты что скажешь, Черныш? — обратился он к слуге. — Доволен?

— Сильно доволен, баас Гендрик, — отозвался Черныш, но лицо у него при этом было очень недовольное.

В этот день, оставив Черныша и Конго охранять лагерь, молодые охотники отправились к заливу — там они надеялись увидеть бегемотов.

Они проехали мимо того места, где Виллем убил леопарда. Теперь здесь валялись вперемешку лишь кости хищника да кости верного Смока, обглоданные шакалами и гиенами.

Охотники проехали еще полмили, и перед ними открылся залив. Они двинулись по берегу, потом остановились и прислушались — какие-то незнакомые, непередаваемые звуки исходили от двух темных предметов, едва видневшихся над водой. То были головы бегемотов. Животные направлялись к ним, издавая громкие, странные крики, совершенно не похожие на голоса зверей, которые охотникам случалось слышать прежде.

О том, чтобы убить бегемотов в воде, нечего было и думать. Стрелять в них сейчас — значило бы зря тратить пули: ведь над водой видны лишь их глаза и нос. Нет, так их ни за что не подстрелить.

Казалось, бегемоты собираются вылезть и напасть на охотников. Но нет, близ берега они, как видно, передумали, круто повернули, расплескивая воду, и поплыли прочь.

Проехав немного дальше, охотники увидели еще трех бегемотов, но уже не в воде, а на суше. Животные спокойно щипали траву, не подозревая о надвигающейся опасности.

— Надо отрезать их от реки, — предложил Виллем. — Тогда они в наших руках.

Охотники быстрым аллюром проехали к реке. Теперь бегемотам путь отрезан.

Инстинкт не спасает этих животных от опасности: откуда бы она ни надвигалась, они бегут в одном направлении — к воде, даже если дорогу им преграждает враг.

Вот почему по первой тревоге все три бегемота, тяжело переваливаясь, двинулись к заливу, да с такой быстротой, какой никак нельзя было ожидать от этих неуклюжих созданий.

Они бежали прямо на охотников — и тем оставалось только посторониться и уступить дорогу, не то бы их попросту затоптали.

Ганс и Виллем стояли рядом, и, когда широкий бок бегемота оказался прямо перед ними, оба разом прицелились чуть ниже плеча и выстрелили. Гендрик и Аренд выстрелили в другого бегемота.

Огромные черные туши продолжали катиться к реке, но тот, в которого стреляли Ганс и Виллем, заметно пошатывался и все замедлял шаг. Не добежав до берега, он тяжело качнулся, словно корабль, зачерпнувший воды, и опрокинулся на бок. Раза два он тщетно пытался снова подняться, потом все его огромное тело судорожно затряслось и застыло неподвижно — он был мертв.

Два других зверя с разбегу бросились в воду, и Гендрику с Арендом осталось только огорчаться, что их первая попытка убить гиппопотама не удалась.

Ганс и Виллем не считали себя удалыми вояками, притом Ганс вечно был поглощен своими ботаническими изысканиями, но вот они с Виллемом убили гиппопотама, а ведь случай благоприятствовал им ничуть не больше, чем Гендрику с Арендом, которые упустили свою добычу!

Глава XV

ГИППОПОТАМЫ

Еще Геродот, Аристотель, Диодор и Плиний более или менее верно описали бегемота, или гиппопотама, или, что то же самое, речную лошадь, или водяную корову, которая водится в голландской Южной Африке.

Европейцы с давних пор читали об этом звере, но лишь недавно его увидели; интерес к нему оказался так велик, что в 1851 году, когда была Всемирная выставка, Зоологическое общество выручило десять тысяч фунтов, показывая бегемота в лондонском Риджент-парке.

Бегемотов, привезенных из Северной Африки, нередко показывали в римском цирке. Но потом на несколько столетий в Европе забыли о них. И, по свидетельству заслуживающих доверия авторов, они совершенно исчезли из Нила.

Прошло несколько веков с тех пор, как бегемотов показывали в Риме и Константинополе, и все это время считалось, что доставить их живыми в чужую страну невозможно. Но наука шла вперед, и эта ошибочная гипотеза была опровергнута. С мая 1850 года глухой рев гиппопотама стал хорошо знаком постоянным посетителям Лондонского зоопарка.

Если верить Мишелю Бойну, гиппопотамы были обнаружены в реках Китая. Мареден поселил их на Суматре; другие сообщали, что гиппопотамы водятся в Индии, но ни одно из этих утверждений не было под-

креплено хорошо проверенными фактами, и родиной гиппопотама теперь считают одну лишь Африку.

За что гиппопотаму дали название «речная лошадь», трудно понять. Едва ли на свете найдется другое четвероногое, до такой степени не похожее на лошадь.

Обычно гиппопотам погружается в воду настолько, что лишь его глаза, уши и нос остаются на поверхности, и тогда он видит, слышит и дышит, а пулей его не достать. В воде гиппопотам движется свободно и легко и бывает очень свиреп, но на суше он неуклюж и, чувствуя это, держится робко и даже трусливо.

Очевидно, эти громадные животные делают весьма полезное дело: они ломают и вырывают с корнем большие подводные растения, которые, разросшись, могли бы преградить путь реке и она затопила бы все вокруг.

В Африке шкуру гиппопотама используют для самых разных надобностей. Мягкая, когда ее только что сняли, она становится такой прочной и жесткой, когда высохнет, что местные жители выделывают из нее копья и щиты.

Для многих капских колонистов соленое гиппопотамье мясо — любимое блюдо.

Больше всего ценят зубы бегемота. Его огромные клыки — самая красивая кость из всех нам известных, и ею особенно дорожат дантисты: она прочнее и сохраняет свой цвет лучше всех других сортов, из которых изготовляют искусственные зубы.

Длина клыков бегемота иногда достигает шестнадцати дюймов, а вес — двенадцати фунтов. Иные путешественники даже уверяют, что видели клыки длиной в двадцать шесть дюймов; но в музеях Европы пока что нет ни одного клыка таких размеров.

У взрослого бегемота шкура еще толще, чем у носорога. Она такая толстая, что ее не пробить ни отравленной стрелой, ни дротиком. Если бы не это, гиппопотамы давно исчезли бы из рек Африки — в отличие от большинства животных, к ним можно без труда подойти на расстояние выстрела из лука.

Но чтобы убить бегемота, местным жителям приходится затратить немало усилий и изобретательности.

Обычно поступают так. Роют ямы-ловушки на дороге, по которой бегемот проходит от реки на ближнюю равнину, когда ему придет охота полакомиться травой. Ямы надо рыть в сезон дождей. В засушливые месяцы земля становится такой твердой, что совершенно не поддается убогим орудиям, которые заменяют местным жителям заступ. Ловушку тщательно маскируют, но иной раз проходят долгие месяцы, прежде чем гиппопотам в нее попадется.

Есть и другой способ охоты на гиппопотамов. Над тропой, которой они идут из реки на соседнее пастбище, подвешивают футов на тридцать — сорок от земли тяжелое бревно с заостренным концом, а поперек тропы протягивают канат, привязанный к защелке, которая это бревно удерживает. Когда гиппопотам с силой дергает канат, огромный кол высвобождается и падает, вонзаясь острым концом в спину животного.

Но теперь по всей Африке вошло в обиход огнестрельное оружие, а за клыки гиппопотама платят так щедро, что не жаль никаких усилий на то, чтобы добыть их, и потому неуклюжий зверь, которого сейчас постоянно встречаешь на берегах южноафриканских рек, вероятно, скоро станет великой редкостью.

Глава XVI

ОХОТА НА ГИППОПОТАМОВ

Гиппопотам, убитый Виллемом и Гансом, был великолепен — взрослый самец с большими, без малейшего изъяна клыками.

Измерив его стволом своего громобоя, Виллем сказал, что длина зверя шестнадцать футов, а в обхвате тела — пятнадцать.

Они оставили бегемота на том месте, где он свалился, и поехали дальше по берегу. Они уже видели великолепных гиппопотамов и предвкушали приятную и выгодную охоту, но действительность превзошла все их ожидания.

Не дальше чем в полумиле от места, где был убит первый гиппопотам, они увидели небольшую заводь фута в четыре глубиной. В ней барахтались семь гиппопотамов, а еще несколько паслись неподалеку в болотистой низине. Люди до сих пор так мало беспокоили их, что они не боялись выходить на берег и при свете дня. Те, что оставались в воде, оказались всецело во власти охотников: у них не хватало смелости выбраться на берег, а заводь была не настолько глубока, чтоб они могли укрыться в ней.

Около получаса четверо молодых охотников стояли у заводи, заряжали ружья и стреляли всякий раз, как представлялся удобный случай. А когда семь огромных гиппопотамов были убиты или лежали при последнем издыхании, охотники вернулись в свой лагерь.

Здесь их ждал Макора, приехавший с утренним визитом. В подарок охотникам он привез дойную корову, и они от души поблагодарили его.

Корову поручили Чернышу и строго наказали ему получше заботиться о ней.

— Корова нам дороже всякой лошади, — объяснил ему Гендрик. — Конго я бы ее ни за что не доверил, ну, а уж ты, конечно, приглядишь за ней как следует.

Черныш был просто счастлив.

Когда охотники рассказали Макоре, что убили сегодня утром восемь гиппопотамов, он несказанно обрадовался. Он тотчас же послал двоих туземцев в деревню сообщить приятную весть всему племени: их ждет великое изобилие любимой еды.

Ну, на сегодня хватит. И охотники прилегли отдохнуть в тени палатки. Но часа за два до захода солнца им пришлось встать: к ним явились человек триста из племени Макоры — мужчины, женщины, дети, — и все жаждали, чтобы их поскорее повели к убитым гиппопотамам.

Виллем боялся, как бы такое множество народу не распугало всю дичь в округе — тогда придется переносить лагерь в другое место. Но разве уговоришь несколько сот людей ради этого отказаться от обильной

и лакомой пищи и бросить ее пропадать! И без дальнейших разговоров охотники согласились вести их к месту утренней охоты.

Виллем, Гендрик и с ними Конго вскоре были уже на конях, готовые к ночной охоте.

Они двинулись в путь, сопровождаемые Макорой со всеми его людьми, а Ганс и Аренд остались сторожить лагерь.

Подойдя к тому месту, где утром был убит первый гиппопотам, они спугнули целую стаю стервятников и свору шакалов, которые раздирали тушу; несколько человек остались охранять от хищников то, что могло пригодиться им самим.

По распоряжению Макоры, туземцы захватили с собой длинные и крепкие веревки, свитые из полос кожи носорога, и, когда они подошли к заводи, Макора приказал вытащить на берег туши семи убитых гиппопотамов.

При обычных условиях выполнить его распоряжение было бы просто невозможно, но здесь берег был ровный, отлогий, за дело взялись добрых полторы сотни людей — и дружными усилиями, ловко и умело орудуя канатами, они справились с этой почти неразрешимой задачей.

Потом мужчины принялись свежевать туши и разрубать их на части, а тем временем женщины и дети разводили костры и готовили все необходимое для грандиозного пира.

Люди работали до поздней ночи. Все мясо, которое не пошло для сегодняшнего пира, разрезали на длинные тонкие полосы, чтобы потом провялить их на солнце, а зубы гиппопотамов поступили в полную собственность молодых охотников.

В ту ночь Виллему и Гендрику не пришлось пускаться в дальний путь, чтобы заняться своим любимым делом — охотой.

Львы, гиены и шакалы издалека почуяли убитых гиппопотамов и, подкравшись к заводи, громко выражали свое недовольство тем, что их не пригласили на пиршество. Несмотря на то что здесь собралось столько

Гиппопотамы не обращали на охотников

людей, зловещий хохот гиен слышался совсем близко. Они, видно, собирались напасть.

В течение некоторого времени Виллем и Гендрик стреляли почти беспрерывно, и наконец отвратительные хищники стали осторожнее и отступили на безопасное расстояние.

У охотников не было ни малейшего желания тратить время и пули, чтобы убивать зверей без разбору. Они хотели стрелять лишь такую дичь, которая могла бы вознаградить их за далекое путешествие; поэтому они скоро перестали палить по гиенам и шакалам. Они отъехали от заводи и направились по берегу туда, где накануне видели гиппопотамов.

Гиппопотамы обычно выходят на сушу пощипать травку ночью, поэтому теперь охотники рассчитывали увеличить число своих побед — и их надежды сбылись.

В полумиле от того места, где они оставили Макору, пировавшего со своими соплеменниками, Виллем и Гендрик увидели равнину, залитую серебряным лун-

никакого внимания и не пытались уйти.

ным светом. По равнине лениво бродило десятка полтора теней. Охотники пригляделись и, убедившись, что это гиппопотамы, осторожно двинулись к ним.

Не подозревая, чем им грозит приближение всадников, животные не обращали на них ни малейшего внимания и не пытались уйти, пока охотники не подъехали совсем близко.

— Вот тот — самый большой, — прошептал Виллем, показывая на громадного самца, который пасся не дальше чем в ста шагах от них. — Я им займусь. А ты, Гендрик, возьми на мушку другого, выстрелим одновременно.

С этими словами он поднял свой тяжелый смертоносный громобой, прицелился и выстрелил. Огромное животное зашаталось и попятилось: пуля пробила его голову.

То не было попыткой отступить к воде, бежать в страхе перед опасностью, — гиппопотам уже ничего не сознавал, он был при последнем издыхании.

Пятясь задом, гиппопотам протащился каких-нибудь десять ярдов от того места, где его подстрелили, потом тяжело рухнул на землю, опрокинулся на бок и остался недвижим.

Гендрик выстрелил почти одновременно с Виллемом; но в первую минуту гиппопотам, в которого он целился, повел себя так, словно это его нимало не касалось. Вместе с остальными он затрусил прямиком к воде, пытаясь спастись бегством.

И Гендрик было огорчился: опять Виллему повезло, а ему нет! Но скоро он успокоился: они заметили, как один из бежавших к реке гиппопотамов споткнулся и упал.

Всадники перезарядили ружья, подъехали к упавшему животному и увидели, что оно бьется, пытаясь подняться.

Первым выстрелом Гендрик ранил гиппопотама в правое плечо и теперь вторым положил конец его тщетным усилиям и самому его существованию.

Но охотникам было мало этого. Они въехали под сень деревьев, спешились и залегли, ожидая, не покажутся ли гиппопотамы снова на равнине. И они опять не обманулись в своих надеждах. Время от времени до них доносилось глухое ворчание вынырнувшего из воды гиппопотама, а немного спустя они увидели, что три огромных зверя медленно движутся в их сторону. Оба охотника дождались, пока шедший впереди гиппопотам не оказался всего в нескольких ярдах от них, и выстрелили почти одновременно.

С воплем, напоминающим сразу и хрюканье кабана и ржание лошади, гиппопотам повернул к берегу, но не побежал, а начал медленно кружиться на одном месте, как собака, которая собирается лечь спать. Так и он — покружился и лег, чтобы никогда уже не подняться.

В ту ночь Виллем с Гендриком подстрелили еще трех гиппопотамов. Таким образом, они убили за одни только сутки четырнадцать штук. Макора сказал, что его племени за целых два года не удалось убить так много гиппопотамов.

Глава XVII

В СТРАНУ ЖИРАФОВ

Уже больше месяца они охотились на гиппопотамов, и Виллему не терпелось заняться наконец делом, ради которого он затеял все это путешествие.

У них накопилось добрых семьсот фунтов превосходной кости, но, несмотря на такие успехи, им уже начала надоедать эта охота — из удовольствия она превратилась в деловое предприятие.

Несколько раз они беседовали с Макорой о жирафах и поняли, что поймать детенышей живьем совсем не просто: на это потребуется немало труда и изобретательности.

Выследить жирафов, догнать их и подстрелить ничего не стоит; иное дело —поймать их малышей невредимыми. На это, судя по рассказам Макоры, у охотников уйдет все время, оставшееся до возвращения домой, в Грааф-Рейнет.

Имя, слава, вознаграждение — все, чего так жаждал Виллем, зависело от того, сумеют ли они доставить голландскому консулу двух молодых жирафов. Гендрику и Аренду не терпелось вернуться к своим невестам, а Ганс мечтал о путешествии в Европу.

Поэтому все с радостью согласились, когда Виллем предложил двигаться дальше.

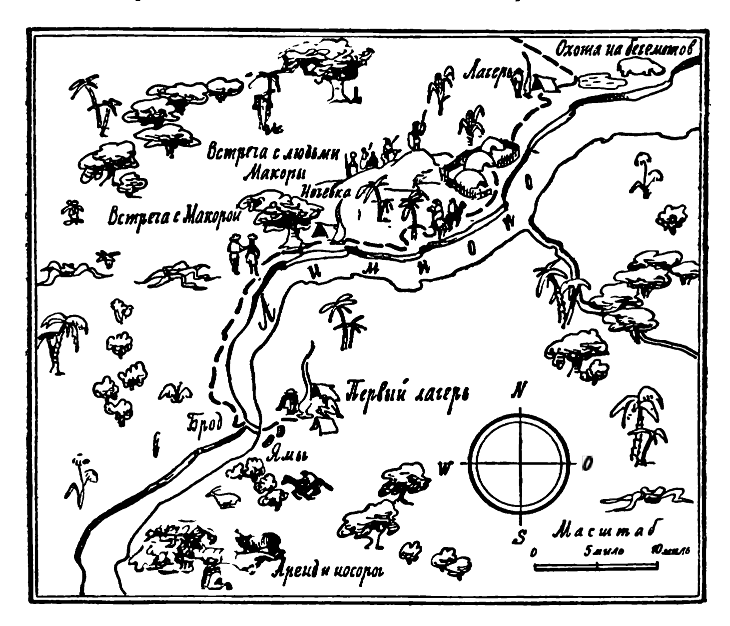
Они сказали о своем намерении Макоре и этим очень его встревожили.

— Я не могу отпустить вас одних, — сказал он. — На пути к моей родине вас ждут опасности, а может быть, и смерть. Вместо того чтобы поймать живьем жирафов, вы, пожалуй, еще сложите там свои головы. Вам нельзя идти одним. И раз уж мы сами не можем добыть для вас детенышей жирафов, я пойду с вами, и мои лучшие воины будут помогать вам. Быть может. тиран Мосиликатсе убьет нас всех, но все равно я иду с вами. Макора не отпустит друзей одних, он разделит с ними опасность. Завтра мои воины будут готовы.

Таков был, по словам Конго, смысл речи Макоры. Молодые охотники давно уважали вождя за все, что он

сделал для них, и теперь были тронуты новым доказательством его дружбы.

Макора готов был покинуть свой дом и отправиться чуть ли не за двести миль, а ведь от этого путешествия он не получит никакой выгоды, а потерять может все.



Первые охотничьи приключения Ганса, Гендрика, Виллема, Аренда и их слуг Черныша и Конго прошли на берегах Лимпопо. Здесь Аренда преследовал носорог, а Черныш и Конго провалились в ямы, приготовленные для слонов. Здесь же, перейдя Лимпопо, они выручили из опасности вождя макололо Макору и больше месяца охотились в окрестностях его крааля на гиппопотамов. Отсюда они отправились дальше — за жирафами в страну Матабили.

И он охотно шел на это из благодарности человеку, который по чистой случайности выручил его однажды из беды.

Предложение Макоры приняли и тотчас начали собираться в дорогу.

Кость, добытую во время охоты на гиппопотамов, решили спрятать пока в надежное место.

Вот, пожалуй, и все, чем должны были заняться перед отъездом молодые искатели приключений. Не так готовились воины Макоры. Они запаслись отравленными стрелами, чинили луки и щиты, оттачивали дротики.

Назавтра, после того как Макора решил сопровождать охотников, он ранним утром выступил из своей деревни во главе пятидесяти трех лучших воинов, и экспедиция двинулась на север.

С собой взяли нескольких быков и нагрузили их сушеным мясом, толченым маисом и другой провизией на дорогу. Гнали и нескольких коров, чтоб не испытывать недостатка в молоке.

Одну из своих вьючных лошадей охотники отдали вождю, и он все время держался подле Виллема.

Места, через которые лежал их путь, были дикие, да и бык — животное не из быстроходных, поэтому продвигались они медленно.

По дороге попадалось много дичи, но охотники не убили ни одного животного просто ради прихоти. Убивали лишь столько, сколько требовалось, чтоб накормить всех свежим мясом; подстрелить антилопу можно было, не тратя и минуты лишней, — их вокруг было множество и притом близко, они подходили на расстояние выстрела.

Дорогой случилось лишь одно происшествие, о котором стоит рассказать.

Было это на шестые сутки, когда путники остановились на ночлег. Один из макололо, сидевший у костра, поднялся, чтобы подбросить хворосту в огонь. Он протянул руку за палкой, валявшейся на земле, и вдруг отпрянул с криком ужаса.

Туземцы, что были поближе, повскакали на ноги, поднялся переполох, и наши охотники не сразу могли понять, что произошло. В конце концов оказалось, что всему виной огромная змея, чуть ли не в восемь футов длиной. Ее подтащили к костру и стали разглядывать. Она извивалась и корчилась, издыхая: кто-то из туземцев раздробил ей голову. Змея была почти черная, и макололо тотчас поняли, какой она породы.

— Пикахолу! Пикахолу! — послышались голоса, и все поспешно обернулись к тому, кто первым на нее наткнулся.

Он поднял правую руку — и все увидели на ладони две глубокие царапины.

У макололо вырвался единодушный вопль — широко раскрытыми глазами они смотрели на несчастного, и взгляды их говорили яснее слов: «Тебе суждено умереть».

Вскоре он весь почернел. Потом у него задергались губы и пальцы, остекленели глаза.

Прошло едва десять минут с тех пор, как его укусила змея, а он уже ничего не сознавал и не чувствовал, кроме смертной муки, и, если б стоявшие вокруг не удержали его, упал бы в костер.

Меньше чем через полчаса он был уже мертв, а змея с искалеченной головой все еще судорожно извивалась по земле.

Воина похоронили на восходе солнца, спустя три часа после того, как он умер; но яд был так силен, что тело начало разлагаться еще прежде, чем его опустили в могилу!

Глава XVIII

ОХОТА НА ЖИРАФОВ

На двенадцатый день после того, как охотники покинули берега Лимпопо, они под вечер добрались до небольшой речки. Макора называл ее Луизой. Он сказал охотникам, что отсюда всего день пути вниз по течению до развалин деревни, где он родился и прожил всю жизнь, кроме последних двух — трех лет, и что его желание увидать родные места почти уже исполнилось.

Макоре было с чем поздравить себя. Выгнав его из родной страны, вождь Мосиликатсе мало что выиграл. Макололо угнали весь свой скот, унесли все добро — грабителю ничего не досталось. Ни один из его племени не остался дома, некому было платить дань завоевате-

лю; земля макололо опустела — на ней теперь хозяйничают одни только дикие звери.

Соплеменники Макоры не стали рабами, они ушли из родных мест, но теперь никто не помешает им навестить их старый дом.

Ловить молодых жирафов вождь макололо предложил так: устроить в каком-нибудь подходящем месте западню — хопо — и загнать туда стадо жирафов; старых убить, а детенышей захватить.

План Макоры был очень хорош, и все единодушно одобрили его.

Место для западни нужно выбрать с умом, так, чтобы на устройство ее потратить поменьше труда и сил. Конечно, вождь сделает это лучше всех, и охотники решили всецело положиться на него во всем, что касалось сооружения хопо.

Макора вспомнил, что видел когда-то подходящее место на несколько миль ниже по течению, и они отправились туда.

Миновали разрушенную, опустевшую деревню, и многие макололо узнали среди мусора и развалин места, где когда-то стояли их дома.

Еще пять миль вниз по течению — и вот они уже у места, где надо устроить западню. Это узкая долина, вернее — овраг, который ведет от большого леса к берегу реки.

И каких только следов здесь нет! Как видно, чуть ли не все зверье со всей округи проходит тут каждый день.

В лесу растет главным образом мимоза. Ее листву жирафы предпочитают всякой другой пище. Здесь много и других деревьев — они пригодятся для устройства загона.

Макора обещал, что его люди начнут сооружать западню на следующий день: выроют ямы и срубят деревья, чтобы поставить ограду.

Виллем спросил:

— Не лучше ли сперва проверить, есть ли в ближайших окрестностях жирафы, а потом уже приниматься за дело?

Макора ответил, что в этом нет надобности: к тому времени, как они построят западню, жирафы, уж конечно, найдутся. Кроме того, он предостерег охотников, чтобы они не стреляли в жирафов, если и увидят их, пока не будет готова западня, а на это, по его подсчетам, уйдет недели две.

Только теперь охотники начали понимать, какое трудное дело они затеяли, и возблагодарили счастливый случай, который привел им на помощь вождя племени макололо. Без Макоры и его людей нечего было бы и пробовать поймать жирафов живьем.

Охотники прекрасно ездили верхом, и им ничего не стоило нагнать жирафов и убивать их сколько душе угодно, но это было бы жалкое развлечение, и даже Виллему оно бы скоро наскучило. Не для этого они пустились в дальний путь.

На другое утро начали устраивать западню, и, чтобы вдохнуть в молодых охотников надежду, что труды их будут не напрасны, Макора показал им следы стада жирафов, которое ночью побывало у реки.

Вождь не позволил своим гостям принимать участие в тяжелой работе, и, чтобы не терять времени попусту, Виллем, Гендрик и Аренд решили проехать вниз по течению.

Ганс остался в лагере. Он был рад случаю пополнить свой гербарий, а заодно пострелять антилоп и другую дичь, чтобы было чем кормить людей Макоры.

С ним остался и Черныш.

Думая, что их поездка продлится всего дня два, Виллем и его друзья хотели отправиться налегке и потому взяли с собой лишь одну вьючную лошадь. Ее поручили заботам Конго, который, разумеется, не отставал от своего хозяина.

Трудно представить себе места прекраснее тех, где они охотились в первый день. Пальмовые и смешанные рощицы разбросаны там и сям по цветущей равнине, и на ней мирно пасутся антилопы гну и каамы. Стаи яркокрылых птиц гнездились, кажется, в ветвях каждого дерева. И куда бы ни глянули наши путники, все представлялось поистине каким-то охотничьим раем.

В тот день молодые искатели приключений впервые увидели гордого жирафа. Семь величественных жирафов не торопясь спускались с холмов, которые пересекали равнину.

— Не шевелитесь! — воскликнул Гендрик. — Может, они подойдут поближе и мы успеем выстрелить в них, прежде чем они нас заметят.

Грациозные животные двигались по освещенной солнцем равнине, словно ожившие башни, и от них ложились на траву длинные тени. Деревья издали казались ниже их высоко поднятых голов. Не дойдя ярдов двести до охотников, жирафы почуяли их, круто повернули и стремительно понеслись прочь.

— Догоним их! — воскликнул Виллем. — Наши кони не устали. Что бы там ни говорил Макора, а я должен убить жирафа!

Все трое вскочили в седла и, оставив вьючную лошадь на попечение Конго, погнались за убегавшим стадом.

Некоторое время всадники не могли нагнать жирафов, которые уносились от них широкими, неуклюжими шагами. Но расстояние, разделявшее их, не увеличивалось, и охотники, не теряя надежды, все подгоняли лошадей.

Так они проскакали мили четыре, и лошади стали уставать, но и жирафы сбавили шаг. Прежняя скорость стала им не по силам.

— Один мой! — крикнул Виллем и дал шпоры коню.

Огромный жираф, видно уставший больше других, начал заметно отставать. Скоро охотники почти поравнялись с ним и, отрезав его от стада, дали залп. Казалось, жираф должен был упасть, но нет, он побежал быстрее прежнего, словно выстрелы прибавили ему сил.

Всадники остановились, наскоро перезарядили ружья и, пришпорив коней, опять догнали жирафа.

Снова дали залп. Виллем целился пониже плеча, остальные — вверх, в голову.

Жираф вдруг остановился и задрожал, словно подрубленное дерево. Голова его бессильно качнулась спер-

ва направо, потом налево. Он пытался устоять на нетвердых ногах, но потерял равновесие и, не в силах больше бороться, рухнул наземь.

Охотники спешились и с гордостью смотрели на распростертое перед ними животное, которое совсем недавно было таким величественным. То был движущийся монумент — и вот он лежит на траве и судорожно бьет ногами в предсмертных муках.

Глава XIX

ЖИРАФ

На свете нет, пожалуй, животного более стройного, с более красивой и гордой осанкой, чем жираф. От его переднего копыта до рогов восемнадцать футов — это, говорят, самое высокое четвероногое на земле. Есть несколько видов жирафов. Изящные и величественные, с красивой пестрой шкурой и кротким нравом, они при первом же своем появлении в Европе вызвали большой интерес.

Жираф был хорошо известен древнему Риму и в пышных зрелищах привыкшего к роскоши города играл не последнюю роль; но после падения Римской империи жирафы исчезли из Европы, и на несколько веков цивилизованный мир забыл о существовании этих животных.

О них упоминается вновь лишь в конце XV века. Известно, что во Флоренции среди диковинок Лоренцо Медичи был и жираф.

Египетский паша преподнес жирафа в подарок Георгу IV, и это был первый жираф, которого увидели в Англии. Его привезли в 1828 году, и он прожил около года.

Двадцать четвертого мая 1850 года в зоологическом саду в Риджент-парке появились четыре жирафа. Их привезли с юго-запада Кордофана, и доставка обошлась в две тысячи триста восемьдесят шесть фунтов стерлингов три шиллинга и один пенс.

При взгляде на жирафа кажется, что передние ноги у него почти вдвое длиннее задних, но это неверно; просто плечи у него гораздо массивнее бедер. Голова жирафа непропорционально мала и покоится на постепенно суживающейся кверху шее длиной около шести футов. Если смотреть на него спереди, шея, туловище и передние ноги примерно одинаковой вышины. Задние же ноги, если считать от верха бедра до копыта, редко бывают длиннее шести с половиной — семи футов.

Голова жирафа увенчана парой шишек, которые обычно называют рожками, хотя они совсем не похожи на рога любого другого животного. Они костяные, пористые и покрыты короткой щетиной.

Натуралисты до сих пор не определили, для чего предназначены эти костяные отростки. Они не нужны ни при нападении, ни при защите и не выдержат столкновения в драке.

Глаза жирафа необыкновенно хороши. Они большие и притом более нежные и кроткие, чем прославленные глаза газели; посажены они так, что жираф видит во все стороны, не поворачивая головы.

Жираф на редкость чуток и очень робок, мгновенно замечает опасность, и человек может нагнать его лишь на самом быстроногом коне.

Питается жираф преимущественно листьями и ветками акаций и других деревьев, особенно зонтиковидной акации, которую туземцы называют «мохала», а голландцы — жители Капской колонии — «жирафья акация».

Язык служит жирафу, как хобот слону, своеобразным щупальцем и хватательным органом, но жираф гораздо выше ростом и потому лакомится листьями, растущими так высоко, что слону их не достать.

Кожа у жирафа необыкновенно толстая — нередко до полутора дюймов, — и пробить ее так трудно, что иногда приходится потратить двадцать, даже тридцать пуль, чтобы убить животное. Боль от ран жираф переносит молча — он немой.

Жираф не похож на других зверей и тем. что его шкура с годами темнеет.

Самка жирафа светлее самца и много ниже его ростом.

У жирафа есть только один способ самозащиты — он лягается, и удар его копыта гораздо сильнее и опаснее, чем любого другого животного, в том числе и лошади. Выпуклые глаза позволяют ему видеть и то, что происходит сзади, поэтому он бьет врага наверняка; ударом копыта он может раздробить человеку череп или переломать ребра. Но если жирафа не трогать, он — одно из самых безобидных животных.

Это удивительное создание, с таким необычным строением тела, такое быстроногое, сильное, пригодно, конечно, не только для того, чтобы щипать листья акации, но какое найти ему применение, человек пока не знает.

Глава XX

ОНИ СПАСАЮТСЯ БЕГСТВОМ

Оставив наконец тело жирафа там, где он был убит (Виллему непременно хотелось повезти его с собой), охотники отправились на поиски реки. Они обрадовались, увидав невдалеке Луизу или другую точно такую же речку, и поехали берегом, отыскивая место, где можно было бы напоить лошадей: после долгой погони за жирафами их томила жажда.

Проехали уже с полмили, а берег был все так же крут и неприступен. Но неподалеку охотники увидали небольшое озерцо и сделали привал, чтобы дать лошадям немного отдохнуть, да и накормить их тоже было пора.

Вокруг озерца пышно разрослась трава, и лошади могли попастись час, другой. Их расседлали и пустили щипать траву.

— Я думаю, Конго догадается все упаковать и пойдет за нами, — сказал Гендрик.

— Да, наверно, — ответил Виллем. — По-моему, часа через два он будет здесь.

— А ты уверен, что он разыщет нас?

— Конечно, — ответил Виллем. — Он знает, что мы отправились вниз по течению, и река сама поведет его. А если и нет, ведь с ним Следопыт. Пойди мы сейчас вверх по реке, мы бы встретили его на полдороге.

— Но нам незачем идти вверх, — сказал Гендрик. — Нам надо идти вниз по течению.

— Тогда лучше дождемся его здесь.

Разговаривая так, они вдруг услыхали глухой, но мощный звук, и им почудилось, что сама земля задрожала у них под ногами.

Деревья в ближайшей роще зашатались, некоторые пригнулись к самой земле, словно вдруг налетел бешеный ураган.

Лошади встревожились — вздернули головы, захрапели и стали кидаться из стороны в сторону, словно не зная, куда спасаться.

Еще минута — и из-за шатающихся деревьев выступили слоны. Очутившись на равнине, почти все они громко затрубили.

Лошади поскакали прочь, и охотники погнались за ними — ведь от того, поймают ли они лошадей, зависела их жизнь.

Но почти тотчас погоню пришлось бросить. Слон, шедший впереди, кинулся на людей, и теперь впору было думать лишь о собственном спасении.

Остальные слоны двинулись за лошадьми; казалось, все они бешеные, кроме трех — четырех, которые остались у озера.

Самая жизнь охотников была в опасности. Остановить вожака и обратить слонов в бегство мог лишь меткий залп. Эта мысль пришла в голову всем троим. Они разом прицелились и выстрелили в бегущего на них слона. Но пули их пропали понапрасну.

От этой попытки задержать его слон только пришел в ярость и, затрубив еще громче, еще оглушительнее, прибавил шагу.

Перезаряжать ружья уже не было времени, и охотники снова побежали, с ужасом понимая, что вот-вот гигант нагонит их и не один, так другой падет жертвой преследователя.

Охотники со всех ног неслись к реке. Стоило им кинуться в любую другую сторону — и они напоролись бы на клыки остальных слонов. Слонов привлек рев раненого товарища, и они теперь яростно преследовали людей.

Охотникам удалось добежать до реки, и они уже хотели броситься вплавь, но тут Аренд подал новую мысль.

— За мной! — крикнул он и побежал по стволу поваленного тополя, лежащему поперек течения.

Разъяренный слон был уже так близко, что, когда Виллем, отступавший последним, стал взбираться на поваленное дерево, он почувствовал, как хобот слона коснулся его ноги.

Макушка дерева опустилась в воду на несколько футов ниже берега, за который оно еще цеплялось корнями, и им пришлось, как выразился Гендрик, взбираться по стволу вниз.

Ветвями упавший тополь опирался на камни посреди реки, и поэтому его не снесло течением, хотя здесь оно было очень быстрое.

На некоторое время охотники очутились в безопасности, и, хотя при обычных обстоятельствах их положение никто бы не назвал приятным, они были несказанно счастливы: так всегда чувствуешь себя, когда только что избежал гибели.

Слон неистово рвал вывороченные корни тополя, тщетно пытаясь добраться до охотников. Они оказались в осаде, но в ближайшее время им не грозила опасность столкнуться лицом к лицу с врагом.

Охотники внимательно осмотрели свое убежище и убедились, что основание скалы, на которую опиралась верхушка дерева, составляет не более тридцати футов в окружности, а вершина вдвое меньше — диаметр ее всего около десяти футов.

Этого было достаточно, чтобы все трое могли стоять на скале, но и только; зато ветви тополя оказались такими крепкими и длинными, что можно было сколько угодно лазить по ним, как лазили бы обезьяны, окажись они на месте наших охотников.

Слоны яростно преследовали охотников.

Что касается врага, он, видно, сразу понял, что люди оказались в безопасности, и минуту, другую словно обдумывал, не снять ли осаду.

Между тем охотники немного отдышались после отчаянного бега и стали перезаряжать ружья — нужно было быть наготове.

И, словно разгадав их намерения, слон спокойно двинулся от реки.

— Ушел! — сказал Виллем. — Но нам лучше не спешить. Я не прочь бы еще немного отдохнуть.

— Надеюсь, мы останемся здесь не дольше, чем сами захотим, — заметил Гендрик. — Только не надо двигаться с места, пока все стадо не уйдет отсюда. Эти слоны какие-то бешеные, мы таких еще никогда не встречали: они совсем не боятся людей!

Скала, на которой стояли охотники, была на несколько футов ниже берега реки, поэтому они не видели, что происходит на равнине.

Аренд предложил вернуться назад по стволу тополя и, если слон еще в пределах досягаемости, выстрелить по нему на прощанье. Виллем и Гендрик запротестовали. Они предпочитали оставить слона в покое — пусть уж уйдет, если сам собрался уходить.

Через несколько минут Аренд снова предложил подняться и поглядеть, тут ли слон. Но его товарищи опять воспротивились.

— Нет, еще рано, — сказал Виллем. — Нам нельзя показываться. Может, он все еще стережет нас — и, если увидит тебя, пожалуй, вообразит, что нам не терпится удрать. Это лишь подстрекнет его задержаться здесь. Надо быть поосторожнее — такой враг не глупей человека.

Прошло еще полчаса, и Виллем поднялся по стволу, так что его голова оказалась на уровне берега. Одного взгляда оказалось достаточно. Когда он обернулся к своим товарищам, лицо его было мрачно.

— Так я и думал, — сказал он: — слон все еще здесь. Он сторожит нас. Он хочет отомстить, и, думается мне, он свое возьмет. Пока можно будет выбраться отсюда, мы тут с голоду помрем.

— Где он? — спросил Гендрик.

— Да тут, у озера, принимает душ. Но я видел, он все время поглядывает в нашу сторону.

— Он один? — спросил Аренд.

— Да, похоже, что остальные ушли. У озера он один. Он ранен, но двигается довольно быстро, и, пока мы не убьем его, нам не выйти на равнину.

Никто не ответил. Виллем снова перешел на скалу, и все трое взялись за ружья, готовясь стрелять по врагу.

Глава XXI

ДИЧЬ, КОТОРУЮ НЕЛЕГКО УБИТЬ

Снова Виллем вскарабкался по стволу. На этот раз он прихватил свой громобой, и двое друзей не отставали от него. Слон все еще был у озерка; чтобы заставить его подойти ближе, Виллем показался над берегом. Однако хитрость не удалась. Слон видел его, но инстинкт или, быть может, почти человеческий разум подсказал ему, что не стоит нападать на людей, пока они не покинули свое убежище.

— Отсюда стрелять нет смысла, — сказал Виллем.— Надо подобраться к нему поближе. Не стойте на дороге: очень возможно, что мне опять придется от него удирать.

От упавшего тополя до озерка было ярдов сто. Пройдя около трети этого расстояния, Виллем остановился.

С философским спокойствием слон ждал его приближения — видно, он решил подпустить охотника так близко, как тому будет угодно.

Стоял он так, что Виллем не мог прицелиться в бок, как целился всегда; но слон не менял позы, и пришлось стрелять в голову.

Едва раздался выстрел, слон взревел и ринулся на охотника.

Виллем помчался к поваленному дереву и перебежал в безопасное место, когда слон уже настигал его.

И тотчас в громадное тело слона впились еще две

пули; это выстрелили Гендрик и Аренд, но слон, казалось, ничего и не заметил.

Пока они перезаряжали ружья, слон опять отошел к озеру. Там его настигли еще семь пуль, но он ни разу больше не попытался хотя бы подойти к убежищу, где скрывались его мучители.

До захода солнца оставалось только два часа, с юго-запада шли тяжелые, темные тучи. Тринадцать выстрелов дали охотники по слону, но, казалось, он все еще был невредим. Им грозило так и остаться под стражей. В своем ненадежном убежище — в ветвях упавшего дерева на середине реки — они застрянут на всю ночь, а ведь надвигается жестокая буря. Они выстрелили еще трижды, но все напрасно. А вот и дождь — он полил как из ведра.

Они не раз попадали под сильный ливень, но такого никто не мог припомнить.

Теперь им было не до того, чтобы пытаться прорвать осаду. Они думали только о том, как бы сохранить сухими порох и ружейные замки.

В угасающем свете дня Виллем еще раз вышел на разведку и убедился, что слон по-прежнему терпеливо караулит их.

Над рекой опустилась ночь, и в густой тьме они едва различали друг друга, а яростный ливень все не унимался. Вот когда можно бы незаметно ускользнуть от тюремщика, но теперь они уже не хотели этого. Как-никак, слону пришлось нелегко, в нем засело столько пуль, что вряд ли он дотянет до утра. Они подождут, пока он не испустит дух, и завладеют его великолепными бивнями.

Прошел час, другой, третий, а дождь все еще лил, хотя уже с меньшей силой.

— Не нравится мне все это, — сказал Гендрик. — Право же, Чернышу и Конго, когда они сидели в яме, было немногим хуже. Хотел бы я знать: неужели слон все еще стережет нас? Не улизнуть ли нам, как по-вашему?

— Об этом и думать нечего, — ответил Аренд. — Даже если слон и ушел, нам в такой тьме не найти лоша-

дей. А если он все еще поджидает нас, мы и в пяти шагах его не разглядим, а уж он-то нас увидит. Лучше останемся тут до утра.

— Правильно, Аренд, — поддержал Виллем. — Из наших ружей сейчас не очень-то постреляешь, и, если на нас нападут, мы окажемся беззащитными.

Мнение Аренда взяло верх: решили остаться на скале до утра.

Дождь лил всю ночь, охотникам негде было от него укрыться, и они промокли до нитки. Томительно тянулось время. Они уже начали всерьез сомневаться, придет ли когда-нибудь утро, но оно все-таки настало.

Первые слабые проблески зари окрасили небо на востоке, и тут охотники со страхом услыхали громкий треск ветвей: еще мгновение — и мост, по которому они добрались до скалы, стало сносить течением!

— Берегитесь!—закричал Аренд.—Дерево поплыло. Держитесь подальше от ветвей, а то нас тоже снесет!

Все вместе они кинулись на самую вершину скалы и добрались до нее как раз вовремя, чтобы избежать опасности, о которой предупреждал Аренд, а еще через минуту они оказались отрезанными от берега.

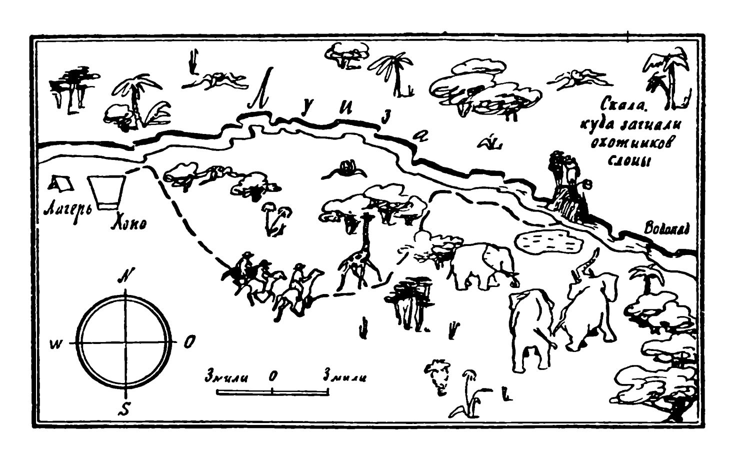
Рассвет застал их на крошечном каменном островке — троим едва было где стать. Река вздулась, поднялась, вода уже касалась их ног и грозила подняться еще выше. Положение не из приятных! Вот-вот и их унесет потоком вслед за предательским мостом.

Теперь они уже не вспоминали про слона. Да они и не могли бы до него добраться: словно Прометей, они были прикованы к скале.

Даже если бы хватило сил справиться с бурным течением, берега так высоки, что на них не взберешься. Все трое умеют плавать, и можно бы поплыть вниз по течению в надежде добраться до отлогого берега. Это, конечно, выход из трудного положения, но одно плохо: придется оставить здесь ружья, и тогда их уже не вернешь. Разве что удастся издали поглядеть, как они лежат там, на скале. Нет, с оружием они ни за что не расстанутся. Это ведь значило бы, что с охотой покончено!

Кроме того, течение реки здесь быстрое, бурное, очень сильное. Оно понесет их со страшной скоростью. А впереди пороги, острые, зазубренные, — если налетишь на них, изранишься, а то и совсем разобьешься, и вряд ли всем троим удастся добраться до берега невредимыми.

— Нет, не хочется мне пускаться в это плавание, — сказал Гендрик. — И вот еще почему. Вчера, когда мы



Охотясь на жирафов в окрестностях реки Луизы, Виллем, Гендрик и Аренд расположились отдохнуть у небольшого озерца, но внезапно подверглись нападению слонов. Спасаясь от разъяренных животных, они перебрались по стволу рухнувшего поперек реки тополя на небольшую скалу и здесь оказались в осаде.

бежали сюда, я видел двух огромных крокодилов. Тут их, наверно, десятки.

— Останемся пока здесь, — сказал Аренд. — Крокодилы всегда голодны, а мне вовсе не хочется попасть им на обед.

— Согласен, — поддержал его Виллем. — Я еще не настолько голоден, чтобы расстаться с моим громобоем.

Предложение было принято единогласно, и они остались на месте. Но терпение начало изменять им. Солнце уже поднялось высоко. Оно палило нещадно, словно все его лучи, как в фокусе, сошлись в той каменной точке,

на которой стояли наши три охотника. Казалось, никогда еще им не было так жарко и никогда их так не мучил голод. Гендрик и Аренд просто с ума сходили от жары и голода, один лишь Виллем сохранял остатки хладнокровия.

— Неужели слон все еще стережет нас? — заметил он. — Тогда он просто старый дурень, как Черныш называет Конго. Очень сожалею, что мы не можем отдать ему визит и поблагодарить за столь затянувшееся бдение.

Виллем пытался острить, он хотел развеселить своих павших духом товарищей. Но все было напрасно. Никто даже не улыбнулся в ответ.

Глава XXII

ВРОЗЬ

Весь этот долгий день оставались охотники на каменном островке. Они больше не боялись, что их смоет потоком. Вода уже не поднималась, но и спадать еще не начала.

Солнце уже стояло в зените и жгло сильней прежнего.

Охотники буквально поджаривались на своей каменной сковородке. Это становилось невыносимо.

— Неужели мы проторчим здесь еще одну ночь? — нетерпеливо спросил Гендрик.

— Похоже на то, — мрачно ответил Виллем.

— А завтра что будем делать? — спросил Аренд. — Вряд ли завтра нам будет легче выбраться отсюда, чем сегодня.

— Да, верно, — сказал Виллем. — Надо что-то придумать. Не век же сидеть здесь, как в тюрьме! Что можно сделать, как по-вашему?

— Вот что, — предложил Гендрик. — Пусть кто-нибудь один поплывет вниз по течению и поищет место, где можно вылезти на землю. Если он выплывет благополучно, он сушей опять поднимется сюда, выберет

лиану подлиннее — они тут с каждого дерева свисают, — раскачает и забросит на камень, а другие двое постараются ухватить конец. Таким способом мы все и выберемся.

— Неплохо придумано,—отозвался Аренд.—Но только кто из нас поплывет? Я, например, готов рискнуть.

— Конечно, риск большой, — сказал Гендрик. — Но ведь и оставаться здесь опасно — нам грозит голодная смерть.

— Совершенно верно, — поддержал Аренд. — Не знаю, как на ваш вкус, а по-моему, пускай уж лучше меня слопает крокодил, чем я сам помру с голоду. Так что я с удовольствием отправлюсь. Если часа через три — четыре вы не увидите меня на берегу, значит, либо мною пообедал крокодил, либо я разбился о камни.

Гендрик и Виллем и слушать не хотели о таком самопожертвовании; некоторое время они спорили, кому плыть, и каждый утверждал, что плавает куда лучше других — уж конечно, при иных обстоятельствах никто из них не стал бы так говорить.

Каждый настаивал на своем праве рискнуть жизнью, и ни один не хотел уступить, пока наконец не решили кинуть жребий.

Так и сделали, и Гендрику, которому впервые пришел в голову этот план, выпало на долю осуществить его.

— Вот и хорошо! — обрадовался Гендрик, когда все было решено. — Ведь я сам все это придумал, я и сделаю. Ну, за дело!

Он быстро разделся, пожал руки Аренду и Виллему, прыгнул в поток — и стрелой унесся прочь, подхваченный стремительным, бурным потоком.

С тревогой глядели ему вслед друзья, но не прошло и трех минут, а он уже исчез из глаз.

Два часа Аренд и Виллем провели в тревожной неизвестности. Потом прошло еще два часа, и их объял ужас.

— Уже смеркается, — сказал Аренд. — Если до ночи Гендрик не вернется, я поплыву за ним.

— Что ж, можно и поплыть, пока у нас есть силы, — отозвался Виллем. — Если ты поплывешь, я с тобой.

Двинемся вместе. Как по-твоему, сколько еще надо ждать?

— По-моему, немного. Уж конечно, на протяжении мили он мог найти место, где можно выбраться на берег. А много ли надо времени, чтобы проплыть одну милю по течению реки! Видел, с какой скоростью его понесло? Гендрик вернется очень скоро... или совсем не вернется.

Прошел еще час, а Гендрика все не было.

— Останься здесь, Виллем, — предложил Аренд. — Я поплыву один.

— Нет, — ответил знаменитый охотник. — Поплывем вместе. Когда-то я думал, что, пока жив, ни за что не расстанусь со своим ружьем, да, видно, придется. Больше ждать нельзя. Слабеешь, с каждым часом сил становится меньше.

Они разулись и уже хотели прыгнуть в воду, как вдруг до них донесся хорошо знакомый голос.

На берегу, как раз напротив их каменного островка, появился Конго верхом на лошади.

— Не бойтесь, баас Виллем! — крикнул он. — Я скоро вернусь! — И ускакал.

И тотчас, как будто объясняя его исчезновение, громко затрубил слон.

— О господи! — воскликнул Аренд. — Сколько еще нам тут сидеть?

— Наверно, до завтра, — ответил Виллем. — Быстрее Конго не обернется: ему надо проскакать до лагеря и обратно.

— Неужели он ускачет, даже не попытавшись нас выручить?

— Конечно. Что он тут сделает один? Ничего. Он это понял, вот и поскакал за подмогой. Слона ему в одиночку не убить. Да и не будь тут слона, Конго не мог бы снять нас со скалы.

— До берега ярдов двадцать. Добраться-то можно, только для этого нужен канат. И лианы годятся, но Конго их не заметил. Он, видно, с первого взгляда понял, что одному здесь не справиться, и поскакал в лагерь за подмогой.

— Надеюсь, — сказал Аренд. — Если так, нам нечего бояться за себя. Просто нужно набраться терпения и ждать. Одно меня тревожит — Гендрик.

Виллем не ответил, и Аренд понял, что он уже почти потерял надежду снова увидеть Гендрика.

Медленно зашло солнце, и над бурной рекой снова опустилась ночь.

Даже если бы охотников не мучил голод, тревога все равно не дала бы им уснуть. Воды у них было вдоволь, даже слишком много, хотя доставали ее не без труда: черпать приходилось пороховницей, из которой для этого высыпали порох.

Снова настало утро, и солнце взошло такое же яркое и жгучее, как накануне, и чем выше поднималось оно в безоблачном небе, тем беспощадней жгли его лучи.

Еще несколько часов — и вернется Конго... А вдруг он вовсе не вернется? Они уже знали, что в Африке всякая поездка — дело опасное, недаром они снова попали в беду. Вдруг ему что-нибудь помешает добраться до лагеря?

Теперь они уже не сомневались, что с Гендриком стряслась беда, быть может, он даже погиб.

И, словно для того, чтобы окончательно уверить их в этом, около скалы, на которой они стояли, появились три крокодила. Они не спешили плыть дальше — должно быть, надеялись в скором времени полакомиться человеческим мясом.

При виде этих тварей Виллем вышел из себя. Вот какая судьба, быть может, постигла Гендрика, вот что, возможно, ждет их обоих!.. Он схватил громобой, высыпал отсыревший порох и зарядил ружье снова. Потом прицелился в глаз одного из мерзких гадов и спустил курок.

Прогремел выстрел. Крокодил тяжело нырнул в воду и так заметался, что стало ясно: охотник не промахнулся!

Крокодил вынырнул, перевернулся в воздухе, потом снова ушел в воду и стал с такой быстротой кружить на одном месте, что Виллема и Аренда, смотревших на его агонию, обдавало брызгами с головы до ног.

Два других крокодила поплыли вниз по течению, и, провожая их взглядом, братья думали об одном и том же.

Мысли обоих были о Гендрике. Спустимся же и мы вниз по течению и посмотрим, что с ним сталось.

Глава XXIII

ИЗ ОГНЯ ДА В ПОЛЫМЯ

Когда Гендрик расстался с друзьями и очутился в воде, ему не пришлось тратить много сил на то, чтобы плыть. Легких движений рук и ног было довольно, чтоб держаться на поверхности, а течение несло его с такой скоростью, что он надеялся быстро доплыть до цели.

Наверно, скоро он доберется до какого-нибудь места, где берег не так уж неодолимо крут и высок, а течение все-таки не настолько сильное, чтобы он не смог приблизиться к берегу.

Гендрик проплыл мимо нескольких скал, и ему стоило большого труда не разбиться об одну из них — так стремительно несла его река.

Уже около мили отделяло Гендрика от оставшихся позади друзей. Как он и ожидал, берега становились все более отлогими, и он решил, что пора выбираться на сушу.

Но река по-прежнему быстро мчала свои воды, и, пока Гендрик успевал на фут приблизиться к берегу, его сносило еще на несколько ярдов вниз по течению.

В сознании Гендрика наконец пробудилось смутное предчувствие опасности, о которой он и не подумал, пускаясь в путь. Он предвидел что угодно, но не это! До сих пор все шло хорошо: он не разбился о скалы, не попался крокодилам. Но он уже знал, что ему грозит новая и, быть может, еще более серьезная опасность. Его сносило так быстро, что он понял: воды катятся по наклонной, и вот впереди уже слышится шум водопада! Сперва это была лишь догадка, но вскоре не осталось никаких сомнений. Гендрик стрелой несся к краю водо-

пада. Собрав все свои силы, он попытался выплыть к берегу в том месте, где было не слишком круто.

Это ему почти удалось. Еще десять футов — и он бы ухватился за нависшие над водой кусты. Но как ни мало было это расстояние, Гендрик не смог его одолеть, и жадная пучина снова потянула его.

На самом краю обрыва, откуда река низвергалась вниз, он заметил острый камень, выступающий из воды фута на три... Не столько все старания пловца, сколько счастливый случай помог ему — течение проносило его совсем близко. Дотянувшись до скалы, он ухватился за нее обеими руками и лишь так смог удержаться. Вода протащила его вокруг скалы, пока все тело его не вытянулось по течению и ноги не повисли над водопадом. Хотя скала разбивала течение и ослабляла его напор, Гендрику пришлось напрячь все силы, чтоб его не смыла вода. Немного погодя ему удалось найти место для ног. На скале оказался небольшой выступ: Гендрик поставил одну ногу, а другой оперся о вершину. Попытка добраться до берега неминуемо стоила бы ему жизни. Земля была совсем близко, на расстоянии прыжка, но, чтобы прыгнуть, надо сначала твердо стать на ноги, а для этого не хватало места.

Шли часы, и стоять в такой утомительной и неудобной позе становилось все труднее. Передохнуть он мог лишь одним способом: снова спуститься в воду, обхватив скалу обеими руками. Но больше двух—трех минут так не отдохнешь — если это вообще можно назвать отдыхом, — и Гендрику приходилось снова взбираться на скалу.

«Здесь, по крайней мере, нечего бояться крокодилов, — подумал он в одну из таких «передышек». — Может быть, какого-нибудь и занесет сюда, но он все равно не успеет схватить меня, даже если будет умирать с голоду». Так он промучился всю ночь.

Рассвело, и снова он терзался, глядя на берег, до которого рукой подать, но который так недостижим, словно Гендрика отделяет от него поток в несколько миль шириной.

Нет, видно, судьба не пощадит его.

Обеими руками Гендрик ухватился за скалу.

Раз невозможно добраться до берега, попробуем поглядеть вниз. Вытянув шею как только мог, Гендрик посмотрел, куда низвергаются воды реки. Глубина была футов тридцать. Внизу все пенилось, но уже чуть дальше река несла свои воды плавно, спокойно, словно отдыхала после бешеного прыжка.

«Не отдаться ли на волю течения?» — подумал Гендрик. Будь он уверен, что внизу глубоко, он бы мгновенно решился. Ну, а если там острые камни? Ведь тогда разобьешься насмерть. Да и берега внизу крутые. Пожалуй, еще не скоро выберешься на сушу, придется долго плыть. А после того как водопад сбросит его с тридцатифутовой высоты, нелегко ему будет держаться на поверхности. И, уж во всяком случае, долго плыть он не сможет.

Гендрик взвешивал, сомневался и наконец решил отказаться от этой опасной попытки.

Как ни тяжело ему приходилось, он не забывал о друзьях, оставшихся на скале.

Скорей всего, Виллем и Аренд поплывут вслед за ним. Пожалуй, кто-нибудь из них уже и поплыл, а может, и оба. И ночью их могло унести в водопад, а он в темноте ничего не заметил...

Время шло, и Гендрик так истерзался, что стал терять надежду на спасение. Он едва устоял перед искушением положить всему конец, отдав свое тело во власть потока. Но образ Вильгельмины, мелькнувший перед его мысленным взором, отогнал демона-искусителя.

Как добрый ангел, явилась она ему и повелела надеяться и ждать. И он подчинился.

Глава XXIV

СНОВА ВМЕСТЕ

Время шло. Виллем и Аренд на своем каменном острове терпеливо ждали возвращения Конго. Они не сомневались, что он поможет им и не заставит их ждать

ни одной лишней минуты; но он уехал на ночь глядя, а это опасное время для путешествий. Он мог бы уже побывать в лагере и вернуться: времени прошло немало. Сестрица Анна и та, стоя на сторожевой башне замка Синей Бороды, не глядела на дорогу так пристально, как они; не отрывая глаз, следили они за берегом: не появится ли Конго. И они дождались! Около полудня они услыхали крики, и вскоре на берегу показались Ганс, Конго и Макора. С Макорой пришли человек десять туземцев. Они тащили длинные канаты, которые Конго велел захватить с собой.

— Где Гендрик? — прежде всего спросил Ганс с дрожью в голосе.

— Не знаем, — был ответ. — Он поплыл вниз по течению, он надеялся выбраться на берег. Мы очень боимся, что с ним что-то случилось.

Пока три друга тревожно совещались, Макора с несколькими своими людьми прошел берегом вверх по течению.

У самого берега росло когда-то высокое, футов в пятьдесят, дерево. Много лет назад оно упало, и теперь ствол лежал мертвый, высохший. Накрепко обвязав один конец ствола канатами, его столкнули в реку с таким расчетом, чтобы его снесло к скале, где стояли Виллем и Аренд. Другой конец каната крепко держали несколько туземцев.

Течение подхватило бревно и мгновенно прибило его к скале; люди изо всех сил натянули канат и придержали бревно, чтобы его не понесло дальше.

С кошачьей ловкостью Виллем и Аренд прыгнули на бревно, уселись верхом; их подтянули к берегу и в целости и сохранности втащили наверх.

Первое, что они увидели, была туша слона, в которого они всадили столько пуль.

Он все-таки сдался. Даже гнев и жажда мщения не спасли его от смерти.

Теперь Виллем и Аренд уже не беспокоились о себе, но они всё больше тревожились об исчезнувшем друге. Их мучил голод, усталость, но они не хотели и думать о еде, пока не разыщут Гендрика.

Ничто другое, кроме разве уважения к себе, не живет в душе человеческой так долго и упорно, как надежда, даже если надеяться больше не на что.

С тех пор как Гендрик расстался с ними, прошло уже больше суток. Увидят ли они его когда-нибудь снова живого или мертвого? Сто против одного, что нет. Но они все еще не теряли надежды.

Захватив еды, чтобы поесть дорогой, они отправились вниз по течению. Многим туземцам явно не хотелось идти. Они только что прошли около тридцати миль за несколько часов и, разумеется, устали. Но не только поэтому они отправлялись в путь с такой неохотой. Им уже сказали, что Гендрик поплыл вниз по течению, и, так как ими руководил здравый смысл, а не дружеские чувства, они не надеялись найти его. Ведь они хорошо знали эти места и этот водопад и были уверены, что пловцу не миновать пропасти и что река уже уносит его безжизненное тело к океану.

Проехав немногим больше мили вниз по течению, Виллем выстрелил. Эхо раскатилось далеко вдоль берегов. Все замерли, прислушиваясь, не откликнется ли Гендрик.

И он откликнулся.

Издали донесся слабый человеческий голос. С радостным криком все три охотника бросились вперед, и немного погодя Ганс позвал:

— Гендрик!

И в ответ с реки послышалось:

— Я здесь! Сюда!

Еще через минуту они уже стояли в нескольких футах от того, кого разыскивали, и с одного взгляда поняли, почему он не вернулся к ним на выручку...

Подошли макололо с запасами еды, голодные охотники наелись досыта, и потом все вернулись к убитому слону.

Раскинули лагерь, разложили костры и стали располагаться на ночь; а туземцы наслаждались своим любимым блюдом — запеченной слоновьей ногой.

Теперь пришла очередь Конго рассказать о своих приключениях.

Когда охотники ускакали от него, погнавшись за жирафами, он часа два или три дожидался их. Потом пошел по следу, но, так как приходилось вести на поводу вьючную лошадь, он двигался медленно.

Ночь застала его возле убитого жирафа. В темноте следов не видно, и он до утра оставался на месте.

А утром начался ливень и почти смыл следы, так что даже пес Следопыт с трудом их отыскивал. Немного погодя Конго увидел, что следы лошадей разделились и ведут в разные стороны. Он шел по одному следу, пока не наткнулся на лошадь, но на ней не оказалось ни седла, ни поводьев, ни всадника.

Это была лошадь Виллема, которая ускакала, напуганная появлением слонов.

Значит, не здесь надо искать хозяина. И Конго вернулся туда, где следы лошадей разошлись. Так он добрался до места, где слон впервые кинулся на охотников. Потом Конго вышел к реке и сразу увидал охотников на их каменном островке. Раненый слон, все еще не снявший осады, кинулся на Конго, и ему пришлось спасаться бегством, но и того, что он успел увидеть, было довольно: он понял, что надо спешить в лагерь за подмогой, и вот привел ее...

Ночь у озера прошла спокойно.

Счастливые тем, что они опять вместе, друзья, наверно, не сомкнули бы глаз, если бы не безмерная усталость.

Видя, как они измучены, Ганс и Макора не стали требовать подробного рассказа о всех опасностях, которые они пережили, и было еще совсем рано, когда лагерь погрузился в сон.

Итак, у них пропали две лошади. Это была для охотников большая потеря. Зато сами они спаслись, спаслись просто чудом, и никто из них не был в обиде на судьбу.

На другое утро они поехали обратно, туда, где сооружалась западня для жирафов. Черныш ждал их с величайшим нетерпением. Он бурно обрадовался, увидев их снова живыми и здоровыми, и объявил, что они еще дешево отделались. Могло быть и хуже, раз их проводником был Конго!

Глава XXV

НОЧЬ ОШИБОК

На сооружение западни нужно было около двух недель, и Виллем решил пока снова отправиться на охоту. Вокруг было очень много дичи, но вождь настаивал, чтобы они не охотились поблизости, так как выстрелы выдадут их.

В рощах акации они видели жирафов, их следы были и на берегу реки.

Макора говорил, что, если жирафов спугнуть, они уйдут из этих мест раньше, чем будет готов загон.

Виллем был охотник, и приехал он не для чего-нибудь, а охотиться. Сидеть сложа руки целых две недели он просто не мог и, взяв с собой Гендрика и Конго, отправился к реке, которая, по словам вождя, протекала милях в тридцати к северо-западу от лагеря. Они надеялись добраться туда за один день. Так бы оно и было, не повстречайся им большое стадо антилоп. Охотники погнались за антилопами и задержались.

На ночь они остановились, как им казалось, милях в пяти от реки и на другое утро продолжали путь. Но проехали десять миль, проехали пятнадцать, а реки все нет.

После полудня охотники увидали ручеек, протекавший недалеко от озера. Они подумали, что он, наверно, впадает в реку, которую они ищут, и, значит, доведет их до цели. Однако они не спешили уйти от озера — здесь, судя по всему, можно было отлично поохотиться. Какой только дичи здесь не было! Каких только следов не увидишь на берегу! И Виллем предложил остаться на ночь в засаде у озера.

Гендрик согласился. Лошадей привязали и предоставили им щипать траву.

В двадцати шагах от озера они нашли подходящее для засады место и за какой-нибудь час выкопали две ямы, в которых можно было спрятаться.

Едва стемнело, они оставили Конго под защитой большого костра, а сами отправились к ямам и стали в молчании подстерегать дичь.

Первыми появились небольшие антилопы, но охотникам не нужно было пополнять свои запасы провизии, и они не стали трогать антилоп: пусть напьются воды и уйдут без помехи.

Но вдруг животные заволновались и кинулись прочь. На одну из антилоп бросился леопард, остальные скрылись, а хищник, подхватив свою жертву, хотел утащить ее. Но как только он повернулся к охотникам боком, Виллем выстрелил из своего громобоя, и пуля крупного калибра раздробила ребра зверя.

Взревев, леопард встал на дыбы, сделал несколько шагов на задних лапах и свалился наземь. Виллем стрелял почти наугад, в полутьме, но выстрел был так хорош, словно охотник старательно целился при ярком свете дня.

Потом у озера побывали гиены, шакалы и всякое другое зверье, не стоящее того, чтобы тратить на него порох.

Время шло, а подходящей дичи все не было и не было. Охотникам оставалось только слушать, как рычат, хохочут и лают пожиратели падали — гиены и шакалы, собравшиеся у озера.

— Не очень-то весело так лежать! — проворчал Гендрик. — Я, того и гляди, усну.

Прошел еще час, а дичь, достойная внимания, все не появлялась, и Виллему тоже начало надоедать бездействие.

Они уже подумывали, не вылезти ли из ям и не присоединиться ли к Конго, сидящему у костра, но вдруг услышали, что к ним приближается кто-то покрупнее гиены.

Спрятавшись в ямы чуть ли не по самые брови, охотники нетерпеливо уставились в ту сторону, откуда слышались шаги двух больших животных, которые, очевидно, шли к пруду.

Напрягая зрение, Виллем старался разглядеть, кто это, и наконец прошептал:

— Кваггн!

— Верно, — ответил Гендрик. — Убьем их! Проку от них мало, но хоть веселее будет — не заснем.

Виллем уже не надеялся подстрелить этой ночью что-нибудь стоящее, поэтому он не возражал и выстрелил первый.

Животное, в которое он целился, качнулось вперед и с тяжелым всплеском упало в воду.

Вторая квагга повернулась и готова была бежать, но тут выстрелил Гендрик. Выстрел не остановил кваггу, и Гендрик решил, что промахнулся. Но тотчас он услышал глухой звук падения и понял, что ошибся; в то же время до него донесся какой-то очень знакомый стон. Нет, это не крик квагги!

Не говоря ни слова, охотники выскочили из ям и поспешили к подстреленной дичи. Оба ясно чувствовали — случилось что-то неладное.

Сперва они наткнулись на животное, которое уложил Гендрик.

Это была не квагга, а лошадь!

— Лошадь! — крикнул Виллем. — Но, слава богу, не моя и не твоя.

— Ты эгоист, Виллем, — сказал Гендрик. — Все равно она чья-нибудь. Видишь, на спине след от седла.

— Может быть, — проворчал Виллем. — И все равно я рад, что это не моя лошадь.

Он ценил своего коня почти так же, как свой громобой.

Потом они пошли к озеру — там, в мелководье, все еще барахталась вторая лошадь. Было ясно, что ей уже не встать на ноги, рана ее смертельна, и, чтобы животное зря не мучилось, его пристрелили.

Теряясь в догадках, чьи это лошади, Виллем и Гендрик вернулись к костру; довольно уже на сегодня перебито зверья.

На следующий день они спозаранку двинулись от озера вниз по течению ручья и через два часа достигли реки, которую так долго искали.

Здесь решено было остаться до завтра. Они снова привязали лошадей и предоставили им пастись, а сами прилегли в тени мохалы, так как порядком устали. Но немного погодя их всполошили громкий лай Следопыта и крики Конго.

Вскочив на ноги, охотники увидели, что их окружили человек сорок африканцев, вооруженных кто копьями, кто луком и стрелами.

Вид у туземцев был воинственный, и охотники поняли, что ждать от них добра не приходится. Они схватились за ружья и решили защищаться до последнего.

Глава XXVI

В ПЛЕНУ

Конго бросился к Виллему и стал умолять его не сопротивляться. Он непременно хотел, чтобы они сдались, сдались без единой попытки отстоять свою свободу. Он даже схватился за ружье Гендрика, когда тот хотел стрелять.

— Отрава! Стрелы и копья отравлены! — закричал Конго вне себя от ужаса.

Виллем и Гендрик немало слышали и читали об африканских племенах, отравляющих стрелы и копья, а кое-что и сами видели, поэтому тревога Конго передалась и им.

Они были не робкого десятка, но прямо перед ними стояли люди с оружием, куда более смертоносным на близком расстоянии, чем их ружья. Пустячной царапины, нанесенной таким копьем, довольно, чтобы человек умер в страшных мучениях.

Нечего было и думать о том, чтобы победить тридцать или сорок человек, не получив при этом ни единой царапины. И, понимая это, охотники послушались Конго и сдались.

Когда Конго увидел, что они сдались в плен без боя, к нему вернулось самообладание, и он потребовал, чтобы туземцы объяснили, почему они напали на охотников.

Вперед выступил один из воинов, должно быть пользующийся наибольшим уважением.

Выслушав его, Конго понял, что произошло, и встревожился не на шутку.

Воин говорил на языке, понятном одному лишь Конго. Он объяснил, что у него пропали две лошади, обеих убили у пруда, когда они шли на водопой. Он очень огорчен потерей лошадей — то были дареные кони, — но рад, что нашел тех, кто злонамеренно убил их.

Охотники велели Конго сказать воину, что они убили лошадей по ошибке, очень сожалеют об этом и с радостью щедро возместят владельцу убытки.

Черный вождь ответил, что больше ему ничего не надо, и пригласил охотников в свою деревню, чтоб обо всем договориться.

Все направились вверх по реке. Но туземцы попрежнему окружали охотников и держались с ними, как с пленниками.

— Нам очень не повезло, — сказал Гендрик. — Придется отдать что-нибудь такое, без чего трудно обойтись. Пустяками здесь не отделаешься: они могут потребовать наших лошадей взамен убитых.

— Лошадей они не получат! — отрезал Виллем, забыв на минуту, что он пленник и что их лошади уже в руках туземцев.

Примерно в миле от того места, где их захватили, они увидели несколько хижин, из которых высыпали женщины и дети. Видно, это и была деревня.

Не теряя времени, вождь перешел к делу. Ему не терпелось получить свое.

Виллем и Гендрик тоже не желали откладывать дело надолго. И Конго вновь приступил к обязанностям толмача.

Черный вождь велел ему передать своим хозяевам, что убитым коням просто цены не было. Их подарил ему его высокочтимый друг, португальский работорговец, таких коней не сыщешь во всем мире. Никакие другие лошади их не заменят.

— Отлично, — сказал Виллем, выслушав все это. — Спроси его, что он хочет получить.

— Я понимаю, к чему он клонит — заметил Гендрик, пока Конго снова объяснялся с вождем. — Нам не вырваться из его лап, пока он не вытянет все, что у нас есть.

— Лучше ему не жадничать, — ответил Виллем, — а то он и вовсе ничего не получит. Мы, конечно, сделали глупость и поэтому готовы заплатить ровно столько, сколько нужно, но не больше.

— Смело сказано, — ответил Гендрик. — Но сила-то на их стороне. Не мы хозяева положения, так что спорить не приходится.

Прежде чем предложить свои условия, вождь пожелал, чтобы охотники знали, что он не будет с ними суров. Он не станет наказывать их за ошибку, он просто хочет, чтобы они возместили ему убытки; но в то же время он дал понять, что потеря эта невозместима.

По виду убитых лошадей охотники поняли, что работорговец просто сжалился над ними и потому оставил их здесь. Судя по всему, они прошли долгий и тяжелый путь, совсем обессилели, и их прежний владелец, наверно, был благодарен вождю за то, что тот позволил им помереть естественной смертью в его владениях.

Истец, он же и судья, объявил наконец, чтó он требует в возмещение причиненного ему ущерба.

— Скажи им, — обратился он к Конго, — что взамен я прошу только их лошадей, ружья и патроны.

— Что! — воскликнул Виллем в ярости. — Отдать ему моего коня и громобой? Да все лошади Африки того не стоят!

Таким вымогательством Гендрик был удивлен и возмущен не меньше друга; и, видя, что продолжать переговоры бессмысленно, охотники, не говоря ни слова, направились к своим лошадям, готовые вскочить в седла и ускакать.

Но вождь и его соплеменники преградили им путь. Завязалась драка, в которой Виллем померился силами с добрым десятком туземцев. Всех, кто пытался вырвать у него ружье, он пошвырял наземь, в том числе и самого вождя. Стрелять Виллем не хотел — пуля убьет только одного врага, а их легион.

Удалось бы туземцам взять Виллема живым или нет, трудно сказать, но тут одному из них, самому хитрому, пришел в голову остроумный способ положить конец

стычке. Схватив конусообразную корзину, которой ловили рыбу, он подбежал к Виллему сзади и, словно гася колпачком газовый рожок, нахлобучил корзину ему на голову. Еще двое или трое тут же ухватились за корзину, повалили великана-охотника и держали до тех пор, пока не удалось его связать ремнями из кожи зебры.

Тем временем один из туземцев так ударил Гендрика, что тот, оглушенный, уже не мог сопротивляться, и его тоже накрепко связали.

Конго не пробовал вступиться за своих хозяев; наоборот, он, казалось, был доволен тем, как развиваются события. Это, впрочем, не помешало туземцам связать и его.

Вскоре Гендрик очнулся и, увидев, что он крепко связан, пришел в неописуемую ярость. Что может быть мучительнее для храброго и самолюбивого человека, чем невозможность отомстить за глубокое унижение!

Виллем был не менее храбр, но не так горяч и потому спокойнее перенес оскорбление. Он возмутился, когда у него попытались отнять самую дорогую для него вещь — ружье. Но удержать ружье ему не удалось, и, потеряв его, а вместе с ним и свободу, Виллем решил сохранять философское спокойствие и терпеливо ждал, что будет дальше.

Конго, который с безразличным видом смотрел, как связывают его хозяев, и как будто даже радовался этому, теперь, когда его самого постигла та же участь, загрустил. Товарищи по несчастью не сочувствовали ему: у них были основания подозревать его в неблагодарности.

Глава XXVII

В ПУТАХ

Пленникам оставалось только смотреть, как туземцы делят между собой их вещи. Бо́льшую часть трофеев забрал себе вождь взамен потерянных лошадей и в вознаграждение за то, что его собственная особа пострада-

ла во время стычки: ведь Виллем, прежде чем его схватили, свалил вождя наземь ударом приклада.

Смотреть на дележ своего имущества было для охотников новым унижением, и они чувствовали, что просто обязаны отплатить за него.

— Ничего не выйдет, баас Виллем, — сказал Конго, который ухитрился подползти поближе к нему. — Начнем сопротивляться — нас убьют.

Потом Конго сказал, что, если бы они с самого начала не спорили с вождем, быть может, им и удалось бы вернуться к Макоре, а теперь им ни за что не вырваться отсюда, даже и ему не вырваться, хоть он и притворился предателем, думая, что так ему легче будет выручить своих молодых хозяев.

— Ты думаешь, они в самом деле хотят нас убить? — спросил Виллем.

— Да, баас Виллем. Конечно, хотят, — ответил Конго. — Теперь они боятся отпустить нас.

— Но если они хотят нас убить, почему же сразу не убили? — спросил Гендрик.

Конго объяснил, что туземцы, взявшие их в плен, принадлежат к кочевому племени зулусских кафров, народу воинственному и совсем не уважающему белых. Это племя однажды потребовало дань с португальских поселенцев на севере Африки и получило ее, и они никогда не простят охотникам оскорбления, которое те нанесли вождю, свалив его ударом на землю да еще в присутствии его подданных. Одного этого довольно, чтоб их убить.

Объясняя охотникам, почему их не убили сразу, Конго показал себя таким знатоком нравов и обычаев племени, в руках которого они находились, что у Виллема и Гендрика не осталось никаких сомнений: он говорит правду.

— Белого человека, — сказал Конго, — никогда не убьют на глазах всего племени, чтобы женщины и дети потом не проболтались об этом другим белым, которых занесет в эти края. Все, конечно, поймут, какая судьба постигла белых пленников, но свидетелями казни будут лишь немногие. Как-нибудь ночью их отведут мили за

две от деревни и там убьют. А палачи, вернувшись в деревню, расскажут, что отпустили их домой.

Конго считал, что вождю еще не до расправы: он очень доволен своими только что захваченными трофеями и ни о чем другом пока не думает.

Но что ни говорил Конго, а Виллем и Гендрик не теряли надежды на спасение. Наверно, им все же представится какой-нибудь случай унести ноги, но и только — ни лошадей, ни ружей им больше не видать.

К вечеру охотникам показалось, что их стерегут уже не так, как днем.

Но напрасно они пытались разорвать ремни или както из них выпутаться. Их связали надежно. Скорее всего, тут постарался человек, который приобрел немалый опыт, отправляя в рабство своих же несчастных соплеменников.

Вечером к ним подошел один из туземцев. Он остановился возле Виллема и стал внимательно разглядывать его.

Лицо его показалось Виллему знакомым, и, приглядевшись, он понял, что это не кто иной, как Синдо, изгнанник, которого он спас от гнева Макоры. Отчаяние Виллема сразу сменилось надеждой. Конечно же, этот «вождь на час» не будет неблагодарным! Он, наверно, вступится за них. Это просто его долг!

Виллем постарался показать Синдо, что узнал его, надеясь, что тогда Синдо скорее поможет им. Но он обманулся в своих ожиданиях. Скорчив презрительную гримасу, туземец удалился.

— Это Синдо, — тихонько сказал Виллем товарищам по несчастью. — Он, видно, пристал к этому племени. Неужели он не поможет нам?

— Верно, Синдо, — подтвердил Конго. — Только он не станет помогать.

— Почему?

— Не такой он дурак.

Это было похоже на правду.

Однажды его уже обвиняли в измене, и он едва не погиб. Было бы глупо идти на такой риск снова здесь, где он обрел новый дом.

Так понял Виллем поведение туземца.

Синдо отплатил им неблагодарностью. Он не проявил ни капли сочувствия к тем, кто помог ему в беде. Наоборот, он всем своим видом показывал, что и знать их не знает.

Всю ночь они лежали связанные. Настало утро, а их все еще не освободили.

— Что все это значит? — спросил Гендрик. — Что они собираются с нами делать?

— Я начинаю побаиваться, что Конго прав, — ответил Виллем. — Они и в самом деле задумали недоброе. Они ограбили нас, продержали всю ночь связанными. Это подозрительно.

— Но неужели они посмеют убить нас? — воскликнул Гендрик. — Мы белые, у нас все стоят друг за друга, и, если пострадает один, за него отомстят другие. Неужели они пойдут на все и не побоятся возмездия?

— Сперва я тоже так думал, — ответил Виллем, — но, судя по тому, как они обращаются с нами, они ничего не боятся.

— Нет, баас Виллем, — вмешался Конго, — вождь очень даже боится.

— Вот как? Что-то не похоже.

— Я говорю, он боится нас отпустить. Они убьют нас, баас Виллем.

Конго сказал это с таким покорным и безнадежным видом, что ясно было: он глубоко в этом убежден.

— Неужели правда, Гендрик? — спросил Виллем друга. — Нет, невозможно! Может, мне все это снится?

— Что касается меня, то я, уж конечно, не сплю, — ответил Гендрик. — Мне так туго связали руки, что ремни прямо впились в тело. Еще немного — и я просто помру, если меня не развяжут. Но неужели они посмеют нас убить?

Некоторое время пленники молчали. Они вспоминали рассказы о многочисленных случаях, когда зулусские кафры жестоко расправлялись с белыми жителями Капской колонии, о случаях ничем не вызванного насилия, — и все это совершалось гораздо ближе к поселениям белых, там, где кафры могли бы больше опасать-

ся возмездия. Племя, в руки которого попали наши охотники, могло не бояться кары — с юга их защищали огромные пространства, а трусливых португальцев, жителей севера, они и в грош не ставили.

Но и это не все.

Охотники нанесли им ущерб и отказались возместить его. Во время стычки они оскорбили вождя, ударив его. Сверх того, туземцам пришлось по вкусу имущество пленников, а как всего вернее сохранить его? Конечно же, надо сделать так, чтобы пленники никогда уже не могли вновь отнять свою собственность или потребовать возмещения убытков.

Будущее казалось беспросветным. И наши искатели приключений уже верили, что Конго не ошибается, предсказывая им близкую смерть.

Глава XXVIII

ИХ ВЕДУТ НА СМЕРТЬ

Прошел еще день, а с пленниками обращались попрежнему. Никто, кроме женщин и детей, почти не замечал их. Вождь и несколько его соплеменников весь день развлекались стрельбой в цель из отобранных у охотников ружей и учились, как пользоваться их имуществом.

— Чего они медлят? — с раздражением воскликнул Гендрик. — Если уж хотят убить нас, пускай убивают! Это лучше, чем вот так мучиться.

— Да, конечно, такая жизнь не многого стоит, — сказал Виллем. — Но знаешь, Гендрик, где есть неопределенность, там есть и надежда. Мы сегодня совсем не видели Синдо. Неблагодарный негодяй! Он боится показаться нам на глаза!

— Если б мы не нуждались в помощи, он наверняка признал бы нас, — сказал Гендрик. — Ну, ничего. Больше нам уже не придется сталкиваться с людской неблагодарностью: вряд ли мы еще сумеем выручить кого-то из беды.

Настала ночь, но пленники видели, что в деревне царит необычное оживление. Несколько туземцев с факелами в руках бегали взад и вперед — видно, готовились к какому-то большому событию. И лошадей зачем-то оседлали.

— Говорил я, — сказал Конго, — они поведут нас убивать.

Виллем и Гендрик молча наблюдали за всем происходящим.

Потом к ним подошли туземцы и всех трех пленников отвязали от деревьев. Очевидно, должно было произойти нечто серьезное; но охотникам после всех мучений и утомительно долгого плена всякая перемена казалась облегчением.

Вождь племени верхом на лошади Виллема возглавлял процессию из десятка туземцев. Он направлялся к пруду, где были убиты его лошади. Следом вели пленников. Следопыт и другие собаки бежали за ними, даже не подозревая о страхе, который терзал их хозяев. Шествие выступило из деревни, а старики, женщины и дети, выстроившись по обе стороны дороги, провожали их взглядами. Многие смотрели на них с жалостливым любопытством, иные, видно, были очень довольны происходящим. Пленники это заметили. Почему туземцы с таким интересом смотрят, как они уходят? Ведь когда они пришли в селение, их едва заметили и, когда они лежали связанные под деревьями, на них не обращали внимания.

Что же сейчас привлекает зрителей? Ответ мог быть только один: туземцы смотрели на них с тем невеселым любопытством, какое всегда вызывает человек, обреченный на насильственную смерть.

Вождь держал ружье Виллема и, судя по всему, собирался пустить его в ход. Время от времени он поднимал его и прицеливался.

— Спроси их, Конго, куда нас ведут, — сказал Гендрик.

Конго заговорил с одним из туземцев, который шел рядом с ним, но тот лишь что-то невнятно проворчал в ответ.

Туземцы и пленники двинулись дальше. Вождь ехал

— Он не знает, — перевел Конго это сердитое ворчанье. — Зато я знаю.

— Куда?

— Нас ведут убивать.

— Конго! — воскликнул Виллем. — Спроси, где Синдо. А вдруг он нам все-таки поможет? Попытка не пытка. Если нет, мы хоть этим рассчитаемся за его неблагодарность. Я бы не прочь как-нибудь отплатить ему...

Конго послушался и спросил о Синдо. Вождь услыхал это, велел немедленно остановиться и стал о чем-то спрашивать своих спутников.

— Вождь тоже хочет знать, где Синдо, баас Виллем, — объяснил Конго.

Процессия остановилась, а разговор все продолжался. Потом вождь и еще один туземец поскакали назад к деревне — до нее теперь было около полумили. Пленники и их стражи остались на месте. Примерно через час вернулся вождь, сильно чем-то разгневанный.

впереди, двое воинов по бокам несли факелы.

Все поняли это по его сердитому лицу и громкому голосу. Конго внимательно прислушивался к каждому его слову.

— Он говорит про Синдо, — сказал Конго. — Он клянется, что завтра же его убьет.

— Надеюсь, он сдержит клятву,— сказал Виллем.— Думаю, что мы возбудили в нем подозрения насчет этого негодяя, которому он дал убежище. Теперь Синдо поплатится за свою неблагодарность. Он должен был попробовать спасти нас, даже рискуя тем, что ему пришлось бы уйти и из этого племени.

Двинулись дальше. Вождь ехал впереди, а по бокам два туземца несли факелы.

Проехали еще немного, и охотники узнали место, где их взяли в плен. Вождь обратился к своим спутникам с речью, а Конго перевел ее Виллему и Гендрику. Смысл речи был таков: белые чужестранцы умышленно и злонамеренно убили двух коней вождя — самых прекрасных скакунов на свете. Чужестранцы не захотели воз-

местить убытки, хотя могли бы это сделать, а когда он попытался вознаградить себя за потерю лошадей, ему оказали сопротивление, сбили с ног и жестоко оскорбили в присутствии его подданных. По единодушному мнению старейших и мудрейших людей племени, за эти преступления пленников следует наказать, и наказанием для них будет смерть. Он привел их туда, где они совершили первое преступление, — здесь самое подходящее место для исполнения этого справедливого приговора.

Когда Конго перевел охотникам эту речь, они велели ему передать вождю, что, если он отпустит их, они охотно оставят ему лошадей, винтовки и прочее свое имущество и обещают никогда не возвращаться в его владения и ничем не тревожить его. Больше того: они пришлют ему подарок, выкуп, за то, что он оставил их в живых и вернул им свободу.

В ответ им было сказано, что они белые, а потому им нельзя верить. Они не пошлют вождю подарки, но скорее всего попытаются отомстить; и, чтобы этого не случилось, они должны умереть — так решил вождь.

После такого решения им уже не к кому было взывать. С этой минуты на них снова перестали обращать внимание. Едва Конго пытался вымолвить хоть слово, стражи начинали кричать; а тем временем остальные по указаниям вождя готовили все для того, чтобы привести в исполнение страшный смертный приговор.

Глава XXIX

КАК РАЗ ВОВРЕМЯ

Скоро пленники поняли, какая смерть их ждет. По всему было видно, что вождь намерен испытать свое новое оружие — громобой Виллема.

Наверно, пленники потому так долго и оставались в живых, что вождь учился пользоваться этим оружием, чтобы не промахнуться, стреляя по такой цели, как двое белых людей.

Ремни стягивали запястья Гендрика куда туже, чем было необходимо. Сырая кожа высохла и съежилась — ведь охотники пробыли весь день на жгучем солнце, — поэтому ремни глубоко врезались в тело, кисти рук распухли, и Гендрик мучился больше других.

Но не только это терзало его. Теперь уже не оставалось сомнений, что их ждет та страшная участь, о которой Конго догадался с самого начала. Смерть казалась неизбежной, и Гендрик с его живым умом и способностью остро чувствовать всем своим существом болезненно ощущал близость смерти. Он боялся ее. В этом страхе не было ничего недостойного. То была просто любовь к жизни, страстное желание жить.

Кто не любит жизни, тот недостоин ее; кто не дорожит ее радостями и легко расстается с ними, тот либо не сумел оценить их, либо душа его так черна, что он способен видеть в жизни только дурное.

Гендрик страстно хотел жить и радоваться жизни и, глядя, как готовятся отнять у него жизнь, испытывал невыразимые муки.

Прощаясь с этим миром, он горевал о многом, но прежде всего его мысли были о Вильгельмине ван Вейк. Никогда больше он ее не увидит! А ее он любил больше жизни.

— Виллем! — воскликнул он. — Что же это? Неужели мы сейчас умрем? Я не хочу... не могу!

Он говорил — и все силы его души и тела напряглись в одном порыве: вернуть себе свободу!

Отчаянным усилием он попытался разорвать путы, но он ничего не добился, только из-под ногтей у него брызнула кровь.

В этот тяжкий час Виллем тоже не оставался бесстрастным. И он не хотел умирать, и ему было о чем сожалеть. Ведь это значит, что никогда больше он не увидит своих близких. Никогда не завершит дела, ради которого пустился в этот дальний путь.

Верному Конго было тоже горько знать, что смерть надвигается, что она уже рядом.

— Баас Виллем, — сказал он, с жалостью глядя на молодого охотника, — сейчас вы умрете. Я благослов-

ляю бога, про которого мне рассказывали ваши родители! Никогда я не вернусь в Грааф-Рейнет, не увижу, как они оплакивают вас!

Приготовления к казни уже закончились, но жестокому вождю не удалось показать свое искусство, не удалось исполнить задуманное.

Только было он хотел поднять ружье и прицелиться в одного из обреченных, как, откуда ни возьмись, появился большой отряд темнокожих воинов. На какое-то мгновение все растерялись. Те, что готовились совершить казнь, не сразу поняли, друзья это пришли или враги. Но вот раздался незнакомый им боевой клич, и их окружили рослые воины, вооруженные луками, копьями и ружьями. Да, тут оказались еще двое белых с ружьями, и их с радостью узнали пленники. То были Ганс и Аренд, а с ними Макора и его люди!

Приговор немедленно отменили, и пленников тут же освободили.

Не было никакой необходимости проливать кровь, так как никто из предполагавшихся палачей и не пробовал сопротивляться. Они тотчас вернули пленников, их ружья, лошадей и прочее имущество — бо́льшую часть его отдали еще прежде, чем было сказано хоть слово на этот счет.

И снова сердце Виллема не выдержало, и он стал просить Макору пощадить зулусов.

Не вступись Виллем, Макора перебил бы на месте всех зулусов, а потом отправился бы в их деревню чинить суд и расправу.

Объединенными усилиями охотники сдержали его ярость, и сбитым с толку убийцам разрешили уйти, не причинив им ни малейшего вреда.

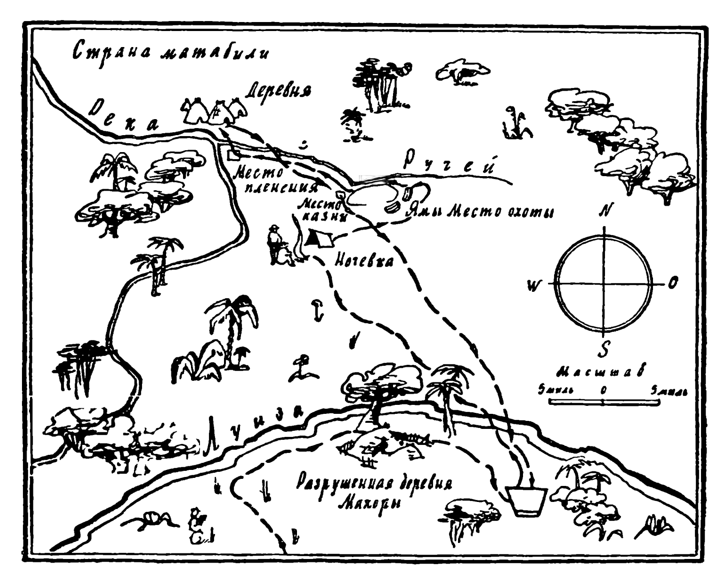
— Как хорошо, что вы подоспели! — сказал Гендрик Гансу и Аренду. — Как раз вовремя. Только я не могу понять, откуда вы узнали, что мы попали в беду?

— Все очень просто, — ответил Ганс. — Сегодня утром нам сказали, что вас схватили и собираются убить. Мы, конечно, тут же пустились в путь и весь день спешили как только могли к вам на выручку.

— Но откуда же вы узнали, что с нами стряслось?

— От Синдо, того самого, которого Макора чуть не убил за чрезмерное честолюбие.

Значит, напрасно они подозревали Синдо в неблагодарности. Он шел, вернее — бежал всю ночь, чтобы дать знать об опасности, грозившей людям, которые спасли



Ожидая, пока будет построено хопо, Виллем и Гендрик в сопровождении Конго отправились в новую охотничью экспедицию. На второй день после полудня они остановились поохотиться у озера, недалеко от которого протекал ручей. Охотники выкопали ямы, устроили засаду и ночью по ошибке убили вместо кваг двух лошадей Утром они спустились по течению ручья и вышли к реке. Здесь их окружили и взяли в плен зулусские кафры, вождю которых принадлежали лошади. Вождь приговорил молодых людей и Конго к расстрелу. Казнь должна была состояться у озера — на том месте, где были убиты лошади Все приготовления к ней были уже кончены, как вдруг появились Ганс, Аренд и их друзья макололо во главе с Макорой и спасли пленников.

ему жизнь. Для зулусов его слова ничего не значили, и он понял, что спасет пленников, только если предупредит тех, кто в силах помочь им. Так он сумел отблагодарить их.

«Цыплят по осени считают», — говорит пословица. Никогда не следует спешить с выводами. Если бы плен-

ники, когда их вели к месту казни, не упомянули имя Синдо и вождь зулусов не заподозрил измены, помощь пришла бы слишком поздно. С казнью замешкались потому, что вождь поскакал в селение разыскивать Синдо и в результате растерял «уже сосчитанных цыплят».

Освобожденные пленники стали спрашивать, где Синдо: они хотели обнять его.

Но Синдо здесь не было. Он так измучился, пока бежал, что уже не в силах был вернуться вместе с избавителями и остался в лагере, где сооружали западню.

Ни одной лишней минуты не задержались охотники на месте, с которым были связаны такие неприятные воспоминания. И когда забрезжил рассвет, они вместе со своими друзьями макололо были уже на пути к лагерю.

Там они застали Черныша в полном смятении. Он радовался их возвращению и злился на Конго, допустившего, чтобы их молодые хозяева попали в такую беду.

Услуга, которую Синдо оказал белым друзьям, вновь завоевала ему расположение Макоры, и тот предложил изгнаннику вернуться домой, к своему племени, на что Синдо с радостью согласился.

Глава XXX

ХОПО

На время Виллем как будто излечился от своей страсти к приключениям. Ведь он приехал сюда для того, чтобы поймать двух молодых жирафов и в целости и сохранности доставить их голландскому консулу. Опыт последних дней показал ему, что он не доведет дело до конца, если будет подвергать себя опасности умереть какой-нибудь страшной смертью. Это знание дорого досталось ему, и он больше не искал новых приключений, а принялся вместе с макололо строить за-

падню. Ему помогали все три охотника. И все они думали уже не столько о жирафах или о новых приключениях, сколько о возвращении домой.

Западня должна была состоять из двух высоких изгородей, сходящихся под острым углом. Каждая изгородь была в полторы мили длиной, а там, где они сходились, оставался просвет такой ширины, чтобы мог пройти самый крупный зверь. Сразу за этим проходом вырыли яму сорок футов в длину, пятнадцать в ширину и восемь в глубину, а по краям ее положили, слегка сдвинув их внутрь, тяжелые стволы деревьев. Западню строили с таким расчетом, чтоб каждое животное, попавшее в загон, пробежав его, непременно свалилось в яму и не могло из нее выбраться. Чем ближе к яме, тем выше и крепче становилась изгородь, чтобы нельзя было ни повалить ее, ни перепрыгнуть через нее.

Яму прикрыли сверху камышом и тростником. Ни одна мелочь, от которой мог бы зависеть успех дела, не была упущена.

И охотники и макололо работали с жаром, и вскоре западня была закончена; оставалось только загнать в нее дичь. Это решили сделать на следующий день. Прямо перед западней был акациевый лесок — потому-то здесь и соорудили западню. Соплеменники Макоры должны были устроить в этом лесу облаву и всех четвероногих обитателей его загнать в ловушку.

Рано поутру все макололо вместе с охотниками и их собаками приготовились к грандиозной облаве. Разделились на два отряда. Виллем, Гендрик и Макора пошли влево, Ганс, Аренд и лучший воин и охотник племени макололо пошли со своим отрядом направо, так, чтобы охватить лесок с двух сторон. Им предстояло окружить пространство мили в четыре длиной и три шириной.

Достигнув северной опушки, большинство загонщиков и собак вступили в лес. Белые охотники верхом на своих лошадях и кое-кто из макололо верхом на быках остались на опушке, чтобы помешать испуганной дичи прорвать цепь загонщиков.

Некоторое время загонщики и собаки словно состязались, кто поднимет больше шуму; и всадники, стоявшие на опушке, скоро убедились, что это труд не напрасный.

Они не проехали еще и полмили от того места, где разделились на отряды, а уже стало ясно, что загонщики и собаки потревожили самую разную дичь. Громко затрубили слоны, затрещали ветки, уступая им дорогу; зарычали львы; пронзительно завизжали бабуины; послышался дикий, отвратительный хохот гиен.

Тем, кто ехал по опушке, Макора посоветовал держаться немного позади загонщиков. Виллем и Гендрик скоро оценили этот мудрый совет.

Стадо слонов прорвалось сквозь кусты всего в нескольких ярдах перед ними; их пропустили на равнину. Все были рады, что они не попали в западню.

Вскоре на равнину вырвалось несколько зебр, и им тоже дали уйти целыми и невредимыми.

Незадолго до конца облавы с той стороны, где стояли на страже Виллем и Гендрик, из лесу выбежало большое стадо буйволов. К счастью, в это время охотники немного отъехали от опушки, иначе они оказались бы прямо на пути мчавшегося стада и были бы затоптаны насмерть.

Несколько буйволов выбежали из лесу почти напротив Виллема с Гендриком и, догоняя стадо, едва не налетели на них, так что всадникам пришлось скакать во весь опор, чтобы не напороться на их рога.

Едва охотники увернулись от буйволов, Виллем с радостью увидел то, что ему больше всего хотелось видеть: семь или восемь жирафов, спасаясь от загонщиков, с шумом пронеслись среди деревьев и выскочили на опушку. Они оказались совсем близко к воронкообразному входу в ловушку. Если они проскочат мимо, их уже не поймать и весь тяжкий двухнедельный труд пропадет понапрасну. Вонзив шпоры в бока лошади, Виллем, а за ним и Гендрик галопом поскакали вперед, чтобы отрезать жирафам отступление. Никогда еще за всю свою жизнь Виллем не переживал минуты столь волнующей.

В стаде охотники заметили двух детенышей. Неужели они промчатся мимо загона? Успех дела решали секунды. Жирафы и охотники мчались наперерез друг другу и вскоре должны были столкнуться. Робкие животные быстро поняли это и, не подозревая о грозившей им опасности, повернули и кинулись в широко разверстую пасть западни.

Стоило им пробежать в прежнем направлении еще хоть несколько шагов, и они бы спаслись от ожидавшей их участи; но, как нередко бывает и с людьми, в поисках спасения они избрали самый опасный путь.

Загонщики уже вышли на опушку леса, и оба отряда встретились на середине поляны. Впереди, в загоне, они увидели живую, движущуюся массу: тут было множество самого разнообразного зверья, и в том числе, к большому огорчению охотников, два слона и носорог.

Над всеми остальными возвышались головы жирафов, которые, видимо, старались вырваться вперед и должны были первыми свалиться в яму.

По мере того как стены ловушки сближались, оставляя животным все меньше места, разношерстное стадо становилось все гуще.

За четверть мили до ямы мудрые слоны повернули и, увидев направляющихся к ним людей и собак, проломили ограду и очутились на свободе. К немалому удовольствию охотников, в пролом выбежали и несколько зебр. Жирафы вырвались уже слишком далеко вперед, чтобы спастись таким образом. Им не суждено было избежать плена.

Все макололо были охвачены неистовым азартом погони. С пронзительными воплями они неслись вперед. Им не терпелось увидеть, как многочисленные жертвы провалятся в яму, к которой они несутся, обуреваемые страхом и не замечая ничего вокруг. Все демонические страсти, какие скрыты в человеке, словно пробудились в душах преследователей. Бегство слонов привело их в ярость, хотя слоны, без сомнения, погубили бы всю затею, все плоды долгих трудов. Казалось, макололо хотят лишь одного: убивать животных, проливать их кровь, видеть их гибель.

Глава XXXI

РАЗОЧАРОВАНИЕ

Несколько антилоп и других животных погибли, не добежав до ямы, — их убили или изуродовали в давке и гонке.

Иные еще дышали, но охотники, лишь мимоходом взглянув на них или пнув ногой, спешили дальше, к зрелищу еще более ужасному — к чудовищной бойне, которую мог задумать и осуществить только человек и которую не описать словами.

Зрелище было так ново, так захватывало, возбуждение туземцев оказалось так заразительно, что жажда крови обуяла и Виллема и его друзей. Словно опьянев, они неслись вперед с таким же неистовым ожесточением, с каким бежали и одержимые макололо.

Животные, которых они гнали перед собой, сбились в трепещущую, борющуюся, рычащую массу. Жертвы погони падали друг на друга, рычали, ревели, мычали, выли; вскоре яма наполнилась, и те, что бежали позади — а их были сотни, — спаслись, проскочив по телам упавших.

Когда все, кому уже не хватило места в яме, схлынули и охотники подошли посмотреть на добычу, глазам их представилось зрелище, которое, однажды увидев, нельзя забыть. Снизу неслось рыкание льва, он задыхался под тяжестью свалившихся на него антилоп. Впервые подле него оказалось чересчур много его любимой дичи. Лишь одного зверя не мог задавить никто — это был мучочо, белый носорог, которого охотники заметили еще раньше, во время облавы. Стоило ему шевельнуться — и он кого-то подминал под себя, кому-то ломал кости, и еще несколько голосов угасало в этом хоре воплей ярости и боли, раздававшихся над кровавой свалкой, — все вместе это походило на репетицию страшного суда в животном царстве.

Очевидно, только задние ноги носорога стояли на дне ямы, и чуть ли не всем телом он опирался на животных, которые мучились и гибли под непомерной тяжестью.

В этой барахтающейся массе были и жирафы; боясь, что и они станут жертвой огромного носорога, Виллем приставил дуло ружья к самому его глазу и выстрелил.

В диком шуме выстрел был едва слышен, но он сделал свое дело: носорог испустил дух.

И вот все принялись за работу — нужно расчистить яму и спасти молодых жирафов, если они еще живы. Ремни с петлями на концах накидывали на головы антилоп и другой мелкой дичи и вытаскивали ее вон.

Через некоторое время в яме стало свободнее. И тогда осторожно подняли наверх одного из молодых жирафов. Его нетерпеливо и со страхом осмотрели. Он был еще теплый, но уже не дышал. Оказалось, что у него переломлена шея.

Теперь заметней всех в яме был один из взрослых жирафов — огромный самец, который все время отчаянно бился, и, сказав, что в нем «слишком много жизни», Гендрик пристрелил его.

Еще один молодой жираф был почти погребен под телами более крупных животных. Охотникам видны были лишь его голова и шея. Судя по всему, он был невредим. С величайшими предосторожностями, стараясь не причинить ему вреда, его вытащили из ямы и накинули ему на шею два ремня, чтобы он не убежал. Детенышу было месяца два — как раз такого и искали охотники; но вскоре они убедились, что с ним что-то неладно. Пытаясь вырваться, он все время держался на трех ногах. Четвертая неестественно болталась в воздухе. Она была сломана.

Детеныш был молодой, красивый, но брать его с собой не имело смысла. Его не довезти до Европы. Этой страдающей, дрожащей, испуганной жертве честолюбия Виллема можно было оказать лишь одну милость: пристрелить и тем избавить от боли; и охотник горевал, глядя на эту смерть, и жалел маленького жирафа не меньше, чем беднягу Смока.

Наконец яма опустела, и охотники стали разглядывать добычу.

Погибли семь жирафов, почти у всех оказались сломаны шеи. Шея длиною в шесть или семь футов слиш-

ком хрупка, чтобы выдержать натиск огромного стада, пробежавшего по спинам упавших в яму.

Правда, охотникам не удалось получить то, что им было всего нужнее, и все же западню построили не напрасно, она еще пригодится — так сказал Макора. Он объяснил, что через два — три дня в акациевую рощу, вероятно, придут другие жирафы и тогда можно будет снова устроить облаву.

Это немного утешило разочарованных охотников. Но как обидно, что погибли два детеныша, да как раз такие, о каких все они мечтали! Быть может, охотникам встретится еще не одно стадо жирафов, но попадутся ли там такие же детеныши, как эти два? Быть может, они поймают и убьют других молодых жирафов, но еще много неудач постигнет Виллема, прежде чем он завладеет добычей, ради которой заехал в такую даль.

Для макололо время не пропало даром: им досталось много мяса. Правда, чтобы заготовить его впрок, нужно немало времени, но зато этих запасов хватит недолго.

На другой день между вертикально поставленными столбами растянули ремни и развесили на них узкие полосы мяса, чтобы оно сушилось на солнце. Мясными гирляндами увешали все кусты и небольшие деревья, росшие поблизости. Для приготовления вяленого мяса вырезали лишь самые лучшие куски из каждой туши, а остальное бросили подальше от лагеря, и там пировали стервятники, гиены и прочие четвероногие и крылатые пожиратели падали.

Спустя три дня после побоища от жертв только и осталось, что вяленое мясо да обглоданные дочиста кости.

Глава XXXII

ОТСТУПЛЕНИЕ

Прошло четыре дня после неудачной попытки поймать в западню молодых жирафов, и вот на берегу реки появились наконец свежие следы.

Новое стадо жирафов поселилось в акациевой роще. В стаде были и детеныши — об этом рассказали следы.

Надежды Виллема снова окрепли, он опять верил, что преуспеет в том, чего так горячо желал. Друзья его тоже воспрянули духом.

Если на сей раз им повезет, то через какой-нибудь месяц Гендрик и Аренд будут уже с теми, с кем они в мыслях не расстаются ни на час, а Ганс начнет готовиться к давно задуманному путешествию в Европу.

После первой неудачной попытки Макора ничем не показал, что собирается покинуть их. Он обещал помогать им до тех пор, пока они не добьются своего, и, хотя домашние дела и дела племени призывали его назад, он решил остаться с ними.

Он дал обещание Виллему и готов был всем пожертвовать, но не изменить своему слову.

Охотники ценили его преданную дружбу. Они уже успели убедиться, что без помощи Макоры они ничего не достигнут.

Вечером, накануне того дня, когда решено было снова устроить облаву, настроение у всех было приподнятое, и в знак уважения к человеку, для которого желания друзей стали превыше собственных, охотники распили с ним последнюю бутылку джина.

Они с удовольствием предвкушали завтрашний день, как вдруг появился Синдо и своими новостями разрушил все их планы.

Он только что вернулся с севера, где нашел было новый дом, когда его изгнал Макора. Он еще раз побывал в племени, у вождя которого охотники застрелили лошадей.

Синдо пришел туда украдкой, чтобы забрать жену и детей. Это ему удалось, а кроме того, ему удалось еще и кое-что разведать: он принес весть, что вождь зулусов, которого оскорбили охотники, все еще жаждет отомстить им за свои убытки и обиды.

Вождь посетил тирана Мосиликатсе, владыку всей этой части Африки, и поведал ему, что вождь племени макололо Макора, давнишний его враг, возвратился в свои прежние владения и похитил у него, вождя зулусов, друга благородного Мосиликатсе, его достояние: лошадей, ружья и рабов.

Мосиликатсе тут же снарядил большой отряд и отдал приказ схватить Макору и его людей или же, по выражению Синдо, «прогнать его с этого света».

С часу на час враг будет здесь!

Предупреждение Синдо всех встревожило. Сейчас же во все стороны разослали разведчиков, чтобы не быть застигнутыми врасплох.

Вот она, опасность, которую с самого начала предвидел Макора!

Назавтра ранним утром разведчики сообщили, что воины Мосиликатсе и в самом деле приближаются. На ночь они остановились милях в пяти от лагеря охотников и не позже чем через час будут здесь.

Аренд и Гендрик поспешно вскочили на коней и галопом помчались навстречу врагу, чтобы взглянуть на него своими глазами. А тем временем остальные принялись укладывать свое добро, готовясь либо к бою, либо к бегству.

Молодые офицеры вернулись через полчаса и объявили, что сюда идут три сотни воинов.

— Они идут на нас войной, в этом нет ни малейшего сомнения, — сказал Гендрик. — Мы подъехали к ним ярдов на сто. Завидев нас, они подняли крик и кинулись к нам, а когда мы поскакали назад, нам вдогонку полетели стрелы.

— Ну, чем скорее мы уедем отсюда, тем лучше, — сказал Ганс. — Их слишком много, нам их не одолеть.

— Похоже, что Макора иного мнения, — заметил Виллем.

Все повернулись к Макоре.

Вместе со своими людьми он готовился к решительному сражению.

— Спроси его, Конго, — сказал Виллем. — Он думает, мы их одолеем?

Конго перевел вождю вопрос Виллема и услышал в ответ, что победить воинов Мосиликатсе можно лишь превосходящими силами, а уж малым числом их никогда не одолеть.

— Так что же задумал Макора? Остаться здесь, чтобы нас всех перебили?

На это вождь ответил, что и он и его люди поступят так, как пожелает его друг Виллем.

— Тогда всем надо уходить, да поскорее, — сказал Виллем. — Я не желаю, чтобы хоть один человек погиб из-за меня.

Не теряя ни минуты, макололо снялись с места. Все произошло так внезапно, что им пришлось бросить вяленое мясо, на изготовление которого они положили столько трудов.

Они отошли как раз вовремя. Виллем и Гендрик, отстав немного, увидели, что враг уже подходит к покинутому лагерю, готовый вступить в бой с макололо.

Теперь было ясно: они жаждали отомстить. Они так злобно кричали и размахивали руками, что у охотников не осталось на этот счет никаких сомнений: Виллем и Гендрик видели и слышали вполне достаточно. Дав шпоры коням, они нагнали воинов Макоры.

Глава XXXIII

ОНИ УХОДЯТ ОТ ПОГОНИ

Макора и его спутники надеялись, что враг не станет далеко преследовать их, — он удовлетворится тем, что прогнал их, разрушит лагерь и вернется восвояси.

Но они ошиблись. Их преследовал отряд, посланный Мосиликатсе, для того чтобы расширить его владения, и нечего было надеяться, что тиран откажется от задуманного, не добившись успеха. Макора быстро понял это и теперь, не теряя ни минуты, спешил домой, чтобы вражеское нашествие не застало племя врасплох.

Макололо принадлежали к одному из самых развитых южноафриканских племен, поэтому охотников очень удивило, когда они увидели, как переполошила воинов Макоры весть о приближении отрядов Мосиликатсе. Макололо не готовились отразить врага, большинство из них помышляли лишь о бегстве.

Несколько слов Макоры объяснили охотникам эту загадку. Он рассказал своим белым гостям, что во всей

Южной Африке нет воинов более грозных, чем матабили. Их вождь Мосиликатсе может собрать пять тысяч воинов, и нередко он приказывает своим военачальникам не давать врагу никакой пощады. Макора сказал, что и его воины не трусы, но воевать с Мосиликатсе ему, Макоре, не под силу. Если б он остался и принял бой, он потерял бы по меньшей мере половину своего племени. Кроме того, их обобрали бы дочиста и всех оставшихся в живых угнали бы в рабство и заставили пасти скот. Есть лишь один способ не поддаться тирану: увезти подальше все сколько-нибудь ценное. Только благодаря этому Макора и его народ уже несколько лет сохраняют свою независимость. Так придется поступить и сейчас.

На том и порешили, и, добравшись до своего селения, Макора, не мешкая, взялся за дело.

Торопливо собрали весь скот и погнали его прочь, а за ним двинулись мужчины, женщины и дети; каждый тащил свой скарб — слоновые бивни и все, что удалось захватить в такой спешке.

Впереди шли женщины и дети, а Макора со своими воинами двигался в арьергарде, готовый защитить их от любой неожиданности.

Чтобы переправиться через Лимпопо, требовалось время, а так как до ближайшего брода было около пяти миль, враг мог настичь их еще до того, как все окажутся на другом берегу. Так и случилось. Брод был довольно глубок, и скот не хотел идти в воду; многим животным приходилось помогать добираться до противоположного берега. На все это нужно было время, и, прежде чем они успели переправиться, поднялась тревога: с тыла приближался враг.

Воины Мосиликатсе так привыкли к победам, что начали наступление прямо с ходу, хотя первыми подошли к реке всего человек двести.

Вооруженные дротиками и прикрываясь щитами, испуская пронзительные вопли, они с дикой свирепостью ринулись на Макору. Такую кровожадность порождает только многолетняя привычка к войне и насилию.

Но хотя макололо покинули свои дома, даже не попытавшись защитить их, теперь они показали себя истинными воинами.

Они ринулись навстречу матабили, и закипел рукопашный бой — и те и другие дрались, как черти. Можно было подумать, что главная забота Макоры — защищать своих белых друзей. Ясно было, что воинам приказано держаться между охотниками и врагом. Но Гендрик и Аренд, как и подобало молодым офицерам, не упустили случая показать свою силу и умение. Они открыли огонь по матабили. Их примеру тут же последовали Виллем и Ганс; впервые в жизни они брали на мушку не зверя, а человека.

Раздалось четыре выстрела, и четверо воинов Мосиликатсе упали на землю, еще двоих почти тотчас застрелили Макора, Синдо и еще один макололо, вооруженные мушкетами.

Укрывшись за своими лошадьми, охотники перезарядили ружья, и враг потерял еще четверых бойцов.

Если бы нападающие могли подойти к охотникам, те скоро пали бы под тучей дротиков, но макололо не подпускали к ним врага.

Прикрываясь щитами, которыми они действовали с величайшей ловкостью, два воина-туземца могут бороться друг с другом очень долго, прежде чем один из них окажется побежденным.

Сейчас, однако, дело обстояло совсем иначе: четверо охотников брали врагов на мушку, и после каждого выстрела еще один матабили падал наземь. Вскоре ряды противника поредели. И матабили поняли, что огнестрельное оружие, к которому они издавна относились с презрением, в умелых руках — страшная сила.

Им уже было ясно, что зря они понадеялись на себя и вступили в бой, не дождавшись, пока подойдет все войско. Вот теперь и приходится отступать, оставляя на поле боя больше тридцати убитых.

В этой схватке Макора потерял всего шесть человек и был так рад этому, что едва не пустился преследовать врага в надежде завершить и упрочить победу. Но он знал, что любая его победа будет недолгой, что очень

скоро перед ним окажутся тысячи врагов и что в конце концов ему придется отступать, поэтому он отказался от погони за растерявшимся противником и продолжал переправу.

Когда солнце село, племя со всем своим имуществом было уже в безопасности на противоположном берегу; воины заняли здесь надежные позиции, чтобы пресечь любую попытку матабили перебраться через реку, и племя двинулось дальше.

Теперь у Макоры не было ни клочка земли. Помогая своим белым друзьям, он лишился дома. Отныне он изгнанник, по пятам гонится мстительный враг, и нигде не ждут друзья. Племя его слишком немногочисленно, чтобы те, кто может повстречаться на пути, отнеслись к нему с уважением. Скоро все узнают, что злосчастных макололо преследует могучий Мосиликатсе, и тогда они будут изгнаны отовсюду, нигде не найдут покоя и пристанища, у них отнимут скот — их единственное богатство, а быть может, и жизнь.

Виллем и его спутники горько сожалели, что навлекли на своего защитника такую беду, а сам он, казалось, больше всего огорчался тем, что не сумел помочь друзьям.

Последними через реку перенесли тела павших в схватке воинов макололо; ночью их похоронили.

А убитые матабили остались там, где их застигла смерть, во власти хищных зверей.

Чтобы дать охотникам некоторое представление о нравах и обычаях врагов, Макора рассказал им, что матабили никогда не хоронят своих мертвецов, даже родных не хоронят. Сыновья оттаскивают тела родителей подальше от деревни и предоставляют их заботам гиен и стервятников.

Всю ночь из-за реки доносились рычание, вой, шум драки; и воины макололо, охранявшие брод, не сомневались, что к утру на поле боя останутся одни лишь кости убитых врагов. Шум этот для ушей макололо звучал, как музыка, а сознание, что они победили прославленных воинов Мосиликатсе, едва не вознаградило их за потерю дома.

Глава XXXIV

ТИРАНИЯ И ВЕРНОСТЬ

На следующее утро еще до того, как макололо двинулись в путь, на другом берегу показался большой отряд воинов Мосиликатсе. Как уже говорилось, женщин, детей и скот отправили еще раньше, и они должны были уходить как можно скорее, а большинство мужчин остались, надеясь задержать врага, чтобы племя выиграло еще один день пути.

Черныша отправили сопровождать быков, нагруженных костью. Ему оказали величайшее доверие, и это отчасти утешило его: ведь ему опять пришлось оставить своих молодых хозяев на попечение Конго, который, по мнению Черныша, всегда был виновником всех бед.

Отправляясь в путешествие, охотники взяли с собой на всякий случай несколько запасных ружей; теперь их достали и держали наготове. Едва рассвело, матабили начали переправляться через Лимпопо. Опасаясь, что тиран разгневается, если узнает об их малодушии, они без оглядки кидались в реку.

Первые пятеро или шестеро были убиты, но это не охладило пыла остальных. Они как безумные прыгали с берега в поток и шли наперерез течению, хотя вода поднималась выше пояса.

Взобраться на противоположный берег можно было лишь небольшим ущельем или оврагом футов в десять шириной. Подняться по нему было бы нелегко, даже если бы наверху не ждал вооруженный противник, но, когда вас встречают градом стрел, уцелеть почти невозможно.

И все-таки матабили решились пойти навстречу грозной опасности и не стали с этим медлить.

Они шли и шли как одержимые, и скоро у входа в овраг собралась большая толпа. Но в узкое горло оврага не могло протиснуться много воинов сразу. Макора с первого взгляда оценил преимущества своей позиции и велел своим воинам удержать ее. С десяток матабили начали было подниматься по оврагу, но ни одному не удалось взобраться по его скользким откосам. Не имея

твердой опоры, они почти не могли пользоваться дротиками и щитами, и скоро их мертвые тела понесло вниз по течению.

Те, кому удалось немного подняться по оврагу, натолкнулись на макололо, засевших по обеим сторонам его, и пали под ударами копий. А охотники то и дело перезаряжали ружья и стреляли по тем, кого не достигали копья. Не прошло и десяти минут, как матабили уже поняли, что и на сей раз поступили опрометчиво и не сумеют перебраться через реку, пока макололо остаются на другом берегу. Поняв это, они отступили на свой берег, и шум битвы вновь утих, слышались лишь злобные угрозы.

В этой второй схватке были ранены всего пятеро макололо — их ранило дротиками. Не имея возможности сойтись с противником врукопашную, матабили метали дротики издали.

Макора понимая, что, как только он оставит столь выгодную позицию, враг тотчас начнет его преследовать, решил обороняться здесь до последней возможности, чтобы женщины и дети могли уйти подальше от опасных мест.

Два часа кряду враждующие отряды оставались каждый на своем берегу и не начинали битвы. Шел лишь словесный бой. Они обменивались угрозами, насмешками, приглашениями перейти реку, но ни те, ни другие приглашений не принимали.

Наконец Макора и его воины решили, что пора сниматься с места и догонять отступающее племя. При этом нужно было как-то перехитрить матабили, чтобы те тотчас не переправились через реку и не погнались за ними по пятам. Но Гендрик уже все обдумал и изложил свой план вождю.

— Пусть ваши воины отойдут, — сказал он Макоре. — Деревья скроют их от глаз врага, а у нас есть лошади, и мы сможем ускакать в любую минуту. Поэтому мы останемся и будем маячить на виду у врага, пока он не разгадает обман.

План был превосходен и легко осуществим. Макора сразу согласился.

Матабили шли и шли как одержимые...

— Только не торопитесь, — сказал Виллем. — Но отходите, пока я не начну стрелять. Я думаю, моя пушка бьет достаточно далеко. Нет-нет, да и свистнет у них над ухом пуля, и они будут знать, что мы еще здесь, и не заподозрят, что остальные ушли.

Виллем отполз в сторону, где берег немного выдавался вперед, прицелился в рослого матабили, стоявшего за рекой на самом виду, и выстрелил. С громким криком тот покачнулся и упал, а остальные поспешили спрятаться за кусты. А макололо, воспользовавшись смятением, без шума отошли; только вождь, Синда и еще двое, у которых были лошади, остались вместе с охотниками охранять переправу.

Около часа оставались они у брода, а матабили ни разу не попытались выйти к реке. Их больше не было видно, и Макора, опасаясь, как бы они не снялись с места и не нашли где-нибудь другой брод, предложил не сторожить здесь больше и поскорее догнать племя. Это было вполне разумно: ведь если матабили в самом деле найдут другой брод, племя окажется в опасности. Поэтому решили уходить, но так, чтобы враг об этом не узнал.

На кустах развесили кое-какую одежду, постаравшись, чтобы с того берега казалось, будто здесь притаились люди, потом Виллем в последний раз выстрелил, и один за другим они, крадучись, отошли, сели на коней и скрылись за деревьями.

Примерно через час они нагнали пеших воинов, а еще немного погодя все племя снова было вместе. Вечерело. Поблизости оказалась вода, и они решили остановиться на ночлег.

Макоре посчастливилось: он вовремя подоспел к своему племени. Опоздай он на каких-нибудь десять минут — и не миновать бы несчастья еще большего, чем все, что постигло их до сих пор: едва Макора приказал остановиться, как неподалеку от предполагаемого лагеря замечен был отряд матабили. Врагов было около сотни, и, не подоспей Макора со своими воинами, они немедленно напали бы на женщин и детей. Судя по тому, с какой стороны появился вражеский отряд, он, видно, перешел реку выше по течению. Матабили думали, что

воины Макоры охраняют брод, и решили пока напасть на женщин и детей. Но, встретив здесь мужчин, они не решились вступить в бой, так как силы их были невелики, и держались на почтительном расстоянии. Скоро охотники еще увеличили это расстояние; верхом на конях, вооруженные ружьями, они стоили доброй сотни воинов. Они подскакали к матабили, дали по ним несколько выстрелов, и те поспешили убраться подальше. Отогнав врага, охотники вернулись в лагерь и застали Макору в большой тревоге. Он ни на что больше не надеялся, уверенный, что и сам он и его племя обречены на гибель. Виллем осведомился, почему дурные предчувствия больше прежнего одолевают вождя — ведь до сих пор в схватках с врагом успех был на его стороне. Макора ответил, что, уж наверно, Мосиликатсе послал против него не один отряд и, когда преследователи соединятся, не будет пощады ни ему самому, ни его племени, ни его друзьям. Потери врага в двух стычках слишком велики, чтобы можно было ждать от него хоть капли милосердия.

Макора объяснил еще, что ни один из воинов Мосиликатсе не отважится вернуться к своему повелителю, потерпев поражение: Мосиликатсе предаст смерти и воинов и военачальников; они знают об этом и будут драться, презирая опасность, лишь бы победить.

— Есть только один выход, — продолжал Макора,— только одно может спасти мой несчастный народ: я должен пожертвовать собой. Если они поспешат на запад, то, пожалуй, еще успеют уйти от преследователей. Пусть попросят покровительства у великого вождя Себитуане, он сумеет защитить их. А я... — вздохнул Макора, — я не могу пойти с ними.

Охотники попросили объяснений и получили их. Давным-давно из-за какого-то недоразумения Макора навлек на себя гнев Себитуане, а Себитуане никогда не забывает и не прощает оскорблений, и если Макора пойдет к нему, тот, конечно, прикажет убить его.

Макора советовал охотникам уходить подальше от опасности: у них есть лошади и они смогут добраться домой. Виллем тотчас отверг этот великодушный совет,

не приняли его и остальные, и каждый при этом старался как-то ободрить другого. На редкость верными оказались и соплеменники Макоры. Когда Макора посоветовал им уходить и предоставить своего вождя его судьбе, все как один воспротивились: воины громко закричали, что лучше они умрут вместе с ним, но не оставят Макору.

Впервые за всю свою жизнь наши охотники увидели вождя, которого огорчала чрезмерная любовь народа! Он предлагал им спасти свою жизнь ценой его собственной жизни — отдать его в руки Себитуане. Но все племя как один человек оказалось верным своему вождю, и все в один голос отвергли его великодушное предложение.

Глава XXXV

ДОБРЫЕ ВЕСТИ

Охотников очень тяготила мысль, что они навлекли на Макору и его племя такое несчастье, и они старались найти какой-то выход, спасительный для всех.

Они посоветовали Макоре и племени искать убежища у баквейнов, живущих немного западнее, — это была ветвь того же могучего народа бечуанов, к которому принадлежали и макололо, — но Макора ответил, что там никто не даст им убежища. Баквейны побоятся прогневать тирана и, чтобы сохранить с ним добрые отношения, пожалуй, еще помогут его воинам уничтожить макололо. Охотники попробовали просить Макору уехать с ними на юг, тогда племя сможет отправиться в страну Себитуане, но Макора и слушать не стал. Нет, на это он не пойдет. Лучше смерть! Никогда он не бросит тех, кто так верен ему.

А кроме того, еще неизвестно, доберутся ли они до Себитуане. На рассвете может нагрянуть враг, а ведь с ними женщины, дети, скот — им не уйти от погони.

Своими соображениями Макора поделился кое с кем из племени, добавив, что у них есть еще бык, который ни за что не должен достаться врагу. Это самый жир-

ный бык во всем стаде. Люди поняли его с полуслова, и не прошло двух часов, а бык уже был убит, зажарен и съеден.

Под вечер в полумиле от себя беглецы заметили костер и услышали громкие голоса. Они решили, что это расположились лагерем их враги и не нападают только потому, что не подошли еще основные силы.

Но опасения не оправдались. На рассвете беглецы с облегчением увидели на равнине две большие крытые повозки. Здесь же паслось несколько быков и лошадей. Повозки стояли неподалеку от лагеря Макоры и, как видно, приехали уже затемно. Несомненно, это остановились на ночлег белые охотники или торговцы.

Виллем и его друзья разом сели на коней и поскакали к повозкам и через несколько минут уже здоровались с вновь прибывшими. Как они и предполагали, это были торговцы — жители Порт-Наталя. Они ездили на север, а теперь возвращались домой. Им прислуживали кафры, которые сопровождали их из Наталя, и, кроме того, нескольких туземцев они прихватили с севера.

Наши охотники хотели разжиться у новых знакомых патронами и еще кое-чем необходимым, но тут их внимание привлек Макора — он словно вдруг сошел с ума. Хотя их отделяло от лагеря не меньше полумили, он что-то закричал своим воинам и стал отчаянно размахивать руками: то ли сообщал им что-то, то ли приказывал.

Встревоженные охотники огляделись по сторонам. Быть может, матабили снова пошли в наступление? Нет, ни одного врага не видно.

Наконец вождя услыхали в лагере, и все племя пришло в величайшее волнение. Тогда только и охотники поняли, что произошло. Оказалось, что кое-кто из туземцев, прибывших вместе с торговцами, был из страны Себитуане. Они всего несколько дней. как из дому. И от них Макора узнал, что Себитуане больше нет на свете. Он умер совсем недавно, и ныне всем народом макололо полновластно правит его дочь Ма-Мочисане.

Теперь Макора может безбоязненно возвратиться к своему народу. Одно только пугало его: что подойдет

многочисленное войско врага, с которым ему не совладать, и он больше не увидит родины.

Наконец-то его племя обретет спокойствие, надежную крышу над головой! Ободренные доброй вестью, все макололо от мала до велика с новыми силами принялись за дело: им не терпелось поскорей уйти из опасных мест.

Белых торговцев было трое, с ними девять туземцев, и все были прекрасно вооружены. Их помощь, особенно тех, у кого были ружья, очень выручила бы наших охотников в этот трудный час.

Виллем, который и не подозревал, что есть на свете люди, думающие лишь о себе и неспособные помочь другому, тотчас рассказал новым знакомым, какая опасность грозит ему и его друзьям, и сказал, что с минуты на минуту на них могут напасть их враги матабили. Он благодарил счастливый случай, пославший им помощь так кстати. Он воображал, что стоит торговцам услышать это, и их поддержка обеспечена: они тотчас возьмут отступающее племя под защиту.

Как же изумлены и возмущены были Виллем и его друзья, убедившись, что торговцы приняли его рассказ совсем не так, как он ждал! Не говоря ни слова, они кинулись запрягать быков.

Не прошло и десяти минут, как они уже спешили на юго-восток, к Порт-Наталю.

Они были не из тех, кто станет рисковать собой и своим имуществом, кто лишнюю минуту пробудет с людьми, попавшими в беду.

Если бы в душе наших охотников и шевельнулось желание покинуть Макору в трудный час, поступок торговцев убил бы его в зародыше. Трусливое бегство этих людей только прибавило оставшимся решимости. Они сделают все возможное, чтобы враг не настиг их. И они без промедления двинулись в путь.

Мужчины, женщины и дети напрягали все силы, стараясь поскорей уйти от преследования. Они знали, что впереди у них долгий путь, а позади — сильный и беспощадный враг. Даже собаки и те, казалось, понимали, какая опасность нависла над их хозяевами, и старательно подгоняли стадо.

Племя шло допоздна и проделало за день немалый путь, а матабили всё не появлялись, и охотники начали думать, что они отказались от погони.

Хотя Виллем и его друзья были на лошадях, они устали куда больше, чем пешие макололо, которые давно привыкли к еще более тяжелым и долгим переходам.

Охотники с радостью остановились бы, им казалось, что дальнейшее бегство уже не имеет смысла. «Лишь дурак и безумец бегут, когда за ними никто не гонится», — думали они.

Но Макора думал иначе. Он не пренебрег ни одной мерой предосторожности: выставил вокруг лагеря часовых, выдвинул вперед заставы, чтобы никакая случайность не застала племя врасплох. Кажется, никогда еще с тех пор, как они начали отступать, он так не боялся вражеского нападения.

Охотники не могли понять, чем вызваны все эти предосторожности, и через Конго спросили об этом вождя.

И Макора снисходительно объяснил, что воины Мосиликатсе не успокоятся, пока не добьются своего. Уж конечно, они не откажутся от преследования, если не нанести им действительно серьезное поражение. Они только ждут подхода новых отрядов, чтобы общими силами покончить с Макорой и его племенем. Через два дня макололо достигнут родных мест и тогда будут в безопасности — вот почему Макора всячески старается оберечь свое племя и своих гостей. Долг перед людьми для него превыше собственной жизни.

Назавтра они двинулись в путь еще до рассвета и торопились как только могли.

Гендрик, Аренд и Ганс сопровождали Макору без особой охоты: им казалось, что в таком поспешном бегстве уже нет надобности.

— Ну, ничего, — подбадривал их Виллем. — Еще только два дня — и мы увидим новые края.

Незадолго до полудня они убедились, что Макора был прав: впереди неожиданно показался отряд матабили.

Он был слишком мал, чтобы помешать отступавшим идти своей дорогой, и, завидев их, тотчас скрылся.

Позднее разведчики, оставленные позади, принесли весть, что с тыла подходят крупные силы врага. Отряды Мосиликатсе соединились, и теперь охотники вместе с Макорой знали, что дальнейшее бегство бесполезно. Не пройдет и суток, как им придется принять бой.

Ничего нет хуже, как подвергнуться нападению в пути. Надо остановиться там, где удобно будет защищаться. Поблизости не было подходящего места, но Макора надеялся, что на берегу можно найти удобную для обороны позицию, и, все ускоряя шаг, они направились к реке.

Глава XXXVI

В ОСАДЕ

До захода солнца оставалось не больше часа, когда макололо вышли к реке. Враг, несомненно, был уже недалеко, и все тотчас стали готовиться к бою.

Гендрик и Аренд, полагавшие, что они здесь люди наиболее сведущие в военном деле, проехали немного вперед, чтобы выбрать поле для сражения.

Счастливый случай привел их туда, где было удобнее всего осуществить их план.

Чуть выше того места, где они вышли к реке, она изгибалась подковой, омывая полуостров, который в сезон дождей, когда река разливалась, превращался в остров. Сейчас туда можно было попасть через узкий перешеек — полоску суши шириною ярдов в пятьдесят. По нему-то на полуостров погнали стадо. Не теряя ни минуты, макололо вместе со всем своим имуществом перебрались на полуостров, чтоб их невозможно было окружить.

Лишь с одной стороны враг мог легко добраться до них — через неширокий перешеек. У края его на берегу реки стояло гигантское дерево: природа растила его сотни лет нарочно для того, как сказал Гендрик, чтобы спасти им жизнь.

Нвана — одно из замечательнейших деревьев Африки. Это настоящие гиганты, а иные стволы достигают необычайной толщины — девяноста футов в окружности. При этом древесина его не тверже капустной кочерыжки и считается совершенно бесполезной. Вот с этим охотники не могли согласиться.

Среди инструментов, которые они захватили с собой из дому, из Грааф-Рейнета, были два добрых топора: по опыту прежних поездок, охотники знали, что без этого орудия в путешествии не обойтись.

Решили срубить дерево так, чтобы оно преградило доступ к полуострову с единственной незащищенной стороны. Получится укрытие, из которого можно будет успешно отражать атаки врага. Черныш достал топоры, и охотники принялись рубить дерево. Работали по двое и по очереди сменяли друг друга. С каждым ударом топоры все глубже погружались в мягкую, пористую древесину. Нвана поддавалась так легко, словно это было не дерево, а огромный пирог.

Им посчастливилось: ведь их спасение зависело от того, удастся ли им повалить этого царя африканских лесов до прихода матабили. Они, без сомнения, были уже недалеко, и люди на полуострове спешили укрепиться, чтобы достойно встретить их. Было еще неясно, в какую сторону упадет дерево. Если оно повалится в воду, все труды их пропадут даром — путь будет открыт и ничто не задержит врага. Если же оно закроет проход на полуостров, оно окажется для нападающих непреодолимым барьером. Молча, с нетерпеливым интересом смотрели макололо на огромное дерево. Наконец дерево покачнулось и стало падать — сперва медленно, точно нехотя, но, глядя на его трепещущую вершину, все поняли, что оно ляжет туда, куда надо. Оно падало чем ниже, тем быстрее, и ветви его со свистом рассекали воздух. Но вот гигант с треском рухнул наземь, и огромный ствол, точно валом, отрезал полуостров от суши; только с боков остались незащищенными по нескольку футов. Если отважно защищать эту баррикаду, наступающим нелегко будет одолеть ее. Теперь на полуострове готовы были встретить врага.

И враг не заставил себя ждать. Когда стемнело, в отдалении загорелись большие костры. Это подошли матабили. Они, видно, решили ничего не предпринимать до утра — тогда можно будет разведать позиции макололо и потом уж напасть на них. Еще перед тем как укрепиться на мысу, Макора спросил, кто из воинов тайно проберется к какому-нибудь нейтральному племени, которое могло бы подоспеть ему на выручку, и четверо воинов вызвались пойти. Стоило теперь осажденным макололо двинуться с места, и их бы наверняка разбили и уничтожили. Здесь они могли бы продержаться несколько дней, и, зная, что враг не снимет осады, пока не уничтожит их, Макора надеялся лишь на помощь какого-нибудь соседнего вождя, которому придется не по нраву вторжение матабили.

Первым вызвался идти в эту опасную разведку Синдо — он горячо желал вернуть себе расположение Макоры. Нашлось и еще трое добровольцев. Их разбили по двое: сперва отправилась одна пара, через час — другая.

Так было больше надежды на успех: не повезет одной паре, ее захватят — проберется другая.

Ранним утром враги показались неподалеку от укрепленного лагеря. Укрывшись за кроной поверженного дерева, охотники видели большую толпу матабили — их было не меньше шестисот. А Макора мог выставить против них всего-навсего двести пятьдесят воинов.

Как уже говорилось, по обе стороны громадного дерева, у подрубленного конца и у макушки, оставались проходы, их надо было охранять особенно тщательно. Тут Макора поставил своих храбрейших воинов, остальные залегли за стволом, чтобы поражать копьем каждого, кто попытается перелезть через эту зеленую баррикаду.

Матабили уже разглядели расположение противника и, видимо, были уверены в успехе. Наконец-то они загнали дичь! Теперь ей некуда податься, и они могут отдохнуть после долгой погони, чтобы со свежими силами взять крепость.

Солнце уже светило вовсю, когда они пошли на приступ. Разделившись на два отряда, они ринулись к проходам по краям баррикады. Ожесточенный бой длился каких-нибудь десять минут, и враг вынужден был отступить, оставив на месте несколько человек убитыми.

Но эта кратковременная победа стоила жертв и Макоре. Восемь макололо были убиты и еще несколько серьезно ранены.

На лице Макоры все отчетливее проступала тревога. Он знал, что враги много сильнее его, что путь к отступлению отрезан и что попытка врагов прорваться чуть было не увенчалась успехом.

Мрачные предчувствия одолевали вождя. Судьба племени пугала его.

Он слишком хорошо знал нрав противника, чтобы надеяться на то, что матабили легко откажутся от своего намерения.

Они уже понесли немалые потери и, конечно, опасаются гнева Мосиликатсе, притом они рассчитывают поживиться добром макололо, и, несомненно, они будут драться до тех пор, пока у них остается хоть малейшая надежда победить.

Помощи от других племен не приходится ждать раньше чем через три дня. Продержатся ли они так долго?

Вождь смотрел на убитых и раненых, лежавших вокруг на земле, и понимал: нет, не продержаться. Врагов слишком много, они будут нападать снова и снова и в конце концов добьются своего.

Так думал вождь макололо, и, как ни доверял он мудрости и воинскому искусству белых охотников, тревога ни на минуту не оставляла его.

После атаки прошло уже два часа, а осажденные не видели ни одного матабили, если не считать тех, кто остался лежать у поваленной нваны. И все же они хорошо знали, что враг где-то близко.

Спустилась ночь. Во тьме запылали лагерные костры врага, но это еще ничего не значило.

Настало утро, а осажденных все еще никто не потревожил. Судя по всему, воины Мосиликатсе отчаялись и

вернулись к своему вождю, решив, что им ничего не остается, как понести неизбежную кару за то, что они не сумели избежать поражения.

Так думали охотники и стали всячески уговаривать Макору, не мешкая больше, двинуться в страну своих сородичей. Но вождь наотрез отказался последовать совету своих белых союзников. Он признает их превосходство в охотничьем и даже воинском искусстве, но что такое Мосиликатсе и его воины, он знает лучше. Здесь, на полуострове, он со своим племенем может долго продержаться, а стоит уйти отсюда — и они попадут в засаду, которую, конечно, устроил враг. Если бы еще не было надежды на помощь, тогда другое дело, но, уж наверно, ему сразу вышлют подкрепление, а потому лучше остаться здесь.

Подумав, что Макора, быть может, прав, Виллем и его друзья согласились остаться, но при одном условии: они ждут еще тридцать шесть часов, и, если за это время ни друзья, ни враги не появятся, Макора обещает продолжать путь в страну макололо.

Глава XXXVII

НЕ СЛИШКОМ ПОЗДНО

Условленное время прошло, а матабили все не показывались; и от Синдо и его спутников тоже не было вестей.

Теперь охотники уже не сомневались, что враг отказался от мысли взять верх над племенем, на стороне которого — разум и оружие белых людей, и отправился восвояси. Макора был не вполне согласен с этим, но тем не менее, как и было условлено, он начал готовиться в путь.

Стадо вывели на дорогу, и все стали погонщиками, да такими усердными, словно не сомневались, что по пятам гонится враг.

Виллем и его друзья никак не могли понять поведения туземцев.

Ведь в бою люди Макоры показали себя отважными воинами, а теперь, когда враг словно сквозь землю провалился, они явно трусят!

Виллем велел Конго спросить вождя, в чем тут дело.

Да, согласился Макора, слова охотника справедливы, но белые друзья не удивлялись бы, будь им больше знакома тактика Мосиликатсе и его воинов.

Осторожный Макора не забыл оставить в тылу разведчиков, и через несколько часов после того, как племя покинуло свою крепость, один из них, догнав Макору, сообщил, что матабили движутся следом.

Как и предполагал Макора, враги только и ждали, чтобы он ушел с такой удобной для обороны позиции.

Теперь белые охотники по опыту знали, что следует где-то укрепиться, чтобы легче было отразить врага, и поэтому Гендрик и Аренд, пришпорив коней, поскакали вперед, намереваясь выбрать новое поле битвы.

Но на этот раз счастье им изменило. Племя шло теперь по открытой равнине, тут негде было укрыться, и ни одному из противников местность не давала никаких преимуществ.

— Мы уже далеко отъехали, — сказал Гендрик, когда они проскакали около мили. — Наши не успеют добраться сюда, матабили их нагонят. Надо возвращаться.

— Надо, конечно, — машинально отозвался Аренд, пристально глядя куда-то вдаль.

Гендрик проследил за его взглядом и с удивлением увидел, что к ним быстро приближаются человек тридцать туземцев.

— Нас окружают! — воскликнул Гендрик и повернул коня, готовый скакать прочь.

Без дальних слов оба галопом помчались обратно к каравану Макоры.

— Макора был прав, — сказал Гендрик, подъехав к Виллему и Гансу. — Не надо было уходить оттуда. Там мы могли устоять против этих матабили. Зря мы ушли.

Пока они рассказывали Макоре, что впереди появились вооруженные люди, прибежали разведчики и донесли, что с тыла быстро подходит большой отряд матабили.

На минуту в душе Ганса, Гендрика и Аренда шевельнулась мысль: быть может, не стоит так уж строго судить вчерашних торговцев за то, что они поспешили убраться подальше от опасности. Жизнь, как видно, была им слишком дорога, чтобы отказываться от нее по доброй воле.

Все заветные мечты и давно лелеянные надежды вспомнились нашим искателям приключений. Невольно они подумали, что не худо бы и им спастись. Но в них было слишком сильно чувство чести, они и помыслить не могли о том, чтобы бросить на произвол судьбы отважное племя макололо, — ведь охотники, сами того не желая, оказались виновниками их несчастья.

Все они посмотрели на Виллема. Уж он-то ни в коем случае не покинет доблестного вождя, которому они столь многим обязаны, не покинет даже для спасения собственной жизни! И они больше не колебались. Судьба Макоры будет их судьбой.

Они попросили вождя отдать племени приказ остановиться, и он издал клич, который, наверно, был слышен на милю окрест.

Ему откликнулись идущие впереди, те, кто погонял стадо; и среди множества голосов прозвучал один, который все узнали с безмерной радостью.

Этот голос донесся издалека, невнятно, но, услышав его, макололо стали в восторге прыгать и скакать как сумасшедшие, и многие закричали:

— Синдо! Синдо!

Люди Макоры устремились вперед, все ускоряя шаг, и через несколько минут повстречались с большим отрядом воинов макололо, которые порадовали их вестью, что следом подходят новые подкрепления.

Синдо и его товарищи успешно выполнили свою миссию.

Случилось так, что в эти критические для Макоры дни Ма-Мочисане как раз посетила свои южные владения, и с нею было множество воинов из разных подвластных ей племен.

Она не забыла Макору, он был другом ее детства. Желание помочь Макоре подкреплялось еще и давней

ненавистью к племени матабили, и, не теряя ни минуты, Ма-Мочисане послала Макоре на выручку отряд лучших своих воинов.

Они подоспели как раз вовремя. Приди они двумя часами позже, и им пришлось бы вступить в бой с врагом, не успев выбрать удобную для обороны позицию.

И вот, вместо того чтобы встретиться с горсточкой усталых изгнанников, люди Мосиликатсе увидели перед собой большой отряд, полный сил, готовый к любой схватке, — увидели победоносных воинов благородного Себитуане.

Воины Мосиликатсе поняли, что лишь одно может спасти их от позора: надо немедленно переменить тактику. Они решили сейчас же сразиться с противником.

И они ринулись на макололо, но были отброшены.

После короткой стычки они были разбиты наголову и отступили так поспешно и беспорядочно, что ясно стало: они уже не вернутся.

С той поры охотники никогда больше не слыхали про матабили.

А через три дня Макора представил своих друзей ко двору Ма-Мочисане и сам присягнул в верности своей новой повелительнице.

Соплеменники с радостью приняли вождя, который вернулся на родину после долгого изгнания, да притом ускользнул от своих преследователей — матабили.

Глава XXXVIII

РАЗГОВОР О РОДНОМ ДОМЕ

— У меня к вам покорнейшая просьба, — сказал Гендрик своим друзьям на другой день после того, как охотники были представлены ко двору Ма-Мочисане. — Я хотел бы кое-что узнать, да только может ли кто-либо из вас мне ответить?

— Превосходно! — отозвался Виллем. — Что до меня, я охотно сделаю все, что в моих силах, чтобы просветить тебя. Что ты хочешь знать?

— Если мы собираемся еще остаться в этой части света, я хотел бы, чтобы кто-нибудь растолковал мне, чего ради мы это делаем, — сказал Гендрик. — Я вполне могу вернуться домой.

— Я тоже, — поддержал Аренд.

— И я, — прибавил Ганс. — Хватит с меня охоты за жирафами и за кем угодно. В последний месяц мне все порядком надоело. За нами тоже достаточно поохотились.

— Мне грустно это слышать, — сказал Виллем. — Я-то пока не могу вернуться домой. Разве мы уже добились того, ради чего сюда приехали?

— Нет, — заметил Гендрик. — И, конечно, никогда не добьемся.

— Почему ты так думаешь? — удивился Виллем.

— А почему бы мне думать иначе? Начать с того, что, как правило, людям удается осуществить далеко не все свои желания. Нам очень повезло в двух наших прежних путешествиях, и грех жаловаться, если на сей раз не повезет. Нельзя же всегда рассчитывать на победу. Счастье капризно, и сейчас я больше всего на свете хочу благополучно добраться до дому.

— Нет, мне еще рано ехать домой, — возразил Виллем таким тоном, что друзья поняли, насколько твердо его решение. — Мы провели здесь всего несколько недель, но и за это короткое время добыли много клыков бегемота, а жирафов мы пытались поймать только один раз. Но не для того я проехал больше тысячи миль, чтобы бросить все дело после первой же неудачи. Зачем мы сюда приехали? От Грааф-Рейнета до Лимпопо не такой близкий путь, чтобы проделать его понапрасну. Надо привезти добычу и показать, что не зря мы потратили время и лишились лошадей. Вот если нам еще раз пять не повезет, тогда можно будет говорить о возвращении, а раньше я и слушать не стану.

Гендрик и Аренд подумали о том, сколько раз за последние недели жизнь их висела на волоске, но, пожалуй, еще больше они думали о своих невестах. Ганс не мог забыть о желанной поездке в Европу. Но все эти доводы не подействовали бы на Виллема, будь они даже

высказаны вслух. Он поехал на север за двумя молодыми жирафами. На эту поездку были потрачены время и деньги, и спутники Виллема не могли сколько-нибудь убедительно объяснить, почему надо отказаться от дальнейших попыток довести дело до конца.

Виллем всегда охотно уступал желаниям друзей. В мелочах он никогда им не противоречил. Но теперь они не могли с ним сладить. Ни Ганс, ни Гендрик, ни Аренд не могли вернуться домой, бросив Виллема, а он, по выражению Гендрика, уперся, как осел, и волей-неволей им тоже пришлось остаться.

От макололо они узнали, что к западу отсюда, на расстоянии дня пути, есть большой акациевый лес, где не раз видели жирафов, и решили побывать там.

Макора вошел в милость при дворе Ма-Мочисане и не мог сопровождать охотников, так как он был очень занят устройством своего племени на новом месте. Но он уверял, что им нечего опасаться — они несомненно найдут в том лесу и жирафов, и подходящее место для новой западни. В помощниках у них тоже недостатка не будет.

Чтобы они всегда могли без труда передать ему любое известие, Макора послал с ними четверых лучших своих гонцов — двоих из них охотники пришлют к нему, если захотят сообщить что-либо важное.

С истинным удовольствием Виллем и его товарищи снова пустились в путь — ведь теперь они не бежали от злобного врага, а только расставались с друзьями, с которыми, наверно, еще встретятся.

Во время путешествия Гендрик и Аренд, увлеченные охотой, порой забывали о том, что манило их домой, но им столько раз приходилось удирать от погони, нередко рискуя при этом жизнью, что неудивительно, если мысли их то и дело обращались к мирным картинам цивилизованной жизни.

Черныш был в восторге оттого, что они расстаются с макололо. В последние дни он очень горевал, что ему приходится быть в столь дурном обществе, — во всяком случае, уверял, что горюет. Что он думал на самом деле, неизвестно, да и не так уж важно; но он не упускал

случая повторить, что все несчастья постигли его хозяев лишь потому, что вел их Конго и окружало их племя, чей язык Конго понимал, а он, Черныш, не понимал. Уж конечно, этого довольно, чтобы с ними случилась любая беда. А теперь они расстались с этим племенем, и Черныш — один из десяти путников, но не один среди сотен. У него есть свои обязанности, и они дают ему определенное положение в этом маленьком отряде. Теперь к его сетованиям или советам прислушиваются, и он стал вслух выражать надежду, что с его помощью охотники еще добьются успеха.

По дороге к акациевому лесу не случилось ничего интересного даже с Гансом, который все время отставал от других, разглядывая каждый кустик и каждую травку. Лишь одно маленькое происшествие, видимо, очень заинтересовало собак.

Проходя мимо холма или даже скорей невысокой горы, охотники увидели стадо капских собакоголовых обезьян — бабуинов, спускавшихся с вершины, вероятно, на водопой. Охотники не раз слышали, что собаки ненавидят бабуинов, как никакого другого зверя на свете, и теперь воочию убедились, что это истинная правда. Из всех собак лишь одна встречала прежде бабуинов; и, однако, заметив их, все собаки тотчас пришли в самую неистовую ярость, на какую только были способны. Со злобным лаем они разом кинулись на бабуинов.

Как видно, в собаках жила инстинктивная ненависть к животным, которые с виду немного походили на них самих.

— Скачите скорей, — крикнул спутникам Виллем,— не то собаки погибли!

До этой минуты бабуины не собирались отступать. Как видно, они думали, что проще подраться с собаками, чем снова взбираться на гору; но стоило Виллему выстрелить, и они разбежались с такой быстротой, что собакам нечего было даже и пытаться догнать их.

Остался только один бабуин—тот, которого подстрелил Виллем. На раненого тотчас накинулись собаки — их не удалось отогнать, пока они не разорвали уродливую обезьяну в клочки.

Глава XXXIX

СРЕДИ АКАЦИЙ

Теперь охотники были поглощены одной мыслью — поймать жирафов. Даже рыкание льва возле самого лагеря не отвлекло бы их от этой мысли. И появись тут слон с тяжелыми бивнями, они не соблазнились бы драгоценной костью и не погнались бы за ним. Все прониклись важностью задачи: домой они вернутся не раньше, чем выполнят ее, и ничто не заставит их отказаться от этого намерения.

Подле акациевой рощи, где им предстояло охотиться, протекал небольшой ручей. На его берегах они обнаружили вскоре следы жирафов, а среди них и маленькие — по-видимому, отпечатки копыт детенышей. Виллем был в приподнятом настроении. Ему представлялась новая возможность удовлетворить свое охотничье честолюбие. Остальные, хотя и не столь уверенные в успехе, не менее страстно желали достичь цели.

На следующий же день, когда они прибыли к роще, среди деревьев показалось стадо жирафов и направилось к ручью.

Пугливые животные не подозревали о близости человека и заметили охотников только тогда, когда очутились ярдах в ста пятидесяти от них. Тотчас повернув назад, жирафы неуклюжими, но быстрыми скачками понеслись по равнине на запад, прочь от рощи. Гендрика и Аренда, готовых ринуться за ними, с трудом удержали на месте.

Это была бы удивительно волнующая охота; не так легко им было совладать с собою и спокойно смотреть, как жирафы исчезают, несясь по равнине.

Сдержал друзей Виллем.

— Разве вы не видите, что в стаде три детеныша? — сказал он. — Их жилье, вероятнее всего, тут, в роще. Разве можно спугивать их отсюда!

— За ними уже охотились, — заметил Гендрик. — В боку у одного из них торчит стрела. Наверно, какой-нибудь туземец стрелял в него просто для забавы — ведь жирафа стрелой все равно не убить.

— Вот жалость, что они нас заметили! — сказал Виллем. — Но, может быть, они все-таки вернутся в рощу. Надо проверить, действительно ли здесь их излюбленное убежище, а тогда мы пошлем к Макоре за людьми, и они соорудят новую западню. Пожалуй, это единственный способ заполучить жирафов.

Прошел еще день. Охотники развлекались, убивая куда больше антилоп и другой дичи, чем им нужно было на обед и на ужин. Жирафы больше не показывались, а наутро охотники пошли по следам тех, которых видели накануне.

Милях в пятнадцати дальше на запад они обнаружили еще один акациевый лесок; объехав его вокруг, друзья наткнулись на небольшое озерцо. Берега его истоптали жирафы, и среди отпечатков их копыт были заметны совсем маленькие. Следы, конечно, свежие, и их несомненно оставили те самые жирафы, которых наши путешественники видели три дня назад. Из этого они заключили, что стадо появляется в обеих рощах.

— Теперь мы знаем все, что нужно, — сказал Виллем. — Надо сейчас же послать к Макоре за помощью и сделать новую западню.

Все с ним согласились. Но тут возник вопрос: где устраивать ловушку?

— По-моему, можно и у той рощи, где мы видели жирафов первый раз, — предложил Гендрик, — мы их легко туда загоним.

Против этого трудно было возразить, и план Гендрика был принят.

Утром охотники послали двоих макололо к Макоре за обещанной помощью, а сами вместе с остальными спутниками вернулись в рощу, где останавливались вначале, и разбили там лагерь.

В тот день, когда ждали людей Макоры, Гендрик и Аренд отправились берегом вверх по реке искать какой-нибудь дичи. Ими двигало непостижимое, чисто охотничье желание убивать — им не спалось бы ночью, если бы днем они не уложили какого-нибудь зверя.

Они добрались до опушки густого леса. Тут росли акация и вечнозеленый кустарник—стрелиция, замия и

В спину жирафа вцепился леопард.

масляное дерево. Вдруг послышался треск ломающихся сучьев — сквозь чащу продирался какой-то крупный зверь.

— Приготовься, Аренд! Может, что-нибудь подстрелим! — крикнул Гендрик.

Оба остановили лошадей, дожидаясь, что будет дальше.

Не прошло и нескольких секунд, как из лесу выскочили два жирафа. На спине у одного из них сидел леопард. Грудь жирафа была вся в крови, и он бежал, спотыкаясь на каждом шагу.

Молодые охотники знали, что леопард труслив и в тех местах, где дичь водится в изобилии, легко находит добычу, не подвергая себя риску. Значит, он напал на жирафа вовсе не потому, что хотел есть. Может быть, жирафы потревожили его детенышей в логове или чем-либо другим рассердили его. Второй жираф, очутившись на открытом месте, мгновенно покинул раненого, а тот явно уже терял силы. Кровь ручьем лилась из разорванной шеи, и громадное животное изнемогало от ран, нанесенных ему свирепым, увертливым врагом. Охотники наблюдали единственную в своем роде сцену: леопард убивал жирафа. Обстоятельства сложились благоприятно для хищника, и, хоть он был вдесятеро слабее и меньше огромного жирафа, случайно вызвавшего его гнев, того ждала гибель.

Сопровождавшие охотников две собаки, не обращая внимания на окрики хозяев, тоже набросились на несчастное животное. С громким лаем помчались они за жирафом, стараясь вцепиться ему в ноги. Пошатываясь, жираф лягнул одну из собак — лягнул без промаха и с такой силой, что пес отлетел на несколько футов и остался лежать, корчась в агонии. После такого усилия раненый жираф потерял равновесие; голова его свесилась набок, и он рухнул на землю, придавив своей тяжестью леопарда. Так, подобно Самсону, леопард оказался виновником собственной гибели!

Гендрик передал поводья Аренду, подошел поближе к леопарду и выстрелом в голову положил конец его пронзительному вою.

Вскоре вместе с кровью, выпущенной из его вен хищным зверем, жизнь покинула и жирафа. Стоя возле обоих трупов, охотники пытались найти объяснение удивительному зрелищу, свидетелями которого они оказались. Они как-то слышали про жирафа, который пробежал несколько миль, неся на спине льва, но считали эту историю вымыслом. И вот они увидели собственными глазами, как леопард тоже проскакал немалое расстояние верхом на жирафе. Почему бы такое не могло случиться и со львом? Хотя кожа на шее у жирафа очень толстая, она была растерзана в клочья и свисала у него по плечам. Конечно, леопард не раз вонзал в тело жирафа свои длинные клыки и когти; он разорвал его артерии и вены еще до того, как жираф окончательно изнемог и жизнь его покинула.

Для того чтобы так его изранить, нужно было по крайней мере несколько минут, и, возможно, безжалостный враг даже не сознавал, что его уносят все дальше от места, где он напал на жирафа. В пылу своей лютой ярости он и не заметил, как жираф увлек его далеко от детенышей, которых он с таким упорством защищал, и смерть помешала ему обнаружить это.

Глава XL

ЕЩЕ ОДНО РАЗОЧАРОВАНИЕ

Макора выполнил обещание и снова помог охотникам. Через три дня после того, как отбыли посланные к нему макололо, пришли тридцать его людей. Место для западни выбрали в полумиле от опушки леса и тут же принялись ее сооружать.

Охотникам не терпелось узнать, чем кончится вторая попытка поймать жирафов, и они трудились без устали. Двое из них, не выпуская из рук топора, валили небольшие деревца; туземцы тут же уносили их на место, где строился загон, а остальные два охотника руководили устройством изгородей. На этот раз соорудить западню было легче, так как для нее выбрали более удобное ме-

сто. Изгороди предполагалось поставить чуть позади, по обе стороны акациевой рощи, которая имела не больше полумили в ширину; да и яму рыли не такую большую, как раньше. Работая без передышки от восхода до захода солнца, они сделали западню дней за семь.

Пока охотники трудились, они видели неподалеку от рощи несколько жирафов и снова воспрянули духом. Теперь они надеялись дня через два или три тронуться в обратный путь. Чтобы обеспечить верный успех, охотники вместе с большой группой макололо отправились во вторую акациевую рощу. Они хотели перегнать жирафов из этого леска в тот, где сооружалась западня. Во время этой вылазки охотникам не встретилось ни одного жирафа, но их это не смутило: жирафы окажутся там, где их ждут. И в надежде на такой исход они поспешно возвратились в лагерь.

Загоняли жирафов в западню тем же способом, что и в прошлый раз. Это была обычная облава, в которой все приняли участие. Макололо, стараясь поднять как можно больше шуму, шли с собаками через заросли; тем временем Виллем и Гендрик ехали по одну сторону леска, а Ганс и Аренд — по другую.

Загонщики были уже совсем близко от западни, когда Виллем начал подозревать неладное. Не видать было ни единого стада крупных зверей, убегающих из рощи. До ушей не доносилось треска ломающихся сучьев. Казалось, лес покинули все, кроме макололо, которые шумно прокладывали себе путь под его сенью. Наконец облава кончилась. В загоне оказалось лишь несколько мелких обыкновенных антилоп, два — три пятнистых гну да несколько диких свиней.

Охотники были жестоко разочарованы. Жирафы ушли, и никто не знал, куда. Возможно, они и вернутся, но можно ли быть в этом уверенным! Те из макололо, кто считал себя знатоками жирафов и их повадок, заверяли, что жирафы перекочевали далеко на юг, в большие леса, и в этих местах их теперь полгода не увидишь. Макололо жаждали скорее вернуться домой, и, может, это оказало на них влияние. Им надо было заботиться о семьях, строить хижины и обрабатывать

землю, но, подчиняясь приказу своего вождя, они бросили все. Охотники не имели больше оснований задерживать их, и, хотя им этого не хотелось, все же пришлось отпустить макололо.

В последующие три дня охотники объездили окрестности миль на двадцать вокруг. Они натолкнулись на несколько небольших акациевых рощиц, но жирафов там не было. Очевидно, они и в самом деле ушли из этого края и не вернутся в течение многих недель и даже месяцев. Макололо, по-видимому, сказали правду.

— Может, мы поступали не так глупо, — сказал Аренд, — но, уж конечно, глупо и дальше тратить зря время на этих жирафов — ясно, что нам не судьба их поймать.

— Вот это умно! — воскликнул Гендрик. — Продолжай в том же духе.

— Пока что я все сказал, — ответил Аренд, многозначительно покачав головой в знак того, что все уже ясно и говорить больше не о чем.

— Что же нам делать, Ганс? — спросил Виллем.

— Отправиться домой, — тотчас последовал ответ. — Теперь я согласен с Гендриком. Не можем мы всегда и во всем рассчитывать на успех, а сейчас мы тратим время зря — ведь видно, что эта затея обречена на неудачу.

— Что ж, — сказал Виллем, — только сначала вернемся в те места, где живут макололо. Ведь это нам по пути.

Заметив, что Черныш жаждет высказать свое мнение по этому важному вопросу, Гендрик любезно предоставил ему эту возможность. Бушмен обладал довольно распространенным даром: разразившись потоком слов, сказать очень мало. На этот раз ему удалось удовлетворить свое тщеславие — охотники ужинали, и у них было вдоволь времени слушать его разглагольствования.

По мнению Черныша, неудача постигла их исключительно по вине Конго. Он-то, Черныш, с самого начала знал, что нельзя рассчитывать на успех, пока их ведет Конго или кто другой из любого негритянского племени, чей язык понятен кафру.

Дальше Черныш сообщил, что в детстве ему каждый день приходилось видеть жирафов, и окажись сейчас охотники среди его соотечественников, бушменов,— а это, по его мнению, самые честные и умные из африканцев, — они давно уже поймали бы жирафов. Слова Черныша вызвали лишь улыбку у охотников — они знали, что бушмены, пожалуй, наиболее отсталое из всех африканских племен, — однако сам он счел это за признание его красноречия и был, видимо, вполне доволен.

Охотники отправились в новое селение Макоры. Вождь очень сожалел, что экспедицию постигла неудача, но он не мог обнадежить Виллема: нет, в ближайшее время им вряд ли представится случай найти жирафов. Они, говорил Макора, часто кочуют с места на место, идут не останавливаясь по нескольку дней подряд, делая по тридцать — сорок миль за день. Стадо, где есть детеныши, иной раз месяцами не встретишь во всей округе. И, однако, Макора обещал, что он со своим племенем станет и дальше помогать им чем только сможет.

Виллем не прочь был остаться, чтобы соорудить новую западню, но его спутники в один голос потребовали, чтобы отправиться домой не откладывая. Они так горячились, что великану-охотнику пришлось подчиниться. В конце концов решили все же двинуться в Грааф-Рейнет не прямым путем, а через страну бечуанов — пересечь край, где живут бушмены. А там можно, свернув на восток, направиться домой.

Виллем дал слово, что не станет без необходимости задерживаться в пути, а его спутники обещали, не жалея усилий, помогать ему осуществить заветную мечту.

В племени Макоры было четверо юношей, которым очень хотелось побывать в селениях белых и узнать о том, как живут цивилизованные люди, больше, чем они знали из случайных встреч с охотниками или торговцами. Соплеменники снабдили юношей упряжкой быков, дали леопардовые шкуры, страусовые перья и слоновую кость — все, что можно продать белым. Макора велел им во всем помогать его другу Виллему и остальным охотникам.

Вождь и другие знатные люди племени провожали охотников несколько миль от деревни. Расставаясь с ними, путешественники почувствовали, что покидают искренних друзей.

И Макора и Синдо очень горевали, прощаясь с Виллемом. Оба заявили, что обязаны ему жизнью. Оба дали обещание когда-нибудь его навестить в его далеком доме. Охотники отправились дальше, глубоко убежденные, что среди макололо есть люди, обладающие едва ли не всеми благородными чертами, свойственными человеческой природе.

Глава XLI

СТАДО БУЙВОЛОВ

На обратном пути к Грааф-Рейнету Ганс, Гендрик и Аренд были очень довольны и собой и всеми окружающими. Совсем не так чувствовал себя Виллем. Он ехал с остальными лишь потому, что все еще надеялся натолкнуться на жирафов; но все время его тревожила мысль: неужели они приедут домой, не приведя двух детенышей?

Он не был склонен спешить и не упускал случая замешкаться, охотясь за дичью ради забавы или для еды.

Утром третьего дня после разлуки с Макорой наши путешественники увидели большое стадо буйволов. Буйволы паслись у подножия холма, возвышавшегося на полмили в стороне от пути, которого держались охотники. В одно мгновение Виллем был уже в седле и скакал к буйволам. Спутникам не очень-то хотелось следовать за ним.

— Опять на целый день задержимся! — воскликнул Аренд. — Виллем убьет буйвола и не успокоится, пока мы не сделаем привал, чтобы съесть этого буйвола.

— Ну конечно, — заметил Гендрик. — Но почему он один должен получить удовольствие от охоты?

Гендрик и Аренд, вскочив на коней, поскакали за Виллемом, а следом за ними верхом на быках — двое из

макололо. Терпеливый, рассудительный Ганс остался ждать их возвращения.

Не желая испугать буйволов внезапным нападением, Виллем поехал в обход, чтобы оказаться впереди стада, и Аренд с Гендриком вскоре догнали его.

Буйволы — их было не меньше двухсот — двигались в одном направлении и очень медленно, так как на ходу щипали траву.

Когда охотники приблизились к ним ярдов на триста, буйволы на минуту подняли головы, поглядели на странные существа, помешавшие их трапезе, и опять склонили головы, продолжая пастись.

Вожак стада пока не подавал сигнала к бегству.

— Поедем дальше влево и обойдем их, — предложил Виллем. — Если какой-нибудь старик нападет на нас, ускачем на холм.

Когда охотники подъехали к подножию холма и были шагах в ста от стада, несколько буйволов повернулись к ним и встали, преградив дорогу врагу, словно приготовившись прикрыть отступление самок и детенышей.

Сидя на коне, редко удается сделать удачный выстрел. Охотники знали это и спешились; каждый избрал себе жертву и, тщательно прицелившись, выстрелил. Три выстрела грянули почти одновременно, после чего охотники бросились к своим лошадям. Раненые буйволы вырвались из стада и свирепо ринулись на своих противников.

Увидев, что на них мчатся буйволы, испуганные лошади принялись метаться, вставать на дыбы, и сесть на них оказалось совсем не просто. Гендрик и Аренд все же вскочили в седла, но Виллему это не удалось.

Лошадь, на которой он не раз приближался чуть ли не вплотную к разъяренному слону, совсем обезумела от страха, услышав рев раненых буйволов. И когда они неожиданно ринулись вперед, лошадь стала вырываться из рук хозяина. Казалось, чем крепче Виллем ее держал, тем отчаяннее она сопротивлялась; невзирая на огромную физическую силу охотника, она тащила его на поводьях, пока один конец не лопнул. Второй конец ло-

шадь так стремительно выдернула из руки Виллема, что он рассек ему пальцы чуть ли не до кости. А в это время один из буйволов оказался уже совсем близко. Хоть и настоящий великан, Виллем вовсе не был медлителен и неуклюж; наоборот, он отличался большим проворством. Но где ему было убежать от африканского буйвола!

Разъяренное животное напало так стремительно, что бык, на котором ехал один из макололо, не успел посторониться, и седок поспешно соскочил с него. Это было счастьем для Виллема — злополучный бык спас ему жизнь. Кинувшись к быку, буйвол вонзил ему между ребрами длинный рог, скинул с его спины седло и свалил его на землю; тот остался недвижим, словно сраженный топором мясника.

А тут внимание буйвола было снова отвлечено от Виллема — на него набросились собаки.

Три или четыре пса упрямо нападали на него, ловко увертываясь от рогов и копыт, пока наконец буйвол не сшиб одну из собак, пытавшуюся вцепиться ему в морду, и не наступил на нее копытом.

Те, кто видел эту сцену, воочию убедились в мстительности африканского буйвола. Не довольствуясь тем, что он убил собаку, он встал на ее труп и яростно придавил его, словно решил переломать жертве все кости. Казалось, его злит, что он не может сокрушить собаку сразу и копытами и рогами.

А тем временем Виллем успел перезарядить свой громобой. Буйвол повернулся, чтобы погнаться за охотником, но пуля свалила его. Взревев так, что воздух задрожал на милю вокруг, буйвол поднялся, шагнул, шатаясь, раз, другой и упал на землю, чтобы больше уже не встать. Он был тяжело ранен первым же выстрелом, и трава кругом на большом расстоянии была забрызгана его кровью.

Нападению подвергся не только Виллем. Аренд и Гендрик были также вынуждены отступить — за каждым из них гнались по два буйвола. Но, к счастью, холм был совсем рядом, всадники пустили в ход шпоры и хлыст, и лошади во весь опор поскакали вверх.

Тяжелый буйвол не в состоянии быстро бежать в гору, хотя, спускаясь вниз, он может обогнать коня. Буйволы, которые преследовали охотников, вскоре убедились в безнадежности погони и, оставив добычу победителям, пустились догонять стадо, уходившее по раскинувшейся внизу равнине. Так, во всяком случае, подумали охотники. Скоро они увидели, что ошиблись: четыре буйвола неожиданно свернули в сторону и бросились к пятому, который был ранен и плелся далеко позади. То, что произошло дальше, чрезвычайно удивило охотников. Вместо того чтобы попытаться защитить своего товарища, эти четыре буйвола кинулись на него, сбили с ног и стали бодать его рогами. Жестокая расправа прекратилась лишь тогда, когда несчастное животное испустило дух.

Казалось, буйволы действовали так не в пылу ярости, а в силу какого-то непонятного инстинкта. Это нападение на беззащитного товарища было ужасно. Но, увы, разве так не случается и среди людей! В несчастье друг нередко становится врагом.

Разделавшись со своим раненым товарищем, четыре буйвола побежали дальше и вскоре догнали стадо, для защиты которого они задержались.

Буйвол, застреленный Виллемом, был самым крупным из всех убитых нашими охотниками. Любопытства ради они записали его размеры. Он был восьми футов в длину и почти шести футов ростом, считая до верхушки плеч. Расстояние между концами его длинных рогов равнялось пяти футам трем дюймам. Плечо и часть шеи перерезал широкий шрам длиною больше чем в два фута. Шрам был глубокий и потому заметен в густой шерсти, а шерсть темная — знак того, что буйвол не старый. Рану, оставившую такой рубец, нанес лев. Охотники поняли это, увидев три параллельных шрама на плече буйвола — несомненный след когтей льва.

Вырезав из туши обоих убитых буйволов несколько самых лакомых кусков и привязав их позади седел, чтобы увезти с собой, путешественники устроили короткий привал, подкрепились бифштексом из свежего мяса и отправились дальше.

Глава XLII

ОТРАВЛЕННЫЙ ИСТОЧНИК

К вечеру восьмого дня, после того как охотники расстались с Макорой, они разбили лагерь на берегу небольшой речки, протекавшей, по их расчетам, милях в ста двадцати южнее места, откуда они пустились в обратный путь.

В душе Виллема все еще тлела надежда, что по дороге им снова попадутся жирафы, и он не упускал случая их искать.

Спутники были недовольны этими проволочками; однако Виллем поступал, как ему хотелось: он так обезоруживал своим добродушием, что трудно было ему перечить, и его друзьям оставалось только удовлетворяться сознанием, что они хоть и медленно, а всё же движутся к дому.

Проснувшись утром в своем новом лагере, они увидели картину, прекраснее которой не видели во время своего путешествия по этой огромной стране. Поблизости раскинулась целая роща олеандровых кустов, осыпанных чудесными розовыми цветами. На каждой ветке сидели прелестные зеленые птички-нектарницы. Ничто в природе не может сравниться с великолепием оперения этих птиц.

Небольшая долина, где остановились охотники, была словно уголок рая, залитый золотом солнечного света; даже быки, на которых ехали макололо, казалось, покидали его с неохотой.

Путешественники двинулись отсюда по руслу и вскоре заметили, что едут они не берегом ручья — сейчас, в засушливые месяцы, он превращался в цепь маленьких озер. Охотники пересекли песчаный нанос меж двух таких водоемов, как вдруг с той стороны, куда они направлялись, ветер обдал их каким-то ужасным зловонием. Они продолжали путь, но вонь стала такой нестерпимой, что им пришлось остановиться; единодушно решили повернуть на восток и двигаться против ветра, чтобы не слышать этого ужасного, все еще непонятного им запаха.

Но тут они заметили, что на западе носятся в небе целыми стаями стервятники, а по равнине рыщут сотни шакалов и гиен. Охотникам хотелось понять, почему здесь скопилось столько пожирателей падали. Они подъехали ближе и увидели трупы антилоп — их было множество, они попадались через каждые несколько шагов.

Чем дальше ехали наши друзья по равнине, тем больше было трупов; казалось, охотники попали в долину смерти и им уже не выбраться отсюда. Но загадку — а это было для них загадкой — тут же объяснили макололо и Конго. Антилопы напились воды в озерке или в роднике, отравленном туземцами; это означало, что охотники очутились поблизости от какого-либо племени бечуанов. Путешественникам не раз доводилось слышать об этом способе бессмысленного истребления дичи, применяемом многими африканскими племенами. Следовательно, многочисленные рассказы о массовом уничтожении диких зверей ядом, рассказы, к которым они относились с недоверием, — правда. На площади чуть ли не в квадратную милю валялось до двухсот дохлых антилоп. В цепи водоемов, у которых охотники сделали привал, какой-то один был отравлен. К нему пришло напиться стадо антилоп, и, выбравшись на берег, все они свалились мертвые.

— Нам очень повезло, — заметил Виллем: — ведь мы могли разбить лагерь у отравленного источника, и тогда мы пошли бы на обед гиенам и шакалам, вот как эти антилопы.

Конго с ним не согласился: люди вряд ли могут выпить так много воды, чтобы отравиться и умереть; но вот их быки и лошади, утолив жажду в этом водоеме, погибли бы непременно.

Ради того, чтобы раздобыть себе в пищу двух — трех антилоп, не приложив труда, бечуаны уничтожали целое стадо. Так неблагоразумно и неэкономно поступают обычно счастливцы, живущие в краю, где слишком много дичи. Теперь даже Виллем готов был ехать скорее, только бы не видеть больше этой отвратительной картины.

Зная, что они находятся в стране бечуанов, маколо-

ло стали опасаться за своих быков. Бечуаны, говорили они, могут украсть скот, а то и попросту отнять силой. Однако охотники считали эти опасения слишком лестными для бечуанов. Они судили об этом многочисленном племени понаслышке и полагали, что бечуанов бояться нечего — слишком они трусливы и беспечны.

Утром охотники двинулись дальше, как вдруг Аренд, ехавший впереди, осадил коня и крикнул:

— Смотрите, вон крааль и маисовое поле!

Виллем и Гендрик поскакали вперед и убедились, что Аренд не ошибся.

В ту же минуту Виллем заметил и нечто другое, что было ему куда интереснее, чем деревня бечуанов и все их достояние. По равнине к маисовому полю шагали два громадных слона.

— Подкрадемся к ним незаметно, — предложил охотник. — Всем идти незачем. Хватит двоих или троих. Кто-нибудь пусть останется здесь.

С этими словами Виллем ускакал, а за ним и Гендрик с Арендом.

Ганс решил остаться. С ним вместе остался и Черныш. Конго и макололо охраняли быков и вьючных лошадей. Итак, сейчас они все увидят интересное зрелище! Казалось, ничто не могло помешать охотникам подкрасться к слонам и сделать удачный выстрел, а раненый слон редко спасается бегством. Один из слонов... может быть, даже оба будут убиты.

— Если бы мы не подоспели, — говорил в это время Виллем ехавшему рядом с ним Гендрику, — эти слоны вытоптали бы весь маис. Хозяева поля не могли бы спасти его. Они не сумели бы даже прогнать слонов.

Вскоре, однако, охотник был выведен из заблуждения.

Глава XLIII

ВОЛНУЮЩЕЕ СОБЫТИЕ

Слоны шли по узкой тропе, ведущей не то к маисовому полю, не то к видневшемуся за полем селению. Они не спешили; казалось, они шествовали с полным

сознанием того, что лакомая пища близко и ее никто у них не отнимет.

— Как только они накинутся на маис, они наши, — сказал Гендрик. — Они нас не заметят, и мы уложим их на месте.

Вдруг слон, который шел первым, провалился сквозь землю! Второй на минуту остановился, как бы раздумывая, куда же девался его товарищ, потом повернулся и, осторожно ступая, направился обратно.

— Яма! — воскликнул Гендрик. — Слон упал в яму!

— Вперед, вперед!— крикнул Виллем, пришпоривая своего огромного коня. — Убьем второго!

Гендрик и Аренд поскакали за ним.

Отступающий слон, по-видимому, не спешил избежать встречи с охотниками и спокойно шел своей дорогой.

Когда охотники подъехали к слону ярдов на сто, он громко затрубил и кинулся к ним. Но они ждали нападения и приготовились отразить его. Виллем мгновенно вскинул свой громобой и выстрелил.

Одновременно с гулким выстрелом Виллема затрещали ружья его спутников.

Гендрик и Аренд круто повернули коней вправо, Виллем — влево, и громадина слон промчался между ними.

На мгновение он остановился в нерешительности: за кем погнаться раньше? Если бы все трое поскакали в одну сторону, слон не медлил бы ни секунды и, возможно, догнал бы одного из них. Теперь же секунда передышки позволила охотникам составить план действий и выиграть расстояние.

— Яма, яма! — крикнул Гендрик. — Скачите к яме!

Виллем и Аренд тотчас поняли его.

Слон повернулся и, увидев, в какую сторону они поскакали, последовал за ними; однако теперь он замедлил шаг, будто еще не решил, стоит ли ему догонять их. И тут раздался громкий рев — полный муки и отчаяния крик второго слона. Он доносился из ямы.

Слон, гнавшийся за охотниками, сразу остановился. Горестные крики товарища пробудили в нем иное чув-

ство, чем жажда мести. Его охватил страх — и, как видно, страх возвратил ему способность соображать: слон повернул назад и тем самым избежал участи, которая постигла его товарища. Отступая, он, казалось, мчался по следам, только что оставленным лошадьми, словно инстинкт ему подсказывал, что так он не угодит ни в какую ловушку, если даже их понарыли по всей равнине.

— За ним! Вдогонку! — крикнул Аренд. — Ганс в опасности!

Охотники быстро перезарядили ружья и во весь опор помчались за слоном.

Ганс и его спутники-туземцы не были равнодушными зрителями только что разыгравшейся сцены, и теперь они поняли, что им предстоит самим стать участниками подобного же представления. Слон стремительно несся в их сторону, и у каждого мелькнула мысль: бежать.

Но они тотчас от нее отказались.

Во что бы то ни стало надо уберечь вьючных лошадей! И молодой ботаник, поручив их Чернышу и Конго, выехал навстречу врагу.

Под ним был конь, который и двух секунд не простоял бы спокойно на месте, — а ведь от точности прицела, возможно, зависит его жизнь, — и Ганс спешился.

Лошадь, освободившись от всадника, поскакала прочь.

Раненый слон, который был всего в каких-нибудь пятидесяти шагах, бросился за нею, по-видимому не заметив врага, которого ему следовало больше всего опасаться.

Гансу это было на руку, и он не упустил случая: как только слон ринулся вперед, молодой охотник, тщательно прицелившись, выстрелил ему в грудь. Разъяренный зверь дрогнул и оглушительно заревел.

Тем временем лошади, оставленные на попечение Черныша и Конго, вырвались от них и разбежались. Слон сделал несколько крупных шагов — и вот его бивни уже грозят лошади Конго, попавшейся ему на пути. Еще мгновение — и конь подброшен в воздух;

пролетев на добрых шесть — восемь футов над слоном, он со всего маху упал на землю. Однако Конго успел соскользнуть с седла и остался цел и невредим.

Лошадь убита — но на это ушли последние силы раненого слона.

Собаки нагнали его; он бешено завертелся, стараясь добраться до них, зашатался и тяжело рухнул на землю.

— Я почти уверен, — заметил Гендрик, прискакавший в эту минуту вместе с Виллемом и Арендом, — что собаки воображают, будто именно они свалили слона.

— Тогда они большие дураки, совсем как Конго, — сказал Черныш, раздосадованный тем, что кафр показал себя ловким и смелым и хозяева, конечно, похвалят его.

Конго лишь улыбнулся в ответ. Он снова возбудил ревность своего соперника и был очень доволен.

Упавший слон через несколько минут испустил дух. Это был огромный самец с бивнями длиною более пяти футов; Чернышу поручили их вырезать.

Разумеется, лошадь Конго погибла; и ему дали одну из вьючных лошадей, распределив ее груз между остальными. Вскоре все двинулись дальше.

Гендрику, Виллему и Аренду не терпелось поехать к яме, куда свалился второй слон, — они никогда еще не видели, чтобы таким способом удалось поймать слона.

— Ты остаешься, Ганс, чтобы присмотреть тут за всем, или едешь с нами? — спросил Гендрик.

— Предпочитаю остаться, — ответил невозмутимый Ганс. — Может быть, мне опять достанется львиная доля удовольствия.

— Конго нам придется взять с собой, — заметил Аренд. — У ямы наверняка уже собрались туземцы. Мы видели хижины неподалеку от маисового поля. Должно быть, там большое селение.

— Ты прав... Едем, Конго, — распорядился его хозяин, пришпорив коня.

За ним двинулись все, кроме добродушного Ганса и Черныша, на чью долю обычно выпадал самый тяжелый труд, пока другие развлекались.

Еще мгновение — и конь подброшен в воздух.

Глава XLIV

ЯМА

Слова «рев», «вой», «крик», «визг», видимо, обозначают различные звуки, однако слон, попавший в яму, от боли и ужаса издал вопль, в котором, казалось, все они слились вместе. Этот вопль все еще потрясал воздух, и путешественники, знакомые чуть ли не со всеми существующими способами охоты на слонов, подумали, что слон, свалившийся в яму, терпит неслыханные муки.

— Наверно, на дне ямы торчит острый кол, — сказал Гендрик, — и слон напоролся на него.

Еще издали они увидели столпившихся возле ямы людей. Тут были и мужчины и женщины. Как только охотники подъехали к ним, навстречу вышел эфиоп и знаками предложил купить бивни слона, все еще ревевшего в яме.

— Этих бояться нечего, — сказал Конго, — они привыкли иметь дело с торговцами и нам худого не сделают. Может, только попробуют обмануть, когда будут называть цену.

Подойдя к яме, охотники увидели, что она вовсе не была квадратной с отвесными стенками и вбитым посередине колом, как предполагал Гендрик. Вверху она была овальной, книзу суживалась, точно перевернутый конус, и на дне не оставалось ровного места, на котором слон мог бы стоять. Его четыре ноги были стиснуты вместе и в таком положении выдерживали всю тяжесть громадного тела; это была адская пытка, ее не вынесло бы ни одно живое существо.

Ловушка, устроенная с дьявольской изобретательностью, чтобы причинить жертве как можно больше мучений, была девяти футов в длину и футов семи или восьми в глубину. Усилия, которые делал слон, чтобы вырваться, приводили только к тому, что его огромные ноги еще больше стискивались и страдания еще увеличивались.

Здесь, совсем близко одна от другой, были вырыты две ямы, и охотники своими глазами убедились, как

хитро это придумано. Хотя обе они были тщательно замаскированы и вырытая земля унесена прочь, слон заметил ловушки, но одну из них — слишком поздно. Будь тут только одна яма, слон бы в нее не провалился, так как, поставив ногу на первую, видимо, почувствовал скрытую опасность, но, стараясь ее избежать, неожиданно и неотвратимо попал во вторую яму.

Все стоявшие вокруг туземцы были вооружены дротиками или стрелами, однако никто из них не пытался положить конец мучениям пленника.

Виллем подошел ближе и навел конец длинного ствола своего ружья прямо в глаз слону, но несколько туземцев бросились вперед и помешали ему выстрелить.

Конго, как будто понимавший их язык, сказал Виллему, что еще не время убивать слона.

— Но почему же? — воскликнул Аренд. — Неужели они не убивают слона только потому, что хотят видеть, как он мучается? Его не спасти. Он все равно умрет в яме.

— Я тебе сейчас объясню, в чем дело, — сказал Гендрик. — Они большие любители музыки и собираются держать слона в яме, как птичку в клетке, чтобы насладиться его прекрасным голосом.

У одного из туземцев было ружье, у которого недоставало всего-навсего затвора! Виллем сразу обратил внимание на это ружье; его владелец протянул ружье и знаками просил пулю и пороха, чтобы зарядить. Виллем захотел узнать, как он намерен это сделать, но туземец, покачав своей курчавой головой, чистосердечно признался, что сам не знает.

— Спроси его, зачем он принес сюда ружье, — сказал Виллем, обращаясь к Конго.

Владелец ружья снова признался, что не знает.

В толпе началось какое-то оживление — со стороны деревни подходили еще люди. Они сообщили, что сюда идет из крааля вождь, который намерен собственной персоной убить слона. Он недавно приобрел у какого-то торговца ружье и хочет теперь показать восхищенным подданным свое искусство меткого стрелка.

Явился вождь, и охотники увидели, что его ружье — солдатский мушкет, который был далеко не в порядке: настоящий охотник не решился бы из него стрелять.

— Этаким оружием, — сказал Гендрик, — слона не прикончить. Вождь скорее пристрелит сам себя или кого-нибудь из своих подданных. Пока слон дождется, чтобы его застрелили из этой штуки, он, пожалуй, умрет с голоду.

Вождь, видимо, очень гордился тем, что у него есть ружье, и ему не терпелось показать своим подданным, как надо убивать слонов. Остановившись шагах в двадцати пяти от ямы, он прицелился в голову животного и выстрелил.

За выстрелом последовал рев, выражавший скорее гнев, чем боль, а на голове слона вскочила небольшая шишка — знак того, что пуля слегка поцарапала кожу.

На то, чтобы перезарядить мушкет, потребовалось минут пять — шесть, потом вождь опять выстрелил, на этот раз с расстояния в пятнадцать шагов. И опять вождь и его люди удивились, что слон все еще жив.

Снова шесть — семь минут было затрачено на то, чтобы зарядить ружье, и опять последовал выстрел. Пуля не миновала слона, но об этом можно было догадаться только по громкому, полному бессильной ярости реву.

Теперь к собравшимся у ямы присоединилась новая группа людей. То были Ганс, Черныш и их спутники. Они вырубили бивни своего слона, привязали их ремнями к седлам двух вьючных лошадей и привезли с собой.

— Что у вас тут творится? — спросил Ганс. — Вы что, никак не можете пристрелить этого слона? Я слышал выстрелы.

— Они нам и попробовать не дают, — ответил Виллем. — Вождь хочет убить его из старого мушкета и не разрешает стрелять ни мне, ни вот этому превосходно вооруженному джентльмену, который стоит с ним рядом. — Виллем указал на туземца с ружьем без затвора.

В эту минуту вождь заговорил с Конго. Раздосадованный неудачей, он возымел некоторые сомнения в че-

стности торговца, у которого купил это хваленое ружье. Вождь пожелал сравнить свое разрушительное оружие с каким-нибудь из ружей, принадлежащих охотникам, и предложил Виллему выстрелить в слона.

— Только, баас Виллем, — сказал Конго, переводя слова вождя, — не делайте этого, не стреляйте в слона.

— Почему? — удивился Виллем.

— Вы застрелите его из своего ружья, и они захотят его. Захотят и отберут.

— Что отберут, слона?

— Нет, баас Виллем, ружье, — ответил кафр.

Хоть Виллем и не боялся, что у него отнимут ружье, он и его товарищи хотели избежать неприятностей с туземцами, и поэтому предложение вождя было учтиво отклонено. Виллем объяснил свой отказ тем, что не может надеяться на успех там, где сам великий вождь потерпел неудачу.

Теперь всем было предложено участвовать в убийстве слона, и на него напало более десятка людей, вооруженных дротиками и копьями. Чуть не полчаса понадобилось на то, чтобы лишить его жизни; путешественники с негодованием смотрели, как пытают несчастное животное, — ведь если бы им позволили, они могли бы избавить слона от мучений в несколько секунд. Как истые охотники, они не щадили жизни животных, но в их мучениях не находили удовольствия.

Глава XLV

НА ПЛАТО

Убив слона, туземцы принялись за более легкое дело — стали резать тушу на куски и уносить в селение. Ноги предназначались для вождя. В ожидании, пока их отрубят, он удостоил наших путешественников беседы. Охотникам хотелось узнать, посещают ли крааль торговцы — люди, с которыми им не терпелось встретиться; однако Виллему еще больше не терпелось узнать, появлялись ли здесь когда-либо жирафы. Конго

в качестве толмача вел переговоры с вождем; оба говорили, вернее — кричали, одновременно, и один не слушал другого. Голоса становились все громче, и наши любители приключений заметили, что между собеседниками завязался горячий спор, который грозил перейти в нечто более серьезное, чем словесная война.

— Что он говорит? — спросил Виллем.

— Не пойму, баас Виллем, — ответил Конго и покачал головой, несколько смущенный своим невежеством.

— Как же так? — сердито сказал Виллем. — Разве ты не понимаешь его языка?

— Не понимаю, баас Виллем. Он не говорит по-зулусски и ни на каком наречии кафров не говорит.

— Так что ж ты раньше делал вид, будто переводишь его слова? — спросил Гендрик.

— Я пробовал научиться, — ответил Конго тоном, в котором слышалась уверенность, что его ответ всех удовлетворит.

— У нас нет времени ждать, пока ты научишься их языку, — сказал Гендрик. — Почему ты не сознался, что не можешь объясниться с этим человеком? Ты же минуту назад сказал, что переводишь нам его слова.

Но тут общее внимание привлек Черныш: он просто захлебывался от восторга.

Разобрать, что он бормочет, удалось не сразу.

— Я говорил, Конго старый дурак. Теперь вы сами видите. Глядите на него! Он четыре раза дурак, пять раз, шесть раз дурак! Ведь я говорил!

— А ты что, понимаешь вождя? — спросил Виллем.

— Ну да, баас Виллем, всякий бушмен понимает.

— Тогда говори ты с ним. Ты ведь знаешь, о чем надо расспросить его.

Лицо бушмена приняло забавное насмешливо-лукавое выражение, и охотники поняли, что он теперь серьезен.

Подойдя к вождю, он вступил с ним в разговор, из которого Виллем после перевода узнал, что жирафов не видели поблизости уже много месяцев. Торговцы редко посещали племя, а те, что бывали здесь, не оставили по себе доброй памяти.

Вождь жил в видневшемся неподалеку селении и пригласил охотников посетить его.

Виллем тотчас принял приглашение. Казалось, он потерял всякое желание возвратиться в Грааф-Рейнет. Но Гендрик с легкостью разбил эту попытку оттянуть их возвращение домой.

— Зачем нам ходить к ним в крааль? — спросил он. — Они задержат нас дня на два, на три, а ведь мы ищем жирафов, которых здесь нет.

Виллем охотно согласился с этим, и они стали собираться в дорогу.

Бечуаны уже унесли бо́льшую часть слоновой туши. Мясом нагрузили трех быков, и несколько туземцев, которых и разглядеть нельзя было, едва брели, сгибаясь под тяжестью ноши, — длинные полосы, вырезанные из боков слона, свисали у них с головы до самых пят. Другие тащили громадные куски квадратной формы, сунув голову в дыру, прорезанную посередине, и мясо ниспадало с их плеч наподобие мексиканского серапе.

Не слишком было приятно смотреть, как, шатаясь под своей ношей, движутся к деревне эти люди.

— Ну и зрелище! — заметил Гендрик. — Такое может отвратить человека от пищи по меньшей мере на месяц.

Расставшись с этим племенем, наши охотники продолжали свой путь на юг. Уже совсем стемнело, когда они добрались до места, где можно было разбить лагерь. После тех прудков, которые они видели поутру, им больше не попадалась вода; лошади и волы изнывали от жажды.

В темноте далеко не уедешь. Охотники разгрузили своих вьючных животных и улеглись спать, с тем чтобы на рассвете двинуться дальше. Рано поутру они были уже в пути: необходимо как можно скорее добраться до воды.

Несколько миль они ехали по земле, поверхность которой походила на океан, взбудораженный штормом. Земля все время дыбилась, как будто одна за другой катились огромные волны, разделенные глубокими провалами.

Тут охотники впервые заметили, как по-разному действует жажда на лошадей и рогатый скот. Быки, казалось, думали найти облегчение, покорно поддавшись расслабляющему действию жажды, и еле двигались. С большим трудом удавалось гнать их вперед: поторапливая быков, макололо то и дело пускали в ход свои длинные палки. Животные брели нехотя, вперевалку, с высунутым языком и являли собой картину полной безнадежности.

Лошади, наоборот, стремились, видимо, поскорее уйти из этих мест. Казалось, ими руководит разум, они словно понимали: до желанной воды еще далеко, и чем быстрее двигаться, тем скорее к ней придешь.

Весь день Гендрик и Виллем ехали впереди, озабоченно высматривая по пути какой-либо источник, озеро или ручей. Живительную влагу необходимо было найти до наступления ночи, иначе быки погибнут. Путников охватил страх за будущее, и, сознавая, как велика опасность, они почти так же приуныли, как их быки. Какая ошибка, что они так опрометчиво расстались с бечуанами, не расспросив о местности, через которую лежал их путь! Будь они благоразумнее, они, возможно, не очутились бы в таком тяжелом положении.

Незадолго до захода солнца путники заметили справа от себя холм более высокий, чем все те, что им попадались днем. У его подножия виднелась рощица карликовых деревьев. Лошади под Виллемом и Гендриком подняли головы, навострили уши и галопом пустились к холму; они тихо заржали, и всадники поняли — это ржание означает: вода! По дороге к рощице они натолкнулись на издохшего льва, наполовину объеденного какими-то хищниками пустыни. Рядом с трупом льва валялось несколько мертвых шакалов,— очевидно, он убил их прежде, чем сам издох.

У рощи путешественники увидели небольшое озерно мутной воды; кони их, вытянув шеи, кинулись к воде. У берега лежал труп буйвола, а рядом — мертвая гиена.

— Придержи лошадь! — крикнул Гендрик, резко остановив свою. — Не отравлена ли вода? Ты посмотри

на буйвола и гиену, — а ведь мы только что видели и еще дохлых зверей.

Охотники напрягали все силы, чтобы не пустить лошадей в воду. Лишь вонзив им шпоры в бока, удалось повернуть их и отвести от озерца. Но измученные животные рвались назад, и охотники с большим трудом заставили их отъехать прочь.

Виллем и Гендрик спешили навстречу своим товарищам: надо было предупредить, чтоб никто не приближался к озерцу, пока Черныш, Конго и макололо его не исследуют.

Глава XLVI

ОЗЕРО СМЕРТИ

Подъехав к своим спутникам, разведчики сообщили им радостную весть: вода найдена! Однако радость тотчас сменилась огорчением, когда Виллем и Гендрик сказали, что сомневаются, можно ли ее пить. Ганс и Аренд быстро спешились и вместе с Чернышем и двумя макололо направились к озерцу.

Едва подойдя к нему, Черныш заявил, что вода отравлена. Ее отравили двумя различными ядами, и оба они смертельны. В воде лежал пучок корешков, раздавленных и размолотых меж двух камней, а на поверхности плавала кожура каких-то ядовитых ягод.

Ничего не поделаешь, надо ехать другой дорогой — ведь если животные почуют воду, их не удержишь и они непременно напьются.

Буйвол утолил жажду, а потом улегся в тени деревьев и околел. Отравленную влагу попробовал и могучий лев, но вся его сила не спасла его. Только на несколько шагов отошел он от озерца — и свалился на ходу. Шакалы наполовину объели труп льва, потом напились смертоносной воды и вернулись к прерванной трапезе, но докончить ее им уже не пришлось.

Удостоверившись, что вода в озерце отравлена, Ганс, Аренд и их спутники хотели было вернуться, когда вдруг заметили сильный переполох среди лошадей и

быков. Быки мычали, а кони как-то необычно ржали. Обе лошади, уже побывавшие возле гибельного места, всего неистовей рвались из рук; Гендрик изо всех сил старался сдержать свою лошадь, как вдруг подпруга его седла лопнула. Он соскочил наземь, чтобы поправить ее, но тут конь вырвался, галопом помчался к озеру и пронзительно заржал, как будто звал за собой остальных.

Приглашение не осталось без внимания. Вьючные лошади сейчас же понеслись за ним. Быки встрепенулись. То ли инстинкт, то ли пример лошади подсказал им, что вода близко. К тяжело нагруженным быкам, которых последние несколько миль с таким трудом гнали вперед, вдруг вернулись силы, и они тоже пустились вскачь. Их уже невозможно было удержать.

Измученные жаждой животные состязались теперь со своими хозяевами — кто скорее достигнет воды. Аренд и двое макололо встали в ряд, пытаясь преградить дорогу бегущим. Но все оказалось напрасно. Обезумев от жажды, животные уже не подчинялись людям, и те, кто хотел остановить их на пути к гибели, поспешили отскочить в сторону, чтобы самим не оказаться растоптанными.

Озерцо было не больше десяти футов в диаметре, и добраться до воды можно было только с одной стороны, где берег был отлогий, поэтому животные не могли подойти к воде все сразу. Лошадь, доскакавшую первой, тотчас столкнули в воду две другие, бежавшие за нею по пятам, но только они успели глотнуть отравленной влаги, как на них обрушились несколько быков.

Напрасно животных хлестали бичами, били прикладами — отогнать их от воды не удавалось. Ими владело одно неодолимое желание: пить.

К счастью для охотников, все быки и лошади не могли утолить жажду одновременно — они мешали друг другу. Минут десять длилась неописуемая сумятица, слышались крики, шум борьбы. Три лошади и два быка сбились в кучу и не могли бы вылезть из озерца, если бы даже захотели. Их так крепко притиснуло друг к другу и к высокому берегу, что они не могли ступить и шагу.

В глубину водоем был около трех футов, и его целиком заполнили тела первых пяти животных. Те, которым не удалось подойти к воде со стороны низкого берега, взобрались на высокий; но, глядя вниз, они видели в озерце лишь спины застрявших там лошадей и быков. Один из быков, отчаянно пытавшийся дотянуться до воды, сорвался и упал, и его затоптали.

Охотники бились не меньше получаса, и наконец с помощью четверых макололо им удалось отогнать всех животных, кроме тех пяти, которые завладели озерцом. Эти пятеро так из него и не выбрались.

Охотники потеряли трех вьючных лошадей и двух быков. К счастью, ни одно из животных не было нагружено порохом или еще чем-либо, что легко портится от воды.

С них тотчас же сняли тюки и погрузили на оставшихся быков. Теперь Конго и Чернышу надо было идти пешком. Впрочем, Конго нисколько не огорчился. Потеря «скакуна» не слишком взволновала его, больше всего он боялся, как бы не погиб Следопыт; его любимый пес и остальные собаки так страдали от жажды, что на них больно было смотреть.

Проскакали несколько миль — и отравленный водоем остался позади, а над равниной уже снова стала сгущаться ночная тьма. Охотники поняли, что придется идти всю ночь напролет. Останавливаться нельзя — с каждым часом и животные и люди только еще больше слабеют. Но в какую сторону двинуться? Вот что надо было решить немедля.

Охотники и не помышляли вернуться на север; однако оставался еще восток, запад и юг. Какое выбрать направление? Где скорее можно найти воду? Этого они не знали, и, не будь с ними Черныша, им пришлось бы положиться на волю случая.

Черныш предложил избрать путь, который одобрили не только макололо, но и Конго. Тем не менее сперва Черныш, по обыкновению, долго жаловался на Конго и обвинял его во всех злоключениях. После этого он сообщил хозяевам, что еще в детстве много слышал об обычаях и привычках бечуанов.

Какое-то слабое племя бечуанов, говорил он, видно, надумало укрыться от врага, поселившись где-нибудь на пустынном плоскогорье, которое они сейчас пересекают. Враг, наверно, преследовал беглецов, и, чтобы лишить его воды, они отравили озерцо. Те, кто отравил воду, знали, что враг не появится ни с севера, ни с юга, — там жили соплеменники бежавших. Поэтому они ждали неприятеля только с востока, из страны кафров-зулусов, которых Черныш считал исчадием ада. На западе же, говорил он, должно встретиться племя бечуанов, и за несколько часов пути можно добраться до их крааля.

Против такого рассуждения нечего было возразить, и, по совету Черныша, охотники повернули на запад.

Они знали, что находятся сейчас в той части Южной Африки, где нет огромных плато, и это давало им надежду выбраться отсюда. Они зашли далеко на юго-восток, следовательно, нечего опасаться, что они забредут в великую пустыню Калахари.

Плато, по которому они сейчас едут, вероятно, совсем небольшое, и они пересекут его за несколько часов, если будут двигаться не слишком медленно. Увы, надежда не оправдалась!

Животные были так истощены, что ни хлыстами, ни бранью на голландском, английском, готтентотском. кафрском языках и на языке макололо нельзя было заставить их пройти больше двух миль в час. При такой скорости тоже можно проделать немалый путь, но для этого нужно много времени, а лошадям и быкам долго не выдержать, и наши путешественники стали опасаться, что их экспедиция обречена на нечто худшее, чем на неудачу.

Глава XLVII

ВОДЯНЫЕ КОРНИ

Всю эту долгую, ужасную ночь они шли медленно, но без отдыха, гоня перед собой быков. Шли они почти напрямик, ориентируясь по Южному Кресту. Но когда

забрезжил рассвет, они увидели, что вокруг по-прежнему однообразная волнистая равнина, которая так наскучила им за последние два дня.

Хотя все были голодны, измучены и жестоко страдали от жажды, нельзя было позволить себе сделать привал.

Нужно было гнать скот как можно быстрее или бросить его вместе с поклажей.

Солнце медленно всползло по небу и уже стояло прямо над головой, а путешественники, если верить ландшафту, ни на шаг не сдвинулись с места, где впервые ступили на плато. Все вокруг выглядело в точности так же.

— Хватит с нас такого черепашьего шага, — заметил Гендрик, — пора подумать о себе и поменьше тревожиться об имуществе.

— Что ты хочешь делать? — спросил Виллем. — Бросить быков?

— В конце концов их все равно придется бросать. Лучше сделать это сейчас. Надо спасать себя и лошадей, остальное пусть пропадает.

— Ты забываешь, Гендрик, — возразил его брат, — что не все мы на лошадях. Не можем же мы оставить тех, кто идет пешком.

— Конечно, нет. Но даже Черныш, хоть он и плохой ходок, шел бы вдвое быстрее, если бы ему не надо было подгонять быков.

В эту минуту они услышали крик Черныша. Он наклонился над небольшим, дюймов в шесть высотой, растением с узкими листьями. Это был стебель водяного корня, спасшего в пустынях Южной Африки жизнь тысячам изнывавших от жажды путешественников. Кругом росло несколько стеблей этого растения, и бушмен знал, что они хотя бы отчасти утолят мучившую всех жажду.

Из тюка, навьюченного на одного из быков, поспешно достали кирку и заступ, и Черныш принялся выкапывать первое найденное им растение. Он вырубал большие глыбы опаленной солнцем земли, твердой, как обожженный кирпич, и вскоре на глубине десяти или

двенадцати дюймов обнажилась луковица. Ее вытащили и увидели, что она овальной формы, футов в семь длиной и покрыта кожицей светло-коричневого цвета. Сочную мякоть разрезали на дольки и стали жевать. Вкусом она походила на воду — иначе говоря, не имела никакого вкуса.

Теперь пущены были в ход ножи и дротики; этого растения оказалось поблизости так много, что очень скоро его луковицами освежились все — люди, лошади и быки.

Конго первый же корень, который достался на его долю, разделил со Следопытом — собака высунула язык и давно уже еле волочила ноги.

Охотники проехали бы долгие мили по плоскогорью, поросшему этой луковицей, и не подозревали бы, что ее тонкий, невзрачный стебель таит под собой щедрый источник влаги.

Конго и макололо также не знали об удивительном свойстве этого растения и прошли бы мимо, не будь с ними Черныша. И он, оказав всем такую услугу, ждал за нее не меньшей благодарности, чем если бы сам изобрел это спасительное растение.

Но никто и не собирался умалять его заслуг, и Черныш был полностью вознагражден за все огорчения, которые испытывал оттого, что на него так долго не обращали внимания.

Освежённые прохладным соком водяного корня, быки и лошади воспрянули духом, словно поняв, что еще не все потеряно. Они с новыми силами двинулись вперед и за день прошли немалый путь.

Солнце уже садилось, когда на юге показалось несколько хижин — селение бечуанов. Путники направились к ним, нисколько не сомневаясь, что возле жилья найдут вдоволь воды. Теперь можно было не бояться, что быки и лошади погибнут.

Навстречу охотникам вышли здешние жители. Они прежде всего выразили удивление по поводу того, что кому-то удалось добраться до их уединенного селения.

Черныш в ответ попросил проводить его и его спутников к ближайшему месту, где есть вода, — к ручью,

пруду или колодцу, где берут воду жители селения. Ответ последовал совершенно неожиданный. Никаких источников нет ближе чем на расстояние целого дня пути! Уже много месяцев никто не видел такого источника, и жители селения обходятся без него.

— Что это значит? — возмутился Гендрик. — Они, конечно, лгут. Не хотят дать нам воды и прибегают ко всяким уловкам. Черныш, скажи им, что мы им не верим.

Бушмен сказал, что ему велели, но бечуаны стояли на своем.

— Какая чушь! — воскликнул Аренд. — Они принимают нас за дураков! Неужели мы не знаем, что люди не могут жить без воды! Уж конечно, у них есть где-нибудь источник. Что ж, поищем сами, обойдемся и без них.

— Нет, баас Аренд, — возразил Черныш, — так не надо. Потом они покажут, где вода. Только надо подождать.

Следуя совету бушмена, быков разгрузили и неподалеку от крааля разбили лагерь. Охотники притворились, будто поверили бечуанам, что те обходятся без воды, но были настороже и внимательно оглядывали все вокруг, надеясь обнаружить, где же здесь желанная влага. Однако они не увидели ничего похожего на ручей или пруд, колодец или другой какой-нибудь водоем. Во все стороны раскинулась земля, такая же бесплодная, как та, по которой они странствовали последние два дня.

Казалось, бечуаны были правы. В конце концов, может быть, они и в самом деле сказали правду. Мысль не очень-то утешительная, и наши любители приключений совсем приуныли.

Все же Черныш несколько успокоил их, посоветовав покориться и безропотно ждать, набравшись терпения.

Охотники послушались, да и что им еще оставалось делать? Они понимали, что целиком зависят от Черныша, и, наблюдая за тем, как уверенно он себя держит, терпеливо ждали развязки.

Глава XLVIII

УДИВИТЕЛЬНЫЙ НАСОС

Охотники очень скоро убедились, что поступили разумно, послушавшись Черныша. Если бы они настаивали на том, чтобы им дали воды, или захотели взять ее силой, их постигла бы неудача. Они не нашли бы и капли воды на расстоянии многих миль от селения, хотя в нем жило больше двухсот человек. Разумеется, вода была здесь, и, положившись на великодушие этих людей — чувство, которое редко подводит, если ему довериться, — они в конце концов ее получили. Воду принесли в лагерь.

Сперва ее приносили понемножку, в скорлупе страусовых яиц. Но вскоре воды набралось достаточно, чтобы охотники могли утолить жажду, а затем позаботиться и о животных.

Виллем, выпив свою долю, показал женщине, принесшей воду, на своего измученного коня. Женщина, которую никак нельзя было назвать «украшением своего пола», покачала курчавой головой и с задумчивым видом ушла обратно в селение.

— Если не удастся напоить лошадей, — сказал Виллем своим спутникам, — придется двинуться дальше. Задерживаться больше нельзя, иначе они погибнут.

— Потерпите, баас Виллем, — заявил Черныш. — Сердце бечуана скоро смягчится. Он — такой же, как бушмен.

Предсказание Черныша сбылось. Вскоре после этого разговора в лагере появился бечуан и попросил, чтобы его проводили к вождю. Черныш тут же указал на Виллема, как на человека, который соответствует этому званию, и бечуан подошел к нему. Он сообщил, что лошадей и быков можно напоить, но только поодиночке. Такое предложение вполне устраивало охотников. Лошади Виллема, как принадлежащей начальнику, было оказано предпочтение: ее первую повел бечуан, явившийся в лагерь; по пятам за ней следовал ее хозяин. Они подошли к роднику, находившемуся неподалеку от селения; с родника недавно была снята земляная по-

крышка. Его почему-то тщательно маскировали, словно это была западня для слонов.

Ведром из буйволовой шкуры черпали воду, пока конь не напился вволю. Потом его увели, а на его место привели другого, за ним еще одного, и так напоили всех лошадей и быков.

Способ поения животных показывал, что бечуаны не лишены сообразительности. Если бы измученных жаждой лошадей и быков привели к источнику всех сразу, не избежать бы свалки и сумятицы.

Вечером охотники долго беседовали с главой племени. Толмачом был Черныш. Вождь рассказал, что когда-то его племя было многочисленным и сильным, но теперь людей осталось мало: многие сбежали, а остальные были убиты в войнах с кафрами. Чтобы жить в мире и спокойствии, он нашел убежище на уединенном плоскогорье; добраться до их далекого жилья можно, лишь пустившись в трудный и опасный путь, а это остановит любого врага. Чтобы обезопасить себя вдвойне, признался вождь, он велел отравить несколько водоемов, и, к его немалому удовольствию, этот замысел себя однажды прекрасно оправдал: враги его племени, кафры, напились воды из отравленного пруда, и целый отряд их полег на месте.

Эта часть рассказа, переводимая Чернышем, по-видимому, доставила ему самому не меньше удовольствия, чем вождю бечуанов.

Он ухмылялся от радости, пересказывая охотникам этот необычайный случай.

Чтобы гости в полной мере прониклись сознанием его могущества, вождь сообщил им, что он брат самого Калаты. Виллем пожелал узнать, кто же он, этот великий Калата. Вождь поразился и даже опечалился, услышав признание в таком невежестве, и тотчас просветил охотников. Калата — отважнейший воин, лучший из братьев, преданнейший из подданных, поистине лучший из людей, другого такого не было и нет, и память его чтит и должен чтить весь мир. Все это было новостью для путешественников, и им захотелось узнать побольше о вожде и его необыкновенном родиче. Желая доста-

вить удовольствие своим гостям, вождь сообщил, что кафры сделали еще одну попытку добраться до уединенного селения, где он теперь пребывает. На плоскогорье проникло их большое войско, хорошо снаряженное для дальнейшего пути, и, возможно, они пришли бы сюда, если бы их не завлекли в другую сторону. Его брат Калата нарочно перебежал к врагу и под видом проводника повел их по ложному следу. Он завел их далеко на север, в самое сердце великой пустыни Калахари. Одураченные им враги погибли все до одного, никто не вернулся домой: все они умерли от жажды.

— А Калата? Что же случилось с ним? — нетерпеливо спросили слушатели. — Как он избежал той же участи?

— Калата ее не избежал, — спокойно ответил вождь. — Он погиб вместе с остальными. Калата пожертвовал жизнью, чтобы спасти своих соплеменников!

Своим поступком этот человек снискал любовь и добрую память в своем народе.

Услышав историю Калаты, охотники поняли, что в бечуанах, на которых они привыкли смотреть, как на людей бессердечных, стоящих на низшей ступени развития, живет, однако, душа, способная чтить и ценить благородный поступок.

Наутро путешественникам показали, как жители селения получают воду для своих повседневных нужд. Толстым слоем дерна родник был тщательно замаскирован от людского взора и укрыт от солнечных лучей. Место для селения было выбрано здесь именно из-за источника; поверхности земли над ним придали такой вид, чтобы нельзя было догадаться, что под ней находится вода.

В небольшое, незаметное для глаз отверстие, проделанное нарочно для этой цели, вставили тростниковую трубочку, которую, когда ею не пользовались, прикрывали камнем. Воду из родника высасывали — женщины прижимали губы к верхнему концу трубочки, набирали в рот влагу и выливали потом в яичную скорлупу.

Вода, которую пили охотники в первый раз, была «выкачана» этим оригинальным способом!

Бечуаны открывали родник и пользовались ведром только в редких, непредвиденных случаях, как, например, сейчас, когда понадобилось напоить не только гостей, но и их лошадей и быков.

Охотники провели в деревне бечуанов два дня, но им не пришлось скучать — они были заняты починкой своего дорожного снаряжения; кроме того, передышка позволила животным восстановить силы, надорванные долгим, утомительным путешествием.

Виллем, Аренд, Ганс и Гендрик с интересом наблюдали жизнь и обычаи простодушных бечуанов. Никто из этих людей, видимо, не имел ни малейшего желания покинуть уголок пустыни, который они сделали своим домом. Здесь они обрели покой. Вот, пожалуй, и все, что можно сказать об этом месте, потому что вряд ли тут можно было найти что-нибудь еще, кроме покоя. Впрочем, большего они и не требовали. Судя по всему, их не мучили обычные человеческие желания. Они были лишены честолюбия, любопытства, корысти — их не терзала ни одна из тех страстей, которые делают несчастной жизнь цивилизованного человека.

Трудно сыскать или хотя бы представить себе место, менее подходящее для людского жилья, чем это селение. Земля здесь выжженная солнцем, бесплодная, сюда редко залетает птица или заходит зверь, на которых стоило бы охотиться. Те немногие коренья и другие продукты питания, которые бечуаны умудрялись выращивать, обеспечивали лишь скудное существование.

Так ограничен был здесь запас домашней утвари, что даже самый ничтожный предмет имел в глазах бечуанов большую ценность, и все, что они получили от своих гостей, было принято с бесконечной благодарностью. Они открыли искусство жить мирно и счастливо и в полной мере наслаждались своим открытием.

Расспросив бечуанов, путешественники поняли, что меньше чем за два дня им не выбраться с плоскогорья и что по дороге они не найдут воду. Но так как лошади и быки хорошо отдохнули, охотников это не слишком огорчило, и, дружески простившись с бечуанами, они снова пустились в путь.

Хлопоты, причиненные хозяевам, они возместили без особых затрат. Этим непритязательным людям стеклянная бутылка из-под капской водки показалась дороже ружья; и, если принять во внимание условия их жизни, они, возможно, не очень ошибались в своей оценке.

Глава XLIX

РЕДКО ПОСЕЩАЕМЫЕ МЕСТА

Зная, что чем дольше они будут добираться до ближайшего водоема, тем сильнее пострадают их животные, охотники постарались проделать больше половины пути быстрее чем за половину времени. Покинув селение бечуанов, они прошли около двадцати пяти миль за один день; зато на второй день, едва тронувшись с места, они поняли, что не пройти и половины этого расстояния и быки не ступят и шагу, не понукаемые бичом.

К полудню они оказались в краю, где было когда-то соленое озеро, — оно пересохло, и теперь почву покрывал тонкий слой соли. Солнечные лучи отражались от поверхности, словно от воды. При виде воды быки, лошади и собаки бросились вперед, надеясь утолить жажду. Когда же они убедились, что это не вода, животные, каждое по-своему, стали выражать свое разочарование: кони ржали, быки мычали, а собаки лаяли и скулили. Над равниной вечно носились миражи, увеличивая и искажая все вокруг. Местами там, где корка соли не покрывала землю, росли приземистые, горькие на вкус растения, обглоданные антилопами и другими дикими зверями. Порой казалось, и животные и низкорослые растения повисают в воздухе — огромные, куда больше естественных размеров. Высоко над землей видно было отражение какой-нибудь антилопы, которая на самом деле паслась за много миль от того места, где ее видели. Такой обман зрения заставлял очень страдать измученных жаждой путешественников, а особенно их животных, неспособных понять, что же это такое. В надежде утолить жажду они устремлялись в погоню за

Фантастические видения переплетались с реальностью.

призраками, так ужасно их мучившими, и лишь с большим трудом их можно было сдержать.

Они давно не получали соли и с жадностью лизали соляную корку, которая местами покрывала землю слоем в восьмую дюйма. От этого пить хотелось еще мучительнее, и животные сильнее прежнего рвались вперед, к следующему обманчивому видению. Но вместо воды они снова наталкивались на соль, еще больше распалявшую их жажду. Казалось, наши путешественники вступили в край, где причудливо переплетаются фантастические видения с реальностью.

Они видели большие призрачные озера, на зеркальной поверхности которых отражались деревья. Ослепительное солнце светило со дна воображаемого моря, а лес, казалось, висел в воздухе.

Но наряду с этими прекрасными видениями существовала горькая действительность. Первые два или три часа охотники были невольно захвачены красотою необычайного зрелища. Постепенно миражи стали привычны, и интерес к ним угас. Потом перед ними предстало зрелище еще более удивительное.

Часа через три после полудня они подошли к месту, казавшемуся островком посреди океана. Со всех сторон набегали волны, и, если бы их уже прежде так часто не обманывали глаза, путешественники вообразили бы, что пересохшую землю, на которой они стоят, вот-вот затопит. Пока они созерцали эту необычайную картину, их внимание привлекла другая, не менее необычайная.

По небу неслась громадная птица, но она не летела, а ступала крупными шагами! Охотники забеспокоились бы, если бы не знали, что это за птица.

Где-то на плоскогорье шел страус, и мираж отразил его, увеличив раз в десять.

В одной из прежних своих экспедиций охотники уже наблюдали миражи. Они видели много, очень много странного, но зрелище, которое они наблюдали сейчас, было удивительнее всего. Очертания отраженного страуса были безукоризненны, поступь совершенно естественная, и, не знай наши охотники, в чем тут дело, они, пожалуй, подумали бы, что это какое-то чудо.

Пока они стояли и глазели, с запада подул ветер и нанес облака. Мираж рассеялся, и огромный, фантастический страус исчез. Путешественники больше не видели никаких призраков; зато вскоре увидели вещи вполне реальные и поняли, что еще немного — и пустыня останется позади.

Земля под ногами стала не такая плоская и ровная, растительность богаче и разнообразнее. Как видно, уже и вода недалеко. Об этом свидетельствовало то, что поблизости паслось несколько зебр и антилоп пала, а эти животные всегда бродят неподалеку от какого-нибудь ручья.

Охотники уже ушли от границы пустыни, но недалеко, когда им попалась дорогая для них находка. Они набрели на страусовое гнездо, в котором оказалось семнадцать свежеснесенных яиц. Из них можно было сделать превосходный обед.

Яйца быстро сварили и съели, и путешественники отправились дальше.

Однако Черныцу захотелось непременно убить страусов или достать их перья. Возможно, его прельщало и то и другое, но, как бы то ни было, он не желал уйти от гнезда даже после того, как там уже не осталось яиц.

Зная, что его хозяева собираются раскинуть лагерь у первого же водоема, Черныш решил на час, другой остаться возле гнезда, а вечером присоединиться к ним; никто не стал возражать, и он остался.

Постепенно Черныш перестал отдавать предпочтение отравленным стрелам как средству нападения и признал огнестрельное оружие; с некоторых пор он стал даже носить двуствольное ружье, из которого можно было стрелять как пулями, так и дробью.

С этим ружьем в руках Черныш уселся возле страусового гнезда. Здесь спутники его и покинули.

На закате впереди показались темные очертания рощи. Подъехав к ней, путешественники увидели ручей. Нетерпеливые быки не дали даже снять с себя тюки с поклажей, пока не напились воды, потом принялись за буйные травы, росшие по берегам.

Прошло целых два часа, прежде чем у костра появился Черныш. Свет озарил его довольную, смеющуюся физиономию.

Не зря он остался возле гнезда: его затея увенчалась успехом. В руках он держал длинные белые страусовые перья — трофеи его охотничьего искусства, — которые даже в Африке не так-то легко раздобыть. Он немедля рассказал, как было дело.

Он ждал птиц, лежа на земле у самого гнезда. Страусы вернулись вдвоем, и он убил обоих, чтобы вознаградить себя за терпеливое ожидание. Черныш принес с собой перья не только в доказательство своего успеха — он намерен был взять их с собой в Грааф-Рейнет и преподнести их своей Тотти.

Черныш сказал, что, пока он дожидался тех двух страусов, которых потом убил, он видел целое стадо, и, уж конечно, завтра их можно будет разыскать. Быкам все равно надо было дать отдохнуть и набраться сил после тяжелого перехода через пустыню, поэтому наши путники решили поохотиться за страусами, и у костра весь вечер только и было разговоров, что о страусах.

Глава L

БЕСЕДА О СТРАУСАХ

Страус — это птица-верблюд, как его называют персы, о нем каждый что-нибудь да знает, но никто не знает всего полностью.

Я полагаю, что мои юные читатели уже знают, как выглядит эта птица, и потому не стану подробно ее описывать.

У страуса длинные ноги с плоской стопой о двух пальцах. Крылья этой птицы, пожалуй, приносят больше пользы человеку, чем ему самому. И в самом деле, ради этих как будто бесполезных для страуса крыльев человек охотится за ним и убивает его.

Страус принадлежит к числу тех несчастных созданий, которых преследуют для того, чтобы польстить

тщеславию, быть может, столь же несчастных созданий, именуемых светскими дамами. Рост взрослой птицы достигает семи — восьми футов, но попадаются и великаны, ростом больше десяти футов.

Питаются они обычно семенами и листьями всевозможных растений. А иссушенная солнцем почва пустыни родит только жесткие, сухие кустарники и травы; и, словно в помощь природе, которая должна его прокормить, страус обладает способностью глотать все что угодно, даже камешки, кусочки железа и другие минералы. В желудке у вскрытых страусов находили коллекции самых разнообразных предметов, как в какой-нибудь лавке древностей или в геологическом музее.

Из желудка страуса извлекали камни весом свыше английского фунта.

Когда эта громадная птица бежит во всю прыть — летать она, конечно, не может, — то шаг ее в длину равняется полным двенадцати футам, и бегает она со скоростью не менее чем двадцать пять миль в час. Всадник на лошади не в силах ее догнать, и поймать ее можно, лишь пустившись на хитрость.

Кормится страус всегда на открытом месте, где ничто не заслоняет от него окрестностей и он может заблаговременно увидеть приближающегося врага. Страус обладает острым зрением: на несоразмерно маленькой голове его, возвышающейся над землей на восемь — десять футов, глаза посажены так, что он может одним взглядом охватить весь горизонт. Вот почему приходится соблюдать исключительную осторожность, чтоб подойти к нему близко.

Страус — глупая птица и часто попадает в плен из-за своей глупости. Природа, как видно, вложила в его крохотную головку уверенность, что стоит ему побежать в подветренную сторону — и он непременно натолкнется на какое-нибудь неодолимое препятствие и любой враг непременно его нагонит. Охотники за страусами знают о такой их особенности и всегда подкрадываются к стаду с наветренной стороны. Птицы замечают маневр, но им кажется, что это попытка отрезать им путь к бегству в единственном направлении, в каком они мо-

гут спастись. И они бросаются бежать в ту сторону, где рано или поздно неминуемо столкнутся с охотниками. А так как при этом страус должен пробежать большее расстояние, то охотники подходят к нему настолько близко, что валят его выстрелом из ружья. Удирай глупая птица в обратном направлении, преследователи ни за что не догнали бы ее.

Оперение страуса прекрасно приспособлено к теплому климату пустыни, где он обитает. Оно не препятствует доступу воздуха к коже и в то же время защищает тело от зноя. Больше всего ценятся белые перья самца. Цена их достигает порой фунта стерлингов за унцию. Черные перья обычно ценятся раза в четыре дешевле.

На великих равнинах Южной Америки встречаются два вида страусов и еще один — в Австралии. Но гигант африканский страус превосходит и тех и других не только ростом, но и красотою и ценностью своего оперения.

Некогда мозги страуса были излюбленным кушаньем римлян; известно, что для одного пиршества было перебито шестьсот птиц. Мясо страуса и теперь едят коренные жители Африки.

Птица эта отличается огромной физической силой и может бежать с большой скоростью, неся на себе человека.

Страуса нетрудно приручить. Этим понемногу занимаются арабы; они разводят и выкармливают страусов ради перьев и мяса. Но в наши дни в более просвещенных странах из страусов не пытаются извлечь никакой пользы, разве что держат пару, другую птиц в городском зверинце, где на них глазеют детишки с их нянями.

Глава LI

НОВАЯ ЗАДЕРЖКА

На следующее утро охотники с рассветом были уже на лошадях и отправились дальше. Некоторое время они ехали по берегу окаймленного ивами ручья. Они выбра-

ли это направление, чтоб оказаться с наветренной стороны от страусов, в надежде пострелять их, когда те побегут против ветра. К любой другой дичи охотники подкрадывались бы только с подветренной стороны.

Пройдя немного по плоскогорью, они увидели в миле от себя пятерых громадных страусов. Страусы, несомненно, приближались к ним, и очень быстро; четверо охотников выстроились в ряд на некотором расстоянии друг от друга, чтобы отрезать дорогу глупым птицам, бежавшим в направлении, которое им казалось спасительным. Страусы всё приближались крупными, быстрыми шагами, и вскоре охотники поняли, что надо скакать дальше на север, иначе им не сделать по птицам меткого выстрела.

Казалось, страусы бегут по прямой от места, с которого начали свой путь, но так только казалось. Они отклонились в сторону как раз настолько, чтобы миновать охотников, хотя и бежали по ветру.

Чтобы не промахнуться по птицам, надо было скакать что есть духу, и охотники тотчас пустили лошадей во весь опор. Но страусы бегают намного быстрее лошади, и им удалось опередить преследователей ярдов на триста.

Виллем и Гендрик, едва успев осадить лошадей, спешились и выстрелили, но промахнулись. Страусы были слишком далеко и убежали невредимые. Понимая, что гнаться за ними бесполезно, охотники не стали их дальше преследовать.

Потом они заметили еще нескольких страусов, но по открытой местности к ним все равно не удалось бы подойти, и охотникам пришлось вернуться в лагерь, не добыв ни единого пера. Их неудача очень обрадовала Черныша. Он, пеший, убивает страусов, а белые вчетвером, хорошо вооруженные, на быстрых лошадях, не справились с этим делом! Черныш был горд и не скрывал этого. Он объявил своим хозяевам, что, если им так уж хочется раздобыть страусовые перья, он научит их, как это сделать. Но никто из них не сомневался больше в том, что Черныш — искусный охотник за страусами, и, признав свое поражение, они снова двинулись в путь.

Сразу же за плоскогорьем начинался прекрасный плодородный край, где обитали небольшие племена мирных бечуанов; их селения были расположены вдалеке от всех враждебных племен, и поэтому они могли жить в покое, их не тревожили воинственные соседи. В этом краю Виллему хотелось пробыть подольше, ибо он знал, что за пределами его им уже вряд ли встретятся жирафы.

В пути изредка попадались акациевые рощи, однако самих жирафов не было видно.

По дороге в одном селении охотникам сказали, что жирафы иной раз появляются здесь неподалеку, только не в такое время года, но их все же можно легко найти в каких-нибудь сутках пути отсюда.

Гендрика, Аренда и Ганса это ничуть не обрадовало: они боялись новой задержки.

И они не ошиблись. Виллем твердо заявил, что пока не намерен ехать дальше. Впрочем, сказал он своим спутникам, если им так не терпится попасть в Грааф-Рейнет, пускай отправляются без него.

Все трое так бы и сделали, да не решились. Что они скажут дома, как объяснят, почему покинули товарища? Люди станут спрашивать, как же это они не остались и не помогли знаменитому охотнику осуществить его достойный всяческих похвал замысел. А что они ответят?

Если они доставят голландскому консулу двух жирафов, их ждут слава и деньги; они бы, конечно, не прочь получить свою долю и славы и денег, если бы им посчастливилось поймать жирафов. И все же они немедля вернулись бы домой, если бы не Виллем, который решил непременно остаться.

Раздосадованы были этой проволочкой и четверо макололо — они жаждали скорее увидать какие-нибудь чудеса цивилизации; однако своего нетерпения они открыто не выражали. Напутствуя их, Макора велел им во всем подчиняться Виллему, и ослушаться они не собирались.

Один Конго относился к будущему с полным равнодушием. Его место было возле Виллема, и Грааф-Рей-

нет вспоминался ему и интересовал его не больше, чем его пса Следопыта.

Выбрав в нескольких милях от деревни бечуанов подходящее место для лагеря, охотники решили ненадолго здесь задержаться и сделать последнюю попытку поймать жирафов. Виллем пообещал, что, если они найдут жирафов, но ни одного не сумеют взять живым, он не станет больше возражать против возвращения домой.

Все знали, что он сдержит слово, и поэтому, больше не споря, согласились задержаться на несколько дней.

На юго-запад, пересекая эту местность, бежал ручей. По берегам его стоял лес или, вернее сказать, цепь отдельных рощиц. Росла там главным образом зонтиковидная акация. Всюду попадались деревья с обломанными сучьями и оборванными ветками — верный знак, что здесь были жирафы; на берегах ручья там и тут виднелись отпечатки их копыт.

А так как акации были повреждены недавно и следы тоже были совсем свежие, охотники поняли, что жирафы еще не ушли далеко.

— Что-то мне говорит, что нам наконец повезет, — заявил Виллем. — Я уехал из дому, с тем чтобы не возвращаться без двух детенышей жирафов, а я еще не потерял надежды опять увидеть Грааф-Рейнет. Мы не станем больше рыть ямы, но дайте мне еще хоть раз увидеть своими глазами жирафа, и, помяните мое слово, он будет мой, хотя бы мне пришлось для этого самому загнать его и схватить голыми руками!

— Это немыслимо, — заметил Гендрик. — Ты, конечно, можешь изловить даже дикого слона, но что ты с ним сделаешь? Вернее, что он сделает с тобой?

— Вот когда я поймаю жирафа, тогда и подумаю над твоим вопросом, — ответил Виллем. — Скажу только, что если я набреду на него, то не расстанусь с ним, пока жив, хотя бы мне для этого пришлось пожертвовать моим скакуном.

* * * * * * * * *

Три дня охотники без устали носились по всей округе, но ни одного жирафа не видали. Чернышу и четве-

рым макололо, оставшимся в лагере, больше повезло. Когда Виллем и его товарищи вернулись к вечеру третьего дня, который провели, рыская по прибрежным рощам, Черныш сообщил им, что видел неподалеку от лагеря двух жирафов. Это старые жирафы, за ними, наверно, не раз уже охотились. Должно быть, они давно обитают в ближних рощах; они-то и обглодали ветви акаций и оставили следы на берегу ручья. Черныш сравнил следы проходивших мимо лагеря жирафов с отпечатками на берегу и объявил, что это следы одних и тех же копыт.

Потом он сказал своим хозяевам, что мог бы поймать этих двух жирафов, да их ловить не стоило, потому что они старые.

Гендрик, Аренд и Ганс такому хвастовству не очень-то поверили, зато оценили все остальное в его рассказе. Да, жирафы тут только старые, решили они, значит, оставаться здесь — лишь даром время терять.

Виллем понял, что они опять готовы расстроить его планы, но это только утвердило его в решении не уходить отсюда.

У каждого из четверых была своя заветная мечта. Виллем хотел во что бы то ни стало поймать двух маленьких жирафов, а три его спутника, потеряв надежду отговорить его от этого намерения — по крайней мере, в недалеком будущем, — мечтали о доме.

Прошло еще два дня, и наши охотники, молодые по возрасту, но связанные старой дружбой, совсем уже собрались расстаться. Но в этот решающий час глазам их представилось зрелище, которое снова склонило их действовать сообща.

Глава LII

ОТЧАЯННАЯ ПОГОНЯ

За завтраком наших охотников вдруг всполошил глухой, тяжелый топот каких-то животных и лай диких собак. В четверти мили к востоку они увидели крупное стадо скакунов, приближавшееся к лагерю, и с ними

жирафов. Больше сотни этих антилоп и десятка два жирафов удирали от нескольких диких собак.

Дикие собаки в Южной Африке охотятся стаями и действуют по хорошо обдуманному плану. Завидев дичь, свора никогда не гонится за ней вся сразу. Часть собак остается в резерве, а потом, следуя зову тех, которые преследуют жертву, нередко нагоняют ее, срезая расстояние под углом. Этот маневр удается всякий раз, когда дичь бежит не по прямой.

Таким образом, собаки сменяют друг друга, пока жертва не выбьется из сил, и тогда им ничего не стоит взять ее.

Просто удивительно, до чего упорны, неутомимы и хитры эти животные! Они начинают охотиться, лишь когда голодны, и тогда охота нередко длится часами — собаки не остановятся до тех пор, пока жертва не свалится с ног.

Сейчас они бешено гнались за антилопами, и одна из них вот-вот должна была достаться собакам на обед в награду за их ловкость и труды.

Жирафы по глупости вообразили, будто дикие собаки гонятся за ними. Вместо того чтобы свернуть в сторону или же остановиться и дать собакам промчаться мимо, они бежали вместе с антилопами. Когда они поравнялись с охотниками, силы явно начали уже изменять им.

Виллему очень приятно было это видеть.

Вот они, жирафы, совсем близко. В стаде есть и детеныши. Троим из них не больше нескольких недель. Жирафы, за которыми он приехал в такую даль, здесь, перед глазами, и пришли сюда словно для того, чтоб отдаться ему в руки.

Только когда антилопы повернули направо, чтоб не наскочить на всадников, они отделились от жирафов. Те по-прежнему бежали вдоль берега ручья, меж тем как скакуны, преследуемые дикими собаками, понеслись к холмам, видневшимся на севере.

Жираф бегает медленнее лошади, и охотники знали, что сумеют нагнать желанную дичь, но что толку? Жирафа можно подстрелить, но как его взять живым?

Однако теперь было не до размышлений. Охотники пустились в погоню, и волнующая охота всецело захватила их.

Две мили жестокого преследования — и жирафы стали сдавать. Они устали еще прежде, убегая от собак, и теперь, когда за ними гнались свежие лошади, самое большое напряжение сил не могло их спасти. На третьей миле охотники настигли их.

Часть стада, отделившись от остальных, повернула прочь от берега. Их было трое: родители и прехорошенький детеныш. Виллем скакал сбоку, глядя на малыша жадными глазами, — ему до смерти хотелось поскорее завладеть желанной добычей. Жирафы уже не мчались галопом, а перешли на рысь; они поднимали ноги от земли всего на несколько дюймов, чуть не волочили их, и по неуклюжим движениям видно было, что долгая скачка измотала их вконец. И все же они бежали с такой скоростью, что Виллему приходилось все еще гнать лошадь галопом.

Вскоре он потерял из виду и стадо и своих товарищей. Он не знал, где они теперь. Он даже не подумал, что рискует заплутаться, это не пришло ему в голову. Все его мысли были об одном — как поймать маленького жирафа.

Преследуемые и преследователь двигались все медленнее; лошадь Виллема вся взмокла и, казалось, вот-вот свалится.

«Какой смысл продолжать погоню? — думал Виллем. — Стоит ли губить лошадь ради того, чтобы еще немного полюбоваться малышом, которым я не могу завладеть?»

Он понимал, что поступает безрассудно, и все же не в силах был отказаться от погони.

Рядом с ним скакал маленький жираф — такой яркий, красивый, такой грациозный, и в глазах Виллема ему просто цены не было. Но как его заполучить? Страстно желанная добыча, всего лишь нескольких недель от роду, изнемогающая от долгого бега, все еще отказывалась покориться усилиям, которые прилагал охотник, чтобы остановить ее.

Виллем был уже в миле от реки. Конь под ним спотыкался, чуть не падая от усталости, измученный этой непрерывной долгой скачкой. Что же предпринять?

Остановиться, дать коню отдохнуть, а потом вернуться к друзьям? Так поступить подсказывал ему здравый смысл, но здравый смысл был сейчас не властен над Виллемом. Возбуждение, тревога, отчаяние сводили его с ума. Он обезумел и вел себя, как безумец. Надежды, мечты, которые он лелеял в течение долгих месяцев, сосредоточились для него в этом одном часе погони за жирафом, и в этот час он не в силах был от них отказаться. Виллем был слишком возбужден и не мог рассуждать спокойно и разумно. Пусть лошадь сделает еще одно усилие, и он опередит этих трех жирафов, а тогда можно погнать их назад к реке. «Неужели я утрачу то, что почти уже держу в руках? — думал он вне себя от страха. — Если уж я не могу поймать этого детеныша, я буду гнать его. Буду гнать до самого Грааф-Рейнета. Он от меня не уйдет!»

Вонзив шпоры во взмыленные бока лошади, Виллем рванулся вперед, обогнал трех жирафов, и они, как он и ожидал, остановились. Осадив коня, он повернулся к ним; и оба взрослых жирафа тоже повернулись и понеслись в противоположную сторону.

Отступая, один из них толкнул детеныша, едва державшегося на ногах; мгновение казалось, что старый жираф растопчет его под ногами, но вот он умчался, а детеныш, шатаясь, сделал шаг, другой и повалился наземь.

Глава LIII

УТОМИТЕЛЬНОЕ БДЕНИЕ

Соскочив с седла, Виллем ухватил упавшего жирафа за шею и, прижав его голову к земле, не дал ему подняться. Сделать это было нетрудно, так как мышцы длинной, тонкой шеи животного были еще слабы. Охотнику не пришлось применять силу, достаточно было придавить добычу тяжестью своего крупного тела.

Тем временем старые жирафы убежали, а лошадь Виллема, освободившись от седока, принялась щипать сухую траву, росшую поблизости. И вот Виллем заполучил то, что так долго и страстно желал добыть. Малыш у него в руках. Виллем крепко держал его, и все же ему казалось, что никогда еще он не был так далек от осуществления своей мечты! Что толку от того, что жираф пойман, если удержать его можно, лишь пока он лежит там, где упал? Стоит его отпустить на мгновение, как он вскочит на ноги, и тогда уж Виллему его никак не вернуть.

Этого он не мог допустить. Слишком страстно мечтал он о маленьком жирафе, слишком далеко ради него забрался и слишком долго ждал. Мысль, что все же придется выпустить свою добычу или он убьет ее, была для Виллема нестерпима, и только надежда, что к нему, может быть, подоспеют друзья, успокаивала его. Они увидят следы его лошади и явятся сюда. Тогда все легко уладится. Жирафа свяжут ремнями, и он пойдет с ними вместе до самого Грааф-Рейнета. Но придут ли они? А главное, придут ли вовремя? В этом Виллем вовсе не был уверен. Они, вероятно, будут ждать его возвращения до утра и только потом отправятся на поиски.

А пока они придут, маленький жираф околеет от непосильных попыток вырваться. Ведь он все время брыкается и мечется, лезет из кожи вон, чтоб высвободиться. Такие отчаянные усилия не могут ему не повредить. Сам Виллем страдал от жажды. Впереди еще долгий день. За ним последует долгая ночь — время, когда лев, блуждающий тиран африканских равнин, рыщет в поисках ужина.

Удастся ли сохранить драгоценную добычу? Его скакун, верный друг, который столько раз уносил охотника от опасностей, бродит сейчас бог весть где. Ведь и он может заблудиться, найдешь ли его тогда? Его могут растерзать дикие звери. Но его пока можно нагнать. Не лучше ли бросить жирафа и вернуться к друзьям? Застряв здесь, он рискует все потерять — и коня, и свою драгоценную находку, и самую жизнь. Как поступить? Никогда еще Виллем не чувствовал себя таким расте-

рянным. Его терзали сомнения, неуверенность. Пот заливал лицо, пересохшее горло жгло, как огнем. Лошадь постепенно удалялась, почти уже скрылась из виду, а охотник все еще не решил, что ему делать. Он проехал полторы тысячи миль, для того чтобы поймать двух молодых жирафов, вот таких, как тот, что сейчас под ним. Он поймал одного; возможно, что его спутники, выполняя свое обещание, поймали второго. При этой мысли Виллем еще сильнее прижимал к земле пойманного жирафа; и в ту минуту, как солнце скрылось за горизонтом, он увидел, что конь его исчез где-то за холмом.

Некоторое время жираф еще отчаянно бился, пытаясь вырваться, потом ненадолго присмирел, хотя не похоже было, чтоб он отказался от намерения убежать; скорее, он раздумывал, как бы ему освободиться. Затем он снова начал вырываться и опять на время стих, словно собирался с силами для новой борьбы. Понемногу он примирился со своим положением и, казалось, стал ровнее дышать, и все реже, все слабее становились его попытки освободиться. Он понял, что человек не угрожает его жизни. Жираф свыкся с его обществом и убедился, что все равно не вырвется, пока человек его держит.

Настала ночь, а Виллем все еще сидел возле жирафа, обхватив его руками за шею. Он с удовольствием думал, что друзья уже начинают беспокоиться о нем. Наверно, через несколько часов Конго со Следопытом отправятся по его следам, а за ним и остальные; затем все придут сюда и свяжут жирафа. Надеясь на такой благополучный конец, Виллем легче переносил страдания. Вскоре он обнаружил, что бодрствует не один; кое-кто оспаривал его право на драгоценную добычу.

Первыми появились гиены, но их смех, словно вызванный его забавной позой, не заставил Виллема переменить ее, и хищники забегали вокруг него, бессмысленно скаля зубы. Они чересчур трусливы, чтобы напасть на человека, и их усилия напугать его только насмешили Виллема.

Сразу после захода солнца стало очень темно — так темно, что, хотя гиены были в нескольких шагах от Вил-

Тучи сгустились дочерна —

лема, он видел только их сверкающие глаза. Именно в такую ночь лев выходит на поиски добычи — в такую темь царь зверей может незаметно подкрасться и броситься на человека столь же смело, как бросился бы на антилопу.

Виллем старался коротать время, предаваясь радужным мечтам, как вдруг воздух вокруг задрожал от грозного рыка. Охотник знал — так рычит лишь лев. Он вышел из своего логова в поисках жертвы.

Клубившиеся на юго-западе тучи в эту минуту сгустились дочерна; их, казалось, прорезали потоки огня, и вдали послышался низкий рокот далекого грома. Это были предвестники, в значении которых нельзя было ошибиться: надвигалась тропическая буря.

Приближался и лев. Его рык раздавался все громче, все грознее.

Кто придет первым — буря или хищный зверь? Можно было подумать, что они между собой состязают-

надвигалась тропическая буря.

ся. Вот уже падают тяжелые капли дождя. Изнывающий от жажды Виллем обрадовался бы их шуму, если бы не слышал грозного рычания льва.

Хорошо знакомый с повадками этой огромной кошки, охотник ясно себе представил, как лев приблизится к нему вплотную, взревет и прыгнет, как будет рвать когтями тело и грызть кости — его, Виллема, тело, его кости. Он редко испытывал страх, но сейчас не мог не поддаться ему. И все же он спокойно ждал конца.

Почти все люди, когда их охватывает страх, испытывают непреодолимое желание убежать подальше от места, где на них напало это мучительное чувство. Но не таков был Виллем. Он сознавал, что стоит ему шевельнуться — и он попадет в ту самую пасть, которой жаждет избегнуть, — ведь по рыканию льва нельзя догадаться, с какой стороны он покажется. К тому же Виллем был не настолько напуган, чтобы бросить добычу, доставшуюся ему с таким трудом.

Пошел дождь и некоторое время лил как из ведра. Тьма то и дело сменялась ослепительными вспышками электрических разрядов.

Через несколько минут эта жестокая гроза как будто кончилась; и тут же, словно завершая ее, сверкнула ослепительней всех прежних долгая молния, и гром загрохотал еще оглушительней, чем раньше.

От этой последней вспышки Виллем чуть не ослеп. Электрический разряд, казалось, ударил по каждому его нерву, и, если бы он стоял выпрямившись, его, конечно, свалило бы на землю.

Потом сразу все окутал непроницаемый мрак, и на минуту Виллему могло бы показаться, что он потерял зрение; но в тот миг его пронзила мысль еще более страшная.

Когда небо и земля озарились молнией, Виллем заметил нечто такое, что вытеснило из его сознания все мысли, кроме одной: сейчас он умрет. Футах в десяти от него, весь подобравшись для прыжка, притаился лев! Виллем хотел было оставить жирафа и скорее бежать отсюда, но он не в силах был это сделать. Он весь оцепенел, словно и душу и тело его пронзила молния, ударившая в землю в нескольких шагах от него.

После того как он слегка оправился, первой его отчетливой мыслью была мысль о том, что вот уже прошла целая минута, а лев все еще не вцепился в него когтями. Оглушил его удар молнии, а не удар львиной лапы. Это и спасло Виллему жизнь, так как царь зверей, опаленный и перепуганный молнией, мгновенно кинулся бежать.

Гроза кончилась, и вскоре на западе обнажился клочок ясного неба. Вслед за этим показался серебристый диск луны, и при ее мягком свете Виллем продолжал бодрствовать, но ни лев, ни гиены больше его не тревожили.

Маленький жираф был все еще жив и спокойно лежал на земле; однако его медленное, тяжелое дыхание беспокоило Виллема. Что, если жираф умрет прежде, чем можно будет избавить его от того неудобного положения, в котором все еще приходится его держать?

Глава LIV

НЕ РОДИСЬ УМЕН, А РОДИСЬ СЧАСТЛИВ

Жирафы, преследуемые Гансом, Гендриком и Арендом, по-прежнему бежали вдоль берега ручья. Это была главная, бóльшая часть стада, и охотники помчались за ним, не заметив, что Виллем исчез.

Увидев такую заманчивую дичь и увлекшись погоней, все три охотника пришли в возбуждение, не менее сильное, чем у самого Виллема.

Полные азарта, они лихорадочно пришпоривали лошадей, и те неслись с такой быстротой, что, казалось, вот-вот нагонят жирафов.

Только сейчас охотники заметили, что Виллема нет рядом. Он скакал в полумиле от них, и расстояние между ними быстро увеличивалось. Виллем несся по направлению к северу. Это обстоятельство нисколько их не смутило. Каждый был слишком увлечен собственной охотой, чтобы думать о других. Вскоре они вплотную подошли к жирафам, загнанным в крутую излучину реки.

Обнаружив препятствие, животные повернули назад, но путь к отступлению был отрезан. Их встретили охотники.

Аренд, скакавший справа, быстро помчался вперед, обогнал своих товарищей и успел помешать жирафам удрать, не замочив копыт.

Стадо снова погнали к реке.

Заставляя жирафов повернуть, Аренд оказался в нескольких ярдах от самого крупного из них. Не устояв против искушения уложить такое животное, он на полном скаку прицелился в голову жирафа и выстрелил. Умение или же счастье ему благоприятствовало, только жираф упал, сраженный выстрелом.

Итак, довольно было единственной пули немногим больше горошины, чтобы повергнуть на землю громадное животное шестнадцати футов в высоту. Пуля попала ему в голову позади глаза; подстреленный жираф поднялся на дыбы, завертелся, как вокруг оси, и всей тяжестью рухнул на бок. Упав, он принялся с силой

биться о землю головой, словно хотел скорей избавиться от мучений.

Остальных жирафов погнали к реке; и, не видя иной возможности избавиться от преследующего их врага, они бросились в воду.

Речка не была ни широкой, ни глубокой, однако в этом месте через нее неудобно было переправляться. Берега на несколько футов возвышались над водой, и, судя по тому, как жирафы переходили ее вброд, видно было, что они идут по вязкому дну. Только когда несколько жирафов достигли противоположного берега и сделали безуспешную попытку выбраться, наши охотники стали надеяться, что поймают одного из детенышей. До сих пор они и не думали, что смогут захватить их живыми.

Они кинулись в погоню просто сгоряча, но, увидев, как жирафы борются с течением, охотники загорелись той же надеждой, какая на другом краю равнины в это же самое время владела Виллемом.

— Им не выбраться на берег! — закричал Гендрик. — Тут два маленьких жирафа. Попробуем схватить их.

Не теряя времени, они обдумали, как осуществить предложение Гендрика.

Мгновенно было решено разделиться и одному выехать на другой берег.

Сделать это поручили Гендрику. Объехав излучину, он добрался до места, где берег был пологий, въехал в воду и быстро достиг противоположного берега.

У каждого из всадников был с собой длинный ремень из буйволовой кожи, которыми они обычно привязывали своих лошадей, пуская их пастись. На конце ремня Гендрик сделал петлю, как ее делают на лассо в Латинской Америке. С помощью этой петли они собирались ловить жирафов.

Гендрик поскакал жирафам навстречу и нашел их всё еще в воде. Утомленные бегом, они стояли спокойно, по-видимому слишком измученные, чтобы вытащить ноги из вязкой тины, в которую погружались всё глубже и глубже. Лишь двое — трое, более крепкие, по-преж-

нему старались выбраться на берег, но ни один из всего стада не пытался спастись, двинувшись вверх или вниз по течению. От этого их удерживало присутствие Ганса и Аренда, стоявших на берегу по краям излучины: один — выше того места, где были жирафы, другой — ниже. Появившись прямо перед ними, Гендрик заставил жирафов изменить поведение. Предводительствуемые крупным самцом, они забарахтались в воде, словно решили пробиться вверх по течению. Но Аренду, стоявшему поблизости, пришлось сделать всего несколько шагов, чтобы снова оказаться перед ними, и жирафы опять остановились. После короткой передышки они снова всполошились и попробовали ускользнуть вплавь, только вниз по течению. Но река в этом месте круто поворачивала, и перед ними вырос Ганс, стоявший здесь настороже; громкими криками он заставил жирафов остановиться, и опять они оказались в тупике. Охотники увидели, что животные почти уже не пытаются бежать, и это еще больше подзадорило их: во что бы то ни стало надо схватить этих детенышей! Выбраться из тины было не под силу их тонким, еще не окрепшим ногам. В этой узкой речке им некуда увернуться, им не уйти, думали охотники, и каждый приготовил ремень с петлей на конце, выжидая удобной минуты, чтобы пустить ее в ход.

Стараясь спастись от врага, испуганные жирафы заметались во все стороны, с трудом вытаскивая ноги из тины, пока совсем не выбились из сил. Гендрику, стоявшему ближе других, после нескольких бесплодных попыток удалось наконец набросить петлю на шею одного из детенышей. Сделав это, он быстро соскочил с седла и привязал второй конец ремня к дереву. Теперь жираф никак уже не мог ускользнуть. Как он ни был силен, его длинная, тонкая шея оказалась слишком слабой, чтобы помочь ему в его отчаянных усилиях освободиться от петли; и вскоре он покорился неволе.

— Постарайтесь поймать и этого! — крикнул Гендрик своим спутникам, показывая на второго детеныша. — Поторопитесь — и вы его схватите. Смотрите, он завяз в тине. Ганс, быстрее закидывай ремень!

Через секунду, другую Ганс удачно накинул петлю на второго детеныша, и он тоже стал пленником.

А так как большего им и не надо было, то охотники занялись пойманными жирафами, уже не интересуясь остальным стадом.

Предоставленные самим себе, взрослые жирафы снова попытались прорваться, уйдя вниз по течению. Спеша спастись, они сбили с ног одного из детенышей — того самого, что поймал Гендрик.

Его не унесло течением — удержал ремень, но, хоть он и оставался в руках поймавших его людей, они владели лишь его трупом.

Он, видимо, захлебнулся, когда голова его ушла под воду, а может быть, его задушило затянувшейся вокруг шеи петлей.

Как только стадо исчезло, трое охотников обратили все свое внимание на пленника, оставшегося в живых. Прежде всего они закрепили на нем петлю, чтобы она не соскользнула, потом осторожно вывели его из речки.

Некоторое время жираф силился освободиться, затем, словно убедившись, что старания его напрасны, присмирел.

Маленького жирафа, измученного долгой скачкой, а потом стараниями выбраться из воды, оказалось легко укротить.

Охотники были в восторге. Они поймали детеныша и надеялись раздобыть еще одного.

Оказалось, что поймать жирафов — совершить подвиг, который был не под силу многим охотникам,—все-таки возможно. Значит, Виллем вовсе не вел себя как ребенок, требующий, чтоб ему дали луну. Он вовсе не гнался за чем-то недостижимым.

Теперь их главной заботой было благополучие пленника, и, для того чтобы он мог оправиться от страха и немного свыкся со своими новыми спутниками, они решили дать ему часок отдохнуть, прежде чем вернутся в лагерь.

Маленький жираф был слишком измучен и больше не пытался вырваться. Жираф быстро примиряется с неволей.

Глава LV

ПРЕВРАТНОСТИ СУДЬБЫ

Предоставив своему пленнику желанный отдых — причем жираф обнаружил здравый смысл и почти все время держал себя тихо и мирно, — охотники уже собирались отвести его в лагерь.

Аренд и Ганс сели верхом на коней; каждый держал конец ремня, середина которого охватывала шею жирафа. Они намеревались ехать чуть впереди него, на некотором расстоянии друг от друга. Таким образом, пленник не сможет вырваться ни вправо, ни влево. Гендрик должен был ехать позади и подгонять жирафа, если он вздумает пятиться обратно.

Все шло как по маслу. Жираф вынужден был следовать прямо за двумя всадниками, и всякую его попытку остановиться или рвануться назад пресекал кнут Гендрика. В этом случае он кидался вперед и снова ослаблял натянувшуюся веревку.

Так они вели свою добычу без всяких затруднений и к середине дня добрались до места, откуда начали охоту.

Тут они увидели на земле вьючные седла, кухонную утварь и всякое снаряжение, но ни Конго, ни Черныша, ни четверых макололо, ни быков как не бывало! Все куда-то исчезли! Больше того: охотники надеялись увидеть здесь Виллема и с огромным удовольствием предвкушали эту встречу — они знали, как порадовался бы Виллем их удаче. Но где же их спутники? Где Черныш и Конго? Они-то куда девались? Тут была какая-то загадка, которую ни один из троих охотников не мог разгадать.

Почему же те, кому было поручено охранять имущество, бросили его? Неужели макололо увели лошадей и быков? Неужели Черныш и Конго оказались изменниками? Не может быть! Но тогда почему же никого нет?

Охотникам ничего не оставалось, как выжидать в надежде, что время все разъяснит и пропавшие вернутся.

Ни быка, ни лошади, ни собаки — никого не видать. Связки слоновой кости, завернутые в циновки, лежат

там, где их положили утром. Если лагерь обокрали, почему самое ценное осталось нетронутым?

Так как на этот вопрос никто не мог ответить, то решили во всем положиться на время.

Вечерело, а три охотника все еще терялись в догадках, волнуемые то надеждами, то страхами и сомнениями. Долгое отсутствие Виллема начинало их серьезно тревожить. Пора было что-то делать, искать его. Но что делать, где искать? Этого они не знали. Однако сидеть дольше сложа руки было невозможно.

Уже надвигалась ночь, а потому Аренд и Гендрик, оставив Ганса сторожить жирафа, двинулись в том направлении, где последний раз видели Виллема.

Они не отъехали еще и мили от лагеря, как сумерки сгустились, но и в полутьме охотники разглядели приближавшихся Конго и Черныша. С ними были только собаки.

Оба охотника поспешили вперед и вскоре встретились с ними. Гендрик стал торопливо расспрашивать о загадочных событиях прошедшего дня Черныша, а Аренд — Конго.

Вопросы: «Где Виллем?», «Куда девались быки?», «Почему оставили без присмотра лагерь?», «Где макололо?» — сыпались один за другим, и на все был лишь один ответ: «Да, баас».

— Скажешь ты или нет, желторожий дьявол? — нетерпеливо вскричал Гендрик, не получая внятного ответа.

— Да, баас, — ответил Черныш. — А с чего начинать?

— Где Виллем?

На этот вопрос, по мнению Черныша, нельзя было ответить сразу, но, пока он размышлял, Конго сказал:

— Мы не знаем.

— Вот еще! Конго дурак! — воскликнул Черныш.— Мы видели, что баас Виллем утром пошел с вами за жирафами.

Охотники чуть не лишились рассудка, пока наконец им удалось узнать то, что им хотелось. Виллем не вернулся, и Черныш с Конго знали о причине его отсут-

ствия еще меньше их самих. Быки и кони днем паслись на равнине и понемногу забрели далеко. Четверо макололо ушли за ними и не вернулись. Черныш и Конго сознались, что среди дня они задремали и, проснувшись, увидели, что нет ни макололо, ни животных. Они отправились на поиски и нашли посланцев Макоры в большом волнении. На них напали бечуаны, которые и угнали всех лошадей и быков.

Макололо очень огорчены пропажей скота, они боятся, что их будут ругать, и поэтому не возвратились в лагерь. Они теперь в двух милях отсюда вниз по реке и собираются идти домой — ведь белые, наверно, не захотят больше иметь с ними дело.

Впервые путешественникам пришла в голову мысль, что они опрометчиво поступили, оставив имущество без хозяйского присмотра и защиты, да еще в краю, где обитают африканские племена, на честность которых нельзя положиться.

Бечуаны не постесняются воровать друг у друга и у любого другого племени, но они вряд ли увели бы лошадей и быков, если бы тут был кто-либо из белых и заявил, что скот принадлежит ему.

Но воры-бечуаны застали при скоте только четверых людей чуждого им племени с далекого севера Африки, которым нечего было делать на их территории. Это был слишком удобный случай, чтобы его упустить, и, поддавшись искушению, они увели лошадей и быков.

Беде нельзя было помочь. Сейчас, во всяком случае, было не до того. Первым делом следовало найти Виллема, и охотники снова отправились его искать.

Одни они ночью ничего не смогли бы сделать, но теперь с ними были Конго и его собака Следопыт. Воодушевленные надеждой на успех, они быстро шли вперед.

Вскоре стало так темно, что Аренд предложил остановиться на привал до утра, но Гендрик на это не согласился, и Конго его поддержал.

— Забыл ты, как провел ночь под баобабом, увертываясь от носорога? — спросил Гендрик.

— Замолчи, — сказал Аренд. — Если ты идешь, я иду с тобой.

Черныша отправили назад в лагерь к Гансу, а Конго со Следопытом оставили, чтобы они указывали дорогу. Вскоре Гендрик привел своих спутников к месту, где в последний раз видели Виллема. Сейчас здесь ничто о нем не напоминало.

От радости, с какой они возвращались в лагерь, не осталось и следа. Что-то странное произошло с их товарищем, что-то недоброе. Быки и вьючные лошади пропали, их угнали неизвестно куда люди, которые могут и не вернуть их, если даже их разыщут.

Все складывалось очень плохо — и что значил теперь для них пойманный жираф!

Размышляя об этом, Гендрик и Аренд следовали за Конго, который вел их в ночной темноте.

Глава LVI

В ПОИСКАХ ВИЛЛЕМА

Конго, видимо, умел каким-то таинственным способом говорить своему псу, чего от него требуют. Не убегая далеко вперед, Следопыт носился то вправо, то влево, принюхиваясь к земле, словно нащупывая след. Почти все время невидимый в темноте, он лишь изредка проносился, как тень, пересекая путь всадникам, а порою фыркал, принюхиваясь к запахам земли.

Охотники не прошли и полмили, как Следопыт высказался более определенно по поводу того, что его интересовало: он отрывисто, громко залаял.

— Он нашел след! — воскликнул Конго, бросаясь вперед. — Я ему велел, я знал, что он найдет.

Вскоре они все нагнали собаку, которая по-прежнему не спеша, рысцой бежала вперед, изредка опуская нос к самой земле, как будто проверяла, не сбилась ли она с дороги. Следопыт шел по следу не так, как другие собаки: он не бросался вперед на запах и не оставлял охотников далеко позади. Аренду и Гендрику была знакома эта повадка, однако они все еще сомневались, что он ведет их именно по следам Виллема.

— Откуда ты знаешь, что мы идем куда надо, Конго? — спросил Гендрик.

— Мы идем за Следопытом, а он знает, — ответил Конго. — Он найдет всякий след в траве.

— И ты уверен, что твой пес идет именно по следам лошади Виллема?

— Да, минхер Гендрик, конечно уверен. Следопыт не дурак. Он знает, чего нам надо.

Слепо доверившись проницательности Конго и его пса, охотники продвигались вперед медленной рысью и потратили больше часа на то, чтоб проехать расстояние, какое Виллем проскакал в несколько минут.

Может случиться, что собака приведет их обратно в лагерь и там они найдут того, кого ищут. Виллем, конечно, не станет возвращаться той же дорогой, по которой гнался за жирафами, и они, возможно, целую ночь проблуждают, разыскивая его, тогда как он уже в лагере.

Эта мысль подсказывала им, что следует вернуться назад.

Было еще и другое соображение в пользу того, что нужно возвратиться. Надвигалась гроза, а она очень затруднит поиски.

Но все доводы в пользу возвращения отступали при мысли о том, что, быть может, Виллему грозит опасность, что он нуждается в помощи, и Аренд с Гендриком решили идти дальше.

Теперь они уже подгоняли собаку. Гроза быстро приближалась; охотники знали, что, если земля пропитается влагой, станет не так-то легко учуять запах и, возможно, поиски придется прекратить.

Вскоре небеса разверзлись и хлынул дождь, но промокшие насквозь охотники шли все дальше и дальше, утешаясь мыслью, что выполняют свой долг перед пропавшим другом.

Наконец гроза кончилась, но тут Следопыт, видимо, усомнился, что держится верного направления. Ливень не только заглушил все запахи, но и смыл отпечатки копыт, так что пес их больше не различал. Последние полчаса они шли в кромешной тьме и видели друг друга

лишь в те короткие мгновения, когда вспыхивала молния и озаряла, казалось, целую вселенную.

Вскоре, однако, ночь посветлела. В западной части неба показалась луна; теперь можно было бы легче продолжать поиски, если б не стерлись следы. Собака, видимо, была сбита с толку и бегала, описывая короткие, неровные круги, словно совсем обезумела от сознания, что самое главное из пяти чувств не помогает ей.

— В конце концов придется вернуться, — безнадежно заявил Гендрик. — Сегодня ночью ничего больше не удастся сделать.

Все готовы были уже послушаться его, как вдруг примерно в полумиле от них, там, где они только что проехали, раздалось грозное рыкание льва. Стоило им повернуть назад, и они наскочили бы на свирепого зверя.

— Я старался сохранить затвор сухим, — сказал Аренд, — но боюсь, что на него нельзя положиться. Надо бы ружье перезарядить.

Он развернул кусок леопардовой шкуры, покрывавшей ружье, поднял кверху дуло и нажал курок. Раздался выстрел.

Когда замолкло эхо, как бы в ответ на выстрел в отдалении послышался человеческий голос.

— Эй! — окликнул их кто-то.

Охотники поспешили в ту сторону, откуда донесся крик. Даже собака, казалось, вдруг оправилась от замешательства и опять побежала вперед, указывая путь. Не прошло и десяти минут, как все обступили Виллема, радуясь, что он невредим и тоже поймал жирафа.

С минуту слышались только возгласы удивления и радости, потом Гендрик спросил:

— Ты давно здесь?

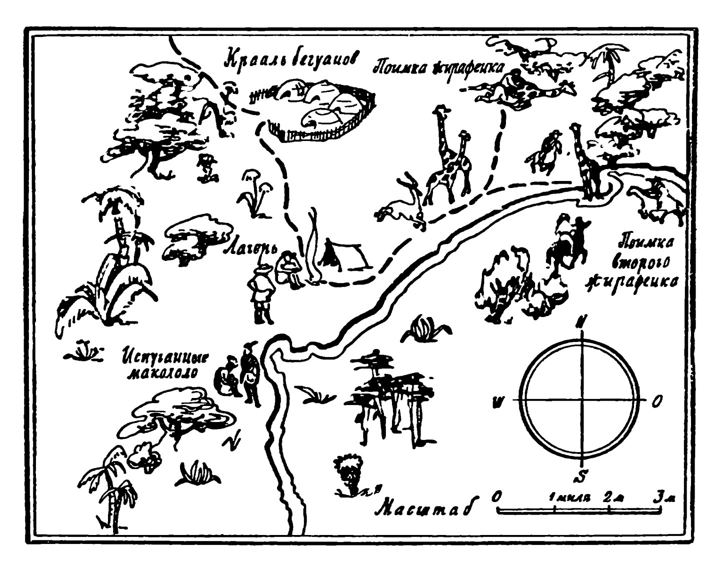
— С полудня, — ответил Виллем.

— А сколько еще оставался бы, если б мы тебя не нашли?

— Пока кто-нибудь из нас не помер бы — или я, или жираф, — ответил Виллем. — Я бы его не бросил.

— Ну, а если бы ты умер раньше, тогда что? — спросил Аренд.

— Тогда бы я, наверно, недолго тут пробыл — какое-нибудь зверье позаботилось бы об этом. Но, может быть, кто-нибудь из вас займет мое место? Мне б надо размяться, а то я никогда больше не смогу стоять на ногах.



Выбрав место для лагеря недалеко от крааля бечуанов, охотники решили попытаться в последний раз поймать жирафов. И вот на шестой день утром за завтраком они вдруг увидели недалеко несколько жирафов Охотники вскочили на коней и бросились в погоню. Ганс, Гендрик и Аренд скакали вдоль ручья и в его излучине окружили и захватили жирафенка. Виллем увлекся погоней за другим к северо-западу от ручья. Вскоре измученный жирафенок упал, и Виллем, соскочив с лошади, прижал его к земле. Так он его и держал с полудня до глубокой ночи, пока их обоих не отыскали Ганс, Аренд и Гендрик.

Гендрик обхватил руками голову жирафа, а Виллем, с трудом поднявшись, обошел вокруг лежавшего животного и заявил, что наконец-то он счастлив.

Решено было не трогаться с места до утра. Остаток ночи, если не считать одного или двух часов сна, они провели, закидывая друг друга вопросами и рассказывая обо всем, что пережили за последние сутки. Виллем горевал о своем потерянном скакуне и с огорчением

узнал о пропаже быков и вьючных лошадей, но эти несчастья не могли омрачить его радость от того, что он поймал наконец молодого жирафа.

— Он стал теперь совсем ручным, — сказал Виллем. — Если я не найду своего коня, то поеду в Грааф-Рейнет верхом на этом детеныше. Но сначала я с его помощью поймаю другого. Мне нужны два жирафа, и у меня они будут! Вполне возможно, что нам снова повезет. Постыдились бы: вас было трое, а вы не справились с тем, с чем справился я один! У вас там было двое детенышей, а то и больше, и вы им дали удрать, а я один, без всякой помощи, захватил единственного малыша, какой оказался в моей половине стада!

Аренд и Гендрик многозначительно переглянулись, а Конго посмотрел на них. Гендрик покачал головой, давая понять обоим посвященным — Конго уже знал о поимке второго жирафа, — что раскрывать секрет не следует, и, разумеется, они ни словом не обмолвились об этом Виллему. Друзья хотели сделать ему сюрприз.

Глава LVII

ВСТРЕЧА СТАРЫХ ЗНАКОМЫХ

Едва занялась заря, наши охотники задумались над тем, как отвести маленького жирафа в лагерь.

Виллем удивился, почему его товарищи не взяли с собой ремни. Гендрик объяснил, что им это в голову не пришло, к тому же они покинули лагерь второпях.

Охотники опасались, что доставить жирафа в лагерь будет трудно. Он казался таким слабеньким и покорным, что друзья беспокоились лишь о том, выдержит ли он дорогу.

Тем не менее без ремней и веревки вести жирафа не так-то просто. А вдруг он вздумает сопротивляться и вырвется у них из рук?

— Нет, какая-то веревка необходима, — сказал Виллем. — Я готов вырезать ремень из шкуры чьей-нибудь лошади. Я слишком долго стоял, вернее сказать — си-

дел, охраняя этого звереныша, и слишком далеко забрался, для того чтобы изловить его, — неужели же позволить ему теперь удрать? Это всего лишь половина того, что нам нужно. Вот если бы вы были настоящими охотниками, вы раздобыли бы вторую половину!

В нескольких сотнях ярдов от них стояла молодая рощица; стройным, гибким деревцам, росшим тут, обрадовался бы любой рыболов в поисках удилища.

Виллем пошел в рощицу и выбрал две длинные жерди, раздвоенные на концах.

Эти жерди приставили к шее жирафа с двух сторон раздвоенными концами и концы переплели так, что образовалось нечто вроде ошейника. Таким образом, жирафа можно было вести вдвоем, придерживая его с двух сторон.

Аренд взялся за конец одной жерди, Гендрик — за конец другой. Жираф так долго оставался в лежачем положении, что с трудом поднялся на ноги, а потом не пытался вырваться, и с ним легко справились.

Каждый раз, когда он пробовал свернуть в сторону, его тотчас повертывали обратно. Вскоре жираф обнаружил, что, хотя он стоит на ногах, он такой же пленник, каким был, когда ему не давали подняться с земли.

Убедившись, что сопротивление напрасно, он отдался на волю людей, лишивших его свободы.

Аренд и Гендрик, оба верхами, держали жерди, с помощью которых направляли жирафа, а Виллем и Конго шли сзади. Так они вели пленника в лагерь.

В дороге Виллем снова и снова корил своих товарищей. Прояви они такую же энергию и решимость, какую проявил он, сейчас все могли бы вернуться домой, довольные и счастливые.

— Я гнался бы за этим жирафом до тех пор, — говорил Виллем, — пока моя лошадь не упала бы мертвая, а потом бежал бы за ним и все равно поймал бы его! Вот если бы один из вас троих обладал хотя бы долей такой решимости, мы с радостью бросили бы наших быков и уже на рассвете прямиком отправились домой.

Аренд и Гендрик не прерывали торжествующего охотника. Им нечего было стыдиться своего поведения,

но из деликатности ни один из них не сказал Виллему, что хоть он и поймал жирафа, но без их помощи это кончилось бы для него лишь потерей лошади и многими другими неприятностями.

Они знали, что, не будь Виллем так опьянен выполнением давно лелеемого замысла, он не стал бы преувеличивать свои заслуги. К тому же радость Виллема от того, что он завладел жирафом, омрачалась опасением, что его лошадь потеряна безвозвратно.

Виллем был уверен, что, верни он своего скакуна, он добыл бы и второго жирафа.

В стаде, за которым гнались охотники, он видел еще двух детенышей. Может быть, удастся найти их снова? Но как их догнать, если не сядешь снова на своего верного коня!

К полудню они достигли лагеря, и первое, что бросилось в глаза Виллему, был маленький жираф, привязанный к дереву! Рядом стоял его собственный конь!

Коня привели назад макололо; возвращаясь в лагерь, они нашли его на равнине. Они тут же рассказали, как очутились здесь лошадь и они сами. Лишившись своего скота, они отказались от намерения посетить страну белых людей. Без быков они не могли бы одолеть предстоящий им долгий путь. Видимо, им ничего больше не оставалось, как вернуться домой, к Макоре. Но они не хотели уйти, не попрощавшись со своими недавними спутниками, и в то же время боялись, что на них рассердятся — ведь они не уберегли быков и лошадей, принадлежащих белым, да и своих потеряли, — поэтому они провели беспокойную ночь, не зная, как им поступить.

Когда рассвело, они заметили лошадь Виллема; она паслась невдалеке от места, где они разбили лагерь на ночь. В последний раз они видели великана-охотника, когда он верхом на своем коне гнался за жирафами, и им захотелось узнать, почему теперь лошадь одна, без всадника. Зная, как хозяин ею дорожит, они подумали, что, если они ее приведут, им простят их вину.

И они не ошиблись. О другом животном — о жирафе, привязанном к дереву, — Виллем ничего не спро-

сил, и никто не стал ему ничего объяснять. Виллем предпочел промолчать.

Свыше тридцати часов у него во рту не было ни крошки, и сейчас, ни слова не говоря, он стал уплетать обед, приготовленный для него Чернышем; доказав этим, что все беды не лишили его аппетита, он растянулся на траве и заснул как убитый.

У охотников оставалось еще одно дело, с которым нужно было покончить, прежде чем отправиться домой. Надо было постараться вернуть похищенных лошадей и быков, и чем раньше они за это примутся, тем больше надежды на успех. Однако, когда Виллема разбудили и спросили его совета, он заявил, что ближайшие двенадцать часов будет спать, и только; сказав это, он снова захрапел. Остальные не могли без него предпринять ни одного серьезного шага, и им пришлось ждать, пока Виллем проснется, а проснулся он лишь на следующее утро к завтраку.

Глава LVIII

ПРОПАЖА НАЙДЕНА

Позавтракав, охотники решили тотчас же приняться за поиски украденного. Виллема, хотя и с трудом, уговорили поехать со всеми. Ему не хотелось даже на несколько часов расстаться со столь дорогими его сердцу пленниками.

Сбылись самые его дерзкие мечты: пойманы и почти приручены два молодых жирафа. Они даже позволяют ему гладить себя. Теперь их без особых хлопот можно отвести в Грааф-Рейнет, а оттуда препроводить к голландскому консулу. Наградой охотникам будут и деньги и слава.

С тех пор как Виллем вернулся в лагерь и увидел второго жирафа, друзья не слышали от него больше ни похвальбы, ни упреков. Теперь, однако, возник вопрос, как быть со слоновой костью и всем, что оставалось еще в лагере. Ради того, чтобы довезти до голландских поселений на юге столько ценного груза, стоило потрудить-

ся и разыскать пропавших быков и вьючных лошадей. Итак, оставив Ганса, Конго и двоих макололо стеречь лагерь, остальные отправились на поиски, надеясь вернуть украденных животных.

Уверенные, что бечуаны, похитившие их, живут где-нибудь близ реки или ручья, охотники решили прежде всего пойти вниз по течению той речки, на берегу которой они стояли лагерем. Так они и сделали.

Первые пять миль не видно было ни единого отпечатка ни бычьих, ни лошадиных копыт. Земля тут была твердая, и, если даже здесь прошло стадо, невозможно было рассмотреть его следы. Но вскоре охотники подъехали к месту, где берег был низкий, болотистый, и тщательно осмотрели его. Они увидели множество следов — разные животные приходили к речке напиться, и копыта четко отпечатались на мягкой почве. К радости своей, охотники различили среди других следы лошадей и быков и без труда признали их. Сомненья нет — украденное у них стадо перегоняли здесь на другой берег. Довольные таким началом поисков, они отправились дальше, окрыленные надеждой. Теперь они были уверены, что едут в нужную сторону. Следы по-прежнему вели вниз по течению. Мили через три или четыре охотники увидели селение — тут было хижин сорок. Когда онп подъехали ближе, навстречу им выбежали несколько человек и сразу спросили, что им здесь нужно.

Черныш ответил, что они ищут украденных лошадей и быков.

Высокий, совсем голый человек, державший в руках огромный зонт из страусовых перьев, выступил вперед и произнес речь. Он знает, что такое быки, и ему не раз приходилось их видеть, но только это было давно. Лошадей же он никогда в жизни не видал и не знает, что это за животное.

К счастью, после ночного дождя земля была совсем мягкая, и все более поздние следы были отчетливо видны. Человек с зонтом явно об этом не подумал, и охотники сразу поняли, что он лжет. Он не мог не заметить следы лошадиных копыт, отпечатавшиеся на земле вокруг того самого места, где они сейчас стояли. Следы

были совсем свежие. Несколько лошадей прошло здесь не больше часа назад; было просто невероятно, чтобы жители деревни и сам вождь их не заметили.

Не сказав больше ни слова туземцам, охотники двинулись к селению.

Первое, что они увидели, подъехав ближе, была только что снятая шкура быка, сушившаяся на одной из хижин. Наблюдательный Черныш сразу заявил, что это шкура одного из быков, которых он совсем еще недавно помогал гнать; то же сказали оба макололо. Они показали белым охотникам рубцы, оставшиеся на шкуре от их вьючного седла. Ни один из стоявших вокруг туземцев не мог объяснить, каким образом попала сюда эта шкура. Никто будто бы ее раньше и не видел, и, когда им на нее показали, они постарались изобразить на лицах крайнее удивление.

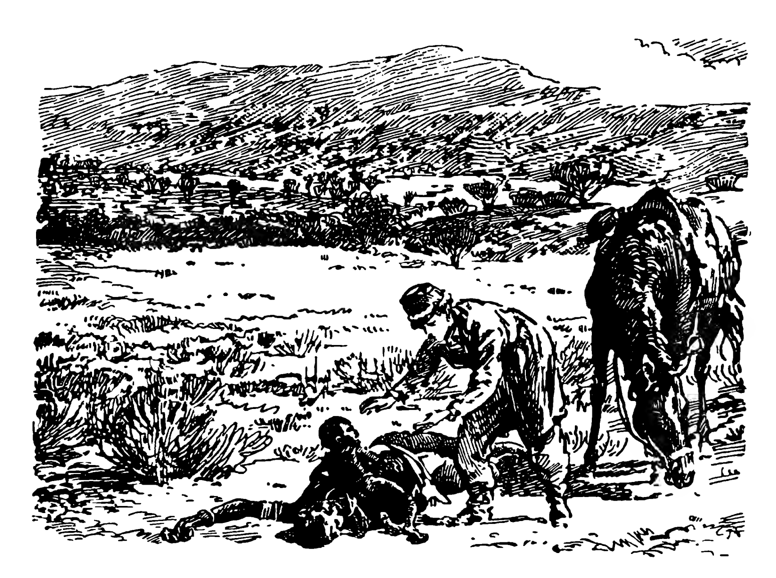
Выехав из селения, охотники поскакали по равнине, раскинувшейся к северу; в той стороне они увидели что-то вроде стада и тут же подумали, не их ли это пропажа. Они не ошиблись. Это были украденные лошади и быки. Охраняли животных лишь несколько женщин и детей, которые с неистовым криком бросились бежать, едва увидели белых.

Виллем и Гендрик погнались вслед за перепуганными женщинами, которые бежали со всех ног. Судя по всему, женщины не сомневались, что если их догонят, то непременно убьют.

Охотники были очень рады, что вернули свое имущество, и не имели ни малейшего желания обижать беззащитных женщин, и все же они оказались причиной гибели одной из беглянок.

Мчась галопом за кучкой перепуганных детей и женщин, всадники увидели, что одна из них немного отстала и вдруг упала на землю. Виллем и Гендрик придержали коней и повернули к упавшей. Подъехав ближе, они увидели ее тусклые, остекленевшие глаза и поняли, что она умерла.

Гендрик спешился и приложил руку к ее сердцу. Сердце не билось. Женщина не дышала. Она была мертва. Испуг убил ее!



Глаза ребенка, устремленные на

Возле нее лежал ребенок, не старше трех лет. Все же его глаза, устремленные на Гендрика, сверкали гневом. Страх перед белым человеком не смирил его инстинктивной, точно у зверька, враждебности, и весь его вид доказывал справедливость распространенного мнения, будто африканский ребенок, подобно детенышу льва, рождается с поразительно развитыми умственными способностями.

Тем временем остальные женщины убежали уже далеко и не услышали бы, если бы их позвали назад. Гендрику не хотелось оставлять ребенка возле мертвой матери. Не зная, как поступить, он обратился к подъехавшему Виллему.

— Мы испугали эту женщину насмерть, — сказал Гендрик. — После нее остался ребенок. Что нам с ним делать? Нельзя же бросить беднягу здесь.

— Вот несчастье! — сказал Виллем, взглянув на мертвое тело. — Чернокожие подумают, что это мы убили женщину, и у них составится превратное мнение о

Гендрика, сверкали гневом.

белых. Надо отвезти ребенка в деревню и отдать его. Мы скажем, что женщина умерла по собственной глупости, — ведь это так и есть. Дай-ка мне этого негритенка.

Едва Гендрик наклонился к ребенку, тот отчаянно заорал, не желая расставаться с матерью. Сопротивление выразилось не только в крике. Словно тигренок, он царапал и кусал державшие его руки; это было совсем не похоже на поведение его взрослых родичей-бечуанов, которые испытывают инстинктивный страх перед белыми и избегают каких-либо столкновений с ними.

Держа чернокожего малыша под мышкой, Виллем галопом поскакал за скотом и с помощью своих товарищей меньше чем через час пригнал стадо к деревне. Недоставало лишь того быка, шкура которого висела на крыше хижины.

Ребенка передали вождю. Черныш рассказал ему, при каких обстоятельствах ребенка нашли, и перевел бечуанам совет Виллема никогда больше не зариться на

чужое добро. К удивлению охотников, вождь и несколько его старейшин заявили, что знать ничего не знают ни о животных, ни об охранявших стадо женщинах; но тут двое макололо признали нескольких бечуанов, которые громче всех утверждали, будто они впервые слышат о скотине: они-то угнали лошадей и быков.

Чтобы спастись от нестройного крика туземцев, охотники поспешно повернули назад, уводя свое стадо.

Гендрик и Аренд не прочь были наказать бечуанов за их вероломство, за потерю времени и все те неприятности, которые они причинили, но великодушный Виллем удержал их. Он считал, что туземцев нельзя винить за их проступок, как нельзя винить птицу за то, что она заглатывает подвернувшегося ей червяка.

— Эти бедняги, — сказал он, — не понимают, что делают. Они не отличают добра от зла. Пусть наше милосердие послужит им уроком.

Глава LIX

ОХОТА НА ЛЬВОВ

И вот наши любители приключений опять на пути домой.

Против ожиданий, жирафы почти не причиняли им хлопот. Ремня, обвязанного вокруг шеи, было достаточно, чтобы они покорно шли вперед.

Способ, каким их поймали, с первой минуты научил их, что воля человека сильнее их воли, и с той поры, то ли из хитрости, то ли по глупости, они больше не сопротивлялись.

Можно было не опасаться, что они отобьются в пути, даже если бы им предоставили возможность это сделать. Подобно прирученным слонам, они не знали ни своей силы, ни своего проворства и вскоре стали не менее послушны, чем любая лошадь или бык.

В течение нескольких дней не случилось ничего, о чем стоило бы упомянуть, да охотники и не мечтали больше ни о каких приключениях. Они получили все,

чего хотели, и даже такой страстный охотник, как Виллем, не свернул бы в сторону, чтобы убить самую прекрасную антилопу, когда-либо ступавшую по равнинам Африки, если б ему не приходилось добывать мясо на обед.

Они провели в пути еще две недели, и вот Черныш очутился в краю, где жило много его соплеменников — бушменов. Он давно предвкушал удовольствие побывать в этих местах, хотя влекли его туда не лучезарные воспоминания детства, а просто любовь к родине — чувство, присущее всякому человеку. Своим молодым хозяевам он всегда изображал бушменов доблестными воинами и охотниками, утверждая, что они добры, гостеприимны, умны, — во всех отношениях превосходят соотечественников его соперника Конго.

Охотники находились сейчас в крае, населенном несколькими кочующими племенами бушменов, и им мог представиться не один случай проверить справедливость утверждений Черныша.

Так оно и вышло. Однажды перед вечером они прибыли в поселение бушменов — своеобразную деревню, где жило семейств пятьдесят. Узнав, что поблизости нигде не найти подходящего места для привала, путешественники решили заночевать в этой бушменской деревне.

Первым проявлением гостеприимства бушменов, которое так расхваливал Черныш, было то, что они всем племенем стали выпрашивать табак, спиртные напитки, одежду и все, что видели у охотников, а взамен милостиво разрешили брать воду из пруда, находившегося рядом с деревней, и только.

Ночью лев унес телку, принадлежавшую главе селения, а утром двоим туземцам было приказано выследить и убить льва. Охотники не раз слышали рассказы о том, как бушмены убивают львов. Им очень хотелось своими глазами увидеть это, и они попросили разрешения сопровождать двух смельчаков.

Отправляясь на охоту за царем зверей, каждый взял с собой только буйволову шкуру, небольшой лук и несколько отравленных стрел.

Следы льва вели к леску, росшему в полутора милях от деревни. Путешественники направились туда, полные любопытства: верно ли, что такая крошечная стрела несет льву смерть? И как бушмены осмелятся подойти к такому страшному зверю настолько близко, чтобы пустить в него стрелу?

Оказывается, вовсе нетрудно подойти близко ко льву, когда он досыта наелся. Как бушмены и предполагали, после обильной трапезы свирепый хищник спал глубоким сном.

Оба бушмена подкрались к нему совсем близко — так близко, что почти касались спящего льва.

Наши зрители остановились поодаль, спешились и, готовые в любую минуту пустить в ход ружья, двинулись следом за бушменами в нескольких ярдах позади, невольно восхищаясь их бесстрашием.

Только один из них натянул лук. Второй, растянув обеими руками буйволову шкуру, подошел к льву еще ближе, чем тот, который готовился пронзить льва смертоносной стрелой.

Охотники смотрели затаив дыхание. Ведь лев мог в одну секунду повергнуть этих двух малорослых людей на землю, смять их и разорвать на куски.

Еще минута — и крошечная стрела вонзилась меж ребер громадного зверя. И в то мгновение, как он, гневно взревев, вскочил на ноги, в тот самый миг, как перед глазами у него мелькнули два человеческих лица, ему на голову накинули буйволову шкуру.

Лев отпрянул назад, быстро повернулся и высвободился из-под шкуры; потом, пораженный непонятным столкновением, он бросился бежать и ни разу не оглянулся.

Бушмены сделали свое дело: они убили льва. Отравленная стрела проникла в тело, и смерть его была так же неизбежна, как если бы ему снесло голову пушечным ядром.

Но оказалось, это еще не все. Бушменам было приказано принести своему вождю все четыре львиные лапы в доказательство, что лев убит. Они должны были идти за львом, пока тот не упадет мертвым, и охотники,

которым хотелось видеть все до конца, следовали за ними.

Сначала лев уходил медленно, словно бы даже равнодушно, но постепенно он все убыстрял шаг.

Стрела могла разве только пробить толстую кожу, и, боясь, как бы лев не остался жив, Виллем пожалел, что не всадил в него пулю из своего ружья.

— Очень хорошо, что ты этого не сделал, — заметил Ганс .— Ты испортил бы нам все удовольствие от этой охоты. Мне хочется увидеть, как действуют их отравленные стрелы, и своими глазами убедиться, что льва можно умертвить таким легким способом.

Раненый зверь пробежал чуть ли не милю, потом остановился и яростно зарычал.

С ним явно творилось что-то неладное — он завертелся, точно на вертеле, и вообще вел себя самым странным образом.

Яд начинал действовать, и мучения льва, видимо, усиливались с каждой минутой. Он упал и стал кататься по земле; потом поднялся на задние ноги и взревел, словно обезумев. Одно мгновение он даже пытался стать на голову. Потом бешено накинулся на растущее рядом дерево и принялся зубами и когтями сдирать с него кору, пятная ветви кровью. Казалось, он жаждал разнести в клочья весь мир!

Никогда еще нашим путешественникам при всем их охотничьем опыте не случалось видеть такую отчаянную борьбу со смертью.

На мучения громадного зверя было страшно смотреть, и в зрителях пробудилась жалость. Они избавили бы его от страданий, всадив в него пулю, если б не стремились узнать все, что касается действия яда.

С того мгновения, как лев остановился, и до того, как он испустил дух, прошло минут пятнадцать. Все это время он проделывал самые разнообразные акробатические трюки, — охотникам не приходилось видеть такое даже в цирке.

Едва бушмены удостоверились в том, что лев мертв, они отрубили ему лапы и понесли их в селение.

Глава LX

СЧАСТЬЕ ВДРУГ ПОВЕРНУЛОСЬ СПИНОЙ

На третий день после того, как путешественники покинули деревню бушменов, их разбудили громкие крики черных обезьян в соседней роще. Судя по отчаянным крикам, обезьяны, вероятно, попали в беду.

Пока готовили завтрак и нагружали вьючных лошадей и быков, Виллем и Аренд пошли к роще, откуда доносились крики. Сейчас они стали еще пронзительнее и на языке обезьян, казалось, означали: «Караул! Убивают!»

На дереве, где примостилось штук пятнадцать — двадцать этих четвероруких, каждая величиной с кошку, охотники увидели молодого леопарда, пытавшегося поймать одну из этих черных обезьянок себе на завтрак. Спасаясь от врага, они забирались на самые тонкие ветки, и леопард не решался за ними следовать, зная, что эти ветки не выдержат его тяжести.

Некоторое время охотники забавлялись, наблюдая за бесплодными усилиями леопарда добыть себе еду. Леопард преследовал обезьяну, убегавшую по ветке, пока ветка не делалась слишком тонкой, чтоб он мог идти по ней дальше.

Он останавливался в двух — трех футах от визжавшей обезьяны, протягивал лапу и обнажал белые зубы, улыбаясь, словно хотел поздороваться со зверьком, которого собирался сожрать.

Убедившись, что до этой обезьянки ему не добраться, он оставлял ее и затевал ту же игру с другой.

Наконец он загнал одну обезьяну на крупный сухой сук, протянувшийся горизонтально от ствола. Конец сука был обломан, тут не было тонких веток, на которых обезьяна могла найти себе пристанище; и ничто не мешало леопарду последовать за ней и не спеша схватить. Не оказалось поблизости и другой ветки, на которую обезьяна могла бы перескочить; действительно, податься было некуда. Поняв это, она повернулась к охотникам, стоявшим внизу, и посмотрела на них с таким

выражением, будто хотела сказать: «Спасите меня! Спасите!»

Леопард, которого мучил голод, заметил двоих охотников только тогда, когда они оказались ярдах в двадцати от дерева, а он уже нагонял обезьянку на сухой ветви. Тут он вдруг остановился. Он увидел «божественный лик человека», и инстинкт подсказал ему, что опасность близка. Леопард уставился на пришельцев горящими глазами, словно обдумывал, не позавтракать ли ими вместо обезьяны.

— Оставь про запас пулю, Гендрик! — крикнул Виллем, вскинув ружье. — Твой выстрел может понадобиться.

Виллем спустил курок, и леопард кувырком полетел на землю. Гендрику не пришлось истратить на него заряд: зверь упал, сраженный насмерть. Виллем схватил его за задние лапы и поволок к лагерю.

Лагерь был близко, и вскоре охотники его увидели. К своему удивлению, они заметили, что там царит смятение. Быки и лошади разбегались во все стороны, бежали и люди.

Что бы это значило?

Недоумение рассеялось, когда охотники увидели посреди лагеря какое-то огромное животное. Это оказался необычных размеров носорог. Свирепый зверь стоял посередине лагеря, как бы размышляя, за кем из убегавших ему погнаться. Он был зол, оттого что, придя на место, где обыкновенно утолял жажду, застал там посторонних.

Черный носорог может, не колеблясь, броситься на целый кавалерийский полк: неудивительно, что этот зверь, внезапно вторгшийся в лагерь, обратил в бегство людей и животных — всех, кто в состоянии был удрать. Один из жирафов был так крепко привязан, что не мог спастись. Он барахтался на земле, стараясь высвободиться, а с ним рядом лежал бык, которого носорог опрокинул, когда ворвался в лагерь. Второй жираф мчался по равнине, далеко обогнав всех быков и лошадей. Казалось, он несся, подгоняемый не только страхом, но и вновь проснувшейся в нем любовью к свободе.

Вскоре носорог сделал выбор — пустился в погоню за одной из вьючных лошадей. Виллем был верхом. Он, пожалуй, еще мог бы догнать беглеца, но теперь, когда жираф намного опередил охотников, на это нечего было надеяться. Однако нельзя было терять ни секунды — надо попытаться сделать все возможное. Предоставив остальным собирать лошадей и быков, которые разбрелись по равнине, Виллем, сопровождаемый Гендриком, Конго и Следопытом, поскакал к роще.

Виллем ван Вейк, всего лишь час назад счастливейший в мире охотник, был теперь едва ли не самым несчастным: один из двух пойманных жирафов, ради которых Виллем столько натерпелся, сбежал и, по всей вероятности, никогда больше не попадется на глаза белому человеку. Теперь неизвестно, когда осуществится заветная мечта Виллема. А может быть, она и вовсе не сбудется.

Один жираф не имел в его глазах большой цены. Ему необходимо два; кто знает, представится ли ему случай добыть второго. Кроме того, он не был уверен, что сумеет уберечь оставшегося. Смерть может вырвать добычу у него из рук. Стараясь освободиться из петли, жираф причинил себе увечья, и Виллем, покидая лагерь, видел, что макололо не удалось поднять его на ноги. Большая задача, которую поставил себе Виллем — главная цель их экспедиции, — по-прежнему не была решена.

Вот какие мысли терзали охотника, когда он торопил Конго и собаку быстрее идти по следу, ведущему через лес.

Глава LXI

ПРОПАВШИЙ НАЙДЕН

Виллем опасался, что лес этот тянется на много миль, а он оказался всего только небольшой рощицей; они быстро ее пересекли и опять выехали на равнину. Жирафа не было видно, но они сразу отыскали на равнине его следы.

Желания Виллема то и дело менялись. Сперва он боялся, что жираф затеряется в густом лесу, где за ним не угнаться на лошади, а теперь, когда он увидел перед собой бесконечную равнину, он стал опасаться, как бы сбежавший пленник не умчался куда-нибудь далеко, и пожалел, что жираф не остался в лесу.

Под сенью рощи он нашел бы себе кров и пищу и задержался бы; там они его и застали бы, между тем как на открытой местности он вряд ли станет задерживаться. А теперь его и не видать, — уж наверно, он опередил их на много миль.

По следу быстро не пойдешь; приходилось двигаться вдвое медленнее, чем жираф, бежавший в поисках своих родителей, с которыми его так жестоко разлучили несколько дней назад.

Значит, чем дольше Виллем со своими спутниками будут идти за жирафом, тем больше они от него отстанут!

Наши любители приключений это отлично понимали.

— Незачем идти дальше, — заметил Гендрик. — Жирафа мы потеряли. Вернемся лучше назад, в лагерь.

— Ничего подобного! — возразил Виллем. — Малыш мой, и так легко я с ним не расстанусь. Я буду за ним гнаться до тех пор, пока не свалюсь с лошади. Должен же он когда-нибудь и где-нибудь остановиться! И когда бы это ни случилось, я подоспею и еще разок погляжу на него.

Рассчитывая, что еще часом-другим этой явно безнадежной погони удовлетворится даже Виллем, Гендрик не стал возражать и двинулся дальше за Конго, который шел впереди всех по следу.

Было уже за полдень, солнце клонилось к западу.

Они выехали из лагеря не позавтракав и в спешке не захватили с собой никакой еды. Страдая от жажды, ослабев от голода и утомительной езды по следу под палящими лучами солнца, они двигались вперед довольно уныло.

— Виллем! — воскликнул наконец Гендрик, круто осаживая коня. — В пределах разумного я на все готов, но то, что мы сейчас делаем, — бессмыслица. Мы и так

уже чересчур далеко забрались. Вряд ли мы успеем вернуться в лагерь засветло. Я дальше не еду.

— Отлично, — ответил Виллем. — Не смею упрекать тебя. Ты волен поступать, как знаешь, а я пойду. Нечего мне ждать, что другие станут поступать так же глупо, как я. Это моя забота, а тебе и Конго лучше вернуться. Оставьте мне собаку, и я пойду по следам жирафа без вас.

— Нет, нет, баас Виллем! — воскликнул Конго. — Я с вами, и Следопыт тоже. Мы вас не бросим.

Виллем и Конго с собакой отправились дальше, а Гендрик остался, глядя им вслед.

Он не трогался с места, где придержал коня.

— Забавно! — пробормотал он, глядя на удалявшихся Виллема и Конго. — Я действовал безрассудно, просто глупо с самого начала экспедиции. Меня толкали на это обстоятельства и опять толкают. Да, я должен идти за Виллемом. Могу ли я покинуть его, если кафр остался ему верен? Неужели его дружба стоит больше, чем моя?

Гендрик пустил коня галопом и вскоре опять ехал рядом с товарищем.

Виллем и сам подозревал, что поступает безрассудно, добиваясь невыполнимого, но эта здравая мысль не удержала его от дальнейших поисков. Почти обезумев от потери жирафа, он сейчас сам не в состоянии был разобраться, поступает ли он умно или глупо.

Судя по всему, Гендрик следовал за Виллемом лишь для того, чтобы убедить друга вернуться.

Молодой офицер привел все доводы, какие только пришли в голову, чтобы доказать, как бессмысленно продолжать поиски, но убедить охотника ему не удалось. Виллем упорно стоял на своем, он твердо решил идти дальше.

Приближался вечер, а охотник все еще не хотел отказаться от поисков.

Все равно они не успеют вернуться к ночи — ведь они оказались на расстоянии почти целого дня пути от лагеря.

«Виллем помешался, безнадежно помешался, — подумал Гендрик, — мне нельзя оставить его одного».

Они ехали молча, и Гендрик чувствовал, что и сам близок к тому состоянию, какое приписывал Виллему.

Однако поиски подходили к концу. Путешественники и не надеялись, что успех так близок.

Впереди на равнине виднелась группа деревьев. Это были ивы, — значит, поблизости есть вода. Следы вели к ним почти прямо. Жираф инстинктивно почуял воду. То же произошло с лошадьми охотников — они заторопились к рощице.

Посреди нее был прудок, и у берега стояло животное, при виде которого Виллем радостно вскрикнул. Это был сбежавший жираф. Второй радостный возглас раздался, когда охотники заметили, что жираф опять пойман.

Свободный конец обвивавшего его шею ремня запутался в кустах. Жираф оказался привязанным, и поймать его было проще простого. Не приди охотники вовремя, он задохся бы, либо погиб от жажды, или его растерзал бы какой-нибудь хищный зверь.

Ремень, зацепившийся за ветку, распутали, и жираф избавился от утомительного положения. Он совершенно не пострадал.

— Ну, Гендрик, — воскликнул счастливый, гордый Виллем, глядя на пленника, — разве не лучше, что мы спасли беднягу, а не оставили его погибать мучительной смертью?

— Что и говорить, — ответил Гендрик. — Иной раз думаешь, что поступаешь глупо, а выходит — это вовсе не было глупо.

Виллему, довольному результатами своего упорства, было безразлично, глупо вел он себя или умно.

А Конго, видимо, нисколько не удивился удаче своего хозяина — быть может, потому, что слепо верил в мудрость Виллема и ни минуты не сомневался, что жираф будет найден.

Не было случая, чтобы у Виллема не оказалось при себе огнива или трута — без своей трубки он дня прожить не мог, — и до самого рассвета у них ярко пылал костер.

Обратный путь был очень утомителен, но на сердце у них было куда легче, чем когда они отправлялись из лагеря на поиски бежавшего жирафа, возвращенного им счастливым случаем.

Глава LXII

СРЕДИ ГОТТЕНТОТОВ

Когда Виллем и Гендрик наконец добрались до лагеря, друзья в тревоге ждали их.

Все лошади и быки были пойманы, а носорога, вызвавшего весь этот переполох, Ганс и Аренд пристрелили. Из-за его вторжения потеряли быка и на два дня задержались.

И вот наши любители приключений снова на пути домой. День за днем они быстро движутся вперед, и лишь страх, что могут пострадать их быки, лошади и жирафы, удерживает их от того, чтобы двигаться еще быстрее.

Однако по дороге охотников ждало еще немало бед, и несколько раз они едва не лишились обоих жирафов.

В краю, где жили готтентоты, путешественники не могли найти ни травинки, чтобы накормить животных, — здесь, на равнинах, порой вся трава бывает выжжена. На обожженной земле валялись останки сгоревших змей и других пресмыкающихся.

Проезжая эти места, охотники и их лошади сильно страдали от голода и жажды. Но Виллем, казалось, и не замечал лишений. Он заботился только о жирафах и боялся лишь одного: как бы они не погибли в пути. И все же во время этого утомительного путешествия охотников ежечасно радовало сознание, что они всё ближе к дому, что недалек конец их тяготам, и поэтому безропотно их сносили.

Последняя часть пути через Южную Африку вела далеко на запад, туда, где им еще не приходилось бывать. Они проезжали земли, населенные племенами, о которых нередко слышали или читали, но которых никогда не видали.

Впрочем, с некоторыми обычаями одного из этих злополучных племен, а именно с племенем готтентотов, наши путешественники однажды столкнулись, и эти обычаи произвели на них весьма тягостное впечатление.

Под тенью низкорослых деревьев они увидели старика и с ним ребенка немногим старше года. Старик, лет за семьдесят, был совершенно слеп; возле него стояла пустая тыквенная бутыль, по-видимому из-под воды.

С помощью Черныша — он служил им толмачом — путешественники узнали, что старик недавно потерял единственного сына и защитника. Теперь некому было его кормить, и его увели далеко от родной деревни и бросили в пустыне на верную смерть

Ребенок лишился матери, единственного родного ему человека, и его оставили на произвол судьбы вместе со стариком и по той же причине: о нем некому было позаботиться.

Обоих, старика и ребенка, ждала неминуемая смерть. Они умерли бы от голода и жажды или их растерзали бы гиены.

Нашим путникам приходилось слышать об этом ужасном обычае, в существовании которого они сейчас воочию убедились. Они знали, что он был когда-то широко распространен среди обитателей тех мест, по которым они сейчас проезжали; но, как и тысячи других людей, они думали, что готтентоты, следуя наставлениям и примеру цивилизованных европейцев, давно уже отказались от этого варварского обычая.

Узнав, что селение готтентотов всего лишь в нескольких милях отсюда, и не желая предоставить беспомощного старика и ребенка их страшной участи, путешественники решили свезти их назад к людям, которые, по словам Черныша, «вышвырнули их вон».

Странно сказать: старик не только выражал желание умереть здесь, в пустыне, но всячески противился тому, чтобы его вернули к соотечественникам!

Он рассуждал так: раз он стар и беспомощен, как ребенок, то своей смертью он лишь выполнит долг

перед общиной; стать бременем для людей, которые ему не родня, было бы, по его мнению, преступлением.

Охотники решили спасти старика, хотя бы против его воли.

Только к вечеру они добрались до селения, откуда эти несчастные были изгнаны. Среди всей общины не нашлось ни единого человека, который признал бы, что старик жил здесь раньше, и никто тут не имел ни малейшего представления, чей это ребенок!

Белым людям посоветовали отправить своих подопечных туда, где живут их родичи.

— Интересно, — сказал Гендрик. — Так мы можем объехать всю Южную Африку и не найти ни одного человека, который сознается, что когда-нибудь прежде видел этих несчастных. Теперь они наши, и, так или иначе, мы должны о них позаботиться.

— Ну, не знаю, — возразил Аренд. — Как мы можем взять это на себя? Я уверен, что они из этого племени, оно и должно о них заботиться.

Охотники снова попытались убедить жителей селения признаться в том, что они хотели уморить голодом двоих людей. Но те уже поняли, что белые считают их обычай преступным, и твердо стояли на своем — они знать не знают, кто такие эти двое.

Самое странное, что хилый старик подтвердил их слова и в доказательство сказал путешественникам, будто вождь и несколько других здешних людей — и он их назвал по имени — неспособны обманывать.

Он уверял, что хорошо знает это, потому что давно знаком с ними!

Охотники находились сейчас на территории, объявленной доминионом, и колониальное правительство нередко оказывало давление на ее обитателей; готтентотам пригрозили карой английского правосудия, если они не возьмут на себя заботу о старике и ребенке или снова бросят их одних в пустыне.

Готтентотам заявили, что через какой-нибудь месяц сюда пришлют человека проверить, послушались ли они приказания белых. И, поручив старика и ребенка вождю селения, путешественники отправились дальше.

Глава LXIII

У ОЧАГА НЕКОЕГО ГОЛЛАНДЦА

Спустя три или четыре дня наши охотники добрались до местности, где проживало несколько семей голландцев-буров. Путешественники ехали теперь по полосе земли, называвшейся здесь дорогой, от которой только и было толку, что между речками она вела кратчайшим путем от брода к броду.

Впервые за несколько месяцев они видели поля, возделанные белыми, и могли достать продукт питания, называемый хлебом.

Как-то вечером, когда они собирались разбить лагерь неподалеку от жилья какого-то, видимо, зажиточного бура, хозяин пригласил их переночевать у него в доме.

Почти весь день лил сильный, холодный дождь, и, судя по всему, нечего было ждать, что погода к ночи улучшится. Предложение было с удовольствием принято, и путешественники, сидя возле кухонного очага у бура, наслаждались уютом. Эту радость каждый из нас в большей или меньшей степени ощущает, находясь под теплым кровом, когда снаружи дует холодный ветер и льет дождь.

Лошадей и быков отвели в большие загоны. Жирафов привязали в другом месте, отдельно от них. Конго, Черныш и макололо поместились в хижине рядом, вместе с несколькими готтентотами, слугами хозяина-бура.

Хозяин был гостеприимный, веселый малый, он громко благодарил судьбу за то, что она послала нескольких гостей, чтобы развлечь его. Табак у него был самого лучшего качества, и запас «капского виски», местной персиковой водки, был, по-видимому, неистощим.

По его словам, он в молодости был отличным охотником, и для него нет большего удовольствия, чем рассказывать интересные случаи и приключения из своей охотничьей жизни или слушать рассказы других охотников. Наши герои, находил он, страдают одним недостатком: уж очень они мало пьют его хваленого виски.

Он был человек общительный и считал, что нет в жизни ничего лучше, чем, как он выразился, «клюк-

нуть» в компании с друзьями после долгого дня работы. Он заявил, что терпеть не может пить в одиночестве — нет ничего хуже этого, разве только вид человека, который пьет слишком много в обществе тех, кто отказывается отдать должное его радушию.

Если верить ему, он целый день без устали работал под дождем у себя на ферме. Почему бы ему и не повеселиться, в таком случае? А водка для этого — самое подходящее дело. Он рад предоставить своим гостям все лучшее, что есть у него на ферме, и единственное вознаграждение, которого он ждет за свое гостеприимство, — это удовольствие видеть, что они чувствуют себя у него как дома.

Бур твердо решил напоить своих гостей допьяна, но они этого не замечали. Правда, им казалось, что его гостеприимство заходит слишком далеко — и даже становится назойливым. Но они наблюдали не раз такую навязчивость у людей, которые хотят быть как можно предупредительнее, а так как они это делают совершенно бескорыстно, им это прощают.

Виллем и его друзья хоть и натерпелись всяких лишений во время своих путешествий, не имели привычки злоупотреблять спиртными напитками, и горячие, настойчивые уговоры бура, к которым присоединилась его довольно красивая толстуха жена, не заставили их изменить своему обыкновению. Бур казался очень огорченным оттого, что не умеет занять своих молодых гостей.

Однако наши охотники провели этот длинный вечер очень приятно, греясь у очага бура, хоть он и уверял, что они скучают.

Ужин, который им подали, оказался очень хорош. Здесь все было хорошо, если не считать кое-каких охотничьих рассказов бура. Хозяину так редко выпадало счастье принимать у себя гостей, что с их стороны было бы неблагодарностью лишить его этой радости, и, уступая его просьбам, они засиделись до поздней ночи.

За столом хозяин мимоходом завел разговор, не очень-то приятный для наших охотников. Осушив несколько стаканов виски, бур сказал:

— Мне очень шаль, что деньги за двух жирафов получите вы. Мои два брата и брат моей жены на этом проиграют. Мне их очень шаль, сами понимаете.

Из дальнейшего разговора выяснилось, что с полгода назад два брата хозяина вместе с братом его супруги отправились на север охотиться. Они хотели добыть двух молодых жирафов, за которых была обещана награда в пятьсот фунтов стерлингов. Они собирались в страну баквейнов и взяли с собой слугу из того же племени. Они должны были вернуться еще месяц назад, и, хотя от них нет вестей, в любую минуту они могут быть здесь.

Вполне естественно, что бур предпочел бы, чтобы награду получили его родичи, а не чужие люди, и то, что он так откровенно это высказал, говорило в его пользу. Гости приписали эту откровенность честности и прямоте его характера, к тому же водка развязала ему язык.

Только когда старые голландские часы в уголке кухни пробили два, молодым людям, ссылавшимся на усталость после долгого пути, разрешили отправиться на покой.

Их проводили в большую комнату, где для каждого была приготовлена удобная, мягкая постель. Утомительному путешествию, казалось, настал конец; они добрались уже до мест, где люди спят в постели, а не на жесткой земле и звезды не светят им прямо в лицо.

Глава LXIV

ЗАБРЕЛИ КУДА-НИБУДЬ ИЛИ УКРАДЕНЫ

Лишь в десять часов утра Ганс проснулся и разбудил своих спутников.

— Стыд какой! — воскликнул Виллем, торопливо одеваясь. — Мы слишком много выпили и заспались!

— Нет, — сказал Ганс, не упускавший случая показать, какой он философ. — Скорее, мы должны гордиться тем, что, хоть выпили немного, водка на нас так силь-

но подействовала: это доказывает, что мы не привыкли к употреблению спиртных напитков, и надо, чтобы мы и впредь могли гордиться этим качеством.

Вскоре путешественники были опять в обществе хозяина и хозяйки, которые ждали, чтобы гости отдали должное роскошному, обильному завтраку, и все, кроме Виллема, сели за стол. Виллем не получил бы никакого удовольствия от еды, не взглянув раньше на свое сокровище, к которому проявлял куда больший интерес, чем его спутники, и не соглашался сесть за завтрак, пока не навестит своих милых жирафов.

Выйдя из дому, он направился туда, где под навесами были размещены на ночь слуги-туземцы и животные. В хижине, в которой он вечером оставил своих темнокожих спутников, он увидел грустную картину, доказывавшую, какое зло приносит неумеренное потребление спиртных напитков. Четверо макололо катались по полу и так тяжко стонали, словно находились при последнем издыхании. А тяжелое дыхание Черныша и Конго, больше привыкших к алкоголю, говорило о том, что они после ночной попойки крепко спят.

Виллем пинками быстро привел их в чувство; однако даже этот грубый способ не оказал никакого действия ни на одного из четверых макололо.

Конго вскочил, обхватил голову руками, словно стараясь удержать ее на плечах, и, пошатываясь, вышел вон. Виллем, убедившись, что в течение еще нескольких часов никакими силами нельзя будет заставить макололо ехать дальше, последовал за ним.

Подойдя к загону, где были привязаны жирафы, Виллем не на шутку встревожился — он увидел, как неузнаваемо исказилось лицо Конго.

Глаза кафра, казалось, готовы были выскочить из орбит. Лицо его ужасающе вытянулось — изумление и ужас, отразившиеся на нем, могли испугать кого угодно.

Виллему не требовалось объяснений. Достаточно было одного взгляда.

Жирафы исчезли!

Черныш и Конго обещали поочередно стеречь их, но, опьянев, пренебрегли своими обязанностями.

Виллем не проронил ни слова упрека. Надежда, страх и горе на минуту лишили его дара речи.

У него возникла смутная надежда, что кто-нибудь из слуг здешнего хозяина отвел жирафов в другое, быть может, более надежное место поблизости.

Эту надежду вытеснил страх, что их украли или что им удалось вырваться на свободу и теперь их уже не вернуть.

Охваченный горем и отчаянием, Виллем оказался все же достаточно рассудительным, чтобы даже в эти первые минуты винить в происшедшем самого себя. Он был так же беспечен, как эти два насмерть перепуганных человека, стоявших сейчас перед ним.

Разве можно было всецело предоставить заботу о том, чем он так дорожил, другим! Соблазнившись несколькими часами уюта и тепла, от которых он за последнее время отвык, он не потрудился присмотреть за своей драгоценной добычей, ради которой было потрачено столько усилий и времени! Почему он не прожил еще несколько дней так, как жил столько месяцев, — в мыслях и заботах о главном? Почему он не был настороже? Тогда все было бы хорошо.

Пять минут поисков между хижинами и загонами убедили Виллема, что жирафы действительно исчезли.

Найти их надо было во что бы то ни стало. Велев Чернышу и Конго дознаться, по возможности, о том, когда и как пропали жирафы, охотник в отчаянии вернулся в дом, чтобы сообщить своим спутникам о постигшем их всех несчастье.

Эта весть лишила их всякого аппетита. Великолепному завтраку, приготовленному супругой бура и ее темнокожими служанками, грозило остаться нетронутым. Все вскочили с места и кинулись к загону, где оставили жирафов на ночь.

Гостеприимный бур выразил глубокое сочувствие их несчастью и заявил, что готов целый месяц, если понадобится, вместе со всеми своими слугами искать пропавших жирафов.

— Вот что происходит, когда слишком напьются, — сказал он. — Я не пожалел водки моим людям, и они

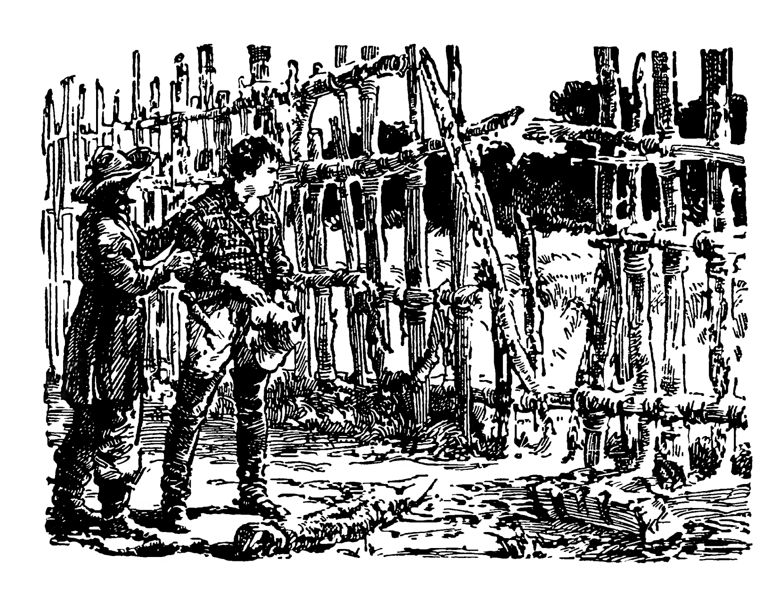
Все кинулись к загону, где

перепились; но больше они этого не сделают. Вылью теперь всю водку и никогда не стану покупать.

Один из жирафов был привязан к столбу в изгороди. Этот столб оказался не только вывороченным из земли, но и был выдернут из скреп вверху — он лежал на земле в шести — восьми шагах от прежнего места. Два соседних столба были повалены; таким образом, в ограде образовалась брешь, через которую жирафы свободно могли убежать. Если бы их, как обычно, привязали к деревьям, они бы не убежали: их удержали бы ремни, обмотанные вокруг шеи.

Возможно, навалившись на частокол, жирафы обрушили его и ремни соскользнули с упавших столбов. В этом случае жирафы, конечно, могли убежать. Но хотя такое объяснение казалось достаточно простым, наши путешественники все же заподозрили неладное.

За последнее время жирафы не пытались вырваться на свободу, и было странно, что им вдруг этого захоте-



были оставлены жирафы...

лось. Больше того: у обоих жирафов должен был быть общий, заранее обдуманный план действий, а уж такое вряд ли могло произойти.

Что бы там ни было, но они исчезли, и их следовало разыскать и привести назад.

Конго готовился уже отправиться на поиски, хотя мало рассчитывал на успех. Всю ночь лил дождь, и даже Следопыт не мог бы отыскать следы исчезнувших жирафов.

Более пятисот голов скота было заперто на ночь в большом загоне, примыкавшем к дому бура. А утром их снова выпустили на пастбище, и земля, разумеется, была повсюду истоптана копытами лошадей и рогатого скота. Целый час был потрачен, пока нашли след, с большей или меньшей вероятностью принадлежавший жирафам, но шел он по направлению к загонам. Конечно, след этот оставили жирафы, когда их накануне вечером вели туда.

— Что же нам теперь делать, Гендрик! — воскликнул Виллем, чуть не обезумевший от отчаяния. — Должны же жирафы где-то быть, и нам надо их найти!

— Они могли уйти в любую сторону, — ответил Гендрик. — Почему бы им не уйти в сторону Грааф-Рейнета?

Это замечание еще увеличило горе Виллема; он понял, что его товарищи вовсе не желают задерживаться с отъездом из-за случившегося несчастья.

Бур выразил готовность обеспечить охотников людьми и лошадьми для поисков, если они хотя бы приблизительно знают, в каком направлении следует искать беглецов.

Тут Ганс подал совет, показавшийся Виллему наиболее разумным из всех услышанных.

— Нашим недавним пленникам представилась возможность удрать, — сказал философ Ганс, — и они как нельзя лучше этим воспользовались. Ими, без сомнения, руководил инстинкт; и этот же инстинкт, надо полагать, заставит их вернуться назад, в родные места. Если уж их искать, то в той стороне, откуда они пришли.

— Мальчики мои, — вмешался бур, — что толку искать их там? Они не станут долго ждать, пока их опять поймают.

Того же мнения оказались Гендрик и Аренд.

— Конго, черномазый ты негодяй! — воскликнул Виллем. — Где наши жирафы? В какой стороне нам теперь их искать?

Растерянный кафр лишь покачал болевшей с похмелья головой.

Виллем крепко верил в инстинкт Конго и не удовлетворился столь туманным объяснением.

— Как думаешь, Конго, может, нам пойти обратно той дорогой, которой мы пришли сюда? — спросил Виллем.

Конго снова покачал головой.

— Ты чумазый идиот! — воскликнул, вконец расстроившись, охотник. — Ответь мне толком, брось качать башкой, не то я ее расшибу!

— Я теперь не могу думать, баас Виллем, — сказал Конго. — Голова моя совсем распухла, как я могу ответить вам на вопрос?

Гендрик, не желая еще больше расстраивать Виллема, предложил перейти от слов к делу.

— Ганс, ты остаешься здесь, — сказал Виллем. — Присмотришь за нашим имуществом. Остальные, если хотят, пусть следуют за мной, но тогда пусть тотчас садятся на лошадей. Я немедленно еду искать жирафов.

С этими словами Виллем побежал к конюшне, где стояла его лошадь. Он сам оседлал ее, вскочил в седло и быстро умчался.

Глава LXV

ПОСЛЕДНИЙ ИЗ ПЛЕМЕНИ

Только Гендрик с Арендом, последовав примеру Виллема, помчались за ним. Бур, столько наобещавший, замешкался с приготовлениями, так что на его помощь нечего было рассчитывать. Все трое ускакали, не дожидаясь ни работников фермера, ни его слуг, хотя несколько человек околачивались тут же. Бур оправдывал свою медлительность тем, что никто не мог определенно сказать ему, в какую сторону убежали жирафы, а искать их где-нибудь на севере, когда они, может быть, забрели на юг, было бы просто глупо.

К великому удивлению охотников, Конго не поехал за Виллемом, а остался на ферме. Обычно он так неусыпно заботился о безопасности своего хозяина, так неохотно покидал его, что всех, кто его знал, его теперешнее поведение не могло не поразить. Ему предоставлялась свобода действий, ибо все знали, что, если лишить его этой привилегии, никакие усилия чего-либо от него добиться ни к чему не приведут. Его верность, его преданность Виллему настолько не вызывали сомнений, что никто почти никогда не проверял его поступков.

— Как только мы отъедем на милю, на две от дома бура, — сказал Гендрик, — нам, может быть, удастся напасть на след жирафов. Бессмысленно искать их там,

где прошло такое большое стадо. Но предположим, мы узнали, что идем по верному следу, что мы тогда станем делать, Виллем?

— Тогда мы пойдем по этому следу и будем идти до тех пор, пока не вернем себе жирафов, — ответил Виллем. — Я не надеялся бы опять схватить их, если бы не знал, что они теперь совсем ручные, — продолжал он.— Никак не ждал, что они убегут! Это все равно, как если бы моя лошадь вздумала удрать за сто миль в пустыню, чтобы от меня избавиться. Нет, мы разыщем жирафов, если будем настойчивы, а уж когда разыщем, они легко дадутся нам в руки.

Помня, как кротко и доверчиво вели себя последние три недели жирафы, Аренд и Гендрик не могли не согласиться, что Виллем прав. Все трое пришпорили лошадей, горячее прежнего мечтая напасть на след где-то блуждающих жирафов.

Земля, истоптанная скотом фермера-бура, осталась позади, и путешественники снова оказались на так называемой дороге, по которой проезжали накануне. На расстоянии целой мили при самом тщательном осмотре им не удалось обнаружить хотя бы намека на следы жирафов, взрослых или детенышей. Если бы они оставили следы вчера, их все равно невозможно было бы разглядеть в пыли. Дождь и скот, проходивший тут после, уничтожили бы их. Зато сейчас, на влажной земле. новые отпечатки было бы легко разглядеть, но их не было, и охотники могли с уверенностью сказать, что сбежавшие жирафы этой дорогой не проходили.

После долгих разговоров, едва не кончившихся ссорой, так как Виллем не соглашался со своими спутниками, наконец решено было на большом расстоянии объехать вокруг дом бура.

Они рассчитывали таким образом неизбежно натолкнуться на следы жирафов. Другого выхода они не видели и медленно, с тяжелым сердцем, не зная, что их ждет, двинулись в путь.

Они пересекли местность, представлявшую собой скудное пастбище, — кое-где попадались клочки земли, поросшие чахлой травой. Недавно здесь проходило ста-

до рогатого скота и лошадей — взрослых, жеребят и телят, — и нередко взгляд улавливал на земле следы, так похожие на следы жирафов, что один из охотников слезал с лошади, чтобы хорошенько их разглядеть.

Медленная езда вконец извела Виллема. Его мучила мысль, что жирафы с каждой минутой уходят от них все дальше и дальше.

Наконец после двух часов таких поисков они натолкнулись на след, несомненно оставленный жирафом. Вскрикнув от радости, Виллем повернул коня и понесся по этому следу. След был совсем недавний — жираф прошел тут лишь несколько часов назад.

Люди, возбужденные какой-нибудь большой удачей или же большой неудачей, действуют порой не очень благоразумно.

Подумав так, Гендрик напомнил Виллему, что они отправились с целью найти след, но не затем, чтобы идти по нему; для этого им нужна помощь Конго со Следопытом, нужно запастись едой и всякими другими вещами, необходимыми для двух или трех дней пути.

Уверенный, что к тому времени, пока они доберутся до дома бура и вернутся назад, жирафы опередят их не меньше чем на десять — пятнадцать миль, Виллем счел доводы Гендрика нелепыми; он по-прежнему ехал по следу, словно не слышал их.

Гендрику и Аренду ничего другого не оставалось, как ехать за ним. Вскоре Аренд заметил, что следы слишком велики, чтобы они могли быть оставлены жирафом-детенышем.

— Все это твоя фантазия, — возразил Виллем, не задерживаясь.

— Но тут проходил только один жираф, — сказал Гендрик, когда они отъехали еще немного.

— Ну и что же? Нам некогда искать второго, — ответил Виллем. — Он не уйдет далеко от товарища, и мы, вероятно, найдем их вместе.

Слова Виллема не убедили его спутников. Они не сомневались, что преследуют только одного жирафа, вдобавок более крупного, чем те, которые у них пропали. Они снова отважились высказать свое мнение.

— Чепуха! — воскликнул Виллем. — В этих местах за последние десять лет не видели ни одного жирафа, кроме тех двух, которых мы сюда привели.

Это заявление мог бы подтвердить любой из поселенцев на целых сто миль вокруг. Тем не менее оно было неверно, и наши любители приключений вскоре в этом убедились.

Не успели они проехать еще милю, как перед ними смутно вырисовалось крупное туловище жирафа и голова на высокой шее. Увидев его, они пришпорили лошадей и понеслись навстречу.

Они были уже ярдах в трехстах от него, и только тогда жираф их заметил.

Началась погоня. Первые десять минут расстояние между охотниками и убегающим жирафом оставалось прежним.

Постепенно оно стало уменьшаться. Жираф, по-видимому, совсем изнемог, хотя бежал недолго; потом он попал в болото, где его стало засасывать в грязь. Он отчаянно старался удержаться на ногах, потом свалился на бок.

Подъехав ближе, преследователи поняли, почему так быстро закончилась охота за ним. Их только удивило, как этот жираф вообще в состоянии был бежать.

Это оказался старый самец, от которого остались лишь кожа да кости. Можно было подумать, что это последний из вымирающего рода жирафов. На спине у него и по всему телу виднелись шишки величиной с грецкий орех, следы старых ран, — видимо, в него стреляли из мушкета и пули сидели в его теле уже несколько лет. В боку у него торчал ржавый наконечник стрелы.

За ним, должно быть, охотились лет двадцать подряд, и сотни раз он был на волосок от смерти.

Его враг человек взял наконец верх и смотрел сейчас на его мучения, не торжествуя, а скорее с жалостью и состраданием.

Наши охотники не радовались, что нагнали и захватили животное, так долго боровшееся со смертью. Виллем, который воспрянул было духом, загоревшись на-

деждой вернуть пропавших жирафов, опять приуныл. На эту бесцельную погоню было затрачено много времени.

Он был не из тех, кто легко впадает в отчаяние, но теперь настоящее отчаяние овладело им. Близилась ночь, и, по всем признакам, очень темная. Движимый то ли жалостью, то ли досадой, он выпустил из своего ружья пулю в голову издыхающего жирафа и, вскочив в седло, повернул к дому бура.

Они попытались найти пропавших жирафов, но им не повезло. Наступает ночь. Сегодня ничего больше нельзя сделать, и Виллем объявил, что готов возвратиться в Грааф-Рейнет и умереть.

Он потерял всякую надежду и всякий интерес к жизни.

Гендрик и Аренд, хоть и сочувствовали ему в этой общей для всех беде, радостно переглянулись. Теперь можно будет вернуться домой.

Глава LXVI

ВЕСТОЧКА О ПРОПАВШИХ

Весь день небо было обложено тучами, они не рассеялись и после захода солнца. Спустилась ночь, и стало темно, как в аду.

Решив, что нет смысла возвращаться на ночь в дом бура, за десять — пятнадцать миль, разочарованные следопыты привязали лошадей к колышку и стали ждать утра.

Ночь они провели беспокойно, дремля у костра; на огонь его слетались крупные мотыльки, явилось и несколько гиен, которые противно хохотали, словно издевались над охотниками в их горе. Они находились сейчас в такой части страны, которую, казалось, покинули все благородные звери и где остались лишь самые презренные.

Занялась заря, и путешественники сели на лошадей и направились к ферме бура.

Милях в пяти от дома бура они встретили двух незнакомых всадников.

— Тоброе утро, тшентльмены! — приветствовал их один из незнакомцев, подъехав близко. — Ошень рат встретить людей на этой дороге. Вы не видели наших лошатей?

— Каких — тех, на которых вы едете? — спросил Гендрик.

— Нет, не этих, у нас еще пять лошатей. Вернее, три коня и тве кобылы — все они без сетел, без узтечек; у рыжего коня отин глаз и белое пятно на левой затней ноге, у одной кобылы — звезточка на лбу и...

— Нет, — прервал его Гендрик, — мы выехали вчера утром, но не видели никаких заблудившихся лошадей, ни единой лошади, кроме тех, которые под нами.

— Значит, нам незачем искать их в той стороне, где вы были, — заметил второй всадник, правильно произнося слова по-английски. — Не скажете ли вы нам, откуда вы едете?

Гендрик рассказал коротко историю их путешествия за последние сутки и, между прочим, упомянул, что ездили они искать пропавших жирафов.

— Если вы ездили за этим, — сказал всадник, который говорил на правильном английском языке, — мы можем кое-чем вам помочь. Как я понял из ваших слов, вы остановились у минхера ван Ормона. Вчера мы искали своих лошадей милях в десяти южнее его фермы и видели там двух жирафов. Первый раз в жизни я увидел жирафов. Под нами были плохие лошади, и мы подготовились к охоте только за своими пропавшими лошадьми, а то бы мы погнались за жирафами.

— В десяти милях южнее фермы! — воскликнул Виллем. — А мы-то их ищем в двадцати милях севернее! Ну и дураки же мы! Что делали жирафы? — возбужденно спросил он, обращаясь к человеку, снова пробудившему в нем сладостную надежду. — Они паслись или бежали?

— Они шли рысцой к югу, но, увидев нас, побежали быстрее. Мы находились от них в четверти мили, не дальше.

От нетерпения нашим путешественникам не стоялось на месте. Получив еще несколько указаний, они попрощались с незнакомцами и поспешили к дому бура.

Первым, кого они встретили в воротах, был минхер ван Ормон.

— Я вишу, вас постигла неутача, мальшики мои, — сказал голландец, когда они подъехали. — Я знал, что так будет. Ширафы слишком талеко от вас ушли.

— Да, слишком далеко на юг, — ответил Виллем. — Но мы получили о них кое-какие сведения и немедленно должны ехать. Где наши спутники?

— Они ушли отсюда фчера утром тута, где есть трава для быков. Теперь они ждут вас на юге.

— Отлично, — заметил Гендрик. — Надо скорее ехать к ним, только сначала, я думаю, не мешало бы слегка подкрепиться. Я умираю от голода. Минхер ван Ормон, нам снова придется злоупотребить вашим гостеприимством.

— Пошалуйста, мальшики мои, это отно утовольствие тля меня. А кто сказал, что я ван Ормон?

— Те самые люди, что сказали нам про жирафов. Они искали пропавших лошадей.

— Это, толжно быть, мой сосед Клоотс, он шивет в пятнатцати милях отсюда на восток. Так они сказали, что вители ширафов? Где и когта они их вители?

— Вчера утром, милях в десяти к югу, как они сказали.

— Может, они отправились в Грааф-Рейнет передать, что вы туда етете? Хе-хе! Это ошень таже хорошо, — засмеялся бур.

Потом он повел гостей к дому. По дороге, проходя мимо одной из хижин, охотник с удивлением заметил Конго, быстро скрывшегося за углом.

Для Конго эта встреча была, видимо, неожиданной и нежелательной, так как он повернул назад с явным намерением их избежать.

Опять загадка.

— Эй, Конго, поди сюда! — крикнул Виллем. — Почему ты здесь? Почему не со всеми остальными?

Конго ничего не ответил и прошмыгнул в хижину.

Бур принялся объяснять, что кафр захотел служить у него, — сказал, что не пойдет дальше со своими прежними хозяевами, так как они обрушились на него за то, что он упустил жирафов. Сам он, ван Ормон, на это странное решение Конго ничем не повлиял.

— Этого не может быть, — сказал Виллем. — Здесь какая-то ошибка. Он врет, если сказал, что мы его побили. Я, возможно, ругал его, да, сознаюсь, но я не знал, что он так чувствителен. Мне жаль, если я его обидел, и я готов извиниться.

Минхер ван Ормон подошел к двери хижины и приказал Конго выйти.

Как только Конго показался в дверях, Виллем извинился за грубые слова, которые он сказал, и, обращаясь к нему, как к другу, просил забыть об этом, простить его и вернуться вместе с ними в Грааф-Рейнет.

Во время этого разговора бур проницательно смотрел то на хозяина, то на слугу, словно знал, чем разговор закончится. И в глазах его блеснула радость, когда Конго заявил, что предпочитает остаться у нового хозяина, и только просит Виллема заплатить ему за прежнюю службу.

Будь Конго одним из его братьев, Гансом или Гендриком ван Блоомом, Виллем не мог бы горячее добиваться примирения. Наконец, выведенный из себя необъяснимым поведением своего старого слуги, он с презрением от него отвернулся и вместе с Гендриком и Арендом вошел в дом.

Приказав подать гостям холодной говядины, каравай темного хлеба и бутылку капского вина, бур опять вышел. Он поспешно направился к одному из загонов, где слуга-готтентот седлал лошадь.

— Пит, — торопливо сказал хозяин, — скорее, паренек, сатись на лошать и скачи на север, пока не встретишь моего брата и Тшеймса. Скажи им, чтоб еще час не потходили к дому ближе чем на полмили. Шивее отправляйся!

Через две минуты готтентот был уже в седле и мчался в указанную ему сторону.

Утолив голод, поблагодарив хозяина и его толстуху-жену за гостеприимство и пожелав им всего доброго, охотники поскакали к югу. Им не терпелось скорее встретиться с Гансом и вновь отправиться на поиски жирафов.

Глава LXVII

ПОЧЕМУ КОНГО ОКАЗАЛСЯ ИЗМЕННИКОМ

Не желая больше злоупотреблять гостеприимством минхера ван Ормона, Ганс покинул его дом, намереваясь разбить где-нибудь неподалеку лагерь и ждать там возвращения товарищей.

Бур не очень его отговаривал, и Ганс пошел к макололо, чтобы подготовить их к переезду. Они все еще чувствовали себя скверно после первого в их жизни опьянения, и, войдя в хижину, где они провели ночь, Ганс застал их преисполненными того особого раскаяния, которое приводит к твердому решению никогда больше не брать в рот спиртного.

Когда макололо сказали о пропаже жирафов, казалось, угрызения совести привели их в неистовство, а один из них рвал на себе свои курчавые волосы и все твердил:

— Комби! Комби!

Ганс знал, что так называется распространенный у макололо смертельный яд.

Эти четверо несчастных всецело винили себя за пропажу жирафов и были, как видно, благодарны, что после этого их все-таки оставили в живых.

Когда лошадей и быков уже навьючили и все было готово, чтобы тронуться в путь, Конго заявил о своем решении остаться.

— Что это значит, Конго? — спросил Ганс. — Ты сердишься на хозяина за то, что он тебя ругал? Забудь об этом. Он не хотел обидеть тебя. Что же ты думаешь делать?

— Не знаю, баас Ганс, — угрюмо ответил Конго. — Ничего не знаю.

Уверенный, что Конго злится лишь на себя за свое поведение прошлой ночью и что он скоро остынет, Ганс не пытался его переубедить. Он уехал вместе с Чернышем и макололо, которые гнали быков, а Конго со своей собакой остался.

Ганс направился к югу: в этой стороне трава была лучше. Милях в пяти от дома бура он нашел рощу, через которую протекал ручеек. На его берегу Ганс решил разбить лагерь и дождаться возвращения товарищей.

Он покинул дом бура неожиданно и, пожалуй, даже несколько бесцеремонно, и, если бы у него потребовали объяснений, почему он так сделал, он привел бы какие-то самому ему неясные и малоубедительные доводы, и все же они у него были. Прежде всего ему хотелось увести макололо, всецело оставленных на его попечение, от искушения снова приложиться к капской водке.

Однако это опасение было совершенно неосновательно — посланцев Макоры, даже если бы они уже избавились от головной боли и перестали терзаться угрызениями совести, ничто не заставило бы сейчас снова напиться.

У Ганса, философа по складу характера, было сколько угодно терпения. Черныш и макололо нуждались в покое, чтобы прийти в себя после вчерашнего пьянства. Быкам и лошадям не мешало пожевать травки, буйно росшей на берегах ручья. Все, таким образом, могли бы недурно провести день, поджидая товарищей.

Настала ночь, всех лошадей и быков согнали вместе, и они, по обыкновению — к этому их давно приучили,— улеглись поближе к большому костру, разложенному на опушке рощи.

Ночь прошла без каких-либо происшествий, но на рассвете всех разбудил лай собаки, и вскоре их приветствовал знакомый голос.

То был Конго.

— Я знал, что ты лучшего мнения о нас и вернешься! — сказал Ганс, обрадовавшись, что опять видит перед собой верного кафра.

— Да, я пришел, — ответил Конго, — только я не останусь. Я опять уйду.

— Что ты? Зачем же ты, в таком случае, пришел?

— Чтоб увидеть бааса Виллема, а его тут нет. Скажите ему, когда вернется, чтоб ждал Конго. Скажите, чтоб ждал два дня, четыре дня, чтоб ждал, пока Конго не вернется.

— Но Виллем побывает у бура до того, как придет сюда, и ты сам его увидишь.

— Нет, я, верно, уйду с быками бура. Я теперь у него работаю. Скажите баасу Виллему, чтоб ждал Конго.

— Я, конечно, скажу ему, — ответил Ганс, — но ты что-то от меня скрываешь. Зачем тебе нужно видеть твоего хозяина, если ты так на него обижен, что покинул его? Отчего ты не идешь с нами?

— Не знаю, — был неопределенный ответ. — Этот дурак Конго ничего не знает.

— Мне надо что-то сказать про Конго, — вмешался Черныш. — Конго всегда говорит правду. И теперь говорит правду.

Кафр улыбнулся, видимо довольный замечанием Черныша.

Попросив еще раз передать Виллему, чтобы тот его ждал, Конго поспешно ушел вместе со Следопытом.

В его поведении была какая-то тайна, и Ганс не понимал, в чем тут дело. Оставалось согласиться с объяснением самого Конго. По-видимому, он действительно глуп — во всяком случае, поступает очень глупо.

С наступлением утра Ганс начал верить, что поиски следопытов увенчались успехом. Должно быть, они напали на след жирафов и пошли по нему, иначе они давно бы уже вернулись.

Зная Виллема, Ганс был уверен, что, если тот напал на след, он не остановится и будет идти дальше, пока у него хватит сил. Жирафы сделались совсем ручными. Почему бы и на самом деле их опять не поймать? Однако в полдень надежды рухнули — Виллем и его друзья вернулись с пустыми руками.

— Вам не повезло, — сказал Ганс, когда они подъехали, — но ничего, не все еще потеряно; у нас есть надежда благополучно возвратиться домой.

— У нас есть и другая надежда, — возразил Вил-

лем. — К нам дошла весть о жирафах. Вчера утром их видели милях в десяти к югу отсюда. Без них нам нельзя вернуться домой. Мы не охотники, если их не поймаем! Надо немедленно пуститься вдогонку.

Чернышу и макололо приказали гнать быков, и все стали собираться в дорогу.

Когда навьючили быков и лошадей, Виллем сказал:

— Нам будет сильно недоставать Конго и Следопыта. Без них нам будет худо.

— Ах да, чуть не забыл тебе сказать! — воскликнул Ганс. — Конго утром был здесь и просил передать, чтобы ты его ждал. Он очень хотел тебя видеть и сказал, чтобы ты его ждал четыре дня, а то и больше, если он за это время с тобой не свидится.

— К счастью, ради этого не стоит задерживаться, — заметил Виллем. — Я только что виделся с этим неблагодарным негодяем — всего полчаса назад.

— Вот как? И чего же он хотел?

— Только получить с меня жалованье, которое я задолжал ему за последний год службы. Никогда в жизни я так не обманывался в человеке! Ни за что бы не поверил, что Конго способен стать изменником и сбежать от меня.

На этом разговор кончился, так как все занялись приготовлениями к отъезду.

Глава LXVIII

ТЬМУ ПРОРЕЗАЕТ СВЕТ

Спустя полчаса охотники поехали дальше.

— Жаль, что нам пришлось расстаться с Конго, — сказал Виллем, когда быков перегоняли через речку. — Я, правда, нисколько не жалею об этом неблагодарном негодяе, но, боюсь, без него мы не сможем напасть на след жирафов. Он и Следопыт были бы для нас теперь неоценимы.

— Я думаю, жирафы вряд ли найдутся, — заметил его брат. — Мы сейчас в населенных местах, и здесь им

не знать покоя. Или они быстро отсюда удерут, или первый встречный подстрелит их.

— Я уже думал об этом, — заметил Виллем. — Но еще день-другой я хочу надеяться. Мне легче будет перенести эту потерю, если никому не удастся получить обещанную награду. Но бур говорил, что его брат отправился в такую же экспедицию, как мы, и, если он добудет жирафов, у меня пропадет всякое желание жить.

Они не успели еще далеко уйти, как все заметили, что с Чернышем творится что-то неладное. Похоже было, что он намерен вернуться назад. Он бормотал про себя что-то невнятное, как делал обычно, когда был чем-нибудь смущен или раздражен. Наконец, не справившись с охватившим его волнением, он подъехал к Виллему и спросил:

— Что вы такое сейчас сказали, баас Виллем, про брата того голландца?

— Право, не помню, Черныш, — ответил Виллем.— Кажется, сказал, что он тоже отправился за жирафами и награду получим не мы, а он. Почему ты спрашиваешь?

— Разве они тоже пошли на север, как мы?

— Да, так сказал бур.

— И давно?

— Мне помнится, он говорил — с полгода назад.

— Что же мне раньше не сказали?

На этот вопрос Виллем не счел нужным отвечать, и на несколько минут Черныш был предоставлен своим мыслям.

Но вот он снова заговорил.

— Баас Виллем, — сказал он, — давайте-ка остановимся и потолкуем немножко. Дурак-то не Конго, а Черныш. Это я дурак, верно вам говорю.

— Хорошо, но для чего же нам останавливаться и о чем говорить? — спросил Виллем.

— Брат этого бура ведь вернулся с севера. Он там не поймал никаких жирафов, — ответил Черныш. — Зато теперь, наверно, уже добыл.

И тут Ганса, прислушивавшегося к этому разговору,

как будто осенило. Загадочное поведение Конго стало для него куда яснее.

Последовал приказ немедленно остановиться, и все окружили Черныша.

Чуть ли не двадцать минут охотники вытягивали у Черныша все, что он мог сообщить. Его забросали чуть ли не сотней вопросов и из его ответов узнали, что в хижине, где Конго и макололо так весело провели время, они видели одного готтентота, возвратившегося недавно из поездки на север.

Черныш об этом догадался по тем нескольким словам, которые этот человек пробормотал, опьянев от водки.

Потом его вызвали из хижины, и Черныш больше не видел его и не вспоминал о сказанных им словах.

Теперь, когда он услышал, что у бура есть брат, отправившийся на север охотиться на жирафов, у него мелькнула мысль, что пьяный готтентот ездил туда не один.

По всей вероятности, он сопровождал экспедицию. Экспедиция эта не удалась, и братья бура украли тех двух жирафов, которых теперь ищут хозяева Черныша.

Чем больше размышляли охотники над этим предположением, тем более вероятным оно казалось.

Несомненно, Конго заподозрил что-то неладное, но свои сомнения держал при себе, боясь ошибиться.

Не задержался ли он у бура в надежде узнать правду? То, что он нагрубил прежнему хозяину в присутствии бура, могло быть уловкой: он хотел обмануть бура, чтобы получить возможность узнать, что тот замыслил. Все это вполне соответствовало характеру Конго, и Виллем был очень рад, что именно этим и объясняется его поступок.

— В последний раз, когда я видел его, — сказал Виллем, — я подумал, что он ведет себя не совсем так, как вел бы себя предатель. Я теперь вижу, что все мы оказались дураками. Надеюсь, что так. Я немедленно возвращаюсь, чтобы повидаться с Конго. Я попрошу у него объяснения. Он мне все скажет, если бура при этом не будет.

— У меня возникла другая мысль, — сказал Гендрик. — Те двое, что искали своих лошадей и сказали, будто видели наших жирафов на юге, соврали. Не похожи они были на людей, которые говорят правду. Теперь я понимаю: мы оказались простаками, нас ничего не стоило обмануть. Эти люди — братья бура, они-то нас и обворовали.

— Ты прав, — сказал Ганс, — а минхер ван Ормон помогал им. Вот чем объясняется его радушие и гостеприимство! Нас действительно провели, как последних дураков.

Теперь никто уже не сомневался, что жирафов украли бур и его братья, и наших охотников это даже обрадовало. Куда утешительнее, что животных украли, чем если бы они блуждали невесть где. Теперь больше надежды найти их.

Мы легче верим в то, во что больше всего хотим верить, и все согласились, что принадлежавших им жирафов тайком увели из загона.

Не обмолвившись больше ни словом, Виллем повернул коня и поскакал обратно к ферме ван Ормона.

Бур встретил его за воротами и явно удивился возвращению своего гостя. Виллем сразу заметил, что его появление совсем некстати. Лицо бура выражало недовольство, и во взгляде его мелькнула тревога.

— Я вернулся, чтобы поговорить со своим прежним слугой, — сказал Виллем. — Он прослужил у меня много лет, и мне не хочется расстаться с ним из-за пустяков.

— Ошень хорошо, — ответил ван Ормон. — Мошете его повитать, когта он вернется. Он погнал быков. Возьмите его с собой, когта бутете уезшать, если хотите.

Солнце клонилось к закату, и Виллем знал, что Конго должен скоро пригнать стадо. Он отъехал от дома, рассчитывая встретить его. Вскоре на равнине действительно показалось большое стадо, и, объехав его, Виллем увидел Конго и с ним двух готтентотов.

Конго ни слова не сказал своему прежнему хозяину в присутствии посторонних; он был всецело занят стадом, словно не замечал Виллема.

«Мы ошиблись в своих предположениях, — подумал Виллем. — Конго в самом деле изменил мне. Ни один человек не сумел бы так притворяться. Я могу ехать обратно».

Он хотел уже повернуть назад, когда Конго, заметив, что готтентоты ушли на несколько шагов вперед и разговаривают между собой, пробормотал:

— Уезжайте, баас Виллем, ждите меня в лагере. Я буду там завтра утром.

Виллем несказанно обрадовался. Этих слов было достаточно, чтобы убедить его в верности Конго — в том, что он старается для них и все кончится хорошо. Охотник вернулся к друзьям веселый и счастливый — таким он был два дня назад, когда сидел у очага хозяина-бура, слегка навеселе от выпитой водки.

Глава LXIX

КАФР УЗНАЕТ СЛИШКОМ МНОГО

Узнав об исчезновении жирафов, Конго решил, что в этом больше всех виноват он сам. Совесть говорила ему, что он пренебрег своими обязанностями. Сожаление о случившемся преисполнило его твердой решимости сделать все, что только можно, чтобы найти пропавших жирафов. Осматривая пролом в изгороди, через который они убежали, он усомнился в том, что они сами сломали ее. Они могли выворотить столбы, налегши на них всей тяжестью тела, но тогда он услыхал бы шум, так как жирафы находились ярдах в десяти от хижины, где он спал. Столбы, к которым жирафы были привязаны, лежали тут же, а ведь если бы их вывернули животные, стараясь сорваться с привязи, они оттащили бы столбы в сторону. Конго заподозрил, что столбы повалены были человеческими руками; но так как его спутники, видимо, не думали этого, он решил, что, должно быть, ошибается. Оттого он и утаил свои подозрения. Он мог сказать, что услышал бы, если бы изгородь действительно повалили жирафы, но тогда ему бы ответили: «Ты

был так пьян, что ничего не слышал», — и его словам не придали бы значения. Но он знал, что был не настолько пьян.

Он заметил и еще кое-что, подкрепившее его подозрения. Ему вспомнился готтентот, хваставший спьяну, что он недавно вернулся с севера, где видел, как охотились на жирафов и как их убивали. Конго слышал, что готтентота вызвал из хижины человек, говоривший по-английски не чисто, а как бур. Но это не был голос здешнего хозяина, которого Конго видел в начале вечера, а так как других белых, кроме хозяина, он здесь не видал, значит, появился кто-то еще.

Но и это еще не все: ведь, помимо жирафов, пропало также несколько верховых лошадей из тех, что стояли прошлой ночью в стойлах. Вот почему Конго решил остаться здесь и наблюдать. Он притворился, будто хочет наняться к буру на службу, и тот согласился взять его.

Каждый день случалось нечто такое, что подтверждало подозрения Конго. Он заметил, как готтентота куда-то услали, пока Виллем, Гендрик и Аренд завтракали в доме, а когда они уехали с фермы, прибыли двое белых, которые вели себя здесь как дома. Конго подумал, что эти люди были здесь и в ночь, когда исчезли жирафы, и заподозрил в них воров. Он видел, как они опять отправились в ту сторону, откуда приехали, снаряженные словно для охоты или далекой поездки. Он хотел было пойти следом за ними, но не отважился, боясь, как бы бур, хозяин фермы, его не заметил и не заподозрил что-нибудь.

Думая, что за ночь эти люди далеко не уйдут, Конго решил выследить их на следующее утро. Едва рассвело, он незаметно выбрался из сарая, где провел ночь; напав на их след, он двинулся по нему и увидел вскоре то, что убедило его в справедливости всех подозрений.

Пройдя еще миль десять, Конго оказался среди нескольких гряд крутых холмов, между которыми зияли узкие, глубокие ущелья. Он взобрался на вершину одного из холмов и увидел поднимавшийся из ущелья дымок.

Конго, крадучись, пополз на дымок и

Швырнув на землю шляпу, он приказал собаке ее сторожить, а сам, крадучись, пополз на дымок и вскоре разглядел, откуда он поднимается. Укрытый в тени густых деревьев, горел костер, словно там расположились на отдых охотники.

Увидев животных, которые были привязаны к деревьям, Конго понял, что люди, разложившие костер, не охотники, а воры. К деревьям были привязаны два жирафа — те самые, которых Конго погонял сотни миль.

Вопреки его ожиданиям, жирафов стерег только один человек, и это не был один из тех двоих, которых Конго видел накануне вечером в доме ван Ормона. Должно быть, люди, которых он выслеживал, приходили в лагерь, а потом опять ушли. Но их отсутствие не имело для него большого значения. Жирафы находились здесь, и больше ему ничего не нужно было. Теперь он мог уйти и привести сюда настоящих хозяев, а уж они сумеют отстоять свою собственность. И если бы те двое,

вскоре увидел костер, охотников и жирафов.

которых он выслеживал, были у костра в лагере, ему удалось бы выполнить свой план. Но, к несчастью, их здесь не оказалось.

Запомнив все приметы этого места, Конго повернулся, чтобы уйти.

Не успел он сделать и двадцати шагов, как услышал выстрел. Следом за выстрелом донесся жалобный вой — это взвыл Следопыт. В это же мгновение из кустов, росших на гребне холма, вынырнули два всадника. С одного взгляда он узнал в них тех самых людей, которых видел накануне вечером у ван Ормона. Их-то он и выслеживал.

Присев в кустах, он попытался спрятаться, но это ему не удалось.

Один из всадников что-то крикнул, и Конго понял, что его увидели, а вскоре быстрый топот копыт сказал ему, что всадники скачут к месту, где он спрятался. Он не надеялся удрать от них, хотя бегал быстро; все же инстинктивно он кинулся бежать. Пока он мчался вниз

по крутому склону, всадники не могли его нагнать. Однако на ровном месте они быстро поравнялись с ним, и этой погоне был сразу положен конец; один из преследователей ударил Конго сзади прикладом ружья — и он свалился ничком.

Глава LXX

КОНГО — ПЛЕННИК

Всадники с торжествующим криком осадили коней.

— Что же это ты остановился? — спросил человек, ударивший Конго. — Что не бежишь дальше?— добавил он с дьявольской усмешкой, склонившись над упавшим.

— Да, да, почему ты не бешишь рассказать этим дурням, где их ширафы? Почему ты остановился? — спросил второй.

К лежавшему на земле почти без чувств Конго обращались те самые люди, которые за два дня до этого, попались навстречу Виллему, Аренду и Гендрику, — люди, направившие их на юг искать жирафов. Один из них приходился братом минхеру ван Ормону, другой — братом его жене. Они были из тех людей, которые долгие годы жили на границе колонии и занимались отчасти тем, что нападали на туземцев и грабили их скот, а отчасти тем, что скупали у местных жителей страусовые перья и слоновую кость. Они только недавно возвратились из неудачной экспедиции на север, которую предприняли с целью добыть молодых жирафов и получить за них награду, обещанную голландским консулом. Когда они увидели в краале у своего родича ван Ормона тех самых животных, которых они тщетно пытались добыть, потратив столько усилий и времени, они не устояли перед соблазном присвоить их. Они решили спрятать жирафов среди холмов и держать там до тех пор, пока владельцы не откажутся от поисков и не вернутся домой.

Тогда они смогли бы отвести жирафов в Кейптаун и передать их консулу, а прежние владельцы так и не узнали бы, как ловко их провели.

К несчастью для Конго, в это утро они вышли подстрелить какую-нибудь дичь на завтрак и возвращались как раз в то время, когда он следил за их лагерем.

— Это тот негодяй, что прикинулся, будто поссорился со своим прежним хозяином, — сказал человек, который сбил Конго с ног. — Я советовал ван Ормону отослать его со всей компанией, но он был уверен, что кафр не хочет им помогать и не сумел бы, если бы даже хотел. По глупости ван Ормона, наш план чуть не сорвался. Хорошо, что мы поспели вовремя и поймали этого черномазого. Но что теперь с ним делать?

— Убьем его, — ответил второй, брат ван Ормона. — Нельзя, чтобы он вернулся к белым. Они придут и все у нас отнимут.

— Вполне возможно. Бывают скверные люди, способные на все. Но я уже наполовину его убил, теперь твой черед — прикончи его, если хочешь.

— Нет, Джеймс, ты начал, тебе лучше и кончить это дельце.

Конго попал в руки гнусных негодяев, однако ни один из них не хотел нанести последний удар; так и не решив, что делать с Конго, они связали ему руки за спиной.

Потом они помогли ему подняться и повели его, шатающегося, словно пьяный, к себе в лагерь.

Немного оправившись от удара, Конго понял, в какую беду он попал. Из их разговоров он догадался, что его хотят убрать с дороги. А их свирепые взгляды и жесты говорили ему, что жизнь его висит на волоске. Люди, которым он попался в руки, не отпустят его. Он слишком много знает, и они не оставят его в живых. Нечего рассчитывать на помощь хозяина и его товарищей — они ждут его далеко отсюда.

— Так вот какая дичь вам досталась! — воскликнул человек, сидевший у костра, когда эти двое подъехали, волоча за собой пленника.

— Да, а раз ты повар, приготовь ее нам на обед, — ответил тот, которого звали Джеймс.

— Что все это значит? — спросил человек, сидевший у костра.

— Только то, что мы поймали шпиона. Он выследил нас, но не успел еще навредить. Нам повезло, и теперь все будет в порядке. Можешь не сомневаться, ведь мы его схватили.

Негодяи долго совещались между собой и единодушно решили, что пленника надо убить. Нельзя оставить его в живых. В конце концов они попадутся, даже если годами будут держать его в неволе. Ему надо заткнуть глотку навсегда. Есть лишь один способ заставить его молчать: не дать ему уйти отсюда живым.

И все же они не могли на это решиться. Они не знали, предпринял Конго слежку на свой страх и риск или с ведома и по наущению своих хозяев. В первом случае его можно убить, не опасаясь последствий, но, если о его затее знают, им грозит большая опасность. Один из троих — брат ван Ормона — заявил, что вернется домой и, по возможности, проверит, как обстоит дело. Остальные двое охотно на это согласились. И, вскочив на лошадь, брат ван Ормона помчался к ферме своего родича. Как только он уехал, двое оставшихся привязали Конго к дереву и, усевшись в тени акаций, занялись игрой в карты.

Прошло четыре часа — эти часы показались Конго днями. Его мучения были ужасны. Ремни, которыми его руки были привязаны к дереву, врезались в тело, и к тому же душу его терзало сознание, что жить ему осталось недолго.

Впрочем, его мучила не столько боязнь смерти, сколько горячее желание что-либо узнать о судьбе спутников и желание, чтобы Виллем нашел своих жирафов. Теперь он жалел, что не поделился с молодым хозяином своими подозрениями, когда видел его в последний раз. Это уберегло бы охотников от потери жирафов, а его самого — от страшной участи, которая ему сейчас угрожала. Но теперь поздно было сожалеть об этом. Он старался сделать лучше, а получилось хуже.

В полдень брат Ормона вернулся в лагерь.

— Ну, какие новости? — спросил его Джеймс, едва тот подъехал настолько близко, что его можно было услышать.

— Все в порядке. Они нишего не знают. Мой брат велел следить за их лагерем. Они совсем растерялись и скоро уедут домой.

— А ван Ормон уверен, что они не виделись с этим кафром? — спросил Джеймс.

— Виделись. Вчера один из них заявился к брату в дом и виделся с этим малым. Но чернокожий ни одного слова не сказал ему. С них не спускали глаз, пока они были вместе.

— Тогда, может быть, не так уж все благополучно, как ты говоришь. У них тоже могли возникнуть подозрения, как у этого кафра. Какого черта они тянут с отъездом? Не нравится мне, что они так долго околачиваются здесь.

— Уверяю тебя, Джеймс, все обстоит хорошо. Надо только избавиться от этого шпиона. Одно нужно: чтоб он никогда больше не свиделся со своими болванами хозяевами. Что нам с ним делать?

— Всадить в него пулю, — сказал человек, оставшийся стеречь жирафов.

— Да, так или иначе, а убить его необходимо, — подхватил Джеймс. — Только кто из нас это сделает? Жалко, что мы его не пристрелили, когда он удирал от нас. Это было бы в самую пору. Теперь, когда я поостыл, мне не хочется этого делать.

Как ни гнусны были эти негодяи, им не хотелось хладнокровно убить человека. Они решили, что Конго должен умереть, но ни один из них не желал убить его своими руками.

После долгих пререканий и споров брату ван Ормона пришла вдруг в голову блестящая мысль. Он предложил отвести пленника к озерку, находившемуся в ущелье на некотором расстоянии отсюда, привязать к дереву и оставить там на всю ночь.

— Я каждое утро вижу там львиные следы, — сказал он с дьявольской усмешкой. — Головой ручаюсь, что мы найдем завтра вместо этого черномазого лишь пятна крови.

Такой план всем понравился, и перед заходом солнца они освободили Конго от пут, свели вниз по узкой

долине и крепко привязали к деревцу, росшему у самой воды.

Чтобы его не услышал и не освободил какой-нибудь случайный прохожий, они сунули Конго в зубы палку, а концы ее, торчавшие по углам рта, закрепили с обеих сторон куском ремня и тугим узлом стянули ремень у него на затылке.

Проверив прочность этого кляпа, жестокие тюремщики насмешливо раскланялись со своим пленником, пожелали ему «всего хорошего» и зашагали к лагерю.

Глава LXXI

СХВАТКА У КОСТРА

Виллем с тревогой ждал наступления утра и обещанного прихода Конго.

Но наступило утро, потом день, а Конго все не было. Виллема охватило нетерпение, и он не мог больше оставаться в лагере.

— Ждать больше нельзя! — воскликнул он, увидев, что солнце клонится к закату. — Мы не должны сидеть сложа руки. Что, если Конго просто не может прийти? Конечно, не может, а то он давно был бы здесь. Мы должны его разыскать. Только незачем ехать всем сразу. Гендрик, едешь со мной?

Гендрик охотно согласился. Оба сели на лошадей и двинулись к дому ван Ормона.

По тому, как вел себя в последний раз Конго, Виллем понял, что его посещения фермы нежелательны. Вероятно, Конго думал, что они помешают его планам и навлекут на него подозрения.

Однако Виллем решил, что попытается еще раз увидеться с кафром.

Конго нарушил обещание, и это доказывало, что с ним что-то произошло.

Теперь, когда они снова посетили минхера ван Ормона, этот джентльмен не стал с ними церемониться и откинул в сторону всякую вежливость.

— Шерномазый негодяй, которого вы зовете Конго, — сказал он, — ушел отсюда вшера ночью. Мы думали, он с вами. Когда вы его опять найдете, шаберите его к шорту, если хотите, и там его и оставьте.

— Как ты думаешь, он действительно ушел от бура? — спросил Виллем Гендрика, когда они отъехали от фермы ван Ормона.

— Да, — ответил Гендрик, — я не вижу оснований не верить этому.

— Но почему Конго не пришел ко мне, как обещал?

— Вероятно, у него была для этого веская причина.

— Хотел бы я знать, куда он пошел?

— На это ответить нетрудно, — сказал Гендрик. — Кажется, я могу тебе сказать, и не глядя на компас. Он находится на севере от нас и чуть-чуть к востоку.

— С чего ты это взял?

— А с того, что именно в этой стороне мы встретили двоих всадников на другой день после пропажи жирафов. Больше того: мы можем с уверенностью сказать, что они не на юге, потому что эти люди нарочно направили нас на юг, чтобы сбить со следа.

Виллем, слишком взволнованный, чтобы вернуться в лагерь ни с чем, предложил проехать по равнине на северо-восток, рассчитывая что-либо узнать о Конго Гендрик согласился. Отъехав к югу от дома ван Ормона примерно на милю, они повернули, объехали его вокруг и направились на северо-восток.

Они не очень надеялись натолкнуться на того, кого искали, но бездействие томило их, а так как предположение Гендрика не лишено было смысла, то они за него ухватились.

Проскакав миль пять по равнине, охотники заметили несколько холмов, неясно вырисовывавшихся на северо-востоке. До холмов, видимо, было мили четыре.

— Подходящее местечко, чтобы укрыть там наших жирафов, — заметил Гендрик. — Не прятать же их на ровном месте! Если мы их там не найдем сегодня вечером, то поделом нам, что они пропали.

Солнце садилось, когда путешественники достигли гребня первой гряды холмов. Взглянув назад, на дорогу,

по которой только что ехали, они увидели, что какой-то всадник пересекает равнину на расстоянии мили от места, где они остановились.

— Последим за этим человеком, но так, чтобы не выдать себя, — сказал Гендрик. — Может быть, мы найдем то, что ищем. Если только это не один из воров, то уж наверняка посланец от ван Ормона. Судя по тому, как ведет себя этот бур, я теперь твердо убежден, что жирафов у нас украли, а ван Ормон и есть вор.

Укрывшись среди деревьев, охотники спешились и, привязав лошадей, стали следить за всадником, приближавшимся со стороны равнины.

В сумерках им было видно, как он медленно поднялся на холм несколько восточнее от них и, идя по гребню, направился к следующему холму.

Стало темно, и, чтобы не потерять его из виду, надо было бы подъехать к нему совсем близко.

Это было опасно: вдруг он услышит стук лошадиных копыт? Охотники подождали, пока он уехал далеко вперед, а затем медленно и бесшумно направились в ту же сторону, надеясь, что счастливый случай наведет их на его след.

И случай помог им.

Поднявшись на холм в полумиле от места, откуда они в последний раз видели всадника, они заметили костер, горевший, видимо, в самом низу долины. Виллем с Гендриком спешились, привязали коней к деревьям и, крадучись, пошли к костру.

По мере того как охотники приближались к нему, он становился все больше, все ярче.

Они подходили ближе и ближе, нисколько не рискуя, что их заметят, пока наконец не разглядели троих людей, сидящих у костра. Те были, по-видимому, всецело поглощены разговором

Если бы не тот всадник — он уже повернул назад, к ферме ван Ормона, — Виллем и Гендрик, вероятно, долго блуждали бы меж холмов, так и не заметив ничего, что вознаградило бы их за поездку. Но теперь они увидели нечто такое, что Виллем весь задрожал от радости и едва удержался, чтоб не вскрикнуть.

Подозрения Конго, основанные на инстинкте или на логике, оказались не пустой выдумкой. Привязанные к дереву у ярко пылающего костра, стояли два жирафа-детеныша. Они не забрели куда-то, их просто украли.

Оба охотника стали торопливо совещаться. Необходимо вернуть жирафов, но как это сделать? Им не хотелось отстаивать свои права с риском для жизни, но они не хотели также без особой необходимости убивать тех, кто их обокрал.

Украденные жирафы были спрятаны среди крутых холмов милях в десяти к северу от крааля бура.

— Дадим им возможность спасти свою жизнь, — сказал Виллем. — Если они мирно вернут украденных жирафов, мы их отпустим. Если нет, я застрелю их без пощады. Мы сами будем судить их. За сотню миль отсюда не найдешь ни суда, ни магистрата.

Пока они поспешно обдумывали план действий, трое людей, сидевших вокруг костра, стали готовить себе ужин.

Виллем и Гендрик обменялись еще несколькими словами, и план был готов.

Они взвели курки своих ружей и, плечом к плечу, неслышно двинулись вперед. Скрытые за деревьями, они подошли шагов на десять к ничего не подозревающим ворам и внезапно вышли на свет.

— Ни с места! — громко и повелительно крикнул Виллем.— Первый, кто шевельнется, умрет, как собака!

Человек, которого звали Джеймс, рванулся было за ружьем, лежавшим поблизости.

— Ни с места, если вам жизнь дорога! — крикнул охотник.

Это предостережение пропало даром: человек схватил ружье и мгновенно прицелился. Но прежде чем он успел спустить курок, прогремел выстрел Виллема, и вор упал головой к костру.

Брат ван Ормона разделил участь приятеля; он тоже попытался было оказать сопротивление, но Виллем пресек попытку, ударив его прикладом своего громобоя. Третий из воров не стал дожидаться такой же участи и пустился наутек, да так быстро, что не всякая лошадь догнала бы его.

Охотники подобрали ружья всех троих воров, разрядили их и разбили в щепы о деревья. Жирафов отвязали и отвели туда, где остались лошади охотников. После этого Виллем с Гендриком вскочили в седла и, ведя за собой жирафов, направились к лагерю, где их ждали друзья.

Судьба двоих людей, которых они бросили возле костра, так и осталась неизвестной нашим охотникам. Впрочем, она и не интересовала их. Покидая это место, они видели, что ни один из этих людей не был ранен смертельно, а так как оставался еще третий, который мог о них позаботиться, то, вероятно, они здравы; во всяком случае, Виллем и Гендрик на это надеялись.

Глава LXXII

ВСЕ СНОВА В ПОРЯДКЕ

Привязанный к дереву, с кляпом во рту, всеми брошенный, Конго понимал, что никто не избавит его от пут, разве только какой-нибудь хищный зверь.

Он не сомневался, что, бросив его здесь, люди не вернутся, чтобы его освободить. В голове его теснились невеселые мысли. Такие мысли могут быть у больного, которому врач заявил, что нет надежды на выздоровление.

Конго был не из тех, кто плачет от страха перед смертью; однако его мучила другая, пожалуй не менее тягостная мысль: он горевал, что больше не увидит

своего любимого хозяина и не сможет сказать ему, что жирафы нашлись.

Он даже подумал в ожидании своей неизбежной участи, что встретил бы смерть спокойно, если бы каким-нибудь образом мог сообщить Виллему, где спрятано его сокровище.

Прошел час, и тьма сгустилась вокруг Конго. Наступила ночь.

Несколько зверей, по-видимому антилопы, пришли к озерцу напиться.

Вслед за ними появились шакалы. Вот-вот, думал Конго, придут и другие гости — гости, которые уйдут лишь тогда, когда со всей жестокостью положат конец его плену.

А еще через полчаса глаза Конго, пронизывавшие темноту, завидели какое-то четвероногое. Что это за животное, он не знал. Если судить по величине, это мог быть леопард. Медленно и бесшумно зверь подбирался к Конго.

Он придвинулся ближе, и в то мгновение, когда Конго показалось, что зверь сейчас бросится на него, тот заскулил. Конго узнал Следопыта!

Сердце Конго наполнилось радостью. Верный пес жив и не покинул его! Если ему суждено умереть, он умрет возле самого преданного друга, какого только может человек найти среди четвероногих. На время Виллем и жирафы были забыты.

Когда собака была совсем близко, Конго увидел, что она ковыляет на трех ногах, поджав четвертую, и книзу от плеча шерсть у нее вся в пятнах запекшейся крови.

От радости, что видит хозяина, Следопыт, казалось, забыл о своей ране. Никогда в жизни Конго так не хотелось говорить. Но кляп во рту мешал ему. Он не мог сказать ни одного ободряющего слова существу, которое, невзирая на собственные страдания, его не покинуло. Он знал, что собака ждет знакомых звуков его голоса и смотрит на него с укором — почему он молчит?

Конго не хотел, чтобы даже животное сочло его неблагодарным, но он не мог объяснить Следопыту причину своего молчания.

Вскоре после появления собаки Конго услыхал ружейный выстрел. Кафру, с его острым слухом, звук этот показался знакомым. Он был очень громкий, совсем как выстрел из громобоя его хозяина. Но откуда взяться здесь Виллему? Нет, это, наверно, не он. За выстрелом последовало несколько минут полной тишины, затем еще три выстрела подряд, и опять воцарилась тишина. Прошло минут пятнадцать, и вверху на холме послышался стук копыт: по гребню хребта ехали всадники. Конго услышал их голоса, сливавшиеся с тяжелым конским топотом.

Еще немного — и они проедут мимо.

«Воры, — подумал Конго. — Они уходят на другое место».

Всадников отделяло уже не больше ста ярдов от дерева, к которому он был привязан, а когда они поравнялись с ним и Конго уже не сомневался, что они минуют его, не заметив, он услышал вдруг какую-то возню и слова: «Остановись на минутку, Гендрик. Моя лошадь очутилась по одну сторону дерева, а Тутла — по другую».

Голос принадлежал Виллему, а Тутлой звали одного из жирафов!

Конго сделал отчаянное усилие вытащить руки из ремней или освободиться от кляпа, распиравшего рот, но все напрасно.

Не было, казалось, никакого средства поднять тревогу, дать знать друзьям, что он тут, совсем близко. Конго не мог ничего придумать.

Они оставляют его одного! Вернутся в Грааф-Рейнет, а он умрет, привязанный к дереву или растерзанный дикими зверями. Он чуть не обезумел от отчаяния, как вдруг его осенило.

Сам он не мог говорить, но почему собаке не сделать этого вместо него?

Ноги у него были свободны, и Конго, подняв ногу, дал пинка Следопыту что было сил.

Бедный пес скорчился и тихо взвизгнул. Его нельзя было услышать и за тридцать шагов.

Конго снова поднял ногу и пнул в ребра несчастного

пса, который даже не увернулся и снова безропотно принял удар.

Единственным ответом был тихий, жалобный вой, словно Следопыт хотел сказать: «За что ты меня, хозяин? Что я тебе сделал?»

И в ту самую минуту, когда нога Конго поднялась в третий раз, громкий, протяжный рык потряс воздух. То рычал голодный лев, появившийся всего в нескольких шагах от Конго.

Следопыт мигом вскочил на ноги и ответил царю зверей громким, вызывающим лаем.

Верный пес, который ничем не выразил протеста против жестокости своего хозяина, готов был защитить его от любого врага.

Лай Следопыта не похож был на лай других собак, и наши охотники сразу узнали его.

Еще мгновение — и Конго с радостью услышал топот лошадей, рысью спускавшихся с холма, и его окликнул голос Виллема!

Когда его развязали и вынули кляп изо рта, первое, что он сказал, были слова извинения перед Следопытом за те удары, которые он ему нанес.

Бессловесный пес так шумно проявлял свою радость, что можно было подумать, будто он принял эти извинения и искренне простил своего хозяина.

Виллем заставил Конго, который в течение полутора суток оставался без пищи, сесть на его лошадь. Тот согласился, но лишь при условии, что ему позволят взять и Следопыта.

Охотники немедленно тронулись с места и на другой день рано поутру добрались до лагеря, где их ждали Ганс, Аренд и остальные спутники.

Увидев их, да к тому же вместе с жирафами, Черныш на радостях заявил, что никогда больше не назовет Конго дураком. И действительно, он этого обещания ни разу не нарушил.

В полдень они двинулись к Грааф-Рейнету. Дня три Следопыт ехал на спине быка, с удобством расположившись в большой корзине, сплетенной Конго специально для него.

Глава LXXIII

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Однажды вечером после долгого перехода путешественники оказались всего в нескольких милях от дома. Еще час, два езды добрым галопом — и они снова увидят родных и друзей, с которыми так долго были в разлуке.

Аренду и Гендрику не терпелось поскакать вперед, но ни один из них не решался предложить это другому.

Как же велика была их досада, когда они увидели, что Ганс и Виллем остановились у дома какого-то бура, готовясь у него заночевать!

Они делали это с такой беспечностью, словно находились в сотнях миль от дома.

Оба они, и Виллем и Ганс, обладали изрядной долей старомодной голландской мудрости, а она подсказывала им, что ни при каких обстоятельствах нельзя забывать о милосердии к животным, которые столь долго и столь преданно им служили.

На другой день, рано утром, когда охотники на пути домой проезжали через Грааф-Рейнет, горожане вышли из домов, чтобы поздороваться с ними.

Почти все здешние жители глазели на жирафов с не меньшим удивлением, чем четверо макололо на шпиль городской церкви.

Не было ни одного человека старше десяти лет, который не слышал бы о том, что наши любители приключений несколько месяцев назад отправились в экспедицию. Все знали, для чего она была предпринята, и, разумеется, большинство предсказывали им такую же неудачу, какая постигла стольких опытных охотников.

— Мы возвращаемся домой с почетом, — сказал Гендрик своим спутникам, когда увидел, как восторженно приветствуют их жители Грааф-Рейнета.

— Да, и этим мы обязаны настойчивости Виллема, — заметил Аренд.

— Не думаю, чтобы я проявил какую-то особенную настойчивость, — сказал Виллем. — Я стремился домой не меньше, чем любой из вас, мне только не хотелось

Жители Грааф-Рейнета с удивлением глазели на жирафов.

вернуться без пары жирафов-детенышей. Вот и вся разница между нами.

Ответа на его слова не последовало. Все ехали молча, размышляя о великодушии Виллема.

Наши путешественники, бывало, и дольше отсутствовали, но никогда еще родной дом не казался им дороже и никогда раньше их не встречали так тепло, как в этот раз.

Две молодые девушки, Трейи ван Блоом и Вильгельмина ван Вейк, встретили своих женихов с восторгом и были так прямодушны, что не скрывали этого.

Конго и Черныш старались вознаградить себя за перенесенные лишения тем, что важничали перед остальными работниками и слугами, а также тем, что ели, пили и спали больше чем когда-либо.

Виллему предстояло еще одно путешествие. Он провожал Ганса до Кейптауна, откуда тот направлялся в Европу; кроме того, он должен был передать жирафов голландскому консулу. Впрочем, отправился он туда лишь после того, как сам отдохнул месяц и дал отдохнуть жирафам и лошадям.

Все это время родные наших молодых друзей в обеих семьях относились к макололо с величайшей добротой. Когда макололо собрались вернуться на родину, каждому подарили коня, ружье и костюм. Кроме того, Виллем послал в подарок своему великодушному другу и покровителю Макоре кое-какие полезные вещи.

До отъезда в Европу Ганс пожелал присутствовать на двух весьма торжественных церемониях, которые должны были рано или поздно состояться и в которых обе семьи — ван Блоомов и ван Вейков — так или иначе были заинтересованы. Но Гансу не терпелось отправиться в путь, а Гендрику с Арендом это обстоятельство пришлось как нельзя более по душе.

Таким образом, Трейи и Вильгельмину уговорили ускорить тот день, который сделал обоих молодых офицеров счастливейшими из людей.

На другой день после двойного бракосочетания Виллем и Ганс пустились в путь. Они везли в Кейптаун жирафов и слоновую кость, добытую на севере.

Животные, которых они с таким трудом поймали, затратив на это так много времени, были переданы консулу и солидная награда получена. Жирафы стали пассажирами того же корабля, который увозил молодого философа в Европу.

Виллем расстался с Гансом и жирафами перед самым отплытием корабля и сразу же отправился назад, в свой далекий Грааф-Рейнет. Там он живет и по сей день, стараясь проводить время в мирных занятиях; однако эти намерения для него трудно выполнимы — отчасти в силу его неуемной жажды приключений, а отчасти потому, что его изводят своими приставаниями юные Ян и Клаас. Раззадоренные рассказами старших братьев, они страстно мечтают бросить охоту за знаниями и отправиться на охоту за дичью.

Гендрика и Аренда больше не тянет к этому виду спорта. Им теперь мил домашний очаг, и они с радостью уступают своим младшим братьям удовольствие провести несколько месяцев за пределами колонии, чтобы заслужить, как заслужили они сами, почетное право называться Охотниками за жирафами.

ЮЖНОАФРИКАНСКАЯ ТРИЛОГИЯ МАЙН РИДА

Романы Майн Рида «В дебрях Южной Африки», «Юные охотники» и «Охотники за жирафами», написанные в разное время, составляют своеобразную южноафриканскую трилогию, объединенную общим местом действия и действующими лицами. В первом романе это дети и подростки. В последнем — молодые люди, определившие свое место в жизни: Ганс ван Блоом становится ученым, Гендрик и Аренд — офицеры, Виллем — рачительный хозяин. Выросли и вышли замуж девочки Трейи и Вильгельмина.

Но не развитие героев, не их жизненный путь, не их душевный мир занимают писателя, не они составляют главную тему и основной интерес его книг.

О том, что происходит с его героями в долгие годы, охваченные повествованием (а это, видимо, свыше десятка лет), мы узнаем только из торопливых заметок. Их охотничьи приключения, описанные подробно и ярко, укладываются в несколько дней. Но сколько за эти дни пережито, перечувствовано и, главное, сколько увидено нового!

В форме увлекательных охотничьих повестей (нередко изобилующих маловероятными подробностями вроде льва, застреленного в печной трубе, или Черныша на ноге у слона, или, наконец, скачки на носороге) Майн Рид поведал своим юным читателям, жадно ждавшим его книг во всех уголках земли, о новой стране, только открывавшейся в те годы перед путешественниками и учеными, — о Южной Африке, о ее мертвой и живой природе, о ее народах, ее климате.

Работорговцы и колонизаторы узнали Южную Африку за-

долго до людей науки. С незапамятных времен она была известна мореходам и купцам: из ее неведомых глубин тянулись нескончаемые вереницы невольников; караваны носильщиков влачили к берегам слоновые бивни; диковинные животные Южной Африки, оторванные от родных вод и лесов, украшали зоологические сады и цирки Европы. Охотники за невольниками, за золотом, за алмазами, за слоновой костью снаряжали свои разбойничьи экспедиции в ее таинственные области. Немало их полегло там от руки смелых темнокожих воинов. Португалия, Голландия, Франция, Англия спорили из-за Южной Африки. В середине XVII века колонисты-буры (голландские переселенцы) вместе с переселенцами-гугенотами из Франции прочно обосновались в опорных прибрежных пунктах Южной Африки и начали продвижение в глубь страны. Буры создали огромные скотоводческие хозяйства, богатые фермы. Они обратили в рабство народы Южной Африки — бушменов и готтентотов — и завязали войну с кафрами, сильным и хорошо организованным союзом племен. Трусливо отступили буры перед отпором зулусов и двинулись снова в глубь материка, опираясь на помощь англичан, которых они сами ненавидели.

А в глубинах страны кипела отчаянная борьба между африканскими народами, среди которых в начале XIX века выдвинулся могучий племенной союз зулусов.

Только после полувековой борьбы зулусские воины вынуждены были отступить под натиском англо-бурских войск, снаряженных по последнему слову европейской военной техники, руководимых опытными английскими полководцами и лучшими бурскими фельдкорнетами — знатоками партизанской африканской войны.

Народы Южной Африки, разъединенные, преданные, вовлеченные в отчаянную схватку с бурами и англичанами, теряли свои земли, свой скот, свои богатства, погибали в страшных побоищах, в которых пушки и винтовки европейцев за несколько минут уничтожали тысячи воинов, шедших в бой со щитами из буйволовой кожи и своим примитивным оружием. Разбой, смерть и порабощение царили в Южной Африке. Преступления колонизаторов усугублялись бесконечной братоубийственной резней среди африканских народов, свирепыми массовыми расправами, которыми вожди враждовавших племен стремились упрочить свое шаткое положение.

Но тогда же, в середине прошлого века, в страны Южной Африки проникла мирная армия ученых и путешественников, глубоко сочувствовавших ее народам, погибавшим от руки европейцев и истекавшим кровью в несчетных племенных распрях. Десятилетие за десятилетием двигались географы, натуралисты, зоологи, этнографы все дальше и дальше, изучая бескрайный «вельд» Южной Африки — территории буров — и дальше — ее пустыни, ее гигантские речные артерии, ее горы, ее кустарники, переходящие в леса

Многие из подвижников науки заплатили жизнью за свое благородное стремление заполнить на карте эти белые пятна. Так было, например, с Ливингстоном, великим английским путешественником, отдавшим свою жизнь изучению и описанию Африки.

Книги Рида привлекательны прежде всего пафосом открытия неведомых стран и народов, узнаванием новых и новых тайн природы, неистребимым и высокочеловечным любопытством к жизни деревьев, трав, зверей, птиц — всего, что окружает человека и что ему в конце концов и принадлежит. Пейзажи, звуки, запахи Южной Африки окружают читателя в книгах Майн Рида, становятся реальным миром, который так мастерски умел изобразить этот страстный жизнелюбец. Умный друг животных, Рид неистощим в богатстве словаря, в оттенках красок и выражений, когда он описывает слонов, жирафов, гиен, носорогов, птиц и насекомых Африки. Тем более приходится удивляться великолепной фантазии славного капитана, когда вспомнишь, что эти описания — только пересская прочитанного или результат долгих часов, проведенных в Лондонском зоологическом саду. Там наблюдал капитан жизнь и повадки бедных затворников, а его пламенное воображение дорисовывало все остальное: поля, предгорья, кустарник, великие реки, пламенные закаты, бесстрашных охотников.

Талант сделал свое дело. Не все ли нам равно, откуда почерпнул Майн Рид свои сведения? Важно то, что он стал первым поэтом огромной области Африки, почувствовал ее очарование и ее трагедию, о которых со временем будет столько написано крупными писателями XX века.

Недаром первый роман посвящен детям друга Майн Рида — Лайоша Кошута, венгерского революционного деятеля 1848 года. Легко можно себе представить, как Майн Рид рас-

сказывал свои охотничьи были и небылицы «юным дорогим друзьям — Францу, Лайошу и Вильме», трем венгерским детям, мечтавшим в хмуром Лондоне о солнечном Будапеште. Из этих рассказов создавалась книга-игра, в которой слушатели Майн Рида чувствовали себя соучастниками.

Но это были дети революционера, и потому герои книги — тоже дети борца за свободу и независимость буров, дети бывшего фельдкорнета ван Блоома, вынужденного покинуть родину, так как он не желал примириться с ненавистным ему английским господством. И это было понятно детям венгерского эмигранта, знавшим и горечь изгнания и тоску по родине.

Бурская семья, описанная в романе Майн Рида, относится к той части бурского народа, который в 30-х годах XIX века покинул насиженные земли, гонимый хозяйничанием англичан. Англичане появились в Капской колонии в конце XVIII века, отняв ее у Голландии под тем предлогом, что Голландия, завоеванная в те годы революционной Францией и называвшаяся «Батавской республикой», находилась в состоянии войны с Англией. Они ввели свои порядки, разогнали бурское самоуправление, начали душить буров податями и налогами, навязали им свои гарнизоны. Наткнувшись на сопротивление буров, англичане — отнюдь не из филантропических побуждений — ликвидировали рабство в Капской колонии, разорив этим значительные круги буров-скотоводов.

Попытки восстаний против англичан были жестоко подавлены. Капская колония увидела виселицы, на которых качались тела бурских патриотов. И вот буры потянулись прочь от старых поселений — в глубину материка, туда, где не было еще английских чиновников и солдат. Начался бурский «трек» — переселение буров. После двадцати лет упорной борьбы и с англичанами, и с местными народами бурам удалось создать вдалеке от Капской колонии два новых независимых государства-республики: Трансвааль (1853) и Оранжевую (1854). Английское правительство, отвлеченное войной с народами Южной Африки и Крымской войной, на время умерило свои посягательства на свободу буров. Видимо, вольнолюбивый Майн Рид, ненавидевший захватническую политику Англии, был доволен исходом этой борьбы скотоводов и фермеров против могучей империи и сочувствовал их победе. Недаром первый роман его трилогии появился как раз в это время (1855). Воз-

можно, что он был знаком с некоторыми сторонниками свободы буров, действовавшими внутри Англии.

Только через полвека, когда писатель уже давно был мертв, англичане добрались до новых бурских республик и покорили их в кровавой англо-бурской войне (1900—1902), вызвавшей волну сочувствия к бурам во всем мире, в том числе и у нас в России.

Косвенно изображая англо-бурские отношения 30-х годов XIX века, Майн Рид находит немало резких слов для осуждения грабительской политики и англичан и самих буров. Если писатель не без уважения отзывается о скотоводческой и охотничьей сноровке ван Блоома, то только потому, что это труд, а не грабеж, а к труду Майн Рид всегда относился уважительно. Зато с откровенным презрением пишет он не только об угнетательском режиме англичан в Капской колонии, но и о шайке ван Ормона, в которой совместно действуют и буры и англичане, мучающие благородного кафра Конго и преследующие героев книги — молодых охотников за жирафами.

Нет, герои Майн Рида — не захватчики и не беспощадные авантюристы, проникающие в чужие страны для разбоя и насилия. Как лучший из них — Ганс ван Блоом, — они патриоты, горячо любящие свой край и желающие получше узнать его, помогающие Гансу собрать его коллекции и пополнить его знания о Южной Африке. И очень характерно, что они, потомки голландских колонистов, сознают свою связь с Голландией, смотрят на нее как на свою далекую родину. Майн Рид учит быть верным своей родине в любых условиях, не отказываться от своего национального достоинства.

С интересом и сочувствием показан мир народов Южной Африки. «Романтические дикари», как сам Рид называет Конго, особенно поэтичны и человечны в сравнении с бурскими делягами, бандитами и скотоводами-скопидомами. Сколько привлекательного и величественного в Конго, так вдохновенно описанном во втором романе! Разве он не запоминается ярче, чем сам ученейший и достойнейший Ганс? И разве в Черныше, о котором Майн Рид пишет с дружеской улыбкой, не больше жизни, чем в старом ван Блооме? Возможно, писатель этого и не хотел, но потомки оскорбленных, униженных, вымиравших народов Африки в его романах выглядят неизмеримо более значительными людьми, чем их белые господа. Во всяком случае,

это достоинство книг Майн Рида. С нескрываемым увлечением повествует он о жизни племен народов Африки, о неисчерпаемом богатстве их типов, обычаев, племен.

И здесь мы подходим к самой важной стороне всей южноафриканской трилогии Майн Рида. Бурские юноши и их слуги вовлечены косвенно и ненадолго в бурю трагических событий, которые в середине века всколыхнули Восточную и Южную Африку. Имена африканских вождей, упомянутые в третьей книге Майн Рида — Мосиликатсе, Чака, Себитуане, Ма-Мочисане, — не выдумка писателя, как и война макололо с матабили. Это отголоски подлинной истории Южной Африки, вершившейся в те годы. Великая зулусская военная держава, железом и кровью скрепленная непобедимым Чакой [1] из нескольких покоренных им племен, была опасна не только для англичан, которые справились с нею после длительной и трудной борьбы, но и для многих африканских народов. Народ матабили, родственный зулусам, оставил свою землю, видя, что иначе ему не выстоять против копьеносных фаланг Чаки и его инкоси — полководцев. Уходя все дальше от орбиты, в которой властвовал Чака и его дом, матабили, двигавшиеся под началом своего вождя Мосиликатсе, действительно столкнулись с народом макололо, во главе которого стоял вождь Себитуане. Обо всех этих славных воинах и политиках черного континента Майн Рид мог знать прежде всего из книг Ливингстона, который прожил несколько лет в водовороте войн, свирепствовавших в том районе Африки не только в 30-х годах, но и позже.

Бурские юноши — только бледные тени на том могучем фоне, который вдруг обнаруживается в третьем романе Рида, когда он касается грандиозной и страшной темы — судьбы народов Африки в XIX веке. Сам писатель не смог ни ощутить, ни понять значения происходящих событий, о которых с содроганием сердца слушал потом мудрый Ливингстон — в то время пленник одного из африканских вождей.

В романе перепутаны и искажены многие события бурной истории Африки этих лет; отзывы Майн Рида о Чаке, Себитуане наивны и часто ошибочны, тон его суждений нередко бестактен.

[1] Жестокость Чаки была сильно преувеличена его противниками, слухи о ней охотно подхватила английская пресса, и Рид ей верил.

Но даже и в таком искаженном виде тема судеб народов Африки захватывает читателя, облагораживает и возвышает последнюю книгу — «Охотники за жирафами». С уважением пишет Майн Рид о львиной храбрости африканских воинов и о патриархальной мудрости их вождей, и эти главы читаются с бо́льшим интересом, чем очередные охотничьи эпизоды романа.

При всем том «Африканская трилогия» — неизмеримо беднее и бледнее, чем ранний свободолюбивый рома́н Майн Рида «Оцеола». Там герой был в самом центре событий, участвовал в них, страдал и горевал вместе с Оцеолой, даже будучи его противником. А бурские юноши — только охотники, случайно подхваченные волной грозных событий и затем благополучно от них уклонившиеся.

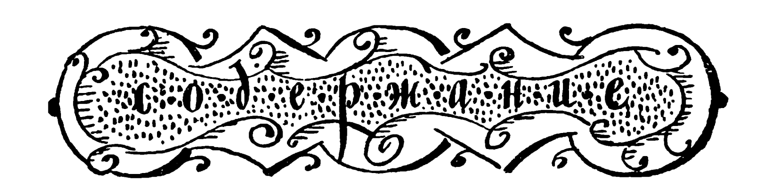
Майн Рид в этих романах часто обращается к своим юным читателям. Сделаем это и мы: наши юные читатели должны помнить, что в огромной и несчастной стране — Южной Африке, впервые в художественной литературе описанной Майн Ридом, — сейчас идет борьба между многомиллионным черным населением — потомками Конго и Черныша — и колонизаторами. Правительство Южно-Африканского Союза [1], как называется сейчас эта страна, — одно из самых реакционных правительств мира. Оно поддерживает и разжигает самые лютые расистские страсти, самый беспощадный полицейский режим. Миллионы африканцев живут в так называемых резервациях, в положении поднадзорных и бесправных отщепенцев.

Майн Рида, видимо, тронула трагедия междоусобной войны, обессилившей народы Южной Африки; эту старую трагедию заслонила никогда не прекращавшаяся борьба народов Африки с иноземными захватчиками — колонизаторами. И, прочитав старые славные книги Майн Рида, надо было бы поинтересоваться новыми книгами о драме наших дней, которая должна закончиться победою потомков Конго и Черныша над вековыми угнетателями.

Р. Самарин

---

[1] Входит в состав Британской империи на правах доминиона.



В ДЕБРЯХ ЮЖНОЙ АФРИКИ

ЮНЫЕ ОХОТНИКИ

ОХОТНИКИ ЗА ЖИРАФАМИ

ИЛЛЮСТРАЦИИ К ТРИЛОГИИ
«В ДЕБРЯХ ЮЖНОЙ АФРИКИ»,
«ЮНЫЕ ОХОТНИКИ»,
«ОХОТНИКИ ЗА ЖИРАФАМИ»

И. Ильинского

ПЕРЕПЛЕТ, ФОРЗАЦ, ТИТУЛ, ШМУЦТИТУЛЫ,
КАРТЫ, БУКВИЦЫ И ОРНАМЕНТАЦИЯ

С. Пожарского

* * * * *

СХЕМЫ ДЛЯ КАРТ СОСТАВЛЕНЫ

Т. Алексеевой

ФРОНТИСПИС, ТИТУЛ, ШМУЦТИТУЛЫ
И КАРТЫ НАГРАВИРОВАНЫ

М. Беловым, С. Латохиным и В. Лопялло

* * * * *

ОБЩИЙ МАКЕТ ИЗДАНИЯ

В. Пахомова

МАЙН РИД

Собрание сочинений, том IV

В ДЕБРЯХ ЮЖНОЙ АФРИКИ
ЮНЫЕ ОХОТНИКИ
ОХОТНИКИ ЗА ЖИРАФАМИ

* * * * * * * * * *

Ответственный редактор *О. А. Лаврова.*
Художественный редактор *В. В. Пахомов.*
Технический редактор *Н. А. Молоканова.*
Корректоры *А. Б. Стрельник* и *Е. Н. Трушковская.*

* * * * * * * * *

Сдано в набор 12/VI 1957 г. Подписано к печати 30/X 1957 г. Формат $84 \times 108^{1}/_{32}$ — 48 печ. л. = 39,43 усл. печ. л. (36,06 уч.-изд. л.). Тираж 300 000 экз. Цена 15 руб.
Заказ № 2589.
Детгиз. Москва, М. Черкасский пер., 1.

* * * * * *

Фабрика детской книги Детгиза. Москва, Сущевский вал, 49.

Государственное Издательство
Детской Литературы
Министерства Просвещения РСФСР

МАЙН РИД

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
В ШЕСТИ ТОМАХ

ТОМ ПЕРВЫЙ

Белый вождь
Квартеронка

ТОМ ВТОРОЙ

Оцеола, вождь семинолов
Морской волчонок

ТОМ ТРЕТИЙ

Охотники за растениями
Ползуны по скалам
Затерянные в океане

ТОМ ЧЕТВЕРТЫЙ

В дебрях Южной Африки
Юные охотники
Охотники за жирафами

ТОМ ПЯТЫЙ

Белая перчатка
В дебрях Борнео
В поисках белого бизона

ТОМ ШЕСТОЙ

Всадник без головы
Мароны

***Все издание намечено осуществить
в 1956—1958 годах***

Майн Рид

1957